

**Церковь Преображения
Господня на острове Киж:
300 лет на заонежской земле**

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник „Кижский“»

**Церковь Преображения Господня
на острове Кижский:
300 лет на заонежской земле**

Сборник статей

Петрозаводск
Издательский центр музея-заповедника «Кижский»
2014

УДК 72С1
ББК 85.113(2)
Ц 44

Печатается по решению научно-методического совета музея-заповедника «Кижы»

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-04-14003)

Составление и подготовка
кандидат исторических наук *И. В. Мельников*

Рецензенты:
кандидат архитектуры *Т. И. Вахрамеева*;
кандидат исторических наук *К. К. Логинов*

Ц44 Церковь Преображения Господня на острове Кижы : 300 лет на заонежской земле : сборник статей / [сост. и подгот. И. В. Мельников] ; М-во культуры Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. учреждение культуры «Гос. историко-архитектур. и этнограф. музей-заповедник „Кижы“». – Петрозаводск : Издательский центр музея-заповедника «Кижы», 2014. – 360 с. : ил. ✓

ISBN 978-5-904203-09-2

Сборник содержит статьи, посвященные изучению выдающегося памятника русского деревянного зодчества – церкви Преображения Господня на острове Кижы. Памятник рассматривается в широком историко-культурном контексте, с привлечением данных истории, архитектуры, этнографии, фольклористики, искусствоведения, археологии, культурологии.

В сборник включены статьи, подготовленные на основе докладов научной конференции, посвященной 300-летию церкви Преображения Господня (Петрозаводск, 3–5 сентября 2014 года).

УДК 72С1
ББК 85.113(2)

ISBN 978-5-904203-09-2

© ФГБУК «Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник „Кижы“», 2014
© Мельников И. В., составление и подготовка, 2014

От составителя

В 2014 году исполняется триста лет выдающемуся памятнику русского деревянного зодчества – церкви Преображения Господня на острове Киж. Этому знаменательному событию российской истории и культуры Государственный музей-заповедник «Киж» посвятил настоящий сборник статей. Издание объединило авторов, работающих в разных областях научного знания: историков, архитекторов, этнографов, искусствоведов, археологов, фольклористов, языковедов. Все статьи так или иначе связаны с Преображенской церковью, ансамблем Кижского погоста, историей Кижей. Такой междисциплинарный подход представляется вполне оправданным по двум причинам. Во-первых, церковь Преображения Господня, как и Кижский ансамбль в целом, возникла и существовала в контексте местной этнокультурной среды, будучи неразрывно соединенной с ней множеством прямых и косвенных связей. Вкусы и пристрастия местных жителей, их финансовые возможности, стремление к постоянному поддержанию своих храмов в «благолепном» состоянии стимулировали изменение внешнего облика ансамбля и внутреннего убранства церквей. Вторая причина обусловлена тем интересом, который представляет собой Заонежье и, в частности, окрестности острова Киж в историко-культурном отношении. Помимо выдающихся памятников культового деревянного зодчества, здесь сформировалась самобытная гражданская архитектура, замечательные образцы которой ныне представлены в экспозиции

музея-заповедника «Киж». В Заонежье были развиты традиции иконописания, зафиксированы выдающиеся факты фольклорной культуры. Большое количество памятников археологии, данные топонимики и полученные недавно палеоантропологические материалы свидетельствуют о сложных этнокультурных процессах, протекавших в этом относительно небольшом районе Русского Севера.

Предлагаемый вниманию читателей сборник включает пять разделов. Первые три из них непосредственно связаны с Преображенской церковью и содержат исторические, историко-архитектурные и искусствоведческие материалы, посвященные разным аспектам изучения храма. Открывают сборник очерк истории Преображенской церкви В. А. и Б. А. Гуциных и статья В. А. Крохина об этапах эволюции Кижского ансамбля. Истории кижского прихода посвящены статьи Л. В. Трифионовой и Р. Б. Калашниковой. Интересный документ по истории Кижей середины XIX века – «Историческое сведение о приходе Кижском» – публикуется А. М. Пашковым. Обзор коллекции фотоматериалов по теме Кижского архитектурного ансамбля представлен Т. Г. Тарасовой. С малоизвестными материалами кижской истории периода финской оккупации 1942–1944 гг. знакомит статья Т. Ю. Дудиновой.

Ряд статей сборника посвящен внутреннему убранству Преображенской церкви. Обстоятельный обзор архивных источников по данной теме Г. И. Фроловой дополняют статьи

В. Г. Платонова и В. Г. Пуцко, посвященные анализу иконописного убранства Преображенской церкви в контексте изучения убранства северно-русских православных храмов.

Весьма интересны материалы раздела, посвященного вопросам сохранения и реставрации Преображенской церкви. Его авторы – практики-реставраторы, которые за время непосредственной работы на памятнике не только накопили интересный производственно-практический опыт, но и сделали любопытные наблюдения, касающиеся технологического аспекта бытования традиций плотницкого ремесла.

Два раздела сборника посвящены изучению историко-культурной среды Кижей. Существенные материалы были получены в последнее время в области изучения первобытной и средневековой археологии Кижей (статьи И. В. Мельникова, К. Э. Германа и А. М. Спиридонова). Рассматриваемые в статье И. И. Муллонен данные топонимики свидетельствуют о присутствии здесь разного в этническом отношении населения, что в последнее время получило подтверждение в исследованиях антропологических материалов с Кижского погоста (статья В. И. Хартановича и И. Г. Широбокова).

Истории Кижей периода позднего Средневековья и Нового времени посвящены статьи С. В. Воробьевой, Ю. Н. Кожевниковой и А. В. Пигина, в которых рассматривается экономическое положение деревень Кижской волости, анализируются социальные отношения сельской поземельной общины Заонежья и вводятся в научный оборот новые исторические документы.

Богатейшему фольклорному наследию Кижей посвящена статья В. П. Кузнецовой, которую органично дополняют исследования былинноведов Ю. А. Новикова и Ю. И. Смирнова, а также материал о преданиях Кижской волости И. И. Набоковой.

В целом рассмотрение церкви Преображения Господня в контексте историко-культурной среды Кижей позволяет говорить о существовании историко-культурного феномена Кижей, что проявляется в исключительном разнообразии местного культурного ландшафта. Здесь на относительно небольшой территории мы можем наблюдать удивительное сосредоточение сформировавшихся в процессе исторического развития явлений и фактов, относящихся к разным областям традиционной культуры. Преображенская церковь, несомненно, является главным компонентом этой системы. Природа данного феномена может быть обусловлена особенностями местного этнического развития, связанного с взаимодействием славянского и прибалтийско-финского населения, со своеобразием ландшафтной среды, которая предопределила благоприятные условия для хозяйственного освоения территории и оказала непосредственное влияние на формирование как самого Кижского архитектурного ансамбля, так и его архитектурного окружения, а также с исключительно большой значимостью православия в народном сознании.

Свой 300-летний юбилей Преображенская церковь встречает в процессе обновления. Очень скоро величественный храм предстанет перед нами во всем своем великолепии. Триста лет он определяет образ Кижей, являясь воплощением северно-русской строительной культуры и народной эстетики. После создания музея значение храма постоянно усиливается, причем не только как главного объекта музейной экспозиции, национального символа, объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО, но и как важного фактора, стимулирующего развитие местной этнокультурной среды. Надеемся, что значение и величие церкви Преображения Господня с течением времени будет только возрастать как следствие разумной и целенаправленной деятельности людей, сохраняющих свои великие национальные традиции.

Из истории Преображенской церкви

В. А. Гущина
Б. А. Гуцин

Очерк истории Преображенской церкви на острове Кизи

История Кижского архитектурного ансамбля прослеживается на протяжении пяти веков (с конца XVII по начало XXI века), отражаясь в источниках разного свойства и характера, предоставляющих исследователям широкий простор для научного творчества.

Материал статьи подготовлен на основе архивных документов и даёт представление о поэтапном формировании знаменитого архитектурного комплекса.

Зодчие на примере церкви Покрова Богородицы, разрушая традицию построения шатровой церкви, заменив шатёр лёгкой девятиглавой короной, создали гармоничное содружество с церковью Преображения Господня.

Колокольня столь же своеобразно ансамблево подчинилась храмам. Её четверик

превзошёл допустимую высоту в связи с его соответствием высотам прирубов Преображенской и четверику Покровской церкви. Это привело к согласованию нижнего объёма всех трёх одновременных строений. Данное решение локального характера уникально. Оно обрело значение завершающего этапа в эволюционном развитии северных колоколен классического типа «восьмерик на четверике».

Таким образом, все объекты Кижского архитектурного ансамбля уникальны, взаимозависимы и неотделимы друг от друга.

На каждом из этих объектов всеильное время оставило свои следы. Сохраняя шедевры, оно утверждает даже их слабости в архитектурно-конструктивном решении (церковь Покрова Богородицы), фиксирует новые варианты и современные изыски декоративного оформления (колокольня).

Поистине на все времена верным остаётся утверждение: «Жизнь традиции не в мёртвом копировании прошлого, а в развитии, развитие традиции – в новации». Так было, есть и будет всегда. Мир обновляется. Вкусы изменяются. В памяти остаются шедевры, являясь отправной точкой для дальнейшего развития, иногда возобновляясь даже через столетия как воспоминание о давно ушедшем времени (церковь Покрова под Петербургом, хоромы царя Алексея Михайловича в Коломенском).

Первое графическое воспроизведение Кижского ансамбля в книге Н. Я. Озерецковского «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому». 1792 г.

Кижский архитектурный ансамбль. Начало XX в. (НАРК)

колокол весом 13 пудов»⁴. В этой книге указаны шатровые типы двух церквей и шатровая колокольня. Таким образом, на погосте стояло три шатровых строения. Именно такими их видели прихожане в то время.

К сожалению, эти древние церкви не сохранились в связи с пожаром, возникшим в самом конце XVII века (1693–1694 гг.) во время грозы от удара молнии. Настоящие церкви и колокольня возведены на их прежнем месте.

Современный вид ансамбль приобрел не сразу. Его формирование происходило постепенно, на протяжении 3 столетий (с 1694 по 1874 год).

Как известно, первой после пожара на Кижском погосте, возникшем в конце XVII века, в период с 1693 по 1694 год строилась зимняя церковь Покрова Богородицы. Это была уже не шатровая, как прежде, а более простая – клетская – церковь. В ней имелся придел, о чем сообщается в переписи Кижского погоста 1696 года: «...а на погосте строит церковь новую, теплую, клетски, во имя Покрова Богородицы. Да в той же церкви построен предел во имя Николы Чудотворца...»⁵. Таким образом, прежде зимняя (теплая) церковь Покрова Богородицы превратилась в летне-зимнюю, или «тепло-холодную», церковь, так как теперь она состояла из холодного храма (собственно церковного

Кижский архитектурный ансамбль, вид с запада. 1920-е гг.

помещения) и теплого Никольского придела, который располагался в трапезной.

Наличие на погосте «двухкомплектной» приходской церкви, по всей видимости, позволило не спешить с возведением главной – Преображенской – церкви, которая была построена только через 20 лет – в 1714 году.

Согласно Метрическому свидетельству, церковь основана в 1714 году: «Въ Алтарь имеется деревянный крестъ, накоемъ надпись: Обложилъ [облыкися?] сей олтарь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Богольпного Преображения Господня по плоти от Рождества Христова АЧДІ года июня 6 дня на память Преподобного отца нашего Висариона при державъ Великого Князя Петра Алексеевича вся великия и малыя и белыя России Самодержць и при Благоверномъ Государь нашемъ Царевичъ Алексее Петровичъ А614 и при Преосвященномъ митрополитъ Иовъ Великого Новограда и Великихъ Лукъ»⁶.

Рядом с двумя такими разнотипными церквями до 1862 года (почти на протяжении 250 лет) стояла старинная колокольня.

Решить сложную задачу приведения строений в единый гармоничный комплекс удалось не сразу. Постепенно, на протяжении 160 лет (с 1714 по 1874 год), зодчие разных поколений старались найти более удачные варианты образа церкви Покрова Богородицы, изменяя ее внешний вид. Так, клетская церковь, по предположению исследователей, в период с 1720 по 1749 год приобрела шатровое завершение⁷.

⁴ Цит. по: Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 73.

⁵ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 16. 1696 г., февраль. Л. 4 об. – 5. (Описная и отказная книга Спасского погоста Олонецкого уезда стольника А. Б. Брянчанинова и подъячего Петра Курбатого.)

⁶ ИИМК. Р-III. № 4217. Л. 1–2. (Метрика для получения верных сведений о древне-православных храмах Божиих, зданиях и художественных произведениях Олонецкой губернии Петрозаводского уезда Кижского погоста. Церковь во имя Преображения Господня. 1887. 23 марта.)

⁷ Крохин В. А. Новое в формировании Кижского ансамбля. Петрозаводск, 2006. С. 23.

Кижский архитектурный ансамбль. 1920-е гг. Из коллекции М. В. Красовского (ГНИМА)

Но и этот вариант не стал последним. Зодчие продолжали свои творческие поиски. Вскоре на церкви сразу и навсегда утвердилось 9-главое завершение, тонко и органично вошедшее в контакт с нарядным многоглавием церкви Преображения Господня. Зодчим потребовалось почти полвека (1714–1764 гг.), чтобы привести в согласие эти два погостских строения. В таком содружестве вместе со старой колокольней они простояли до тех пор, пока не настала пора изменить и привычный образ кижской колокольни.

Это произошло в 1862 году, когда «всем приходом срыли древнюю колокольню»⁸ и поставили новую. Но неудачными оказались ее пропорции, не согласованные с образами двух стоявших рядом церквей. Только после перестройки колокольни через 12 лет, в 1874 году, она обрела свой настоящий вид.

Таким образом, зодчим потребовалось 160 лет, чтобы объединить все три здания в единый архитектурный ансамбль. Творческие поиски безмянных зодчих увенчались успехом. На примере Кижского комплекса прослеживаются все этапы формирования и эволюционного развития деревянного зодчества России: от простейшей клетки к шатровым и многоглавым типам церквей. Можно утверждать, что длительное его формирование завершило эволюционный круг в развитии деревянного зодчества, достигнув своего совершенства.

В начале XIX века, в период с 1818 по 1824 год, в почти 100-летнем возрасте Преображенская церковь не избежала веяний

⁸ НАРК. Ф. 25. Оп. 3. Д. 11/175. Л. 38. (Сведения о состоянии Кижского прихода по указанию предметов ежегодного донесения за 1862 г.)

Кижский архитектурный ансамбль, вид с востока. 1920-е гг. Из коллекции М. В. Красовского (ГНИМА)

нового времени: ее срубы были обшиты тесом, а купола обиты железом⁹.

Естественно, что такое кардинальное изменение облика главной церкви Кижского погоста не могло не отразиться на образах двух других строений. Колокольня изначально с момента своей постройки в 1862 году была обшита тесом. В 1865 году обшивке подверглась и Покровская церковь (при этом главы ее железом не обивались, а сохранили свое традиционное покрытие лемехом)¹⁰. Теперь все три строения стояли под тесовой обшивкой.

Возраст и состояние церкви Преображения Господня к этому времени стали вызывать тревогу. В 1865 году в связи с необходимостью принятия неотложных мер предполагалось произвести ремонт всех 22 глав, перекрыть церковь новым тесом, перестлать полы и поднять осевшие стены на фундамент. С этой целью в 1866 году секретарь Строительного отделения Губернского правления Петров составил план и сметы на ремонт Преображенской церкви¹¹. В том же году, для изыскания средств для предстоящего ремонта, была исходатайствована сборная книга для записи пожертвований разными лицами на поправку церкви по Кижскому приходу¹².

Для проведения крупного ремонта по ходатайству местного причта в 1867 году был

⁹ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 2,35. (Кижская церковь Петрозаводского уезда. Расходная книга за 1818–1824 гг.)

¹⁰ Там же. Д. 1/5. Л. 12. (Отчет о расходовании материалов и суммы на исправление Кижской Покровской церкви с указанием в оном на статьи расхода в книге 1856 г.)

¹¹ НБМЗК. Инв. № 478. Л. 10. (Церковная летопись, составленная церковнослужителями Петрозаводского уезда Кижского погоста с 1-го января 1867 г. с означением сведений о церкви, священноцерковнослужителях, о приходе и прихожанах.)

¹² Там же.

Кижский архитектурный ансамбль. 1938 г.

учреждён комитет по исправлению Преображенской церкви¹³.

В результате ремонта в 1870–1871 годах церковь была «исправлена извне и снаружи»: наружные стены покрыты новыми пилеными досками, паперть покрыта «в два новых тёса», вся церковь окрашена масляной краской, внутренние стены были обшиты тесом и настланы новые полы¹⁴.

По смете предусматривалась в притворе обшивка внутренних стен и устройство потолка. Но согласно указу Олонецкой духовной консистории, обшивка внутренних стен в притворе была отменена, а устройство потолка временно отложено¹⁵.

Ремонтные работы выполнялись под наблюдением подрядчика Евдокима Фалалеева¹⁶.

Кижский архитектурный ансамбль. 1949 г.

¹³ НАРК. Б/н. Л. 62. (Ведомость о церквях Преображения Господня и Покрова Пресвятыя Богородицы Петрозаводского уезда Кижского погоста за 1864 г.)

¹⁴ НБМЗК. Инв. № 478. Л. 13. (Церковная летопись за 1871 г.)

¹⁵ Там же. Л. 17.

¹⁶ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2738. Л. 11. (Материалы из фонда Ларса Петтерссона.)

Кижский архитектурный ансамбль. Вторая половина 1940-х гг.

В ремонтных работах принимали участие крестьяне Кижского прихода деревень Ольхино, Телятниково, Ерснево, Пустой Берег, Липовицы, Волкостров, а также Великогубского и Типиницкого приходов Кузарандской волости¹⁷.

Отметим, что и ранее крупные ремонтные работы производились согласно договорам, заключаемым с подрядчиками: Егором Потаповым (наружная обшивка сруба в 1818 году)¹⁸, Егором Михеевым (обивка церковных глав железом в 1823 году)¹⁹.

Обновление интерьера церкви повлекло за собой и золочение иконостаса. Резной иконостас в Преображенской церкви был установлен в 1770-х годах при участии вологодского резчика Степана Афонасьева²⁰. Для сбора средств для его золочения церковный причт и прихожане обратились с просьбой к епархиальному начальству о выдаче Приглачительного листа на имя крестьянина деревни Волкостров Ивана Никонова. Приглачительный лист Олонецкой духовной консисторией был выдан с разрешения епископа Палладия²¹.

На ремонт церкви и позолоту иконостаса разными лицами производились пожертвования как деньгами, так и натуральными продуктами: печёным хлебом, рожью, овсом, шерстью, полотенцами, холстом во время хо-

¹⁷ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 2/10. Л. 88. (Книга прихода церковных денег по Кижской церкви января 1862 – май 1869 гг.)

¹⁸ Там же. Д. 1/4. Л. 2. (Кижская церковь Петрозаводского уезда. Расходная книга за 1818–1824 гг.)

¹⁹ Там же. Л. 35. (Расходная книга Кижской церкви Петрозаводского уезда 1818–1824 гг.)

²⁰ Там же. Ф. 445. Кн. 250. Л. 58. (Рапорт в следственную комиссию о резчике Степане Афонасьеве, находящемся при строении иконостаса Преображенской церкви. 1770 г., 21 июля.)

²¹ НБМЗК. Инв. № 478. Л. 43. (Церковная летопись за 1871 г.)

дения по приходу с иконами Божией Матери и Всемиловитого Спаса, а также разными процентными бумагами. Пожертвования также поступали из Санкт-Петербурга и Ревеля от местных купцов²².

В 1900 году вся крыша (главы и бочки, полицы) были покрыты чёрным железом и окрашены масляной белильно-медяной краской²³.

* * *

Приходские церкви всегда строились по желанию и на средства прихожан («иждивением и старанием прихожан», «тщанием прихожан и усердием добродотодателей»). Обычно образ будущей постройки мастер согласовывал с заказчиками подробным образом. Это позволяет судить о строительной культуре народа. Впоследствии прихожане регулярно и аккуратно следили за тем, чтобы церковь была «в твердости», утвари в ней было бы «довольное количество» и чтобы «благотепием церковь была украшена хорошо»; заботились об одеянии священнослужителей, о голосистости и красоте колокольного звона.

Известны различные виды сбора средств для «благотепного поновления» церквей, например:

1. Получение займы: «...получено займы листовое железо... от крестьянина Григория Андреева»²⁴, «получено займы железо и 28 гвоздей от пономаря Луки Петрова»²⁵.
2. Поступления по завещанию: «...поступило 60 пудов железа на основании завещания купца Олехина»²⁶; «...двои серебряных сосуда, пожертвованные умершим в Петербурге купцом Ольхиным, с надписанием его... (Елизара и Епистолии) и... вызолочены наследниками того Олехина...»²⁷; «...сосуды... серебряные же высшей пробы и позолочены же также

²² НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 2/10. Л. 64. (Кижская церковь Петрозаводского уезда. Книга прихода церковных денег по Кижской церкви с января 1862 – октября 1866 г.)

²³ Там же. Д. 1/7а. Л. 216. (Ведомости о церкви Преображения Господня и Покрова Пресвятыя Богородицы Петрозаводского уезда Кижского погоста за 1906 г.)

²⁴ ФМК. № 3168. Л. 1. 1815 г. 9 февраля. (Книга счетов Кижского церковного старосты Петра Козьмина за 1815 г.)

²⁵ Там же.

²⁶ НБМЗК. НРФ-1188. Л. 2. (Материалы из фонда Ларса Петтерссона.)

²⁷ ГИМ. ОПИ. Фонд Барсова Е. В. № 450. Д. 696. Л. 86 об. (Исторические сведения о приходе Кижском Петрозаводского уезда.)

Преображенская церковь, вид с востока. 1912 г. Из коллекции М. В. Красовского (ГНИМА)

Преображенская церковь, вид с северо-запада. 1920-е гг. Из коллекции М. В. Красовского (ГНИМА)

Преображенская церковь, вид с юго-востока. 1913 г. Из коллекции М. В. Красовского (ГНИМА)

Вид на колокольню и Преображенскую церковь с юго-запада. 1912 г. Из коллекции М. В. Красовского (ГНИМА)

пожертвованы умершим прихожанином государственным дер. Конды крестьянином Трофимом Титовым...»²⁸.

3. Подарки, пожертвования: «...крестьянин Петрозаводского уезда, Кижского прихода, деревни Шляминской Мирон Егоров Симеонов пожертвовал в Кижскую Преображенскую церковь колокол весом 102 пуда 95 фунтов ценою в 1800 рублей»²⁹; «...особенно почитаемая икона Всемилового Спаса... стояла... в иконостасе самой высокой работы, резном и позолоченным; сей иконостас, стоящий двух тысяч рублей сооружён из усердия умершим государственным Кижского прихода дер. Конды крестьянином Трофимом Титовым; риза на иконе серебряная 84 пробы чеканной работы, позолоченная, весом 13 фунтов, работана в С-Петербурге в 1814 г. на сумму добрых делателей, плачено две тысячи рублей; пред сею иконой подсвечник большой медный посеребрённый, пожертвован С-Петербургским мещанином Корнилом Семёновым Круговым, стоящий 100 рублей и лампада малая серебряная также пожертвованная С-Петербургским купцом Родионом Васильевым Никулиным, стоящая 100 рублей... ризы парчовые стоят около 400 рублей пожертвованы в 1821 году С-Петербургским купцом Родионом Никулиным»³⁰; «пожертвованы средства на приобретение местной иконы Александра Невского в Преображенскую церковь»³¹; «в 1856 году получены из С-Петербурга от крестьян Кижского прихода дер. Телятниково Матвея Яковлевича Вавилина и дер. Кижского острова Северного конца Ивана Васильевича Морозова, присланные ими в Спасо-Преображенскую церковь иконостас с иконою Успения Божией Матери, стоящие около 150 рублей серебром...»³².

4. Пожертвования денежных сумм персонально, а также от неизвестных лиц: «...поступило

²⁸ ГИМ. ОПИ. Фонд Барсова Е. В. № 450. Д. 696. Л. 86 об. (Исторические сведения о приходе Кижском Петрозаводского уезда.)

²⁹ НБМЗК. НРФ-1188. Л. 17. (Материалы из фонда Ларса Петтерссона.)

³⁰ ГИМ. ОПИ. Фонд Барсова Е. В. № 450. Д. 696. Л. 88 об. (Исторические сведения о приходе Кижском Петрозаводского уезда.)

³¹ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 2738. Л. 17. (Материалы из фонда Ларса Петтерссона.)

³² НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 50. (Опись о прибывших вещах, поступивших в Кижскую Преображенскую церковь в 1856–1865 гг.)

от крестьянина дер. Телятниково Тита Михайловича Серого на поправку церкви 200 рублей серебром. На тот же предмет вдова Татьяна Гаврилова Круглова 100 рублей серебром»; «...поступило от неизвестного лица 3 рубля»³³.

5. Пожертвования разными процентными бумагами: «...в 1896 году... крестьянская вдова Кижского прихода... Стефанида Андреевна Моржова пожертвовала на позолоту иконостаса Спасо-Преображенской церкви разными процентными бумагами 1000 рублей серебром»³⁴.

6. Хождением с иконой по приходу: производился сбор зернового хлеба, печёного хлеба, ржи, овса, холста, полотенец холщовых, шерсти с последующей их продажей и выручкой денег («...в мае 1896 года за пожертвованный прихожанами овёс во время хождения по приходу с иконою Всемилостивого Спаса на окраску Преображенской церкви выручено 15 рублей»³⁵; «...13 декабря 1896 года выручено от продажи пожертвованных на украшение храма полотенцев и шерсти 12 рублей»³⁶; «...в июне 1897 года за пожертвованный прихожанами зерновой и печёный хлеб на позолоту иконостаса в Спасо-Преображенскую церковь во время хождения по приходу с иконой Божией Матери выручено 30 рублей»³⁷).

7. Продажа привесов крестиков к иконам: «...в мае 1864 года выручено за проданные... разные привесы крестиков к иконам всего 20 рублей»³⁸.

8. Сборы в кружку: «...в ноябре 1868 года отчислено на исправление Спасо-Преображенской церкви ...высыпанных из кружки с января 1866 года по 1 июня 1867 года записанных на приход 114,55 копеек»³⁹.

9. Использование билетов Приказа общественных призывов: «...в октябре 1867 года...

на поправку... церкви... к 1 декабря остаётся в наличности 881, 88. В том числе два билета Приказа общественных призывов в 800 рублей»⁴⁰.

10. Кошельковый сбор: «...отчислено из кошельковой суммы на исправление Кижской Спасо-Преображенской церкви 100 рублей»⁴¹.

11. Сборная книга. Исходатайствована Сборная книга для записи пожертвований на поправку церкви: «... в 1868 году... на поправку ветхостей в Спасо-Преображенской церкви по Сборной книжке было собрано 404 руб. 62 коп.»⁴².

12. Выдача Приглашительного листа. Для сбора средств на поправку и золочение иконостаса было решено прибегнуть к помощи посторонних благотворителей и просить епархиальное начальство о выдаче Олонецкой духовной консисторией Приглашительного листа⁴³.

Бережное отношение кижских прихожан к своим церквям, умение изыскивать средства, используя для этой цели разные возможности для поддержания их «в благолепии», помогло сберечь эти строения до настоящего времени.

* * *

Интересная страница истории Преображенской церкви связана с ее изучением и постановкой на государственную охрану.

Как известно, внимание к изучению церковного деревянного зодчества России зародилось сравнительно поздно.

Академик В. В. Суслов в 1899 году писал: «До настоящего времени все труды наших ученых и художников по исследованию древнего русского зодчества были направлены только на изучение каменных образцов его, исследование деревянной архитектуры если не совсем, то заметно игнорировали. Академик Даль Л. В... был выдающимся исключением, положив почин серьезному

³³ НАРК. Д. 2/10. Л. 4. (Кижская церковь Петрозаводского уезда. Книга прихода церковных денег по Кижской церкви в январе 1862 – октябре 1866 г.)

³⁴ Там же. Ф. 25. Оп. 2. Д. 26/1720. Л. 386. (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1896 г.)

³⁵ Там же. Д. 72/831. Л. 19. (Книга прихода денежных сумм и капиталов Кижской Преображенской церкви Петрозаводского уезда за 1894 г.)

³⁶ Там же. Л. 30.

³⁷ Там же. Л. 33.

³⁸ Там же. Ф. 699. Оп. 1. Д. 2/10. Л. 32. (Кижская церковь Петрозаводского уезда. Книга прихода церковных денег по Кижской церкви в январе 1862 – октябре 1866 г.)

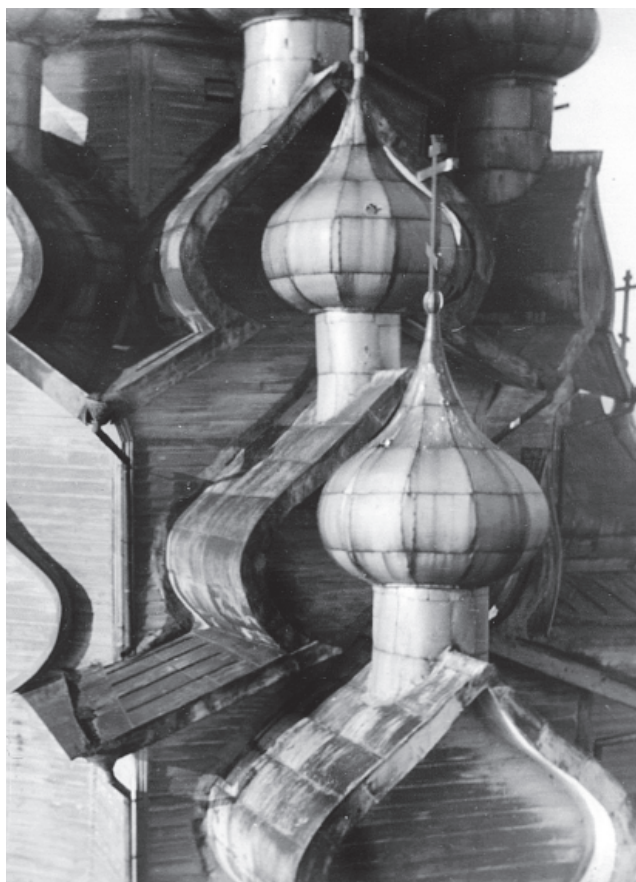
³⁹ Там же. Д. 2/8. Л. 54. (Кижская церковь Петрозаводского уезда. Книга расходов церковных сумм с октября 1857 по 1869 г.)

⁴⁰ Там же. Д. 2/10. Л. 71. (Книга прихода церковных денег по Кижской церкви январь 1862 – октябрь 1866 г.)

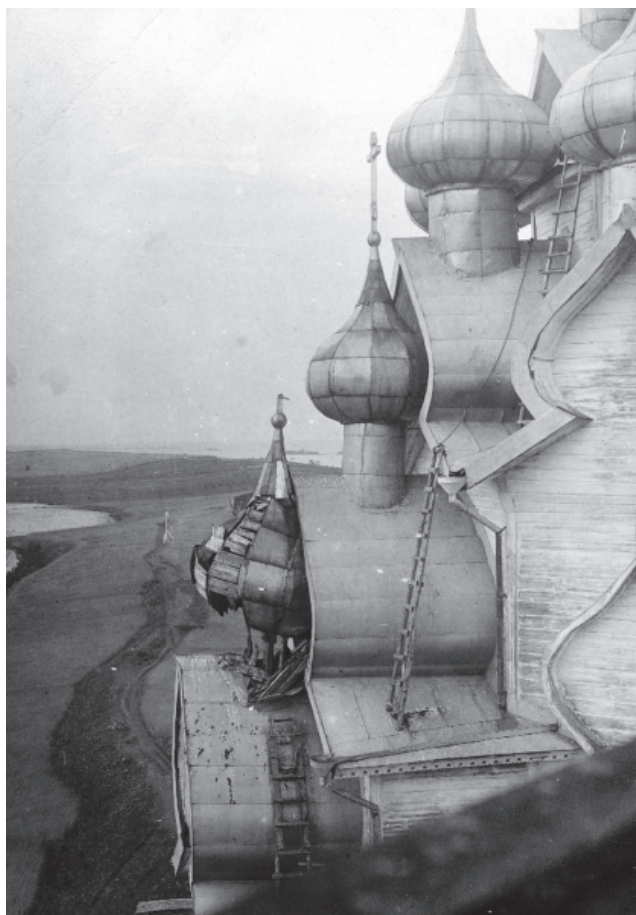
⁴¹ Там же. Ф. 25. Оп. 20. Д. 66/746. Л. 3. (Приходо-расходная книга Кижской Спасо-Преображенской церкви Петрозаводского уезда за 1870–1874 гг.)

⁴² НБМЗК. Инв. № 478. Л. 12. (Церковная летопись, составленная церковнослужителями Петрозаводского уезда Кижского погоста с 1-го января 1867 г. с означением сведений о церкви, священноцерковнослужителях, о приходе и прихожанах.)

⁴³ Там же. Л. 43.

Главки Преображенской церкви, южный ярус. 1920-е гг.
Из коллекции М. В. Красовского (ГНИМА)

Главки Преображенской церкви, западный ярус. 1920-е гг.
Из коллекции М. В. Красовского (ГНИМА)

исследованию памятников деревянного зодчества»⁴⁴.

Предпринятая в 1876 году поездка Л. В. Даля по северным губерниям, в ходе которой он посетил остров Кижы, убедили его в самобытности деревянного зодчества России.

В начале XX века на Север началось паломничество художников и архитекторов: их привлекало то, что еще сохранилось здесь в своей первозданности. Но и Север не избежал обновления: здесь тоже начала проявляться тяга к новизне и небрежное отношение к старине. В связи с этими новыми веяниями, художник И. Я. Билибин в 1904 году призвал беречь от «варварских ремонтов и вандавшегося уничтожения» древние деревянные церкви, убеждая сохранять их «как этнографические реликвии от прошлого времени»⁴⁵.

Именно в таком, обновленном, образе кижские церкви увидели первые исследователи деревянного зодчества России Л. В. Даль (1876 г.), И. Я. Билибин (1904 г.) и И. Э. Грабарь (1909 г.). И тем не менее увиденное их потрясло.

И. Я. Билибин писал: «...нигде мне не приходилось видеть такого размаха строительной фантазии, как в Кижях. <...> Что за зодчий был, который строил такие церкви!»⁴⁶. Вскоре появились почтовые открытки с видами Кижского погоста И. Я. Билибина.

В 1911 году на художественном вернисаже картину художника И. М. Шлуглейта с изображением Кижского погоста приобрел император Николай II.

Выдающийся архитектор М. В. Красовский в 1916 году написал: «Преображенский храм... шедевр, который... смело можно назвать венцом народного творчества, который в истории русского деревянного зодчества должен занять такое же место, какое заняла московская церковь Василия Блаженного в истории каменного зодчества»⁴⁷.

В 1926 году, любуясь кижскими куполами, академик И. Э. Грабарь сказал: «Чем больше

⁴⁴ Суслов В. В. Очерки по истории древнерусского зодчества. СПб., 1889. С. 85.

⁴⁵ Билибин И. Я. Народное творчество Русского Севера // Мир искусства. 1904. № 11. С. 38.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Красовский М. В. Курс истории русской архитектуры. Пг., 1916. С. 292.

всматриваешься в эту несравненную сказку куполов, тем яснее становится, что зодчий, создавший ее, – неподражаемый творец форм и мотивов... группировка этих форм мотивов... мысль, осенявшая зодчего в минуту истинно счастливую»⁴⁸.

Объяснить строительный феномен многоглавия можно тем, что звучный каскад куполов явился ко времени, когда расцвело на Руси стремление к пышности и сказочному изобилию декоративных форм. Именно на этот период приходится время расцвета России, устремившейся к европейской цивилизации, к праздничности и свободе в разных видах творчества. Лишь на время затаилась и вновь проявилась давняя любовь народа к многоглавию, столь звучно заявившая о себе в начале XVII века. Это наблюдение убедительно подтверждают 21- и 22-главые церкви в Анхимове и на острове Кижь. Вовремя приспела пора легендарного мастера Нестора.

Архитектор М. В. Красовский по этому поводу писал: «Многоглавие, кажущееся одним из новшеств начала 18 века, представляет, в сущности, возврат к старине, и притом, к своей собственной, чисто народной, так как... первоначально соборный храм Новгорода, Святая София... имела 13-ть верхов, а некоторые киевские церкви, правда каменные, имели 15, 25 и даже 30-ть верхов. ...Идея многоглавия жила в народе... К сожалению, звенья эти исчезли с лица земли...»⁴⁹.

Остается только пожалеть исследователей, которые не увидели кижских церквей без тесовой обшивки и куполов, обитых железом. С огорчением писал об этом в 1904 году И. Я. Билибин: «...К сожалению, у старшей (церкви Преображения Господня) все купола обиты железом и окрашены в яркий светло-зеленый цвет, а сама она кажется блее снега. Ремонт этот, говорят, совершился совсем недавно»⁵⁰.

Позднее, в 1916 году, М. В. Красовский писал: «В настоящее время храм обшит досками, а его главы, шеи и бочки покрыты железом. В прежнее же время, когда были видны бревна срубов и бочек, когда всюду вместо железа играл

Покровская церковь, вид с запада. На переднем плане сторожка и ворота церковной ограды. 1912 г. Из коллекции М. В. Красовского (ГНИМА)

переливами оттенков лемех, храм должен был производить впечатление воплощенной сказки, хорошо всем с детства знакомой, но каждый раз слушаемой с восторгом и вечно новым интересом»⁵¹.

Постепенно приобретался опыт и навык работы по спасению старинных деревянных церквей в России. К началу XX века источниковая база по их изучению была уже довольно значительной: проводилась огромная работа по сбору сведений и обследованию местных памятников древности, их фотофиксации, а также принимались меры по их сохранению.

С 1912 года Императорская археологическая комиссия установила контроль за ремонтом старинных церквей.

В 1920 году, после установления советской власти, наиболее выдающиеся памятники искусства и старины ставятся под государственную охрану.

И тем не менее как исторический парадокс воспринимается ответ волостной администрации от 1 января 1919 г. в Петрозаводский

⁴⁸ Грабарь И. Э. О русской архитектуре. М., 1969. С. 309.

⁴⁹ Красовский М. В. Указ. соч. С. 289–291.

⁵⁰ Билибин И. Я. Указ. соч. С. 38.

⁵¹ Красовский М. В. Указ. соч. С. 281.

Л. В. Даль

уездный отдел управления на запрос о наличии памятников старины: «Волостной Исполком доводит до сведения, что в пределах Кижской волости памятников старины не имеется»⁵².

Но история рассудила иначе.

2 июля 1920 года Ф. А. Каликин, сотрудник Отдела охраны и регистрации памятников искусства и старины писал: «...мною было произведено обследование церковей Кижского погоста... Всего построек три... Обе церкви, хотя и охраняются приходским советом, но, тем не менее, я предлагаю Отделу выдать Охранные грамоты как на памятники строительного искусства...»⁵³.

Удивляет то, как скоро было выдано Охранное свидетельство. Это произошло через месяц, 11 августа 1920 года (номер свидетельства 1847). В нем сообщалось, что две церкви и колокольня, «...как выдающиеся памятники, находящиеся под охраной Правительства, состоят в ведении Отдела по делам музеев и

охране памятников искусства и старины Комиссариата народного просвещения, не могут видоизменяться и перестраиваться, а также быть занятыми какими-либо учреждениями или лицами без разрешения Отдела, а находящиеся в этих церквах иконы и церковное убранство не могут быть без ведома разрешения Отдела перемещены и не подлежат реквизиции»⁵⁴.

На карте Петрозаводского уезда Олонецкой губернии 1920 года указан Кижский погост с охранным знаком.

В 1937 году Преображенская церковь была закрыта. Таким образом, церковь после 223-летнего регулярного использования прихожанами лишилась своего первоначального предназначения и духовного смысла. Последний ее священник А. С. Петухов вскоре был арестован и расстрелян. Церковные службы были прерваны и возобновились только в 1993 году.

В Постановлении Центрального Исполнительного Комитета КАССР от 9 марта 1937 года говорилось: «Утвердить закрытие Преображенской церкви в связи с тем, что для отправления религиозных обрядов верующих имеется вторая церковь, которая находится в ведении религиозного объединения»⁵⁵. Петиции прихожан в Москву успеха не имели. 25 июля 1937 года из Кремля в Петрозаводск пришло решение, признавшее «вполне правильным Постановление Президиума ЦИК КАССР от 9 марта 1937 года о закрытии Преображенской церкви в деревне Кижы Заонежского района и не подлежащим дальнейшему рассмотрению»⁵⁶. Наркомпросу КАССР было предложено принять церковь от Кижского религиозного объединения в непосредственное ведение Комиссии по охране памятников старины.

В 1939 году кижские церкви были включены в перечень памятников революции, культуры и архитектуры по КАССР, рекомендованных в состав Списка памятников общесоюзно-

⁵² НАРК. Ф. 323. Оп. 1. Д. 4/43. Л. 10. (Переписка с волисполкомами по регистрации памятников старины и искусства.)

⁵³ ИИМК. Ф. 67. Оп. 41. Д. 104/43. 1920. (Анкетный лист на Преображенскую и Покровскую церкви от 2 июля 1920 г. Составитель – Каликин Федор.)

⁵⁴ Там же. Д. 7в. Л. 13. (Копия охранного свидетельства на памятники Кижского архитектурного ансамбля от 11 августа 1920 г.)

⁵⁵ НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 14/83. Л. 14. (Письмо Президиума ЦИКа СССР, Комиссии по вопросам культа в адрес ЦИК КАССР от 27.07.37.)

⁵⁶ Там же.

го значения. Но в связи с войной 1941–1945 годов это произошло только в 1948 году.

* * *

Незабываемый след оставила в истории Кижского погоста Великая Отечественная война.

В первое время со стороны финских оккупантов проявлялось полное пренебрежение к святым вражеским реликвиям. Они занимались грабежами церковного имущества, наполняя иконами, как ценными сувенирами, свои солдатские рюкзаки и отправляя их в Финляндию, где ими начали даже торговать. Они, «...ненавидя все русское и, в частности, церковную символику “рюссей”, считали, что... изъятие икон тоже относится к освобождению Карелии»⁵⁷.

Поводом к совершенно другому отношению оккупантов к доставшимся им вражеским ценностям послужил в немалой степени поступок финского летчика Лаус-Дей Сакселля, получившего 12 ноября 1941 года приказ сбросить бомбы на «высокую старую церковь», расположенную на одном из островов Онежского озера. Как донесла финская разведка, церковь служила русским ориентиром для наведения ударов.

Офицер Саксель с товарищем, поднявшись в небо на двух «Фоккерах», взяли курс на Киж. Величественная картина Кижского погоста на фоне нетронутого, чистого снега его поразила. Следов людей рядом с церквями летчики не обнаружили. Саксель дал товарищу знак «улетаем».

Сразу по прилете на аэродром Саксель доложил командованию все, как было, и начальство с ним согласилось.

На вопрос: «Как бы вы поступили, если бы вы увидели на острове партизан?», бывший военный пилот ответил: «А как поступают, когда в тебя стреляют? Это был 1941 год. Финляндия воевала против Советского Союза. Я бы выполнил приказ». Затем Саксель добавил, что после этого его коллега Ларс Петтерссон в 1942 году получил задание от

И. Я. Билибин

главнокомандующего финской армией Маннергейма «позаботиться» об объектах, прилегающих к Онежскому озеру, которые могли бы представлять интерес для военных. Впоследствии, утверждал Саксель, ни один из таких объектов финнами не был разрушен⁵⁸.

Действительно, вскоре финнам пришлось сменить свое отношение к доставшимся им военным трофеям. Они решили организовать в Карелии «...заботливую охрану церковных атрибутов и зданий...», чтобы «...показать всему миру, что свобода вероисповедания, которую финны представляют... есть прямая противоположность большевистскому времени... и что забота о православии зачтется... как заслуга»⁵⁹.

В кижских церквях проводились службы для финских солдат. Местное оккупированное население стало привлекаться финскими проповедниками к восстановлению часовен и церквей, возобновлению в них службы. Службу вели православные священники на русском языке.

⁵⁷ Из воспоминаний С. Пялси, военнослужащего службы информации, в письме от 26 марта 1942 г. в Комитет научного изучения Карелии. (См.: По обе стороны Карельского фронта 1941–1944: документы и материалы / Сост. А. В. Климова, В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1995. С. 200.)

⁵⁸ Sergelius N. Sillä kertaa lentäjä ei noudattanut käskyä // Carelia. 1999. № 1. S. 148–151.

⁵⁹ По обе стороны Карельского фронта... С. 203.

И. Э. Грабарь

На территорию Заонежья в октябре 1942 года по приказу Ставки главнокомандующего финской армией Маннергейма прибыли ученые: архитекторы, искусствоведы, этнографы, фольклористы, антропологи и художники с целью изучения местной культуры.

Среди них был Ларс Петтерссон, магистр истории искусств, младший лейтенант, уделивший в своих исследованиях особое место церкви Преображения Господня. Им была составлена «Историческая реконструкция Преображенской церкви», зафиксированы схемы иконостасов кижских церквей.

Ларс Петтерссон, доктор Бертил Хинцен и магистр Пентти Хярккенен сделали подробное описание многочисленных икон, определили стоимость каждой. Кроме того, в задачу Ларса Петтерссона входила также их эвакуация в Финляндию с целью сохранения. После окончания военных действий все иконы предполагалось вернуть на прежнее место.

В 1943 году, когда активизировалось партизанское движение в Карелии и финны узнали, что якобы «партизаны получили приказ сжечь Кижы», иконостас Преображенской церкви был разобран финскими солдатами

М. В. Красовский

и перевезен в часовню соседней с Кижами деревни Кургеницы. Торжественный, великолепный иконостас, самый лучший и большой на северо-западе России, превратился в золоченую раму с пустыми проемами вместо древних икон. Вскоре, летом 1943 года, иконы из кижских и других храмов Заонежья финны погрузили на пароход «Медвежьегорск», чтобы вывести эти ценности в Финляндию. Только в 1995 году удалось выяснить полные данные о количестве вывезенных в Финляндию икон.

В январе 1944 года в Художественной галерее в Хельсинки вывезенные из Заонежья наиболее ценные иконы, большая часть которых принадлежала кижским церквям, были представлены на выставке. Особо ценные иконы специально для этой выставки отреставрировал финский художник Ханнес Малисто. К выставке был издан каталог Ларса Петтерссона «Охрана памятников культуры в годы войны. Иконы Восточной Карелии»⁶⁰.

В связи с капитуляцией Финляндии и выходом ее из военных действий, правитель-

⁶⁰ Taiteensuojelua sodanaikana: Itäkarjalaisia ikonimaalauksia = Itä Konstskydd under kriget: Östkarjelska Ikonmålningar. Helsingin Taidehalli, 1944.

ство Советского Союза потребовало возврата в Карелию всех вывезенных икон. Осенью 1944 года вывезенные финнами иконы были возвращены. К сожалению, иконы «неба», снятые финнами одновременно с иконами иконостаса Преображенской церкви, были уничтожены. Они не вывозились в Финляндию, а были отправлены на хранение в Петрозаводск. О дальнейшей их судьбе сообщается в письме 1948 года начальника Управления по делам архитектуры при СМ К-ФССР Д. С. Масленникова секретарю ЦК КП(б) К-ФССР Ю. В. Андропову: «А у нас в Петрозаводске зимой 1944–1945 года завхоз ДК (Дома культуры) истопил на дрова росписи купола Кижей»⁶¹.

После войны Ларс Петтерссон защитил диссертацию «Культурная архитектура Заонежья», основанную на материале, собранном им в 1943–1944 годах. На основе диссертации в Хельсинки в 1950 году была издана монография⁶², в которой впервые все культовые здания Заонежья были описаны, классифицированы, определены этапы их строительства. Ларс Петтерссон разработал подробную типологическую схему конструкций, архитектурных деталей, плотницких инструментов и материалов. Монография сохраняет свою ценность и в настоящее время.

* * *

Новая страница в истории Преображенской церкви связана с созданием в Кижих архитектурного заповедника.

Постановление № 604 Совета Народных Комиссаров Карело-Финской ССР от 2 октября 1945 года объявило территорию ансамбля Кижского погоста, имеющего историческую и художественную ценность мирового значения, государственным заповедником. Постановление предписывало в течение 1945–1946 гг. провести аварийно-предупредительный ремонт, определить границы и строгий режим охраны заповедника, разработать и представить в СНК К-ФССР мероприятия по переносу на

Ларс Петтерссон

территорию Кижского заповедника уникальных памятников гражданского зодчества (изб и хозяйственных построек). Управлению по делам архитектуры и Управлению по делам искусств поручалось восстановить в 1946 году внутреннюю отделку кижских церквей, создав художественную целостность памятника архитектуры.

В 1947 году на Кижском погосте начались реставрационные работы под руководством московского архитектора Б. В. Гнедовского.

С 1949 года реставрацию уникальных кижских памятников возглавил московский архитектор А. В. Ополовников.

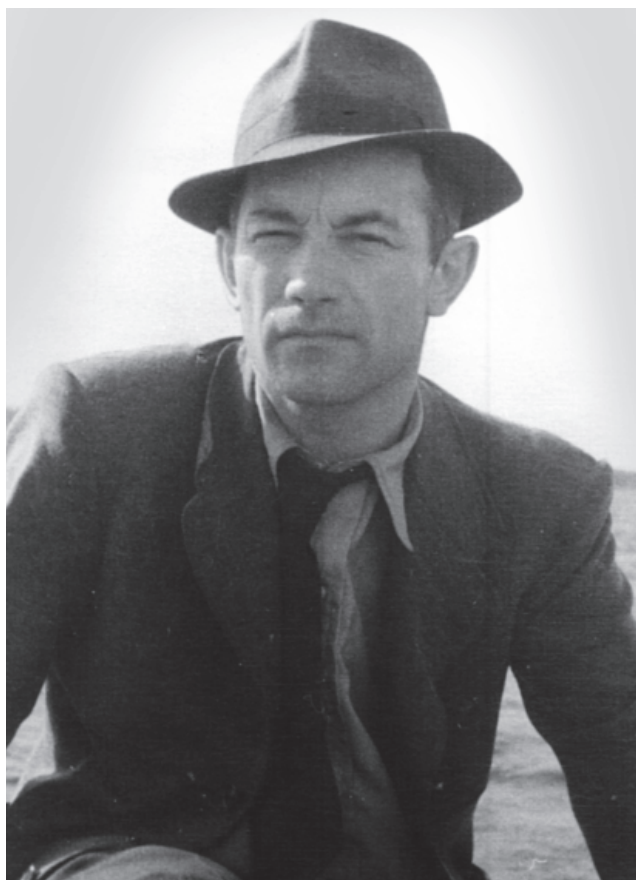
Реставрация 1949–1959 годов должна была решить две главные задачи: укрепить памятники и восстановить их первоначальный художественный образ, искаженный многочисленными переделками в XIX веке. Автором проекта реставрации Преображенской церкви был архитектор А. В. Ополовников. В реставрации принимали участие местные мастера. В 1959 году реставрация Преображенской церкви была завершена.

Одновременно с воссозданием первоначального внешнего образа в 1945 году также был поставлен вопрос о восстановлении иконостаса.

Летом 1945 года, по просьбе Правительства К-ФССР из Москвы в Петрозаводск с целью обследования икон, возвращенных из Финляндии, по предложению И. Э. Грабаря,

⁶¹ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 3/32. Л. 54–55. (Письмо начальника Управления по делам архитектуры при СМ К-ФССР Д. С. Масленникова секретарю ЦК КП(б) К-ФССР Ю. В. Андропову.)

⁶² Pettersson L. Äänisniemen kirkollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950.

А. В. Ополовников

были направлены специалисты по древнерусской живописи из Третьяковской галереи Н. Мнев и В. Светличная (Брюсова).

В 1950 году под руководством В. Г. Светличной и художника-реставратора Г. В. Жаренкова иконостас был восстановлен.

В 1960-е годы реставрацией икон занимались московские специалисты – С. В. Ямщиков, В. Н. Белов, В. А. Зборовский, К. Г. Шейнкман и Н. В. Перцев.

На протяжении 10 лет (1950–1960 гг.) архитектурный заповедник на острове Кижы существовал на правах отдела Управления по делам архитектуры при Совете Министров Карело-Финской ССР, не являясь самостоятельной хозяйственной единицей. Идея устройства музея рассматривалась как конкретная практическая мера, способная сохранить обреченную на гибель часть наследия деревянного зодчества. Ведущим критерием для подбора зданий-экспонатов была архитектурная уникальность и типичность, соответствующая традициям народного творчества. Основой для будущего музейного комплекса стал Кижский архитектурный

ансамбль, являвшийся в этот период жестким критерием для отбора соответствующих ему по значимости объектов. На данном этапе формирования музея четко прослеживается архитектурный характер его экспозиций и выставок.

В скором времени Кижский погост становится центром экскурсионно-туристической работы, представляющей научный и культурно-просветительский интерес.

Период с 1961 по 1965 год ознаменован организацией отдела «Кижы» при краеведческом музее, официальное открытие которого состоялось 10 июня 1961 года. В это время Карельский государственный краеведческий музей считался эталоном для музеев Российской Федерации.

Ко времени создания отдела «Кижы» на остров были перенесены все основные работы по кижскому архитектурному комплексу, жилым и хозяйственным постройкам.

В 1964 году в честь 250-летия Преображенской церкви состоялась первая Всесоюзная конференция «Народная культура Заонежья».

В том же году Кижский остров был включен в один из 9 всесоюзных маршрутов для иностранных туристов.

Музей «Кижы» создавался, таким образом, не на пустом месте. Его организации предшествовала огромная работа архитекторов, реставраторов, музейных сотрудников Карелии, искусствоведов Москвы и Ленинграда. Их труд способствовал созданию музея «Кижы» как самостоятельного учреждения.

Государственный историко-архитектурный музей был создан 1 января 1966 года. Его фундаментом является Кижский архитектурный ансамбль и искусственно созданная на его базе этнографическая экспозиция.

Вскоре Распоряжением Совета министров РСФСР от 4 апреля 1969 года музей «Кижы» был реорганизован в Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник.

12 декабря 1990 года в г. Банфе (Канада), на 14-й сессии Комитета Всемирного наследия Кижский архитектурный ансамбль был включен в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

В 1993 году музей-заповедник «Киж» объявлен особо ценным объектом культурного наследия Российской Федерации.

В 2003 году музей-заповедник был преобразован в федеральное государственное учреждение культуры «Историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Киж»».

Важная страница истории Преображенской церкви связана с ее реставрацией. На протяжении всех лет существования кижского музея этот главный объект архитектурного комплекса вызывает постоянную тревогу в связи со своим преклонным возрастом и состоянием древесины.

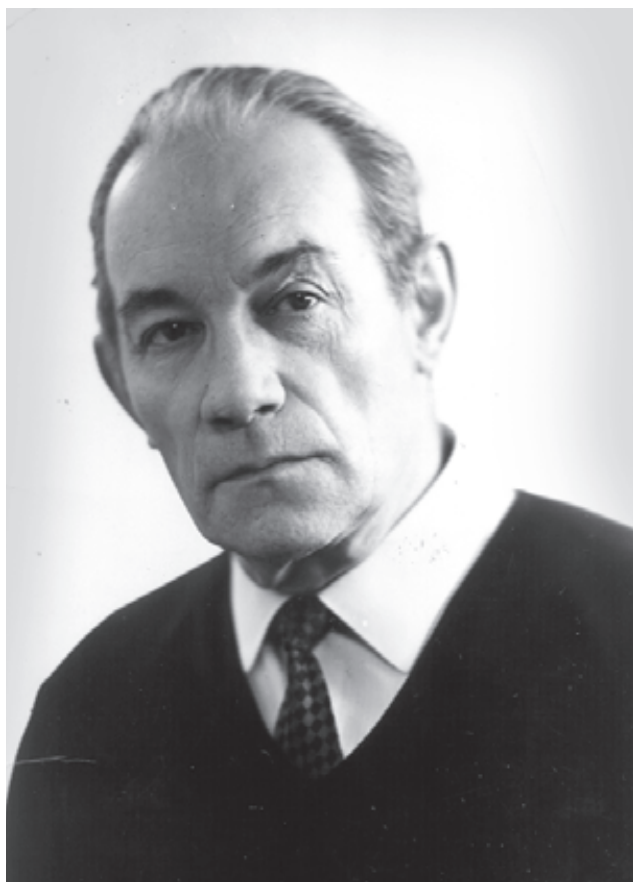
Судьба Кижей волнует всех с давних пор, начиная со времени первой ее реставрации в 1949–1959 гг. С этого времени не утихают споры о способах реставрации и методах защиты древесины.

В 1969 году к решению проблемы укрепления церкви были привлечены ведущие научно-исследовательские и проектные организации страны, в том числе Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ), Сенежская лаборатория консервирования древесины (Москва), институт «Спецпроектреставрация» (Москва), Московский архитектурный институт, Союзспецавтоматика (Москва), Спецпроммонтаж (Москва).

В 1987 году был объявлен открытый всесоюзный конкурс на разработку проекта инженерного укрепления памятника. К сожалению, ни одно из 15 предложенных проектных предложений не способно полностью решить эту проблему.

Тогда же обследование плотности древесины Преображенской церкви произвели специалисты из Ленинградской лесотехнической академии.

Выявление деформаций сруба церкви и прогнозирование их развития осуществили сотрудники Ленинградского горного института. В 1988 году в Петрозаводске и на о. Киж состоялся Международный симпозиум ИКОМОС по обсуждению способов сохранения Кижского архитектурного ансамбля. В нем приняли участие 108 специалистов по реставрации, в том числе 40 ученых из разных стран мира. В решении симпозиума рекомендовалось

А. В. Ополовников

не подвергать Преображенскую церковь переборке. Его участники выразили мнение о включении Кижского архитектурного ансамбля в Список объектов Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО.

В 1993 году специалисты Норвегии, Финляндии, Канады и России подготовили «Доклад по итогам технического обследования памятника Всемирного культурного наследия архитектурного ансамбля „Кижский погост“ и рекомендации относительно дальнейшей работы»⁶³.

Вскоре к разработке способов инженерного укрепления подключились зарубежные специалисты из Немецкого национального комитета (г. Мюнхен, Германия) и Немецкого центра ремесла и охраны памятников (г. Фюльда, Германия).

В 1994 году материал «Исследование и реставрация Преображенской церкви на острове Киж» разработали сотрудники Научно-производственного инженерно-

⁶³ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2386. (Доклад ИКОМОС по итогам технического обследования памятника Всемирного культурного наследия архитектурного ансамбля «Кижский погост» летом 1993 года и рекомендации относительно дальнейшей работы.)

В. Г. Светличная (Брюсова)

Г. В. Жаренков

го центра строительных конструкций» (НПИЦСК, г. Киров) под руководством профессора Ю. А. Пискунова⁶⁴.

Микологическое состояние древесины памятника с 1970 года наблюдается специалистами Института леса Карельского научного центра РАН под руководством В. А. Козлова.

В 1995 году разработан проект «Комплексная защита архитектурного ансамбля Кижского погоста»⁶⁵, предусматривающий современные технические средства безопасности и технологии пожаротушения, в том числе систему телевизионного наблюдения и контроля, радиосвязь и систему беспроводной охранно-пожарной сигнализации.

В 1999 году под руководством федерального архитектора музея-заповедника «Киж» В. С. Рахманова (г. Санкт-Петербург) и заместителя директора музея «Киж» Н. Л. Попова (г. Петрозаводск) разработан новый проект реставрации Преображенской церкви. Проектом предусматривается с помощью специальных инженерных конструкций поярусно (церковь разделена на 7 ярусов по высоте) приподнять отдельные части церкви с целью замены особенно повреждённых брёвен по методу «норвежского лифтинга» (давно известного и отечественным реставраторам). Изъятые детали выборочно будут заменены новыми соответствующей конфигурации.

По оценкам сотрудников Института леса КарНЦ РАН, замене подлежит 20–30 % старых брёвен⁶⁶.

В 2007 году на острове Киж был сдан в эксплуатацию не имеющий аналогов в мировой практике реставрационно-производственный комплекс, специально предназначенный для проведения работ на Преображенской церкви. Работы на самом памятнике начались в 2009 году.

Современный этап истории церкви Преображения Господня связан с проведением ее реставрации. Параллельно ведется реставрация рамы иконостаса и иконописного убранства церкви.

⁶⁴ Там же. Д. 1259.

⁶⁵ Там же. Д. 1255.

⁶⁶ Там же. Д. 1969. (Комплексный эскизный проект реставрации Преображенской церкви Кижского погоста. Дополнительные исследования в натуре. Том 1. Книга III. Анализ состояния древесины на основе мониторинга биоразрушений. Дополнительные исследования внутренних конструкций. Заключение по результатам древесиноведческого обследования. СПб., 2000.)

О формообразовании Кижского ансамбля

В 1977 году научные сотрудники музея «Кижь» В. А. Гущина и Б. А. Гущин выявили ранее неизвестные материалы, которые дали основание для новых исследований по уточнению предыстории возникновения существующего ансамбля Кижского погоста¹. Первые исторические свидетельства о церквях на острове Кижь относятся к 1582–1583 гг. В Писцовой книге дьяка Андрея Плещеева говорится: «Погост Спасский в Кижях на Онеге озере, а на погосте церковь Преображенье Спасово, а другая церковь Святая Богородицы». В 1616 году писец Петр Воейков дал более полное описание: «А на погосте Боголепного Спасово Преображения деревянной с папертьми верх шатровый и Покрова Пресвятой Богородицы, теплой, тож деревянной». Здесь же Воейков упоминает о колокольне: «...а также колокол на колокольне». Последние сведения о существовавших церквях Кижского погоста относятся к 1693–1694 гг.: «...церков Преображения Господня и прежняя Покрова Богородицы в прошлом 7202 (1693–1694 гг.) сгорели от молний»². Обратим внимание, что колокольня не указана в числе сгоревших зданий.

После пожара 1693 г., когда сгорели Преображенская и Покровская церкви, началось строительство новых церквей. С чего началось возобновление Кижского погоста?

В. А. Гущина и Б. А. Гущин нашли документальные свидетельства 1696 года, что на острове Кижь «на погосте строит церковь новую, теплую клетски, во имя Покрова Богородицы. Да в той же церкви построен придел во имя Николая Чудотворца» (Никольский придел был разобран за теснотой в 1865 г.)³. Гущины предполагают, что церковь могла быть построена клетской, затем перестроена в шатровую и впоследствии в многоглавую.

Эти сведения подтверждаются материалами Б. Гущина и Е. Еленевского, которые основываются на данных путешественника Я. Я. Мордвинова и академика Н. Я. Озерецковского⁴. Я. Я. Мордвинов в 1752 году отметил в своих записках наличие 25 глав на Преображенской церкви и указал возможность их расположения на трех рундуках входа. Спустя 33 года (в 1785 г.) Н. Я. Озерецковский свидетельствовал о существовании на Преображенской церкви 23 глав (две главы над рундуками нижних площадок могли быть убраны).

В той же статье Б. Гущин и Е. Еленевский приводят сведения Я. Я. Мордвинова о второй церкви погоста: «Церковь вторая Покрова Пресвятыя Богородицы, на ней десять глав, обе деревянные»⁵. Я. Я. Мордвинов дает описание вида Покровской церкви в 1752 г.

³ Там же. С. 5.

⁴ Гущин Б. А., Еленевский Е. В. Загадки Кижских куполов // Север. 1982. № 4. С. 92–94; Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792. С. 324.

⁵ Гущин Б. А., Еленевский Е. В. Указ. соч. С. 92.

¹ НБМЗК. НРФ-253/1. (Гущина В. А., Гущин Б. А. К вопросу датировки памятников Кижского архитектурного ансамбля. 1977.)

² Там же. С. 3–5.

в противоречие всех справочников о принятой дате ее постройки в 1764 году. Таким образом, свой современный вид она обрела до 1764 г. и даже до 1752 г.⁶

План Покровской церкви 1834 г., с отсутствием нижней площадки на входе в церковь⁷, свидетельствует об ее устройстве во время обшивки сруба в 1865 г. (рис. 1). В начальный период устройства нижней площадки (1865 г.) она не была обшита тесом (фото до 1904 г. И. Билибина). Обшивка нижней площадки тесом и устройство входа на ее западной стенке произошло впоследствии. Во время реставрации памятника в 50-е гг. XX в. обшивка с крыльца была удалена, а на нижней площадке вместо стоек установлены резные столбы по аналогии с сохранившимися резными столбами ограждения крыльца. Нижняя площадка при реставрации удачно вписалась в архитектурную композицию церкви и ансамбля.

План Покровской церкви 1694–1749 гг. (рис. 2) сделан на основе плана 1834 г. (рис. 1) и исследований, проведенных в 1998 г.⁸

В 1999 г. появилось исследование сотрудника музея «Кижь» А. Т. Яскеляйна, в котором реконструированы три строительных периода Покровской церкви: I период – конец XVIII века, II период – 1710–1720 гг., III период – начиная с 1749 г.⁹ Нам кажется, что это неточное определение строительных периодов и реконструкций, последовавших за ними. Реальнее предложить следующие строительные периоды: I период – 1694–1720 гг., II период – 1720–1749 гг., III период – начиная с 1749 г.

I строительный период – 1694–1720 гг. (рис. 2, 3). Построена клетская церковь, вероятно, с двухскатной кровлей над центральным объемом, которая была увенчана бочкой с главой. Обоснование: бревна части сруба (до верха кровли над трапезной), четверика и продольных стенах алтаря датируются временем до 1694 г. Это дает основание считать датой постройки Покровской церкви 1694 г. Бревна на трех гранях алтаря и в восьмерике разновременные, а на слегах бочки датируются 1749 г. Для восстановления продольного размера алтаря было восстановлено расположение его

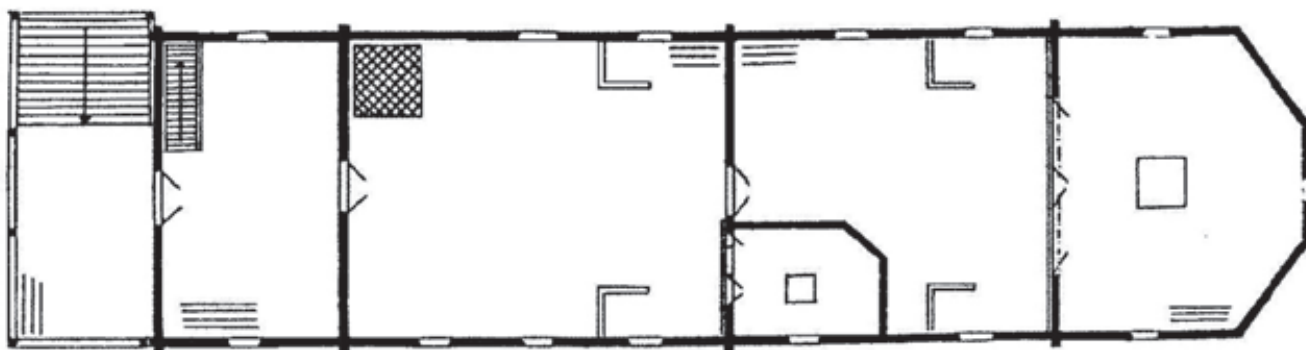

Рис. 1. План Покровской церкви в Кижях. 1834 г.

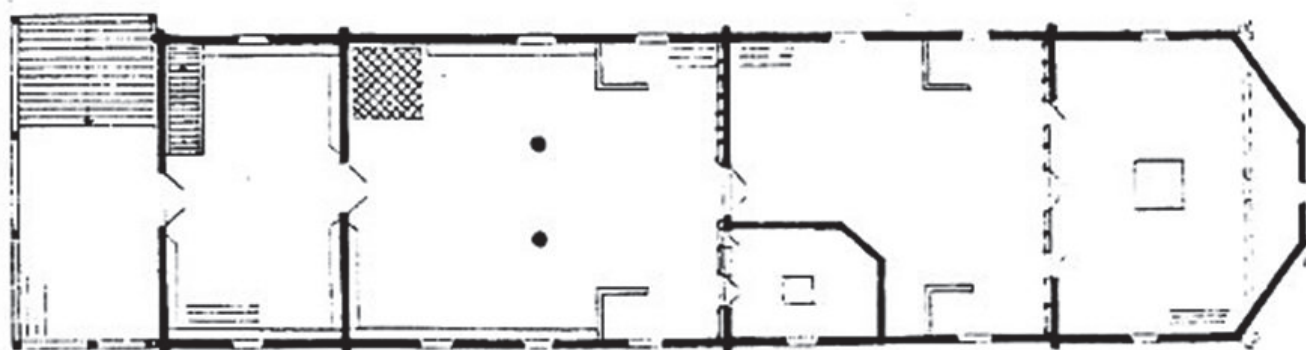

Рис. 2. План Покровской церкви в Кижях. 1694–1749 гг.

⁶ Гушин Б. А., Еленевский Е. В. Указ. соч. С. 93.

⁷ НАМЗК. № 3171/242. (Фонд Ларса Петтерссона.)

⁸ Архив ЗАО «Лад». Б/н. (Крохин В. А. Покровская церковь Кижского погоста. Историческая справка с графической реконструкцией памятника XVII в. 1998.)

⁹ Яскеляйна А. Т. Новый взгляд на историю церкви Покрова Богородицы Кижского погоста // Народное зодчество. Петрозаводск, 1999. С. 133, 135.

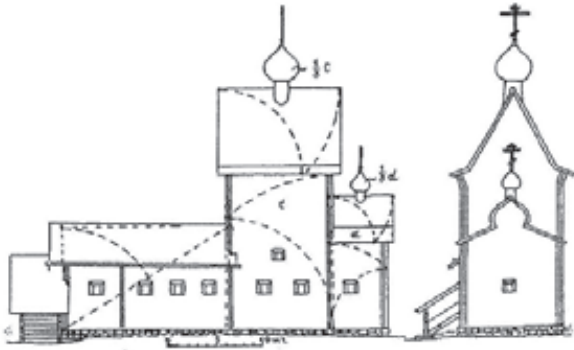

Рис. 3. Пропорциональный анализ предполагаемой Покровской клетской церкви в Кижях. 1694–1720 гг.

восточной стены и добавлен выпуск «в обло» (рис. 3).

В писцовых и переписных книгах XVI–XVIII вв. можно найти примеры, когда церкви, обладающие композиционной основой клетских, иногда завершались шатром. Например, в работе И. А. и О. В. Черняковых приводятся такие данные: «...древяна, клетски, верх шатром, с приделом» (№ 15 за 1628–1631 гг.), «...древяна, клетски, верх шатром, с трапезою и келарскою» (№ 43 за 1628–1631 гг.)¹⁰. Пропорциональных анализов подобных церквей сделать не удалось. Поэтому для возможного графического воссоздания облика Покровской клетской церкви мы обратились к анализу существующих клетских церквей.

Пропорциональный анализ церкви XVII в. в дер. Федоровка Архангельской области имеет сходство с Покровской церковью Кижей (рис. 4). Причем в Покровской церкви сохранен сруб в основании и восстановлена укороченная длина сруба алтаря. Бочка и полицы алтаря с восточного фасада воспроизводят облик Покровской церкви в Кижях, существовавший до 1749 г. без дополнительно установленных нижних слег и замены вследствие недостаточной длины верхних слег при замене алтаря с трехстенного на пятистенный.

II строительный период – 1720–1749 гг. Разбирается двускатная кровля, клетский верх центрального сруба ниже конька кровли трапезной, а также бочка алтаря. Обоснование: бревна выше уровня кровли над трапезной датируются 1710–1720 гг., бревна в восьмерике и других верхних частях одновременные. Причины первой перестройки Покровской клетской церкви в шатровую, по-видимому,

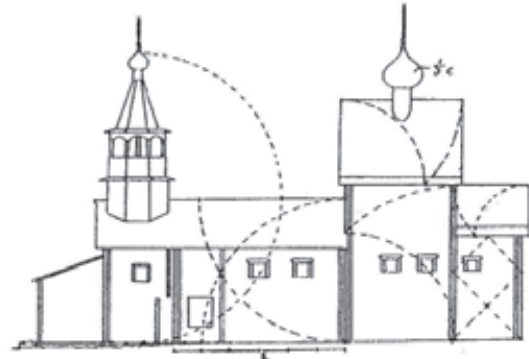

Рис. 4. Пропорциональный анализ Георгиевской церкви в дер. Федоровка на Кенозере Приозерского района Архангельской области. XVII в.

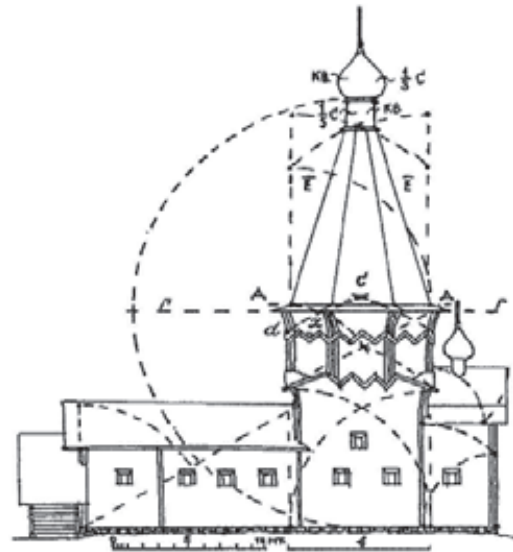

Рис. 5. Пропорциональный анализ Покровской шатровой церкви в Кижях. 1720–1749 гг.

были только композиционные. Строители стремились достичь выразительной гармонии, художественного и монументального единства ансамбля, с построенной в 1714 г. Преображенской церковью. Надо отметить, что шатровое приземистое завершение Покровской церкви и старой колокольни больше отвечают требованиям единства с многоглавым завершением Преображенской церкви (рис. 5). Ссылки А. Т. Яскеляйна на устройство в восьмерике опирания центрального столба шатра, якобы не имевшего примеров, несостоятельны¹¹. Можно привести пример применения такого решения на Никольской церкви в с. Согинцы Ленинградской области¹².

Теперь остановимся на замечании А. Т. Яскеляйна по поводу опирания стропильных ног шатра в бревна повала восьмерика. Обмерные чертежи разрезов Вознесенской

¹⁰ Чернякова И. А., Черняков О. В. Указ. соч. С. 55.

¹¹ Яскеляйна А. Т. Указ. соч. С. 130.

¹² Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество. М., 1986. С. 81.

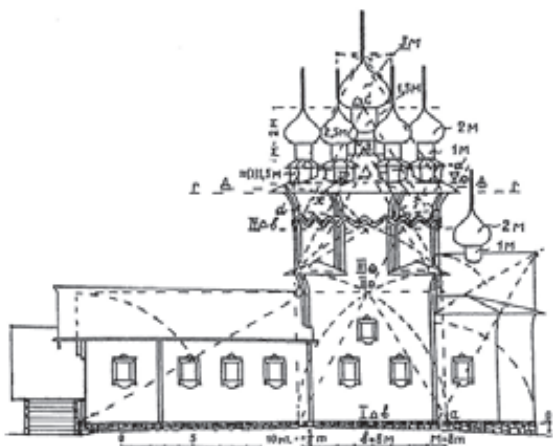

Рис. 6. Пропорциональный анализ Покровской церкви в Кижях. 1749 г.

церкви в дер. Типиницы в Заонежье говорят о том, что опирание стропильных ног может производиться на уширенное основание нижней части шатра. Здесь следы от такого основания отсутствуют. Надо проверить возраст верхних бревен повала по дендрохронологии. Но есть один конструктивный элемент, который является парной связью только шатра¹³. Он расположен на северной стороне в уровне повала восьмерика и объединен двумя деревянными связями для крепления центрального столба. Диаметр отверстия между бревнами и связями 29 см. Длина бревен 3,3 м, они имеют две врубки от вхождения на нижние бревна шатра. При расположении вышележащего бревна рубленого шатра его торцы выступают наружу от рубленых граней шатра до полудиаметра бревен. Это говорит о том, что по углам восьмерика проходили стропильные ноги. Такое конструктивное устройство под-

тверждает существование рубленого шатра, возможно, на неполную его высоту.

III строительный период – начиная с 1749 г. Этот период выявлен архитектором А. Т. Яскеляйненным на основе свидетельств дендрохронологического анализа древесины 1749 г. на трех поперечных балках трапезной, 1740 г., 1748 г., 1749 г. на слегах бочки алтаря. Наличие разновременных бревен в трехстенном алтаре и восьмерике говорит о полной переборке здания. В это время была осуществлена крупная реконструкция церкви с переборкой сруба, с устройством пятистенного алтаря, удлинением бочки, удалением внутренних столбов в трапезной и т. д. (рис. 6). Пропорциональный анализ плана, выполненный в 60-х гг. XX века учитывает эту реконструкцию и более поздние изменения (рис. 7).

Причиной второй перестройки (1749 г.) Покровской церкви из двуглавой шатровой в десятиглавую, вероятно, является символическая одиозность Русской православной церкви к существовавшему 25-главию Преображенской церкви, а затем к 25-главию всего ансамбля в целом. Имело место стремление придать другую символику многоглавию ансамбля так, чтобы не утратить, а обогатить его художественную выразительность. Надо отметить, что сделано это было тактично, умело и с большим предвидением.

Символика 25-главия Преображенской церкви, построенной в 1714 г., могла быть изменена без существенного ущерба художественной выразительности только за счет

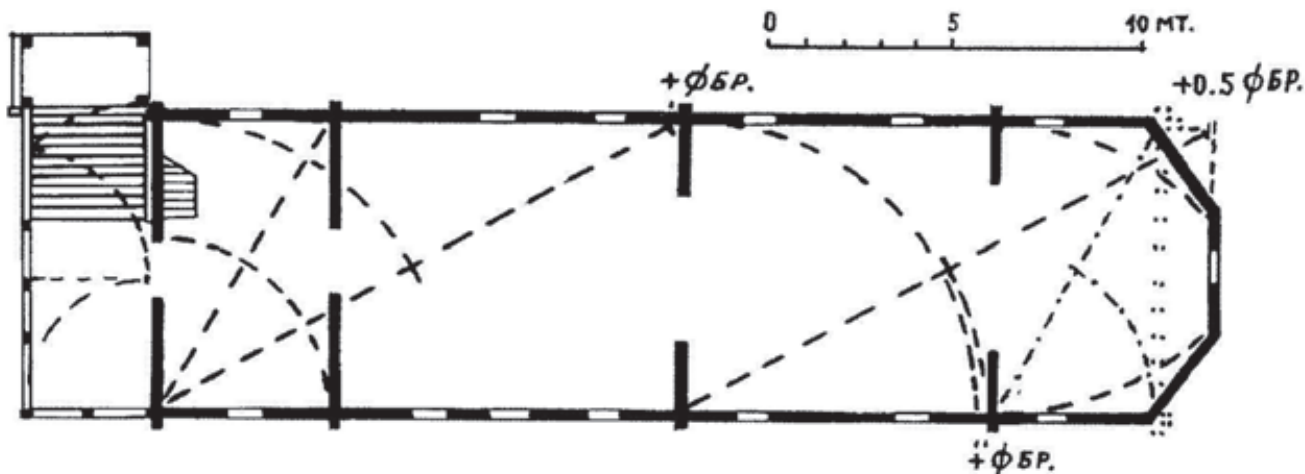

Рис. 7. Пропорциональный анализ плана Покровской церкви в 60-е гг. XX в.

¹³ НАМЗК. № 1440. (Крохин В. А. Архитектурно-композиционные исследования Покровской церкви в 1993 г.)

трех глав над входом. Их удаление могло быть выполнено во время очередных ремонтов кровель. Сначала были удалены две главы над кровлями нижних площадок (потому что внутренний водосток уменьшает срок службы опирающихся концов кровли по отношению к свободно свисающим), затем – над кровлей крыльца. Обратим внимание, что с ликвидацией двух глав над нижними площадками были впоследствии ликвидированы и две лестницы боковых входов в церковь, а также переход, соединяющий церковь с колокольней.

Вместе с тем ликвидация двух глав на Преображенской церкви создала символику 25-главия на двух церквях ансамбля ($23 + 2 = 25$), не считая главы на колокольне. Ликвидация третьей главы создавала символику 25-главия всего ансамбля. Можно предположить, что глава над кровлей площадки крыльца была временно оставлена для 26-главия ансамбля, но после перестройки Покровской церкви из шатровой в 10-главую была удалена в момент очередного ремонта кровель на Преображенской церкви. Нам кажется, что решающим в перестройке в 1749 г. Покровской церкви в 10-главую является стремление сначала изменить символику 25-главия Преображенской церкви, затем количественную символику многоглавия существовавшего ансамбля, увеличив ее до 33 глав, возможно, символизирующих 33 года земной жизни Христа.

Но это требовало поиска достойного варианта композиции церкви для выразительного единства и гармонии всего ансамбля с заменой существовавшей символики многоглавия новым впечатляющим символом, способным художественными достоинствами предать забвению существующую символику многоглавия. При этом каждая постройка приобрела композиционную и художественную целесообразность завершения главами.

Символику 10-главия Покровской церкви также можно рассматривать как синтез символа одной главы (Христа) и девяти чинов святых угодников. Девятиглавие (без главки над алтарем) посвящено одному из глубинных прообразов. Отметим, что достигнутая гармония в сложившемся ансамбле – результат трудных поисков зодчих не только в

Рис. 8. Кижский ансамбль с колокольней. 1862 г.

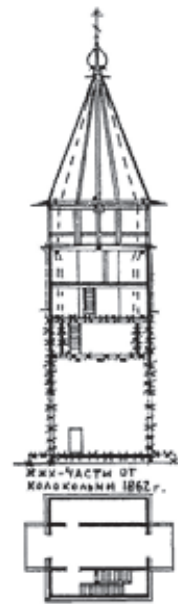

Рис. 9. Разрез и план колокольни. 1874 г.

многоглавии завершения Покровской церкви, но и изменении формы ее алтаря с трехстенного при шатровом ее завершении на пятистенный при многоглавом (см. рис. 2) для соразмерности реконструируемой композиции и сходстве ее с алтарем Преображенской церкви.

Это же можно сказать и о новой композиции колокольни, возведенной в 1862 г. по проекту губернской строительной комиссии (взамен пришедшей в ветхость старой колокольни, сохранившейся при пожаре 1693 г.). Новая колокольня была перестроена в 1874 г.,

вероятно, по причине явной несоразмерности ее верхней части массивному основанию и общим несоответствием монументальности ансамбля (рис. 8, 9).

На шесть лет ранее Преображенской церкви (1714 г.) на острове Кижы была построена 25-главая Покровская церковь (1708 г.) на Вытегорском погосте в Прионежье (рис. 10). И здесь имеются данные о 25 главах:

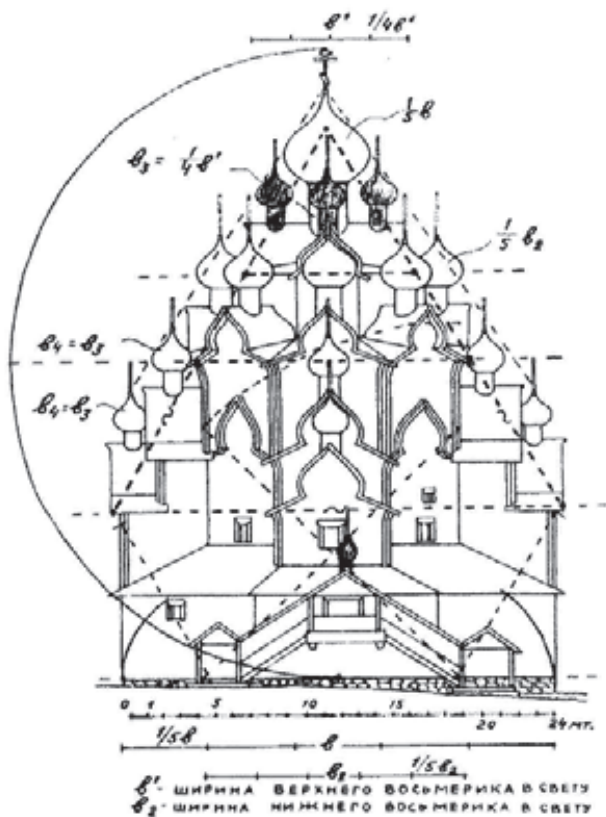

Рис. 10. Покровская церковь в г. Вытегре. 1708 г.

«При первоначальной постройке было 25 глав, но при перестройке уничтожено на верхнем восьмиугольнике 4 и над папертью 1 глава»¹⁴. Причем здесь все сделано грубо и неуважительно. Удаление главы над крыльцом слабо изменило символику многоглавия: 25-главие заменялось 24-главием, что символизировало два годовых цикла по 12 месяцев – святилища двух кругов, без срединного положения главного божества. Возникает вопрос: зачем надо было менять количественную символику с 25 глав до 20 глав, удалять 4 главы на бочках верхнего восьмерика в ущерб художественной выразительности композиции? Что это: случайность или закономерность борьбы с количественной символикой глав в определенные периоды усиления противодействия старообрядчеству, наряду с запрещением шатра, высоких и острых глав и т. д.?

Теперь перейдем к формообразованию Кижского ансамбля. На основании проделанных исследований и приводимых дополнительных данных сделано шесть общих видов Кижского ансамбля с периода конца XVII – начала XVIII до XIX века.

I. Общий вид Кижского погоста 1714–1720 гг. с реконструкцией клетской Покровской церкви 1694 г. и старой колокольни XVII в. (рис. 11). Эта реконструкция сделана на основании архивных данных о строительстве клетской церкви, дендрохронологического исследования А. Т. Яскеляйна, предполагаемого

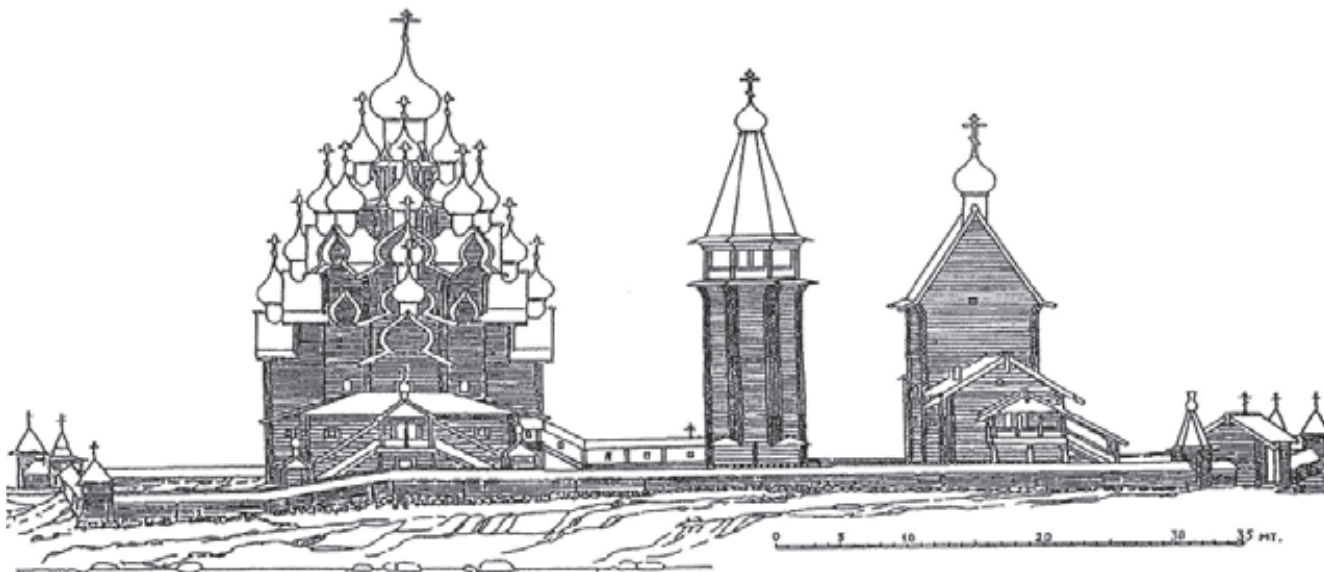

Рис. 11. Общий вид Кижского погоста в 1714–1720 гг. с реконструкцией Покровской церкви в 1694 г. и старой колокольни начала XVII в.

¹⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 7–1871. Д. 8. Л. 91, 92.

пропорционального анализа приведенной аналогии (в дер. Федоровка) и изображения погоста на гравюре Р. Зотова в книге Н. Я. Озерецковского¹⁵. Ограда, входы, соединение Преображенской церкви с колокольной сделаны на основании этой же гравюры.

Дошедший до нас пример колокольни без шейки на главе – колокольня в с. Кулига-Драконово Верхне-Тоемского района Архангельской области (ныне в музее-заповеднике «Малые Корелы») (рис. 12). На старинном рисунке Данилова монастыря также имеется колокольня без шейки на главе, восьмистолпные придорожные кресты, покрытые шатрами с главами без шеек, и клетские церкви, покрытые сверху двускатными кровлями, увенчанными бочками с главами с шейками (рис. 13). Пример главы без шейки имеет шатровое покрытие восьмерика, изображенное на ограде погоста (см. рис. 1 к статье В. А. и Б. А. Гуциных). Восстановление 25-главия выполнено по данным Я. Я. Мордвинова и возможности устройства глав на трех входах. Восстановление двух боковых входов в церковь сделано по сохранившимся следам на срубе.

II. Общий вид Кижского погоста 1720–1749 гг. с реконструкцией Покровской церкви (рис. 14). Это сделано на основании личных исследований. Приняты к сведению дендрохронологические исследования А. Т. Яскеляйна. В постройке Преображенской церкви чувствуется влияние северодвинской и поморской школ сооружения шатровых храмов, в частности Лявли (1558 г.) и Патрикеевки (1746 г.), где высота срубов нижних восьмериков равна высоте до верха главы¹⁶. Такие же соотношения применены в Покровской церкви: высота центрального сруба равна высоте до верха главы (рис. 5).

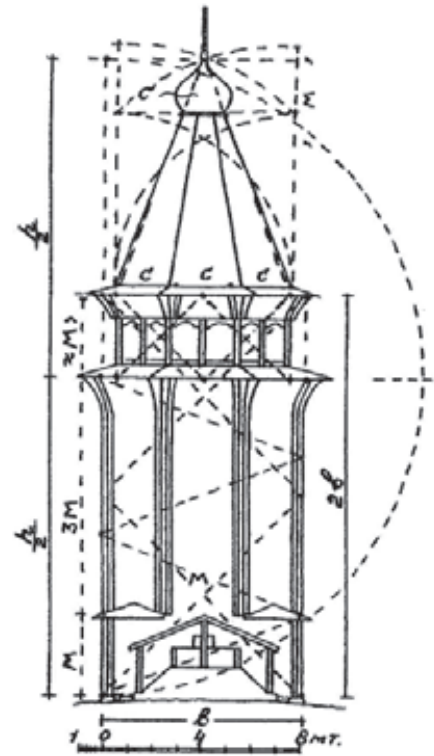

Рис. 12. Колокольня XVII века в с. Кулига-Драконово Архангельской обл.

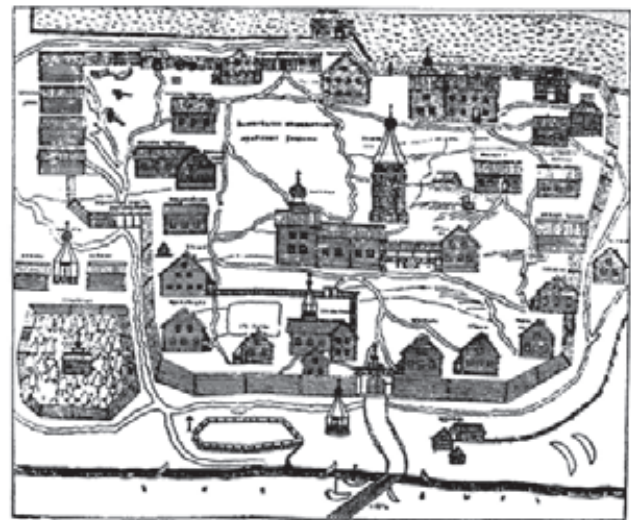

Рис. 13. Старинный рисунок старообрядческого Данилова монастыря в Заонежье

III. Общий вид Кижского погоста с 1749 г. с реконструкцией Покровской церкви 1749 г. (рис. 15). Эта реконструкция донесла до нас во внешних формах существующий облик Покровской церкви. Особенностью реконструкции является полная переборка здания, устройство пятистенного алтаря, удлинение бочки, ликвидация нижнего пояса и изменение угловых покрытий при переходе четверика в восьмерик.

IV. Общий вид Кижского погоста после 1785 г. с реконструкцией входов на Преображенской церкви, обшивкой досками

¹⁵ Озерецковский Н. Я. Указ. соч. С. 324.

¹⁶ Крохин В. А. Системы построения архитектурной формы в памятниках древнерусского деревянного зодчества XVI–XVIII вв. // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. М., 1976. С. 204–205.

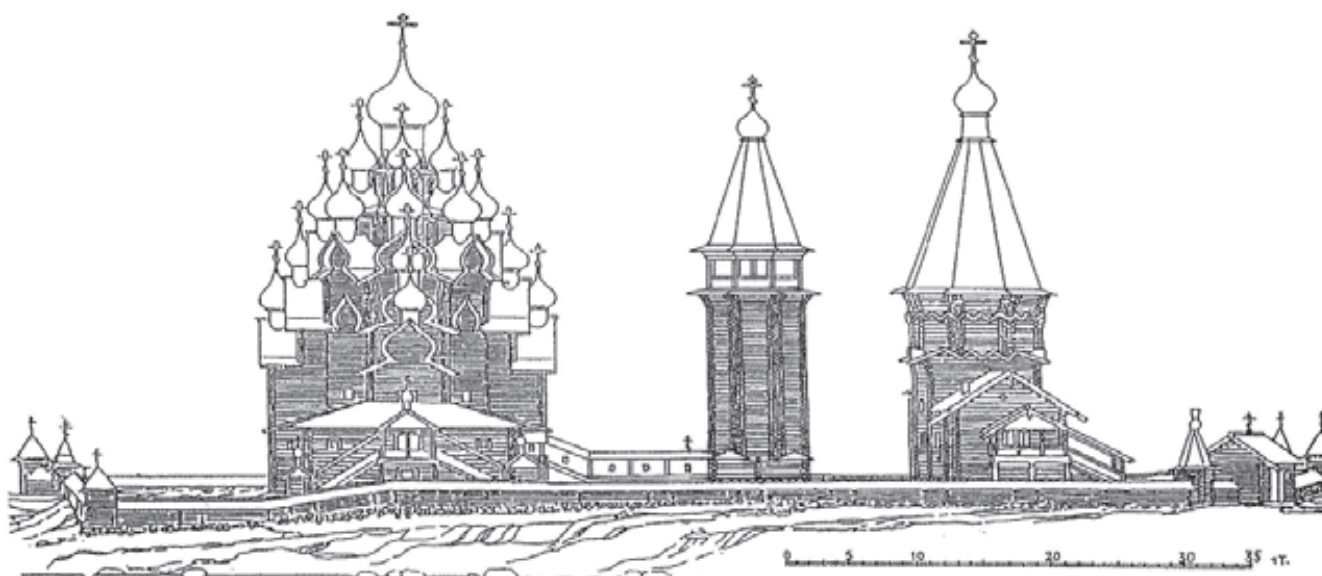

Рис. 14. Общий вид Кижского погоста в 1720—1749 гг. с реконструкцией Покровской церкви в 1720 г.

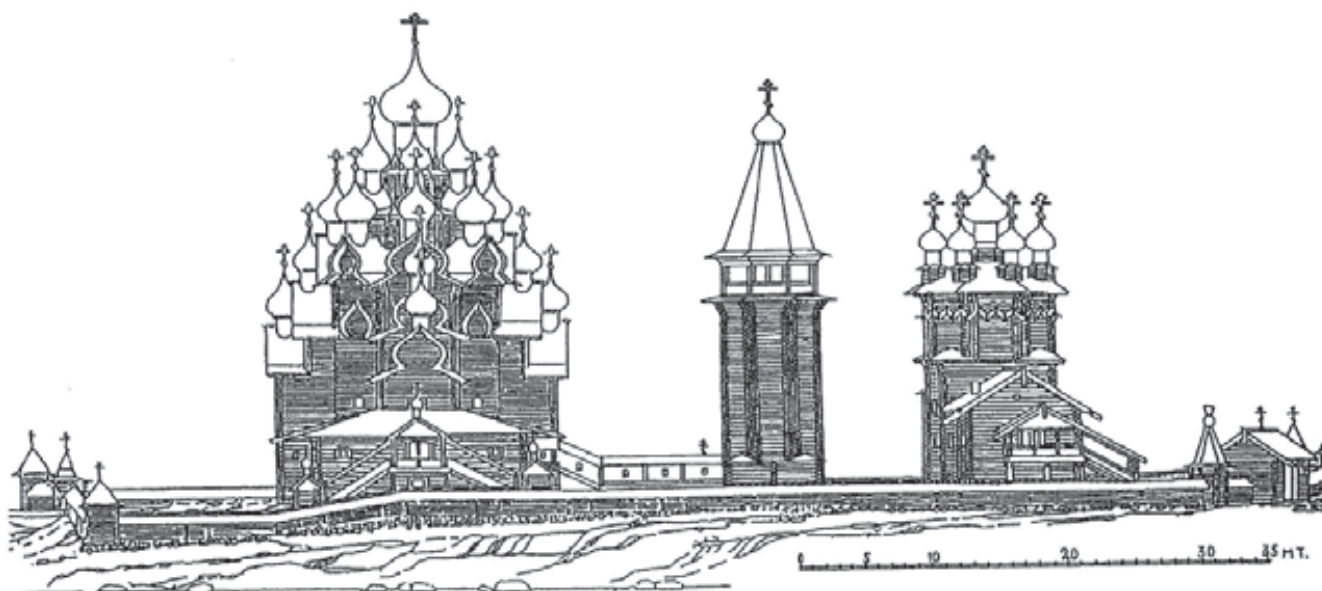

Рис. 15. Общий вид Кижского погоста в 1749 г. с реконструкцией Покровской церкви в 1749 г.

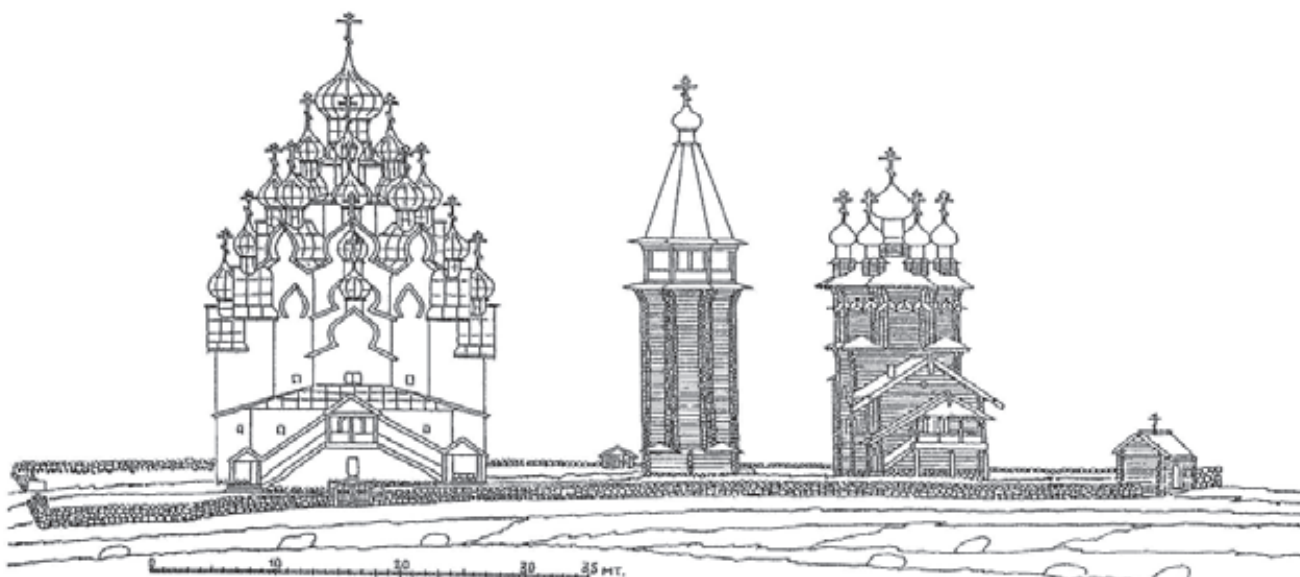

Рис. 16. Общий вид Кижского погоста после 1785 г. с реконструкцией входов на Преображенской церкви, обшивкой досками в 1818 г., покрытием кровли и глав железом в 1823 г., устройством каменной ограды и шейки на главе колокольни до 1823 г.

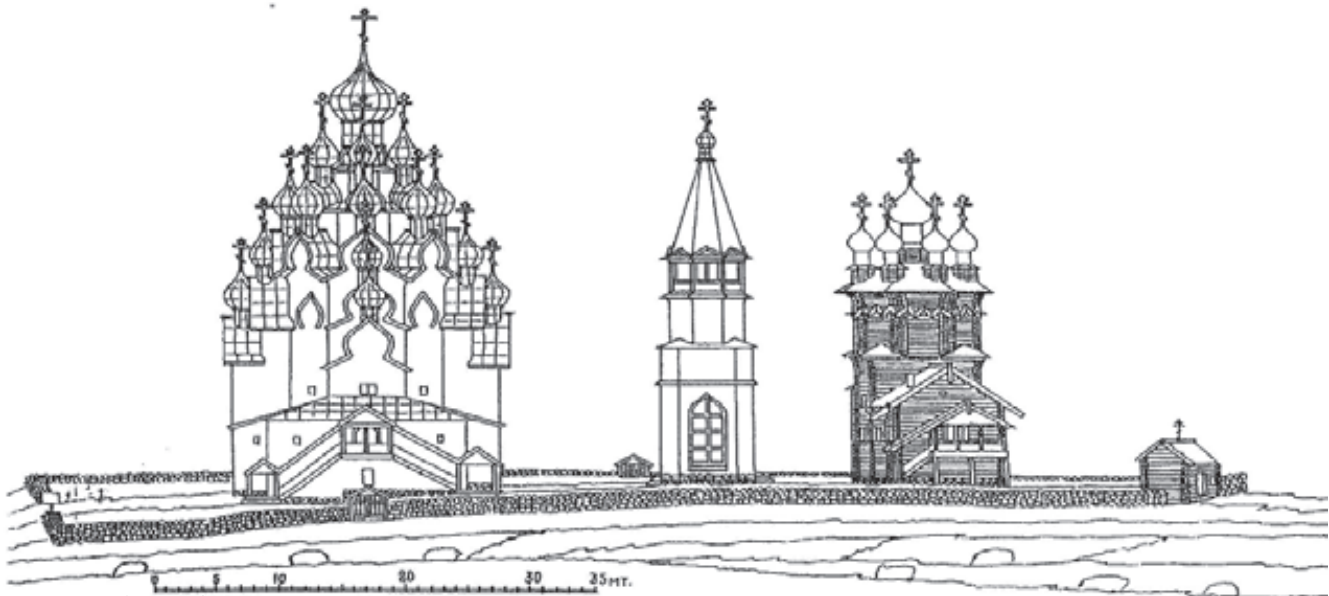

Рис. 17. Общий вид Кижского погоста с построенной новой колокольней в 1862 г.

в 1818 г., покрытием кровель и глав железом в 1823 г., устройством до 1823 г. каменной ограды и шейки на главе колокольни (рис. 16). Вид погоста с 1785 по 1832 г. характерен вышеперечисленными изменениями. Реконструкция сделана на основании архивных данных, предоставленных В. А. Гущиной в 1998 г.¹⁷

При обшивке Преображенской церкви досками и устранении двух боковых входов в церковь логически вытекает ликвидация существовавшего перехода в колокольню. В документе, ориентировочно датированном 1847 г., об ограде сказано следующее: «Ограда около сих церквей каменная, сделана из дикого камня искусным образом, вышиною 2,5 аршина, в длину-ширину – сажень, для входа в оную с 4-х сторон находятся 4 ворота»¹⁸. Шейка на главе колокольни, судя по гравюре Н. Я. Озерцовского, была сделана после 1785 г.

V. Общий вид Кижского погоста с построенной в 1862 г. новой колокольней (рис. 17). Исследование нижней части колокольни 1862 г. позволило восстановить ее верхнюю часть с членением нижнего четверика пояском, а также устройством треугольных фронтонов по низу граней шатра (см. рис. 8, 14). Устройство высокого нижнего четверика несвойственно Прионежской

школе возведения колоколен. Это характерно для памятников бассейна реки Онеги и Беломорья.

VI. Общий вид Кижского погоста с перестроенной в 1874 г. новой колокольней и обшитой досками Покровской церковью (рис. 18). Произведенная в 1874 г. перестройка новой колокольни привела к увеличению ширины восьмерика, звонницы и низа шатра¹⁹. Сейчас настало время пересмотра даты постройки колокольни, приняв ее за 1862 г. Перестройка колокольни была сделана, вероятно, по причине явной несоразмерности ее верхней части массивному основанию и общим несоответствием монументальности ансамбля. В 1865 г. была обшита тесом снаружи и внутри Покровская церковь. Ликвидирован Никольский придел в церкви, видоизменены интерьеры, поновлен иконостас и т. д. В 1914 г. Императорская академия архитектуры запретила покрывать железом главы Покровской церкви²⁰.

В 70-е гг. XIX в. был произведен ремонт наружной обшивки, кровель, поновление иконостаса и интерьера Преображенской церкви. В таком виде церкви и колокольня погоста простояли до середины XX в.

В 50-х гг. XX в. была произведена реставрация Преображенской церкви: удалены внутренняя и наружная обшивки, покрыты

¹⁷ Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля. (1694–1945 гг.) / Авт.-сост. В. А. Гущина, Б. А. Гушин. Петрозаводск, 2013. С. 12–30.

¹⁸ Там же. С. 33.

¹⁹ НАМЗК. № 879. (Крохин В. А. К вопросу о постройке колокольни 1874 г. и Покровской церкви 1764 г. Кижского ансамбля. 1978 г.)

²⁰ Документы и материалы... С. 109.

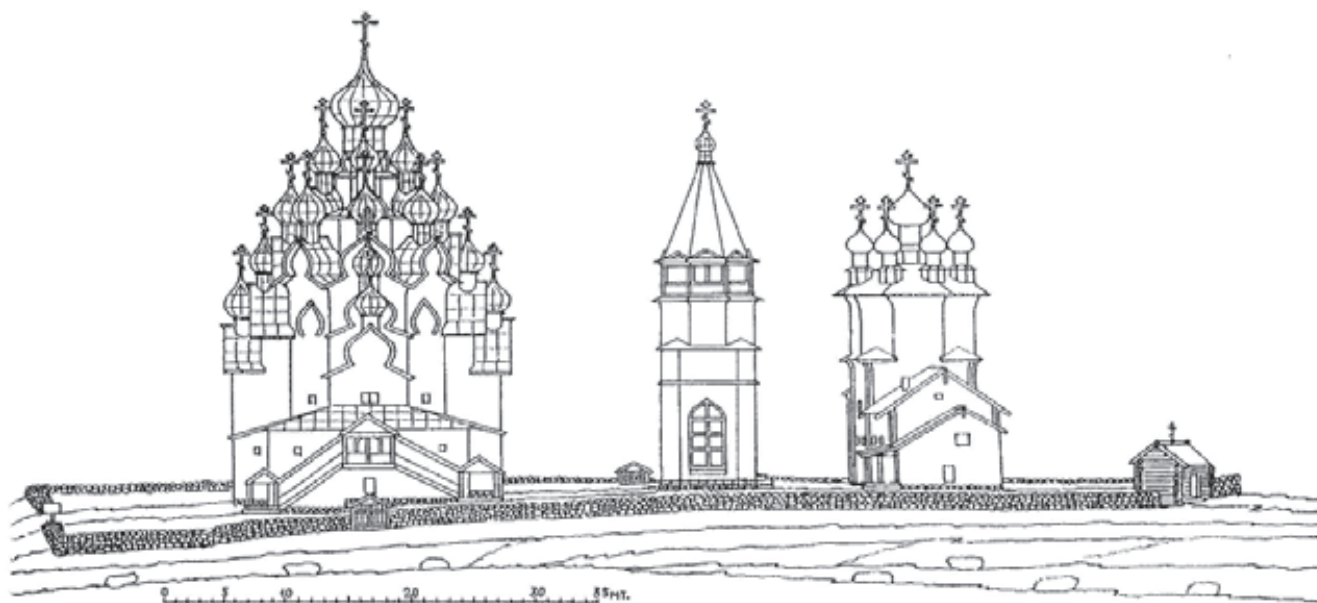

Рис. 18. Общий вид Кижского погоста с перестроенной в 1874 г. новой колокольней и обшитой досками в 1865 г. Покровской церковью.

лемехом главы, досками – кровли, сделана реставрация иконостаса, установлен декор на фасаде и т. д. В 1960-е гг. была отреставрирована Покровская церковь: удалены внутренняя и наружная обшивки, выполнено реставрационное покрытие кровель, восстановлен фронтоный пояс на восьмерике, частично восстановлены интерьеры, иконостас и т. д. Восстановление деревянной ограды

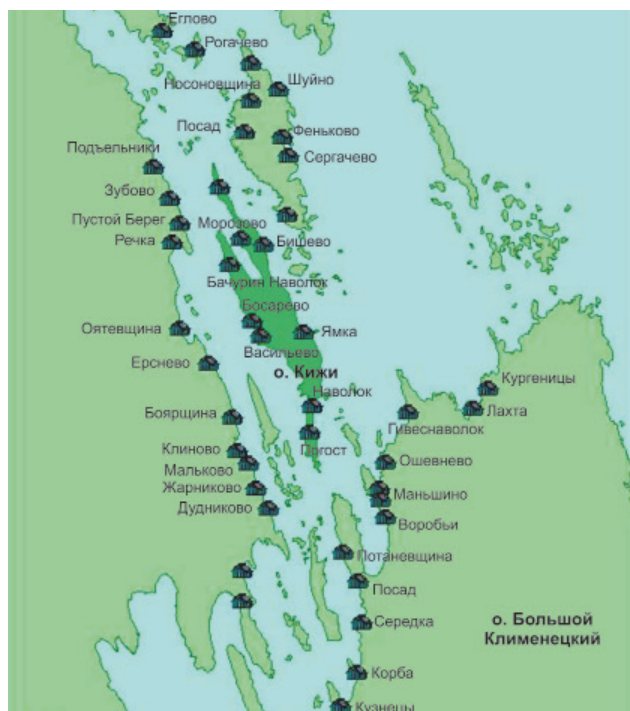
было выполнено по остаткам каменного ограждения. Северная и восточная калитки повторяют входы в ограду Почезерского погоста Архангельской области, а угловая башенка воспроизводит форму башни в ограде Ошевенского погоста. Главный вход дублирует ворота ограды Ильинского погоста в Карелии. Автором проектов реставрации Кижского погоста является архитектор А. В. Ополовников.

Из истории Кижского прихода XVI–XX столетий

Первыми известными источниками по Кижскому православному приходу являются писцовые книги Обонежской пятины XVI века, где дано описание Кижского погоста.

Первоначально границы погоста как единицы административного деления и церковного прихода совпадали и намного превышали границы Кижского прихода XIX – начала XX века. Главными церквями прихода являлись церковь Преображения Господня и церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Кижях. В XVI веке на территории погоста, помимо главных храмов, было еще несколько церквей: церковь Святых апостолов Петра и Павла на озере Сандал, церковь Святого Ильи Пророка в Великой губе, церковь Троицы Живоначальной и Николая Чудотворца в Клименецком монастыре.

К концу XVII в. в Кижском погосте-округе появилось еще семь самостоятельных приходов, их главными храмами стали новые церкви: церковь Николая Чудотворца в Чеболакше, церковь Успения Богородицы в с. Космозеро, церковь Преображения Господня в Мелой губе, церковь Святого Ильи Пророка в Типиницах¹, церковь Николая Чудотворца в Сенной губе, церковь Великомученицы Варвары в Яндомозере, церковь Николая Чудотворца в Лижме².

Карта деревень Кижского прихода

И хотя границы Кижского прихода постепенно сокращались, церкви на острове Кижский по-прежнему оставались главными храмами всего погоста-округа.

После губернской реформы 1775 года Екатерины II произошли важные изменения в административном делении территории России. Погосты как административно-территориальные образования были упразднены, вместо них учреждены губернии, уезды и волости. В связи с новым территориальным делением, границы Кижского прихода значи-

¹ Все четыре церкви датируются началом XVII столетия.

² Все три церкви датируются концом XVII века.

Потомственный кижский священник М. А. Русанов (служил в кижских церквах с 1894 по 1929 г.)

Последний кижский священник А. С. Петухов (служил в кижских церквах с 1933 по 1937 г.)

тельно уменьшились и к концу XVIII века сократились до размеров Кижской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. В XVIII веке в состав Кижского прихода входило пять часовен: в честь Положения Честного пояса Пресвятой Богородицы в дер. Кургеницы, в честь Святых апостолов Петра и Павла в деревне Волкостров, в честь Елецкой иконы Божией Матери и пророка Ильи в деревне Телятниково, в честь иконы «Знамение» Пресвятой Богородицы в дер. Корба, в честь Успения Божией Матери в дер. Лукинщина (Васильево) на острове Киж.

Количество прихожан в Кижском приходе, по данным на 1785 год, составляло 2 358 человек³.

На протяжении XIX и начала XX века к Кижскому приходу относились две церкви – Преображения Господня и Покрова Богородицы в Кижках. В 1865 году к ним присоединилась третья церковь – Введения во храм Пресвятой Богородицы в дер. Сибово, перестроенная из часовни⁴.

С конца XVIII века по 1827 год кижский приход находился в ведении Новгородской и Архангельской епархий, а с 1827 года вошел в состав вновь созданной Олонецкой епархии.

Количество прихожан, проживавших в окрестных деревнях⁵, по данным на 1880 год, достигало 2 767 человек.

Число часовен в приходе в XIX веке увеличилось до одиннадцати⁶. К существующим пяти прибавилось еще шесть часовен: в честь трех Святителей и Преподобных отцов Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев в дер. Липовицы; Великомученика Георгия в дер. Воев Наволок; Преподобного Макария Желтоводского в Косельге; Святых мучеников Кирика и Иулиты в дер. Воробы; Преподобного Варлаама Хутынского и Святой мученицы Параскевы в дер. Подъельники.

По данным «Формулярных ведомостей о церквах Кижского прихода», в 1894 году за кижскими церквами значилась земельная собственность в размере 1 десятины усадебной земли, 20 десятин 2 662 сажень пахотной и 11 десятин 1 800 сажень сенокосной земли⁷.

С 1890 по 1901 год сенокосные земли были сданы в аренду⁸, кроме того, по данным на 1894 год, церковь владела капиталом, заключавшимся в свидетельствах государственной ренты, в сумме 3 300 рублей,

³ Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. С. 179.

⁴ НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 26/272. Л. 27.

⁵ НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 26/263. Л. 10.

⁶ Данные на 1887 год. НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 26/272. Л. 25, 26, 27.

⁷ НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 27/281. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 2.

что приносило ей доход в размере 132 рубля в год⁹.

Содержание кижского церковного причта на протяжении XIX столетия было весьма скромным. До 40-х годов XIX века оно заключалось в добротном подаении прихожан. С середины XIX века положение изменилось: причт начал получать скромное казенное жалование в размере 420 рублей в год. Одному священнику полагалось 180 рублей, другому – 120, псаломщикам – по 60 рублей¹⁰. Во всех «Формулярных ведомостях о церквах Кижского погоста Петрозаводского уезда»¹¹ за XIX век упоминается, что содержание причта самое «посредственное».

Состав причта в разные годы разнился между собой. В 1834 году причта по штату полагалось: «священника два, диакон один, дьячков два, пономарей два»¹². В 1847¹³ и 1851¹⁴ годах «священник один, диакон один, дьячок один, пономарь один». В 1887¹⁵ году «священников два, диакон один, псаломщиков два».

Уровень образования священников, служивших в кижских церквах на протяжении XIX века, был различным. Из восьми священников двое – Семен Соколин (служил

В 1994 г., после 57-летнего перерыва, богослужение в кижской церкви Покрова Пресвятой Богородицы совершил Его Преосвященство епископ Петрозаводский и Олонецкий Мануил

с конца XVIII века до 1815 года)¹⁶ и Иоанн Федулов (с 1815 по 1850-е годы)¹⁷ не имели специального образования, четверо – Михаил Завадовский (с 1852 по начало XX века)¹⁸, Иоанн Павинский (с 1877 по начало XX века)¹⁹, Андрей Русанов (с 1856 по 1876 год)²⁰ и Михаил Русанов (с 1894 по 1929 год)²¹ получили образование в Олонецкой духовной семинарии. Священник Михаил Крылов (с 1834 по 1852 год)²² обучался в Свирском приходском училище. Последний кижский священник Алексей Петухов (с 1933 по 1937 год)²³ получил образование в Архангельской духовной семинарии.

Велика была роль церкви в образовании крестьянских детей. В 1877 году при кижских церквах было открыто земское приходское училище, в котором обучалось около 70 учеников и преподавало 3 наставника²⁴. С 1884 года училище было переведено в разряд «школы». В 1913 году в Кижском приходе уже насчитывалось четыре церковно-приходские школы: кижская, волкостровская, липовецкая, сибовская. Заведовали школами кижские священники М. А. Русанов и А. И. Малиновский²⁵. Многие из кижских

⁹ НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 27/281. Л. 2.

¹⁰ НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 26/272. Л. 25.

¹¹ НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 25/238; 25/241; 25/242; 25/244; 25/247; 26/272; 26/263; 27/281. (Формулярная ведомость о церквах Кижского погоста Петрозаводского уезда за 1834; 1847; 1848; 1850; 1851; 1887; 1880; 1894.)

¹² НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 25/238. Л. 2. В 1834 году в кижских церквах служили: священники Иоанн Федулов (58 лет) и Михаил Крылов (48 лет), дьякон Трифон Иванович Исачин (29 лет), дьячок Дмитрий Александрович Ржановский (26 лет), пономари Матфей Иванович Перевалов (19 лет) и Аггей Акимович Темномеров (26 лет), просвирня девица Ульяна Иванова – дочь умершего диакона Архипа Иванова.

¹³ НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 25/241. Л. 3. В 1847 году в кижских церквах служили: священник Иоанн Федулов (69 лет), дьяконы – Герасим Семенов и Дмитрий Александрович Ржановский (38 лет), пономарь Петр Лукич Романов (31 год), заштатный дьячок Аггей Акимович Темномеров (39 лет), просвирня Евдокия Иванова – жена умершего великогубского священника Стефана Пудожгорского.

¹⁴ НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 25/247. Л. 3. В 1851 году в кижских церквах служили: священник Иоанн Федулов (73 года), дьякон Ефим Иванович Озерный (41 год), пономарь Петр Лукич Романов (34 года), сверхштатный дьячок Аггей Акимович Темномеров (43 года) – зять священника Федулова, просвирня Евдокия Иванова.

¹⁵ НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 26/272. Л. 27. В 1887 году в кижских церквах служили: священники Михаил Завадовский (57 лет) и Иоанн Павинский (35 лет), дьякон на вакансии псаломщика Александр Дмитриевич Ржановский (35 лет), псаломщик Михаил Дубровский (25 лет), просвирня Агриппина Федорова (59 лет).

¹⁶ НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 25/238. Л. 2.

¹⁷ НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 25/238. Л. 2; Д. 25/241. Л. 3; Д. 25/242. Л. 24; Д. 25/247. Л. 3.

¹⁸ НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 26/262. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 6.

²⁰ Калашникова Р. Б. Из истории семей кижских священников (конец XVIII – первая треть XX вв.) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 4.

²¹ Там же. С. 7

²² НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 25/238. Л. 2.

²³ Калашникова Р. Б. Из истории... С. 8.

²⁴ НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 75/3. Л. 60.

²⁵ Памятная книжка Олонецкой губернии за 1913 год. Петрозаводск, 1913. С. 99–101.

Праздник Преображения в Кижях и День Кижской волости. 19 августа 1995 года

священников получили благословение Священного синода на обучение «поселянских» детей и были награждены за усердную службу по духовному ведомству.

«Усердное отношение к пастырским обязанностям», отмеченное епархией, как характерная черта кижских священников способствовало тому, что в отношении благочестия прихожане кижских церквей выгодно отличались от прихожан других приходов. Вот что писал о кижанах благочинный священник Стефан Ржановский в 1854 году: «Сравнительно между собою прихожане церквей Кижской, Великогубской, Типиницкой, Сеногубской и Кузарандской несколько возвышаются в сем отношении перед прочими. Признаками сего возвышения может быть или можно оные видеть <...> усердного хождения прихожан в сих приходах в церковь Божию к церковным службам, из усердия путешествовать к Святым местам, в случае безведрия или бездождия и тому подобного приехать с молением к церкви Божией и их обыкновения налагать на себя произвольные посты»²⁶.

Подтверждением этого свидетельства может служить хранящееся в Национальном

архиве Республики Карелия прошение крестьянской вдовы Татьяны Круговой, жительницы деревни Южный Конец острова Кижы, написанное на имя Олонецкого гражданского губернатора, с просьбой о выдаче ей билета до Одессы, откуда она должна была направиться в Иерусалим на поклонение Святым местам²⁷.

Кижские прихожане принимали деятельное участие в жизни прихода, активно жертвовали на храмы. В 1815 году они собрали на ремонт глав Преображенской церкви 2 255 рублей. В 1829 году крестьянин дер. Окуловская Евсей Плавунев пожертвовал в храм Преображения икону «Архистратиг Михаил». В 1834 году крестьянин дер. Ошевнево Антон Ошевнев подарил в кижскую церковь плащаницу. В 1865 году крестьянин дер. Телятниково Матвей Вавилин и крестьянин Кижского острова Северного конца Иван Морозов прислали из Санкт-Петербурга в качестве пожертвования в Преображенскую церковь икону «Успение». В этом же году крестьянка с острова Кижы Стефанида Морозова принесла в дар той же церкви 1 000 рублей.

Иногда прихожанки жертвовали в храм дорогие их сердцу украшения. Тогда церковный

²⁶ НАРК. Ф. 25. Оп. 14. Д. 23/26. Л. 123.

²⁷ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38/32. Л. 1.

староста находил для них покупателя, а деньги передавал в церковную казну. Именно так случилось в 1886 году, когда церковный староста продал пожертвованные в храм жемчужные серьги местному предпринимателю Морозову²⁸. Имена многих жертвователей встречаются неоднократно. Так, семья прихожан Чиворовых из деревни Пустой берег сделала во второй половине XIX века пятнадцать подношений в Преображенскую церковь. Среди них предметы церковного облачения: диаконский стихарь, две священнические ризы, воздухи, хоругви, а также дароносица, Евангелие и несколько икон²⁹.

Активное участие прихожан в жизни прихода выразилось и в том, что раз в три года крестьянский мир избирал из своей среды церковного старосту для хранения церковной казны и двух представителей для ежемесячного свидетельства при пересчете церковных денег. При вступлении в должность староста приносил клятвенное обещание, в котором были такие слова: «И для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать; ...и как я пред Богомъ и судомъ его Страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет»³⁰. Избирались на эти должности самые достойные крестьяне. Так, в 1895 году представителем кижской церкви был избран крестьянин деревни Середка, внук знаменитого сказителя Т. Г. Рябина, Кирик Гаврилович Рябинин³¹.

В обязанности церковного старосты помимо пересчета казны входили заготовка дров, закупка свечей, лампадного масла, ладана, церковного вина. В приходе-расходной книге Спасопреображенской кижской церкви за 1870–1874 годы мы находим многочисленные записи о контактах с петербургскими магазинами³². Заказчиком выступал церковный староста Иван Нестерович Ошевнев.

²⁸ Фролова Г. И. История внутреннего убранства Преображенской церкви на острове Кизи (обзор архивных источников) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 25, 26, 29, 31, 32.

²⁹ Там же. С. 30.

³⁰ НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 66/52. Л. 31. (Дается в современной орфографии.)

³¹ НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 75/1. Л. 13.

³² НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 66/746. Л. 46.

С 1997 по 2010 год настоятелем церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Кижях был отец Николай Озолин

Крестный ход в день Преображения Господня в Кижях

Таинство венчания в кижской церкви

Таинство крещения в церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Кижях

Праздник Крещения Господня в Кижях

Кижский церковный звонарь А. Нестеров

В церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Кижях служит Его Святейшество Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. 2000 г.

В качестве поставщиков значились: магазин братьев Елисеевых, «Рейнский погреб купца Селивестрова», «Восковая свечная торговля И. Полякова» на углу Садовой и Чернышева переулков, «Свечная лавка купца А. Виноградова» на углу Б. Садовой и Апраксина двора, «Торговля И. Попова», что напротив Гостиного двора, «Чайный и фруктовый магазин братьев Лапиных» у Пяти углов, «Свечная лавка И. Мячихина» на углу Большой Садовой и Гороховой. Столь тесные контакты старосты кижской церкви и петербургских купцов не были случайностью. Ведь именно в этот период, в начале 1876 года, брат И. Н. Ошевнева Степан Ошевнев был перечислен в Санкт-петербургское второй гильдии купечество. Выписку об этом мы находим в ревизской сказке за 1858 год³³. Деловые связи Степана Нестеровича в купеческой среде и явились причиной возникновения торговых отношений между владельцами петербургских магазинов и старостой кижского храма.

Еще одним интереснейшим документом, ярко характеризующим жизнь церкви и её прихожан в XIX веке, являлись брачные обыски церкви Преображения Господня в Кижях за 1860–1863 гг.³⁴. Под брачными обысками подразумеваются свидетельства о вступающих в брак. В данных документах церковь выступала подлинной хранительницей церковных и крестьянских обычаев. Наличие родительского или родственного благословения, троекратное оглашение в церкви с целью выяснить, нет ли препятствий для заключения данного брака, предоставление письменного свидетельства священника, характеризующего жениха или невесту из другого прихода как достойного прихожанина или прихожанку³⁵, письменное подтверждение достоверности сведений, излагаемых в брачном обыске поручителями со стороны жениха и невесты, говорят о серьезности нравственных требований, предъявлявшихся церковью к своим прихожанам и формировавших здоровую модель поведения и образа жизни прихожан.

³³ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 77/761. Л. 40.

³⁴ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 2/9.

³⁵ Там же. Л. 8а.

Визит в Кижь Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. 2010 г.

Его Преосвященство архиепископ Петрозаводский и Карельский Мануил в Кижках

Такова была жизнь Кижского прихода в XIX столетии. В начале XX века в ней произошли значительные изменения.

После Великой Октябрьской революции, в 1920 году, церкви Кижского погоста были поставлены на государственный учет как памятники архитектуры³⁶, хотя церковные службы в храмах продолжались. В конце 1935 года местный сельский совет организовал в 17 колхозах района голосование о закрытии действующих церквей. За закрытие проголосовало 80, против – около 1 000 человек. Тем не менее президиум Заонежского райисполкома от 7 ноября 1936 года рекомендовал Кижскому сельскому совету взять под охрану церковь-музей и изъять у церковного совета ключи от храма. Постановлением Комиссии по культуре при Президиуме КАРЦИК от 13 февраля 1937 года службы в Преображенской церкви были прекращены. Это постановление вошло в силу после рассмотрения на заседании Комиссии по вопросам культа при Президиуме ЦИК СССР от 27 июля 1937 года. Для отправления религиозных обрядов верующим оставлена церковь Покрова Богородицы³⁷, последняя литургия в которой совершалась осенью 1937 года. Последними настоятелями прихода были священники М. А. Русанов (1874–1943) и А. С. Петухов (1875–1937)³⁸.

³⁶ Архив ИИМК. Ф. 67. Оп. 41. Д. 76. Л. 13. (Охранное свидетельство на памятники Кижского архитектурного ансамбля от 11 августа 1920 года). (Из материалов Гушиной В. А.)

³⁷ Так как, на основании статьи 10 Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8.4.29 года каждое религиозное общество могло пользоваться только одним молитвенным зданием. Документы о закрытии Преображенской церкви см.: НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 14/83. Л. 14, 20, 20 об., 22. (См. также статью В. А. и Б. А. Гушиных в настоящем сборнике.)

³⁸ Подробнее о М. А. Русанове и А. С. Петухове см. в статье Р. Б. Калашниковой в настоящем сборнике.

Михаил Александрович Русанов служил в кижских церквях до конца 1920-х годов. Он был потомственным священником. В кижских церквях служил его прадед священник Иоанн Феодулов и его дед Андрей Русанов³⁹. В настоящее время на кладбище Спасо-Кижского погоста на месте фамильного захоронения Русановых стоит памятный крест, установленный в 2001 году.

Алексей Степанович Петухов, назначенный в Кижский приход в 1933 году, был потомственным священником и происходил из Архангельской губернии. 24 октября 1937 года он был арестован сотрудниками Заонежского РО НКВД КАССР, обвинен в том, что являлся «...участником контрреволюционной повстанческой группы», и через месяц расстрелян⁴⁰. Место его захоронения неизвестно. За год до своего ареста 4 декабря 1936 года А. С. Петухов вместе с другими членами кижского церковного совета обратился в КАРЦИК и Ленинградское областное отделение по делам музеев и охраны памятников старины. Суть обращения состояла в просьбе отменить постановление об изъятии Преображенского храма у верующих и превращении его в светский музей, а также о возвращении церковному совету ключей от храма, насильственно изъятых у них председателем местного сельского совета. В обращении говорилось: «Если верующие в этом храме служили богослужение 200 лет и сумели сохранить его в течение двух веков, то

³⁹ Калашникова Р. Б. Из истории... С. 4.

⁴⁰ Архив Управления ФСБ России по Республике Карелия. Д. № 5455. (Сведения приводятся на основе письма из ФСБ РФ по Республике Карелия за № 10/14/н от 31.12.2009, хранящегося в архиве музея «Кижь».)

Литургию в кижской церкви Покрова Пресвятой Богородицы служит отец Артемий Корыхалов

дайте и теперь верующим возможность на основании религиозной свободы новой Конституции пользоваться им для молитвенных целей. Устройство же из него светского музея находим нецелесообразным потому, что наша местность – захолустье, расположена на островах озера Онеги, нет дорог и удалена от центра гор(ода) на 70 вер(ст);

2. посещаемость музея будет очень мала и только в летнее время;

3. содержание музея потребует больших государственных средств, а это, на основании вышеуказанных причин, будет не оправдывающий своего назначения расход и, в 4-х, – устройством же в храме светского музея будет нанесено духовное оскорбление религиозному чувству верующих, как нашего, так и соседних приходов, ибо этот храм пользуется особым вниманием окружного населения»⁴¹.

Послевоенное время было связано с реставрацией Кижского архитектурного ансамбля (1949–1959) и созданием музея-заповедника «Кижы» (1966)⁴². В этот период, вплоть до 1990-х годов, богослужения в храмах не проводились⁴³. В 1993 году по инициативе жителей острова, при поддержке музея был создан Кижский приход, а 20 августа 1994 года впервые после 57-летнего перерыва в церкви Покрова Богородицы отслужил

⁴¹ Цит. по: Детчнев Б. Ф. В тридцатые годы // Наука и религия. 1989. № 4. С. 41.

⁴² До 1966 года музей «Кижы» являлся филиалом Карельского государственного краеведческого музея.

⁴³ В 1984 году Преображенская церковь была закрыта для посещений, иконостас ее разобран и помещен в хранилище, внутри церкви был установлен металлический каркас.

Участники кижского футбольного турнира, проходившего под патронатом прихода

божественную литургию Его Преосвященство епископ Петрозаводский и Олонецкий Мануил.

С 1993 по 1997 год богослужения и требы в кижской церкви Покрова Богородицы периодически отправлял священник Екатеринбургской церкви города Петрозаводска Георгий Варга. В 1997 году настоятелем Спасо-Кижского прихода был назначен священник Николай Озолин, прослуживший в храме Покрова Богородицы до 2010 года. Отцу Николаю Озолину выпала честь воссоздания интерьера действующего храма и восстановления его литургической жизни. Работы по убранству интерьера проводились при поддержке и участии сотрудников музея. С конца 2010 года настоятелем Спасо-Кижского прихода стал отец Артемий Корыхалов.

Богослужения в храме Покрова Богородицы проводятся в летнее время по воскресным и церковным праздничным дням. В зимнее время из-за отсутствия отопления служить в церкви не представляется возможным.

За годы возрожденной литургической жизни остров Кижы и кижские храмы посетили высокие духовные особы. В июне 2000 года состоялся визит Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Летом 2010 года остров Кижы и его храмы посетил нынешний глава Русской Православной Церкви Его Святейшество Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Кижский приход является одним из приходов Карельской епархии и со

Участники кижского волейбольного турнира, проходившего под патронатом прихода.

дня его основания окормляется Его Преосвященством митрополитом Петрозаводским и Карельским Мануилом.

Кижский приход работает в тесном сотрудничестве с музеем. Совместно с приходом сотрудники музея возродили в округе

традицию отмечать часовенные праздники, передали храму выполненную своими руками в технике золотного и бисерного шитья бархатную плащаницу; некоторые из сотрудников поют в церковном хоре. Многие делают для местного населения, например совместный с музеем праздник Кижской волости традиционно празднуется в день Преображения Господня. Очень популярны на острове футбольный и волейбольный турниры, возникшие под патронатом прихода. Таким образом, жизнь прихода является важной составной частью жизни музея, демонстрируя понимание общих задач по возрождению духовной и нравственной основы современного общества и являя собой пример гармоничного сотрудничества музейного сообщества с православной церковью.

Заонежские священники (конец XVIII – первая треть XX в.)

Данное исследование основано на архивных материалах и воспоминаниях родственников заонежских священников, которые автор собирал в течение десяти лет. Проблема, затронутая в статье, только начинает разрабатываться, но уже сейчас на основе собранного материала можно говорить об огромном подвижническом и просветительском потенциале сельского духовенства, особенностях жизни этого достаточно замкнутого российского сословия. В качестве примера приведены сведения о нескольких священнических фамилиях (Русановы, Петуховы, Светловы, Логиневские) из более десяти, известных автору.

Михаил Русанов (1874–1943)

Семейное предание священников Русановых гласит, что пришли они на остров Кижы из Новгородской земли: «Наша фамилия 400 лет в Кижях»¹. Однако изучение архивных материалов это не подтверждает. В первой половине XVIII века род Русановых был представлен семьей священника Салменижского прихода отца Михаила, родившегося около 1730 года. Его сын Феодул Михайлов (1750–1826), «уроженец тутошний», также был священником церкви Пророка Ильи в Салменицах, близ Петрозаводска. Судьба его детей сложилась по-разному: Архип Феодулов после пономарской деятельности в 1799 году

выбыл в мещанство, Яков Феодулов всю жизнь прослужил пономарём в отцовской церкви, Феодор Феодулов после смерти отца занял священническую вакансию в Салменижском приходе. Брат их Иоанн (1776 г. р.), более двадцати лет прослуживший дьячком в церкви отца, был в 1814 году рукоположен во священника Климецкой пустыни, а в марте 1815 года переведен в Кижский приход². Так Русановы появились в Кижях.

Внук Иоанна Феодулова, сын кузарандского дьячка, Андрей Иоаннов Русанов (1821–1875 гг.) с 1844 года служил священником Пудожгорского прихода, а с 1856 года – Кижского. В Кижы он попал, видимо, потому, что там одну из священнических вакансий занимал его престарелый дед Иоанн Феодулов, скончавшийся в 1866 году и похороненный в присутствии всего причта на кижском кладбище близ церквей³.

Начиная с Андрея Иоаннова у потомков Иоанна Феодулова появляется фамилия Русановы. В 1832 году, будучи учеником Олонецкой

¹ НА МЗК. Фонд Р. Б. Калашниковой. Запись беседы с Марией Михайловной Русановой (1911–1994 гг.). 25 марта 1988 г.

² Родословная составлена на основании материалов, хранящихся в Национальном архиве Республики Карелия (далее НА РК): Ф. 25. Оп. 21. № 74. Л. 401. (Исповедные ведомости Петрозаводского уезда за 1794 г.); Ф. 25. Оп. 15. № 97/279. Л. 8–9. (Ведомости о церковных приходах 1802 г.); Ф. 4. Оп. 18. № 23/224. Л. 8. (Ревизская сказка о священно-церковнослужителях Петрозаводского уезда. 1811 г.); Ф. 4. Оп. 18. № 60/561. Л. 76–78. (Ревизская сказка о священнослужителях Олонецкой епархии. 1834 г.); Ф. 699. Оп. 1. № 1/7а. Л. 40–47. (Ведомости Кижских церквей (1855–1906 гг.)) и др.

³ НА РК. Ф. 25. Оп. 22. № 249. Л. 942–943. (Метрические книги Петрозаводского уезда за 1866 г.)

духовной семинарии, одиннадцатилетний Андрей впервые подписался: «Русанов». Нынешние его потомки предполагают, что такую фамилию он получил из-за цвета волос. Интересно, что его ближайшие родственники имели совсем другие фамилии: священник Петр Федоров стал Албинским, а пономарь Дмитрий Яковлев – Беляевым⁴.

Единственный сын Андрея Русанова – Александр (1847–1905), учитель Сенногубского и Кижского сельских училищ, в конце жизни стал церковнослужителем – псаломщиком в Кижском приходе. Он был женат дважды. Первый раз на дочери великогубского священника Михаила Аггеева Темномерова Анне⁵. От этого брака 8 ноября 1874 года родился сын Михаил. К сожалению, не прошло и года, как двадцатилетняя Анна Русанова умерла «от горячки». В 1876 году в Космозерской Успенской церкви Александр Русанов венчается с дочерью космозерского священника Михаила Николаева Чернянского Параскевой⁶. В браке с Параскевой Михайловой у него было трое дочерей: Клавдия (1877 г. р.), Вера (1887 г. р.) и Надежда (1889 г. р.). Старшая дочь вышла замуж за сына толвуйского священника Ивана Васильевича Соловьева, впоследствии столоначальника Санкт-Петербургской духовной консистории, средняя – за учителя Дмитрия Ивановича Приезжего, уроженца дер. Корба, младшая – за сына яндомозерского священника диакона Петра Платоновича Логиневского.

Священник Михаил Александрович Русанов всю жизнь прослужил в кижских церквях. Свой сан он наследовал от деда, а грамоте и счету учился у отца. После окончания Олонецкой духовной семинарии сразу же был назначен священником в Кижский приход, в который приехал не один. 3 сентября 1897 года в Кафедральном соборе г. Петрозаводска отец Михаил венчался с Анастасией Александровной Троицкой (1876–1947)⁷, родившейся

в Псковской губернии в семье дьяка. Она была внучатой племянницей Святейшего Патриарха Тихона, не принявшего советской власти и жестоко пострадавшего от неё.

У Михаила и Анастасии Русановых была большая, дружная семья. Первенцем их стал сын Александр, родившийся 15 августа 1898 года. В январе 1902 года родилась дочь Анна. А затем друг за другом – Михаил и Николай, Клавдия и Петр, Мария и Иван. Младший, любимец семьи, Ванечка, дослужившийся впоследствии до поста наркома, родился уже в 1913 году.

Помимо службы в приходе, занятий в церковно-приходской школе, М. А. Русанов вёл крестьянское хозяйство: у него был надел земли на южном конце острова Кижы, рыболовные и сенокосные угодья (местечко Копаницы близ Сычей, Попов остров), две коровы, лошадь. Сами накашивали на зиму сена, ловили рыбу (в хозяйстве было не менее 40 сетей), жали рожь, только на жатву приглашая в помощь местных крестьянок⁸. В 1910-х гг. в доме Русановых появилась мелочная лавка и отец Михаил стал казначеем содержащего её потребительского общества. Жалованье священника Кижского прихода составляло 120 рублей в год. Это была не слишком большая сумма, учитывая количество детей в семье. Поэтому все дети работали, помогая по хозяйству.

В семье священника почитали чтение: в зале, рядом с конторкой, за которой стоял работал отец Михаил, находились книги – собрания сочинений Писемского, Лескова, Чехова. Дом Русановых был очень гостеприимным. Приезжали не только родственники и друзья, но и, например, дети священника Сенногубского прихода В. С. Ржановского. В 1926 году пение церковных молитв отцом Михаилом записал известный ученый-фольклорист Ю. М. Соколов: «Зашли к священнику – о. Михаилу Русанову... Принял нас радушно. Мы осмотрели сначала обе церкви. Одна – 1714 г. (двадцатидвухглавая), другая – 1754 г. Первая церковь произвела громадное впечатление, не только внешность – архитектура, но и внутренним убранством: старинными иконами хорошей

⁴ Конец 1820-х – 1830-е гг. – время появления фамилий в священническом сословии Олонецкой губернии. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 20. № 16/143. Т. 1. Л. 72, 77

⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 22. № 293. Л. 517–518. (Метрическая книга Петрозаводского уезда за 1874 г. Великогубский приход.)

⁶ Там же. № 302. Л. 256. (Метрическая книга записей о рождении, браке и смерти за 1876 г.)

⁷ Там же. № 459. Л. 113–114. (Метрическая книга Петрозаводского уезда за 1897 г.)

⁸ НА МЗК. Фонд Р. Б. Калашниковой. (Запись беседы с Петром Михайловичем, Иваном Михайловичем и Марией Михайловной Русановыми. 3 августа 1988 года.)

сохранности, без окладов»⁹. Несколько раз гостил у Русановых художник Игорь Грабарь вместе со студентами-архитекторами. Он обследовал деревянные дома и часовни в округе, убеждая отца Михаила в уникальности кижских церквей: «Вашу церковь через несколько лет мы поставим под стеклянный колпак». Русанов удивлялся такому отношению к Спасовой церкви: кижские жители привыкли к её красоте¹⁰.

Одним из самых ярких праздников прихода был престольный – Преображение Господне. Накануне, 18 августа, семья священника ездил на импровизированный пикник на остров Еглов. Обязательными были самовар и пироги с черникой – традиционное постное блюдо.

19 августа из Петрозаводска в Кижы приезжал пароход с архиереем, священнослужителями и многочисленными гостями. Едва он показывался на горизонте, начинали звонить кижские колокола. В праздник на острове было очень много народу. Прихожане съезжались со всей округи на лодках, многие не умещались в летней церкви, стояли на крыльце, под крыльцом. Детей к причастию передавали из рук в руки, над головами прихожан. После службы гостей угощали в доме священника. «Кормили в трех местах, – вспоминала дочь священника Мария Михайловна, – в столовой, зале и на кухне. По сорок-пятьдесят рыбников пекла мама. Три самовара больших ставили. Любой приходил».

«Священник у нас хороший был, Михаилом звали его. Мы в церковь ходили, дак мы, если придём рано, к ним заходим, посидеть, дождаца, как служба когда начнется, сторож коуда откроет двери там в церковь. Никогда не отказывали, всегда приглашали. В церковь мы ходили часто. А в Великой пос почти в каждый день ходили. Там в Великой пос ведь эта служба хорошая идёт, длинна. Святота! У нас такая Горбачевых была тетенька Кузьмична, она как по деревне с палкой пройдёт: “Робята, пойдёмтя в церковь, пойдёмтя!” Все соберёмся, солнце-то пекёт, по дороге-та таят. Хорошо идти! Так мы по льду друг за

другом так и идём... поездом на вечернюю службу»¹¹.

«Нас папа не оставлял, в церковь возил вот таких. В Паску дак он увезёт нас всех, что: “Трех спать! Давайте все в церковь!” Церковь полна народу, а он на крылосе, а мы рядом с братом, маленьки совсем, на другую сторону крылоса сядем и тут с братом слушаем и спим... Пели одни мужчины. Женщин не было. Народу много. Полна церковь и в паперти полно и ограды ищё, около церкви. Вся молодёжь и все, все в церковь ходили! Церковь красивая очень, богатая. Всё в иконах золотых. Такие большие! Все стены были золотые. Небо было большое голубое, всё звёздочками золотыми. А как сколько у нас было этих риз!»¹².

После установления советской власти жизнь сельских священников резко изменилась. Жалованья не платили. Жили своим трудом и помощью прихожан. В 1929 г. М. А. Русанова, пожилого человека, выслали на лесозаготовки вместе с другими «служителями культа» и так называемыми «вредителями». Там Русанов заболел и чуть не умер. Спасли дети, вывезшие его оттуда. «Маму выселили на улицу. Дом, построенный ещё дедом, как кулацкий отобрали», – вспоминали они. Анастасию Александровну приютил на время крестьянин деревни Мальково Григорий Терентьевич Марков.

В дальнейшем М. А. Русанов уехал в Петрозаводск, жил в семье старшей дочери. Потенциал образованного человека не был востребован советской властью. Он стеклил окна, работал дворником, сторожем. Из-за своего происхождения дети претерпели всяческие гонения: их не брали на работу, учебу, хотя впоследствии младшая дочь Мария стала заслуженной учительницей РСФСР, а младший сын Иван народным комиссаром в правительстве КФССР. Во время войны вместе с женой и семьёй дочери М. А. Русанов выехал в эвакуацию. Там и умер в 1943 году. Похоронен в городе Емцы Архангельской области. Анастасия Александровна пережила его на четыре года. После

⁹ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. № 126. Л. 23. (Записная книжка Ю. М. Соколова с заметками о фольклорной экспедиции.)

¹⁰ НА МЗК. Фонд Р. Б. Калашниковой. (Запись беседы с М. М. Русановой.)

¹¹ Там же. (Запись беседы с Ириной Степановной Агапитовой (Потёмкиной) (1900–1997 гг.) из дер. Серёдка. 15 февраля 1995 г.)

¹² Там же. (Запись беседы с Ольгой Григорьевной Куделиной (Серовой) (1913–1999 гг.) из дер. Жарниково 6 сентября 1998 г.)

вынужденного отъезда она никогда не приезжала в Кижы: там разрушилось её счастье.

Алексей Петухов (1875–1937)

В 1933 году на острове Кижы появился новый священник Алексей Степанович Петухов, родившийся 4 октября 1875 года в с. Ростовское Шенкурского уезда Архангельской губернии. Его отец священник, жена также была из священнического сословия (в девичестве Попова, г. Онега). Алексей Степанович и Александра Стефановна (1880–1946) закончили соответственно духовную семинарию и епархиальное училище в Архангельске. После недолгих лет учительства в архангельской глубинке, деревнях Маслозеро и Юштозеро, А. С. Петухов, следуя семейной традиции, в 1910-х гг. принял сан священника. 1917 год встретил отец Алексей в Юштозерском приходе Ухтинской волости. Во время гражданской войны находился в Финляндии, в г. Каяни. Оттуда написал жене, предлагал приехать. Жена ответила: «Как же можно, Алёша, жить без Родины?» Отказалась ехать, впоследствии очень жалела об этом поступке. Вернувшись в Россию, Алексей Петухов служил священником в дер. Суна, был арестован и направлен на принудительные работы за то, что зарезал собственную корову и продал мясо. Его обвинили во вредительстве, припомнив заодно и Финляндию.

В кижских церквях Алексей Петухов служил до самой смерти. Жизнь его семьи, счастливо начавшаяся в 1905 году, была полна лишений и страданий. У Петуховых было 11 детей, однако пятеро из них умерли от скарлатины в течение 2 недель. Широко образованный, в начале века увлечённый фотографией (имел специальный фотографический аппарат, что было редкостью)¹³, он большую часть священнической службы принуждён был жить в бедности и нищете. «На острове Кижы мы жили на подаяние»¹⁴. Младшую дочь Галю посылали просить милостыню в деревню Ямка. Кто наливал молока, подавал хлеб, а кто и закрывал

дверь перед десятилетней просительницей. Александра Стефановна занималась шитьём: стегала куртки, одеяла, брюки. Никогда не договаривалась заранее об оплате, надеясь на то, что кижские жители сами отблагодарят едой. Алексей Степанович ловил рыбу, но сети были старые, дырявые, только и знали, что чинили их. Сослужив службу в часовне или крестьянском доме, священник иногда получал плату натурой (удивлялся, когда подавали... тестом), жену его очень удручало хождение «с корзиной». Несмотря на все трудности, отец Алексей многое делал для спасения храмов. В результате неоднократных письменных обращений верующих указом Совета министров в середине 30-х годов он был назначен хранителем кижских церквей.

В июне 1933 года на острове Кижы побывал Сталин (вместе с Кировым и Ворошиловым). Он прибыл ночью на пароходе «Анохин» и захотел осмотреть церковь. Ключи были у о. Алексия. Крикнули случившихся рядом мальчишек сбегать за батюшкой. «А там попадая трясётся, уже нам открыли дверь, она трясётся, а в то время знаете, как все тряслись. Ну, батюшка пришел. Мы тоже туда... Нас оттуда – “цык”. “Куда?” – и не пустили нас больше. Они только в большой церкви были, в Спасовской. А в Покровскую не заходили, Покровская их не интересовала. Может, минут двадцать пробыли в церкви, может, полчаса. Недолго, недолго. И вышли. И опять на пароход, и пароход без гудков, безо всего пошел в сторону Великой...»¹⁵.

24 октября 1937 года Алексея Степановича Петухова арестовали. Он ехал из Петрозаводска одним из последних пароходов. Возвращался с приятным известием: только что получил звание протоиерея. Через месяц, 26 ноября 1937 года, Петухов был расстрелян. Проводившие обыск в доме на Боярщине, где он снимал жильё, были поражены бедностью семьи: из нескольких десятков вещей самыми ценными оказались старая зингеровская машинка и шкаф. Печальной оказалась и участь детей, которым стоило невероятных усилий получить среднее образование и работу. Еще при жизни священника старшего сына Владимира (1907 г. р.)

¹³ Младшая дочь Галина Алексеевна Петухова (1925 г. р.) вспоминает: «...папа имел треногу и красный фонарь для печатания фотографий. Правда, в Кижях фотоаппарата уже не было». 24 марта 2000 г.

¹⁴ НА МЗК. Фонд Р. Б. Калашниковой. (Запись беседы с Аккуратовой Августой Алексеевной (1921–1999 гг.). 5 октября 1993 г.)

¹⁵ Там же. (Запись беседы с Рябининым Алексеем Михайловичем (1921 г. р.). 25 января 2000 г.)

исключили из техникума за то, что он «не отказался» от отца. Тогда А. С. Петухов за руку привел в Сенногубский сельсовет собирающуюся так же поступить старшую дочь Софью (1917 г. р.), чтобы она на его глазах написала заявление об отказе. Младшего сына Геннадия (1916 г. р.) уволили с работы за то, что он на сутки заехал к отцу в Кижы. Самой большой болью детей Алексея Петухова до конца их дней было незнание места захоронения отца.

Иоанн Светлов (1874–1937)

Согласно семейной легенде, предки Иоанна Светлова попали в Заонежье из Новгорода в середине XVIII века, сразу после Кижского восстания¹⁶. Отец его Аполлос Иоаннов Светлов (1841–1900) был рукоположен во священника в городе Пудоже в 1864 году, затем почти десять лет служил в плесской Вознесенской церкви Каргопольского уезда, а с 1871 года в типиницкой Вознесенской церкви Петрозаводского уезда. Дед по матери Стефан Абрамов Енохов был священником Ковжского прихода Вытегорского уезда¹⁷.

Родился И. А. Светлов в дер. Типиницы 7 августа 1874 года, окончил Олонецкую духовную семинарию в 1897 году. Год был приписан псаломщиком к кафедральному собору в Петрозаводске, затем по прошению определен на должность учителя с преподаванием Закона Божия в Волкостровскую церковно-приходскую школу близ Кижей. Внезапно 3 июня 1900 года в Типиницах умирает его отец, 59 лет от роду, от простуды. Он был похоронен 5 июня на кладбище при Вознесенской церкви в присутствии собравшихся вместе причтов Толвуйского, Кузарандского, Великогубского, Яндомозерского, Кижского и осиротевшего Типиницкого приходов¹⁸. Такое торжественное погребение неудивительно, так как А. И. Светлов на церковной службе состоял 36 лет, в том числе проходил должность благочинного с 1884 по 1898 г.

¹⁶ Там же. (Запись беседы с Лидией Ивановной Чернявской (урожд. Светловой, 1904–1994 гг.). 7 мая 1991 г.)

¹⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Ед. хр. 26/268. Л. 3. (Формулярная ведомость о церкви Вознесения Типиницкого прихода Петрозаводского уезда за 1883 г.)

¹⁸ Там же. Ф. 25. Оп. 22. № 490. С. 170–171. (Метрическая книга Петрозаводского уезда за 1900 г.)

Буквально через полтора месяца учитель Иоанн Светлов венчается в кафедральном соборе г. Петрозаводска с учительницей Вороновской земской школы Петрозаводского уезда Иулиянией Никитиной Успенской¹⁹. А 10 августа 1900 года Иоанн Аполлосов Светлов был рукоположен во священника к типиницкой Вознесенской церкви Петрозаводского уезда, где прослужил, как и отец, до конца своей жизни. В течение 1906–1908 гг. в Типиницах по указу Олонецкой духовной консистории построили новый дом для священника. На строительство дома было разрешено использовать деньги из церковных сумм (типиницкой Вознесенской церкви – 470 рублей, приписной полевской Ильинской церкви – 40 рублей и др.). Сверх того: «На постройку церковного дома для Священника привезено лесом крестьянами бесплатно из своего крестьянского надела – пятьсот деревьев, на сумму 200 рублей»²⁰.

Жена священника Иульяния Никитина родилась в семье псаломщика Чуриловского прихода Вытегорского уезда 8 августа 1880 года. Окончила курс в Олонецком епархиальном женском училище в 1897 году. С будущим мужем познакомилась в Петрозаводске на свадьбе брата матери, женившегося на двоюродной сестре И. А. Светлова. Все дети Светловых родились в Типиницком приходе: Федор (7 июня 1902 г.), Лидия (22 марта 1904 г.), Клавдия (26 декабря 1906 г.), Александр (12 декабря 1907 г.), Иоанн (29 марта 1910 г.), затем Николай, Алексей, Арсений. При священнике долгое время жили его мать и незамужняя сестра, которая служила просфирней прихода с 1881 года.

Годовой доход священника довольно крупного для Заонежья Типиницкого прихода в начале XX века складывался из жалованья около 200 рублей в год, законоучительских в 2 школах – 80 руб., денежного дохода – 130 руб. (оплата билетов Государственного займа, подаренных причту, и др.). Кроме того, учитывались приношения прихожан, называемые в Заонежье «ругой»: «Собрано зерном, хлебом,

¹⁹ Там же. № 483. Л. 87. (Метрическая книга Петрозаводского уезда за 1900 год.)

²⁰ НА РК. Ф. 713. Оп. 1. № 1/10. С. 1–2. (Вознесенская церковь Типиницкого прихода Петрозаводского уезда. Отчет по постройке нового церковного дома для священника.)

мясом и т.п. на 60 рублей»²¹. Типиницкий священник имел свои сенокосные и пахотные угодья, две коровы. Лошадей и овец не было. По словам старшей дочери Лидии, отец получал зарплату два раза в год, у петрозаводского купца Китайкова он был оптовым покупателем. Она помнила, как отец привозил из города соломенные шляпки, ситцы... Специально для дочерей, кроме популярной «Нивы», выписывал журнал мод.

С детства Л. И. Чернявская запомнила, когда в деревне первый раз выгоняли на пастбище скотину, отец обязательно окроплял её. Стоял при входе в «улочку», окунал кисточку в святую воду и кропил. Одним из самых больших праздников Типиницкого прихода было Крещение (в Вознесенской церкви имелся придел в честь праздника Богоявления Господня). Впечатляла крещенская ярмарка: целый ряд палаток с разнообразными товарами в дер. Трутневой. После утренней службы в церкви отец шел к озеру на молебен у «Йордана». Несмотря на мороз, он нес крест над головой голыми руками. Многие из прихожан «делали заветы» – купались в ледяной воде прямо в одежде. Вечером приходили к проруби за святой водой.

Внучка Иоанна Светлова Н. И. Ронгонен помнит, как летом бывала в гостях у бабушки с бабушкой и «...ходила в церковь к причастью... Помню в ложечке мне дедушка что-то наливал...». Она запомнила струнный оркестр семьи Светловых: «Музыкальных инструментов у них было много, потому все дядюшки и тетюшка, и моя мама – все играли. У них был свой, как называется, оркестр. Играли на гитаре, на балалайке, на домбре...». В доме было огромное количество цветов: «Все окна с подоконниками, и на каждом окне были цветы»²². Старшая дочь священника подсчитала: 56 цветов, среди них пальмы, фикусы, герань...

Лидия Ивановна всю жизнь проработала учительницей. Она закончила церковно-приходскую школу в Типиницах, затем высшую начальную в Великой Губе и педагогиче-

ский техникум в Петрозаводске. Первый год работала в деревне Поля, затем в Карасозере. С 1924 по 1930 г. была учительницей в Яндомозере. Дети очень любили её. Многие до сих пор вспоминают свою учительницу: «Оригинальная была женщина. Очень хорошая. Спектакли ставила. Одевалась по-модному. Учила говорить по-городскому. Ну, а мы, как привыкли»²³.

В 1930-е гг. И. А. Светлова арестовали, но «следователь оказался ухажер Лидии Ивановны, и он отпустил деда, так как знал, что он ничего плохого никому не делал, кроме хорошего. Его... лишили сана, дом отобрали, дали дом, плохо приспособленный для жилья. Дед говорит: “Я не могу всех прокормить.” Дети все старшие работали, младших он отдал старшим»²⁴. Какое-то время Светловы жили в Типиницах, о. Иоанн служил понемногу: отпевал, крестил. «Он у меня крестил ребят, этот батюшка. В Вороний приходил, пешочком придёт»²⁵, я крестила Колю в 36-м году, а Тоню в 34-м... В 37-ом году он болел, батюшка, и матушка переехала в город. Вот со всеми ребятами переехали в город. И поповский дом стоял у церкви, никто там пока не жил»²⁶. Когда покидали Типиницы, вспоминала дочь, «несколько корзин двуручных со своими иконами в церковь внесли»²⁷. Умер Иоанн Аполлосович Светлов в мае 1937 года от болезни. Смерть в своей постели в то время для священника считалась удачей. Похоронен Иван Аполлосович, как и положено священнику, близ Крестовоздвиженской церкви в Петрозаводске. Судьба его детей сложилась достаточно счастливо. Все семеро, несмотря на социальное происхождение, сумели получить образование, главным образом учительское. Николай Иванович Светлов три раза сдавал экзамены в техникум на одни пятёрки, пока не был принят. Впоследствии защитил докторскую диссертацию, стал лауреатом Сталинской премии.

²³ Там же. (Запись разговора с А. М. Дешиной (в девичестве Фепоновой, род. в дер. Яндомозеро в 1918 году). 21 июля 2000 г.)

²⁴ Там же.

²⁵ От с. Типиницы до дер. Вороний Остров 7 км.

²⁶ НА МЗК. Фонд Р. Б. Калашниковой. (Запись беседы с Анастасией Фёдоровной Чиркиной (урожд. Потахина, 1912 г. р.) 4 августа 1995 г.)

²⁷ Там же. (Запись беседы с Л. И. Чернявской.)

²¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. № 27/295. С. 1–3. (Ведомости [о] церквях Типиницкого прихода Петрозаводского уезда за 1910 год и послужные списки на церковнослужителей.)

²² НА МЗК. Фонд Р. Б. Калашниковой. (Запись беседы с Ниной Ивановной Ронгонен (1928 г. р.). 17 декабря 1999 г.)

Платон Логиневский (1853–1924)

«Прадед мой родом с Олонца. А в Олонец попал из Польши. Логиневский Илья. Когда было польское восстание, в XIX веке, был царский указ о том, что поляков, которые участвовали в восстании, сослать в подстоличную Сибирь. А подстоличной Сибирью считалась Олонецкая губерния. И вот их сослали в Олонец, там было много семей: Логиневские, Ильинские, Синодские, Каменецкие. Всё это поляки. И в указе царя было сказано, что старший сын в семье должен быть обязательно священником. А если дочь родится старшая, то она должна идти в монастырь и замаливать грехи»²⁸.

На самом деле Платон Логиневский родился 13 ноября 1853 года в городе Олонце. Отцом его был пономарь Михайловской церкви Илья Иванов Логиневский, мать его Ольга Иванова²⁹. Вырос Платон в семье священнослужителей, появившихся в Олонецкой губернии гораздо раньше польского восстания. Его прадед и прабабушка по отцу – священник Александровской слободы Самбатужского погоста Стефан Логиневский и его жена Ксения Евсеева – родились в середине XVIII века³⁰. Дед Иоанн Стефанов Логиневский (1789 г. р.) начал своё служение после окончания Новгородского приходского училища в 1811 году пономарём Обжанского погоста Олонецкого уезда. В 1827 году он был рукоположен во священника Линдозерского погоста Петрозаводского уезда, а с 1831 года стал священником Каковского погоста Лодейнопольского уезда³¹. Жена Иоанна Стефанова Евдокия Стефанова (1794–1795 г. р.), дочь священника Стефана Лазарева (1769 г. р.), «попова сына», который после рукоположения в 1794 году служил в Палаченском приходе, с 1803 года – в Важенском приходе Олонецкого уезда³². Священник Стефан Лазарев и его жена Евдокия Иванова

(1774 г. р.) – прадед и прабабушка Платона Логиневского со стороны бабушки.

Отец Платона Логиневского Илья Иванов Логиневский после окончания Петрозаводского духовного училища в 1848 году восемнадцать лет прослужил сначала пономарём, а затем дьячком в церкви Архистратига Михаила в городе Олонце. Семья жила бедно. Деревянная церковь, построенная в 1672 г. стрельцами, была ветхой и холодной. «Домов своих никто из церковнослужителей не имеет. Денег за год: 139 рублей 97 копеек, священнику 69 р. 98 ½ коп., дьякону и пономарю – столько же, сколько Священнику, по равной части... Содержание очень скудно». В 1866 г. по прошению Илья Логиневский с семьей переезжает в Вытегру, где в 1869 году в Воскресенском соборе его рукоположили во диакона. В 1870 году он становится штатным диаконом вытегорской Покровской церкви³³.

Очевидно, что со своей будущей женой Платон Логиневский познакомился в Вытегре, где её отец служил помощником настоятеля вытегорской Покровской церкви. В красивейшей Покровской церкви, которая по праву считается предшественницей Преображенской церкви в Кижях, видимо, и был заключен брак Платона Ильина Логиневского и Клавдии Спиридоновой Партанской.

Клавдия Спиридонова Партанская, «дочь священническая», родилась 20 марта 1857 г. в Вытегре. Мать её Мария Ильина, из духовных, неграмотная... Дед по линии отца – сын священника, дьячок Остречинского погоста Петрозаводского уезда Петр Дмитриев³⁴. В церковных документах он характеризуется только положительно: «Исправен во всем». Женой его была Матрона Антонова³⁵. Отец Клавдии священник Спиридон Петров Партанский (1826 г. р.) в 1847 году окончил курс Олонецкой духовной семинарии. Два года исполнял должность наставника в Остречинском

²⁸ НА МЗК. Фонд Р. Б. Калашниковой. (Из беседы с Марией Петровной Логиневской (1921 г. р.). 20 мая 1993 г.) М. П. Логиневская всю жизнь проработала в народном образовании.

²⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 24. № 91. С. 60–61. (Метрические книги Олонецкого уезда за 1853 г.)

³⁰ Там же. Ф. 25. Оп. 20. № 17/145. Л. 24. (Ведомости церквей Олонецкого уезда Олонецкой Епархии за 1817 г.)

³¹ Там же. № 16/143. Т. 2. Л. 279. (Ведомости о церквях Петрозаводского и Лодейнопольского уездов за 1854 г.)

³² НА РК. Ф. 25. Оп. 20. № 17/145. Л. 58. (Ведомости церквей Олонецкого уезда Олонецкой Епархии за 1817 г.)

³³ В конце жизни, по прошению, Илья Логиневский был переведен в Даниловский приход Повенецкого уезда. См: НА РК. Ф. 25. Оп. 20. № 28/308. Л. 32. (Формулярные ведомости о церквях 1-го Благочиннического округа Повенецкого уезда. 1882 г.)

³⁴ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. № 60/561. Л. 199–200. (Ревизская сказка о священнослужителях Олонецкой епархии. 1834 г.)

³⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. № 16/142. Л. 151–152. (Формулярные ведомости о церквях Петрозаводского и Повенецкого уездов. 1825 г.)

сельском приходском училище Петрозаводского уезда, затем был рукоположен во священника Лоянского погоста Олонецкого уезда, где прослужил 20 лет. 31 декабря 1870 года переведен по прошению в Покровскую церковь Вытегорского погоста.

В 1873 г. газета «Олонецкие губернские ведомости» опубликовала статью Спиридона Партанского об этой замечательной церкви³⁶. «Народное предание говорит, что она построена по плану и рисунку Петра I», – утверждает священник и рассказывает историю, записанную им в 1871 году со слов слепого о. Стефана Смирнова. Согласно ей, Петр I приказал казнить за провинность сына богатого крестьянина Вытегорского погоста Плотникова. После казни отец погибшего вымолил у Петра разрешение поставить над могилой сына богатую церковь. Местный священник Климент Макарьев в память посещения Петром Покровской церкви написал в 1729 году аллегорическую икону «Знамение множества мира». В своей статье Спиридон Партанский не только подробно описывает древние иконы новгородского письма, находившиеся в церкви, но и саму церковь, построенную в 1708 году.

23 октября 1878 года Спиридон Партанский по распоряжению епархиального начальства был переведен на должность помощника настоятеля яндомозерской Варваринской церкви, в которой служил недолго. В 1880 году передал приход своему зятю Платону Логиновскому, учителю Ундозерского земского училища Вытегорского уезда, окончившему Олонецкую духовную семинарию. 20 июля 1880 года Платон был рукоположен к яндомозерской церкви Петрозаводского уезда, где и прослужил до самой смерти (1924 год), без малого пятьдесят лет. С 1881 года он одновременно занимался обучением детей в церковно-приходской школе, первые десять лет делая это «безмездно»³⁷.

Старинная церковь Великомученицы Варвары была построена в 1656 году «тщанием прихожан и усердием добродетельцев».

Рядом с церковью находился дом священника, верхний этаж которого занимала его семья, а нижний – церковно-приходская школа, открытая в 1871 году. Старая яндомозерская церковь была очень ветхой. Её пытались утеплять, но всё равно зимою, несмотря на ежедневную топку, в ней было холодно; в сильные ветра церковь «шаталась», поэтому богослужения в ней проводились с большим трудом³⁸. «Старая Яндомозерская Варвара не отапливалась, холодная церковь была. И вот дед, когда уж стал стареть, решил строить новую церковь. Собрались с прихожанами и сами прихожане нарубили лес, сами строили. Дед что-то из средств вложил. В 1912 году решили освящать»³⁹. «Мне, в возрасте 11 лет, пришлось участвовать в освящении церкви в деревне Яндомозеро Великогубской волости. За час до обеда толпа народа собралась у церкви, в это время появился урядник Касьянов П. И. и стражник, они... выстроили всех в две шеренги вдоль дороги у входа в церковь. Через полчаса появился Архиерей Никанор с сопровождающей его свитой. В это время раздался колокольный звон, звонили во все колокола... Особым уважением Архиерей пользовался у женщин, их было большинство, и они считали Архиерея святым»⁴⁰.

С открытием новой церкви совпало сватовство сына Платона Логиновского Петра⁴¹ к Надежде Александровне Русановой. «Мама моя была в то время учительницей в Вигове. Она не хотела ехать вначале. Хозяйка ей говорит: “Надежда Санна, поезжай! А-то отец Фёдор Великогубский узнает, что ты не поехала, тебя могут и с работы снять!” Мама говорит: “Не хочу ехать, там Петька Логиновский будет. Не хочу ехать!” Но хозяйка уговорила. Учителя все заонежские приехали на освящение церкви, многие крестьяне, особенно зажиточные. Собралась мама ехать с Дуняшей, с девушкой одной. А в деревне все уехали, никого уже нет. Пришли к одному крестьянину, он говорит: “У меня только есть жеребец, но

³⁸ Там же. С. 1.

³⁹ Из беседы с М. П. Логиновской (1921 г. р.). Личный архив автора.

⁴⁰ НА МЗК. Фонд Р. Б. Калашниковой. (Из воспоминаний Д. С. Богданов «Лазурное Заонежье». [Рукопись].)

⁴¹ У Платона и Клавдии Логиновских было пятеро детей: Александр, 1879 г. р., Вера, 1880 г. р., Михаил, 1881 г. р., Петр, 1887 г. р., Александра, 1893 г. р.

³⁶ Вытегорская Покровская церковь на Вытегорском погосте (Краткий очерк) // Олонецкие губернские ведомости. 1873. № 19. С. 212–213. Там же. № 20. С. 225–226.

³⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. № 27/279. С. 2. (Формулярная ведомость о церкви Варвары Великомученицы Яндомозерского прихода Петрозаводского уезда за 1893 г.)

жеребец необъезженный. Хотите, поезжайте.” “А, поедем!” Он говорит: “Но санок я вам не дам! В дровни запрягу!” Запряг в тяжёлые дровни жеребца. И они с Дуняшкой поехали. Через лес проехали, на озеро выехали. Уже к вечеру по озеру едут, а жеребец-то, пока по лесу-то ехали, с одной стороны лес, с другой, дак он прямо бежал, некуда ему деться. А на озеро-то как выехал, в одну сторону рванёт, в другую рванёт, их по озеру носит. В Яндомозере в окно смотрят, говорят: “Ну, кто это там едет? Или какой-нибудь пьяный-забудыга или виговская учительница!” Потому что только она одна и не приехала. Приезжает – действительно мама. Дорогой замёрзли, тут, значит, невестки её – одна шубу свою, другая платок. “Наденька, погуляйте с Петенькой немножко!” С Петенькой их отправили гулять. Тут Петенька её и уговорил, а Архиерей благословил».

Отец Платон Логиневский пользовался большим уважением среди прихожан. К сожалению, почти не осталось людей, общавшихся с ним. Вот один из рассказов о том, как прихожане ходили к священнику «за именем». «Мать как приняла домовщика (сожителя после смерти отца. – К. Р.), и появился рабёнок у матери. Мама меня отправила в Яндомозеро. “А пой, Шураха, – скаже, – имя возьми робёнку, к батюшку сходи!” Пришла к батюшку за фамилией, а батюшку знала: с крестным ходом да са всем ходили тогда попы-то по деревне с Богородицей. Ну, а батюшка-то и говорит: “А счас вот Семён...”. “Ой, – горю, – Семёнов у нас два в деревне есь, уж надо бы взять, чтоб не было человека с таким именем, мне бы такое имя взять”. Угадала это сморозить-то ему всё-таки! “Не знаю, как ты будешь? Ну, ишо вот скажу – Косметином!” “Ой, у нас, батюшка, Кости нету в деревне! Я возьму Костей!” Так радостно мне стало! Я обрадовалась, что угадал батюшка всё-таки! Ну, и приехала домой. А мамка скаже: “Ой, да какие имена давали, что ты Костей-то взяла?” “Давали Семёна, два Семёна в деревне и так есть, докудова аща? Кости нету ни однага, дак и хорошо, мама, будет!»⁴².

⁴² НА МЗК. Фонд Р. Б. Калашниковой. (Из беседы с Александрой Тимофеевной Панфиловой (урожд. Ивановой, 1910 г. р., дер. Морковщина). 4 августа 1995 г.)

Первые годы после революции яндомозерские крестьяне сами содержали причт. Сохранились любопытные документы, повествующие об этих событиях. 12 января 1919 года 120 домохозяев-прихожан постановили назначить: протоиерею Платону Логиневскому – 1200 р., псаломщику Петру Ефимову – 1200 р. «Доходы за требоисправления получать добровольно по прежнему и производить сборы о Пасхе, о Рождестве, о Петровадни, Осенны и в часовенные праздники». В следующем году, судя по протоколу, было решено добровольно выдавать причту хлеб: «С каждова домохозяина по шесть фунтов в год»⁴³.

Однако долго так продолжаться не могло. Священник старел, болел, помощи от прихожан было всё меньше. Мария Петровна Логиневская вспоминает: «Отец мой Петр Платонович Логиневский до революции был дьяконом здесь, в Петрозаводске, в Соборе, которого нет. Мы приехали в Яндомозеро в двадцать четвёртом году, дед обратился к вышестоящему начальству церковному, чтобы его освободили, а сан священника дали моему отцу. И с двадцать четвёртого года почти до тридцатого года мой папа был священником в Яндомозере. В тридцатом году церковь закрыли».

«Петра Платоновича помню. Как хорошо пел! Очень голос красивый был! Архиерей да все приезжали специально. Да ходили ва церковь, вот на Пасхальных днях-то ходили, звонили в колокол. И звон тоже был очень красивый, не такой вот, как теперь. Старая церковь мне не нравилась “Варвара Великомученица”. А молодая очень хорошая была. Помещений там много было.»⁴⁴ “Я помню, вот как сейчас, я его даже в уме помню, сам в Яндомозере жил, а к нам приезжал. Это была Пасха, неделя Святая. Дак он в каждый дом заходил с Богородицей. Он в деревне всё обойдёт, к каждому заходит, в каждой квартиры для него на столе малёнка зерна, ставят туда же Богородицу. Потом нанесут, кто что может, у кого какая стряпня или яички-то, как всегда. Он это в ме-

⁴³ НА РК. Ф. 694. Оп. 1. № 3/23. Л. 8. (Протоколы и постановления собраний верующих Яндомозерского приходского совета за 1917–1920 г.)

⁴⁴ НА МЗК. Фонд Р. Б. Калашниковой. (Из беседы с Дешиной Анастасией Михайловной (урожд. Фелоновой, 1918 г. р., дер. Погост, Яндомозеро). 21 июля 2000 г.)

шок и на лошадь. Он же на лошади приезжал. С дьяконом. Ну, а потом в последнюю очередь он к нам идёт, у нас уже обед был, его угощали. Потому что его жена папина двоюродная сестра что ли»⁴⁵.

Мария Петровна с большой любовью рассказывает об отце: «4 класса он в Петрозаводской Духовной семинарии кончил, а с четвёртого класса его выгнали. Он совершил недостойный поступок: на спор опрокинул ушат воды с окна. В это время архиерей шёл. И ему на голову. Отец сам рассказывал мне, его за это из семинарии выгнали. Он приехал домой, отец узнал: “Ах, так!” И выгнал его из дома. “Иди и зарабатывай, если не хотел учиться, зарабатывай, как хочешь!” Он младший сын был, и пошёл через две деревни к Есиным, к богатому крестьянину Макарьеву в батраки. Потом его забрали в армию. С армии вернулся, но к отцу не шёл, с матерью встречались тайно. Остался в Петрозаводске. Тут и встретил своих семинаристов. Они уже священниками были в Зарецкой церкви да в Соборе Кафедральном и ему предложили, у отца был очень хороший голос: “Давай в церковный хор к нам!” И он в церковный хор пошёл. Сколько там пел? Год, два, три – не знаю. Голос хороший, и его дьяконом. Когда в Кафедральном соборе стал дьяконом, тут он домой приезжал и отец простил его тогда. Голос у него был! Чудесный был бас! Моя учительница Котелова Анна Павловна рассказывала, что они специально ходили слушать Логиневского. А мама говорила, что когда он придёт домой после службы, то в рясе полно в карманах записок. Такой был!»

Петр Платонович Логиневский успел пережить трагедию гонения на священников: в 1929 году его вместе с сыновьями «кулаков» отправили на лесозаготовки. Однажды вместе с Иваном Утицыным они поехали домой в Яндомозеро за сеном для своих лошадей. После возвращения их обвинили во вредительстве и арестовали. Полгода Петр Платонович был в тюрьме около Медвежьегорска, оттуда их возили на рубку леса. Во время тяжелых работ сломал ногу. «Когда он вернулся домой со сломанной ногой, тут решил больше

не оставаться в Яндомозере, переехать обратно в Петрозаводск, где он поступил работать бухгалтером на железную дорогу»⁴⁶. Петр Платонович Логиневский публично отрекся от сана священника. В 1934 году он приехал в Яндомозеро на рыбалку и остался там навсегда: 17 октября его не стало, умер от внезапной болезни.

В 1960-е гг. сгорела церковь в Типиницах, но до сих пор радуют глаз церкви в Яндомозере и Кижях. Ушли из жизни люди, служившие в этих прекрасных церквях, своим трудом, авторитетом, знаниями превратившие их в духовные центры округи. Несмотря на некоторые различия, судьбы протоиереев М. А. Русанова, А. С. Петухова, И. А. Светлова, П. И. Логиневского схожи. Из родословий видно, что священнослужение в Олонецкой губернии было семейным делом. На протяжении столетий, в лоне Семьи, складывалось своеобразное сословие традиционного общества – сельское духовенство. К рубежу XIX–XX вв. деревенский священник представлял собой редкий тип сельского интеллигента, в котором сочетался опыт разных слоёв населения. Сельский священник, как никто другой, уважал и понимал крестьянина, ибо занятый одновременно духовным просвещением и крестьянским трудом знал о его проблемах изнутри. Не случайно священники стали одними из лучших бытописателей крестьянского уклада, традиционной обрядности в дореволюционной периодической печати. Их трудами были сформированы основные фонды многих столичных архивов, в том числе фонд Олонецкой губернии Русского географического общества в Санкт-Петербурге.

В эпоху «великого перелома» 1930-х гг. сельские священники были уничтожены вместе с лучшими прихожанами. Разрушив церковь, советская власть во многом разрушила духовную жизнь деревни. Однако достойная жизнь родителей не прошла даром: большинство детей священников стали учителями, продолжив в какой-то мере дело своих отцов.

⁴⁵ Там же. (Из беседы с Анной Петровной Крохиной (урожд. Никитиной, 1912 г. р., дер. Морковщина). 16 сентября 2000 г.)

⁴⁶ Там же. (Беседа с М. П. Логиневской (род. в Петрозаводске в 1921 г.). 20 мая 1993 г.)

Описание Кижского прихода середины XIX века из фонда Е. В. Барсова в Государственном историческом музее

В отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве, в фонде Е. В. Барсова (№ 450) хранится несколько дел, посвященных историческому описанию церковных приходов Петрозаводского (д. 696), Олонецкого и Повенецкого (д. 699), Вытегорского (д. 700) уездов. Эти описания приходов были составлены приходскими священниками и дьяконами, вероятно, по указаниям олонецкого архиепископа Аркадия (Федорова) в начале 1850-х годов. Общая характеристика этого комплекса источников представлена в докладе автора на конференции «Православие в Карелии» в ноябре 2002 года¹.

Среди описаний различных приходов там хранится и рукопись «Историческое сведение о приходе Кижском Петрозаводского уезда» (д. 696, л. 86–90 об.), составленная исправляющим должность благочинного священника Стефаном Ржановским.

Автор описания Стефан Александрович Ржановский (1816–1891) – выходец из семьи потомственных заонежских священников. Его отец А. А. Ржановский был священником Яндомозерского прихода. С. А. Ржановский окончил в Петрозаводске Олонецкое духовное училище и Олонецкую духовную семи-

нарию. В марте 1838 года он был рукоположен священником Фоймогубского прихода, а через полгода был переведен в Кижский приход. В 1842 году С. А. Ржановский был направлен служить корабельным священником на флот, через год вернулся в Заонежье, но какое-то время находился за штатом, и в мае 1845 года по прошению он был определен в Сенногубский приход, где пробыл более 40 лет. С 1847 года С. А. Ржановский исполнял обязанности благочинного священника², а в 1854 году был утвержден в этой должности и исполнял ее до 1856 года³.

Вероятно, описание приходов Олонецкой епархии стало создаваться под влиянием особого определения Синода от 19 мая – 6 октября 1850 года о составлении историко-статистических описаний епархий⁴. Активный и требовательный архиепископ Олонецкий

¹ Пашков А. М. Неизвестный источник по истории православных церковных приходов и монастырей Олонецкой епархии середины XIX века // Православие в Карелии. Материалы 2-й Международной научной конференции. Петрозаводск, 2003. С. 179–184.

² Благочинный священник в православной церкви – специальная должность, предназначенная для надзора за порядком в определенном церковном округе в составе епархии. Смотрению благочинного над причтами обычно поручается 10–30 окрестных церквей, которые и составляют в епархии благочиннический округ.

³ Биографические сведения о С. И. Ржановском см.: Плотников К. Н. Пятидесятилетний юбилей служения в священном сане отца Стефана Ржановского // ОГВ. 1888. № 33 (от 4 мая); Ржановский Б. И. Род Ржановских: священники, педагоги, ученые, служащие // Православие в Карелии. Материалы III региональной научной конференции. Петрозаводск, 2008. С. 400–402.

⁴ Раздорский А. И. Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848–1916). Сводный каталог и указатель содержания. СПб., 2007. С. 14.

и Петрозаводский Аркадий Федоров⁵, назначенный на эту должность в марте 1851 года, решил начать создание историко-статистического описания своей епархии с того, что потребовал присылки к себе описаний приходов Олонецкой епархии. Исходя из этого предположения, можно датировать «Описание Кижского прихода» С. А. Ржановского 1851–1854 годами.

Описание приходов строилось по присланному из Духовной консистории плану, который включал в себя следующие пункты:

1. «Древность места» (когда возник приход и поселение, были ли здесь в старину монастыри и пустыни).

2. «Священные здания» (описание и обмеры церкви, дата и стоимость постройки церкви и колокольни, какие мастера строили).

3. «Священные вещи» (описание царских дверей, иконостаса, икон, неба, лампад, люстр, «особенных святынь», священных сосудов, потиров, крестов, дарохранительниц, риз и других элементов одежды священнослужителей, перечень и описание церковных книг, «особенные достопримечательности», описание колоколов).

4. «Приходские праздники», включая описание обычаев и ярмарок, происходивших во время этих праздников, крестные ходы.

5. Штат священнослужителей и размеры его содержания.

6. Численность и состав прихожан, перечень селений в приходе, владельческая принадлежность крестьян.

7. «Достопримечательности в приходе» (известные события, заводы, каменоломни и т. д.).

8. Подробное описание приходских часовен (по тому же плану, что и описание церквей).

9. «О больших крестах, стоящих при селениях и дорогах на росстанях» (описание поклонных крестов с указанием кем, когда и по какому поводу поставлен).

«Описание Кижского прихода» С. А. Ржановского – ценный историко-краеведческий источник. Его ценность определяется не только теми историческими сведениями, которые дошли до нас благодаря этому источнику, но и возможностью использовать его для

воссоздания мировоззрения заонежского крестьянина середины XIX века, по крайней мере его религиозных и исторических взглядов.

Так, из раздела «Древность места» можно узнать, как жители разных сел и деревень Заонежья объясняли происхождение своих деревень, т. е. какими были их представления о своем происхождении.

Наибольший интерес в описании Кижского прихода представляют сведения о знаменитых ныне кижских храмах Преображенском и Покровском, помещенные в разделе «Священные здания». Поражает будничная, обыденная интонация, которая присутствует в описаниях знаменитых кижских храмов. Для местных крестьян и церковного причта это была обычная, мало отличающаяся от многих других северорусских храмов, церковь. Показательно, что в середине XIX века помнили точную дату создания каждой церкви, но уже не помнили имен мастеров, их построивших. Таким образом, эти описания церквей Кижского погоста представляют собой источник, относящийся к тому времени, когда исследователи деревянного зодчества, не говоря уже о туристах, еще не добрались до Кижей, а те путешественники, которые случайно попадали сюда, почти не обращали внимания на кижские церкви. Восторженные отзывы, десятилетия туристического бума, тысячи фотографий и сотни исследований будут впереди.

В описании Кижского прихода приведено предание о нападении литовцев на Кижский погост и об их гибели после того, как они прострелили икону Христа Спасителя (Спаса). В их основе были реальные события, связанные с вторжением в заонежские погосты отрядов литовцев, украинских и русских казаков, которых местные жители называли «панами». В Заонежье отряды «панов» действовали в 1613–1615 годах. Хотя предание о нападении литовцев на Кижь носит явно вымышленный характер, оно отражало тяжелую борьбу, которую вели заонежане с захватчиками.

Там же приведено и второе предание, посвященное постройке новой Преображенской церкви на месте найденной в кустах иконы с образом Спаса. Впоследствии эти предания неоднократно публиковались⁶.

⁵ Аркадий Федоров (1784–1870) – архиепископ Олонецкий и Петрозаводский с марта 1851 по июль 1869 года. Отличался многоплановой и активной религиозной деятельностью, придерживался консервативных взглядов.

⁶ Северные предания / Сост. Н. А. Криничная. Л., 1978. С. 81–82.

«Сказание о простреленной иконе» было очень популярно среди жителей Кижского прихода и, возможно, даже по всему Заонежью. Заинтересовало оно и епархиальные власти. Вероятно, после подачи описания Кижского прихода Стефан Ржановский получил распоряжение сообщить дополнительные сведения об иконе и отправил в Олонецкую духовную консисторию краткую справку «О Кижском приходе. Суть сказания о простреленной иконе». В ней сообщается, что в 1832 году в Олонецкую духовную консисторию уже были отправлены «историко-статистические сведения» о приходе и ничего нового «по неимению исторических актов» открыто не было и даже для ранее представленных сведений подтверждений найти нельзя.

Хотя священник С. А. Ржановский отвергал достоверность кижских преданий о простреленной иконе и строительстве Преображенской церкви на месте найденной в кустах иконы с образом Спаса (отмечая существование одинаковых преданий с «бродячими сюжетами», относящихся к разным церквям), тем не менее именно в «Историческом сведении о приходе Кижском» сохранился, вероятно, самый ранний текст этих кижских преданий, позволяющий нам представить выраженный в преданиях духовный мир кижских крестьян.

Еще два раздела описания посвящены часовням и поклонным крестам Кижского прихода. Не ставя здесь задачи подробного анализа описания часовен, следует отметить несомненную ценность этих описаний для истории деревянного зодчества, народного православия, топографии Кижского прихода и т. д.

Определенный интерес представляет и описание внутреннего убранства кижских церквей. С. А. Ржановский подробно написал о самых ценных иконах и предметах церковной утвари, которые были пожертвованы местными крестьянами или петербургскими купцами – выходцами из Заонежья. Приведенные сведения позволяют сделать вывод о тесных связях Кижского прихода с Петербургом, выявить персоналии наиболее щедрых жертвователей, представить внутреннее убранство кижских церквей.

Большой интерес вызывает раздел, посвященный прихожанам, которые по своей сословной принадлежности являлись приписными крестьянами, т. е. освобождены

от уплаты податей, но взамен были обязаны отработать эти подати на вспомогательных работах на Олонецких горных заводах.

Сравнение данных о количестве часовен и численности населения позволяет сделать вывод, что на каждые 4–5 деревень приходилась своя часовня (примерно 1 часовня на 260 жителей). Кроме того, можно сделать вывод, что деревни в Кижском погосте были малочисленными: на 1 деревню приходилось 57 душ обоего пола. Упоминание о заводских работах дает еще одну косвенную датировку описания, так как приписные крестьяне Олонецкой губернии выполняли заводские работы до 1864 года.

Большую научную ценность представляют помещенные в разделе «Достопримечательности в приходе» сведения о Кижском восстании приписных крестьян 1769–1771 годов. Уже по названию восстания понятно, что его центром был Кижский погост. Их можно считать ценнейшим свидетельством о Кижском восстании, поскольку сведения происходили из среды самих крестьян. Источником были устные рассказы участников и очевидцев восстания, передававшиеся из поколения в поколение на протяжении 80 лет. Приведенные сведения, хотя и не вполне конкретны, не противоречат сведениям из других источников о восстании, а упоминание о жертвах можно даже считать более точным, чем о том говорят официальные данные. В рапорте полковника А. Урусова, который подавил это восстание, о жертвах среди крестьян было сказано: «Сей выстрел лишил пять человек жизни, а одного легко ранил»⁷. Вполне вероятно, что легко раненные крестьяне были спрятаны односельчанами, поэтому упоминания о них не попали в рапорт А. Урусова. Сведения о потерях из описания Кижского прихода были выявлены и впервые введены в научный оборот советским историком Я. А. Балагуровым⁸.

В описании есть интересное свидетельство об отношении причта Кижского прихода к восстанию: после подавления восстания два причетчика Кижского прихода были высланы в отдаленные приходы за «неувещевание бунтующего народа». Эти малоизвестные факты

⁷ Кижское восстание 1769–1771 гг. Документы / Под ред. Я. А. Балагурова. Петрозаводск, 1977. С. 122.

⁸ Балагуров Я. А. Кижское восстание. Петрозаводск, 1969. С. 73.

свидетельствуют: представители низшего причта были настолько тесно связаны с крестьянским миром, что в момент восстания отказались от уговоров («увещевания») восставших крестьян и были за это наказаны переводом в более бедные приходы. Но, поскольку о наказании священника ничего не сообщалось, можно предположить, что он пытался крестьян увещевать, т. е. выступил на стороне властей.

Итак, «Историческое сведение о приходе Кижском Петрозаводского уезда» является ценным источником по истории Кижского прихода в XVIII – первой половине XIX века. Там содержатся сведения по топонимике прихода, истории деревянного зодчества (обмеры и описания знаменитых кижских церквей), исторических преданиях («сказание о простреленной иконе»), численности, расселении и религиозности населения и т. д., а также о религиозном и историческом мировоззрении крестьян Кижского погоста. Особое научное значение имеют зафиксированные в этом источнике свидетельства о Кижском восстании. С учетом того, что данное описание Кижского прихода представляет большой интерес для специалистов разных областей, ниже приведен его полный текст.

Историческое сведение о приходе Кижском Петрозаводского уезда

1. Древность места. Приход устроился в давних временах. Первые жители и при них церковь находились на сем же Кижском острове, расстоянием от нынешнего погоста в 1,5 верстах. Местоположение прихода, состоящего большею частью из островов Онега озера, по малости жителей, было во многих местах лесное. Оно никому, кроме Государя не принадлежало. Жители умножались постепенно в разные времена, поселялись из разных мест, что видно по сказанию тех же жителей, из названий селений, как-то: деревня Сычи населена людьми, пришедшими из города Сычовки, деревня Оятевицина населена пришельцами с реки Ояти и прочие тем подобные.

2. Священные здания.

А) Две церкви деревянные, холодные, первая вышиною 24 сажени, величиною внутри: святой алтарь, в длину 4,5, в высоту 3. Церковь в длину от царских врат до дверей паперти 9, в ширину 12, паперть в длину 2,5, в ширину 9 и с северной

стороны по паперти пристроена кладовая длиною 2,5, шириною 2. Вход в оную кладовую из церкви. Видом сия церковь крестообразная, на ней 21 глава, из коих семь обито золотого цвета железом. Да на святой алтарь одна глава. Окон в этом алтаре три, в церкви десять, в паперти четыре. Для входа в церковь из паперти трои двери, на западной, южной и северной сторонах. В западную сторону паперти крылос, с двумя, на юг и на север, лествицами, а третье крыльцо с лествицею же, на южной стороне. Над обоими крыльцами и всеми лествицами устроена крыша.

Вторая церковь вышиною 22 сажени, величиною внутри: святой алтарь, в длину 3,5, в высоту 4,5, церковь в длину от царских врат до теплой трапезы 5,5, в ширину 4,5, теплая трапеза в длину от церковных дверей до паперти 6, в ширину 4,5, в сей трапезе алтарь устроен в юго-западном углу холодной церкви, величиною внутри в обе стороны по 2,5 сажени. При ней в западную сторону крыльцо с лествицею на юг и над тем крыльцом и лествицею крыша. Видом церковь продолговатая внизу, вверх до потолка церковного четырехугольная, вышины до крыши 3,5 сажени, восьмиугольная, на ней девять глав и десятая на святом алтаре. Окон в холодной церкви пять, святом алтаре три, в теплой трапезе пять, в алтаре одно, в паперти два.

При сих церквях колокольня деревянная, вышиною 22 сажени, об одной главе, которая обита белым железом, видом круглая, восьмистенная, шатровая. Самый низ оная, или подруб, от земли вверх на одну сажень четырехстенный. Для входу в колокольню снизу, о самую землю, двери из первой церкви деревянные же, на столбах с крышею переходы.

Б) Построены: первая церковь в 1714 году, вторая в 1764 году, а колокольня неизвестно когда.

В) Первая во имя Преображения Господня, вторая во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, и придел в теплой трапезе во имя Николая Чудотворца. Первая, во имя Преображения Господня, с колокольнею, начата строить по случаю сгорания от молнии прежней церкви. А о случае строения второй, т. е. Покровской церкви, неизвестно. На какую сумму и какими мастерами работаны и украшены обе оные церкви и колокольня, также чего стоят здания неизвестно. Ограда около церкви каменная,

складена из дикого камня искусным образом, вышиною 2,5 аршина, в длину ___ *, в ширину ___ * сажен. Для входа в оную с четырех сторон на- ходятся четыре ворота.

Здесь по сказанию престарелых людей до- стойны замечания церкви Преображения Го- сподня, как бывшая до пожара, так и ныне су- ществующая. О прежней повествуют, что она состояла в полутора верстах от нынеш- ней, на Кижском же острове, на горе, называ- емой Каршкой (Каргикой) (слово нрзб. – А. П.), на том самом месте, где ныне находится ча- совня во имя сошествия Святого духа, и что во время литовского нахождения на Россию литов- цы нечаянно учинили нападение на сие место в то самое время, когда народ, в воскресный или праздничный день собравшийся в великом мно- жестве к церкви сей, пребывал вне всякой опас- ности, нашедши невооруженным, и много убили людей. Некоторые для спасения своего забега- ли в церковь. Литовцы же, хотя и знали, что есть в церкви русские люди, сами не шли в оную, а только стреляли в церковные двери и окна и прострелили бывшую в церкви икону Всемило- стивого Спаса в правую руку, что и поныне на той иконе видно. В то самое время напала на тех литовцев тьма и многие из них сами себя перерубили, а остальные отъехали прочь. На- род же, бывший в церкви, остался невредим.

О нынешней же Преображенской церкви ска- зывают, что, по сгорании прежней, прихожане для построения новой церкви заготовили леса, приплавив оный водою к берегу у того места, где была сгоревшая церковь, но во время ночи оные леса, как думают, Божиим изволением, переплыли к берегу ныне существующей церк- ви. Прихожане возвратили сии леса на первое место, но оные во время ночи опять переплыли на означенное место, и сие происходило трое- кратно, и, сверх того, близ переплывших лесов нашли в кустарнике простреленный литовца- ми образ Всемило стивого Спаса, и на сем месте построена церковь, которая и донныне стоит по милости Божией невредимая.

3. Часовен в приходе находится девять, все деревянные, с папертями, строены в дав- них временах, но в которых годах и по како- му случаю неизвестно, иконами украшены довольно, лампы пред местными иконами, благолепие и чистота в оных часовнях всегда

имеются. Каждая из сих часовен видом продол- говатая, об одной главе, покрыта тесом на две стороны по подобию деревенских домов, но при которой что особенное есть, о том написано будет при ее наименовании:

1-я. Часовня во имя сошествия Святого Духа стояла на горе Каргикой (?), на том са- мом месте, где прежде была церковь Преобра- жения Господня, величины посредственной.

2-я. Во имя Успения Божьей матери, стоит при одном крестьянском доме, называемом Лу- киньщина, величиною большая, обита тесом, на крыше глава и крест, при ней имеется чу- гунный колокол.

3-я. Во имя святых апостолов Петра и Павла, состоит при деревнях Волкостровского острова, величины посредственной, над папертью коло- кольня, видом круглая, восьмистенная, шатро- вая, об одной главе, в ней колокола малые.

4-я. Во имя трех святителей Василия Вели- кого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, состоит при деревне Новой Зашивке, очень ма- лая, над папертью колокол, круглая, об одной главе, шестистенная, шатровая, в ней три ко- локола малые.

5-я. Во имя входа в храм Пресвятая Богоро- дицы при деревне Сибовской, большая, на крыше над главою кумпал, над папертью колокольня видом круглая, об одной главе, шатровая, в ней два колокола малые.

6-я. Во имя собора Пресвятая Богородицы при деревне Сявнеги, величины средней, обита тесом, в ней иконостас резной золоченой, и около оной палисад, над папертью колокольня круглая, вось- мистенная шатровая, в ней 4 колокола малые.

7-я. Знамения Божия матери при деревне Анисимовской, небольшая, на паперти коло- кольня восьмистенная шатровая об одной гла- ве, в ней 4 колокола малые.

8-я. Во имя великомученика Георгия при де- ревне Воев-наволок, величиною посредствен- ная, обита тесом, на паперти колокольня обита тесом и выкрашена, круглая, шести- стенная, об одной главе, шатровая, в ней два колокола небольшие.

9-я. Во имя святого пророка Ильи при де- ревне Грузаловской, величины посредствен- ной, обита тесом, на паперти колокольня видом круглая, восьмистенная, об одной главе, шатровая, в ней два колокола малые.

Крестов больших и средней величины в сем приходе в селениях и при дорогах находится много, но ни один из оных не имеет никакой особенной редкости и исторической достопамятности.

3. Священные вещи:

1) Иконостас в Преображенской церкви резной и весь позолоченный, в Покровской и в приделе теплой трапезы иконостасы простые и не во многих местах столярной работы, крашеные и несколько позолоченные. Святыми иконами обе церкви украшены, из оных местные почти все, кроме немногих, писаны древним, наподобие греческого письма, прочие же разного искусства.

2) Особенности святыни: Святых мощей и чудотворных икон не имеется, особенно почитается икона Всемилоствитого Спаса, простреленного литовцами. Она стоит в Преображенской церкви за правым клиросом, в иконостасе самой высокой пробы, резном и позолоченном. Сей иконостас, стоящий двух тысяч рублей, сооружен из усердия умершим государственным здешнего Кижского погоста деревни Конды крестьянином Трофимом Титовым, риза на иконе серебряная, 84 пробы, чеканной работы, позолоченная, весом 13 фунтов, работана в Петербурге в 1814 году, на сумму добродетельных дателей, плачено две тысячи рублей. Пред сею иконою подсвечник большой, медный, посеребряный, пожертвованный петербургским мещанином Корнилом Семеновым Кругловым, стоящий сто рублей, и лампада маленькая серебряная, также пожертвованная петербургским купцом Родионом Васильевым Никулиным, стоящая сто рублей.

3) Священные сосуды двои: первые серебряные, пожертвованы неизвестно в каком году умершим петербургским купцом Ольхиным с надписанием его семьей двух имен «Елиазара» и «Епистимию», а в 1820 году вызолочены наследником того Ольхина. Вторые сосуды побольше первых, серебряные ж, высшей пробы и позолоченные ж также, пожертвованы умершим прихожанином государственным деревни Конды крестьянином Трофимом Титовым.

4) Евангелий пять, на одном из них средник, евангелисты и дека серебряная, на втором средник и евангелисты серебряные и позолочены, а на прочих средник и евангелисты

не дороге. Крестов на престольных три, один серебряный и позолоченный, весом <цифра пропущена – А. П.>, а прочие также недорогие.

5) Ризница довольно достаточна, одни лучшие ризы парчовые стоят около четырехсот рублей, пожертвованы в 1821 году петербургским купцом Родионом Никулиным. Книг церковных: служебный годовой круг весь, и разных поучительных и отечественных довольно количество имеется, а старонареченных, жалованных и пожертвованных нет ни одной.

6) Колоколов пять, большой колокол 54 пуда 9 фунтов, прочие посредственной величины.

4. Приходские праздники:

1) При погосте бывают в дни храмовые праздники и празднуется каждый в той деревне, при которой находятся часовни. Праздники сии отправляются издавна.

2) Но когда именно и по какому случаю они установлены, о том неизвестно.

3) Особенных обычаев при оных не имеется никаких.

4) Крестные ходы: сверх положенных по уставу церковному бывают: 1-й, в понедельник светлая неделя от церкви к часовне Успения Божией матери; 2-й, в день празднования Успения Пресвятыя Богородицы к той же часовне; 3-й, в день сошествия Святого духа также от церкви к часовне того же наименования на Каргиной горе. Производятся сии ходы издревле, но по какому случаю учреждены неизвестно.

5. Священноцерковнослужителей по штату положено семь, а именно: священников два, диакон один, дьячков два и пономарей два. Столько же было и прежде.

6) В рассуждении перемены числа и содержания их никто из здешних жителей не помнит и не слышал ничего.

6. Прихожан:

а) Селений или деревень в сем приходе 41. Отдаленнейшие из них деревни: Когда в 29, Усть-куома, Сибова, Ваев-наволоок, Лариков остров в 10 верстах и прочие все близ церкви. В тех деревнях душ мужеска пола 1072, женска 1250. Они всегда были государственными и ни к какому иному месту или лицу не принадлежали. В царствование блаженныя памяти императора Петра Великого определены под ведомство Олонецких заводов и с того времени сверх государственных податей и земских повинностей

исправляют заводскую работу, которая от заводского начальства в каждый год возлагается на них именем урков. Работа сия состоит или в рубке дров или перевозке угля из лесу в завод же, но за сии работы получают из государственной казны деньги под названием плакатов.

7. Достопримечательности в приходе.

В царствование блаженныя памяти императрицы Екатерины II крестьяне сего и окрестных приходов захотели быть свободными от заводских работ и в противность начальственных по сему поводу повелений, чинили слушание, почему высшим начальством для приведения их в послушание и подчиненность прислан был чиновник и при нем небольшой отряд войска. Что узнавши, крестьяне собрались при погосте в одно место и вооружившись рогатинами, и пешнями, и колыями, и кто чем мог, выстановились против войска. Чиновник, хотя много их увещевал и склонял к повиновению, но, видя непреклонность главных из бунтующих, отступил от них.

Каковое обстоятельство доведено было до сведения Ея императорского величества и по высочайшей ея власти прислан был князь Урусов и при нем отряд войска многочисленнее первого, с пушками и прочими военными снарядами. Крестьяне же первую против войска устойку удачным для себя случаем <почитав>, пребывали также непреклонными и своею грубостью и упорством довели сего начальника до такой степени, что он для приведения в покорность и повиновение, загнавши их в церковную ограду, принужден был после нескольких выстрелов из орудия пыжами спустить в них один выстрел, заряженный картечью, чем убил шесть человек и нескольких ранил и сим, усмиривши их, привел их в покорность и повиновение. После сего все бунтующие были осуждены законным порядком и главные из них наказаны ссылкой в Сибирь.

А из причта местного священника высланы были за неуважение бунтующего народа из одного прихода: 1-й Мефодий Васильев Пудожского уезда в Песчанский погост и 2-й Захарий Ефимов Повенецкого уезда в Селецкий погост. Что самое многие из здешних престарелых людей помнят, а иные были даже очевидцами сих происшествий. Сверх означенных достопримечательностей и исторических событий,

памятников, древних вещей, достойных замечания, мест и явлений природы никаких не бывает и ныне не находится.

О Кижском приходе (суть по сказанию о простреленной иконе)

Статистико-исторических сведений, кроме объявленных в 1832 году, представленных в Олонецкую духовную консисторию, по неимению исторических актов вновь никаких не открыто, равно и прежде представленных сведений наверно подтверждению опровергнуть не знаем. Есть, правда при нашей церкви, кроме прежде упомянутого образа Спасителя, три плана штык-юнкера Александра Неелова, составленные в 1714 году, но эти планы, во-первых, составлены недавно и, во-вторых, ничего, касающегося до церкви не объясняют.

В сведениях, представленных священноцерковнослужителями сего прихода в 1832 году, помещен рассказ об образе Спасителя, стоящего ныне в церкви Преображения Господня за правым клиросом, что он был во время нашествия панов прострелен стрелою. Но рассказ сей сомнителен, поелику а) в образе нет признака прострела с правой стороны или с лицевого образа; б) хотя с левой стороны есть засколина шириною три четверти вершка, а длиною четыре вершка, но как сквозной дыры нет, ибо, ежели положить, что, что стрелено с задней стороны, то тогда бы выколото было в доске с правой стороны или наоборот, то полагать надобно, что означенная засколина случилась во время тесания топором досок на образ, и случай сей для простолюдинов, смотрящих на все издали, был чудом и подал повод составить сказку, в подтверждение коей приводят еще другой рассказ о чудесном открытии образа сего после сгорания церкви, оскверненной кровию панов, в кустарнике можжевельном и о чудесном переносе леса с одного места на другое. Но сей рассказ есть подражание, как кажется, преданию о построении Яндомозерской церкви, помещенному в сведениях того погоста.

Исполняющий должность благочинного священника
Стефан Ржановский

Коллекция фотоматериалов «Кижский архитектурный ансамбль» в фондах музея-заповедника «Кижь»

Собрание фотодокументов музея-заповедника «Кижь», формирование которого началось в 1967 г., насчитывает более 19 000 предметов.

Часть фонда (1 030 предметов) – это фотоматериалы, отражающие изучение, реставрацию и сохранение памятников архитектуры Кижского ансамбля. Рассматриваемая коллекция представлена богатым фондом негативов (на пленке и стекле), отпечатками на бумаге, слайдами, кино и видеofilmами.

Авторы фотографий и создатели фильмов – известные в Карелии фотохудожники Владимир Ларионов, Борис Бойцов, Владимир Семин, Олег Семенов, Михаил Федоров, а также сотрудники музея Н. И. Долголенко¹, А. Т. Беляев², С. В. Куликов, П. Б. Бойцов, Д. Д. Луговой, А. Ю. Любимцев, А. Е. Косканен, М. В. Терехов. Коллекция музея пополнялась материалами из личных фотоархивов владельцев, которые являются и авторами снимков. В их числе художник, заслуженный деятель искусств Карелии А. И. Авдышев, художник-реставратор Г. В. Жаренков³, архитектор-реставратор В. А. Крохин⁴.

¹ С 05.06.1961 по 20.03.1967 г. работал научным сотрудником в отделе КГКМ «Кижь» (отдел создан в 1961 г.), затем в музее «Кижь».

² В 1964–1966 гг. – зав. отделом «Кижь» Карельского государственного музея. С созданием музея-заповедника «Кижь» – главный хранитель, а с 1969 г. – научный сотрудник исторического отдела.

³ Работал в научно-реставрационной мастерской при Управлении архитектуры КФСР (1950–1953 гг.), участвовал под руководством В. Г. Брюсовой в реставрации икон Преображенской церкви Кижского погоста.

⁴ В 1949 г. работал на о. Кижь с А. В. Ополовниковым и Э. В. Ильиным; с 1973 по 1992 г. – в КНРМ.

Кроме оригинальных фотографий, в коллекцию по этой теме входят репродукции фотографий, из собраний других музеев и архивов. В коллекции музея хранятся копии фотоматериалов из личных архивов писателя, переводчика, географа и этнографа М. А. Круковского, совершившего экспедицию в Олонецкий край в 1899 г.⁵; иконописца и реставратора древнерусской живописи Ф. А. Каликина⁶; финского исследователя деревянного зодчества Ларса Петтерссона⁷. В коллекцию также входят репродукции оригинальных фотографий из архивов одного из основателей музея «Кижь» архитектора А. В. Ополовникова и автора чертежей обмеров Преображенской и Покровской церквей 1945–1947 гг. архитектора Л. М. Лисенко.

Фиксация Кижского ансамбля выполнялась в различные периоды времени начиная с конца XIX века⁸. С учетом времени создания, фотоматериалы коллекции можно сгруппировать в шесть тематических разделов.

Первый раздел включает материалы с изображением Кижского ансамбля с конца XIX по 40-е гг.

⁵ Материалы экспедиции находятся в фондах Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург).

⁶ Архив хранится в фондах Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург).

⁷ Архив входит в собрание Национального архива Финляндии (Хельсинки).

⁸ Самым ранним изображением Кижского ансамбля в коллекции является репродукция с гравюры Р. Зотова «Кижский погост» (1785), опубликованная в книге академика Н. Я. Озерцовского. Кроме Преображенской и Покровской церквей, это изображение доносит до нас облик не сохранившихся до настоящего времени предшественников нынешних памятников: колокольни и бревенчатой ограды.

Рис. 1. Погост Кижы Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. 1899 г. Вид с запада. Круковский М. А. НВФ 13296/44

Рис. 2. Преображенская церковь на о. Кижы. 5 июля 1942 г. Репродукция акварели О. Хелениуса. КП 3174/32

Рис. 3. Погост Кижы. 20 февраля 1943 г. Репродукция акварели О. Хелениуса. КП 3174/34

XX в., когда происходило накопление информации о храмах Кижского погоста, производилась их фотофиксация. В коллекцию входят репродукции открыток и оригинальных фотографий с видами Кижского ансамбля М. А. Круковского (1899 г.) (рис. 1), Н. З. Захарова (1910 г.), И. Я. Билибина «Погост в Кижях» (не позднее 1915 г.), Ф. А. Каликина (1920 г.). Интересны репродукции чертежей Преображенской церкви: план 1866 года Петрова, обмеры В. Даля 1877 года (юго-восточный и западный фасады, план, разрез, запрестольный крест).

К 1940 г. относятся представленные репродукциями фотоматериалы архитектора Л. М. Лисенко (Преображенская церковь до реставрации: вид с северо-востока, северо-запада, с запада и юга, главки, крыльцо).

В период Великой Отечественной войны на острове Кижы, находившемся в зоне оккупации финских войск, работал финский исследователь деревянного зодчества Ларс Петтерссон (1942–1944 гг.)⁹. Копии документов из архива Л. Петтерссона вошли в собрание музея, в их числе фоторепродукции: 1) оригинальных фотографий (вид с юга на Кижский погост, фрагменты архитектурных деталей и конструкций Преображенской церкви: боковой и центральный входы в собственно церковное помещение, боковой вход в церковь, крыльцо, поток крыльца, врубка конструкций бочки, фрагмент сруба, апсида; 2) чертежей (планы, реконструкции этапов строительства церквей и колокольни); 3) Акварелей Ойва Хелениуса¹⁰ (Кижский погост, Преображенская церковь) (рис. 2, 3).

В фондах музея хранится оригинальная фотография «Кижский архитектурный ансамбль. Вид с запада. 1941–1944 гг.» (рис. 4). Снимок был получен в дар от финского туриста Кауко Халме, посетившего музей летом 1971 г. Он, в свою очередь, получил его от фотографа (фамилия неизвестна), снявшего памятник в годы минувшей войны¹¹.

Второй раздел представлен материалами

⁹ Профессор Л. Петтерссон (1918–1993) – исследователь средневековой архитектуры Финляндии, Скандинавии, Карелии и Византии, автор монографии «Церковная деревянная архитектура Заонежья».

¹⁰ Художник и скульптор О. Хелениус (1910–1976 гг.) вместе с Л. Петтерссоном принимал участие в обследовании и фиксации памятников архитектуры, находившихся на территории Заонежья.

¹¹ Музей-заповедник «Кижы». КП № 13. С. 27.

Рис. 4. Кижский архитектурный ансамбль. 1941–1944 гг. Вид с запада. КП 4708

конца 1940–1950-х гг., когда на памятниках Кижского ансамбля начались первые реставрационные работы.

В 1950–1959 гг. была проведена комплексная реставрация храмов под руководством архитектора А. В. Ополовникова. Основная цель – возвращение памятникам первоначального облика, стабилизация технического состояния.

Реставрационные работы на памятниках фотофиксировались. На репродукциях снимков А. В. Ополовникова можно видеть Преображенскую и Покровскую церкви до начала реставрации (Преображенская церковь: вид с запада, главки; вид с запада на Покровскую церковь), в процессе реставрации (балясины крыльца, главки, крыльцо, повреждение сруба под обшивкой Преображенской церкви; западный фасад, фрагмент сруба Покровской церкви со следами штукатурки) и после реставрации (балясины крыльца и главки Преображенской церкви, фронтонный пояс Покровской церкви) (рис. 5, 6, 7).

В это же время были проведены реставрационные работы на колокольне. В коллекцию вошли репродукции фотографий А. В. Ополовникова с изображением колокольни в процессе реставрации (вид с юга, фрагмент западного фасада, восьмерик).

Ограда Кижского погоста была воссоздана в 1959 г. на месте старой, несохранившейся, по типу дошедших до наших дней оград северных погостов (Ильинского на Водлозере и Почезерского в Архангельской области). Восстановление ограды длилось с 1957 по 1959 г. На репродукциях фотоматериалов А. В. Ополовникова, вошедших в коллекцию музея, – главный вход с частью ограды до реставрации, в процессе реставрационных работ и после их завершения (рис. 8). На снимках этого же автора запечатлен

Рис. 5. Кижский погост до реставрации. Начало 1950-х гг. Вид с запада. Ополовников А. В. НВФ 1180

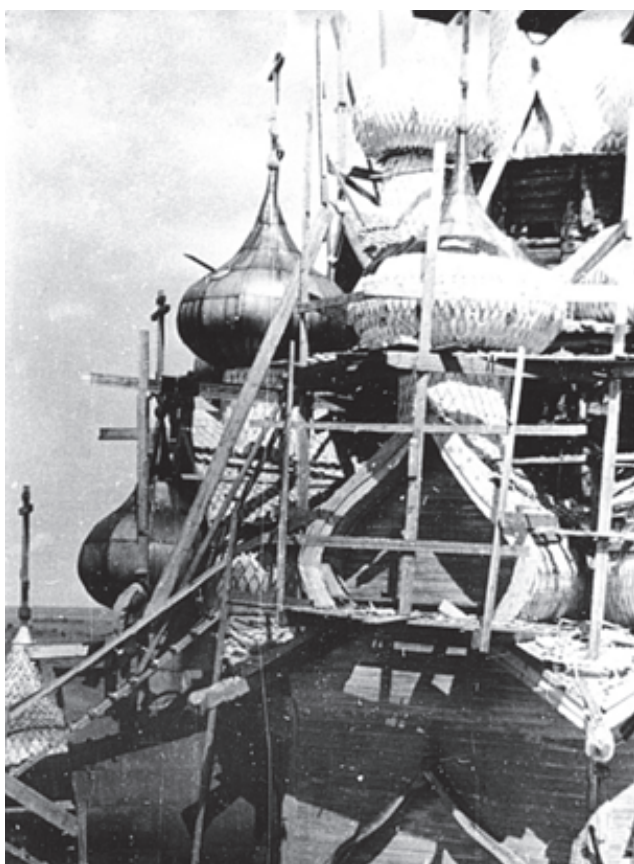

Рис. 6. Преображенская церковь в процессе реставрации. Главки. Начало 1950-х гг. Ополовников А. В. НВФ 2687

процесс воссоздания северной и восточной калиток и всей ограды в целом.

Ценную часть собрания представляет комплекс фотоматериалов (фотоальбомы, снимки на планшетах и отдельные фотографии), поступившие из архивного фонда Управления по делам строительства и архитектуры МК КАССР (позднее Управления градостроительства Госстроя Республики Карелия).

Среди переданных в музей материалов архива имеются фоторепродукции чертежей обмеров и проектов реставрации архитекторов А. В. Ополовникова, Л. М. Лисенко, Б. В. Гнедовского, а также оригинальные фотографии с фиксацией памятников погоста

Рис. 7. Покровская церковь до реставрации. Начало 1950-х гг. Вид с запада. Ополовников А. В. НВФ 3889

Рис. 8. Ограда в процессе реставрации. Начало 1950-х гг. Ополовников А. В. НВФ 3880

Рис. 9. Кижский погост. Общий вид с юго-востока до реставрации. Конец 1940-х – первая половина 1950-х гг. КП-6520/1

до, после и в процессе реставрации (общие виды, фрагменты, архитектурные детали и конструкции) (рис. 9, 10, 11, 12).

В кинофильме 1972 г. петрозаводской студии телевидения «И встретились в Кижях века» (автор А. В. Цунская, режиссер Ю. А. Зайончковский) о реставрации памятников на острове Кижы рассказывает А. В. Ополовников. Видеокопия фильма хранится в фонде музея.

К иллюстративному материалу по истории реставрации этого периода можно отнести также следующие фотодокументы:

- Ряд негативов фотографа М. И. Фёдорова, вошедших в состав коллекции фотоматериалов (268 предметов), переданных им в музей в 2011 г. На снимках, которые автор сделал в 1955 г. со стороны озера (вид с юго-запада), памятники Кижского погоста находятся в процессе реставрации. Представлены фотографии Преображенской церкви (сруб закрыт тесом; главки, бочки и кровля трапезной; под листовым железом, крыльцо в процессе реставрации), Покровской церкви (сруб закрыт тесом, главки и бочки покрыты лемехом, крыльцо в процессе реставрации), ограды (кладка из камней, центральный вход – три арки, ворота), а также построек на берегу (рис. 13).
- Фотонегатив 1958 г. с видом на Кижский архитектурный ансамбль из коллекции предметов, поступивших от архитектора В. А. Крохина.
- Оригинальная фотография 1958 года «Кижский архитектурный ансамбль. Студенты 3-го курса историко-филологического факультета Карельского государственного педагогического института на уборке картофеля», которую подарила музею в 1994 г. сотрудник Карельского краеведческого музея Н. М. Панова¹².

¹² В экспедиционной карточке к предмету (КП 4275) содержится любопытная информация, записанная со слов сдатчика: в сентябре 1958 г. группа студентов Карельского пединститута работала в Занежье, вначале в Сенной Губе, а потом в Кижях. «Снимок сделан в 20-х числах сентября, поле нами уже было убрано. Это начало поля, земля здесь была легкая, убирали под соху. Поля заканчивались на мысу, то есть все строения (часовня из Леликозера и далее вниз стоят на бывшем картофельном поле). Жили мы в гостинице, она видна на снимке. В бане на берегу мылись, она топилась по-черному. Сторож, бывший церковный староста, следил за тем, как топится баня. Электричества не было, пользовались керосиновой лампой. Осенью 1958 г. на о. Кижы начали свозить архитектурные памятники. При нас устанавливали ветряную мельницу. Работой руководил А. В. Ополовников. Экскурсию с нами проводил М. К. Мышев» (прораб бригады плотников-реставраторов.)

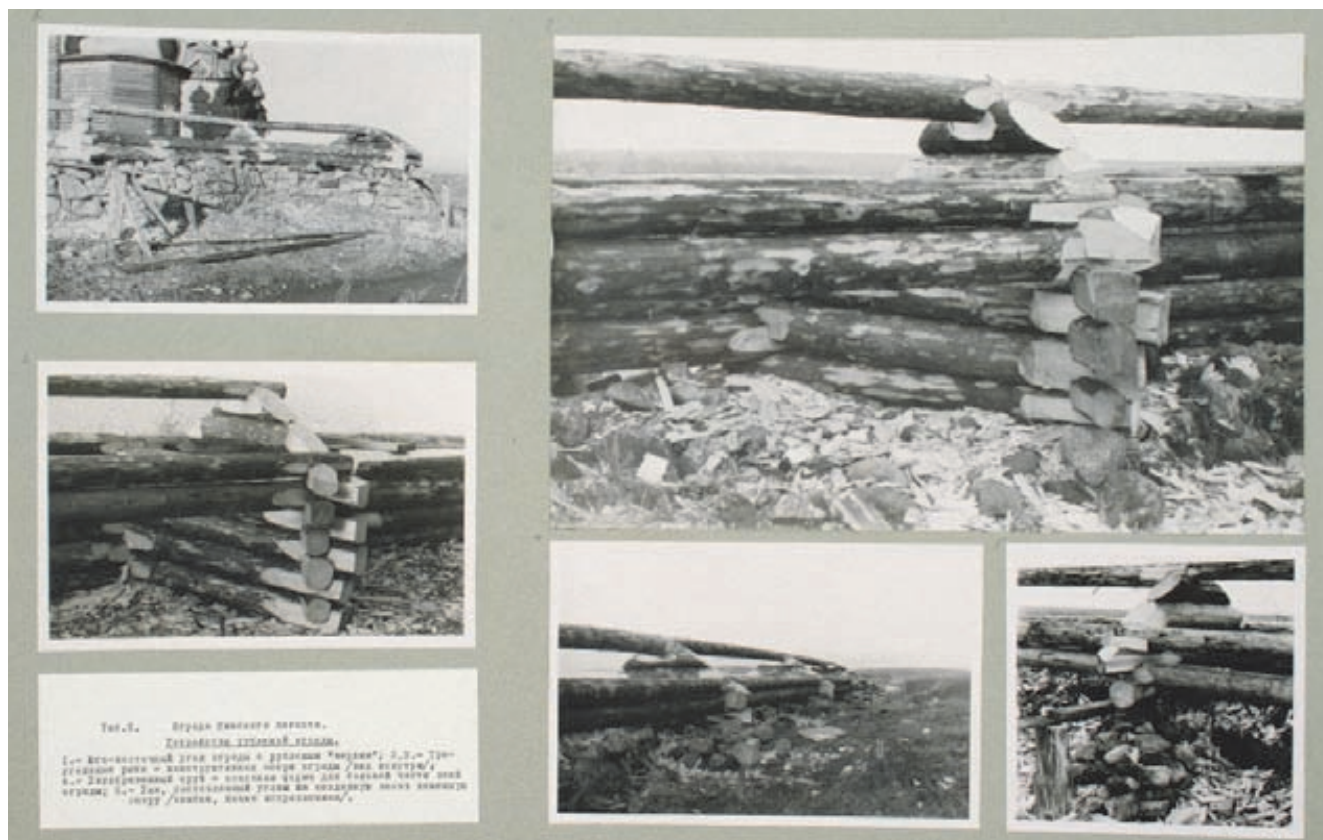

Рис. 10. Ограда Кижского погоста. «Устройство рубленой ограды». Вторая половина 1950-х гг. КП-6520/3

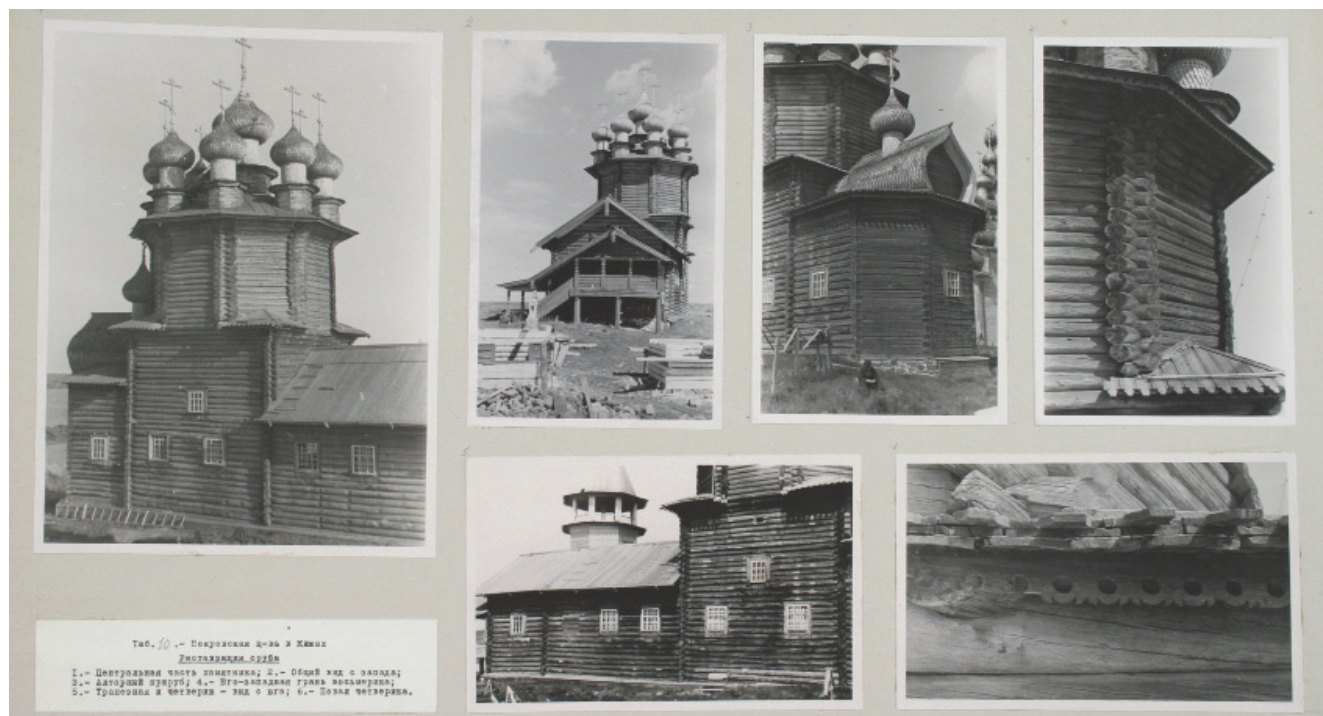

Рис. 11. Покровская церковь на о. Кижь. Реставрация сруба. 1950-е гг. КП-6521/10

Третий раздел составляют материалы фототификсации интерьеров и отдельных икон кижских церквей до и после их реставрации.

В 1942–1944 гг. в ходе обследования Преображенской церкви Л. Петтерссоном была выполнена фотосъемка «неба» с иконами, кото-

рые впоследствии были утрачены (рис. 14)¹³. Репродукция фотографии финского исследователя вошла в коллекцию фотоматериалов музея. В 2012 г. эта коллекция пополнилась.

¹³ О деятельности финских исследователей в годы оккупации Заонежья 1942–1944 гг. см. статью Т. Ю. Дудиновой в настоящем сборнике.

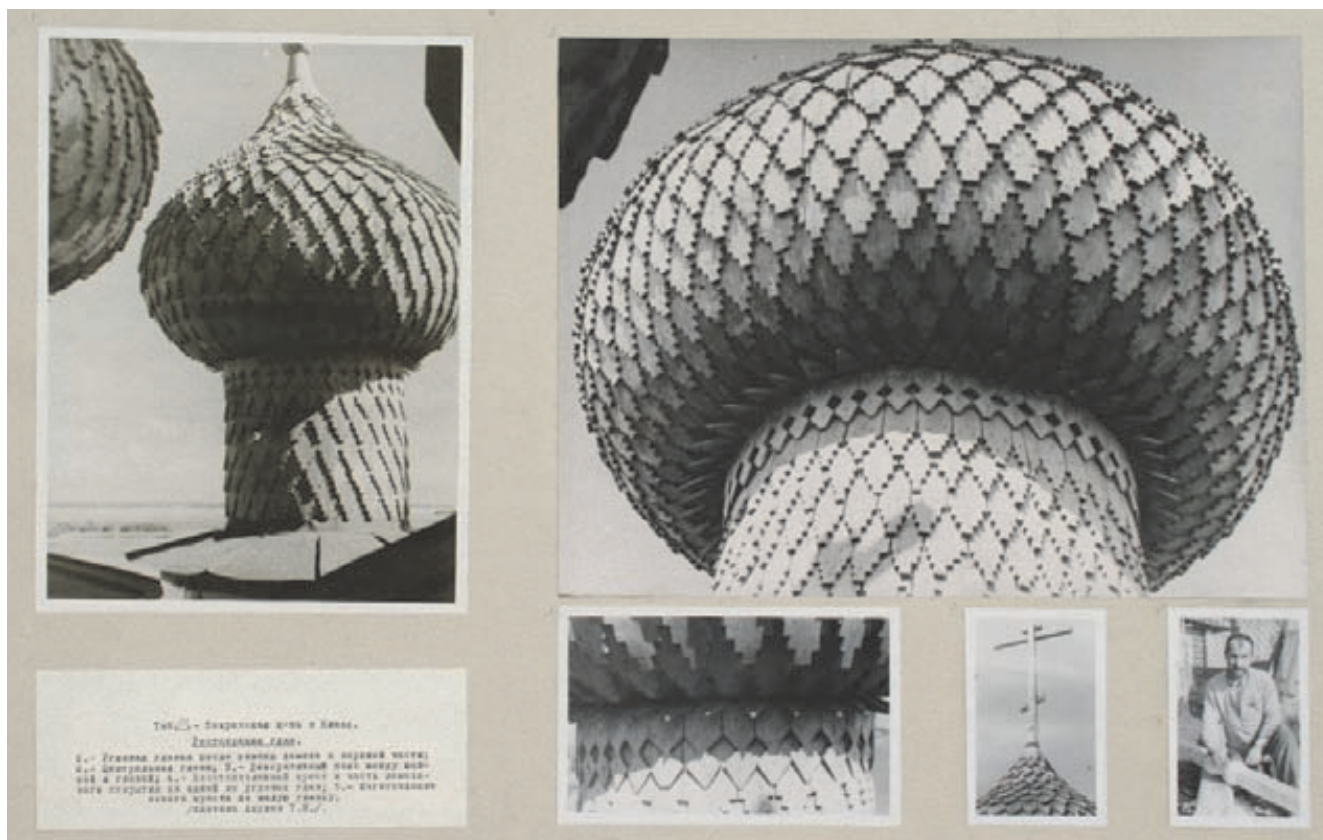

Рис. 12. Покровская церковь на о. Кижы. Реставрация глав. 1950-е гг. КП-6521/13

Рис. 13. Кижский архитектурный ансамбль. 1955 г. Фёдоров М. И. КП 7544/2

Во время командировки в г. Хельсинки в 2010 г. сотрудником музея Т. Ю. Дудиновой в национальном архиве Финляндии были выявлены фотонегативы с изображениями икон (фрагменты) и медальона «неба» Преображенской церкви¹⁴. Авторы оригинальных снимков: Лаури Лааксовирта и Пентти Хярккенен. Копии этих материалов¹⁵

¹⁴ Список икон «неба» Преображенской церкви приводится в статье Г. И. Фроловой в настоящем сборнике.

¹⁵ Оригиналы сканированы и записаны на компакт-диск Т. Ю. Дудиновой. Печать сканированных оригиналов выполнена в музее.

пополнили музейную коллекцию фоторепродукций документов из архива финского исследователя (рис. 15, 16, 17). Фонд Л. Петтерссона с фиксацией интерьеров церкви погоста дополняют предметы коллекции фоторепродукций чертежей, в частности шифровки икон в интерьерах Преображенской и Покровской церквей, а также коллекция репродукций оригинальных фотографий («Иконостас Преображенской церкви», «Алтарь Преображенской церкви» (рис. 18, 19).

На репродукциях фотографий середины 1940-х гг. Л. М. Лисенко представлены общий вид и фрагмент центральной части иконостаса (без икон), «небо» (без икон) до реставрации. Эти элементы интерьера до и в процессе реставрации 1950-х гг. также были зафиксированы А. В. Ополовниковым. В коллекции из архива Управления градостроительства Госстроя Республики Карелия некоторые моменты реставрации интерьера Преображенской церкви можно увидеть на фотографиях, сгруппированных на планшетах по темам: «Роспись тябл подвешного потолка – „неба“», «Реставрация интерьера», «Реставрация скамей», «Восстановленный интерьер», «Живопись иконостаса», «Роспись балок „неба“», «Иконостас после реставрации» (рис. 20, 21, 22).

Восстановленный позолоченный резной иконостас Преображенской церкви был запечатлен в 1969 году на фотографиях Б. П. Бойцова (южная и северная сторона). Кроме этого фотоматериала, в коллекции представлена фотофиксация иконостасных икон, выполненная Э. Г. Красненко в 1967 г.¹⁶

В ходе реставрации 1956–1959 гг. по проекту А. В. Ополовникова при консультации В. Г. Брюсовой был восстановлен иконостас Покровской церкви. Работы по восстановлению иконостаса зафиксированы на фотографиях из архива Управления градостроительства Госстроя Республики Карелия. На планшете «Покровская церковь на о. Кижь. Реставрация иконостаса» семь фотографий: 1) «Состояние и характер архитектуры позднейшего иконостаса»; 2) «Тябловый иконостас в процессе восстановления»; 3) «Центральная часть восстанавливаемого иконостаса»; 4) «„Царские врата“»; 5) «Левый верхний угол тяблового иконостаса»; 6, 7) «Вид иконостасной перегородки со стороны алтаря» (рис. 23).

Кроме того, в коллекции представлены черно-белые негативы и цветные слайды с изображением иконостасных икон (под записью и

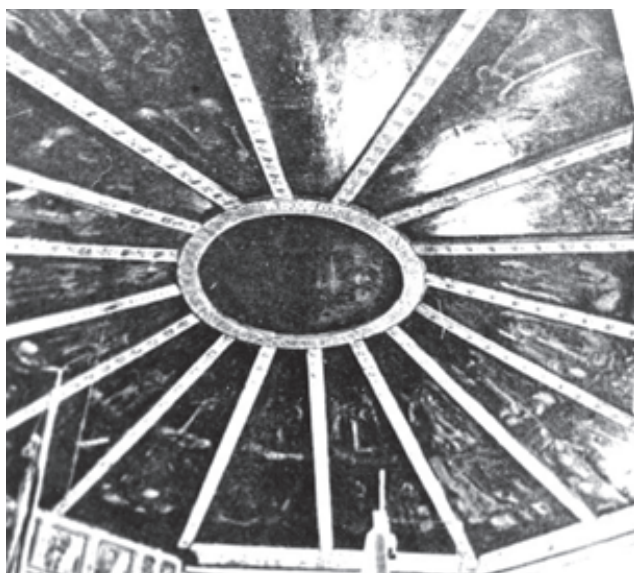

Рис. 14. «Небо» Преображенской церкви. 1943 г. Петтерссон Л. НВФ 3904

Рис. 15. Медальон «неба» Преображенской церкви Кижского погоста. Новозаветная Троица. 1942–1944 гг. Хярккенен Пентти. НВФ 15020/1

Рис. 16. Медальон «неба» Преображенской церкви Кижского погоста. Новозаветная Троица. Фрагмент. Святой Дух. 1942–1944 гг. Хярккенен Пентти. НВФ 15020/1

¹⁶ Среди них иконы «Зосима и Савватий в житии», «Чудо Георгия о змие, с житием», «Покров», «Лоно Авраамаво», «Богоматерь Грузинская», «Преображение», «Даниил во рву львином» (местный ряд); «Троица Ветхозаветная», «Воздвижение креста» (праздничный ряд); «Спас в силах», «Апостол Павел», «Николай Чудотворец» (деисусный чин).

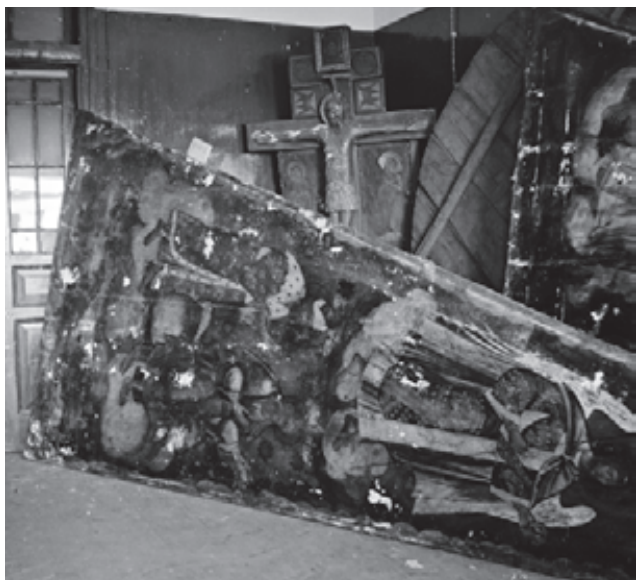

Рис. 17. Икона «неба» Преображенской церкви Кижского погоста. Праотцы Иов и Симеон. Фрагмент. 1942–1944 гг. Лааксовирта Лаури. НВФ 15011

Рис. 18. Иконостас Преображенской церкви на о. Кижии. 25.02.1943. Л. Петтерссон. НВФ 13867/ 44

Рис. 19. Фрагмент алтаря Преображенской церкви на о. Кижии. 25.02.1943. Л. Петтерссон. НВФ 13867/45

после реставрации), выполненные Э. К. Красненко в 1967 г. и Б. П. Бойцовым в 1977 г.¹⁷

На негативах 1961 г. из архива художника-реставратора Г. В. Жаренкова зафиксирована икона «Архангел Михаил»¹⁸ из Покровской церкви и запечатлены художник-реставратор С. В. Ямщиков (в свой первый приезд на остров Кижии в сентябре 1961 г.) и художник-реставратор Е. М. Кристи.

В 1995 г. по заказу музея Б. П. Бойцов провел видеосъемку интерьеров памятников архитектуры, расположенных на о. Кижии, в том числе Покровской церкви (иконостас, трапезная, иконы, выставка «Кижское восстание»). В 2001 г. документальный фильм «Кижские интерьеры» поступил в фонд музея.

Раздел негативного фонда, посвященный интерьерам церквей Кижского ансамбля, в 2002 г. пополнился фотоработами О. А. Семеновки «Икона „Преображение“», «Иконы в Покровской церкви» (время съемки – 2001 г.).

Четвертый раздел (1960–2000-е гг.) представлен фотоматериалами, отражающими процесс исследования состояния памятников, проведения реставрационных и ремонтных работ.

Реставрация 1950–1959 гг. не решила проблем инженерного укрепления Преображенской церкви. В 1969–1972 г. Ленинградским инженерно-строительным институтом (ЛИСИ) было проведено обследование памятника, разработано проектное предложение и выполнен рабочий проект. С 1972 по 1974 г. новая методика проходила испытания на часовне в дер. Воробьи¹⁹. В состав коллекции вошли фотоматериалы:

¹⁷ В том числе иконы местного ряда «Единокродный Сыне», «Архидиакон Стефан», «Неопалимая Купина», «Спас Смоленский», «Архидиакон Евпл», «Пресвятая Богородица всех скорбящих радость». Праздничный ряд: «Рождество Богородицы», «Введение во храм» «Благовещение», «Крещение», «Вход Господень в Иерусалим», «Успение», «София Премудрость Божия», «Чудо о Флоре и Лавре», «Сошествие во ад». Третий ряд представлен слайдами и негативами икон деисусного чина: «Евангелист Иоанн Богослов», «Евангелист Лука», «Евангелист Марк», «Иоанн Златоуст», «Апостол Петр», «Богоматерь», «Спас в силах», «Иоанн Предтеча», «Архангел Гавриил», «Апостол Павел», «Евангелист Матфей», «Василий Великий». Пророческий ряд: «Пророк Аввакум», «Пророк Иеремия», «Пророк Исаия», «Пророк Давид», «Пророк Илия», «Пророк Моисей», «Богоматерь Знамение», «Пророк Самуил», «Пророк Соломон», «Пророк Захария», «Пророк Иона», «Пророк Даниил», «Пророк Иезекииль».

¹⁸ Хранится в фондах МИИРК.

¹⁹ НА МЗК. № 1194. Л. 55–56. (Набокова О. А. Справочный материал к выставке «История реставрации Кижского архитектурного ансамбля».)

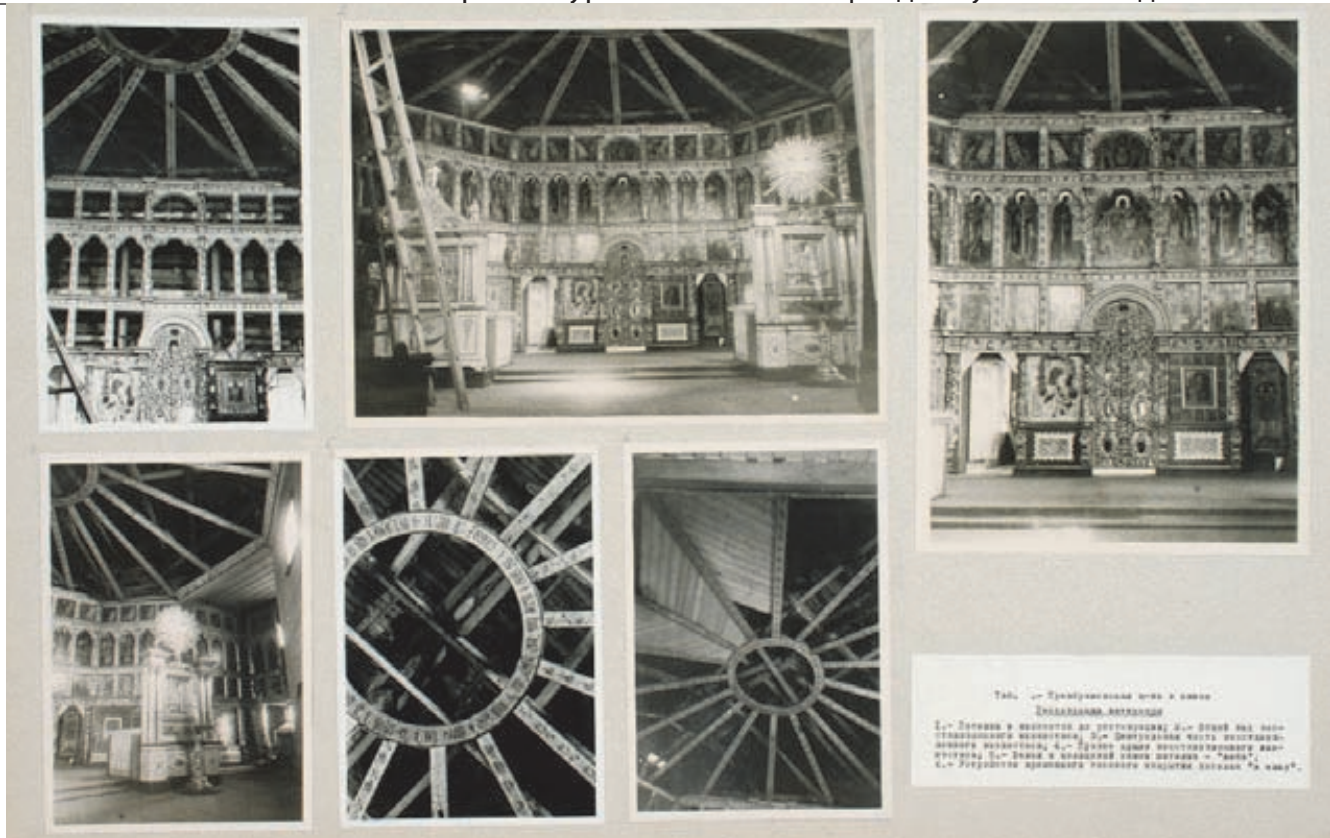

Рис. 20. Преображенская церковь на о. Кижь. Реставрация интерьера. Вторая половина 1950-х гг. КП-6520/20

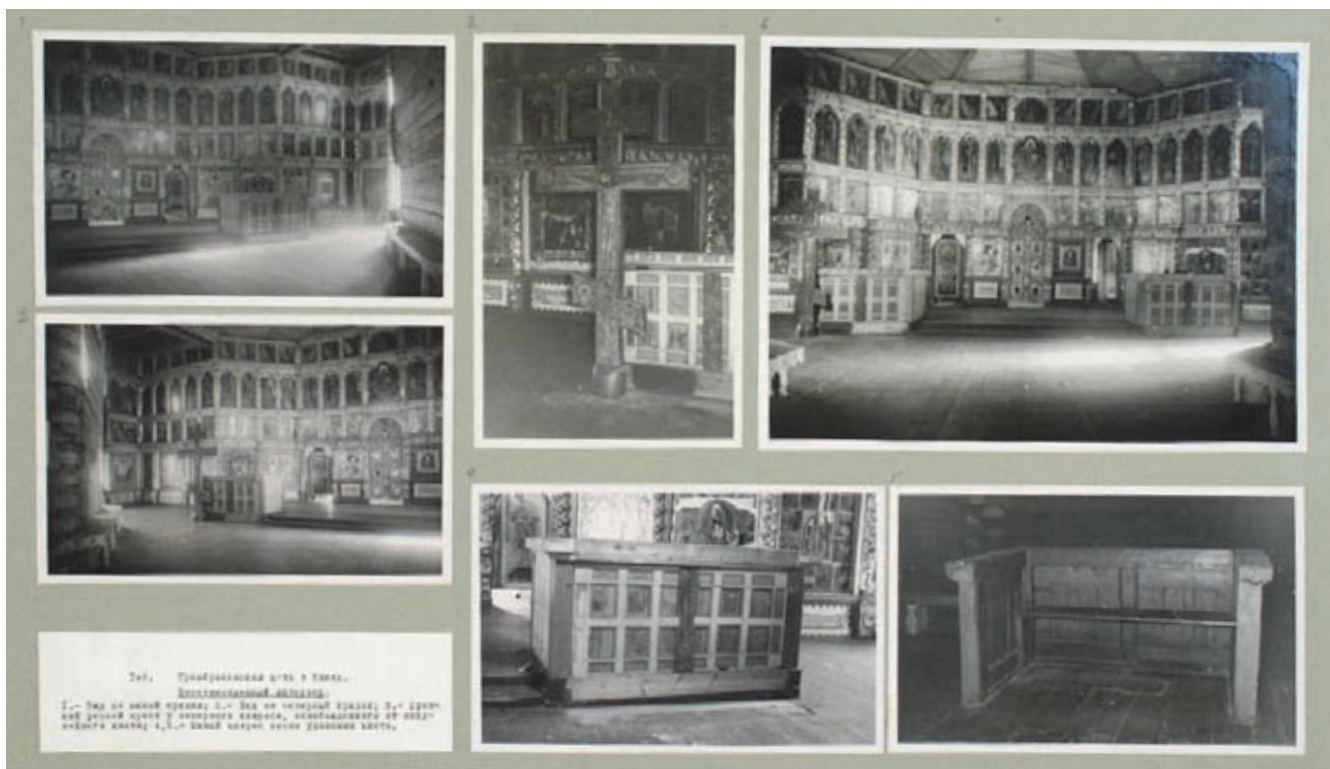

Рис. 21. Преображенская церковь на о. Кижь. Восстановленный интерьер. Вторая половина 1950-х гг. КП-6520/22

«Обсуждения проекта реставрации ЛИСИ специалистами и исследователями» (рис. 24), «Обследования внутренней части сруба специалистами института», «Экспериментальный подъем часовни в дер. Воробьи».

В 1980 г. институтом «Спецпроектреставрация» выполнен проект реставрационных

и восстановительных работ. Цель проекта – стабилизация состояния Преображенской церкви, ликвидация деформаций, замена элементов, потерявших несущую способность. Способ ведения работ – переборка сруба «снизу вверх» в нижнем ярусе до верха основного восьмерика и «сверху вниз» в верхнем ярусе. Работа

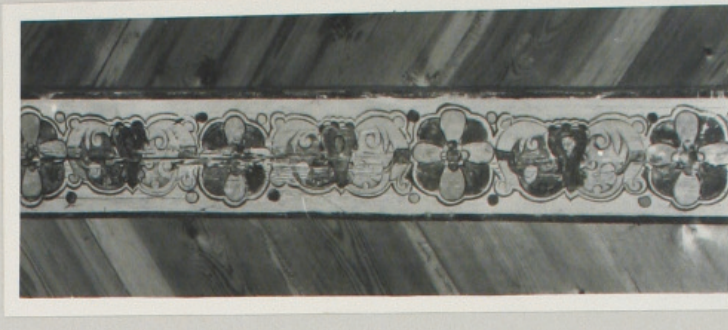

Рис. 22. Преображенская церковь на о. Кизи. Роспись балок «неба». Вторая половина 1950-х гг. КП-6520/24

Таб. .- Преображенская ц-вь в Кизях.
1.- Роспись балок, потолка - "неба".

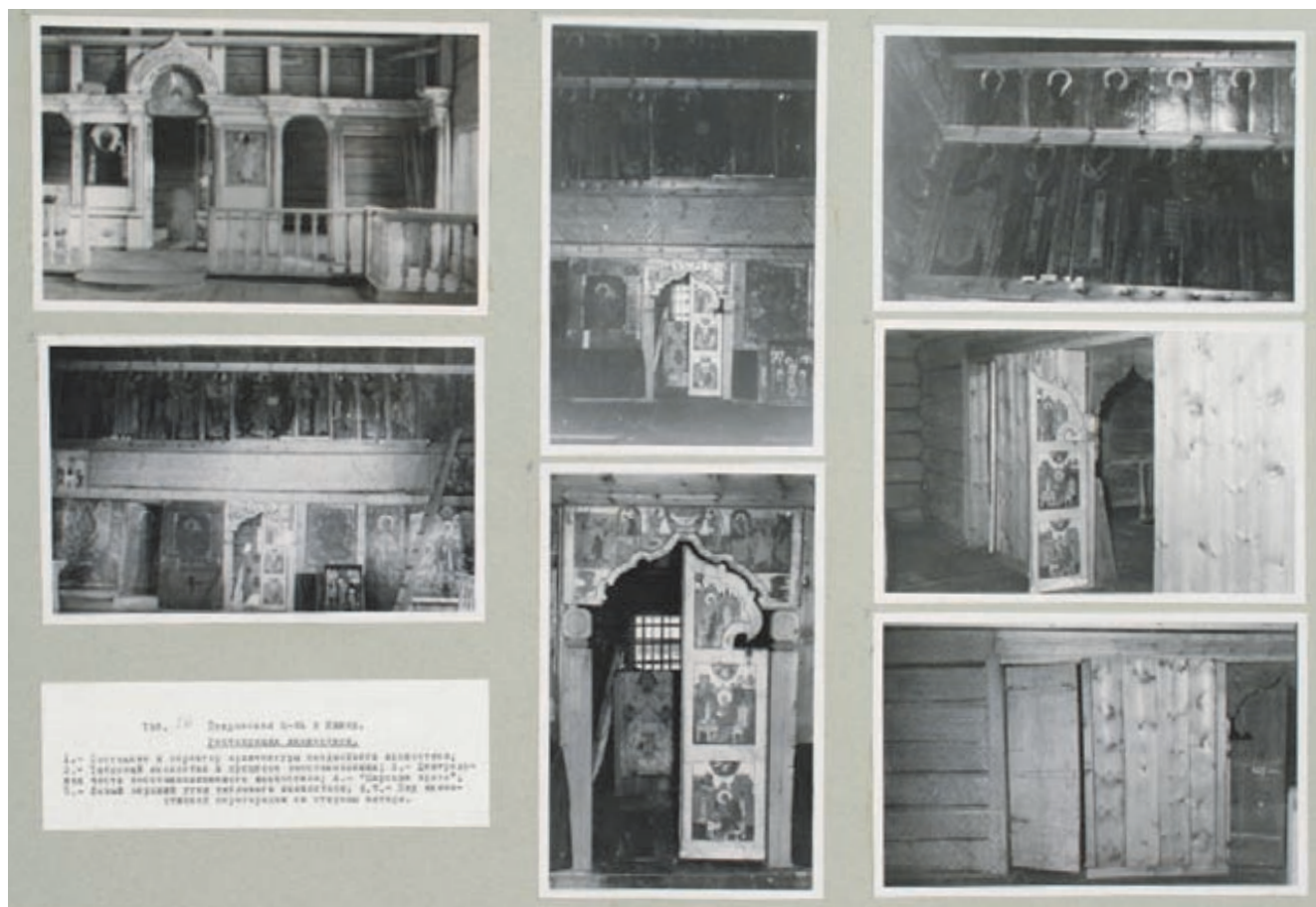

Рис. 23. Покровская церковь на о. Кижь. Реставрация иконостаса. 1950-е гг. КП-6521/16

планировалась на основе внутренних металлических лесов²⁰. В 1980-е гг. началась реализация проекта. В 1980 г. церковь была закрыта для доступа туристов, в 1981–1983 гг. были сняты полы, иконостас, «небо», внутрь введен металлический каркас. В коллекцию «Реставрация памятников архитектуры музея „Кижь“» вошли фотографии П. Б. Бойцова с фотофиксацией работ по этому проекту: противоаварийные крепления в уровне страховой кровли, фундамент под стальной разгрузочной конструкцией, опалубка фундамента в западном прирубке, западной и средней частях подклета, панель жесткости в восточном, северном и южном прирубках, разбор тябл «неба», центральное кольцо «неба» после разборки, крепление в уровне «неба».

Ремонтно-реставрационные работы и исследования состояния Преображенской церкви, которые проводились с 1985 по 1988 г., также нашли отражение в фотоматериалах коллекции: 1985 г. – исследование состояния подклета (плодовое тело гриба на опорном столбе

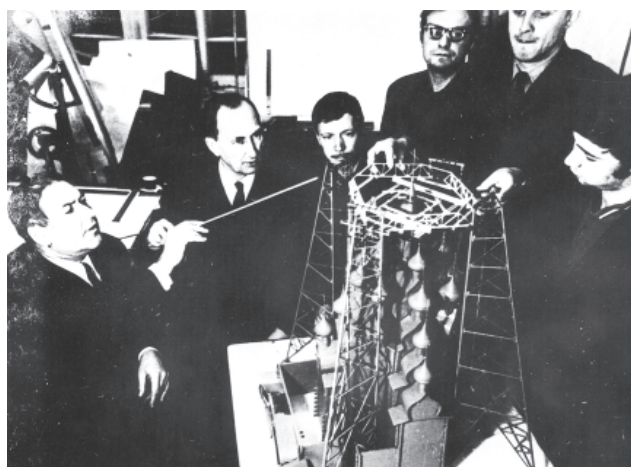

Рис. 24. Обсуждения проекта реставрации Ленинградского инженерно-строительного института специалистами и исследователями. 1970-е гг. НВФ 3959

в юго-восточном углу у стены восьмерика); 1986 г. – реставрация лемехового покрытия глав и кокошников церкви (раскрытие юго-западных, юго-восточных и северо-западных глав верхнего яруса, покрытие центральной главы, кокошник верхнего яруса после реставрации); 1987 г. – ремонтные работы, реставрация кровли (главки и бочки в процессе покрытия новым лемехом, фрагмент стальной разгрузочной конструкции в интерьере, северная стена западного прирубка, северо-вос-

²⁰ Вахрамеева Т. И., Пискунов Ю. В. Преображенская церковь на о. Кижь – реальность сохранения // Народное зодчество. Петрозаводск, 1998. С. 270.

точная стена верхнего восьмерика); 1988 г. – ремонтно-реставрационные работы (подзор крыльца до реставрации, замена лемеха глав и бочек, крыльцо после реставрации, новый лемех на бочках четвертого яруса и главах верхнего яруса) (авторы П. Б. Бойцов и С. В. Куликов).

Проблемам реставрации Преображенской церкви посвящены сюжеты снятых в 1987 г. С. В. Куликовым видеofilьмов («Исследование состояния сруба церкви»; «Интервью с сотрудниками Ленинградской лесотехнической академии»; «Интервью с сотрудниками музея «Кижь» и КСНРПМ»).

В 1990 г. архитектурный ансамбль Кижского погоста был включен в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Работе членов ИКОМОС на острове Кижь летом 1993 г. посвящен видеofilm С. В. Куликова «Миссия ИКОМОС на о. Кижь – 1993 г. Преображенская церковь».

В 1974–1976 гг. была произведена химическая пропитка Покровской церкви, которая должна была защитить древесину от развития различных заболеваний и гниения. Работы по пропитке проводила Сенежская лаборатория консервации древесины при Центральном научно-исследовательском институте механической обработки древесины (ЦНИИ МОД) под руководством С. М. Горшина. В коллекцию музея вошли изображения памятника в процессе химической консервации (вид с юга, пропитка кровли и углов сруба).

В 1987 г. сотрудником музея Д. Д. Луговым при изучении состояния сруба Покровской церкви была выполнена фотофиксация фасадов, сеней, трапезной памятника.

В результате проведения цифровой съёмки в период 2000–2010 гг. на о. Кижь сотрудниками блока учета и хранения недвижимых памятников музея-заповедника «Кижь» А. Ю. Любимцевым, М. В. Терёбовым и А. Е. Косканен сформировалась большая группа фотографий, пополнившая фонд фотоматериалов. Часть этой коллекции представлена фотофиксацией проведения реставрационных и ремонтных работ на памятниках ансамбля: 2000 г. – работы в подклете Преображенской церкви, реставрация крыльца Покровской церкви, реставрация кровли ограды; 2002 г. – ремонтно-реставрационные

работы на колокольне; 2004 г. – герметизация и очистка кровель, пробный подъём верхнего яруса Преображенской церкви, реставрация ограды; 2005 г. – укрепление креста на центральной главе и реставрация крыльца Преображенской церкви, реставрация кровель Покровской церкви, реставрация кровли свечных лавок ограды; 2006–2007 гг. – разборка крыльца трапезной Преображенской церкви; 2008 г. – ремонтно-реставрационные работы на Покровской церкви и колокольне, реставрация северного крыльца и южных дверей колокольни; 2009 г. – разборка трапезной Преображенской церкви; 2010 г. – ремонтно-реставрационные работы на Покровской церкви.

Пятый раздел составляют видовые фотографии Кижского погоста в целом и отдельно каждого из памятников архитектурного ансамбля, которые были сделаны в 1960–2000-е гг. Среди них можно выделить работы: «Панорама Кижского архитектурного ансамбля» и «Покровская церковь» В. А. Ларионова, «Сети на заборе» (вид на остров Кижь с запада), «Кижь за плетнем» (рис. 25), «Кижь», «Кижь в тумане», «Теплоход „Ладога“ у причала о. Кижь», «Камни у дороги» (вид на Кижский архитектурный ансамбль с севера), «Панорама. Кижь», «Кижь зимой» А. И. Авдышева, «Кижский погост летом» и серия панорамных снимков под общим названием «Кижский архитектурный ансамбль зимой» В. Семина, «Кижский ансамбль» О. А. Семеновича (рис. 26), «Остров Кижь», «Кижский архитектурный ансамбль», «Преображенская церковь и колокольня на о. Кижь» Г. В. Жаренкова (рис. 27), коллекции негативов В. А. Крохина и М. И. Фёдорова (рис. 28).

Общий вид колокольни Кижского ансамбля с разных сторон света, а также её фрагментов можно видеть на фотографиях Б. П. Бойцова, А. Т. Беляева, П. Б. Бойцова, Г. В. Жаренкова, М. И. Фёдорова, датируемых 1961–1964, 1969–1972, 1979, 1983, 1987 гг.

В коллекции черно-белых фотографий «История реставрации музея „Кижь“» представлена оригинальная фотография Н. И. Долголенко «Ограда с центральным входом на территорию погоста» (1962 г.). Фотофиксация ограды и её фрагментов

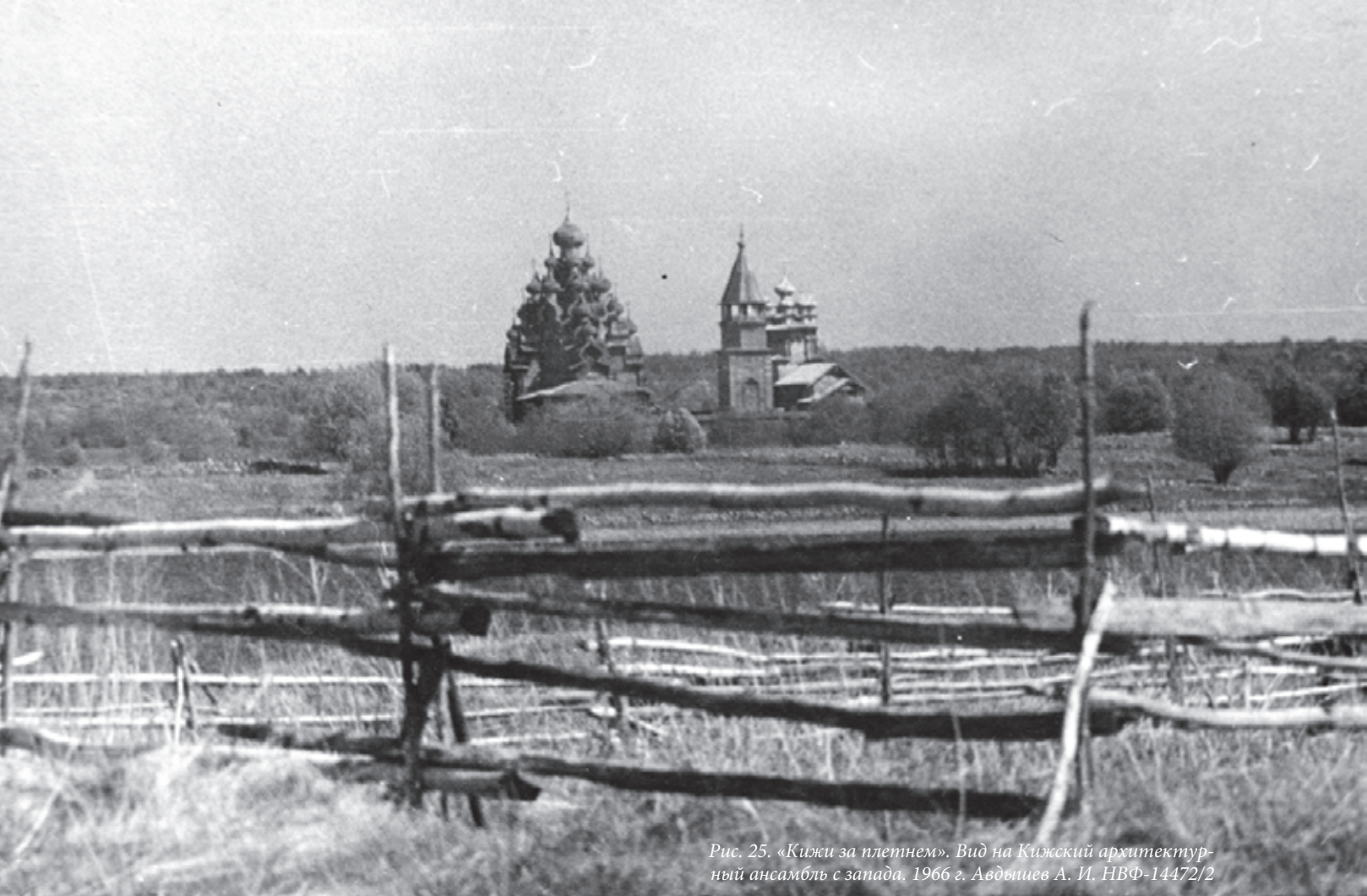

Рис. 25. «Кижы за плетнем». Вид на Кижский архитектурный ансамбль с запада, 1966 г. Авдешнев А. И. НВФ-14472/2

выполнялась также и в последующие годы (1961–1964, 1969–1971, 1976, 1983) фотографиями В. Семиным, В. Крохиным, Б. Бойцовым, М. Федоровым, П. Бойцовым.

Дополняют фонд фотографий рассматриваемого раздела предметы коллекции видеоматериалов музея. В их числе копии документальных кинофильмов 1965–1967 гг., посвященные Кижскому архитектурному ансамблю производства любительской киностудии «Руна» (руководитель к/студии Б. П. Бойцов).

Шестой раздел посвящен реставраторам, которые работали на памятниках Кижского ансамбля.

Бригада плотников-реставраторов в музее «Кижы» начала складываться в 1948 г. Первыми были плотники Б. Ф. Елизаров и Е. Г. Тестенников, столяр Н. Г. Маньшин. В 1949 г. в бригаду пришел М. К. Мышев, ставший прорабом плотников-реставраторов. 13 июля 1949 г. СМ КФСР издано распоряжение о выделении районами 12 плотников для ремонта Кижского ансамбля²¹.

Рис. 26. Кижский архитектурный ансамбль. 2001 г. Вид с юго-запада (с озера). Семененко О. А. НВФ 14172/7

Рис. 27. Преображенская церковь и колокольня на о. Кижы. 1961–1964 гг. Жаренков Г. В. НВФ-14365/1

²¹ НА МЗК. № 1551. Л. 21. (Бернинен Е. И. Из истории реставрации памятников музея. Кижский архитектурный ансамбль.)

В фотоколлекции представлены репродукции снимков А. В. Ополовникова начала 1950-х гг., на которых сфотографированы плотники-реставраторы музея Б. Ф. Елупов, М. К. Мышев, П. Г. Окунев, Н. Г. Маньшин во время реставрации памятников Кижского ансамбля (рис. 29); Б. Ф. Елупов и М. К. Мышев во время работы на острове Кижы в 1961 г.

В коллекцию черно-белых фотографий по теме «История реставрации музея-заповедника „Кижы“» вошли фотографии членов бригады 1963 года. Рабочих бригады Д. И. Никитина, К. П. Клинова, В. М. Никитина, Б. Ф. Елупова, Ф. К. Елизарова можно увидеть на фотографиях Г. В. Жаренкова (1961–1964 гг.).

В 1969 г. на базе реставрационного участка музея «Кижы» была создана Специальная научно-реставрационная производственная мастерская для выполнения работ по реставрации и консервации памятников истории

и культуры КАССР (КСНРПМ). В составе коллекции – репродукции оригинальных фотографий, на которых плотники-реставраторы КСНРПМ во время работы на острове Кижы в 1973–1974 гг., а также черно-белые негативы с фотофиксацией работ на Преображенской церкви в 1987–1988 гг.

В коллекцию вошли репродукции фотографий 1950-х гг., на которых изображены А. В. Ополовников и плотник-реставратор К. П. Клинов. Г. В. Жаренков запечатлел А. В. Ополовникова и М. К. Мышева на праздновании 250-летия Преображенской церкви, которое проходило на о. Кижы в 1964 г. На фотографии П. Б. Бойцова (1988 г.) – А. В. Ополовников среди участников совещания ИКОМОС на острове Кижы (рис. 30).

В 1992 и 1993 гг. С. В. Куликовым был снят видеофильм с сюжетами, посвященными плотнику-реставратору И. Ф. Вересову и архитектору Л. М. Лисенко.

Рис. 28. Вид на остров Кижы. 1972 г. Фёдоров М. И. НВФ 14925

Служба реставрации памятников Кижского погоста музея-заповедника в её нынешнем виде сформировалась в 2003 г. Предпосылкой создания службы было возникновение творческого коллектива по разработке эскизного проекта реставрации Преображенской церкви (1999–2001 гг.). В состав службы входят отдел подготовки и обеспечения реставрации и Плотницкий центр, созданный в 1997 г. Участников проведения реставрационных работ на памятниках ансамбля в период 2000–2010 гг. можно увидеть на фотографиях коллекции, поступившей из архива отдела учета и хранения недвижимых памятников.

Таким образом, материалы рассмотренного раздела фотофонда дают наглядное представление о том, как выглядели памятники Кижского погоста в разные периоды времени, как менялся их облик в результате проведения реставрационных работ. Фото- и видеоматериалы коллекции «Кижский архитектурный ансамбль», наряду с документальными письменными источниками, являются достоверными источниками информации и важным иллюстративным материалом по истории культовой архитектуры Заонежья.

Рис. 29. Бригада плотников-реставраторов на реставрации Покровской церкви. Слева направо 1-й ряд: Федосов А. И., Афонин А. И., Елунов Б. Ф., Мышев М. К., Мотов И. М. 2-й ряд: Никитин В. М., Елизаров К. Ф., Никитин Д. М. 1950-е гг. Ополовников А. В. НВФ 3931

Рис. 30. Б. К. Эррте, А. В. Ополовников, А. В. Попов во время посещения участниками конференции ИКОМОС о. Кижь в сентябре 1988 г. Бойцов П. Б. НВФ 13281/7

Деятельность финских исследователей по изучению и сохранению памятников архитектуры и искусства на территории Заонежья в годы оккупации (1942–1944 гг.)

Карелия всегда привлекала внимание финских исследователей. Причем их интерес был сосредоточен не только на изучении традиций устного народного творчества, но и большое внимание уделялось изучению традиций народной архитектуры и живописи Карелии. Финских ученых особенно интересовала восточная часть Карелии, которая исторически никогда не входила в состав Финляндии. После вступления Финляндии в войну на стороне Германии внешняя политика финского государства коснулась этих территорий. Целью финских ученых становится изучение материальной культуры, устного народного творчества и иконописи¹.

В работе о деятельности финских ученых на территории восточной Карелии в 1942–1944 гг.² профессор Ренья Суоминен-Кокконен отмечает, что в последние годы финские ученые в области истории и этнографии обращаются к исследовательским материалам военного времени. Многие исследования о войне основываются на архивных источниках, а также на личном опыте политических и военных деятелей. Р. Суоминен-Кокконен подчеркивает, что в годы войны деятели искусства обратились к

новым областям исследований, которые привели к важным научным результатам. Таким примером могут быть работы по храмовой архитектуре Заонежья финского искусствоведа, историка деревянного зодчества Финляндии, Скандинавии и Карелии Ларса Петтерссона, в 1942–1944 гг. занимавшегося изучением деревянного зодчества Заонежья. Результатом его работы стала опубликованная в 1950 г. диссертация, посвященная храмовой архитектуре этого края³. Работа финского искусствоведа и по сей день не утратила своей значимости и исключительности, несмотря на прошедшее время.

В центре нашего внимания события, связанные с необычной страницей в истории Великой Отечественной войны, – деятельностью финских исследователей по изучению и сохранению памятников архитектуры и искусства Заонежья во время оккупации в 1942–1944 гг.

За научно-исследовательскую работу во время войны отвечало Военное ведомство восточной Карелии, созданное 15 июля 1941 года. На службе в ведомстве состояли представители разных профессий: геологи, биологи, этнографы, археологи, искусствоведы, художники, географы. Помимо несения военной службы, специалисты занимались мероприятиями по спасению ценностей на оккупированной территории. Работа по сбору материалов имела

¹ Kotkavaara K. Rajamaiden kuvia ja muutama ajatus niiden teistä politiikassa ja taiteentutkimuksessa // Viimeinen tuomio: Ikoneita Itä-Karjalasta: Turun linna, 28.10.2005–8.1.2006: Näyttelyluettelo=Yttersta domenö: Ikoner från Östkarelen: Åbo slott, 28.10.2005–8.1.2006: Utställningatalog. S. 11; Suominen-Kokkonen R. Suomalainen taidehistorioitsija Itä-Karjalassa 1942–1944 // Rajantakaista Karjalaa. Helsinki, 2008. S. 125–126.

² Suominen-Kokkonen R. Suomalainen taidehistorioitsija Itä-Karjalassa... S. 125–131.

³ Pettersson L. Äänisniemen kirkollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950.

и политическую окраску, так как она помогла создать представление об оккупированной территории.

Значительная часть восточной Карелии была оккупирована уже зимой 1941–1942 гг. Под началом финских оккупационных властей оказались карельские, вепсские и русские районы Заонежья. Эти территории, особенно Заонежье, были известны уже с давних времен. Здесь сохранились традиции национальной культуры, великолепные памятники деревянной архитектуры и искусства, что не осталось без внимания финских ученых, пораженных возможностью найти совершенно нетронутую красоту храмов, облик и интерьер которых не менялись в течение столетия. Уже к лету 1942 года становится очевидным культурно-историческое значение исследуемых территорий, а их близость к театру военных действий вызывает опасение за сохранение расположенных на этих землях памятников. В сложившейся ситуации командир 7-го армейского корпуса генерал-лейтенант В. Хеглунд предложил специалистам оценить собранную в Кижях коллекцию икон. За помощью обратились к директору Галереи современного искусства в Хельсинки, коллекционеру и любителю древнерусской иконописи, знатоку западноевропейского искусства и модернизма Бертелу Гинце⁴.

Первая поездка Б. Гинце в Заонежье состоялась в октябре 1942 года. В течение недели он ознакомился с церквями и часовнями, а также предметами церковной утвари. Незадолго до первого приезда Б. Гинце в Заонежье в отдел просвещения Военного ведомства был назначен магистр по храмовой архитектуре и искусству фенрик Ларс Петтерссон. В обязанности Л. Петтерссона входила работа по фотофиксации и каталогизации памятников архитектуры, предметов церковного имущества и этнографии. Помощником Л. Петтерссона стал Ойва Хелениус, талантливый скульптор и всесторонне одаренный человек. Во время их совместной работы О. Хелениус делал рисунки и чертежи. Управляющий делами православных финских воинов Пентти Хяркконен вспоминал, что Л. Петтерссон и О. Хелениус представляли

собой команду единомышленников⁵. С октября по декабрь 1942 года на территории Заонежья ими было обследовано более 40 церквей и часовен. Они каталогизировали предметы храмов, особенно на территориях, где было почти полностью эвакуировано население, фотографировали храмы и делали чертежи. Часть культурно-исторических ценностей вывезли в Петрозаводск. Двери храмов закрыли. С ноября 1942 года их помощником и консультантом был священник Лео Касанко. Осенью 1942 года Л. Петтерссон и Б. Гинце начинают совместную работу, позже Б. Гинце неоднократно консультировал Л. Петтерссона⁶. В начале 1943 года Л. Петтерссон покинул Заонежье для того, чтобы продолжить работу по изучению памятников в вепсских деревнях. В Заонежье он вернулся только летом 1943 года. В это же время состоялась вторая поездка Б. Гинце в Заонежье, куда он приехал вместе с женой Л. Гинце. Во время этого визита они работали вместе с Л. Петтерссоном, Л. Касанко и двумя финскими православными священниками Э. Пийроненом и П. Хяркконеном. Эту экспедицию в Заонежье Эрки Пийронен описал в своей книге «Часовенная Карелия»⁷. В течение недели они изучали размещенные в церквях иконы. Большая часть икон из кижской Преображенской церкви в это время была перевезена для хранения в часовню в дер. Кургеницы. Иконы произвели большое впечатление на исследователей. Как вспоминал автор книги, в то время Л. Петтерссон был пленен не только грандиозностью и неповторимостью храмовых сооружений, но и святой внутренней силой, идущей от икон.

Очевидно, именно в этот период времени начал осуществляться план, по которому иконы были перемещены в Финляндию из соображений безопасности и для проведения их реставрации. Одновременно наметились шаги по продолжению выставочной работы, начатой Б. Гинце еще 10 лет назад. У финских исследователей родилась идея представить иконы широкой публике в Финляндии

⁴ Suominen-Kokkonen R. Suomalainen taidehistorioitsija Itä-Karjalassa... S. 128.

⁵ Härkönen P. Kiizin ikonimaalaus: Perinneihanteiden täyttymystä kuvataiteen kielellä // Viisauden rintaa vasten: 75 vuotta ortodoksista teologista koulutusta. Joensuu, 1994. S. 173.

⁶ Kotkavaara K. Myös kuvien Karjala // Ikonit, ihmiset ja sota. Valamon Konservointilaitos, 2009. S. 62–70.

⁷ Piironen E. Tsasounien Karjalassa. Pieksämäki, 1982. S. 139–145.

и таким образом собрать средства для их реставрации. Б. Гинце предложил для этого мероприятия выставочные помещения Галереи современного искусства в Хельсинки. Выставка получила название «Сохранение памятников искусства в годы войны: Иконопись восточной Карелии».

На выставку отобрали 152 иконы из Яндомозера, Кижей, Кондопоги и других мест. В галерее был представлен почти весь иконостас Преображенской церкви. Художник Х. Малисто раскрыл некоторые иконы. Открытие выставки назначили на 8 января 1944 года. Однако выставка не состоялась. В последний момент верховный главнокомандующий Карл Густав Маннергейм решил, что не следует провоцировать Советский Союз, выставляя иконы, которые можно было бы рассматривать как военные трофеи. Выставку показали лишь небольшой группе специалистов⁸. Вот как вспоминал эти дни П. Хяркконен: «В художественную галерею попали лишь немногие из приглашенных гостей. Украдкой они проходили в залы через черный вход. Все окна в залах были занавешены темными шторами. С иконами посетители выставки знакомились при электрическом свете»⁹.

К открытию выставки был подготовлен каталог¹⁰ с пояснениями, черно-белыми фотографиями, текстами на финском, немецком, шведском языках. Однако его не разрешили распространить, а весь тираж предполагалось уничтожить. Уже подготовленная, а затем отмененная выставка стала в некоторой степени молчаливым символом. Газеты и радио умолчали об этом событии, но информация о выставке передавалась из уст в уста¹¹.

Особое положение на выставке занимали работы иконописцев, чьи имена были известны: Никифор Зоринин, Иван Аверкиев, Иван Михеевич Абрамов, Федор Григорьевич Федотов. Рядом с их работами были представлены орудия труда мастеров, материалы для изготовления икон

и рисунки с изображением мастерской Михея Ивановича и Ивана Михеевича Абрамовых.

Встреча с заонежским иконописцем Иваном Михеевичем Абрамовым была одним из интересных эпизодов исследовательской работы молодых ученых. Первый раз они встретились с ним осенью 1942 года в его родной деревне Космозеро. Л. Петтерссон вспоминал, что Иван Михеевич был интересной личностью, в нем жил дух либерализма, издавна присущий северному крестьянину. Иконописец проживал со своей женой Анастасией Ивановной в доме, построенном его отцом. Несколько раз Л. Петтерссон беседовал с И. М. Абрамовым об иконописи. Позже он написал несколько статей о мастере и опубликовал их в 1943–1945...¹² Одна встреча ему особенно запомнилась. Дело в том, что в 1943 году Л. Петтерссон посетил дом И. М. Абрамова вместе с художником М. Коллином. Вечер прошел под знаком русского языка, художник изучал его в школе и в тот вечер с удовольствием вновь вспомнил русский язык. Хозяйка предложила всем суп из одной посуды. Единственным источником света была лучина. Картина вечера оставила глубокий след в памяти ученого. Через много лет после войны воспоминания возвращали его в старый крестьянский дом, где в полутьме сидит и рассказывает о прошлом старик с широкой седой бородой, какую по русскому обычаю носили в XIX столетии. Так рассказывает об этой памятной для Л. Петтерссона встрече М. А. Витухновская в статье «Спасенные ценности Заонежья»¹³.

Финский искусствовед, доцент университета г. Турку Кари Коткаваара отмечает, что именно со встречи с иконописцем И. М. Абрамовым «берет начало становление Л. Петтерссона как исследователя истории иконописи. Тогда финский искусствовед предпринял первые шаги в реализации так и не приведенного в исполнение плана восстановления мастерской заонежского мастера»¹⁴.

¹² Петтерссон Л. Иконописная мастерская в Заонежье // Мильчик М. И. Заонежье: История и культура. Очерки. Фотографии. СПб., 2007. С. 152–159.

¹³ Vituhnovskaja M. Äänisniemen pelastetut aarteet // Carelia. 1993. № 6. S. 139–140.

¹⁴ Коткаваара К. Ларс Петтерссон и его проект музейной реконструкции мастерской заонежского иконописца И. М. Абрамова в свете современного финского искусствоведения // Международная научно-практическая конференция «Музей в современном мире. Художественное наследие Карелии и инновационные процессы в развитии культуры и искусства»: Тезисы докладов к 50-летию Музея изобразительных искусств Республики Карелия (1960–2010 гг.). Петрозаводск, 2010. С. 59.

⁸ Belik Z. Vuoden 1944 kuuluisa ikoninäyttely- ja Petroskoihin palautettujen ikonien myöhempää vaihe // Ikonit, ihmiset ja sota. Valamon Konservointilaitos, 2009. S. 92–97; Kotkavaara K. Myös kuvien Karjala... S. 214.

⁹ Härkönen P. Kiizin ikonimaalaus... S. 176.

¹⁰ Taiteensuojelua sodanaikana: Itäkarjalaisia ikonimaalauksia = Itä Konstskydd under kriget: Östkarelska Ikonmålningar. Helsingin Taidehalli, 1944. S. 51.

¹¹ Belik Z. Vuoden 1944 kuuluisa ikoninäyttely... S. 94.

Переезжая из деревни в деревню, Л. Петтерссон описывал и картографировал церкви и часовни, делал чертежи и схемы нахождения икон. Материалы военного времени, ежедневные записи в обычных школьных тетрадях свидетельствуют о том, что для молодого исследователя архитектуры не было незначительных деталей: для него было важным все, что раскрывало строительную культуру Заонежья. Как отмечал К. Коткаваара, Л. Петтерссон принадлежал к группе молодых ученых, для которых идеалом был добросовестный сбор материала и объективный научный анализ; свою работу исследователь выполнял с максимальной независимостью от идеологии. В докладе о Л. Петтерссоне как исследователе деревянной архитектуры Заонежья С. В. Воробьева обращает внимание на тот факт, что им впервые было проведено «тотальное обследование всех существовавших на то время построек вне зависимости от их ценности и древности»¹⁵.

Записи, сделанные Л. Петтерссоном, благодаря наблюдательности и внимательному отношению к объекту исследования, помогают воссоздать картину того времени – она возникает неожиданно на основе русских и карельских выражений. В материалах встречаются и личные имена. От храма к храму Л. Петтерссон делал записи об иконах, нуждающихся в консервации. В его рабочих материалах есть записи о том, какие иконы вывезены из храмов и что их нужно вернуть на прежнее место после реставрации¹⁶.

Изучая материалы архива Л. Петтерссона и воспоминания о нем современников, можно сказать, что чем больше он знакомился с объектами исследования, тем сильнее они очаровывали его. «Они были настолько интересны, что стало недостаточно просто повесить замок на дверь храма», – вспоминал Л. Петтерссон¹⁷. На определенном этапе выполнения работ по приказу военного командования для ученого становится важным сосредоточиться на изучении памятников архитектуры и искусства. И если бы случилось так, что в условиях войны храмы погибли, то все же что-то осталось бы после о них потомкам. Особенно ученого беспокоило

сохранение Кижского архитектурного ансамбля. Неслучайно в это же время родилась идея написать книгу о Преображенской церкви. Эту работу Л. Петтерссон выполнял вместе с П. Хяркконеном. В предисловии авторы писали, что во время войны остров Кижы с расположенными на нем церквями и часовнями оказался рядом с линией фронта. «В этих условиях нельзя было обеспечить сохранность этих строений, являющихся художественной ценностью. Судьба Преображенской церкви и ее икон вызывала особую озабоченность у тех, кому было вверено попечение о памятниках в районе военных действий. В сложившихся обстоятельствах приняли решение фотографировать как архитектуру церкви, так и иконы и выполнить работу настолько тщательно, насколько это было возможно в тех условиях»¹⁸. Работа над книгой была закончена в конце войны, но издание уже подготовленной к печати книги запретили в силу политических причин.

Исследовательская работа Л. Петтерссона и его коллег по изучению памятников Заонежья продолжалась два года: с октября 1942 г. по июнь 1944 г. Работа по документированию церкви и часовен, по организации транспортировки находившихся в плохом состоянии икон в места для их сохранения и реставрации в Финляндии требовала много сил. В 1943 году Л. Петтерссон ходатайствовал перед Министерством образования о выделении денег для фотофиксации храмов и переводов материалов церковных архивов. В декабре 1943 года для выполнения этой работы было выделено 12 000 марок¹⁹. Трудно полностью представить весь объем работы, выполненный финскими исследователями. В период с осени 1942 года по лето 1944 ими было описано 242 храма, из них ныне сохранилось только 32 памятника. Важность мероприятий заключалась еще и в том, что это была первая полная инвентаризация храмовых строений в Заонежье, на территории, которая сама по себе является музеем под открытым небом²⁰. Об этом времени свидетельствуют ценнейшие фотоматериалы в коллекции

¹⁵ НБМЗК. НРФ № 1134. (Воробьева С. В. Ларс Петтерссон как исследователь деревянной архитектуры Заонежья.)

¹⁶ Kotkavaara K. Rajamaiden kuvia ja muutama ajatus... S. 15–16.

¹⁷ Vituhnovskaja M. Äänisniemen pelastetut aarteet... S. 138.

¹⁸ Pettersson L. Kiizin Kirkastuskirkko: Aunuksen kirkkotaiteen ylvään muistomerkki: [käsikirjoitus / Lars Pettersson, Pentti Härkönen. [Б. м., б. г. 1940 ?]. 71 s. (Рукопись хранится в личном архиве автора, передана С. Петтерссон, внучкой Л. Петтерссона.)

¹⁹ Suominen-Kokkonen R. Suomalainen taidehistorioitsija Itä-Karjalassa... S. 129.

²⁰ Vituhnovskaja M. Äänisniemen pelastetut aarteet... S. 142.

Л. Петтерссона, их более 1500. Коллекцию делает бесценной то обстоятельство, что в собранных материалах имеются сведения о церквях и часовнях, не сохранившихся до наших дней, и подчас они являются «единственным источником для изучения архитектурного наследия Заонежья»²¹.

Как уже отмечалось, результатом изучения Л. Петтерссоном деревянного зодчества Заонежья стала его диссертация. В ней финский искусствовед предложил классификации храмов по строительным периодам, разработал типологию строительных деталей, а также осуществил исследование плотницких инструментов и строительных материалов. Храмовую архитектуру ученый исследовал с помощью метода строительной археологии, так как в церковных архивах было мало сведений об истории храмов или они отсутствовали. Опираясь на данный метод, Л. Петтерссон стремился показать, что в храмовой архитектуре Заонежья обнаруживаются различные стилистические слои и просматриваются разные строительные периоды. Л. Петтерссон выделил общие черты, характерные для храмов Заонежья, и одновременно показал исключительность кижских церквей. Основным выводом, который был им сделан, заключался в том, что деревянное зодчество Заонежья не является самостоятельной местной или «калевальской» строительной культурой. Такое неверное представление было у сторонников идеи карелионизма. Финский искусствовед очертил широкий спектр предпосылок развития храмовой архитектуры в Заонежье. Показал влияние на нее разных стилей. К местным карельским чертам он отнес влияние окружающей природы на отдельные архитектурные детали, изумительное своеобразие особенностей внешнего декоративного убранства храмовых строений. По мнению Л. Петтерссона, деревянные храмы Заонежья мало отличались друг от друга, но эти различия четко проявлялись в сравнении с храмовой архитектурой Вологодской и Тверской губерний. В диссертации он проанализировал внешние особенности храмов Заонежья и показал интерьер православной церкви восточной Карелии. По мнению Л. Петтерссона, церкви украшали прекрасные иконы, выполненные в технике темперы, иконы «небес», десятки го-

²¹ Мильчик М. И. Иконография Заонежья // Рябининские чтения – 1995: Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 1997. С. 354.

рящих свечей и лампад, а также полное мистики богослужение²².

Летом 1944 года Л. Петтерссон и О. Хелениус поняли, что их работа в восточной Карелии подходит концу. «Конечно, мы знали, что наступит тот день, когда нам нужно будет уехать из Заонежья. Положение на фронте менялось каждый день, о чем получали сведения из газет и по радио. И все же, была тяжела и печальна сама мысль, что мы можем быть отдалены от памятников, которые научились любить, но было очевидно, что этот период нашей жизни завершается», – вспоминал Л. Петтерссон²³. Однако исследовательскую работу Л. Петтерссон и О. Хелениус продолжили до самого последнего момента. Приказ об эвакуации пришел 15 июня 1944 года, когда исследователи находились в дер. Усть-Яндоме и только начали работу по обмеру часовни. К вечеру стало известно, что последнее судно уйдет в 7 часов утра. Это было в 15 километрах от того места, где они находились. Вечером Л. Петтерссон и О. Хелениус прикинули по карте, как много времени им понадобится для того, чтобы этот путь преодолеть пешком. Затем закончили работу по обмеру часовни и только после этого отправились в Великую Губу.

Оставляя Заонежье, Л. Петтерссон даже не думал, что сможет когда-нибудь вернуться сюда. Новая встреча произошла спустя 45 лет, в июне 1989 года. Финский исследователь привез с собой подарок для музея: копии исследовательских материалов, слайды и копии акварелей О. Хелениуса. На основании этих материалов в музее была создана особая коллекция, которая так и называется «Коллекция Л. Петтерссона»²⁴.

«Коллекция Л. Петтерссона» и исследовательские материалы военного времени, которые находятся в архивах Финляндии, являются интересными источниками для изучения храмовой архитектуры и искусства Заонежья. В них сохраняется историческая память об этом удивительном уголке Русского Севера.

²² Suominen-Kokkonen R. Suomalainen taidehistorioitsija Itä-Karjalassa... S. 131.

²³ Vituhnovskaja M. Äänisniemen pelastetut arteet... S. 142.

²⁴ Коллекция Ларса Петтерссона [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kizhi.karelia.ru/collection/catalogs/pettersson>.

Культурный код в горизонте понимания народной архитектуры Русского Севера

Исследование отражает новое видение деревянного зодчества Русского Севера как базисной составляющей национальной культуры. В отечественной традиции исследования памятников архитектуры сложилась устойчивая практика рассматривать их либо с исторической, либо с археологической, либо с искусствоведческой точек зрения. Сравнительно недавно памятники архитектуры стали изучаться в новом, интегративном, научном горизонте – как произведения культуры, имеющие большое значение для понимания истории культуры в целом. В настоящем исследовании мы исходим из того, что «история искусства должна писаться как история культуры» (И. Э. Грабарь). Русский Север уже около двух столетий – это не только устойчивое словосочетание, вобравшее в себя особенности российского менталитета, но и понятие, отражающее важные для отечественной культуры смыслы. Культурный смысл северного поселения для современной России определяется тем, что это своего рода утопия, *благословенная страна*. Русский Север – своеобразная территория, не столько изолированная пространственно, сколько обособленная духовно. Здесь в XVII–XIX вв. сложилась если не идеальная, то по-своему гармоническая система организации жизни, которая в России не была востребована. Бытие Русского Севера – это модель жизни свободного, даже в эпоху крепостничества независимого, экономически обеспеченного, верующего русского крестьянина,

«государственника» по своему мышлению. «Нигде в России крестьянин не добился большего успеха, чем крестьянин Севера, отстаивавший границы своих земель и свой незакрепощенный статус»¹. Жители Русского Севера были, скорее, своего рода *гражданами мира*, чем подневольными подданными Российской империи.

Среди северноруссов выделяется этнографическая группа (субэтнос) *поморов* – русского населения, проживающего на берегах Белого и Баренцева морей. Поморы (русский вариант морской культуры в Арктике) выработали бесценный опыт выживания и хозяйственной деятельности в экстремальных условиях Крайнего Севера, являющего и по сей день границей ойкумены – «пространства обитания человечества». Континентальный менталитет, свойственный славянам, сменился на Севере на более открытое и активное мировосприятие *морских* народов. В поморской среде бытовала поговорка: «Архангельский город всему морю ворот». Крестьяне-земледельцы, пришедшие на Север из новгородских и ростово-суздальских земель, сделали своим «полем» море, где добывали рыбу, морского зверя, создали своеобразную *морскую культуру*. На деревянных судах, приспособленных для арктических плаваний, достигали островов Новой Земли и Шпицбергена. Велика роль в освоении Арктики наших соседей-норвежцев. Здесь на севере Европы

¹ Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 227.

Одигитриевская церковь «шатер на крещатой бочке», с. Кимжа, Мезенский район, 1709. Фото Н. Чеснокова, 2006 г.

появился уникальный опыт сотрудничества двух культур, которые взаимно обогащали друг друга. Русские поморы и норвежцы имели свой язык *руссенорск* – смешанный русско-норвежский язык, один из примеров *пиджина*.

В основе работы лежит полевой материал 33 экспедиций, в которых автором были обследованы 368 поселений Русского Севера; в 25 экспедициях автор была руководителем, в 8 – участником. Общее количество обследованных памятников и артефактов народной архитектуры, элементов декора, предметов материальной культуры и крестьянского быта – около 10 тыс., в 80 % случаев они выявлены впервые, из них около 200 составляют обмеры. Автором введены в научный оборот и опубликованы 1 209 памятников и артефактов народной архитектуры, предметов традиционной культуры, из них 107 – в с. Кимжа на Мезени. Другая значительная часть материала была собрана в архивах и музеях Архангельской, Вологодской областей, Карелии, Москвы, Санкт-Петербурга, а также материалы, составившие основу личного опыта, приобретенного в результате многолетнего изучения экспозиций музеев под открытым небом и памятников народной архитектуры «in situ» в России и Западной Европе. Исследование осуществлено при поддержке 6 грантов.

Интерьер свадебной горенки, XIX в. (музей «Малые Корелы»). Фото Н. Арьева, 2000 г.

Результаты работы отражены в 130 статьях, 5 монографиях².

Изучение народной архитектуры в России долгое время было сосредоточено только на культовом зодчестве. Храмы были выявлены в конце XIX – первой половине XX века И. Э. Грабарем, В. В. Суловым, М. В. Красовским и др., в середине XX века изучалось гражданское зодчество (И. В. Маковецкий и др.). Осознание истинной ценности деревянного зодчества как целостного комплекса пришло только в 1970-е годы. Это ознаменовалась «залповой» защитой трех докторских диссертаций по народной архитектуре, которые были посвящены деревянному зодчеству Заонежья (Л. М. Лисенко (1976), А. В. Ополовников (1976), В. П. Орфинский (1977)). В 1981 году Ю. С. Ушаковым была защищена докторская диссертация «Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера: пространственная организация, композиционные приемы, восприятие». В основе исследования, представленного в рамках этой статьи, – докторская диссертация «Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера» (2011). Работа явилась первым междисциплинарным исследованием народной архитектуры в России, опирающимся на опыт культурологического изучения исторического наследия, и отражает новое видение деревянного зодчества Русского Севера как базисной составляющей национальной культуры. Исследование показывает историческую

² Пермиловская А. Б. Северный дом. Петрозаводск, 2000; Она же. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века). Архангельск, 2005; Она же. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск; Екатеринбург, 2010; Русское деревянное зодчество. Произведения народных мастеров и вековые традиции / Сост. и отв. ред. А. Б. Боде. М., 2012; Она же. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург; Архангельск; Ярославль, 2013 (в печати).

Дом А. М. Тропина, д. Цивозеро, Красноборский район,
конец XIX в. Фото Н. Чеснокова, 1995

преимущество деревянного зодчества в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов, представленного в церковной и гражданской народной архитектуре.

Высшим проявлением народного зодчества в православии было храмостроительство. В храме воплощался образ Вселенной. Храм как обобщенный, семантически насыщенный образ мироздания занимал центральное место в сакральном пространстве северного крестьянского мира. В культурном ландшафте Русского Севера сформировался его высокий статус. Для человека организованное им жилое пространство – своеобразная модель окружающего мира. Храмы как символы мироздания господствуют в этом пространстве, жилище человека составляет второй план, хозяйственные постройки – третий. Названия храмов становились частью историко-культурного пространства края; так же, как и названия деревень, храмонаименования отразили становление народного религиозного сознания и миропонимания насельников этих территорий. В этом явлении просматриваются определенные черты системы духовных ценностей общества, особенности мировоззрения создателей этих храмов. «Имя оценивается церковью, а за нею – всем православным народом, как тип, как духовная конкретная норма личностного бытия»³. На Русском Севере более всего было выстроено храмов в честь Николая Чудотворца, великомученика Георгия, Флора и Лавра, Власия Севастийского, Ильи Пророка, Параскевы Пятницы. Подобный выбор посвящений типичен для крестьянина, земледельца и скотовода, поскольку вполне соответствует традиционному покровительству православных

святых в народной культуре. Поморское побережье имело множество храмов, возведенных в честь Николая угодника. В его образе воплотились верования северян в своего русского морского бога и нашло своеобразное подтверждение в народном мировоззрении: «от Холмогор до Колы – тридцать три Николы». Икона с изображением Николая Чудотворца была в местном ряду почти каждого северного храма и в «красном», святом, углу крестьянской избы. «В иконе Николы усматривается как бы квинт-эссенция иконы как таковой, т. е. выражение самой сущности иконы»⁴. Недаром в народе бытовала поговорка «Нет икон как Никол» и существовало убеждение, что каждая икона Николы является чудотворной.

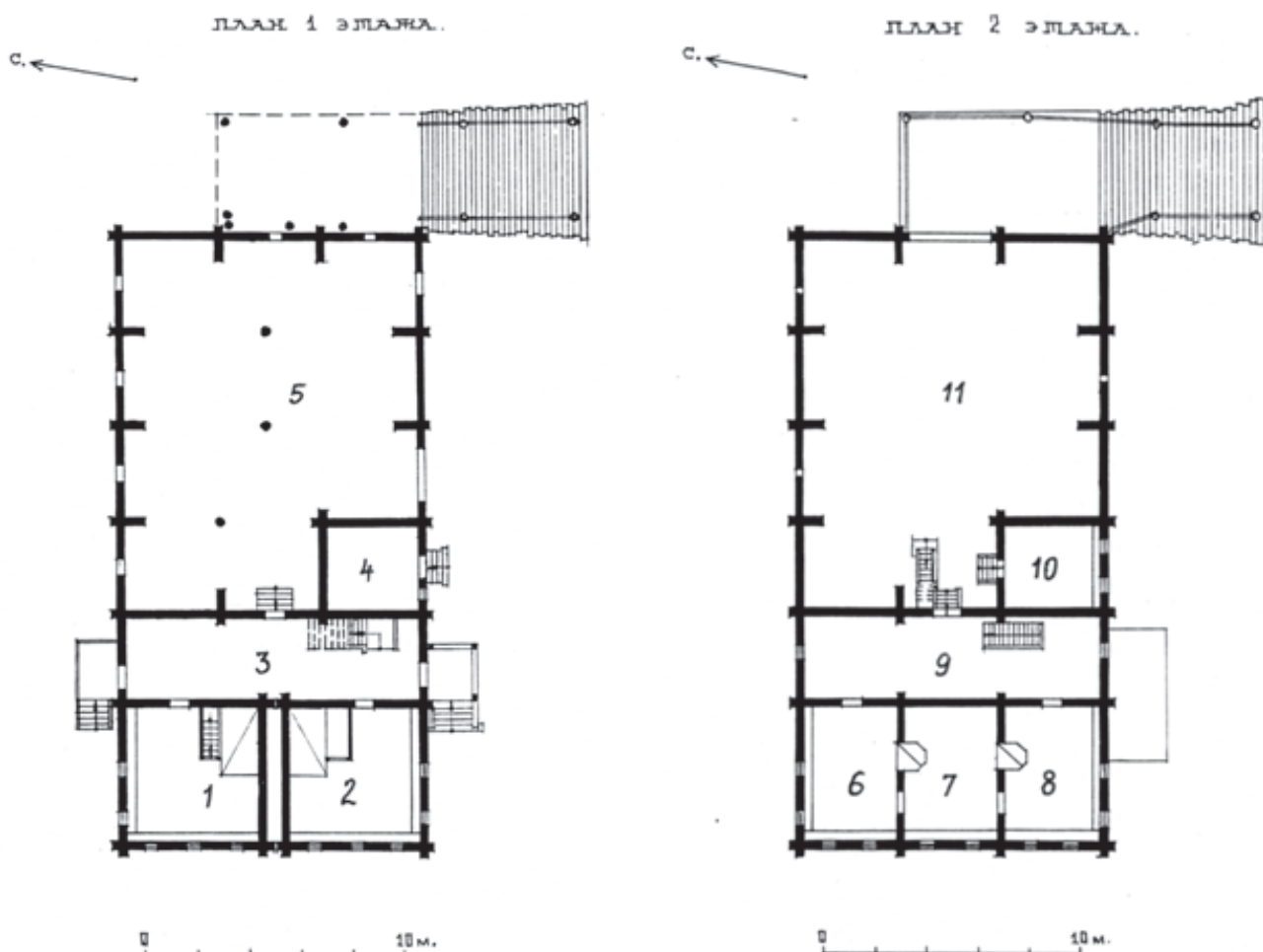
Значимая роль храма в структуре микро- и макрокосмоса Русского Севера отразилась также в исторических преданиях и легендах о выборе места для строительства храма (часовни), поселения. Этот выбор делался с помощью гаданий и живых священных животных (конь), а также предметов (дерево, икона, крест, свеча), обладающих высокой степенью семиотичности и особым сакральным статусом в традиционной крестьянской культуре.

Мировоззрение и самосознание этноса лежат в основе традиционной культуры Русского Севера. К XVII веку на его территории сформировалась русская народность (ее севернорусская группа), а на окраинах – народности финно-угорского происхождения. Сложившаяся «этническая карта» Русского Севера не претерпела существенных изменений до настоящего времени. Местные региональные наименования жителей, судя по источникам этого периода, перестали употребляться, так как все население четко осознавало себя русскими. Нередко слова «русские» и «православные» заменяли друг друга. В сознании людей эти слова стали означать одно и то же, то есть этническое и религиозное сознание слились воедино.

Основу мировоззрения русского крестьянства составляло православие, куда «вошли» дохристианские, языческие, верования славян. Охарактеризовать соотношение языческих и христианских элементов

³ Флоренский П. А. Имена. М., 2001. С. 38.

⁴ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982. С. 14.

План дома А. М. Тропина I этаж: 1 – трактир; 2 – зимняя изба; 3 – сени; 4 – клеть; 5 – хозяйственный двор
II этаж: 6–8 – жилые помещения, устроенные на городской манер; 9 – сени; 10 – клеть; 11 – поветь

в мировоззрении русских крестьян достаточно сложно: обычно они неразделимы и составляют единую веру, которая ранее называлась «двоеверием». В настоящее время в отечественной этнологии относительно традиционных верований русских принят термин «народное православие», поскольку после Крещения Руси постепенно произошло совмещение двух мировоззренческих систем – языческой и христианской. При этом язычество и христианство оказались настолько слитыми, что ни один носитель традиционной культуры не сможет отделить одно от другого. Нужно отметить, что культурная терпимость была для христианизированной Руси не исключением, а правилом. Терпимость способствовала усложнению структуры древнеславянской духовной культуры, позволяла синтезировать элементы ахристианские и христианские, восточные и западные, греческие, славянские, латинские. Храмом ограничивалось сакральное «христианизированное» пространство. Все, что вне храма, – это пространство мирское, где поведение человека

подчинялось не «письменному закону», но отеческому обычаю⁵.

В постановке и осмыслении данной проблемы логично исходить не только с точки зрения православия, а обратиться к сравнительному опыту изучения мировых религий. По мнению Ю. М. Лотмана, «культура – открытое окно. Историческая судьба русской культуры – всегда быть одновременно русской и больше чем русской, вырваться за пределы себя самой. Это делает теоретические исследования русской культуры не только частью, но и неизбежным полигоном мировой культуры»⁶. Крестьянским культурам разных народов присущ единый «космический уровень». Это единство во всех крестьянских культурах мира философ и историк мировой культуры Мирча Элиаде назвал «космической религиозностью», или *космическим (народным) христианством*. Христианство трансформировало крестьянские культуры.

⁵ Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура: работы разных лет. СПб., 2008. С. 22–23.

⁶ Коды культур Юрия Лотмана: Каталог статей [Электронный ресурс]. Режим доступа: ako.ucoz.ru/publ/1-1-0-48.

Народные разновидности религий и мифологии, имеющие сельскохозяйственную структуру, сохранились, трансформировавшись в христианство. Множество богов и героев, убивающих драконов, превратилось в Георгия Победоносца, боги грозы – в святого Илью Пророка, многочисленные богини плодородия были приравнены к Богородице или святым. Можно сказать, что какая-то часть народной религии дохристианской Европы выжила и сохранилась, приняв форму календарных праздников и трансформировавшись в культ святых⁷. В конце XIX – начале XX века в Европе, особенно на юге и юго-востоке, встречаются мифы и ритуалы, восходящие к самой глубокой древности. В календарных обрядах отразились представления о необходимости ежегодного кругооборота жизни и плодородия, объединяющих в единое целое землю, природу и людей. Для крестьян Восточной Европы такое положение вещей не было «оязычиванием христианства», а наоборот, «охристианиванием» религии их предков. «Космическое христианство жителей сельских областей исполнено ностальгии по природе, освященной присутствием Иисуса, ностальгией по раю, желанию преобразования природы, пребывающей нетронутой и первозданной, защищенной от постоянных потрясений, войн, разорения. Это „идеал“ земледельческих народов, постоянно разоряемых воинственными ордами кочевников и эксплуатируемых различными „хозяевами“»⁸.

Человек архаического общества ощущает себя частью Космоса – Природы – Божества. Нужно также отметить, что эта взаимосвязь ощущается настолько сильно, что в некоторых языках понятие «мир» используется также для обозначения понятия «год»⁹. Например, *мир прошел* или *земля прошла* говорят, когда хотят сказать, что истек год. Для мировоззрения крестьян характерна целостность, синкретичность восприятия мира во всех его проявлениях, постоянное ощущение взаимосвязанности людей и природного универсума, включенность человека в космические и природные ритмы. Крестьяне не стремились выделиться из окружающей природы, бороться с нею. Важнейшим для занимающихся сельскохозяйственным трудом

Часовня-амбаронка, Мезень, XIX в. Рис. Н. Шабунина, нач. XX века. Из фондов Российской исторической библиотеки

людей было ощущение стабильности, уверенности в постоянстве ежегодного кругооборота, закономерной смены времен года, необходимой для того, чтобы посеять, вырастить и собрать урожай, составляющий основу благополучия и жизни крестьянской семьи¹⁰.

Нужно также признать, что в народном христианстве вплоть до наших дней находят проявление некоторые черты мифологического мышления. Согласно исследованиям М. Н. Власовой, составившей словарь пантеона низших мифологических существ русского фольклора, даже в церкви, где днем служит священник, ночью могут отправлять свои службы покойники и нечистые духи. И это не две разные церкви, а одно священное, пронизанное сакральными силами пространство. В какой-то мере распространению таких воззрений способствовала и сама церковь, рекомендуя строить храмы на месте языческих святилищ. Интересно, что по поверьям XIX века, существовавшим в Олонецком крае, водяные любят селиться возле церквей и распределяются по приходам¹¹. Из материалов, собранных в Вологодской губернии, в церкви обитал особый дух-церковник, иногда так называли появляющегося в церкви покойника. «Многие из здешних крестьян верят, что нечистая сила живет даже при церквях, в особенностях на кладбищах, а также на мельницах, в казенных зданиях, например в училищах»¹². Такое название отмечено на Русском Севере, и под ним понимается покойник (дух предка), приведение, появляющееся чаще всего на церковной

⁷ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2001. С. 184.

⁸ Там же. С. 186.

⁹ Там же. С. 71.

¹⁰ Власова М. Н. Новая абевага русских суеверий: ил. словарь. СПб., 1995. С. 12.

¹¹ Там же. С. 26.

¹² Там же. С. 188, 337.

Преображенская церковь, 1714. Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижский». Фото А. Пермиловской, 2007 г.

колокольне. Церковник имеет облик старика, человека в белом и в общем сходен с колокольным маном. Церковь, кладбище, святые, насыщенное сакральными силами пространство словно притягивают к себе разнообразные существа, наделенные сверхъестественными способностями.

В свете особенностей ментальности крестьянства Русского Севера необходимо также рассматривать устойчивые метафоры, отражающие ценности народного самосознания. «Многие основополагающие и в силу этого универсальные традиции архитектурного формообразования уходят своими истоками в глубокую древность. Этот известный, но недооцениваемый факт побуждает обращаться к изучению архаических пластов профессионального сознания, в которых улавливаются признаки изначальной органической встроенности архитектуры в общекультурный контекст»¹³. Для того чтобы диалог с прошлым не превратился в диалог с самим собой, необходимо начать с тех вопросов, которые культура прошлого задавала

сама себе, которые ей понятны и по которым она высказывалась¹⁴.

Мы полагаем, что в культурологическом исследовании по народной архитектуре важен такой подход, который предусматривает аутентичное рассмотрение культуры, что дает большие возможности для понимания глубинного смысла культурных традиций, реконструкции целостной картины мира их носителей. Для выявления культурного кода Русского Севера (народного деревянного зодчества) предложена метафора, берущая свое начало в строительной терминологии русского деревянного зодчества, воплощающая культурные смыслы материальной среды и связанного с нею народного мировоззрения – «как мера и красота скажут». В этом случае использован древний профессиональный термин русских зодчих, зафиксированный в архивных документах. Приведенная формула воплощает культурные смыслы изучавшейся материальной среды и связанного с нею народного мировоззрения. В порядных – своеобразных письменных заданиях-договорах на строительство, выполняющих роль юридического документа, подробно оговаривалось, какой должна быть церковь. Это были своего рода словесные чертежи, где в качестве образцов приводились аналогичные постройки и формы. Но, получив общее представление о будущем строении, мастера должны были полагаться на свой опыт, чутье и вкус. В старинных договорах, которые заключались между мастером плотницкой артели и «миром» (крестьянами-заказчиками), обычно встречаются такие выражения: *делать по угодеству, рубить, как пригож, ...а строить высотой, как мера и красота скажут*. Строили храмы из дерева, а *деревянное дело* было у северян за *обычай*. Например, в знаменитой рядной записи сельского артельного мастера Федора Конемаза на постройку погоста в Усть-Кукуе сказано: «А рубить мне Федору в высоту до порога 9 рядов, а от поволоки до поволоки как мера и красота сажет... а клин на церкви рубить по тесу 3 сажени печатных... паперть срубить дву сажени ручных»¹⁵.

¹³ Бондаренко И. А. Образ геоцентрической вселенной в традиционном зодчестве // Народное зодчество. Петрозаводск, 2004. С. 53.

¹⁴ Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 8–9.

¹⁵ Архитектурная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: architect.claw.ru/shared/418.html. Проверено 1.06.2011.

Расписное «небо» в часовне Александра Невского и Покрова Богородицы, с. Конеево, Плесецкий район, XIX в. Фото А. Б. Пермиловской, 2009 г.

Термин «мера» происходит из Византии, Болгарии. Зодчие из этих мест строили первые храмы на Руси. Для строительства использовались меры – габариты и пропорции, что зафиксировано в церковных текстах. Мера позволяла заранее представить, как будет выглядеть сооружение и рассчитать примерный расход материалов, при этом не требовались точные масштабные чертежи. Достаточно было рисованной или процарапанной на бересте схемы плана с указанием мер, и, конечно же, меры должны были соотноситься с самым удобным измерительным инструментом – человеческим телом. То, что «досягают» руки, раскинутые в стороны, называется сажень. Наибольший захват растянутыми пальцами (пядь) совершенно точно дважды укладывается в один локоть, а сажень равна четырем локтям. Средняя, наиболее распространенная величина сажени, 176 см. Получалось, что мастер, используя пару мер, заключенных в его собственном теле, самопроизвольно создавал структуру пространства, в которой все части оказывались между собой соединены гармоническим образом. Так, в метафорической формуле «как мера и красота скажут», действительно, заключены и сакральные, и повседневные смыслы мировой строительной и культурной традиции.

При этом мы не должны забывать, что язык – один из важнейших кодов культуры. Язык – ее первоначальная, древняя, основа, которая всегда стоит за любым культурным знаком, ибо все выраженное культурными текстами может быть выражено средствами языка¹⁶. И хотя

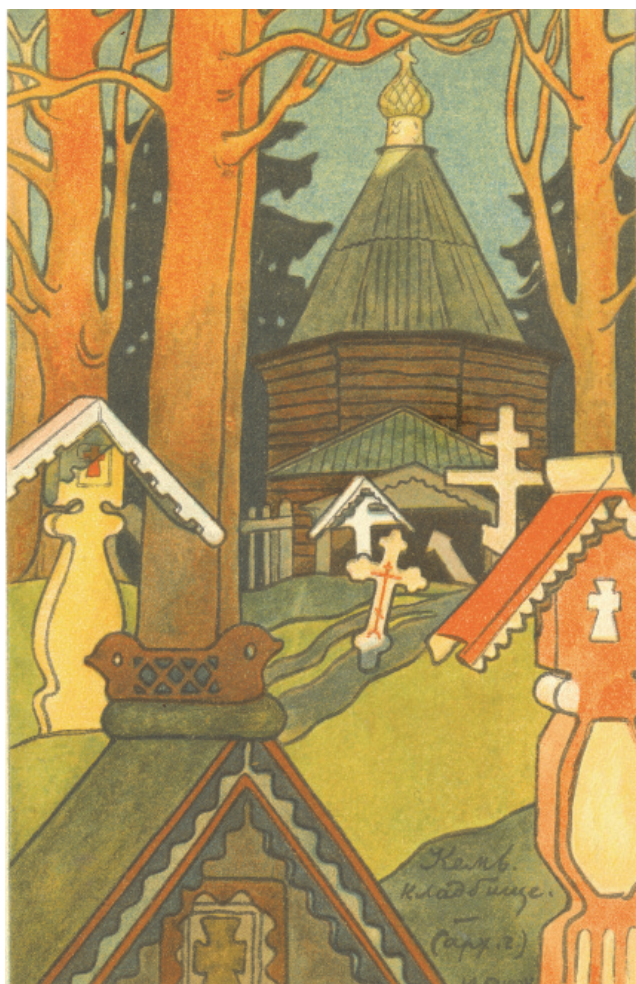

Часовня в сакральном ландшафте, Кенозеро. Фото А. Пермиловской, 2009 г.

метафорическое высказывание принадлежит к сфере языка, следует согласиться с утверждением исследователей о том, что «локус метафоры – в мысли, а не в языке»¹⁷, она отражает глубинный смысл внутри концептуальных областей. Анализ метафоры в научном исследовании дает возможность рассматривать ее как важнейший источник для выявления культурного кода. Семиологическая традиция по меньшей мере всегда зависит от стоящей за ритуалом языковой системы, которая передается от поколения к поколению. Народная культура с ее календарем, предсказаниями, знаменами, приметами создает свою версию метафорической символики. Метафора используется в рамках научного дискурса, и это связано с расширением трактовки этого понятия как любого способа выражения смысла текста. В человеческом сознании существуют основополагающие метафоры, которые предопределяют видение мира и стиль мышления. Метафора как код культуры служит при выявлении эвристических научных гипотез, в науке метафора – необходимое средство научного творчества. Практически всякое новое научное понятие появляется как некая метафора, становясь точным понятием лишь с течением времени. В метафоре «как мера и красота скажут» сформированы смыслы строительной и культурной традиции, народное мировоззрение. Сохранение и трансляция его культурного кода проявились в народном деревянном зодчестве и в храме как феномене традиционной культуры Русского Севера.

¹⁶ Толстая С. М. К понятию культурных кодов // АБ–60: сб. ст. к 60-летию А. К. Байбурина. СПб., 2007. С. 31.

¹⁷ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2008. С. 203.

И. Билибин. Кемь. Кладбище, 1904 г. Из фондов Российской государственной библиотеки по искусству

Часовни – одно из наиболее ярких проявлений народной архитектуры, прочно вошедших в сложившуюся систему культурного и сакрального ландшафта Русского Севера. Часовня как безалтарный храм предназначалась для упрощенного богослужения без литургии, а на Севере служила местом молитвенных собраний жителей малодворных деревень, населенных членами одной патриархальной семьи. Находясь в отдалении от церквей, часовни были храмами малого крестьянского прихода и сохраняли автономность существования, особую атмосферу совершения обрядов. Переписью часовен, проведенной в 1692 году в одном из северных районов – Поважье, подтверждается общее количество учтенных часовен – 433, причем наиболее распространенным типом следовало считать часовню с приходом в четыре двора. Места постановки часовен указаны следующие: «в волости 5, на посаде 2, на погосте 19, около погоста 1, в деревне 302, у деревни 14, между деревнями 9, на горе 3, в пустоши 2, в слободке 10, в поле 5, за полем 4, в наволоке 1, на реке 3,

на озере 1, на плесе 1, неизвестно 60»¹⁸; самый распространенный вариант – часовня в роще. Таким образом, можно говорить о существовании сакральных или природно-сакральных комплексов. Это участки леса, состоящие из очень старых деревьев; иногда они были обнесены оградой, внутри которой находились святыни: часовня, крест, особо почитаемое дерево, целебный источник. Священные рощи как культовые места сохранялись в XIX–XX веках. В наши дни они также присутствуют в традиционном культурном ландшафте Русского Севера, в частности на западе региона (Карелия, Каргополье, Кенозерье; на территории Национального парка «Кенозерский» находится около 40 святых рощ). Необходимо указать на пограничный характер топографии часовен в культурном ландшафте. Часовня, как и крест, возводится на границе сельских угодий, деревни и кладбища, на берегу реки или озера, на острове (граница земли и воды), при дороге. Причины постановки часовен можно определить исходя из их типологических признаков, связанных с функциями. По типологическим признакам эти культовые постройки можно отнести к нескольким группам. Прежде всего, часовня – это место проведения богослужения. Для этого из крестьянской среды выбирали наиболее грамотного, уважаемого человека, обладавшего хорошим голосом. По канону в часовне, поскольку здесь отсутствует алтарь, не могли совершаться таинства. Но на Русском Севере это правило нарушалось. В часовне крестили новорожденных и отпевали умерших. В более редких случаях происходило венчание, о чем свидетельствует Указ Святейшего синода от 18 августа 1769 года о разрешении венчания в часовне.

Из прошения 1820 года крестьян Водлозерской Ильинской волости о разрешении строительства часовни в качестве аргумента приводилось следующее: «деревни состоят от приходской церкви в пяти верстах, со всех сторон окружены водами, почему в вешнее и осеннее время за распутьем, а в летнее иногда за сильными погодами,

¹⁸ Акты Холмогорской епархии. Переписные книги часовен в Важском уезде и в Устьянских сохах. Марта 20 – июня 29. 1692 // Русская историческая библиотека. Т. XXV. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. III. СПб., 1908; Яницкий Н. Ф. Северно-русская часовня в конце XVII века (по переписи часовен 1692 г.) // Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при Императорском университете св. Владимира. Киев, 1914. С. 6–21.

в приходскую церковь для богомоления по рачению прихожан притти не можно»¹⁹. Но только *географическим фактором* – удаленностью поселения от приходской церкви – нельзя объяснить возведение и большое количество часовен на Русском Севере. Несмотря на сформировавшееся устойчивое мнение в богословских и светских исследованиях, это вторичная, сопутствующая, причина, а не главная. Некоторые регионы Русского Севера имели значительное количество часовен. В качестве примера приведем Кенозерье, где в настоящее время находится 11 церквей (из 18 существовавших), 39 часовен (из 82 существовавших), 29 поклонных крестов, около 40 «святых» рощ, культовых камней, а также 3 православных монастыря, в настоящее время не существующих. В целом по Каргопольскому уезду, куда входило Кенозерье, в XIX веке было 49 церквей, 169 часовен и молитвенных домов²⁰. Однако внутри Каргополья Кенозерье выделяется тем, что часовен здесь больше, чем церквей, в 10, а на самом озере – почти в 20 раз.

Следует принять во внимание, что тип расселения в данной местности гнездовой. Возможно, феномен большого количества часовен Кенозерья объясняется многочисленностью небольших патронимических деревень, состоящих из 2–10 домов-дворов, расположенных на расстоянии 2–5 км друг от друга, а также особым островным ландшафтом, изолированностью и изрезанностью береговой линии. Согласно исследованиям автора, в начале XX века в с. Кимжа на Мезени насчитывалось 5 часовен, которые были расположены на расстоянии 0,5–2 км друг от друга и от главной Одигитриевской церкви Кимженского прихода. Такое большое количество часовен было вызвано не удаленностью их от приходского храма (скорее, здесь можно говорить о близости к храму), а совсем другими причинами функционально-типологического характера²¹. «Нередко случалось, что часовню устраивало не все крестьянское селение, а одно частное лицо – на своей земле. Такая часовня редко служила местом

Часовня Смоленской иконы Божией Матери, дер. Кинерма, Пряжинский район, Карелия, кон. XVIII века. Фото А. Пермиловской, 2006 г.

общественной молитвы: большей частью она как частная собственность служила чем-то вроде *домашней церкви*»²². Часовня – это дом, где живет Бог, реальный часовенный святой. С точки зрения местных жителей, молитва, обращенная к нему, будет услышана быстрее. Например, на вопрос: «Почему крестьяне не позволили разрушать часовню?» они ответили: «Умрет Никола. Вся деревня умрет».

К числу важнейших функций часовен относится *поминальная*, чаще всего поминальные часовни сооружались на кладбищах. К этому же типу относятся *часовни-усыпальницы*, возведенные над мощами местночтимых святых. Именно такая часовня была построена на могиле местночтимого святого Петра Черевковского, священника из с. Черевково, погибшего в 1613 году от руки «литовских воровских людей». Другая поминальная часовня-усыпальница – над мощами местночтимого святого Артемия Веркольского – была построена в дер. Ежемени на Пинеге в 1639 году. Жители получали исцеление от болезней, о чем свидетельствует корпус местных и монастырских легенд.

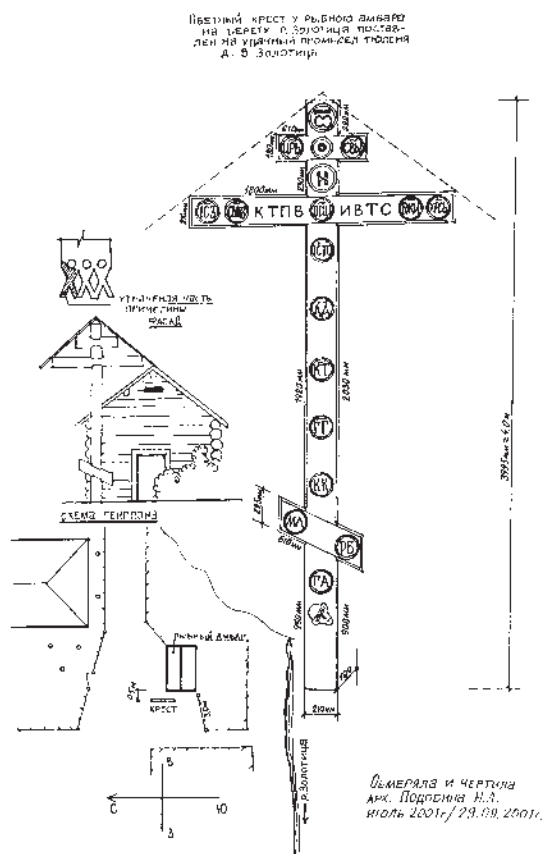
Один из самых распространенных типов – это *обетная* часовня. Мотивация возведения подобных часовен связана с ситуацией бедствия, пороговым, кризисным обстоятельством. Наиболее частыми причинами постановки часовен были эпизоотии: «часовня была построена по обещанию от скотинного падежа», «от конского падежа». Другие причины: «падеж скота и хлебный недород», «человеческая скорбь»,

¹⁹ Пулькин М. В. Строительство часовен в XVIII – начале XX в.: законодательство и приходская традиция (по материалам Олонецкой епархии) // Народное зодчество. Петрозаводск, 2004. С. 130.

²⁰ ГААО. Ф. 1342. Оп. 2. Д. 101. Л. 6 об.

²¹ Пермиловская А. Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск; Екатеринбург, 2010. С. 452–453.

²² Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века: церк.-ист. очерк. СПб., 1908. С. 338.

Крест (на удачный промысел тюленя), дер. Верхняя Золотуца, Приморский район, XIX в. Научная информация А. Пермиловской, обмеры Н. Подобиной, 2001 г.

болезни: «строили ее по обещанию ради от человеческой слепоты»²³, в избавление от пожара.

К обетным часовням относятся *обыденные* часовни. Но это особая категория культовых построек, строившихся по обету *во один день*, не все обетные церкви/часовни были *обыденными*. В семантике «обыденности» заложен признак спрессованного времени. В знаковости временной шкалы основными являются макроединицы – век, год, день. Именно такое время занимают описанные тексты или воспроизводимые в ритуале события. Однако в реальности текста и ритуала время спрессовывается в масштабе «день за год». Это характерно для магических ритуалов охранительного характера. Компрессия времени является главным магическим приемом действий по изготовлению *обыденных*, в один день или одну ночь, предметов: полотна, рубахи, полотенца, креста, часовни, храма²⁴. Обычай строить по обету церкви (*во один день*) для избавления страны, города

или деревни от общественного бедствия очень древний. Первый пример обетной церкви, а может быть, и *обыденной*, относится ко времени великого князя Владимира, к 996-му году. Спасаясь от печенегов, преследовавших его, князь принужден был скраться под мостом и дал обет построить церковь в случае избавления от угрожавшей ему опасности. «Существовали *обыденные* (и посему – *деревянные*) церкви различного время: год, 23, 25 и 40 лет, иные и более 150 лет. В их постройке участвовало все народонаселение города: одни таскали бревна, другие рубили, иные исполняли прочие работы. Ночью освящали работы, чтобы не остановить их, а самое освящение церкви должно было быть совершенно в те же сутки»²⁵. Конечно, это требование обуславливает простоту (если не примитивность) архитектуры храма/часовни и, возможно, его относительную недолговечность. Например, «Екатерининская *обыденная* церковь в селе Екатерининском, что на реке Вятке, в Слободском уезде Вятской губернии. Величина церкви около полутора квадратных сажен; престолом ее служит простой пенек; царские врата – две простые доски, привязанные веревками»²⁶. Позднее эти *деревянные «обыденные»* храмы заменялись каменными, с сохранением названия «*обыденный*».

Характерным явлением морской культуры Русского Севера было возведение *промысловых часовен* в становищах – временных поселениях, образованных в местах рыбного, зверобойного, лесного промыслов, на островах и побережье Белого и Баренцева морей. Об этом свидетельствует довольно большая группа документов ГАО с просьбами поморов о разрешении или освящении уже построенной часовни. В одной из них приводится описание часовни на тоне в Тиманском приходе в устье реки Пеша. Тоня состояла из четырех построек и располагалась в двадцати верстах от жилья. «Старая, по-видимому, часовня развалившаяся, при ней амбарчик для соленья рыбы. В 30 шагах повыше одна жилая изба старая с новой пристройкой, а в 10 шагах новое строение с дверями. Сенцы ведущую в горенку длиной 1 сажень 2 аршина, шириной 1 ¼ аршина, кругом полки, на главной

²³ Акты Холмогорской епархии... С. 21

²⁴ Цивьян Т. В. Движение и путь в балканской модели мира: исследования по структуре. М., 1999.

²⁵ Сказание о построении *обыденного* храма в Вологде «во избавление от смертоносных язвы». М., 1893. С. 7–8.

²⁶ Зеленин Д. К. «*Обыденные*» полотенца и *обыденные* храмы // Живая старина. 1911. Вып. 1/2. С. 20.

стене продольные, на них три иконы. У верхней полки, видимо, прикреплены веревки для крепления лампы. На нижней полке также иконы и к ним – свечи, на окошке – ручная кадилница. На полу – деревянный ящик с углями, у другого окна – стол в виде аналоя. На полках – семь ковриг черного хлеба и одна рыба, видимо для промышленников, заблудившихся, или заставших непогодой»²⁷. Часовня была построена крестьянами во имя святителя Николая. Она стояла незапертой, чтобы быть доступной для всех желающих помолиться. Для поддержания часовни промысловики жертвовали 24-ю часть белужьего промысла. Причины строительства часовен поморы объясняли следующим: «Мы отправлялись с сего места в открытое море для звериных, морских и рыбных промыслов, чувствуем потребность помолиться и попросить у Господа помощи о благолепном плавании среди льдов, о промысле, как единственном средстве добыть себе насущный хлеб и успешном возвращении к своей семье»²⁸.

В конце XVII века православные часовни в России получили устойчивую связь со старообрядческим движением, превратившись в один из наиболее значимых символов идеологии беспоповства. Это нашло отражение в особенностях формирования народной культовой архитектуры. Построенные старообрядческие часовни оставались единственной разновидностью храмов, признаваемой ревнителями «истинного благочестия». Кроме того, в глазах представителей власти часовни ассоциировались с приходской автономией, а совершаемые в них обряды менее всего поддавались контролю. Оба мотива предопределили исключительно сложное, по большей части отрицательное, отношение духовной и светской власти к часовням и связанной с ними обрядности. В 1722 году это обрело форму закона: Святейший синод принял указ о «разобрании всех существующих часовен и нестроении впредь новых»²⁹. Среди многочисленных прошений, поступивших

Вознесенская кубоватая церковь, с. Кушерека, Онежский район, 1669 г. (в настоящее время памятник музея «Малые Корелы»). Акварель Ю. Ушакова, 1962 г. (из собрания Ю. В. Линника)

в Синод после издания указа, было и прошение архиепископа Холмогорского и Важского Варнавы с просьбой о разрешении не разбирать часовни. В 1727 году последовало разрешение Святейшего синода: «которые часовни еще не разобраны находятся в приличных местах, таковым для моления быть по-прежнему, также которые, и разобраны, а будут просители, чтобы их снова возобновить и взятые из часовни иконы отдать». Только во второй половине XIX века запрет на строительство часовен был снят, но епархиальные власти северных губерний редко удовлетворяли прошения крестьян о постройке новых часовен или ремонте старых, ссылаясь на указы XVIII века³⁰.

На Мезени, как и в ряде других районов Русского Севера, получили распространение часовни-амбаронки. Обычно они не имели

²⁷ ГААО. Ф. 29. Оп. 4, Т. 3. Д. 535.

²⁸ ГААО. Ф. 29. Оп. 4, Т. 3. Д. 1747. Цит. по: Иванова А. И. Священная ономастика часовен в местах поморских промыслов // Поморские чтения по семиотике культуры: Вып. 2: Сакаральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России. Архангельск, 2006. С. 161–178.

²⁹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. № 606.

³⁰ Никольский К. О. О часовнях. 1889. // Церковные ведомости. СПб., 1889. № 10, 11. С. 258–259. Лютикова Н. П. Пинежские часовни по письменным источникам XVIII–XIX веков // Русский Север: ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 148–164.

Поморы. Фото из фондов Российской исторической библиотеки, конец XIX в.

креста на крыше, но перед входом устанавливался огромный резной деревянный крест. Передняя дверь часовни, так же как и амбара, была защищена навесом – залобником на столбах, к которому подвешивался колокол. «Часовню имеет... каждая деревня... выселок. Устраивают их на пунктах промыслов по берегам моря, рек, озер, в лесах. Они... невелики, просты и примитивны по своей архитектуре, по внешнему виду их можно принять за амбарушки крестьян для сбережения зерна, муки и других припасов... Часовня в большинстве случаев – квадратный бревенчатый холодный сруб, размером от 4 х 4 аршина и до 9 х 9. Высота внутри редко выше сажени; очень часто они не имеют потолка и заканчиваются двускатной тесовой крышей. Освещается часовня через открытую дверь, или же через маленькие продольные прорубы в одном бревне и без стекла. Потому зимою пол в часовне под толстым слоем снега. Вдоль передней стены на простой доске-полке установлен один ряд старых икон, между которыми можно встретить иконы-оригиналы стариннейшей работы, киоты. Украшения

часовни составляют пестрые ситцевые или холщовые пелены, прикрепленные к полочкам божницы, различные амулеты на иконах, да затейливо выполненная из глины кадельница, в которой староста часовни в праздник при сборе молящихся раздувает с ладаном огонек и кадит перед иконами»³¹. Утварь, лампы и подсвечники весьма примитивные, сделаны из корней и пней дерева. В Каргополье верующие, молясь перед иконой о выздоровлении, вешали к иконе соответствующий больной части тела «покров»: чулок с ноги, варежку с руки, платок с головы, отрез, платье или юбку; для молитвы о домашних животных приносили масло от коровы, шерсть от овцы. Были распространены вотивные подвески, металлические или, реже, вышитые изображения больной части тела; они прикреплялись к иконе.

Также на Мезени существовал тип часовни, называемой *келейкой*. Она была описана

³¹ Шабунин Н. А. Северный край и его жизнь: путевые заметки и впечатления по северной части Архангельской губернии художника Н. А. Шабунина // Сборник Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук. СПб., 1908. Т. 84, № 1. С. 20–21.

Н. П. Колпаковой во время ее фольклорных экспедиций по Мезени в 1928 году. «„Келейка“ – деревянная избушка, осененная большим „голубцом“. На Мезени еще не выродился обычай уходить время от времени в тишину и покой лесной глуши. „Келейки“ живописно вкраплены в береговой пейзаж. Одна из них стоит недалеко от селения Дорогая Гора. Небольшой рубленый бревенчатый домик. Подле него старинный крест. После больших церковных праздников кто хотел – приходил сюда и оставался на день-на два. Поживет, помолится, отдохнет и домой. Тут хорошо, спокойно, людей нет...»³². В начале XXI века местные жители с. Кимжа из пяти часовен, расположенных в деревне и ее окрестностях, по крайней мере две-три относят к этому типу, вспоминая о том, что в них или рядом с ними жили женщины пожилого возраста: «Часовня была за Бором – это така комнатуха, где иконы с полу до потолка висели, жили монашки-староверки»³³.

Часовни – сооружения истинно народной архитектуры, явление, в котором проявился феномен народного православия на Русском Севере. Простой количественный подсчет показывает, что их было значительно (в 2–3 раза) больше храмов. В численном отношении они преобладали в районах с сельскохозяйственной направленностью, особенно скотоводством. Количество часовен зависело от типа расселения, более всего они строились в поселениях гнездового типа. Например, при сравнении двух соседних регионов, в XIX веке в Каргопольском уезде, имевшем земледельческое направление и гнездовой тип расселения, было 49 церквей, 169 часовен³⁴. В Онежском уезде единичные автономные деревни располагались по берегам реки Онеги, занятия населения имели промысловую направленность. Здесь возводилось значительное количество крупных приходских ансамблей «тройников», часовни получили меньшее распространение: 63 церкви и 48 часовен³⁵. В другом земледельческом районе – в Поважье, в Вельском уезде Вологодской губернии, было 80 церквей

и 156 часовен³⁶. Большая часть северных часовен строилась по обетам, «заветные праздники были разнообразны по происхождению („явление иконы“, эпидемия, эпизоотия, градобитье, пожар), но всех их объединяли три основных признака: они были христианские по форме, происходили в весенне-летнее время и возникали по случаю. Возникновение заветных праздников – проявление регенерирующей способности традиционной культуры, сохраняющей под христианской формой архаическое содержание»³⁷. Для северных крестьян «основное значение имели мелкие богослужебные чины и обряды на разные практические случаи жизни; для совершения таких служб церковь не была необходимой»³⁸: эту функцию выполняла часовня.

Традиция постановки деревянных крестов в разных регионах России существовала с древних времен (XI век). Они могут быть рассмотрены как памятники архитектуры и скульптуры, крестьянской письменности, культа, навигационные знаки поморов, которые были нанесены на лоцманские карты. Кресты, сохранившиеся на Русском Севере до настоящего времени, можно датировать XIX – первой половиной XX века. Значительная часть их располагалась на побережье Белого моря, островах Соловецкого архипелага, Новой земле, в бассейнах рек Мезени, Пинеги, на Каргополье. На Русском Севере получили распространение восьмиконечные кресты. Часто они были расположены под специальным навесом на столбах, установленных по его контуру. Также они могли находиться в храмах, часовнях, специально построенных часовнях-амбарах, реликвиях (футлярах) для их хранения. Деревянные кресты часто называли обетными, хотя значение и случаи, по которым они ставились, гораздо шире. Самой распространенной формой обета было обещание пожертвовать «на крест» отрез материи или полотенце. Высокие, с двухэтажный дом, обетные кресты Мезени и Поморья украшались также фартуками, шелковыми платками, куклами, сюда клали деньги.

³² Колпакова Н. П. У золотых родников: записки фольклориста. Л., 1975. С. 109.

³³ Пермиловская А. Б. Русский Север как особая территория наследия... С. 284.

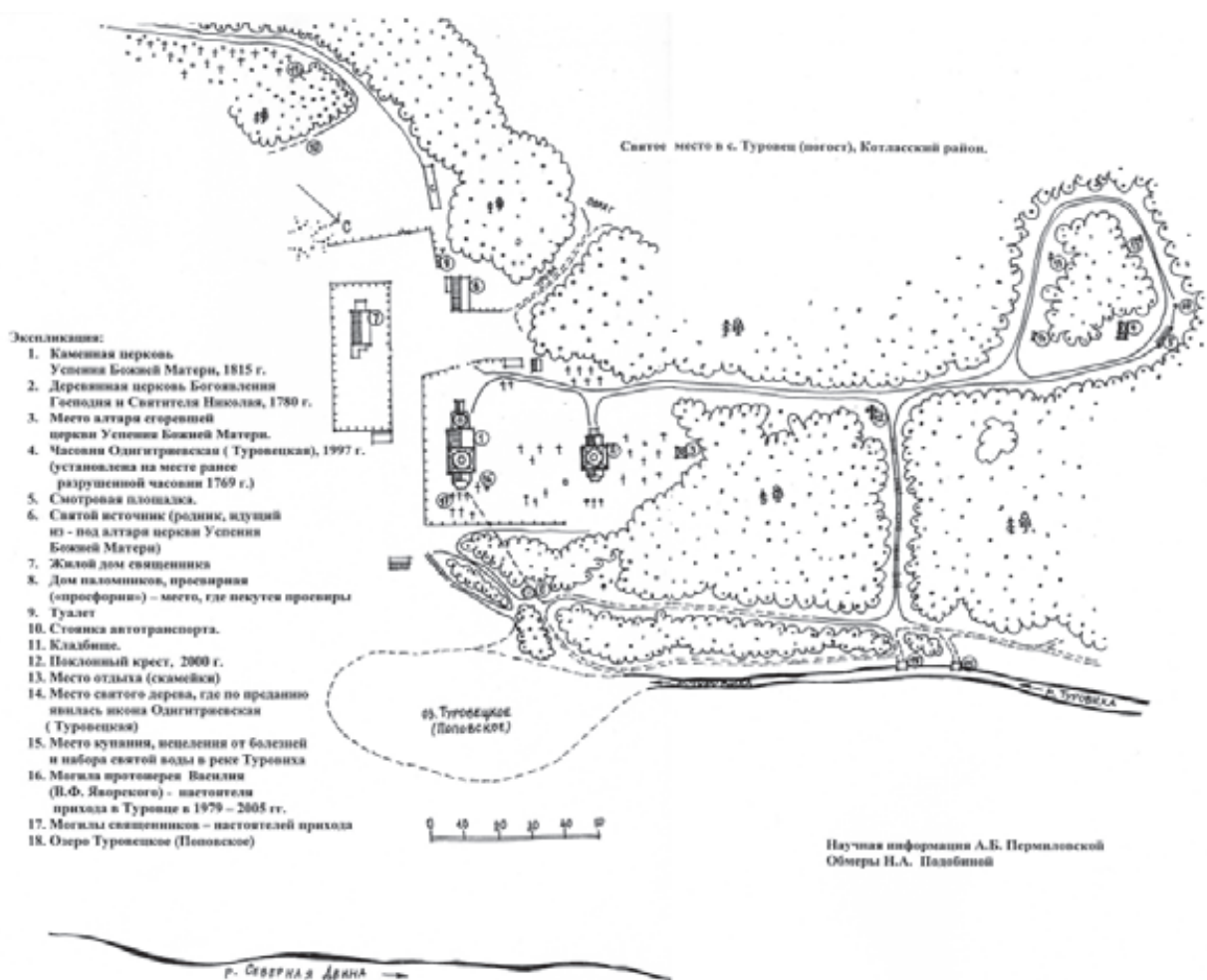
³⁴ ГААО. Ф. 1342. Оп. 2. Д. 101. Л. 6 об.

³⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 578.

³⁶ Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897 гг.: в 2 ч. Ч. 1. Вологда, 1897. С. 198.

³⁷ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начале XX века: половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 216.

³⁸ Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1983. С. 57.

Сакральное место, дер. Туровец, Котласский район. Научная информация А. Пермиловской, обмеры Н. Подобиной, 2010 г.

Типологически деревянные кресты можно отнести к следующим группам, учитывая значение и роль, которую они выполняли: *поклонные, обетные, памятные, маячные, поминальные, охранительные, кладбищенские, благодарственные*. В особую группу на Русском Севере выделяются поморские кресты, которые возводились на побережье и островах Белого и Баренцева морей. Поморы ставили кресты на дальних становищах и в арктических зимовьях с целью подать вест о себе в случае гибели. В Поморье, имея мощную подпитку из Соловецкого монастыря, в течение столетий сложилась особая православная островная культура мореходов. Деревянный восьмиконечный крест стал ее центральным символом. Кресты морских первопроходцев вели не одно поколение поморов от одного залива к другому, от одного острова к следующему. Защитная сила креста диктовала особые условия формирования жизни на новом пространстве, где крест являлся центром окружающего ландшафта. В XIX веке на Мезени было налажено ремесленное производство

деревянных крестов. В ходе наших полевых исследований были установлены центры их изготовления: деревни Нисогора и Кельчемгора бывшей Юромской волости Мезенского уезда. В дер. Кельчемгора в конце XIX – середине XX века работали резчики – отец и сын – И. К. и М. И. Орловы.

Крест как один из главных символов православия занимал центральное место в культурном ландшафте Русского Севера. Глубокий сакральный смысл, заключенный в образе креста, отражает семантику памяти – осмысление длящейся во времени жизни и отношение ее к вечности. В Поморье, где сложилась морская культура, культурный смысл креста дополнительно отражал особые условия жизни, был центром окружающего пространства, выполняя в нем защитную и сакральную миссию.

Дом, так же как и храм, выступает смыслообразующей доминантой культуры Русского Севера. Крестьянский дом в символической форме воплотил главные ценности и смыслы человеческого существования.

Дом – это пространственно-предметная среда удовлетворения важнейших биологических потребностей крестьянской семьи: защита от неблагоприятных природно-климатических условий Севера, место питания, сна, продолжения рода. Дом был пространством труда и отдыха, в нем протекали временные координаты бытия (день – ночь, годовые сезонные циклы, будни и праздники). В жилище осуществлялся процесс социализации, взаимодействия поколений и родовых связей большой традиционной семьи. Для крестьянина *дом – это модель мира*. Модель мира может трактоваться как вся территория (культурный ландшафт), обживаемая и обрабатываемая человеком. Вместе с тем дом в этом освоенном пространстве культуры является смысловым ядром. В модели мира дом представляет собой одну из основополагающих семантем. «С одной стороны, дом принадлежит человеку, представляет его целостный, вещный мир. С другой стороны, дом связывает человека с космосом, являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека»³⁹. Думается, что в контексте представлений о модели мира сформировалась традиция изображения звездного неба и солнца под крышей крестьянских домов, причем иногда форма верха кровли напоминает форму купола храма. Верх крыши изнутри расписан – синее небо с золотыми звездами. В центре купола «светит» деревянное резное солнце – *ветренница*. Подобный мотив росписи жилых домов перекликается с росписью деревянных храмов и часовен Каргополья.

Дом – это организованное пространство, в котором человек существует с момента своего рождения и которое обживает, осваивает в континууме своего существования в нем. Для взрослого человека дом означал широкий круг понятий: кров, семью, некое определенное место на земле. В этом смысле слово *дом* традиционно используется как *синоним родины*. Слово «дом» в русском языке означает не только «строение для житья или избу со всеми ухажаями и хозяйством», но и «семейство, семью, хозяев с домочадцами»⁴⁰. Дом, сооруженный руками

хозяина или его родителей, *воплощает идею семьи и продолжения рода*. Архитектурно-планировочная структура северного дома – это отражение жизни и хозяйственной деятельности большой неразделенной семьи. Дом осмыслялся в повседневной народной культуре как *сосредоточение основных жизненных ценностей*, таких как счастье, достаток, единство семьи и рода, включая не только живых, но и умерших. Важнейшая символическая функция дома *защитная*. Резное деревянное солнце под крышей крестьянского дома – пожелание счастья, благополучия его хозяевам. Верхняя часть фронтона северной избы расписывалась целыми сказочно-декоративными композициями: цветами, птицами, геральдическими львами, единорогами. Другая важная функция крестьянского дома в культурном пространстве – это его *сакральность* (храм для крестьянина – это тоже дом, только Дом Божий). Изба же всегда имеет святой, или «красный», угол. В христианском контексте дом для проживающей в нем семьи является подобием храма. В нем находятся иконы, совершается ежедневная молитва.

Важной функцией жилища являлась его *социальная принадлежность*. В семантическом значении дом выступал как один из основных источников и трансляторов информации. В некоторых регионах уже издали, только на основании внешнего вида дома, можно определить национальность владельца, его экономическое и социальное положение. Дом – *место совершения множества разнообразных ритуалов*, характеризующих не только время жизни семьи, но период и процесс сооружения, которые сопровождались многочисленными символическими действиями, регламентировались временными, магическими правилами и запретами.

Крестьянский дом-модель, подобно Вселенной, делился на три мира: нижний (преимущественно нечистый) – подвал, подполье, средний – жилые помещения, верхний (устремленный в небо) – чердак, крыша. Дом противопоставлен окружающему миру как пространство закрытое – открытому, внутреннее – внешнему. Четыре стороны дома обращены к четырем сторонам света, а три уровня по вертикали соответствуют трем уровням Вселенной. Если экстерьер жилища обращен к внешнему миру, то интерьер – к семье, роду,

³⁹ Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира (на материалах балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1978. Т. 10. С. 65.

⁴⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2002. Т. 1. С. 427.

Часовня в районе дер. Березник, Мезенский район, XX в.
Фото А. Пермиловской, 2007 г.

отдельному человеку⁴¹. Сбалансированность практических и символических функций северного дома определила ту исключительную роль, которая дает возможность говорить о жилище как об основополагающем феномене культуры Русского Севера.

Жилище является одним из наиболее существенных и сложных элементов культуры Русского Севера. Жилые постройки, представляющие собой культурно-бытовой комплекс, связаны с различными сторонами жизни человека, включая природные, хозяйственные стороны, микро- и макросоциум, религиозную и эстетическую сферы. Всё это в той или иной степени влияет на тип, размеры, интерьер, декоративное убранство северного дома. Сочетание традиций и естественной жизненной динамики придает большое разнообразие типологии крестьянского дома-двора. Основная трудность систематизации представлений о жилищах состоит в выборе принципа классификации. На основе обобщения значительного по объему эмпирического материала мы предлагаем три основных принципа, на которых может быть построена

типология северного дома: 1) по способу соединения жилья и двора; 2) по конструктивно-планировочному решению жилой части; 3) по внутренней планировке избы. Так, в зависимости от соотношения жилой и хозяйственной части можно выделить следующие типы: *брус, глаголь, кошель, Т-образная связь, двухрядная связь*. По конструктивно-планировочному решению жилой части получили распространение избы: *четырёхстенки, шестистенки (с вариантами: изба с прирубом, изба-двойня без заулка, изба-двойня с заулком), пятистенки и крестовики*. По внутренней планировке русского дома выделяются *севернорусский, восточный южнорусский, западный южнорусский, западнорусский*.

Столетиями формировавшаяся архитектура жилища Русского Севера к XIX веку обрела свой завершённый смысл и конкретный образ, что отразилось в его архитектурно-планировочном решении. Сложный бытовой комплекс прекрасно продуман в мельчайших деталях, предельно компактен и приспособлен к суровым климатическим условиям. Большинство домов были двухэтажными. Жилые избы располагались на высоком подклете, используемом для хранения продуктов, хозяйственных нужд. Под одной крышей с жильем находились хозяйственные помещения: хлев для скота и поветь-сеновал, куда по широкому бревенчатому взвозу можно было въехать прямо на телеге или санях. До 2/3 всего комплекса дома-двора занимал двухъярусный хозяйственный двор. Объединение жилья и двора под одной крышей давало возможность вести хозяйство, ухаживать за скотом в зимнее время, не выходя из закрытого помещения. Северная изба отличалась большими размерами, обилием жилых помещений, в некоторых районах богатым резным декором, использованием полихромных росписей для украшения экстерьера и интерьера. Недаром местные жители свои дома называли хоромами. Архитектурно-планировочная структура северного жилища – отражение жизни и хозяйственной деятельности большой неразделенной семьи. Классическим примером такого типа жилища служит дом Ошевнева в музее-заповеднике «Кижи». Это громадный двухэтажный дом-двор типа «кошель» (общая площадь – 707 кв. м, из них жилая площадь – 238 кв. м,

⁴¹ Львов А. Вот тебе бог, в вот и порог... // Родина. М., 1994. № 5. С. 119.

хозяйственный двор – 468,6 кв. м)⁴², архитектурно-планировочная структура жилища – воплощение патриархального уклада жизни старой северной деревни. В доме три отдельные избы для разных семей одного патриархального рода, светелка, два летних помещения и большая клеть. Под стать жилью и двор, занимающий примерно 2/3 площади всего жилища. Из таких домов выходило на полевые работы сразу 20–25 человек, а в его хлевах содержалось до трех десятков голов скота.

Исследовав *типологические особенности* эволюции приёмов соединения *дома-двора*, мы установили, что эволюция типов северного крестьянского жилища происходила в трех направлениях. Для запада региона (Каргополье) характерно развитие жилого комплекса по продольной оси путем присоединения сзади сеней еще одного жилого помещения – избы, горницы, клетки. В бассейнах рек Двины, Вычегды, Ваги, Пинеги, Мезени изменение крестьянского жилища шло за счет увеличения габаритов передней избы, деления внутреннего пространства на две части (пятистенки), на три части (шестистенки), т. е. определялось поперечным развитием дома. Третий путь – увеличение жилой площади за счет пристройки к избе дополнительных срубов («зимние», «боковые», «низкие», «скотные» избы) был характерен для всего Севера. Анализ архитектуры северного дома и его типологических особенностей позволяет говорить об общности художественных и строительных традиций, лежащих в основе возведения жилых построек всех типов, указав на то, что в качестве модуля формирования жилого комплекса послужил четырехстенный сруб.

Обследование нами регионов Русского Севера (Каргополье – Онега, Мезень, Пинега, Двина, Вага, Поморье) позволило установить, что наиболее распространенным было устройство жилой и хозяйственной части по типу «брус» (исключение составляет Каргополье); имелись различные варианты жилой части: четырехстенки, пятистенки, шестистенки, крестовик. Для ряда районов Русского Севера, расположенных по течению рек Ваги, Устья, Кокшеньги, характерны дома-комплексы на «два жилья», где

жилище состоит из трех главных частей: «перед» – летнее жилье; «середка» – скотный двор, хлев, поветь; «озадок» – зимнее жилье. В этом случае все помещения соединяются между собой сенями – «летним мостом», «зимним мостом».

На Русском Севере до первой половины XX века получило распространение такое архаичное явление, как курные избы; были выявлены причины их длительного бытования⁴³. Наибольшее распространение (до середины XX века) избы получили на Каргополье, там они назывались «рудными», т. е. грязными, зачерненными. Высота и трапециевидный потолок роднят каргопольские избы (Ошевенск) конца XIX – начала XX века с курными избами древнего Новгорода X–XIII века, которые имели аналогичное конструктивное устройство.

Культурные смыслы народной архитектуры нашли воплощение в многообразии типов крестьянского дома-двора Русского Севера. Дом являл собой модель мировоззрения северных крестьян, типологические и архитектурно-планировочные характеристики составляли не только основу в конструкции жилища, но и в *конструкции крестьянского мировоззрения*.

Повседневная жизнь в северном крестьянском доме была наполнена глубоким символическим содержанием, ее основу составляла семья. Четкий, отработанный ритм каждодневных работ сочетался с разумным их распределением. Ритмичность была присуща как каждому циклу сезонных работ и сельскохозяйственному году в целом, так и системе поведения, основанного на своеобразных ритуалах и этикете. Повседневная культура крестьян регламентировалась временами года, трудовыми процессами, половозрастными особенностями и отличалась определенной вариантностью, протекая в семиотически насыщенной пространственной среде. Все это выразилось в структурной организации пространства северного дома с его трехчастной вертикальной плоскостью. В структуре дома верхняя часть жилища – крыша – отграничивает «свое», освоенное, внутреннее пространство от «чужого», природного, внешнего. В символическом плане она разделяет верх (небо) и низ (мир людей). Пол, являющийся одной из границ вертикального плана жилища, стелется

⁴² Архив Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижский», проект реставрации дома Ошевнева. Площадь 1-го этажа – 348,1 кв. м, 2-го этажа – 343 кв. м., светелки – 15, 9 кв. м).

⁴³ Пермиловская А. Б. Курные избы // Историческое и культурное наследие. Каргополь, 1996. С. 127–134.

Интерьер часовни в районе дер. Березник, Мезенский район, XX в. Фото А. Пермиловской, 2007 г.

в направлении фасад-выход, что приобретает значимый, а в некоторых ситуациях обрядовый, характер.

В жилом пространстве севернорусского дома различают три *вертикальные* зоны. Это связано с тем, что в жилище любого типа существует особое пространство – культурный горизонт, в котором реализуется поведение человека, т. е. наиболее актуальное пространство по вертикали. Нижняя граница культурного горизонта манифестируется сидениями, местами для ночлега. Верхняя граница обычно расположена на уровне глаз. Своего рода эталонной плоскостью (серединой) культурного горизонта является стол – «престол в доме». Обычно все действия человека разворачиваются в границах культурного горизонта. Интерьер и меблировка северной крестьянской избы, где вся утварь и мебель группируется вдоль стен, а середина остается свободной, являются традиционными для XIX – начала XX века.

В *горизонтальной* структуре северного дома важное не только конструктивное, но и семиотическое значение имеет оппозиция печь/«красный» угол. Обозначенная нами диагональ – это естественное завершение эволюции противопоставления печь/источник света, что в системе народного мирозерцания было осмыслено как антитеза сакрального и мирского. Характерное для крестьянской среды Русского Севера народное православие закрепило за печью значение языческого центра избы, за «красным» углом – христианского центра жилища.

Вещь в повседневной культуре северного крестьянства вплетена в сложную систему разнообразных символических связей, причем

изменение семиотичности может носить и ситуативный характер. Например, включение предметов в контекст ритуала совершенно меняет их семиотические характеристики.

Важнейшим элементом не только «красного» угла, но и всего жилого помещения был стол. Его место в пространстве дома было постоянным. Стол составлял неотъемлемую принадлежность дома. Не случайно при продаже дом обязательно передают новому владельцу вместе со столом. Культурно-символическое осмысление стола в народной традиции было многоаспектным: стол уподоблялся церковному престолу, обеспечивал достаток и благополучие в доме, поэтому здесь постоянно находился хлеб. Место, занимаемое за столом, – важнейший показатель семейного и социального положения. Стол объединял семью, родственников, был одним из способов сохранения определенного стереотипа поведения, многие архаичные моменты которого в преобразованном виде можно обнаружить в современном обществе. Стол является одним из значимых обрядовых предметов крестьянского быта, ему принадлежит значительное место в свадебном и похоронном обрядах.

Печь играет особую символическую роль во внутреннем пространстве дома, совмещая в себе черты центра и границы. Как вместительница приготовляемой пищи и домашнего огня, она воплощает собой идею дома в аспекте его полноты и благополучия, метонимически может заменять дом в целом: дом без печи – нежилой дом. «Бабий кут» – чисто женская часть избы, располагалась около печи. Это название на Русском Севере также распространялось на место за печью.

Одним из семиотически закрепленных в пространственной структуре дома и вещи аспектов повседневной жизни северного дома было обособление мужчин и женщин. Примером женского пространства в северном доме являлось праздничное помещение – горенка, светелка. Обычно она располагалась на втором этаже дома и отличалась особой чистотой, ухоженностью. Интерьер горенки, где жили в основном девушки-невесты на выданье, служил в определенном смысле отражением женского семантического статуса «рукодельности» невест этого дома. В ней находились предметы женского рукоделия, приданое, здесь отмечались семейные торжества,

принимали гостей. Горенка играла заметную роль в свадебном и похоронном обрядах.

Изученная нами повседневная жизнь крестьянской семьи протекала в семиотически насыщенной пространственной среде. Семиотический статус внутреннего пространства жилища и предметов интерьера нашел отражение в структурной организации пространства дома: стены, крыша, пол, потолок, печь, дверь, порог, окно, матица, воронцы, «бабий кут», «красный угол», икона, стол, скатерть, посуда и др. Предметная среда севернорусского дома с ее (среды) пространственными координатами «пронизана» временем и формирует динамику жизни его обитателей. Вещь как феномен культуры, обладая способностью аккумулировать традиции, социально-психологические установки, эстетические запросы, приобретает аксиологическое звучание, а в контексте повседневной культуры северного дома выступает в качестве культурного текста определенной исторически обусловленной знаковой системы. Семиотический статус северного крестьянского жилища в его пространственной организации и в смыслах вещей, его наполняющих, был достаточно устойчивым, традиционным, хотя и менялся в определенных ритуалами ситуациях (свадьба, похороны, рождение ребенка, обыденность).

Культурные смыслы декора крестьянского жилища непосредственно связаны с жизнью людей Русского Севера. В орнаменте резьбы или скульптурных фигурах, украшающих северный дом, воплотилось понимание микро- и макрокосмоса. Особенностью орнаментальной символики являлось то, что это были не единичные символы, а целостная система. Символика декоративного убранства неотделима от архитектурно-конструктивных элементов северного дома-двора. Внешнему облику крестьянского дома был свойственен своеобразный «наряд», к которому следует отнести как собственно декоративные приемы, предназначенные для украшения: резьбу, живопись, раскраску, так и различные архитектурные детали: крыльца, балконы, галереи, наличники и ставни окон, причелины, полотенца, курицы, потоки, консоли, дымники, охлупни, имеющие практическое, конструктивное значение и в то же время играющие декоративную роль. Изображение коня и птицы

в декоре дома связано с солярным культом. Солнечную символику воплощает не только конек крыши, но и элементы, поддерживающие ее свесы: кронштейны, курицы, а также окончания причелин.

Анализ убранства северного крестьянского дома и соответствующей символики позволяет обратить внимание на специфическое явление, каким была *домовая роспись*. Она распространена в основном в регионах, где изготавливались и бытовали деревянные расписные предметы крестьянского обихода или где домовая роспись выполнялась бродячими крестьянскими живописцами («красильщиками, малярами») и существовала как отхожий промысел. Время распространения домовых росписей на Русском Севере – середина XIX века, что соответствует датам постройки наиболее ранних из зафиксированных домов на Северной Двине (1853) и в Поважье (1856). Вся роспись сосредотачивалась на фронте главного фасада, подчеркивая и выявляя средствами декора конструктивные детали его убранства.

Многообразие символических образов в домовой росписи северного дома (в частности, лев, единорог – обереги дома) представлено росписями народных живописцев Поважья. Здесь встречается такое уникальное явление, как изображение хозяина и хозяйки на главном фасаде и в интерьере дома, что было отражением репрезентативного статуса владельцев. Дом, украшенный внутри и снаружи солярными символами, женскими фигурами, птицами, конями и другой магической символикой, стал выразителем культурного смысла оберега, он должен был хранить семью от нечистой силы.

Наряду с зафиксированными устойчивыми архитектурными, конструктивными особенностями построек Русского Севера, бесконечно разнообразными, динамичными, изменчивыми были отдельные архитектурные и декоративные элементы. Эти элементы и детали придавали традиционным постройкам индивидуальность и неповторимость, определив в значительной степени вектор эволюции народной архитектуры. Культурные смыслы конкретных изображений-символов в декоративном убранстве опирались на фитоморфные, орнитофорфные, зооморфные, антропоморфные изображения, воплощенные в

скульптурной, трехгранно-выемчатой, плоской резьбе, домовой росписи. Декоративное убранство содержало православные символы и языческие, как социальные по своему смыслу, так и природные: на божнице – лики святых, охлупень – символ солнца. Объединенные в целостном культурном смысле архитектуры северного крестьянского дома-двора, они являют единство народной культуры, моделирующей весь крестьянский мир во взаимосвязи микро- и макрокосмоса. Отсюда следует вывод: мастер, рубивший избу и изготавливавший все необходимое для нее, был до начала XX века, скорее, зодчим, чем просто плотником. Кроме того, дерево, по его представлениям, имело душу, которую нужно было ублажить жертвоприношением и соответствующим заговором или обрядом. Именно поэтому традиционное народное зодчество, обладая комплексом культурных смыслов, в основе своей было магически-сакральным.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют прийти к выводу, что культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера имеют целостную семантическую природу, выражаемую через *четырёхчастную модель*:

- человек – свободный, духовно-наполненный, трудящийся, верующий, собирающий вокруг себя семью и ближних;

- крестьянское жилище, дом-двор с соответствующим декором, архитектурно-конструктивными особенностями;

- сакральные сооружения (храм, часовня, крест);

- сельский мир, представленный в традиционном поселении Русского Севера, имея самостоятельную ценность и семантические характеристики, органично входит в состав целостного понятия «Русский Север – особая территория наследия».

Проведенное исследование позволяет сформулировать впервые выдвинутое положение: *культурным кодом Русского Севера является народное деревянное зодчество*. Соответственно, культурными смыслами народной архитектуры Русского Севера следует признать сакральные, повседневные, а также интегрирующие мифопоэтические и присущие народному православию представления, соединенные в целостную картину мира, материальным воплощением которой является сельское поселение. Моделирующие качества культурного смыслополагания Русского Севера сконцентрированы в народной архитектуре, поскольку это единственный круг артефактов, который материально сохранился. Поэтому представляется возможным утверждать: построенная и разносторонне изученная нами модель, сохранившая свои материальные и духовные составляющие на Русском Севере, имеет специфическое и важное научное значение.

Иконописное убранство

История внутреннего убранства Преображенской церкви (обзор архивных источников)

Статья подготовлена на основе архивных источников, которые можно разделить на три группы: 1. Описи церковного имущества Преображенского храма 1628/9, 1826, 1830, 1865 и 1867 гг.¹ 2. Различные церковные документы XIX – начала XX в., в той или иной мере отражающие историю интерьера. 3. Отчеты 50–80-х гг. XX в., раскрывающие «музейный» период существования церкви.

Основную информацию содержат церковные описи, остальные документы служат подспорьем для изучения интерьера Преображенской церкви в разные хронологические периоды.

Наиболее ранний известный нам источник по храмовому убранству – опись 1628/29 г., опубликованная в 1988 г.² Она составлена в традициях

того времени, обобщенно, без указания количества церковной утвари. Описание иконостаса дано очень лаконично; неясно, сколько в нем было икон. Более того, возникает сомнение относительно числа рядов в иконостасе. Сравнение с описаниями иконостасов в других храмах утверждает в мысли, что иконостас Преображенской церкви в 1628–1629 гг. был четырехъярусным. Писцы перечислили поименно только иконы местного ряда и богослужебные книги. Однако и в таком варианте опись содержит много информации, дающей возможность представить внутреннее пространство летнего кижского храма начала XVII в.

Описи XIX в., напротив, составлены столь тщательно и подробно, что можно реконструировать каждую часть храма и находившиеся там отдельные предметы.

Описи 1826, 1830 и 1865 гг. составлены по одной схеме, общепринятой для первой половины XIX в. Имущество церкви описано в направлении от востока к западу: алтарь, церковь, трапезная. Описание утвари в каждой части храма приводится в определенной последовательности, которую с долей условности можно обозначить понятиями: главное (например, престол в алтаре, иконостас в кафоликоне) и второстепенное (иконы на стенах храма, хоругви и пр.).

Сравнительный анализ показал, что опись 1826 г. была использована при составлении описи 1830 г., а опись 1865 г. поверена с описью 1830 г. и даже повторяет одни и те же ошибки.

¹ НАРК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 129/2449. (Книга, данная из Петрозаводского Духовного правления Петрозаводского уезда в Кижской церкви для записи всего имущества их. 1826 г.), (далее – опись 1826 г.). НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. (Книга учиненная Петрозаводского уезда благочинным Кижского погоста церковного имущества... марта 1831 г.). В этой «Книге» подшито несколько документов: Опись имуществу находящемуся в церквях Кижского погоста, июля 17 дня 1830 г. (далее – опись 1830 г.); Опись имущества... от 22 ноября 1865 г. (далее – опись 1865 г.); Отчет в израсходовании материалов и суммы на исправление Кижской Покровской церкви с указанием оном по статьи расхода в книги; Записи о прибылых вещах за 1834, 1856–1865 гг. НАРК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 32/2. (Опись церковью Преображения Господня и Покрова Пресвятыя Богородицы Олонецкой епархии Петрозаводского уезда Кижского погоста, составленная того же погоста священноцерковнослужителями и церковным старостою в 1867 г.) (далее – опись 1867 г.)

² Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 71–72.

В описи 1830 г. имеются карандашные пометки, которые свидетельствуют о сличении данного документа с более поздней описью 1867 г. Опись 1865 г. отличается от остальных неполным содержанием погостской церковной утвари, что подтверждается описью 1867 г., которая называет ее дополнительной. В нее внесено только имущество Покровской церкви. Вероятно, это объясняется тем, что с 1863 по 1865 г. в зимней церкви произвели крупный ремонт – поновление, полностью изменившее интерьер церкви, по окончании которого и была составлена новая опись имущества. Эта опись привлекается в тех случаях, когда по документам наблюдается перемещение предметов из одной церкви в другую.

Опись 1867 г. составлена по новой схеме. Она значительно отличается от прежних документов количеством и содержанием глав, а также системой фиксации имущества. Если предыдущие описи рассматривали храмовую утварь от первого до последнего предмета в каждой церкви отдельно, то в описи 1867 г. описание имущества обеих церквей дается одновременно, распределяясь по главам. Например, в главе «Алтарь» вначале приведен перечень богослужбной утвари алтаря Преображенского храма, затем имущество алтаря Покровской церкви. Отличается она и содержанием глав. Ранее в документах имущество представляли по порядку размещения (например, при описании иконы перечислялась одновременно и вся сопутствующая ей утварь: риза, лампадка, подсвечник). В описи 1867 г. предметы распределены по назначению. Например, лампадки и подсвечники вынесены в отдельный раздел под названием «Лампады, подсвечники, аналои».

Опись 1867 г., кроме указанных отличий, имеет и более весомые изменения в составе церковного имущества, в связи с чем первые две описи (1826 и 1830 гг.) мы будем использовать одновременно, с обязательной отсылкой к источнику, а опись 1867 г. рассмотрим отдельно. Это облегчит представление о внутреннем убранстве Преображенской церкви и позволит избежать повторов одних и тех же сведений, зафиксированных в документах в разные годы.

Подача материала построена по аналогии со структурой описей и выдержана

в хронологической последовательности. Временная последовательность особо выдерживалась нами при подаче вспомогательных церковных документов, раскрывающих историю интерьера церкви.

Наиболее ранние источники, дающие представление о внутреннем убранстве кижских храмов, содержатся в писцовых книгах XVII в.

В 1628–1629 гг. государственные писцы Никита Панин и Семен Плещеев описали имущество летней церкви Спаса Преображения и зимнего храма Покрова Пресвятой Богородицы.

В Преображенской церкви в первой трети XVII в. был четырехрядный тябловый иконостас. Он охарактеризован весьма обобщенно: «...божия милосердия образов в тябле: деисус с праздники и с пророки на красках». Поименно перечислены иконы местного ряда. Завершалась вся иконостасная композиция золотым фонным Нерукотворным Образом.

Местный ряд включал царские врата и северную алтарную дверь. Справа от царских врат были установлены четыре иконы: «Преображение Господне» (на краске), «Воскресение Господне» (на краске), «Покров» (на золоте), «Троица-Отечество, с деяниями» (на золоте), «Спас Вседержитель» (без указания письма), «Пророк Илья, с деяниями» (на золоте)³. Заканчивался местный ряд с правой стороны северными алтарными дверями, фон которых был написан красками.

Украшение имела только храмовая икона «Преображение». Ее убранство состояло из серебряного чеканного венца с четырьмя разноцветными камушками, серебряной басмьяной золоченой гривны и приклада: аспидного креста, обложенного серебром. Перед образом – восковая свеча с насвечником из листового железа.

Поставная свеча была также перед Богородичным образом.

Перед тябловыми иконами в «шанданях» горели восковые свечи.

В алтаре писцы зафиксировали икону «Богоматерь Одигитрия» и выносной крест. Они располагались за престолом, и икона была написана на золоте.

Кроме этого, в церкви указаны четыре печатные богослужбные книги: Евангелие на престольное,

³ Термин «на золоте» означает золотой фон на иконе, соответственно «на красках» – живописный фон.

Евангелие толковое, Апостол, Триодь Цветная и пять письменных книг: Соборник, Устав, Октай, Псалтырь, Часовник. Также в церкви имелись одно медное кадило и деревянные церковные сосуды⁴.

В древнем Покровском храме церковного имущества было еще меньше. Оно состояло из скромного трехрядного тяблового иконостаса, включавшего праздничный, деисусный и местный ряды, двух поставных восковых свечей и деревянных сосудов в алтаре⁵.

Опись имущества кижских церквей производит двойственное впечатление. С одной стороны, архаичные осветительные приборы (шанданы) и деревянные богослужебные сосуды (хотя в этот период многие храмы имели оловянные приборы), с другой – обе церкви имели высокие иконостасы⁶, редко фиксируемые в обонежских церквях в первой половине XVII в.

Кижские церкви, описанные в древних документах, не сохранились до наших дней: они сгорели в конце XVII в.⁷ Из церковного имущества прежних столетий сохранилась только часть икон, большинство из которых в настоящее время хранится в фондах МИИРК⁸.

Более поздние документы – описи 1826–1867 гг. содержат сведения о церковной утвари кижских храмов XVIII–XIX столетий. Описи составлены кижскими священниками Иоанном Феодуловым (1826 и 1830 гг.) и Андреем Русановым, при участии Михаила Завадовского (1865 и 1867 гг.).

По прошествии двух столетий (1628/29–1826/30 гг.) наблюдаем разительные перемены в количестве и качестве церковной утвари Преображенского храма, особенно алтарной. Деревянные сосуды сменились серебряными,

к некогда единственной в алтаре иконе «Богоматерь Одигитрия» добавилось еще восемь икон. Рядом с запрестольным выносным «старинным» крестом стал выносной образ «Богоматерь Знамение», близ жертвенника заняла место полотняная плащаница⁹.

Богослужебная утварь, находившаяся в алтаре, описана с особой тщательностью. Определен материал, из которого сделан предмет, декоративная отделка и цвет. Например, одежда на престоле «французского гарнитуру белого с полосками, обложена золотыми позументами», «на нем покров штофу голубого травчатого, обложен золотыми позументами»¹⁰. Подробно описан состав комплектов. Например, в алтаре было два набора сосудов – «серебряных, позлащенных, 82-й пробы». Каждый состоял из потира, дискаса, звезды, тарелочки и ложки¹¹.

Особую важность имеет описание антиминса, с надписью об освящении церкви в 1830 г. епископом Олонецким и Петрозаводским Игнатием. Замена прежнего антиминса новым свидетельствует о завершении крупных ремонтных работ, потребовавших освящения Преображенской церкви¹².

Ценная пометка внесена в опись 1830 г. (напротив описания четырех напрестольных крестов). Три креста были деревянные, при этом два из них обложены серебром. Четвертый крест был серебряный. У серебряного креста карандашом вписана дата – «1763 г.» Возможно, что 1763 г., как и 1759, год поновления «небес», окажется ориентиром, указывающим на значительные изменения в храмовом убранстве¹³.

⁹ Опись 1826 г. Л. 15–17.

¹⁰ Опись 1830 г. Л. 15. Здесь и далее в тексте цитирование источников XIX–XX вв. осуществляется с соблюдением современных правил орфографии и пунктуации.

¹¹ Там же. Л. 15а.

¹² Опись 1830 г. Л. 15. Опись 1867 г. Л. 1.

¹³ Кресты зачастую несут в себе важную информацию. Например, в летней Георгиевской церкви Толвуйского погоста на престоле было три «благословящих креста»: деревянный, обложенный серебром, и два медных посеребренных 1798 и 1799 гг. А 1799 г. – это год освящения теплой Троицкой церкви. (См.: НАРК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 128/2447. Л. 1, 5.) В Варваринской яндомазерской церкви был деревянный крест с надписью об освящении алтаря церкви в 1650 г. (См.: НАРК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 36/175. Л. 32 об. – 33.) Деревянный крест с подобной резной надписью был и в Преображенской церкви. (См.: Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля / Авт.-сост. В. А. Гущина, Б. А. Гущин. Петрозаводск, 2013. С. 78.) Отсутствие даты на одном из преображенских деревянных крестов в описях, возможно, объясняется тем, что 2 деревянных креста были обложены серебром и скрывали надпись под серебряным футляром.

⁴ Чернякова И. А., Черняков О. В. Указ. соч. С. 72.

⁵ Там же.

⁶ Например, в Никольской церкви Оштинского погоста (Ошта – центр управления заонежскими погостами в XVI – начале XVII в.) иконостас был двухъярусным и состоял из 3 местных икон и деисуса, в церкви Рождества Иоанна Предтечи Пиркинского погоста тоже двухъярусный, в церквях Коткозерского и Рождественского погостов на р. Олонце иконостасы состояли из местных икон и совмещенных изображений на одних досках: деисуса и праздников, деисуса, праздников и пророков. (См.: ОГВ. 1850. № 43–45; ОГВ. 1849. № 1–2.) Обонежские иконостасы подробно рассмотрены В. Г. Платоновым (см.: Платонов В. Г. Живопись Обонежья XV–XVIII веков: Дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1987).

⁷ Чернякова И. А., Черняков О. В. Указ. соч. С. 71.

⁸ НБ МЗК. НРФ-1269. (Гущина В. А. К вопросу о частичной реэкспозиции иконостаса Покровской церкви. Петрозаводск, 1990. Прил. № 5. Список икон Преображенской и Покровской церквей Кижского архитектурного ансамбля, хранящихся в фондах КМИИ.)

Дополнительные сведения, внесенные в опись 1830 г., при сличении церковнослужителями с описью 1867 г. говорят о передаче некоторых алтарных предметов в другие храмы. Например, из пяти Евангелий, имевшихся в алтаре на 1830 г., одно было отдано в 1865 г. во временное пользование в открывшуюся в Кижском приходе приписную церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы в дер. Сибово, другое «за цену» отдано в великогубскую церковь. В приписную церковь также во временное пользование отправили второй набор серебряных освященных сосудов¹⁴.

Сравнение алтарной утвари в описях позволяет сделать заключение об общем наборе алтарных предметов для летней и зимней кижских церквей, которые в зависимости от сезона переносились из одного храма в другой. Описи 1826 и 1830 гг. перечисляют освященные предметы престола и жертвенника в алтаре Преображенской церкви. Опись 1865 г. фиксирует утварь в алтаре Покровского храма. В ней перечислены те же предметы и то же количество, что и в предыдущих описях, а также в последующей (1867 г.), в которой нет деления освященных сосудов по храмам. Опись 1865 г. составлена в ноябре месяце. В это время года службы уже велись в зимнем храме, соответственно, алтарная утварь к моменту составления описи была перенесена в алтарь Покровской церкви.

Не менее подробно описи представляют содержание кафоликона Преображенской церкви. Вначале описи 1826 и 1830 гг. приводят состав алтарного иконостаса, потом утвари, расположенной на солее, и затем предметов в центре кафоликона и икон на боковых стенах храма.

Описание иконостаса начинается со слов о золоченых резных царских воротах высотой 3 аршина 8 вершков (около 2,5 м) и заканчивается фразой: «все сии образа находятся в резном золоченом иконостасе»¹⁵.

Поражает количество икон в иконостасе – 105! Близкое количество икон (102) известно только в пятиярусном иконостасе Георгиевской толвульской летней церкви¹⁶. Священник Иоанн

Феодулов в описи 1826 г. приводит такие цифры: в пророческом ряду – 32 образа, в праздничном – 30 икон, в деисусном – 29 икон. Опись 1826 г., как и опись 1830 г., не приводит поименного описания икон в ярусах. Названы только два центральных образа: «Знамение Пресвятой Богородицы» в пророческом ряду и «Спас на престоле сидящий» в деисусном чине.

В местном ряду в 1826 г. описано двенадцать икон и двое алтарных врат:

- «1. „образ Преображения Господня на полях коего писаны страсти Христовы на золоте“;
2. „образ Спасителя Нерукотвореннаго... около того образа писаны страсти на золоте [так названы сцены из истории и чудес Убруса]“;
3. „образ Покрова Пресвятыя Богородицы... на полях коего писаны чудеса на золоте“;
4. „образ Живоначальныя Троицы в киоде во круг коего чудеса писаны на золоте“;
5. „образ Собора Пресвятыя Бгородицы с чудесами на золоте“;
6. „образ Святого Пророка Илии с чудесами на золоте“;
7. „образ Пресвятыя Богородицы Одигитрии на злате“;
8. „образ Николая Чудотворца с чудесами писан на золоте“;
9. „образ Успения Пресвятыя Богородицы с чудесами на золоте“;
10. „образ Воскресения Христова на злате“;
11. „образ Георгия великомученика на золоте“;
12. „образ Преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких с чудесами на золоте“;
13. „Пономарские двери на них Образ С<вя>таго про<ро>ка Даниила на золоте“;
14. „Северные пономарские врата на них образ Господа Саваофа на лоне Авраамове, в подножии писано изгнание Адамово из Рая на золоте“¹⁷.

В 1829 г. местный ряд пополнился иконой «Архистратиг Михаил», подаренной крестьянином из дер. Окуловская Евсеям Андреевым Плавуновым¹⁸. Эта икона появляется в описи 1830 г. Она названа стоящей крайней слева, за последней иконостасной иконой «Зосима и Савватий Соловецкие, с житием», в столярном гладком, крашеном киоте. Новая икона отличалась размерами. Ее высота в киоте

¹⁴ Опись 1867 г. Л. 15а – 16а.

¹⁵ Там же. Л. 17а – 20а.

¹⁶ Иконостас Георгиевской церкви был двоярный, состоял из главного и придельного иконостасов, расположенных по одной линии. В нем было по 23 образа в пророческом, пророческом и деисусном рядах, 21 икона в праздничном, 8 местных икон в главном иконостасе, 4 – в придельном и 3 – алтарных врат. (См. НАРК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 128/2447. Л. 4, 6.)

¹⁷ Опись 1826 г. Л. 4–5.

¹⁸ На иконе (хранится в МИИРК, № И-535) есть вкладная надпись: «Сия икона усердием крестьянина деревни Окуловской Евсея Андреева Плавунова в 1829 году».

составляла 90 см, в то время как местные иконы, без резьбы иконостасных ставов, имели средний размер 160 x 142 см. Позднее икону «Архистратиг Михаил» перенесли в зимний храм. Об этом свидетельствует карандашная пометка 1831 г.: «в Покровской», расположенная напротив ее описания. В описи 1865 г. икона сосчитана на южной стене в Покровской церкви¹⁹.

Остальные 12 местных икон и врата будут фиксироваться документами на своих местах до 1943 г.

При всех местных иконах были «лампады средней величины числом двенадцать чеканной работы». Они были медными посеребренными²⁰. Такая же лампада на спускном устройстве была у центральной иконы деисусного ряда «Спас в силах»²¹.

Следует заметить, что только несколько местных икон имели украшения. Достаточно скромно – венцами – были оформлены образа Николы (серебряный с позолотой) и Нерукотворного Спаса (серебряный венец с гривенкой). Икону «Покров» украшали венчики из листового золота, и только иконы «Преображение» и «Богородица Одигитрия» были одеты в серебряные чеканные ризы²². Вероятно, яркая золоченая объемная резьба была достаточно эффектным обрамлением местных икон, не требовавшим дополнительного оформления. А вот поступившая в первой четверти XIX в. икона «Спас Всемилостивый» и подаренная в 1865 г. икона «Успение Богородицы» обладали полным набором всевозможных украшений.

Икона «Успение», установленная у левого клироса, была прислана из Санкт-Петербурга кижскими прихожанами – крестьянином из дер. Телятниково Матвеем Яковлевым Вавилиным и крестьянином из дер. Кижского острова Северного конца Иваном Васильевым Морозовым. Записана икона в прибывших вещах как «Иконостас с иконою Успения Божией Матери», с указанием цены – 150 рублей серебром²³. Это был грандиозный резной золоченый киот, составивший пару киоту с иконой

«Спас Всемилостивый», который стоял у правого клироса.

Икона «Спас Всемилостивый» была любима прихожанами как историческая реликвия Спасо-Кижского прихода, которая прежде находилась в древней Преображенской церкви, разоренной во время нашествия литовцев на Кижы в XVII в. Образ считался чудотворным: он указал место строительства новой (1714 г.) Преображенской церкви²⁴.

Обе кижские церкви имели образ Всемилостивого Спаса. Древний, чудотворный, в серебряной ризе (весом семь фунтов), он стоял, по описям 1826 и 1830 гг., за правым клиросом в Никольском приделе Покровской церкви в резном золоченом киоте²⁵, а копия с него в богатом украшении – у правого клироса в Преображенском храме²⁶.

Преображенский «Спас» был облачен в тринадцатифунтовую серебряную под червонным золотом ризу и венец. Он был установлен в резной золоченый киот, который обрамлялся колоннами и завершался сенью с двумя коленопреклоненными ангелами. Это была единственная в храме икона с привесом – крест, подвешенный на кавалерской ленте. Перед образом имелся «для топления деревянного масла лампадик серебряный» чеканной работы и с серебряной кистью. Там же стоял большой жестяной подсвечник²⁷.

У правого клироса, по описи 1830 г., крепилась хоругвь, на одной стороне которой было изображение Богоявления, на другой – Преображения Господня.

У левого клироса, кроме хоругви с изображением Успения Богородицы, стоял укрепленный на длинной рукояти ветхий слюдяной фонарь.

За левым клиросом названы два образа в киотах: «Усекновение главы Иоанна Предтечи и Иоанн Златоуст», «Вседержитель на престоле сидящий». Напротив второй иконы имеется карандашная пометка: «перенесен».

Кроме этого, из утвари в кафоликоне перечислены: большое медное паникадило о 32 под-

¹⁹ Опись 1830 г. Л. 19а, 8.

²⁰ Там же. Л. 17а – 19а; Опись 1867 г. Л. 5.

²¹ Опись 1867 г. Л. 20.

²² Там же. Л. 17–19а; Опись 1830 г. Л. 4–5.

²³ Опись 1867 г. Л. 51.

²⁴ НАРК. Ф. 2. Оп. 50. Д. 12/43. Л. 8. (Наряд Олонекского губернского правления по строительному отделению о собрании сведений о древних церквах и часовнях, 1872 г.) Икона «Спас Всемилостивый» в настоящее время находится в иконостасе кижской Покровской церкви (Кижы КП-253/4).

²⁵ Опись 1830 г. Л. 14 об.

²⁶ Копия иконы «Спас Всемилостивый» (XIX в.) хранится в фондах КМИИ № И-681.

²⁷ Опись 1830 г. Л. 6 об.; Опись 1867 г. Л. 20а.

свечниках; 3 аналоя, покрытых «выбойкой» и «печатным холстом», а поверх – «конофатными» пеленами; Святцы, написанные на 12 досках, и «шкаф Свечная выручка с жестяными кружками под краской столярной работы»²⁸.

Как это ни странно, но описи, составленные И. Феодуловым, не фиксируют на потолке иконы «неба». Недостаточно ясная информация о «небесах» приведена и в описи 1867 г.

Опись 1867 г. подтверждает резьбу иконостаса и его состав, зафиксированный предыдущими документами, при этом дает поименный перечень икон во всех рядах иконостаса (см. приложение).

В описи 1867 г. зафиксировано изменение местоположения шести иконостасных икон («Пророк Нафан», «Пророк Захария» (?), «Савватий Соловецкий», «Антоний Римлянин», «Третий Вселенский собор» и «Четвертый Вселенский собор»).

Икона «Пророк Нафан» перемещена из верхнего ряда иконостаса на северную стену кафоликона. Образ пророка Захарии (?)²⁹ из пророческого ряда перенесен на южную стену церкви. Праздничные иконы «Третий Вселенский собор» и «Четвертый Вселенский собор» установили в алтаре на восточной стене. Деисусные иконы «Савватий Соловецкий» и «Антоний Римлянин» заняли места в нижнем местном ряду³⁰.

Парное удаление икон из трех верхних рядов предполагает выравнивание общей композиции иконостасной рамы. В то же время вставка двух икон в нижнем ряду соответственно означает расширение его на боковых гранях, с учетом резьбы примерно по метру с каждой стороны. Установка двух икон в местном ряду не могла произойти без разборки боковых граней иконостаса: иконы установили предпоследними в боковых крыльях иконостаса, изготовив для них ставы и панели, идентичные деталям всей иконостасной рамы.

Удаление и перестановка иконостасных икон, видимо, была обусловлена серьезными причинами, вероятно, внутренними ремонтными

работами. Церковные документы, переписанные Л. Петтерссоном, фиксируют аварийное состояние потолка-«неба» в 60-е годы XIX века³¹. Его ремонтные работы могли изменить стыки потолочных конструкций со стенами восьмерика. Возможно, именно в это время были сделаны выпилы в двух пророческих иконах, поскольку через них проходили соединительные балки. На серьезные преобразования в церкви указывает также антиминс 1860 г. Опись 1867 г. называет антиминс, освященный 24 мая 1860 года архиепископом Олонецким и Петрозаводским Аркадием³². Прежний антиминс был 1830 г. Это означает, что в церкви произошли изменения, потребовавшие ее освящения. Разборка иконостаса соответствует таким изменениям. Следовательно, перемещение икон могло произойти зимой – весной 1860 г. или в 1866–1867 гг., во время ремонта потолка, до составления описи.

Опись 1867 г. приводит следующее описание потолка церкви:

«9. В куполе образ Пресвятыя Троицы круглый, вокруг написана молитва Господня. Вокруг сего образа:

10. Праматери Еввы и Сарры
11. Авеля и Сифа
12. Зоровавеля и Ионы
13. Ноя и Нафана
14. Рувима
15. Иосифа при распятии Господнем
16. и Мафусаила
17. Захарии и Еноха
18. Адама и Авраама
19. Исаака и Нафара
20. Иосифа и Аарона
21. Мелхиседека и... (неразборчиво. – Г. Ф.)
22. Иоакима и Анны
23. Вениамина и Ареда
24. Св. Симеона Богоприимца и Анны (?)

Над каждым из сих образов находятся изображения наверху Ангелов»³³.

Выявленные в настоящее время фотографии «неба» в Национальном архиве Финляндии позволили сопоставить данные описи с

²⁸ Опись 1867 г. Л. 20.

²⁹ Образ Захарии, без уточнения наименования, по описи указан и в пророческом ряду и на северной стене, поэтому икона «Пророк Захария» дается под вопросом. Как известно, пророческие ряды могли включать двух известных одноименных пророков: Захарию и Захарию Серповидца, вероятно, так и было в преображенском иконостасе.

³⁰ Опись 1867 г. Л. 11 об., 1 об., 6 об., 7.

³¹ НБ МЗК. НРФ-1232. Л. 8–13. (Петтерссон Л. Кижский погост. Сметы, счета с 1813 г. Петрозаводск, 1989.)

³² Опись 1867 г. Л. 1.

³³ Там же. Л. 11 об. В настоящее время замковое кольцо с текстом молитвы «Отче наш» и тябла «неба» хранятся в фондах музея «Кижы» (КП-2625/17а, б). Иконы «неба» в годы Великой Отечественной войны были утрачены (см. статью В. А. и Б. А. Гуциных в настоящем сборнике).

фотографиями и определить состав изображенных на иконах небесных сил и святых. В верхней части клиньев были изображения херувимов и серафимов. В среднем регистре парили ангелы. В нижнем ярусе – парные изображения праотцев³⁴: Авраам – Адам, Иаков – Исаак, Аарон – Иосиф, Анна – Иоаким (родители Богородицы), праотцы Арид – Вениамин, Иов – Сим, Аоеть(?) – Симеон Богоприимец, Захария – Енох, Иисус Навин – Князь Владимир, Иосиф Аримафейский – праотец Мафусаил, праотцы Рувим – Малахия, Ной – Нафан, Зоровавель – Иона, Авель – Сиф, Лот – Мелхиседек, праматери Ева – Сарра. Неустановленным осталось изображение праотца на иконе «Аоеть(?) и Симеон Богоприимец».

Опись 1867 г. отмечает новые крупные предметы в собственно церковном помещении. Они занимают места на амвоне и перед ним.

Оба клироса наполнены утварью. Старые хоругви, представленные в описи 1830 г., сменили новые, пожертвованные в октябре 1859 г. Иваном Гавриловичем Чиворовым. Хоругви крепились к позлащенным древцам, которые завершались резными крестиками. Знамена были украшены мишурной бахромой и кистями. На левой хоругви с одной стороны было изображение Богоявления, с другой – Благовещения. На правой хоругви: Вседержитель (в описи – «Иисус Христос») и «Воскресение Христово»³⁵. Кроме хоругвей, на клиросах было по аналою. Один из них использовали для книг, другой – для иконы «Воскресение Христово с двенадцатью праздниками», использовавшейся при полиелеях. У левого клироса установлен большой деревянный крест с изображением Спасителя, размером 3 аршина 15 вершков (около 213 x 66 см). Перед клиросами – два киота с иконами «Спас Всемилостивый» и «Успение». К ним приставлено по медному подсвечнику, причем у Спасителя подсвечник завершался фарфоровой свечой, пожертвованной в 1859 г. Григорием Исаевым Кражевниковым³⁶.

В центре стоял аналой для икон-святцев, а перед ним – жестяной подсвечник.

³⁴ Не все персонажи являются праотцами в строгом смысле этого понятия (например Симеон Богоприимец, князь Владимир, Иосиф Аримафейский). Используется обобщенное название, характерное для описей.

³⁵ Опись 1830 г. Л. 46; Опись 1867 г. Л. 11.

³⁶ Опись 1867 г. Л. 46.

В южной части кафоликона была размещена большая плащаница, «писанная на холсте», размером 2 аршина 2 вершка на 1 аршин 4 вершка (около 151 x 89 см). Вероятно, это та «плащаница, писанная на холсте самой высокой работы», которая значится в прибылых вещах за 1834 г. как пожертвование крестьянина Антона Ошевнева³⁷. Перед плащаницей был установлен медный «в аплеке» подсвечник. В 1897 г. столяром Василием Судьным к ней была изготовлена тумба³⁸. Таким образом, в церкви было две плащаницы: малая – в алтаре и большая – в кафоликоне.

В церкви назван еще один аналой для чтения Евангелия, а также два столика: для благословения хлебов и поминания усопших³⁹.

Количество икон на стенах по-прежнему незначительно: их всего три. Одна – образ пророка Захарии (?) на южной стене, другая – пророка Нафана на северной стене и над дверьми – небольшой образ Николы Чудотворца⁴⁰.

Во второй половине XIX в. появились иконы в трапезной. Здесь опись зафиксировала пятифигурный деисус, оформленный в простую крашеную раму⁴¹.

Над входом в паперть записан малый образ Преображения⁴².

Новым в описи 1867 г. является содержание кладовой («ризницы»). В ней описаны архаичные вещи: «венцы для брачующихся сосновые, из них женский расколот, а на мужском сделана надпись: „Иисус Христос“; напестольный кипарисовый крест; „образ Божия Матери резной“; „Образ Св. Иоанна Предтечи“, таковой же. Оба вместе имеют вид дверей, каждый из них вышиною 1 арш., шириною 4 вершка»⁴³.

Опись перечисляет большое количество книг различного содержания и формата: Священное Писание – 5 книг; богослужебных – 15, («в поллиста»), 11 «в четвертую долю листа», 18 «в восьмую долю»; Писаний Святых Отцов –

³⁷ Там же. Л. 22.

³⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 70/830. Л. 49 об. (Книга расхода денежных сумм по Кижской Преображенской церкви Петрозаводского уезда за 1894 г.)

³⁹ Опись 1867 г. Л. 11, 15–16 об.

⁴⁰ Там же. Л. 11 об.

⁴¹ Там же. Л. 14.

⁴² Там же. Л. 14.

⁴³ Там же. Л. 36.

25 единиц; прочих книг духовного содержания – 45; исторических – 5 единиц⁴⁴. Кроме этого, указаны хозяйственные документы.

Подробнейшим образом перечислены одежды священнические, диаконские, причетнические.

Общее число церковной утвари в двух кижских храмах в 1867 г. составляло 589 единиц⁴⁵.

Описи XIX в. зафиксировали постоянство в оформлении некоторых частей храма на протяжении столетия (например, иконостаса и трапезной), а также соответствующие времени изменения и дополнения (например, появление подсвечников с фарфоровыми свечами, живописных плащаниц).

Ведение церковнослужителями погодной записи прибылых вещей позволило определить время появления новых предметов, а также имена их жертвователей. Среди них местные крестьяне А. Ошевнев, Т. Серый, Т. Кругова, петербургские купцы Никулин, Чиворов, соловецкие паломники. Некоторые имена встречаются неоднократно, например семейная пара Чиворовы. Иван Гаврилов Чиворов в 1834 г. записан как крестьянин Кижского прихода⁴⁶. Позднее, став петербургским купцом, он постоянно одаривал кижские храмы. Всего этой семьей, по имеющимся документам, сделано 15 пожертвований⁴⁷. Все их дарения: диаконский стихарь, две священнические ризы, воздухи, хоругви, дароносица, Евангелие, иконы – использовались в церкви.

Кроме описей, различные стороны приходской жизни, затрагивающие вопросы внутреннего убранства, отражены в таких церковных документах, как приходо-расходные книги, консисторские запросы, отчеты, рапорты священников и благочинных.

О значительных ремонтных работах, продолжавшихся несколько лет, в период между 1815 и 1821 гг., узнаем из «зборных книг» 1815 и 1817 гг. Кижский священник Симеон Соколин дважды получал в епархии книги для сбора средств на ремонт Преображенской церкви. Ремонт был масштабным, предполагал множество внешних работ, например обивку глав металлом. По сборной книге 1815 г., было

собрано 2 255 рублей 35 копеек и к ноябрю 1817 г., все деньги, без 64 копеек, были употреблены на починку церкви⁴⁸.

В приходо-расходных книгах первой четверти XIX в. также указаны денежные поступления и расходы на ремонт храма⁴⁹. Сопоставление этих данных с монетами 1801, 1811, 1813 гг.⁵⁰, которые были обнаружены при разборке клироса, иконостаса и солеи в 1982 г., позволяет сделать вывод о крупных ремонтных работах, проведенных в кафоликоне, сопряженных с разборкой иконостаса.

Новая волна ремонтных работ выявлена в 60-х – начале 70-х гг. В архивных материалах Л. Петтерссона имеются два документа: смета расходов на ремонт Преображенской церкви 1866 г. и договор на плотницкие работы 1869 г. Судя по ним, в церкви был выполнен масштабный ремонт с нововведениями: подведен фундамент, заменены нижние венцы (от 1 до 3 бревен), сделаны новые полы (настелены поверх черных), в алтаре выровнен по амвону старый пол, подняты иконы с тяблами и потолки на 4 вершка, произведен ремонт потолка, обшиты стены досками в трех местах и покрашена обшивка⁵¹. Находка монеты 1859 г. под пороговой доской центрального портала является дополнительным подтверждением крупного ремонта, продолжавшегося, вероятно, не один год.

В эти же годы, как явствует из рапорта Комитета по исправлению кижской Преображенской церкви от 18 сентября 1871 г., планировалось значительное изменение облика трапезной: устройство потолков, обшивка и окраска стен. Но кижане изменили свое решение и попросили епархиальное начальство отменить работы (хотя они и предусматривались по смете). Так как обивка стен и потолка в трапезной не зафиксирована в документах XX в., включая реставрационный отчет архитектора

⁴⁴ Там же. Л. 38–41 об.

⁴⁵ Там же. Л. 56.

⁴⁶ Опись 1830 г. Л. 22.

⁴⁷ Там же. Л. 22а, 44–47.

⁴⁸ НАРК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 26/28. Л. б/н. (Дело об увольнении кижского священника Симеона Соколина и об отобрании от него зборной книги. 17 ноября 1817 г.) НАРК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 30/2. Л. 1 об. (Дело о выдаче зборной книги... кижскому священнику Симеону Соколину для сбора от доброхотодателей на починку церкви... 3 февраля 1821 г.)

⁴⁹ Документы и материалы ... С. 13–18.

⁵⁰ Хранятся в фондах музея «Кижь» (КП-1435–1437). Монета 1801 г. найдена под обвязкой южного клироса, монета 1811 г. – под стойкой каркаса иконостаса, монета 1813 г. – под солеи. Во время разборки обнаружена также монета 1760 г. – под полом на участке южного клироса.

⁵¹ Документы и материалы ... С. 55–59.

А. В. Ополовникова 1957 г., можно полагать, что Строительный отдел Олонецкого губернского правления дал свое согласие на отмену данных работ. Вряд ли это следует объяснять изощренным вкусом прихожан, скорее, это экономия средств, которые постоянно и в большом количестве требовались для поддержания огромной церкви в надлежащем виде.

Следующий ремонт храма фиксируется в приходо-расходных книгах в конце XIX в. Из внутренних работ интерес представляют «стружка» пола в июне 1897 г. столяром Григорием Сазоновым и оклейка стен обоями в алтаре в сентябре 1890 г. прихожанином Леонтием Егоровым Спящим⁵².

В конце столетия приход собирал средства на поновление иконостаса Преображенской церкви, которое пришлось на начало XX в. В докладе кижского духовенства архиепископу Олонецкому и Петрозаводскому Палладию говорится о необходимости обновить и позолотить иконостас, а также об отсутствии собственных средств на его ремонт. К докладу прилагалось заявление крестьян Кижского прихода с этой же просьбой. По их оценке, поновление огромного иконостаса «могло стоить по крайней мере 5 000 рублей». Приход же постоянно расходует деньги на ремонт обеих церквей и, как сетуют кижане, «в кассе всего 691 рубль 43 копейки», в связи с чем они просят разрешение на сбор средств⁵³.

Сбор средств был разнообразен. Например, в сентябре 1886 г., за пожертвованные жемчужные серьги и поднизь церковный староста выручил 69 рублей, продав украшения крестьянину Морозову⁵⁴. На пожертвованный зерновой и печеный хлеб, во время хождения с иконой Богородицы 2 июня 1897 г., приход выручил 30 рублей⁵⁵. Крупное денежное пожертвование облигациями и рентами на общую сумму 1000 рублей внесла 29 сентября 1896 г.

⁵² НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 69/811. Л. 15, 9, 49 об. (Расходная книга Спасо-Преображенской церкви Кижского погоста Петрозаводского уезда.)

⁵³ Документы и материалы... С. 77.

⁵⁴ НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 69/803. Л. 8. (Приходная книга Кижской Преображенской церкви Олонецкой епархии за 1886–1889 гг.)

⁵⁵ НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 70/831. Л. 31 об. (Книга прихода денежных сумм и капиталов по Кижской Преображенской церкви за 1894 г.)

крестьянская вдова Стефанида Андреева Морозова из дер. Кижского острова⁵⁶.

Документы по поновлению иконостаса в подлиннике не выявлены, но в 1943 г. финский исследователь Л. Петтерссон переписал Договор от 1901 г., заключенный между Кижским приходом и иконостасным мастером-золотарем Александром Степановым Ильиным, мещанином из Ростова, а также Акт от 1903 г., подтверждающий выполнение всех договорных работ.

Александр Ильин с артелью, согласно условиям договора, разобрали иконостас, заменили сгнившие детали, перегрунтовали испортившиеся участки, позолотили резьбу червонным золотом по мордану и отреставрировали иконостасные иконы «в чисто греческом стиле», собрали и установили иконостас на место⁵⁷.

Из подряда ясно, что все работы артель выполнила без изменения композиционной схемы иконостаса. Новые детали, например разрушенную резьбу, делали в соответствии с рисунком. Специально оговаривалась реставрация икон. Она предполагала помывку, реставрацию и покрытие эмалевым лаком. На иконах с испорченным грунтом значилось нанесение новой грунтовки. Забота о состоянии икон отражена в отдельной статье, в которой записано: «следя за прочностью иконописи, иконы покрыты олифой, а не эмалевым лаком, на что дали согласие также духовенство и церковный староста»⁵⁸. Деликатность и добротность их работы подтверждается актом и современным состоянием иконостаса и икон.

С изменением конституционного строя Российского государства произошли изменения и в статусе Преображенской церкви. В 1920 г. церковь Спаса Преображения была поставлена на государственный учет в качестве памятника архитектуры. В 1937 г. церковь как действующий православный храм была закрыта⁵⁹.

Во время Второй мировой войны, в 1943 г., преображенские иконы как художественная ценность были вывезены оккупационными войсками в Финляндию.

Зимой 1944–1945 гг. кижские иконы, в числе прочих заонежских икон (около 2 000 ед.), были возвращены по мирному договору из

⁵⁶ Там же. Л. 19 об.

⁵⁷ Документы и материалы... С. 102–104.

⁵⁸ Там же. С. 103.

⁵⁹ См. статью В. А. и Б. А. Гузиных в настоящем сборнике.

г. Хельсинки в г. Петрозаводск и переданы на хранение в Государственный музей Карело-Финской ССР⁶⁰.

С 1943 по 1952 г. кижские церкви стояли опустошенными. В Преображенской церкви в этот период имелся резной золоченый иконостас, без икон, за ним (в алтаре) – престол с навершием и жертвенник. Возможно, в ризнице или в алтаре хранились также книги и тканевая утварь, поскольку они не вывозились финнами, или же утварь переместили в зимнюю церковь, в которой разрешалось проведение служб.

В 1945–1946 гг. Правительство КФ ССР активно сотрудничало с Комитетом по делам искусств при СНК СССР, который возглавлял И. Э. Грабарь. Решались вопросы создания заповедника на территории Кижского погоста, атрибуции и сохранения огромного числа заонежских икон, включая кижские, волею судеб оказавшихся в г. Петрозаводске⁶¹.

И. Э. Грабарь, исследовавший летний кижский храм в 1926 г., вновь обратил свое внимание на Преображенскую церковь. В одном из писем он отметил художественные достоинства резного золоченого иконостаса и указал на важность его сохранения⁶².

В 1945 г. на остров был направлен архитектор Л. М. Лисенко, который выполнил первые детальные обмеры церкви, зафиксировал элементы интерьера: росписи тябл «неба» и детали резного иконостаса⁶³.

Для работы с иконами комитет направил двух специалистов из Государственной Третьяковской Галереи: Н. Е. Мневу и В. Г. Светличную (Брюсову). После опознания Преображенских икон сторожем кижских церквей Н. Г. Маньшиным специалисты отобрали 105 икон на основании размеров, шифровки на оборотах, сопоставления с довоенной фотографией иконостаса. К ним добавили еще

две иконы: «Богородица всех скорбящих радость» и «Единородный Сыне», так как они соответствовали по размерам местным иконам из Преображенской церкви. Позднее эти две иконы вошли в местный ряд кижской Покровской церкви, из которой они и происходили.

В первой половине лета 1945 г. иконы доставили на остров Кижы и разместили в помещении сельского совета, которое было использовано под реставрационную мастерскую. Реставраторы В. Г. Светличная и Г. В. Жаренков выполнили необходимые консервационно-реставрационные работы: укрепление основы, удаление плесени и загрязнений, укрепление живописной поверхности, промывку живописи с частичным удалением олифы⁶⁴.

Восстановление внутренней отделки кижских церквей наметили на 1946 г., однако не осуществили «ввиду отсутствия специалистов по данному вопросу»⁶⁵.

Интерьер Преображенской церкви реконструировали в 50-е гг. XX столетия по проекту архитектора А. В. Ополовникова⁶⁶.

Интерьер был освобожден от всех движимых и недвижимых элементов, по мнению архитектора «несвойственных народному зодчеству и чуждых ему как по своей социальной природе так и по художественной форме». Из церкви убрали все движимое имущество: плащаницы, подсвечники, лампадки, киоты и т. п. Разобрали кладовую (ризницу), располагавшуюся в северо-западном углу трапезной. В северном углу установили дверь для прохода из трапезной в северную часть храма, которую архитектор именовал приделом. Переделали двери в храм и кафоликон. Как выясняется из отчета, двери с внешней стороны были обиты металлом («железом»). Когда металл убрали, то перед реставраторами предстала светлая древесина. Это означало, что дверь изначально, со времени ее установки, была обита металлом. В результате древесину

⁶⁰ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 1/16. Л. 12. (Материалы по охране и реставрации памятников архитектуры. 1946 г.).

⁶¹ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 7/60. Л. 50–53. (Материалы по охране и реставрации памятников архитектуры (планы, справки, переписка и т. п.); НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 1/16. Л. 12–25. (Материалы по охране и реставрации памятников архитектуры.)

⁶² НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 1/16. Л. 50. (Материалы по охране и реставрации памятников архитектуры).

⁶³ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 3. (Отчет о деятельности Управления за 1945–1946 гг. и отчет о работе Бюро экспертизы проектов и смет за 1947 г.)

⁶⁴ НБ МЗК. Б/н. (Брюсова В. Г. Объяснительная записка к работам по восстановлению иконостаса Преображенского собора в Кижях, 1950. Петрозаводск, 1950.)

⁶⁵ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 1/16. Л. 59. (Материалы по охране и реставрации памятников архитектуры. 1946 г.)

⁶⁶ НБ МЗК. НРФ-731. (Ополовников А. В. Отчет о реставрации памятников деревянного зодчества – Преображенской и Покровской церквей и колокольни на Кижском погосте. М.; Петрозаводск, 1957.)

затонировали под цвет стен. Со стен сняли тесовую обшивку, которая была окрашена в белый цвет. Обнаружили штрабы и пазы в стенах. Они послужили основанием для установки лавок вдоль северо-западной и юго-западной стен. Лавки установили и вдоль стен трапезной. Очистили пол от краски. Заполнили каркас потолка тесом, уложив его «елочкой». Когда все эти работы были завершены, интерьер предстал в виде сохранившегося иконостаса, двух клиросов и лавок вдоль стен. К левому клиросу приставили большой обетный крест, сделанный в 1736 г. кончезерскими рабочими для своих нужд⁶⁷.

Для установки икон в иконостасе В. Г. Брюсовой была составлена схема их размещения⁶⁸. Однако при сборке иконостаса в 1952 г. не все иконы были установлены в соответствии со схемой.

Иконы пророческого, деисусного и местного рядов были установлены на своих прежних местах. Исключение составили иконы «Антоний Римлянин» и «Зосима Соловецкий». Напомним, что, по данным последней описи, икону «Антоний Римлянин» в паре с иконой «Савватий Соловецкий» переместили из деисусного ряда в местный. При реконструкции икону вновь поставили в деисусный чин, а на ее место спустили деисусную икону «Зосима Соловецкий». Вероятно, обмен произвели для создания парности соловецких чудотворцев в местном ряду.

В праздничном ряду евангельские сюжеты были размещены не в хронологической последовательности. Так, например, икона «Снятие со креста» оказалась установленной значительно раньше иконы «Распятие». После размещения икон в иконостасе невостребованными оказались две пророческие иконы – «Пророк Самуил», «Пророк Захария» и две из праздничного ряда – «Третий Вселенский собор» и «Четвертый Вселенский собор». Иконы определили в алтарь, что соответствовало историческому местоположению праздничных икон. Позднее эти четыре иконы, вместе с так называемой «Кижской коллекцией», поступили на хранение в МИИРК.

В таком виде интерьер храма как музейный образец внутреннего убранства северной православной церкви просуществовал до 1980 г.

В 1980 г. Преображенскую церковь закрыли на реставрацию, объявив ее состояние аварийным. В храме установили металлический каркас. Для чего из церкви изъяли не только иконы, иконостас, утварь, но и полы, и потолки, оставив только внешнюю оболочку храма. С этого момента доски и плахи пола и потолка складированы в подсобных помещениях музея «Кижь», иконы и иконостас – в фондохранилищах этого музея.

Рассмотренные архивные документы XIX–XX вв. говорят о постоянном радении кижан о поддержании церкви в хорошем состоянии: примерно каждые 40 лет в храме выполнялись ремонтные работы. Пожертвования и дарения также служили для благоуукрашения храма.

⁶⁷ Там же. Л. 27–36.

⁶⁸ НБ МЗК. НРФ-34. (Брюсова В. Г. Список произведений живописи древней Карелии, составленный Светличной В. Г. в 1948 г. и схемы иконостасов Преображенской и Покровской церквей. Петрозаводск, 1969.)

Приложение

«Книга данная из Петрозаводского духовного правления Петрозаводского уезда в Кижской церкви для записи всего имущества их». 1826 г. кончена 2 апреля 1827 г.⁶⁹

(НАРК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 129/2449. 28 л.).

Опись учиненная церквам Преображения Господня и Покрова Пресвятыя Богородицы, состоящим Петрозаводского уезда в Кижском погосте к всему оных имуществу 1826 г.

Л. 1.

1-я во имя Преображения Господня деревянная в ней утварь церковная

Стый Олтарь.

«В нем престол длиною и шириною аршин три четверти на коем одежда французскаго гранитуру⁷⁰ белого с полосками, обложена золотыми позументами. На нем покров штофу голубаго трафчатого обложен золотыми позументами». Над престолом «сень резная вызолочена в середине коей образ Преображения Господня писан на золоте».

Л. 1 об.

Освященные сосуды.

«1-е серебряные вызолочены с камнями на коих изображено Распятие Иисуса Христа, и по сторонам Богоматери и Иоанна Предтечи». Вес – 4 фунта 20 золотников.

«2-е серебряные же вызолочены гладкие». Вес 2 ф. 25 зол.

«При сих сосудах нужные для священнослужения принадлежности как-то: звездичи, и тарелочки, и 2-ве лжицы, ковшичок для влияния теплоты все сия вещи серебряные вызолочены». Вес – 24 зол.

Напрестольные кресты

«Коих 4-е 1-й серебряной вызолочен [Вес 34 зол.] и два деревянных, обложены серебром, а 4-й деревянной».

Л. 2.

Ковчеги для Святых Даров.

«1-й серебряной вызолочен [Вес – 1 ф. 71 1/2 зол.]

2-й оловянной».

Л. 2–2 об.

«На престолах стых 4-е Евангелия

1-е На Александрийской бумаге в золотом обреде в поллист, обложено красным бархатом,

в середине образ Господа Саваофа с четырьмя евангелистами на углах серебрянными чеканными позлащенными [Вес – 1 ф. 10 зол.].

2-е в целой простой золотообрезной лист, в середине образ Господа Вседержителя с Евангелистами, по углам серебрянными чеканной работы, обложено новым московским бархатом [Вес – 1 ф. 10 зол.].

3-е в простой же золотообрезной лист, в середине коего образ Воскресения Господня, по углам Евангелисты и вся дска чеканная серебрянная, обложено новым бархатом. [Вес – 1 ф.].

4-е малое в осмью часть листа, золотообрезное, обложено зеленым бархатом. Евангелисты и верхняя дска медная посеребрена. [Вес – 1 ф.].

5-е малое же, листы по краям вызолочены, в черном бархате, Евангелисты на камнях и дска серебрянная вызолочена» [Вес – 14 зол.].

Л. 2 об. – 3.

«Во Святом олтаре образа

На горнем месте

Образ Спасителя въ...

Иисус малой образ

Господа Саваофа представляющаго в трех лицах.

По стенам 4-ре образа Преображения Господня, 2-й Одигитрии Богородицы, 3-й Апостола Иоанна, все оные писаны на красках.

Два образа третий и четвертый вселенских соборов – 1 а[ршин] 8 в[ершков] x 1 а[ршин].

Выносной крест старинный резной крашеной, в середине коего малой образ Господа Саваофа и по углам 4-ре малых.

Выносной образ Знамения Пресвятой Богородицы [Размер – 11 в. x 9 в.].

Л. 3 об.

Над жертвенником

Два образа 1-й Благовещения Пресвятыя Богородицы,

2-й Св. мученик Кирика Улиты, писаны на золоте [14 в. x 14 в.].

Плащаница изображена на полотне».

Из кадил

Одно серебрянное и два медных [Вес – 1 ф. 15 зол.]

Л. 3 об. – 4.

Царские врата

⁶⁹ Сохранена орфография оригинала.

⁷⁰ То есть «гарнитуру».

«Резные позолочены, на коих в середине образ Благовещения Пресвятыя Богородицы и 4-ре Евангелиста на золоте [Размер – 3 а. 8 в. х 1 а. 10 в.].

По обоим сторонам сих врат столбы гладкие серебрянные, на коих сень резная позолочена, в середине оной небольшой образ круглой Господа Саваофа.

У оных врат завеса тафты малинового цвету.
Л. 4–5 об.

По правую сторону Царских врат образ Преображения Господня, на полях коего писаны страсти Христовы на золоте, на оном образе риза серебрянная [Вес – 4 ф 54 зол], чеканная, белая, образ сей стоит в киоде резном и по сторонам столбики виноградные [Размер – 2 а. 2 в. х 1 а. 14 в.].

Пономарские двери, на них Образ Стаго пророка Даниила на золоте [Размер – 2 а. 8 в. х 15 в.].

Образ Спасителя Нерукотвореннаго, венец с гривенкой, на полях коего оклад серебрянной под золотом, около того образа писаны страсти на золоте [Размер – 2 а. 4 в. х 2 а.].

Образ Покрова Пресвятыя Богородицы, венчики листового золота, в том числе один у Спасителя серебрянной с позолотою басмянной, на полях коего писаны чудеса на золоте в резном киоде [Размер – 2 а. 4 в. х 2 а.].

Образ Живоначальныя Троицы в киоде, вокруг коего чудеса писаны на золоте в резном киоде [Размер – 2 а. 4 в. х 2 а.].

Образ Собора Пресвятыя Богородицы с чудесами на золоте [Размер – 2 а. 4 в. х 2 а.].

Образ Святого Пророка Или с чудесами на золоте в резном киоде [Размер – 2 а. 4 в. х 2 а.].

По левую сторону Царских врат.

Образ Пресвятыя Богородицы Одигитрии на злате, на оном образе риза серебрянная чеканной работы, белая [Вес – 13 ф] в резном киоде [Размер – 1 а. 10 в. х 1 а. 4 в.].

Северныя пономарския врата, на них Образ Господа Сваофа на лоне Авраамове, в подножии писано изгнание Адамово из Рая на золоте [Размер – 2 а. 4 в. х 1 а. 15 в.].

Образ Николая Чудотворца с чудесами, писан на золоте, венец серебрянной с позолотой [Размер – 2 а. 4 в. х 1 а. 15 в.].

Образ Успения Пресвятыя Богородицы с чудесами на золоте в резном киоде [Размер – 2 а. 4 в. х 1 а.].

Образ Воскресения Христова на злате [Размер – 2 а. 4 в. х 2 а.].

Образ Георгия влмч на золоте [Размер – 2 а. 4 в. х 2 а.].

Образ Преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких с чудесами на золоте [Размер – 2 а. 4 в. х 2 а.].

Л. 6–6 об.

Образа в тяблах.

В первом двенадцати Господских и Богородичных тридцать образов каждый [Размер – 1 а. 4 в. х 1 а.].

Над Царскими вратами паникадило висящее медное, весом четырнадцать пудов под ним кисть однозолотная.

Во втором выше Царских врат во круге резном на золоте образ Спасителя на престоле сидящей, на коем венец серебрянный чеканной под золотом [Размер – 2 а. 2 в. х 1 а. 8 в.], пред ним спускная лампада медная посребрена.

По обоим сторонам Спасителя двадцать восемь образов Апостольских на них десять венцов басмянные под золотом.

В третьем: на середине против Спасителя образ Знамения Пресвятыя Богородицы, по обоим сторонам онаго тридцать один образов Пророческих каждый 1 а. х 1 а.

Все сии образа находятся в резном золоченом коностасе.

Л. 6 об.

За правым крылосом.

Образ Всемиловитваго Спаса, на нем риза и венец серебрянные, в киоде резном червонным золотом с колоннами золочеными у коих на верху сень золоченая же. Самой высокой работы [Размер – поперек 1 аршин] риза 84 пробы [Вес – 13 фунтов].

На Спасителе крест на ленте... пред сим для топления деревянного масла лампадик серебрянной 1 ф. 45 зол. и подсвечник большой басмянной работы посеребрен.

Л. 7.

За левым крылосом Образ Усекновения главы Иоанна Предтечи и Иоанна Златоустаго писаны на золоте в резном киоде и позолоченом [Размер – 14 в. х 13 в.].

Лампада жестяная малая.

Образ Господа Вседержителя на престоле сидяща в киоде и за стеклом писан на красках, близ коего крест животворящий.

Лампада малая медная.

Л. 7–7 об.

Хоругви

1-я у правого крылоса на холсте, на ней Образ Богоявления Господня, на другой стороне Преображения Господня [Размер – 1 а. х 1 а.].

2-я у левого крылоса на холсте же, на ней образ [названия нет. – Г. Ф.], на другой стороне Успения Пресвятыя Богородицы [Размер – 14 в. х 13 в.].

На том же крылосе фонарь слудяной на рукоятном дереве, ветхой.

Три налож. Два покрыты выбойкой и третий печатным холстом, пелены на них конофатные.

Сверх сих шесть разных пелен – в ветхости.

Один находится пред образом храмовым Преображения Господня. Святцы в двенадцати досках писаны на красках кои в длину... в ширину...» [размер не указан. – Г. Ф.].

Иконописное убранство храмов Кижского погоста в XVI–XVII веках

Иконы XVI–XVII вв. из церквей Преображения Господня и Покрова Богородицы Кижского погоста, относящиеся к храмам – предшественникам ныне существующих, составляют довольно обширное собрание произведений, хранящихся в музее-заповеднике «Кижы» и Музее изобразительных искусств Республики Карелия. Памятники иконописи, рассмотренные во взаимосвязи с данными архивных источников, позволяют прояснить некоторые вопросы развития убранства интерьеров кижских храмов во второй половине XVI–XVII в.

Как известно, первое упоминание двух церквей Кижского погоста – Преображенской («древяна с папертьми верх шатровой») и Покровской («теплая с трапезой») – содержится в писцовой книге А. Плещеева и С. Кузмина 1582–1583 гг. (в более ранних писцовых книгах по Обонежью 1496 г. и 1563 г. описания церквей не сохранились)¹. В следующей по времени создания писцовой книге 1616–1617 гг. П. Воейкова и И. Льговского упомянуты Преображенская церковь («древяная с папертьми, верх шатровой») и Покровская церковь («теплая деревянная с трапезой»)². Можно предположить, что эти постройки уже стояли на погосте, по крайней мере с конца XVI в., так как в писцовых книгах обычно особо отмечались вновь построенные храмы.

Писцовая книга 1628–1629 гг. описывает церковь Кижского погоста как шатровые и содержит описание их иконостасов³. В Преображенской церкви иконостас состоял из четырех ярусов: местного ряда, деисусного, праздничного и пророческого чинов. Вся композиция иконостаса завершалась иконой «Спас нерукотворный». В нижнем ряду, справа от царских врат, располагалась храмовая икона «Преображение» («на краске», то есть с цветным фоном), за нею – «Воскресение» («на краске»), «Покров» («на золоте», то есть с золотым фоном), «Рождество Богородицы» («на краске»); слева от царских врат размещались иконы «Богоматерь Одигитрия» («на золоте»), «Троица-Отечество с деянием» («на золоте»), «Спас Вседержитель», «Пророк Илья с деяниями» («на золоте»). С севера местный ряд завершался дверью в жертвенник («писан краски»), расположение которой склоняет к мнению, что все иконы умещались в пределах восточной стены, без перехода иконостаса на боковые стены, при этом восточная стена кафоликона могла иметь длину приблизительно 8 м.⁴ В таком случае восточная стена молитвенного помещения Преображенской церкви в первой трети XVII в. имела более крупные размеры, чем в таких храмах Заонежья XVII в., как церковь Апостолов Петра и Павла в дер. Лычный

³ Там же. № 308. Л. 383–384 об.

⁴ Мы исходим из того, что местные иконы и царские врата со столбиками, судя по сохранившимся образцам, в обонежских деревянных церквях имели ширину около 1 м, а северные двери – около 0,5 м.

¹ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930; Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI в. Приложение VI. СПб., 1853.

² РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. № 743. Л. 179.

Остров, 1620 г. (4,5 м), или церковь св. Варвары в дер. Яндомозеро, 1650 г. (5 м). Иными словами, это был довольно крупный и просторный главный храм погоста, вмещавший четырехрядный иконостас, еще достаточно редкий в Заонежье первой четверти XVII в. С кижской церковью по развитому типу иконостаса могли соперничать, судя по той же писцовой книге 1628–1629 гг., только некоторые монастырские храмы и главные церкви Толвуйского, Олонецкого, Пудожского погостов.

На основании изложенных материалов можно сделать некоторые предположения об архитектурном типе древнего кижского храма. Известно, что шатровые церкви Русского Севера второй половины XVI – начала XVII в. нередко принадлежали к типу «восьмерик от основания», т. е. основной объем представлял собой идущий от уровня земли столп, завершенный шатром. Однако сохранившиеся церкви этого типа имеют длину грани столпа в интерьере 5 м (Никольская церковь в с. Лявля Приморского района Архангельской области, 1589 г.) или менее этого (Никольская церковь в с. Панилово Холмогорского района той же области, 1600 г.)⁵. Более вероятно, на наш взгляд, принадлежность кижской Преображенской церкви к ранним постройкам типа «восьмерик на четверике», который на рубеже XVI–XVII вв., по нашему мнению, еще не получил в Обонежье широкого распространения. Как видно на примере шатровых храмов начала XVII в., таких как Никольская церковь Муезерского монастыря на севере Карелии (1602 г.) и Богоявленская церковь в с. Челмужи Медвежьегорского района (1605 г.), конструкция построек этого типа находилась еще в стадии формирования, имея несоответствия между планом и объемным решением⁶. Интересно, что в обоих указанных выше храмах алтарь и молитвенное помещение имели равную ширину. Такой план мог быть и в Преображенской церкви, что может объяснить размещение двери в жертвенник кижского храма в северо-восточном углу. Уже в первой трети XVII в.

Икона «Покров». Вторая половина – конец XVI в.

число шатровых храмов возрастает. В писцовой книге 1628–1629 гг. упоминаются около 30 шатровых храмов Обонежья, в том числе со многими шатрами, например, церковь св. Николая на Шунгском погосте «о девяти верхах шатровых» и церковь св. Николая Клименецкого монастыря «о пяти верхах шатровых»⁷.

Принято считать, что иконописное убранство древней Преображенской церкви почти не сохранилось до наших дней, за исключением нескольких произведений XVII в. Однако некоторые памятники иконописи, в XIX–XX вв. связанные с интерьером Покровской церкви, возможно, когда-то находились в летнем храме. Икону «Покров» с золотым фоном, упомянутую в писцовой книге в местном ряду Преображенской церкви, можно сопоставить с одноименной иконой второй половины XVI в., позднее находившейся в Покровской церкви (ныне в Музее изобразительных искусств РК, далее – МИ-ИРК). На эту мысль наводит тот факт, что в писцовой книге 1628–1629 гг. в местном ряду Покровской церкви значится икона «Покров», написанная «на краске», то есть с цветным фоном⁸, а реставратор Н. В. Перцев указывал, что золотой фон сохранившейся

⁵ Крохин В. А. Системы построения формы в древнерусском деревянном зодчестве XVI–XVII веков // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры / НИИ культуры. Труды. 35. Вып. IV. М., 1976. С. 206, 207, 211–214.

⁶ Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972. С. 75, 78, 79.

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. № 308. Л. 246

⁸ Там же. Л. 384.

иконы «Покров» не был записан⁹. Эта икона имеет внушительные размеры (133 x 114 см). Она была написана для крупного иконостаса и рассчитана на дальние точки обзора, которые могли быть именно в Преображенской церкви того времени.

По своей иконографии кижский «Покров» принадлежит к той группе икон XVI–XVII вв. новгородского и северного происхождения, для которых характерны многофигурная композиция и развитый архитектурный фон. Эти памятники значительно отходят от древнего извода, представленного многочисленными произведениями, начиная с известной иконы конца XIV в. из Зверина монастыря¹⁰. Этот извод, очень популярный и на Русском Севере, отличался четким членением композиции на несколько частей благодаря ярусному построению и композиционной роли столпов храма. Иначе решена кижская икона. Многочисленные фигуры святых и мирян, хотя и представлены в обособленных группах, объединены здесь в общем молитвенном предстоянии перед Богородицею. Развитие этого композиционного приема можно проследить на новгородских иконах с конца XV в. (софийская икона-таблетка)¹¹. Варианты многофигурной композиции представлены также иконами «Покров» XVI в. из бывшего собрания Н. П. Лихачёва, происходящей из новгородской церкви Уверения Фомы на озере Мячине (ГРМ)¹², и «Покров с изображениями в клеймах Богородицы Тихвинской и Введения во храм» середины XVI в. (Новгородский музей)¹³. На обеих указанных иконах XVI в., как и на кижском памятнике, покров распростерт над головой Богородицы, а в центре нижнего регистра изображен Роман Сладкопевец,

то есть совмещены признаки «новгородского» и «среднерусского» изводов. На иконе из ГРМ чины святых разделены колонками храма, а на иконе из Новгородского музея они составляют две многофигурные сомкнутые группы. Кижская икона в этом смысле близка к памятнику из Новгородского музея.

Еще ближе к кижскому «Покрову» две более поздние иконы: первая – рубежа XVI–XVII вв. неизвестного происхождения (ГРМ)¹⁴, вторая – XVII в. из церкви Покрова погоста Волнаволоков на Пидьмозере Подпорожского района Ленинградской области (ГЭ)¹⁵. На обеих иконах, кроме обычных деталей сюжета, имеется изображение звонницы справа, как и на кижской иконе. Икона из ГРМ ближе к кижской по композиции. Персонажи здесь также четко разделены на группы по чинам, но кижский памятник обладает более развитой и торжественной композицией. Храм имеет семь глав вместо обычных трех или пяти. Фигура Богородицы выделена на фоне белых стен храма, причем контур, образованный линиями покрова, боковых фигур и фигурных наверший над персонажами нижнего яруса, образует геометрически четкую фигуру, напоминающую силуэт чаши. Построение композиции отличается глубокой продуманностью, музыкальностью ритмов и особенно хорошо воспринимается с дальних точек рассмотрения.

На иконе имеются некоторые детали, нередко встречающиеся в искусстве XVI в., но примечательные в контексте данного сюжета. Величественный храм с позакомарным покрытием и луковичными главами, напоминающий образцы русского зодчества XVI в., воспринимается как олицетворение Руси, которой оказывает покровительство Богородица. В группе придворных за императором есть персонажи, облаченные в русскую «боярскую» шубу с длинными рукавами. На наш взгляд, эти детали ставят акцент на идее покровительства небесных сил

⁹ Перцев Н. В. Реставрационный протокол иконы «Покров». (См.: Архив протоколов по реставрации МИИРК. Протокол на икону И-951.)

¹⁰ Новгородский музей, инв. 11170. Об этой и других иконах данного извода см.: Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII – начало XV века. М., 1976. С. 222–227.

¹¹ Там же. Инв. 3104. См.: Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982. С. 303.

¹² ГРМ, инв. ДРЖ 2142. См.: Новгородская икона XII–XVII веков / Вводная ст. Д. С. Лихачева, вступ. ст., комментарии, сост. альбома – В. К. Лаурина, В. А. Пушкарев. Л., 1983.

¹³ Новгородский музей, инв. 23107. См.: Э. А. Гордиенко. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001. С. 244, 245, ил. 109 на с. 253.

¹⁴ ГРМ, инв. ДРЖ-3159. Воспроизведение: Древнерусское искусство. Новые поступления (1977–1987). Каталог выставки / ГРМ. Л., 1989. С. 46–47, кат. № 44.

¹⁵ ГЭ, инв. ЭРИ-205. Воспроизведение: Сто икон из фондов Эрмитажа. Живопись Русского Севера XIV–XVIII веков. Каталог выставки / Сост. А. С. Косцова. Л., 1982. С. 81, кат. № 58, ил. на с. 82.

православной русской державе, актуальной в эпоху завоевательных походов Ивана Грозного. На Красной площади в Москве после взятия Казани был поставлен храм во имя Покрова Богородицы, более известный как собор Василия Блаженного. Хотя кижская икона относится, видимо, к несколько более позднему времени, она могла быть списком с образца эпохи Ивана Грозного.

Икона привлекает не только композицией, но и колористическим решением, в котором ведущую роль играют золото, белый цвет и целая гамма красных – от киноварного цвета закомар, глав храма, покрыва до винно-красных и розовых на одеждах. Другие цвета: темно-зеленый, желтый, блекло-зеленый – утратили чистоту и звучность тона. Подобные приглушенные оттенки нередко встречаются на иконах второй половины – конца XVI в.

Своеобразие исполнения во многом заключается в манере рисунка, для которого характерны скорописный характер, нечеткость и некоторая запутанность. Подготовительные контуры фигур просматриваются под слоем недостаточно плотно кроющихся красок. Этот рисунок часто не совпадает с окончательным, и оба участвуют в формировании облика фигур и архитектуры. Лики отличаются беглостью рисунка и эмоциональной окрашенностью. Завершающие описи архитектурного декора, нанесенные светло-зеленым и желтым колерами, далеко не всегда совпадают с первоначальными контурами. Резкие темные описи складок одеяний сохранились на одеждах Богоматери, Андрея Юродивого, Епифания и других персонажей. Подобные описи, а также притенения по контуру фигур можно отметить на иконах второй половины XVI в. из Рождественского собора Антониева монастыря (например, «Апостол Петр деисусного чина») ¹⁶. На иконах из того же иконостаса имеются и сходные детали архитектурного декора из розеток, бегунка («Сошествие Святого Духа») ¹⁷.

Амвон, на котором стоит Роман Сладкопеец, сильно отличается от амвонов на иконах Покрова XVI в. Он позолочен и имеет облик,

Роман Сладкопеец. Фрагмент иконы «Покров»

напоминающий богато орнаментированные престолы на иконах XVI в., с колонками сложной формы из чередующихся цилиндрической и бочкообразной частей с фигурными вставками из завитков и с завершением в виде яблока. Довольно близкий характер имеют колонки престола на иконе «Спас на престоле, с припадающим святителем Евфимием, архиепископом новгородским» третьей четверти XVI в. в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника, имеющей в свою очередь более древние новгородские прототипы ¹⁸. Декоративная разделка золоченого амвона по цветному лаку методом «цировки» была известна новгородским мастерам второй половины XVI в. ¹⁹

В целом манеру исполнения иконы можно, по нашему мнению, назвать живописно-экспрессивной, что находит определенные аналогии, например, во фресковой живописи рубежа XVI–XVII вв. Благовещенского собора г. Сольвычегодска. Исследователь этой росписи Н. В. Удралова определяет

¹⁶ Русская икона XI–XIX в собрании Новгородского музея. Путеводитель по экспозиции / Авт. Е. В. Игнашина, Ю. Б. Комарова. М., 2008. Ил. 54.

¹⁷ Там же. Ил. 95.

¹⁸ Иконы Владимира и Суздаля: Каталог / Авт.-сост. М. А. Быкова. М., 2008. Кат. № 42. С. 249–255.

¹⁹ Гордиенко Э. А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001. С. 275, 276.

Икона «Спас Смоленский». Конец XVI в.

ее как «эскизно-живописную»²⁰. Некоторые описанные ею приемы моделировки формы имеют сходство с письмом кижской иконы. Таким образом, по нашему мнению, икона «Покров» написана мастером из городской или монастырской мастерской Русского Севера, расположенной за пределами Обонежья, где знали новые изводы данного сюжета, а также приемы письма, известные в новгородской иконописи второй половины – конца XVI в.

Еще один древний памятник, находящийся в настоящее время в иконостасе Покровской церкви, исторически также может быть связан с Преображенской церковью. Мы имеем в виду икону «Спас Вседержитель, с припадающими преподобными Варлаамом Хутыньским и Александром Свирским и избранными святыми» конца XVI в. (музей-заповедник «Киж»). На полях иконы изображены неизвестный святитель, великомученицы Параскева Пятница, Екатерина и преподобная Мавра (по надписи «Мафра»). Изображение этих святых, скорее всего, было связано со специальным заказом.

²⁰ Удралова Н. В. Роспись Благовещенского собора в Сольвычегодске // Древнерусское искусство. Художественные памятники русского Севера. М., 1989. С. 202.

Некоторые авторы отождествляют эту икону с известным по народным преданиям «Белым Спасом», прославившимся в период нападения на Кижский погост «панов» – польско-литовских военных отрядов в период Смутного времени. Согласно легенде, икона находилась в кижской церкви Спаса. Во время нападения на храм «паны» повредили образ Спасителя двумя стрелами, причем одна вонзилась в иконную доску с оборотной стороны, из чего можно заключить, что икона находилась не в иконостасе, а в киоте перед клиросом, что было удобно для поклонения святыне²¹.

Образ Спасителя в данной иконографии носит название «Спас Смоленский», поскольку появление изображений этого иконографического типа связано с возвращением Смоленска России в 1514 г.²² Одна из первых икон данной иконографии, установленная на Спасской (Фроловской) башне Московского Кремля и позднее замененная фреской, могла иметь детали, связанные с темой Страстей Господних (жены-мироносицы, припадающие к ногам Христа, ангелы с орудиями страстей)²³. В 1521 г., после избавления Москвы от нашествия Махмет-Гирея и связанного с этим событием чудесного видения некоей монахиней шествия святых заступников за Москву, у ног Спасителя стали изображать преподобных Сергия Радонежского и Варлаама Хутыньского, умоливших, согласно видению, святых вернуться в Москву. По словам И. Л. Бусевой-Давыдовой, «страстная тема заменилась патрональной – вначале по отношению к обитателям конкретного города, а вскоре и к другим лицам»²⁴. Именно эти преподобные изображены на недавно открытой фреске XVII в. на Спасской башне. Известны иконы этого извода в крупных храмах: Благовещенском соборе

²¹ Предания о панах в Олонецкой губернии // ОГВ. 1857. № 22. С. 125; Этнографические материалы. Кижы // ОГВ. 1892. № 93. С. 953, 954; Митропольский П. Смутное время в народных преданиях и памятниках Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. 1894. Вып. 3. С. 245.

²² Антонова В. И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1965. С. 127. (прим. 1.)

²³ Возможно, след этой иконографии остался на иконе «Спас Смоленский, с деяниями и страстями» XVII в. из ярославской церкви Ильи пророка, где у ног Христа изображены именно жены-мироносицы. См.: Масляницын С. И. Ярославская иконопись. М., 1973. Ил. 62.

²⁴ Бусева-Давыдова И. Л. «Бог посреди него»: о редкой иконографии Спаса Вседержителя [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iconkovcheg.com/articles/136>.

Московского Кремля середины – третьей четверти XVI в. и Успенском соборе Кирилло-Белозерского монастыря середины XVII в.²⁵ На иконе Благовещенского собора к стопам Спасителя припадают Варлаам Хутынский и Сергей Радонежский, а на иконе из Кирилло-Белозерского монастыря – Сергей Радонежский и Кирилл Белозерский. На кижской иконе изображены Варлаам Хутынский и Александр Свирский. В выборе святых, как видим, учитывался регион, для которого икона исполнялась: Варлаам Хутынский был основателем почитаемого на Севере новгородского монастыря, а Александр Свирский – крупнейшего монастыря Олонецкого края.

Кижская и московская иконы разнятся жестом правой руки Спаса: на иконе Благовещенского собора благословляющая рука изображена согнутой на уровне пояса, а на кижской иконе она протянута в сторону и несколько опущена, повторяя жест, изображенный на фреске Спасских ворот, на иконе ярославских писем XVII в. из собрания Павла Корина²⁶ и на упомянутой выше иконе из ярославской церкви Ильи пророка. Имеется и немало других различий. Например, на кижской иконе ангелы изображены со сферами в руках, но без орудий Страстей, которые акцентировали тему голгофских страданий Христа. Текст на Евангелии в руке Христа имеет поучительный смысл («Не на лица судите сынове человечестии...»). Иными словами, между московской (Благовещенского собора) и кижской иконами лежит определенный период развития иконографии в сторону дальнейшего ослабления «страстной» темы и возрастания вероучительной. Духовное благородство образа Спасителя, тщательно исполненный рисунок, изысканные орнаменты на Его хитоне и на «ковриках» под ногами святых на полях свидетельствуют о происхождении иконы из значительной иконописной мастерской.

Таким образом, икона «Спас Смоленский» из Кижей является важным памятником эпохи рубежа XVI–XVII вв.,

свидетельствующим о связях Обонежья с крупными центрами иконописания. Стилизованные аналогии кижскому памятнику можно найти в иконописи и Центральной России, и северных (вологодских) земель. Последнее заслуживает особого внимания. Например, в собрании Череповецкого краеведческого музея находится икона XVI в. «Св. Троица», которая некоторыми особенностями близка кижскому памятнику. На обеих иконах использован прозрачный пигмент светлого белесого тона в живописи одежд. Горки имеют темную подтушевку по краям, а пяточки на горках – сходную скругленную форму с тонкой белильной окантовкой, только на кижской иконе последняя имеет более вытянутые очертания.

Образ Спаса Смоленского имел охранительное значение, поскольку был связан с военными событиями. Возможно, изображение святых северной земли в молении у ног Спасителя акцентирует тему покровительства вышших сил этому краю, что в конце XVI в. имело актуальное значение (наступление шведов на Заонежье). Может быть, «паны» народного сказания неслучайно расстреляли именно эту икону?

Существование Преображенской церкви на протяжении XVII в., в период Смутного времени и после его окончания, полно загадок. Имеются данные, что в храме, где пролилась кровь местных жителей, в течение длительного времени не совершали богослужения²⁷. С иконостасом Преображенской церкви издавна связаны две сравнительно небольшие иконы второй половины XVII в. – «Покров» и «Преображение» (музей-заповедник «Киж»). Эти иконы были принесены в храм перед пожаром в конце XVII в. или непосредственно после него. О пожаре, случившемся от удара молнии на острове Киж (1693–1694 г.), известно из «Переписной и отказной книги крестьянских и бобыльских дворов Спаского Кижского погоста приписанных к железным заводам Бутенанта фон Розенбуша» 1695–1696 гг. В это время, согласно данным И. А. Черняковой и О. В. Чернякова, новая церковь Покрова находилась в процессе

²⁵ Качалова И. Я., Маясова Н. А., Щенникова Л. А. Благовещенский собор Московского Кремля. К 500-летию уникального памятника русской культуры. М., 1990. С. 65. Ил. 167; Знаменитые иконостасы России. Иконостас Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. М., 2011. С. 20 (№ 3).

²⁶ Антонова В. И. Указ. соч. С. 126, 127, кат. № 103; Масляницын С. И. Указ. соч.

²⁷ Предания о панах... С. 125.

Икона «Покров». Последняя треть XVII в.

строительства, а церковь Преображения уже была восстановлена²⁸.

Судя по небольшому размеру икон («Покров» – 75 x 66, «Преображение» – 64 x 52), они, скорее всего, были написаны для иконостаса какой-то часовни, чем большой погостской церкви, или же для размещения в киотах.

Интересно, что в композиционном строе иконы «Покров» можно усмотреть отдаленные следы воздействия рассмотренного выше «Покрова» XVI в., проявляющиеся в том, что и здесь по центральной оси композиции расположены Спаситель, Богородица под сенью покровца и Роман Сладкопевец. За период, равный почти столетию, в расположении боковых групп персонажей и характере архитектурного задника на иконе конца XVII в. произошли существенные изменения. Верхний ярус храма имеет завершение в виде прямого карниза, а пять глав установлены на сужающихся кверху основаниях типа низких шатров. В левой части

композиции представлены, как и на иконе XVI в., три архангела, пять апостолов, патриарх («святитель») и император Лев с придворными, но появилась еще и фигура царицы. В этой части композиции отсутствует лик мучеников, но он перенесен в правую часть и объединен с пророками. В правой части в три ряда изображены ангелы, святители, пророки и мученики. За Андреем Юродивым представлен лик преподобных, которого не было на иконе XVI в. Как и на древнем памятнике, выделяется богатством отделки амвон Романа Сладкопевца. Желтый цвет архитектуры вторит светлому колориту древней иконы, хотя темный цвет фона и полей создает резкий контраст.

Икона написана заонежским мастером, к творческому наследию которого относятся еще два произведения. По мнению И. М. Гурвич, тот же иконописец создал икону «Архангел Михаил грозных сил воевода, в деяниях» 1671 г. из часовни Архангела Михаила в дер. Леликозеро (музей-заповедник «Киж») ²⁹. Очень близка к этим произведениям икона «Почи Господь в день седьмый» из дер. Вегорукса (МИИРК). На основании точной даты иконы из леликозерской часовни мы можем датировать два других памятника последней третью XVII в.

Икона «Преображение» также относится к заонежской иконописи второй половины XVII в. Ее неяркий колорит, упрощенный рисунок фигур, подобные квадратным скобкам лещадки на горках, обилие декоративных деталей на сиянии имеют многочисленные аналогии в искусстве Обонежья этого времени. На каком-то этапе икону вставили в живописную раму довольно крупного размера (139 x 125) с клеймами Страстей Господних, созданную, по авторитетному мнению В. Г. Брюсовой, устюжским иконником во второй половине XVII в. ³⁰ Сложен для решения вопрос о времени появления этой рамы – до или после пожара на Кижском погосте, произошедшем в 1693–1694 гг. Мы не исключаем, что живописная рама к «Преображению» появилась в храме еще до пожара и писалась под размер икон старого иконостаса. Но в таком случае встает

²⁸ Первая публикация источника: Гущина В. А., Гушин Б. А. Новое об истории памятников Кижского архитектурного ансамбля // Вспомогательные исторические дисциплины: Сборник статей. Л., 1987. Т. XIX. С. 347–351; Комментарии к этому источнику см. в ст.: Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 71 (приложение 2, прим. 2).

²⁹ Гурвич И. М. Исследование группы памятников заонежской иконописи последней трети XVII в. (на материале фондов музея «Киж») // Древнерусское искусство: исследование и реставрация. Сборник научных трудов. М., 1985. С. 53.

³⁰ Брюсова В. Г. Русская живопись 17 века. М., 1984. Ил. 188.

вопрос о судьбе несохранившейся древней храмовой иконы: ведь для ее замены нужны были веские основания. Поэтому более вероятно возможность того, что изменения в иконостасе произошли во второй половине 90-х гг. XVII в. и рама к храмовой иконе была среди первых образов, написанных для новой Преображенской церкви. История создания первого (гипотетического) иконостаса обновленного храма – это тема особого исследования³¹.

К убранству «допожарной» церкви может относиться складень со «Св. Троицей» на среднике и резными фигурами Богоматери и Иоанна Предтечи на боковых створках. Средник и створки складня утрачены. Килевидное навершие с живописным изображением Господа Саваофа сохранилось и может быть датировано рубежом XVII–XVIII вв. (МИИРК). В иконостасе новой церкви складень был вставлен в живописную раму середины – второй половины XVIII в. с изображением деяний Св. Троицы (музей-заповедник «Кижь»).

Обратимся теперь к остаткам иконописного убранства древней Покровской церкви, сохранившимся в ныне существующем храме. Согласно описанию иконостаса теплой шатровой Покровской церкви в писцовой книге 1628–1629 гг., в местном ряду слева от царских врат располагалась икона «Богородица Одигитрия» («на золоте»). Справа находились храмовая икона «Покров» («на краске») и «Св. Николай, с житием» («на золоте»). Над местным рядом располагались деисусный чин и праздники («писаны краски»)³².

Какие памятники из этого иконного убранства сохранились до нашего времени? Есть основания считать, что упомянутый житийный образ св. Николая – это икона «Св. Николай, с житием» из собрания МИИРК. Позднее, с учреждением в новой Покровской церкви Никольского придела в конце XVII в., памятник был перемещен сюда, а после упразднения при-

Икона «Преображение». Вторая половина XVII в.

дела (1865 г.) икона вернулась в основной иконостас³³.

В литературе икона датировалась второй половиной XVI в., XVI–XVII вв., XVII в.³⁴ По всей вероятности, она является памятником позднего XVI в., то есть создавалась в ту же эпоху и, видимо, той же артелью иконописцев, что и «Покров».

Средник иконы с поясным образом св. Николая окружен 12 клеймами крупного формата. Это придает иконе несколько архаичный, но характерный для северных произведений облик. Состав сюжетов дан в сокращенном варианте. Изображены только два поставления св. Николая (во диаконы и иереи); явление святителя царю Константину во сне не сопровождается сюжетно связанными сценами избавления мужей от казни; из «морских» чудес включено только «Спасение Дмитрия от потопа»; отсутствует «Перенесение мощей св. Николая из Мир в Бари». Из событий детства св. Николая представлены лишь «Рождество» (объединенное со «Стоянием в купели»)

³¹ По мнению некоторых исследователей (И. М. Гурвич), к этому первому «послепожарному» иконостасу могли относиться северная и южная двери, а также иконы, позднее хранившиеся в трапезной часовни Успения дер. Васильево (МИИРК). Они имеют те же размеры по высоте, что и рама со Страстями. В фондах МИИРК хранится также левый столбик царских врат из Преображенской церкви, датируемый нами рубежом XVII–XVIII вв., который может относиться к этому первому иконостасу.

³² РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. № 308. Л. 384, 384 об.

³³ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Ед. хр. 1/5. Л. 6, 50 об. (Опись имущества вновь исправленного кижского Покровского храма... 1865 г.).

³⁴ Гиппенрейтер В. (текст В. Платонова). Гармония вечного. Древнее искусство Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 44. Древняя живопись Карелии. Фонды музея «Кижь». Каталог / Сост. И. М. Гурвич. Петрозаводск, 1980. С. 9; Живопись древней Карелии. Каталог. М., 1968 (без нумерации и пагинации).

и «Приведение во учение», то есть опущены «Крещение» и «Исцеление сухорукой жены». Интересно, что при таком сокращенном составе сюжетов «Избавление Агрикова сына Василия от плена» представлено в двух клеймах. В первом из них Василий изображен прислуживающим на пире, а во втором отрок показан возвращенным в родной дом. Последняя особенность не уникальна. Она встречается на некоторых памятниках XVI в. новгородского круга. Например, изображение данного сюжета в двух клеймах имеется на новгородской иконе «Никола Зарайский, с житием» 1551–1552 гг. из собрания ЦМИАР³⁵. Близость этих памятников обнаруживается и в композиционном решении, архитектурных мотивах некоторых клейм («Рождество св. Николая», «Приведение во учение»). Небольшое число житийных клейм является довольно типичной чертой икон Русского Севера XVI–XVII вв. Но если обычно изобразительная плоскость плотно заполнена крупными фигурами и деталями фона, то на иконе из Кижей композиции клейм малофигурны, в них много свободного пространства.

Красочная гамма составлена из светлых тонов зеленого, охристого, розового. Яркие, насыщенные цвета отсутствуют. Краски положены по-акварельному легко, полупрозрачным слоем. Плотное красноватое охрение ликов, эмоциональная выразительность некоторых ликов в клеймах, характер декоративных деталей на палатах и использование пигмента водянисто-зеленоватого оттенка сближают это произведение с «Покровом».

К «Покрову» очень близок по исполнению деисусный чин, от которого сохранилось семь фигур средней и правой частей, начиная с образа Богородицы (МИИРК). Левая часть чина, видимо, погибла в пожаре. В центре располагался «Спас в силах», справа от него – Иоанн Предтеча, Архангел Гавриил, апостол Павел, великомученик Георгий и архиепископ новгородский Иоанн. Таким образом, чин до утраты нескольких икон включал не менее 11 фигур. Этот комплекс мы отождествляем с упомянутым в писцовой книге 1628–1629 гг. деисусным чином «на краске», хотя он имеет золотой фон. Дело в том, что, согласно реставрационному исследованию

Н. В. Перцева, первоначальные золотые фоны и поля икон имели три слоя записи³⁶. Первая из них могла появиться уже в первой трети XVII в., перед описанием чина в писцовой книге. В конце XVII в. к чину были добавлены иконы левой части. Сохранились «Архангел Михаил» и «Апостол Петр» (МИИРК). Эти иконы имели две записи на фоне и полях и одну на фигурах. В XIX в. все иконы чина хранились в алтаре церкви³⁷.

По своей иконографии деисус отличается от традиционного древнего новгородского типа, так как в центре располагается «Спас в силах» а не «Спас на престоле», хотя известные обонежские чины XVI в. имеют в центре именно икону последнего типа (чиновые композиции из Кемь, Кондопоги, дер. Пулозеро, дер. Часовенской, Соловецкого монастыря³⁸). Кижский деисус, таким образом, свидетельствует о появлении в Обонежье новой иконографии.

Особого внимания заслуживает икона с изображением новгородского архиепископа Иоанна (в монашестве Илья, умер в 1186 г., приняв схиму под прежним именем Иоанна)³⁹. Как известно, он издавна почитался в Новгороде, а в 1547 г. был удостоен общерусской канонизации⁴⁰. По нашему мнению, включение этого святого в состав деисуса отражает процесс сложения пантеона святых Московского государства. Парным святым в утраченной левой части чина мог быть новгородский или московский святитель.

В стилистике деисусного чина также есть новые для Обонежья особенности. Образы св. Георгия, Архангела Гавриила трактованы с несвойственным ранее искусству этого края лиризмом. Если колорит местной иконописи XV–XVI вв. строился преимущественно на доминирующем трезвучии красного, желтого и зеленого, то в цветовой гамме кижского деисуса появились вишневые,

³⁶ Перцев Н. В. Реставрационные протоколы на иконы Деисусного чина. (См.: Архив реставрационных протоколов Музея изобразительных искусств РК. Протоколы на иконы И-2, 468, 527, 564, 565, 566.)

³⁷ НАРК. Ф. 699. Оп. 1. Ед. хр. 1/5. Л. 4 об. (Опись имущества вновь исправленного кижского Покровского храма... 1865 г.)

³⁸ Указанные иконы хранятся в МИИРК, за исключением чинка из Соловецкого монастыря (Государственные музеи Московского Кремля).

³⁹ Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1862 (репринтное издание 1990 г.). С. 114, 115.

⁴⁰ Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 170, 171.

³⁵ Иконы Твери, Новгорода, Пскова XV–XVI вв. Каталог собрания ЦМИАР / Ред.-сост. Л. М. Евсеева, В. М. Сорокатый. М., 2000. Вып. I. С. 173–178, кат. № 40 (клейма 11–12).

нежно-розовые тона. Мягкий, приглушенный колорит, грузные пропорции фигур, преобладающая спокойно-созерцательная эмоциональная атмосфера роднят деисус с искусством Новгорода второй половины – позднего XVI в. Отдельные черты стилистики (широкие пропорции фигур, неяркий колорит) встречаются уже во второй половине XVI в. (например, «Деисус» 1560-х гг. из Рождественского собора Антониева монастыря)⁴¹.

Следует упомянуть еще об одном комплексе икон из Покровской церкви – оплечном «Деисусе» рубежа XVI–XVII вв. От него сохранилось семь икон из средней и правой части: Архангел Михаил, Богородица, Спас, Иоанн Предтеча, Архангел Гавриил, апостол Павел, преподобный Варлаам Хутынский (кроме того, в старых описях убранства Покровской церкви указана несохранившаяся икона святителя Николая)⁴².

В одной из работ М. В. Алпатова упоминаются иконы Архангелов Михаила и Гавриила из этого чина в качестве примера воздействия московского искусства на иконопись Севера⁴³. Раскрытая позднее икона Спасителя подтверждает этот вывод. Духовное содержание образов деисуса восходит к московской иконописи. Некоторая ретроспективность стилистики оплечного деисуса, обращение к идеалам предшествующего времени, темноватый колорит говорят о знакомстве автора чина с искусством «годуновского» времени⁴⁴.

Рассматривая в целом собрание икон из кижских храмов второй половины XVI – начала XVII в., можно сказать, что в стилистике и иконографии произведений этого периода ощущается сильное воздействие художественной культуры не только Новгорода, но и Москвы второй половины XVI – рубежа XVI и XVII вв. Нельзя исключить, что эти влияния приходили через те центры северной Руси, где были хорошо известны передовые тенденции развития искусства. Такими центрами могли быть города, лежащие к востоку от Обонежья. Как показывает изучение икон, написанных для возрожденных кижских храмов, связи с ними продолжались и укреплялись в конце XVII – начале XVIII в.

⁴¹ Игнашина Е. В., Комарова Ю. Б. Русская икона XI–XIX веков в собрании Новгородского музея. Путеводитель по экспозиции. М., 2008. С. 98. Ил. 54, 55.

⁴² НАРК. Ф. 25. Оп. 12. Ед. хр. 32/ 2. Л. 14. (Опись церквей Преображения Господня и Покрова Пресвятой Богородицы... Кижского погоста... 1867 г.)

⁴³ Алпатов М. В. Андрей Рублев. М., 1972. С. 185. (Прим. 43.)

⁴⁴ Брюсова В. Г. Указ. соч. С. 11.

Икона «Св. Иоанн, архиепископ новгородский». Вторая половина – конец XVI в.

Иконостас Преображенской церкви Кижского погоста и интерьер северорусского храма XVII–XVIII вв.

История развития русского иконостаса обстоятельно прослежена уже архиепископом Димитрием Сперовским, заметившим, что «в XVI столетии успел сложиться тип русского пятирусного иконостаса, к которому присоединялся иногда целый ряд пядничных икон» и что «перемены в иконостасе в течение XVII столетия происходили по большей части в верхних рядах его»¹. По словам исследователя, развитие иконографического содержания высоких многоярусных иконостасов окончилось к началу XVIII в., и «к этому же времени успел окончательно сложиться и тот порядок, в котором должны были размещаться священные изображения, входящие в содержание иконостасов»². Речь идет об общих закономерностях, не исключавших вариативность, примеры чего составляют довольно длинный перечень³. Особый интерес представляют особенности устройства иконостасов этого периода на Русском Севере, преимущественно связанных с деревянным зодчеством.

Показателем роли традиции и элементов своеобразия, думается, может служить четырехъярусный иконостас, украшающий интерьер Преображенской церкви на острове Киж, возведенной в 1714 г. Сохранились документальные сведения и об оформлении

внутреннего пространства более ранних кижских церквей, подвергнутые обстоятельному научному анализу⁴. Первое упоминание о Преображенской и Покровской церквях в Кижях обнаружено в писцовой книге 1582–1583 гг. В писцовой книге 1616–1617 гг. Преображенская церковь упомянута как «древянная с папертьми, верх шатровой», а Покровская – «теплая деревянная с трапезой». Примечательно, что в состав их убранства входили дошедшие до нашего времени иконы второй половины XVI – начала XVII в., в том числе полнофигурный и оплечный деисусы из Покровской церкви. По данным из писцовой книги 1628–1629 гг., иконостас Преображенской церкви состоял из четырех ярусов: местного, деисуса, праздничного и пророческого чинов. Следовательно, он имел структуру, в целом идентичную существующей (рис. 1, 2). В нижнем ряду, справа от царских врат, находилась храмовая икона «Преображение», за нею – «Воскресение», «Покров», «Рождество Богородицы»; слева – «Богоматерь Одигитрия», «Троица-Отечество с деяниями», «Спас Вседержитель», «Пророк Илья с деяниями»; севернее находилась дверь в жертвенник. Как справедливо заключает В. Г. Платонов, «последнее обстоятельство склоняет к мнению, что все иконы размещались в пределах восточной стены, без перехода иконостаса на боковые стены. Исходя из количества икон

¹ Архиеп. Димитрий (Сперовский). Старинные русские иконостасы. Происхождение и разбор иконографического содержания // Высокий русский иконостас. М., 2004. С. 30–31.

² Там же. С. 42.

³ Там же. С. 43–132. Исследование впервые опубликовано в журнале «Христианское чтение» за 1891–1893 гг.

⁴ Платонов В. Г. Храмы Кижского погоста и их убранство в XVI и XVII столетиях // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вологда, 1999. Вып. VII. С. 79–83.

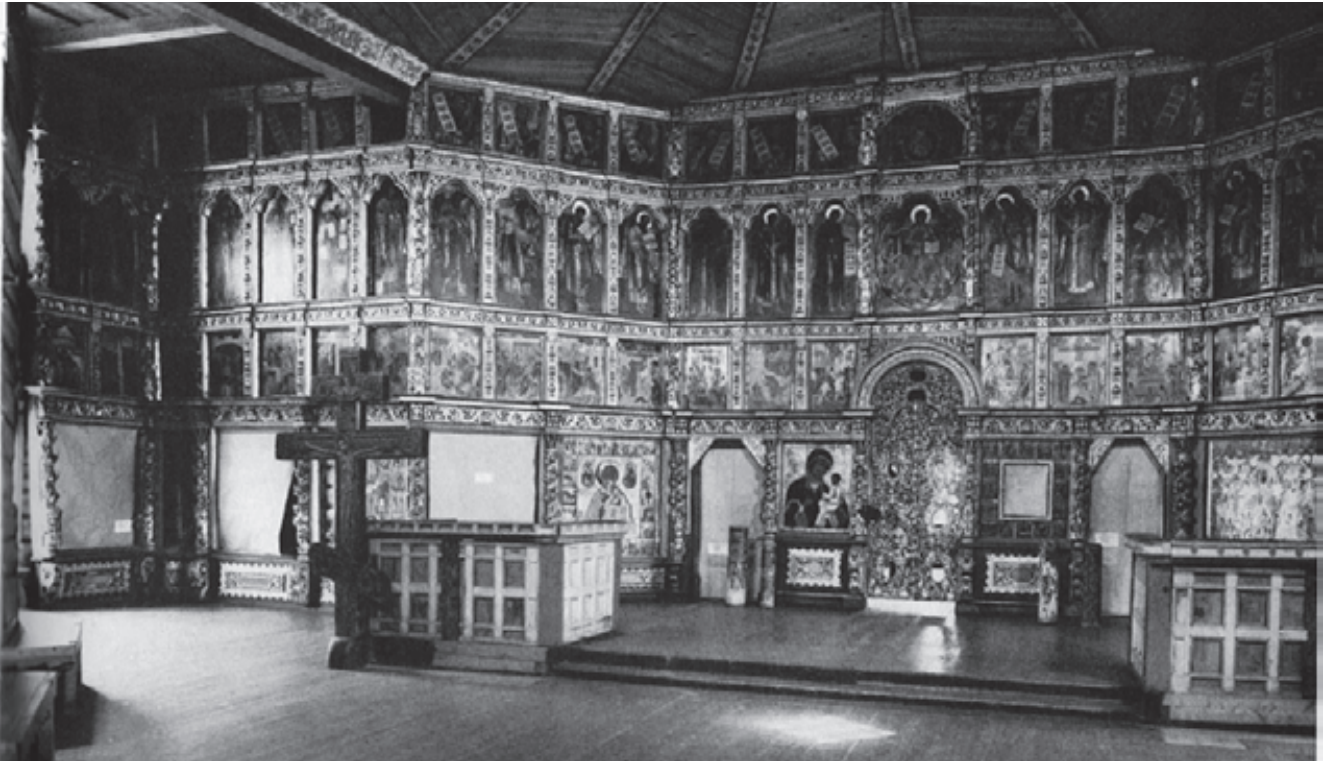

Рис. 1. Иконостас Преображенской церкви Кижского погоста (центральная и северная части). Третья четверть XVIII в.

и их наиболее вероятного размера, длину восточной стены можно принять равной примерно 6–7 м или даже несколько больше, если учесть крупный формат иконы «Покров»⁵. Сохранившаяся храмовая икона «Преображение Господне» (размер 64,0 x 52,0), заключенная в раму первой половины XVIII в., относится ко второй половине XVII в.⁶ Но она может служить воспроизведением более раннего образца. Более проблематичным оказывается происхождение отнесенной к рубежу XVII–XVIII вв. иконы «Отечество со Страстями» (размер 117,0 x 99,0), хранящейся ныне в Челябинске⁷.

Столь же существенны обнаруженные и подвергнутые тщательному изучению описи XIX в. существующей Преображенской церкви, фиксирующие постоянство в оформлении иконостаса, местный ряд которого имеет в указанное время иной, количественно увеличенный, состав изображений⁸. Конечно, проводились

ремонтные и поновления, причем наиболее радикальная переборка приходится на 1903 г.⁹ Таким образом, можно говорить о сохранении первоначальной структуры, но не всех звеньев иконостаса, ввиду утраты определенных деталей. В то же время в Преображенской церкви сохранились тябла первого иконостаса, восходящие к более раннему времени¹⁰.

Существующий кижский иконостас Преображенской церкви, с одной стороны, можно считать типичным для традиционного направления второй половины XVII – первой трети XVIII в., а с другой – несомненно обладающим индивидуальными чертами. Последние отчасти обусловлены его протяженностью вдоль боковых стен, что привело к заметному количественному увеличению икон праздничного, деисусного и пророческого рядов и, соответственно, усложнению иконографического состава. Еще надо отметить обширную солею перед иконостасом, что нетипично для русского средневекового храма. В греческом храме, как известно, солея практически почти исчезла, за ненадобностью, поскольку псалт находится на некотором расстоянии от иконостаса. Судя по снимкам интерьеров новгородских храмов рубежа XIX–XX вв., этот

⁵ Там же. С. 81.

⁶ Пуцко В. Г. Храмовая икона Преображенской церкви Кижского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 188–200. Рис. 1.

⁷ Пантелеева Г. И. Памятники Древней Руси из собрания Челябинской областной картинной галереи. Ч. 1: Иконопись. Челябинск, 2003. С. 10, 84. Ил. на с. 40, 41. Кат. № 44.

⁸ Фролова Г. И. История внутреннего убранства Преображенской церкви на острове Кизи (обзор архивных источников) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 20–35. См. также статью Г. И. Фроловой в настоящем сборнике.

⁹ Там же. С. 32–33.

¹⁰ Платонов В. Г. Храмы Кижского погоста... С. 82.

обычай удерживался и в русской практике, за исключением тех случаев, когда по сторонам солеи надо было разместить группы певцов. Если бы данный иконостас сохранился от времени своего появления в неприкосновенности, он мог бы служить ценным историческим источником по истории оформления церковного интерьера на Русском Севере. Но он дошел с утратами ряда икон местного ряда, претерпевшего изменения в составе сюжетов, на что есть прямые указания. Характерно, что, в отличие от икон у царских врат, остальные огромного размера. Можно не сомневаться в том, что они выполнены именно для данного храма, в связи с одним из этапов его переустройства, коснувшегося самой нестабильной части иконостаса, предполагавшей в качестве обязательных лишь изображения Христа, Богородицы, святителя Николая и храмовый образ. На Русском Севере в том случае, когда его сюжет совпадал с господским или богородичным праздником из числа двенадцатых, изображение помещали непосредственно у царских врат. Это, как отмечено, прослеживается и здесь. Ранняя икона, находившаяся в прежнем сооружении, оказалась меньших размеров и поэтому была помещена в раму с клеймами, иллюстрирующими земную жизнь Христа – страсти Христовы, выполненные в первой четверти XVIII в.

Для храмового интерьера Русского Севера наиболее показательным является устройство четырехрядного тяблового иконостаса, состоящего из местного, полнофигурного деисусного, праздничного и полуфигурного пророческого чинов, как в датированном 1727–1730 гг. Троицком храме Неноксы¹¹ (рис. 3). Надо заметить, что и здесь икона Троицы как храмовая занимает место справа от царских врат, а праздничный чин, в отличие от кижского храма, расположен выше деисусного, в соответствии с московской традицией, установившейся к началу XV в. Об этом позволяют судить иконостасы Благовещенского собора Московского Кремля и Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. Однако они не стали повсеместным явлением, вследствие существовавшей

Рис. 2. Иконостас Преображенской церкви Кижского погоста (центральная часть). Третья четверть XVIII в.

вариативности¹². Масштабное выделение деисусного чина тоже является весьма существенным, засвидетельствованным уже созданным около 1408 г. иконостасом Успенского собора во Владимире. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что полуфигурные изображения пророков иконостаса в Неноксе лишь немного превышают по высоте композиции праздничного ряда. В описываемом кижском иконостасе они оказываются почти равновеликими, несколько уступая последним, что нетрудно заметить даже визуально (рис. 2). Для иконостасов храма Неноксы показательным надо считать еще совмещение на одних иконных досках пророков и праздников, унаследованное от XVII в.

Иконостас Спасо-Преображенской церкви Кижского погоста при сопоставлении с современными ему иконостасами в Неноксе воспринимается как типологически более развитый, с обильной деревянной резьбой, покрывающей также плоские части, соединяющиеся над каждой иконой в арки, имеющие трехлопастную форму. Правда, так

¹¹ A Window on Paradise. Icons from Arkhangelsk. Jyväskylä, 2003. P. 28.

¹² Мельник А. Г. Основные типы русских высоких иконостасов XV – середины XVII века // Иконостас: происхождение – развитие – символика. М., 2000. С. 431–441.

Рис. 3. Иконостас Троицкой церкви в Неноксе. 1727–1730 гг.

оформлены лишь иконы деисусного ряда, тогда как в иных ярусах обрамления сохраняют прямоугольную форму. В целом смена типологии пластического оформления икон северорусского иконостаса не укладывается в четкие хронологические рамки. Естественно возникают и на протяжении определенного времени существуют ансамбли, как бы относящиеся к различным эпохам даже в пределах одного города. Так, в Каргополе храм Рождества Богородицы, построенный в 1682 г., украшает простейшей конструкции тябловый иконостас, с включением пядничного ряда¹³; там же Христорождественский собор имеет великолепный многоярусный иконостас с обильной рельефной резьбой, датируемый XVII–XVIII вв., но, возможно, сооруженный после пожара 1765 г.¹⁴ Иконостас Преображенской церкви тоже относят ко второй половине XVIII в. «При реставрации храма (1759 г.), – читаем в путеводителе, – иконы трех верхних рядов были заменены. В это же время, вероятно, появилась пышная резьба, покрывающая дробным узором вьющихся виноградных лоз все свободные от икон поверхности иконостаса. Это обилие позолоты, сложные формы резьбы и яркость цвета поздних икон лишают интерьер единства стиля. За иконостасом сохранились тябла – горизонтальные расписные брусья-полки, на которые ставились иконы. Они свидетельствуют о том, что старый иконостас был тябловым – четырехъярусным, с большими, более двух метров, иконами в верхнем ряду. Икон, относящихся ко времени

постройки храма, осталось немного – не более десяти. Это в основном доски нижнего, так называемого «местного» ряда иконостаса, где помещались наиболее почитаемые местные святые. Они создавались заонежскими иконописцами»¹⁵. То обстоятельство, что интерьер храма с течением времени видоизменялся, является вполне естественным, как и соединение в составе иконостаса разновременных рядов икон. Для этого могли существовать различные причины.

Вопрос появления и развития русского иконостаса касается прежде всего структуры, иконографической схемы¹⁶. По словам Л. А. Успенского, «по-видимому, нагромождение ярусов привело к тупику, и иконостас превращается в декоративный элемент»¹⁷. Усложнение сюжетного состава изображений, однако, не могло механически привести к нейтрализации содержательного начала, даже по мере заметного усиления пластической орнаментики. Скорее, речь может идти об эстетической роли декоративного обрамления, наглядно подчеркивающего ритмичность образительных элементов иконостасных рядов икон, но при этом как бы намеренно расчленяющего порой очень протяженные композиции. Говоря об этом, тем не менее надо не упускать из вида символический характер последних, отличающий их от представления многофигурных групп в реалистической живописи. Следовательно, умеренная пластическая декоративность, в виде огромного резного обрамления, не могла решительно уничтожить наследие предшествующего периода с его византийскими корнями, уводящими к эпохе Крещения Руси, к рубежу первого и второго тысячелетий¹⁸.

Время появления иконостасов, у которых тябла заменены карнизами, а между иконами полуколонки либо плоские части,

¹³ Алферова Г. В. Каргополь и Каргополье. М., 1973. С. 60–61. Рис. 56.

¹⁴ Там же. С. 43. Рис. 32.

¹⁵ Бартнев И. А., Федоров Б. Н. Архитектурные памятники Русского Севера. М., 1968. С. 24, 26.

¹⁶ Успенский Л. Вопрос иконостаса // Вестник Русского Западно-Европейского патриаршего экзархата. 1963. № 44. С. 223–255.

¹⁷ Там же. С. 235.

¹⁸ См.: Лазарев В. Н. Три фрагмента расписных эпистилюев и византийский темплон // Византийская живопись / В. Н. Лазарев. М., 1971. С. 110–136; Chatzidakis M. L'évolution de l'icone aux 11e–13e siècles et la transformation du templon // XVe Congrès International d'études byzantines. Rapports et co-rapports. III. Art et archéologie. Athènes, 1976. P. 159–191.

Рис. 4. Иконостас церкви Рождества Иоанна Предтечи в Каргополе. Начало XVIII в.

соединяющиеся вверху в арки, широко определяется в границах второй половины XVII – начала XVIII в.¹⁹ Украинский иконостас эти черты обнаруживает уже во второй четверти XVII в., но концепция его художественного развития совершенно иная, более определенно ориентированная на усвоение ренессансных образцов, а во второй половине XVII в. в иконостасную резьбу все активнее проникает барокко²⁰. Давно известно о привлечении к выполнению иконостасной резьбы в Москве во второй половине XVII в. белорусских мастеров, которые, однако, должны были учитывать условия заказа, и поэтому речь не может идти о широком перенесении форм, обязанных совершенно иной культурной традиции. Тем более самой радикальной адаптации они должны были подвергаться в пределах Русского Севера, где консервативные проявления оставались более ощутимы.

¹⁹ Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Ч. 1: Деревянное зодчество. Пг., 1916. С. 330; Соболев Н. Н. Русская народная резьба по дереву. М., Л., 1934. С. 169–180; Бибикова И. М. Монументально-декоративная резьба по дереву // Русское декоративное искусство. М., 1962. Т. 1. С. 85–95. Подробнее см.: Бусева-Давыдова И. Л. Русский иконостас XVII века: генезис типа и итоги эволюции // Иконостас: происхождение – развитие – символика. С. 621–650.

²⁰ См.: Драган М. Українська декоративна різьба XVI–XVIII ст. Київ, 1970.

Рис. 5. Иконостас церкви св. Димитрия Солунского Верхней Уфтюги. 1785 г.

Речь не идет о совершенном неприятии новых течений. Проявление интереса к ним заметно сдерживалось явной осторожностью, если сооружение иконостаса осуществлялось на общинные средства.

Каргопольская церковь Рождества Иоанна Предтечи построена в 1751 г. и представляет двухстолпное одноэтажное сооружение с оригинальной системой сводов и объемов, освещенное тремя ярусами окон²¹. Следовательно, украшавший ее четырехъярусный иконостас мог появиться лишь в третьей четверти XVIII в.²² (рис. 4). Речь идет об его конструкции, о характере карнизов и украшающей их резьбе. Иконы же явно перенесены из деревянного храма, известного по упоминанию с 1561–1564 гг. В иконостасе XVIII в. они, как и царские врата, не везде удачно подогнаны к соответствующим местам, за исключением местного ряда, где изначально учтены размеры существовавших икон; храмовая, как и в Кижях, небольшого размера и соответственно заключена в раму с клеймами из жития Иоанна Предтечи. При всех индивидуальных отличиях, несомненно, есть и общее типологическое сходство с кижским иконостасом, по сравнению с которым иконостас каргопольского храма воспринимается как более камерный и рассчитанный на лучше освещенный интерьер.

Поразительный пример соединения в пределах одной иконостасной композиции разновременных и разнохарактерных икон

²¹ Алферова Г. В. Каргополь и Каргополье... С. 45–48. Рис. 33–38.

²² Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. Каталог выставки / Авт.-сост. Т. М. Кольцова. Архангельск; М., 1995. Ил. на с. 25.

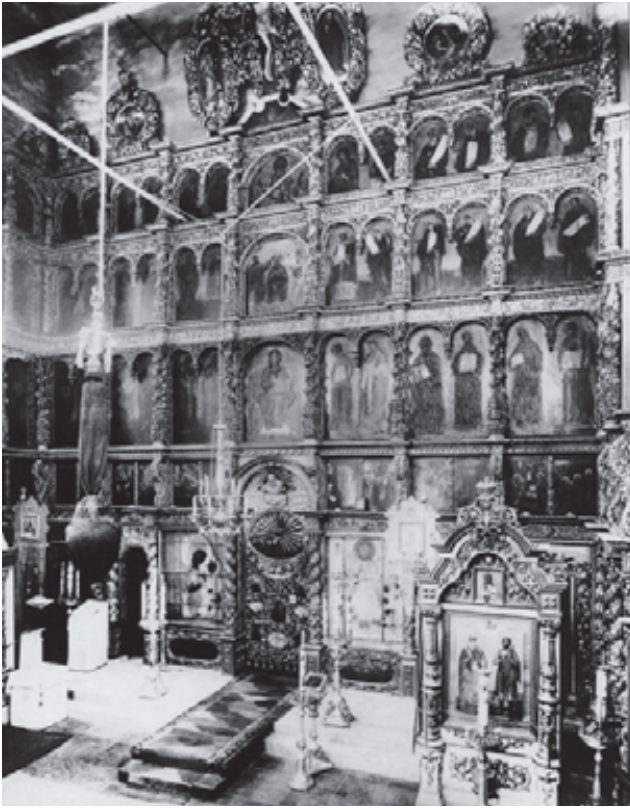

Рис. 6. Иконостас Прокопиевского собора Великого Устюга. Первая половина XVIII в.

и разностильных резных деталей представлял трехъярусный иконостас построенной в 1783 г. деревянной церкви св. Димитрия Солунского в Верхней Уфтюге Вологодской губернии, дополненный размещенными над ним вверху изображением Распятия и праздника²³ (рис. 5). Последние заключены в резные рамы в стиле рококо. В начале 1900-х гг. этот весьма оригинальный ансамбль, украшавший интерьер шатровой церкви, занимая всю ее восточную стену, перед алтарем производил впечатление барочной основы, с более ранними иконами местного и пророческого рядов, возможно, перенесенной из предшествующего храма, дополненной с учетом внутреннего пространства нового. Это в какой-то мере напоминает оформление старообрядческих часовен, с тем отличием, что там не встречаются иконы, композиции которых восходят к западноевропейским гравюрам. Здесь эти признаки вполне различимы.

Для того чтобы рельефнее очертить неоднозначную ситуацию в оформлении северорусского храма XVIII в., необходимо упомянуть замечательный резной пятиярусный иконостас

Прокопиевского собора в Великом Устюге, датируемый первой половиной XVIII в., с иконами XVII–XVIII вв.²⁴ (рис. 6). Стоит привести его характеристику: «Он имеет все основные традиционные членения – горизонтальные, профилированные тябла и сильно выступающие резные ажурные колонки, отделяющие иконы друг от друга. Тонкие переплетающиеся побеги виноградной лозы с гроздьями плодов и листьями как бы опираются на нижние части колонок, состоящие из более крупных, хотя также прорезных растительных завитков. Начиная с третьего, деисусного ряда (второй – праздничный), все колонки соединяются между собой двойными висячими арками с гирькой посередине. Так как на каждой иконе верхних ярусов (за исключением центральных) написано по две фигуры святых, то гирька зрительно как бы отделяет одно изображение от другого, выполняя тем самым роль разделительной колонки. Главная вертикаль иконостаса, проходящая по оси царских врат и венчающего картуша с изображением Распятия, выделена нестандартным оформлением основных, центральных икон всех его ярусов. По своим размерам они превосходят иконы того же чина и заключены в своеобразные полуциркульные арки. Обильная, сочная, сверкающая позолотой резьба, целиком покрывающая тябла и колонки, придает всему иконостасу вид пышного, богато украшенного сооружения, сразу вводя его в круг памятников, отмеченных сильным влиянием нарышкинского барокко»²⁵. Безусловно, это одно из выдающихся произведений своего времени, тяготеющее к столичному кругу памятников, которое могло появиться в богатом Великом Устюге. Позже, в 1776–1784 гг., в окрестностях города появится еще один шедевр деревянной резьбы – иконостас собора Троице-Гледенского монастыря²⁶.

Упомянутые иконостасы, скорее, составляют исключение, как и более ранние иконостасы Соловецкого монастыря²⁷. Это произведения

²⁴ Там же. Ил. на с. 153.

²⁵ Бочаров Г. Н., Выголов В. П. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма. М., 1983. С. 113–114. Ил. 47, 48.

²⁶ Там же. С. 255–257; Мальцев Н. В. Скульптурный декор иконостасов Великого Устюга // Памятники культуры. Новые открытия. 1977. М., 1977. С. 290–295.

²⁷ См.: Мельник А. Г. Ансамбль Соловецкого монастыря в XV–XVII веках. История. Архитектура. Оформление храмовых интерьеров. Ярославль, 2000.

²³ Шелаева Е. Православный мир России в фотографиях конца XIX – начала XX века. СПб., 1998. Ил. на с. 154, 155.

элитарного уровня, связанные преимущественно с наиболее значительными, материально обеспеченными обителями и городскими храмами, имевшими щедрых вкладчиков и большой приток богомольцев. На Русском Севере потребность в оформлении внутреннего пространства храма в основном обеспечивали мастера более скромных дарований, тем не менее обладавшие профессиональными навыками и стремившиеся к следованию установившейся в регионе традиции. Сводка максимального количества известных иконостасов крайне затруднена по причине утраты большинства из них, без своевременно проведенной фотофиксации, поэтому приходится довольствоваться отдельными примерами. В данном случае особый интерес представляют те из них, которые по своему общему характеру заметно напоминают иконостас Преображенской церкви Кижского погоста.

Думается, что одним из них можно считать иконостас, установленный в деревянной Богоявленской церкви Ошевенского погоста Приозерского района Архангельской области, датируемый 1787 г.²⁸ (рис. 7). Он, как и его аналог в Кижях, приспособлен к пространству восьмерика, но при этом скрывает еще за собой иконостас придела. Еще одно индивидуальное, притом трудно объяснимое отличие, заключается в том, что деисусный ряд расположен выше яруса, на иконах которого совмещены изображения праздников и пророков. В итоге образ Богоматери «Воплощение» оказался в центре праотеческого ряда. Не исключено, что в этом надо видеть результат поздней переборки иконостаса, первоначально имевшего пророческий ряд в соединении с праздничным выше деисусного, как в Троицкой церкви Неноксы (см. рис. 3). В характере орнаментального пластического декора тоже много общего, как и в самих иконах, при их иконографических и стилистических отличиях. В целом речь может идти о различных вариантах принципа оформления интерьера, основным украшением которого являлся многоярусный резной иконостас. Во всех случаях иконостас, отделяя алтарь,

полностью закрывает восточную стену храма, а в деревянных сооружениях, октогональных в плане, еще и примыкающие к ней. В Кижях, как и в Неноксе, он находит еще продолжение: в первом случае – вдоль стены трансепта, а во втором – лишь в верхней части вдоль северной и южной стен, над входами в пределы. Открытое пространство деревянного храма дает возможность для восприятия иконостаса в целом.

Другой особенностью интерьера северорусского храма можно считать своеобразную конструкцию потолочного покрытия в форме пологой усеченной пирамиды, радиальные грани которой возвышаются к центральному кольцу или прямоугольнику, известную под названием «небо»²⁹. Она становится известной в XVII в. и получает широкое распространение в следующем XVIII в., к середине которого принадлежат «небеса» с фигурами праотцев Преображенской церкви в Кижях³⁰. В сюжетном отношении композиции «небес» отличаются разнообразием: известны также изображения Божественной литургии, архангелов, апостолов. Явно угадывается тематическая связь с изображениями в трибуне купола или между окнами барабана в новгородских каменных храмах более раннего времени³¹. В этом плане и опосредствованная генетическая связь с палеологовской стенописью Константинополя не представляется сомнительной и тем более совершенно невероятной³².

Консервативность уклада Русского Севера должна была в какой-то мере способствовать сохранению в церковном интерьере определенных черт устройства, которые давно утрачены в Центральной России. Известно о том, что богослужение у греков имеет свои отличительные черты по отношению

²⁹ Подробнее см.: Кольцова Т. М. Росписи «неба» в деревянных храмах Русского Севера. Архангельск, 1993.

³⁰ Тарасова Т. Г. Кижский архитектурный ансамбль в коллекции фотоматериалов музея-заповедника «Кижский» (общий обзор) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 169. Ил. 3, 4.

³¹ Кольцова Т. М. Росписи «неба» ... С. 44-45.

³² Гнедовский Б. В. К вопросу о происхождении перекрытия «небом» в древнерусском деревянном зодчестве // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 126-130. См. также: Grabar A. La décoration des coupoles à Karye Camii et les peintures italiannes du Dugento // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien, 1957. Bd. 6. P. 111-124.

²⁸ Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера... Ил. на с. 18.

Рис. 7. Иконостас Богоявленской церкви Ошевенского погоста. 1787 г.

к русскому³³. Есть отличия и во внутреннем убранстве храмов, которые нельзя не заметить³⁴. Как уже было сказано, в греческих храмах солея чрезвычайно сокращена в своих размерах.

Да и амвон бывает порой так мал, что его целиком покрывает архиерейский орлец. Между тем в некоторых северорусских деревянных храмах оказывается отдельно существующий квадратный в плане либо октогональной формы амвон, чаще всего двуступенчатый. В одних случаях он вплотную придвинут к солею и как бы образует с ней единое целое (см. рис. 5). Но в других, при отсутствии солеи, как в Троицкой церкви Неноксы (см. рис. 3) и в Богоявленской церкви Ошевенского погоста (см. рис. 7), этот амвон находится на некотором расстоянии от иконостаса. Предназначался этот помост для произнесения ектений и чтения Евангелия. Это отголоски византийского обычая устраивать в центре храма подобное возвышение, представленное в миниатюрах греческих рукописей X–XII вв.³⁵ Разновидностью его является широко известный резной амвон 1533 г. из Софийского собора в Новгороде³⁶. В XVIII в. подобные находящимся в северорусских храмах, но преимущественно

круглой формы амвоны можно заметить в интерьере церквей в Сербии³⁷ и на Украине³⁸. Во всех отмеченных случаях надо видеть отголоски единой древней традиции.

В отличие от украинских деревянных храмов, открытых внутрь³⁹, северорусские предполагают применение потолков, ограничивающих кубатуру нагреваемого объема⁴⁰. Это в значительной мере предопределило характер многоярусного иконостаса, который, как правило, плотно вписывался в отведенное для него пространство, оказывая исключительное влияние на восприятие интерьера. И Преображенская церковь Кижского погоста в целом не представляет исключения.

Интерьер церквей Русского Севера в течение длительного времени, естественно, подвергался переделкам и поновлениям, отражавшим вкусы своего времени. Вместе с тем сохранялись и традиционные черты, которые даже сегодня производят сильное впечатление как результат живого творчества, обязанного глубокому усвоению высоких достижений средневековой духовной культуры.

³³ Архиеп. Василий (Кривошеин). Некоторые богослужебные особенности у греков и русских и их значение // Богословские труды / Архиеп. Василий (Кривошеин). Нижний Новгород, 2011. С. 644–661.

³⁴ Пуцко В. Интерьер православного храма нового времени в Греции и России. По материалам российско-греческой экспедиции на Санторини // Альфа и Омега, 2011. № 2 (61). С. 380–386.

³⁵ Moran N. K. Singers in Late Byzantine und Slovonie Painting. Leiden, 1986. P. 26–32. Ill. 1, 22–24.

³⁶ Ключанова О. В. Новгородский амвон 1533 г. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 373–385.

³⁷ Медаковић Д. Путеви српског барока. Београд, 1971. Сл. 48, 60.

³⁸ Картины церковной жизни Черниговской епархии из IX-вековой ее истории. Киев, 1911. Табл. после с. 122.

³⁹ См.: Таранушенко С. А. Монументальна дерев'яна архітектура Лівобережної України. Київ, 1976.

⁴⁰ Ср.: Красовский М. Курс истории... Ч. 1. Рис. 283–290, 318, 322, 324, 332, 335, 338, 346, 349, 358, 364, 372; Орфинский В. П. Особенности деревянного культового зодчества Карелии // Архитектурное наследство. М., 1983. № 31. С. 17–27.

Отражение тенденций развития русской культуры XVIII века в эволюции художественного убранства Преображенской церкви Кижского погоста

Облик Преображенской церкви с ее многоярусной, динамично развивающейся вверх композицией и наполненным светом пространством интерьера отразил новые тенденции развития русской церковной архитектуры, связанные с органическим развитием художественного образа, а также с влиянием европейских стилей маньеризма и барокко¹. Глубинные основания для такого решения, столь отличающего кижский храм от церковных сооружений Русского Севера предшествующего времени, следует, на наш взгляд, искать в обновленном понимании мира и человека, зародившемся в России во второй половине XVII в. и достигшем Севера в следующем столетии. Культурные связи с Западной Европой, развитие точных наук давали новую информацию о природе. Просвещенные люди XVIII в., такие как государственный и церковный деятель Петровской эпохи Феофан Прокопович (1677 или 1681–1736), доходили в этом новом осмыслении мироздания до идей пантеизма и деизма². С огромной поэтической силой потрясение человека перед величием Божественного мироздания выразил Михайло Ломоносов (1711–1765) – северный крестьянин по рождению, ставший великим русским ученым: «Открылась бездна, звезд полна; Звездам числа нет, бездне дна»³.

Окружающая жизнь вошла в круг интересов творцов новой русской культуры гораздо смелее, чем в предшествующее время. В литературе XVII–XVIII вв. получили развитие новые светские жанры бытовой, нравоучительной повести, рассказывающей о нравственных проблемах повседневной жизни человека. Новые явления были характерны и для народного искусства. В резьбе по дереву XVIII в. возросло стремление к скульптурной объемности формы и декора⁴. В живописном оформлении деревянных изделий появляется свободная кистевая роспись с пышными, объемно трактованными цветочными мотивами⁵.

Новое мироощущение формировало обновленный подход к архитектурному образу. В нем значительную роль стали играть элементы динамики, декоративной пышности. Иначе, чем ранее, стала восприниматься и роль света в интерьере культового здания. Не только в гражданской, но и в церковной каменной архитектуре второй половины XVII в. появляются большие окна, через которые хорошо освещался интерьер. Тесное пространство старинных деревянных храмов, слабо освещенное смешанным светом, льющимся от лампад, свечей и из небольших окон, сменилось внушительными объемами зального типа, залитыми дневным светом.

¹ Виппер Б. Р. Архитектура русского барокко. М., 1978. С. 9, 10.

² Ничик В. М. Феофан Прокопович. М., 1977. С. 21–43.

³ Ломоносов М. В. Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния // Избранные произведения. Л., 1986. С. 205–206.

⁴ Чекалов А. К. Предметы обихода из дерева // Русское декоративное искусство. Т. 2. Восемнадцатый век. М., 1963. С. 16.

⁵ Каменская М. Н. Роспись по дереву // Русское декоративное искусство. Т. 2. Восемнадцатый век. М., 1963. С. 118.

Кижская Преображенская церковь, план которой основывался на древнерусской традиции «круглого храма о двадцати стенах», принадлежала в то же время к числу храмов с новым архитектурным обликом, «величественным символом торжества и мира»⁶. Каким же должно быть иконописное и декоративное наполнение подобного храмового интерьера? Заказчиков убранства церкви в лице крестьянского мира уже не устраивали иконы, написанные в традиционном ключе. В Преображенской церкви они хотели видеть иконы, стиль исполнения которых отражал бы веяния эпохи и отвечал характеру интерьера. Мастера нового направления уже имелись на Севере, хотя и за пределами Обонежья, в городах Подвинья и Вологодских земель.

Тябловый иконостас Преображенской церкви создавался в течение некоторого периода первой четверти XVIII в. Мы не знаем, каким был первоначальный местный ряд. Некоторые авторы полагают, что его иконы сохранились, до середины XX столетия находясь в трапезной Успенской часовни дер. Васильево на острове Киж, где их обнаружили финские войска при оккупации Заонежья⁷. В состав этого комплекса могли также входить северные и южные алтарные двери («Лоно Авраамово, Насажденный рай, Плачемся и рыдаем», «Пророк Даниил во рву львином»), оставшиеся в составе иконостаса. Иконы из трапезной васильевской часовни написаны в компромиссном стиле рубежа XVII–XVIII вв., сочетающим традиционные приемы с новым пониманием иконописного пейзажа и возросшей объемностью личного письма.

Другой артелью мастеров созданы иконы трех верхних ярусов – праздничного, деисусного и пророческого. Каждая иконная доска верхних ярусов иконостаса имеет широкие пропорции и, соответственно, большие плоскости сияющего золотого фона. Это создает эффект интенсивного свечения всего иконостаса. На иконах праздничного

ряда с золотыми фонами сочетаются светлые холмистые пейзажи, густо покрытые мелкой растительностью, совсем не похожие на традиционные иконные позымы и горки. В сюжетах, происходящих на фоне пейзажей, первый план занимает полоска почвы, как бы несколько отдаляя изображенную сцену от зрителя. На втором плане холмы нередко поднимаются почти до верхнего края иконы («Христос и самарянка», «Жены-мироносицы у гроба»). Тем самым создается эффект погружения сцены в пейзажное окружение, при котором пейзаж воспринимается уже не как фон, а как среда действия. Это впечатление усиливается благодаря введению развернутых видов Иерусалима (сохраняющих фантастический характер) со многими зданиями и высокими шатрами («Распятие», «Жены-мироносицы»). В сценах, происходящих в интерьерах («Покров», «Успение», «Первый Вселенский собор» и др.), иконописец делает попытки изобразить «нутряные палаты» с шашечными полами (без признаков перспективы) и видами на заднюю стену комнаты или зала с большими окнами.

Новая трактовка коснулась и персонажей деисусного и пророческого рядов. Это поистине могучие фигуры, наделенные массивными пропорциями. Торсы изображены по-прежнему плоскостно, причем их грузность отчасти скрадывается роскошными орнаментами на одеяниях («Медост», «Григорий Богослов» и др.). Легкая подтушевка контуров и складок несколько восстанавливает пластический эффект. Наиболее ясно новшества видны в письме ликов. Художник энергичными высветлениями по темному санкирю выявляет объемность формы, передает затененность участков по контурам и под бровями, усиливает мясистость щек старческих ликов, мягко моделирует скругленность овалов лиц молодых апостолов и пророков.

Тябла первого иконостаса имели белый фон, по которому шли ярко расцвеченные крупные растительные орнаменты. Эти цветные полосы четко делили иконостас на ярусы, восстанавливая в определенной степени впечатление плоскостной, структурно четкой преграды, какой всегда был традиционный тябловый иконостас.

⁶ Ополовников А. В. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М., 1955. С. 56.

⁷ Гурвич И. М. Предложения по реконструкции иконостаса Преображенской церкви в Кижях в тябловый // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск, 1986. С. 94, 95.

Во второй половине XVIII столетия в местном ряду иконостаса произошли существенные изменения. Здесь были заменены многие иконы на вновь написанные заонежским иконником (или, скорее, артелью), который со времен Л. Петтерссона носит наименование «кондопожского мастера» по живописному ансамблю в кондопожской Успенской церкви⁸.

Эти иконы написаны в ином колористическом ключе, нежели ранее созданные произведения. В цветовой гамме преобладают сгущенные красные, охристые, коричневые, синие, зеленоватые тона. Окружающий мир предстает на этих иконах в своей земной телесности. Художник стремится передать фактурные особенности изображаемых деталей пейзажа. Темные массы облаков прописываются полупрозрачными слоями белил, что придает им легкость и воздушность. Охристого цвета холмы перекрываются по контуру коричневыми мазками и украшаются темно-зелеными деревьями и крупными темно-коричневыми травами. Грузные фигуры персонажей утрачивают иконописную легкость, невесомость. В личном письме художник стремится усилить объемное начало, прописывая одутловатые лики белильными высветлениями по темному санкирю.

Вероятно, уже на первом этапе формирования художественного убранства интерьера здесь появилось «небо». Иконы «неба» расширяли иконографическое содержание убранства храма и придавали завершенность его художественному оформлению. Неизвестно, какого характера была первоначальная живопись этого комплекса. Надпись на тябле говорит о возобновлении «небес» в 1759 г.⁹ Именно эти иконы зафиксированы на фотографиях, сделанных в период войны при разборке «неба». Это последнее «небо», судя по его фотографиям, было декоративно чрезвычайно насыщенным, имея сходство с аналогичным комплексом из дер. Корба. Можно предположить, что живописное исполнение первоначальных «небес» начала XVIII в. было иным, более легким, по характеру письма и колорита.

Объемный резной иконостас, некоторые части которого могли быть привезены из

другого региона, компоновался и дополнялся недостающими деталями непосредственно в Кижях в начале второй половины XVIII в.¹⁰, при возможном участии вологодского резчика Степана Афанасьева¹¹. Эта резная рама поддерживала и развивала те пластические эффекты, которые были заложены в иконах. Мотивы резьбы иконостаса: виноградная лоза, листья, растительные побеги и пр. – вносили новые смысловые оттенки в интерьер храма, напоминая о блаженстве в райском саду, утраченном грешным человечеством¹². Распространение резного иконостаса на Руси началось еще во второй половине XVII в. На Русском Севере резные иконостасы появились сперва в каменных городских соборах, но есть сведения об устройстве резных иконостасов и в некоторых деревянных храмах Севера уже во второй половине XVII в., например в Успенской церкви с. Варзуга на Кольском полуострове (1674 г.)¹³. Появление подобных иконостасов в Заонежье было только вопросом времени. Здесь мода на их устройство распространилась во второй половине XVIII в. Думается, что резной убор в Преображенской церкви появился в начале этого процесса и стал примером для других храмов. В 1784–1785 гг. в церкви св. Варвары с. Яндомозеро Кижского погоста (1650-е гг.) производились выплаты «за работу иконостаса в церкви рещику Хотюю Германову»¹⁴. В ту же эпоху или несколько позднее была создана резная рама иконостаса в Успенской церкви с. Кондопога Кижского погоста (1774 г.), сменившая тябловый иконостас¹⁵. Таким образом, установка резного иконостаса в Преображенской церкви отвечала художественным устремлениям

¹⁰ Пищик И. И. Загадки иконостаса Преображенской церкви в Кижях // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 140, 141.

¹¹ Гуцин Б. А. «Возмутитель» из Вологды // Север. 1978. № 8. С. 84–86.

¹² Звездина Ю. Н. Растительный декор поздних русских иконостасов. О западных источниках символики // Иконостас. Происхождение – развитие – символика. М., 2000. С. 656.

¹³ Бартенев И. А., Федоров Б. Н. Архитектурные памятники Русского Севера. Л.; М., 1968. С. 97.

¹⁴ НАРК. Ф. 694. Оп. 1. Ед. хр. 1/1-а. Л. 95 об. – 97. (Приходо-расходные книги Варваринской церкви Яндомозерского прихода Петрозаводского уезда за 1775–1864 гг.)

¹⁵ Смирнова Е. С. По берегам Онежского озера. Л., 1969. 25, 26.

⁸ Pettersson L. Äänisniemen kirkollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950. S. 331.

⁹ Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья. Иконы из собрания музея-заповедника «Кижь». Петрозаводск, 2008. С. 139.

эпохи и распространению в Заонежье новых принципов декора храмового пространства.

Мастера резной рамы проявили чуткость в отношении структуры традиционного тяблового иконостаса, сохранив его деление на четыре ряда. В то же время они ввели акценты, создающие новые ритмы. Прежде всего, была ясно обозначена центральная ось композиции иконостаса, для чего подняли арку сени царских врат на уровень праздничного ряда, выделили икону «Спас в силах» деисусного ряда колонками с виноградом, снабдили икону «Богоматерь Знамение» пророческого яруса овальным завершением. Иконы деисусного чина получили выделяющие их в общей композиции трехлопастные обрамления. На изломах иконостаса по углам восьмерика и прирубов были установлены столбики с объемной резьбой (мотив виноградной лозы), делящие длинный и несколько однообразный ряд икон двух верхних рядов на неравные части. Благодаря этим акцентам, стена из икон обрела

динамику, которую в определенной степени можно сопоставить с ритмом волнообразного изменения размеров главок церкви по ярусам.

Заключая обзор эволюции художественного убранства Преображенской церкви, мы хотели бы присоединиться к мнению А. И. Байера, который писал по поводу исторической обусловленности развития архитектурного образа Преображенской церкви и ее храмового декора: «Уходя корнями в глубокую древность, Преображенская церковь в то же время наиболее полно, по сравнению с другими, дошедшими до нас произведениями деревянного зодчества, отразила тенденции, характерные для быстро развивавшейся каменной архитектуры XVII века, причем в формах и приемах, присущих деревянной. Именно в этом выразилась сила народной северной культуры, ее самобытность, способность остро реагировать и действительно соперничать, быть активным участником развития общерусской культуры»¹⁶.

¹⁶ Байер А. И. К вопросу о проекте воссоздания первоначального иконостаса церкви Преображения на о. Кижы // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск, 1986. С. 114.

Художественное убранство Преображенской церкви Кижского погоста (тябловый и резной иконостасы, живопись «неба»)

Церковь Преображения Господня на острове Кижь – всемирно известный памятник народного деревянного зодчества. За 300-летнее существование значительным изменениям подвергался не только её экстерьер, но и интерьер, включая главный композиционный элемент – иконостас.

Документальные материалы по истории Преображенской церкви, сохранившиеся фрагменты древнего тяблового иконостаса, каркас «неба»¹, фризы, обрамлявшие потолочный свод, а также почти полный комплекс икон резного иконостаса позволяют проследить эволюцию её художественного убранства от церкви-предшественницы (с начала XVII века) до настоящего времени.

В писцовой книге 1628–1631 гг. даётся описание первоначального тяблового иконостаса, состоящего из «Деисуса с праздники и с пророки на красках... и образов местных»².

В местном ряду располагались иконы «Пророк Илья с житием», «Спас Вседержитель», «Троица-Отечество с деянием», «Богородица Одигитрия». Справа от царских врат находились – «Преображение» (храмовая), «Воскресение», «Покров» и «Рождество Богородицы».

¹ «Небом» называется потолок церкви, напоминающий своеобразный внутренний шатёр. Конструктивной основой «неба» служит жёсткий каркас, состоящий из радиально направленных наклонных балок, собранных в центре вокруг прочного замкового кольца. Треугольные просветы между ними заполнены иконами.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 308. Л. 382–383 об. 1628–1631 гг. (Новгородский уезд. Писцовая книга Спасского погоста в Кижях Никиты Панина да подъячего Семёна Копылова.)

Иконы «деисуса с праздники и с пророки...» не перечислены.

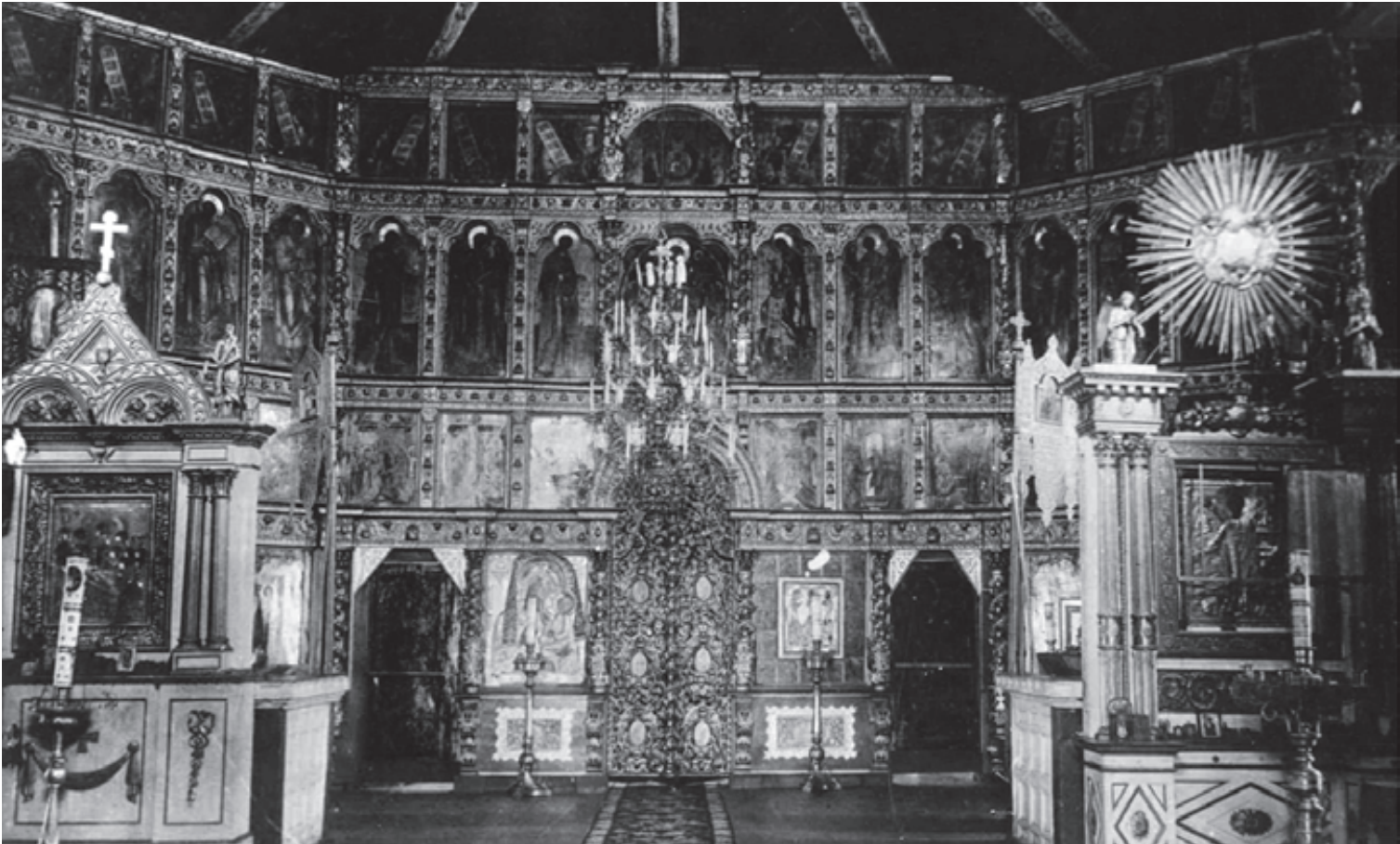
Наличие икон с указанием: «писаны на золоте», «серебряные венцы», «гривны с золочением», обложенные серебром кресты, выносные кресты «на золоте» – свидетельствует о торжественном иконописном убранстве, выдержанном в строгом традиционном виде. Древний тябловый иконостас был гармоничен с бревенчатым интерьером церкви. Ничто не нарушало их единства.

Интерес представляет образ «Троица-Отечество с деянием». Видимо, именно эта икона была передана в 1966 г. из Музея изобразительных искусств Карелии Челябинскому художественному музею³. В настоящее время икона под названием «Св. Троица Новозаветная со страстями» (Ж-612) рубежа XVII–XVIII вв. находится в основной экспозиции Челябинского областного музея искусств⁴. Особенностью иконы является новая для северного региона того времени иконография и расширенный цикл из 22 клейм, посвящённых Страстям Господним. Икона относится к числу редких для Обонежья произведений.

Появление в иконостасах северных церквей местных икон с данной тематикой свидетельствует о расширении содержания иконописного убранства. Видимо, данные

³ Список экспонатов обменного фонда, исключённых из фондового учёта по различным причинам. МИИРК. 1966 г. (б/н).

⁴ Спасти и сохранить. Выставка икон и картин, реставрированных художником-реставратором Челябинской областной картинной галереи В. П. Кочевым / Авт.-сост. Г. И. Пантелеева. Челябинск, 1995. С. 14–16.

Интерьер Преображенской церкви. Фотография Ф. Морозова. 1926 г.

мотивы стали важными для иконописцев в контексте духовных поисков тех времён⁵.

Сравнение сюжетного состава местных рядов иконостасов церковью Преображения Господня в первой трети XVII в. и в середине XVIII в. свидетельствует о значительном увеличении количества икон (с восьми до четырнадцати образов).

Иконы местного ряда занимают в художественном убранстве церкви одно из значительных мест. Состав местного ряда отражал локальные особенности почитания святых, праздников церковного календаря, был связан с религиозными традициями регионов и духовными интересами крестьянского мира.

Особенности народного православия нашли отражение в крестьянской среде в почитании святых – покровителей домашнего хозяйства и скота: святых Николая, Георгия, Ильи, Параскевы Пятницы, Флора и Лавра.

В дальнейшем в иконостасах появились образы северных святых – основателей монастырей:

⁵ Платонов В. Г. Роль народной религиозной культуры в формировании местного ряда иконостасов в храмах Карелии 17–18 веков // Труды Карельского научного центра Российской Академии наук. Петрозаводск, 2011. № 6. С. 24. (Серия «Гуманитарные исследования». Вып. 2.)

Зосимы и Савватия Соловецких, Варлаама Хутынского и Александра Свирского.

По наблюдениям исследователей, народная религиозная культура была очень консервативна и с трудом допускала изменения в составе местного ряда⁶.

При изучении истории создания и формирования художественного убранства церкви за столь длительный период существования необходимо учитывать разные аспекты, в том числе иконостасное обрамление (тябловый, резной); сюжетный состав икон, особенности иконографии; стабильность, устойчивость иконостасных рядов; перемещение, замену икон; демонтажные работы, предпринятые в связи с ремонтами и непредвиденными обстоятельствами (военные действия, вывоз икон в другое государство, возврат и воссоздание иконостасов на прежнем месте).

Во вновь отстроенной после пожара конца XVII века церкви Преображения Господня (1714 г.) первоначальный иконостас также был тябловым и состоял из четырех ярусов. Этот иконостас, имевший лишь горизонтальные членения иконных рядов, обладавая особой

⁶ Там же. С. 27.

торжественностью, находился в полной гармонии со строгим интерьером бревенчатой церкви, живописным тябловым «небом» и красочными фризами, обрамляющими потолочный свод. Каркас «неба», расписные тябла и фризы являются подлинными элементами первоначального убранства Преображенской церкви, которое частично сохранилось и свидетельствует, что роспись «неба» и прежнего тяблового иконостаса, по всей видимости, представляли собой единый в хронологическом отношении живописный комплекс.

В 1943 году, во время оккупации Заонежья, при демонтаже иконостаса финский исследователь Ларс Петтерссон зафиксировал наличие нескольких «древних карнизов», сохранившихся за резной рамой иконостаса с изображением цветочного орнамента и херувимов на белом фоне⁷.

После демонтажа финнами икон иконостаса и «неба» на месте сохранились фрагменты тябел, принадлежавшие первоначальному тябловому иконостасу, конструкция каркаса, существовавшего на момент демонтажа иконостаса, тябла «неба», а также фризы, обрамляющие стены собственно – церковного помещения и частично иконостаса.

К величайшему сожалению, демонтированные в годы оккупации финнами иконы «неба» были утрачены⁸. Оставшиеся в церкви тябла «неба» сохранились и находятся в фондах музея «Кижь»⁹. Там же хранятся тябла старого иконостаса.

В фондах музея «Кижь» сохранились акварельные зарисовки тябл иконостаса и «неба», выполненные в 1946–1947 годах Н. А. Ильинской, Л. М. Лисенко и Б. В. Гнедовским¹⁰.

В 1949 году архитектор А. В. Ополовников также отметил, что «...за новым иконостасом сохранились расписные тябла старого иконостаса»¹¹.

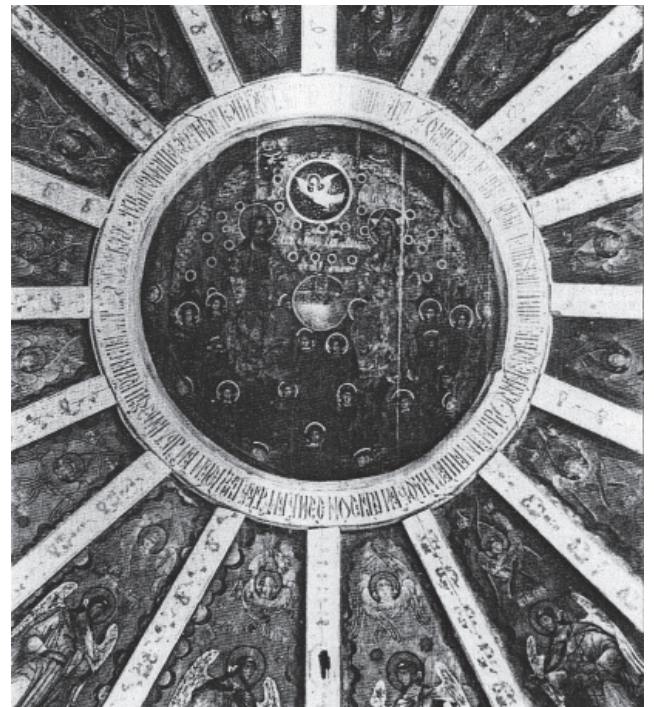
⁷ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1108. Л. 3 (Гущина В. А. Иконостас Преображенской церкви. К вопросу об изучении истории его создания. Материал к конференции, посвящённой 280-летию Преображенской церкви (1714–1994 гг.). Петрозаводск. 1994 г.).

⁸ В письме начальника Управления по делам архитектуры при Совете Министров К-ФССР Д. Масленникова секретарю ЦК КПСС Ю. В. Андропову сообщается, что зимой 1945 года иконы «неба» «...завхоз Дома культуры истопил на дрова» (НАРК. Ф. 2916. Д. 3/32. Л. 54–55. 1948 г.).

⁹ ФМК. КП-2625/1-16; КП – 2625/17. А, Б.

¹⁰ ФМК. КП-11357-11360. КП-267/29-37; КП-5996/1-9. См. рис. 4–12 к статье Л. С. Харебовой в настоящем сборнике.

¹¹ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1129. Л. 18. (Ополовников А. В. Объяснительная записка к проекту реставрации Преображенской, Покровской церквей и колокольни на Кижском поезде Карело-Финской ССР. Москва, 1949 г.).

Фрагмент «неба» Преображенской церкви. Фотография И. Библина. 1904 г.

В 1980 году во время снятия на реставрацию трёх икон деисусного яруса за иконами центральной части иконостаса обнаружилась часть старого расписного тябла. Оно было прибито прямо к срубу большими коваными гвоздями и явно свидетельствовало о прежнем месте расположения тяблового иконостаса. Существующий иконостас был смещён непосредственно от алтарной стены и соседних с нею граней на 0,5 метра вперёд. Были видны врубки для крепления других тябл. Это даёт возможность определить размеры каждого яруса первоначального тяблового иконостаса, состоявшего также из 4 рядов. Высота его была несколько ниже: она определялась высотой центрального объёма основного помещения, до его перехода в потолочный свод. Настоящий иконостас скрывает эту грань и выступает за неё, нарушая естественную и логичную архитектурную схему в месте сопряжения сруба восьмерик с конструктивным устройством «неба».

Первое упоминание о «небе» Преображенской церкви зафиксировано на западном фризе, где имеется надпись: «Возобновлены сии небеса в лето мироздания от Рождества по плоти Бога Слова 1759»¹².

О наличии «неба» в Преображенской церкви упоминается в Описи имущества Преображенской церкви 1867 года, где поимённо

¹² ФМК. КП-2629/6.

Алтарь Преображенской церкви. Фотография Ф. Морозова. 1926 г.

перечислены иконы. Приведем текст данного документа: «В куполе образ Пресвятой Троицы круглый, вокруг написана молитва Господня. Вокруг сего образа: Праматери Еввы и Сары, Авеля и Сифа, Зоровавеля и Ионы, Ноя и Нафана, Рувима, Иосифа при распятии Господнем и Мафусаила, Захарии и Еноха, Адама и Авраама, Исаака и Нафана, Иосифа и Аарона, Мелхиседека... Иоакима и ..., Вениамина и Арета, св. Симеона Богоприимца. Над каждым из этих образов находятся изображения ангелов»¹³.

Все иконы «неба» были разделены тяблами в количестве 16 единиц. В центре находится замковое кольцо, вокруг него располагается текст молитвы «Отче наш», причем надпись читается в зеркальном отражении.

*Отче нашъ иже еси на небесѣх,
да стится имя твое да приидетъ
царствие твое да будет воля твоя яко на нѣбе
и на земли. Хлебъ нашъ насущный даждь нам
днесь и оставляемъ должникомъ нашимъ
и не введи насъ во искушение
но избави насъ отъ лукавогo*¹⁴.

«Небо» церкви Преображения Господня не имело угловых икон («парусов»), так

как собственно церковное помещение имеет восьмигранную форму.

В Национальном архиве Финляндии хранится архив Ларса Петтерссона, выявленный по моему запросу сотрудником музея «Кижы» Т. Ю. Дудиновой¹⁵. Среди документов имеется перечень икон неба и материалы их фотофиксации. Состав икон представлен в следующей таблице:

*Перечень икон «неба» Преображенской церкви
(по данным Ларса Петтерссона)*¹⁶

1.	Херувим, ангел; 4 /136-2. Авраам и Адам.	425x250
2.	Серафим, ангел; 4 /137-2. Иоавов и Исаак.	467x193
3.	Херувим, ангел; 4/138-2. Аарон и Иосиф.	470x178
4.	Серафим, ангел; 4/139-2. Лот и Мелхиседек.	450x227
5.	Херувим, ангел; 4/140-2. Святая Анна и Иоаким	450x222
6.	Серафим, ангел; 4/141-2. Арид и Вениамин	451x205
7.	Херувим, ангел; 4/142-2. Пророк Иов и праотец Симеон.	446x210
8.	Серафим, ангел; 4/143-2. Афонасий и Симеон Богоприимец	417x220
9.	Херувим, ангел; 4/144-2. Пророк Захария и Енох	420x245
10.	Серафим, ангел; 4/145-2. Иосия и Святой Владимир	455x203
11.	Херувим, ангел; 4/146-2. Иосиф Аримафейский и Мафусаил	455x215
12.	Серафим, ангел; 4/147-2. Рувим и Малахия	452x214
13.	Херувим, ангел; 4/148-2. Ной и пророк Нафанаил; 4/148-3. Ной.	452x224
14.	Серафим, ангел; 4/149-2. Зоровавель и пророк Иона.	464x212
15.	Херувим, ангел; 4/150-2. Авель и Сиф.	467x198
16.	Серафим, ангел; 4/151-2. Ева и Сарра	420x245
17.	Новозаветная Святая Троица (медальон). 4/152	260x260
18.	Деталь медальона. 4/152 ¹⁷	

Выявленные в Национальном архиве Финляндии материалы представляют большую ценность для разработки данной темы.

Там же хранится неопубликованная рукопись книги Ларса Петтерссона и Пенти Хярконена «Преображенская церковь» (планировалась к печати в 1944 году), в которой авторы

¹³ НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 32/2. Л. 17 об.

¹⁴ ИИМК. Фотофонд 2. 84751. 190–7248. (Кижский погост. Преображенская церковь. «Небо». Фото Билибина И. 1903–1904 гг.)

¹⁵ Каталог коллекции Ларса Петтерссона. Восточная Карелия – негативы 1942–1944. Заонежье и Кижы. №№ 1–1107 и 2000–2533 (1108–1199 – разрозненные фотографии). Фотографии и негативы Л. Лааксвири. Кижская летняя церковь. Иконопись куполообразного потолка. С. 4.

¹⁶ Указанные размеры икон – в сантиметрах.

¹⁷ См. рис. 15–17 к ст. Т. Г. Тарасовой в настоящем сборнике.

значительное внимание уделили описанию живописи икон «неба»¹⁸.

В книге впервые зафиксированы живописные особенности икон. Представляю данный текст в переводе Т. Ю. Дудиновой¹⁹.

Авторы отметили: «Наше представление об иконописном искусстве Преображенской церкви было бы не полным, если бы мы не коснулись иконописи „неба“, икон на куполообразном потолке в кафоликоне. По характеру письма иконы „неба“ являются иными, чем иконы иконостаса. Они были предназначены создать иллюзию неба, дать представление о мире парящих ангелов, возвышающихся до небес, деятелях Ветхого Завета, прародителях рода человеческого, патриархах, царских особах и протоиереях. Центральной иконой „неба“ является, изображённая в медальоне Новозаветная Святая Троица; от неё лучами отходят 16 секторальных икон, поддерживаемых тяблами. Во всём изображении присутствует динамика движения... Фигуры ангелов и фигуры, изображённые в нижних частях секторальных икон, написаны таким образом, что они обращены к западу, к входу в церковь, образу шествия, напоминающее деисусный ряд иконостаса. Шествие с двух сторон приближается к центральному изображению, Святой Троице. Во всём прослеживается такая же строгая последовательность, как и в иконостасе...»

Так же, как на иконах, из деисусного и пророческого ряда на иконах „неба“... персонажи Ветхого Завета, представлены индивидуально. Они все разные, по-разному одеты и у каждого своя поза... Во время создания икон „неба“ было принято во внимание будущее расположение икон высоко над головами прихожан. Для этого максимально передана детальность икон. Так облака и фигуры обрисованы толстыми линиями. Интенсивность мазков присутствует в прорисовывании складок одежды, где использованы мазки с палец толщиной. Фон икон тёмный, сине-зелёный. По краям и между плывущими облаками мы встречаем яркую гамму красок: белый, оранжевый, красный и зелёный

цвета, а по внешнему краю красно-коричневый цвет. У ангелов и святых роскошные одежды. Особенно красиво одеты Мелхиседек, Вениамин, Захарий. На них дорогие парчовые одежды, их пурпурные мантии обрамлены мехом горноста. Можно предположить, что такая одежда могла быть праздничной одеждой русских бояр. Скромные зелёные плащи наброшены, например, на Адама, Ноя, Малахия. Ковчег, который несёт Ной, погружённый в свои мысли; красного цвета, у него криволинейный нос, как у онежской лодки.

В центре медальона, в окружении серафима и херувима, восседают Бог Отец и Иисус, держащие яблоко царства небесного... В самом верху в мандорле изображён белый голубь – образ Святого духа на фоне лососево-красного цвета, украшенного звёздами.

Хотя иконы „неба“...кажутся более ранними по сравнению с иконами иконостаса, возможно из-за потемнения красочного слоя и повреждения поверхности икон, едва ли есть сомнения в том, что они не могли быть написаны в одно время с иконами иконостаса. На это обстоятельство указывают многие детали, как самих изображений, так и красок. Кто был автором икон „неба“, этот вопрос остаётся открытым. И необязательно, что иконопись „неба“ могла быть полностью создана не тем мастером, который написал иконы для иконостаса.

Рассматривая строение церкви, мы предполагали, что в иконописи данного „неба“ есть подражание византийским традициям и сводам русских каменных церквей... „...но иконам (Кижского) «неба» нет прообразов в Заонежье и в Олонецком крае, наоборот, они сами явились образцами для подражания при создании «небес» Заонежских часовен, построенных в 18 веке“».

Дополнением к данному тексту может послужить описание, сделанное сотрудником музея «Кижский» Г. И. Фроловой²⁰

По её описанию, «16-ти клинное «небо» с изображением «Новозаветной Троицы» представляет «сослужение ангелов и праотцев». Живопись граней имела многочастную композицию, состоящую из изображений шестокрылов, ангельского чина, праотцев и сюжета, связанного с распятием Иисуса Христа.

¹⁸ Национальный архив Финляндии. Коллекция Ларса Петтерссона. Б/н. Л. 61–71. (Pettersson L., Härkönen P. Kiizän Kirkastuskirkko: Aunuksen kirkkotaiteen ylväin muistomerkki: [Рукопись. Б. г.]. 71 s.)

¹⁹ Pettersson Lars, Harkonen Pentti. Kiizän Kirkastuskirkko. S. 61–63.

²⁰ Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья. Иконы из собрания музея-заповедника «Кижский». Петрозаводск, 2008. С. 141.

Роспись на тяблах «неба» Преображенской церкви. Акварельные зарисовки Н. А. Ильинской. 1946 г. (ФМК. НВФ-11357, 11360)

Исследователь сожалеет о том, что на фотографии, представляющей «небо», видна только верхняя часть клиньев. Автор отмечает традиционное изображение верхней части ореола, состоящего из серафимов и херувимов и расположенных под ними ангелов: «На каждом клине представлено по одному ангелу. Их одежды двух видов: хитоны с гиматиями. По позам ангелы разделены на 4-е группы: 1) с указующей левой рукой; 2) с зеркалами; 3) в предстоянии с раскрытой и направленной к зрителю ладонью; 4) ангелы, двумя руками придерживающие трезубец. Все ангелы правой рукой держат трезубцы.

На другой фотографии видны нижние половины четырёх восточных клиньев, которые получились очень тёмными: на них просматриваются лишь отдельные фрагменты фигур праотцев. В этом, нижнем, регистре изображены праотцы в парном предстоянии. На центральном восточном клине просматриваются явно женские фигуры-праматери Ева и Сара. Традиционно они размещаются рядом с праотцами Авраамом и Адамом... Следуя правилу начинать опись икон от центра, писец первыми среди изображений называет праматерей. Икона, которая должна быть первой... та, что связана с распятием Христа... сюжет имеет отношение ко кресту, изображения которого традиционно завершали многие иконостасы...»²¹.

По мнению Г. И. Фроловой, «...отсутствие икон и чётких фотографий, а также дополнительных документов не позволяет рассуждать о живописных достоинствах „небес“. Мы вынуждены ограничить исследование предварительным иконографическим обзором, дальнейшее продолжение которого возможно при выявлении других архивных документов»²².

Исследователь подтверждает датировку «неба» 1714 годом, что позволяет говорить об одновременности создания живописного интерьера Преображенской церкви²³.

Следует принять во внимание целостный комплекс архитектурно-конструктивного решения интерьера Преображенского храма. Композиционное решение внутреннего пространства, его художественные особенности приводят к органически целостному восприятию образа всего культового сооружения.

Архитектор-реставратор Б. В. Гнедовский отнес «небо» как архитектурно-художественный приём древнерусских зодчих к числу самых высоких творческих достижений²⁴.

Он писал: «Среди многообразных форм перекрытий молельных залов деревянных церквей наиболее эффектен и сложен потолок „небом“. Это высшая точка поисков предельной торжественности и парадности внутренних

²¹ Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья. С. 141.

²² Там же. С. 141.

²³ Там же. С. 143.

²⁴ Гнедовский Б. В. К вопросу о происхождении перекрытий «небом» в древнерусском деревянном зодчестве // Культура Средневековой Руси. Л., 1974. С. 126–130.

пространств древнерусского деревянного храма. „Небо“... образовано веерообразно расположенными балками... образующими вместе с широким кольцом сложную пространственную систему. Расписанные цветистым „травным“ орнаментом плоскости балок, входящие во внутреннее пространство храма, обрамляют иконы...

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о наличии сооружений с такой системой перекрытий далеко не полны... Но даже примерный перечень таких объектов... помогает понять истинный масштаб распространения этого интересного и пока ещё во многом загадочного художественного приёма...

Большинство сооружений с перекрытием „небом“ находятся на территории Ленинградской и Архангельской областей, Карельской АССР и тяготеющих к ним районов Костромской и Вологодской областей...

Значительно труднее определить хронологические рамки развития... этого художественного приёма. Можно сравнительно легко проследить верхнюю границу – примерно середина 19 в., когда „небо“ прослеживается лишь при возведении небольших клетских часовен, сохранившихся лучше всего в сёлах Заонежья. Но гораздо сложнее отыскать истоки возникновения этой формы потолков...

Сама форма потолка „небом“ в виде уплощённого усечённого шатра выдаёт своё первоначальное происхождение. Нельзя объяснить случайностью, что... большая часть приходится на шатровые и многоглавые храмы с восьмикатным завершением сруба. Именно здесь „небо“ располагается совершенно естественно и органично. Возможно, что эта система перекрытия является трансформированным отголоском первоначального убранства так называемых „открытых внутрь“ шатров – единственным ныне материальным свидетельством их былого существования»²⁵.

Гнедовский Б. В. считает, что «...внутренние пространства русских деревянных церквей приобретают неожиданное сходство с украшенными мозаиками и фресками каменными купольными храмами далёкой Византии и романского средневековья». Автор приводит в пример роспись купола мечети Кахрие

Джами (конец XIII – начало XIV в.)²⁶. Как видим, это уже второе упоминание о сходстве формы «неба» с византийскими храмами.

Таким образом, в представлении автора процесс формирования перекрытия «небом» в древнерусском зодчестве является результатом одного из наиболее ярких проявлений творческой связи Руси с крупнейшими центрами мировой художественной культуры.

Б. В. Гнедовский констатирует необычайную устойчивость традиции «неба»²⁷.

«Небо» в интерьере храма становится вторым после иконостаса по значению композиционным и смысловым центром²⁸.

Знаменательно, что московский реставратор Н. Е. Мнёва, которая вместе с реставратором В. Г. Светличной (Брюсовой) по распоряжению И. Э. Грабаря была направлена в 1945 году в Петрозаводск для разбора вывезенных финнами икон, впервые встретила в Петрозаводске с иконами, образующими «небеса», называя их «шатровыми досками». Она писала: «Иконы эти по преимуществу огромного размера. <...> Они написаны на досках различной формы в виде треугольников, кругов, цилиндров... предназначенных для оформления шатров и прилегающих к ним частей с внутренней стороны деревянных церквей. Это изображение: Архангелов, Апостолов, пророков, трубящих ангелов, олицетворяющих собой части света; Благовещения, Спаса, Херувимов»²⁹.

Автор сетует на финнов, разоривших «...замечательное внутреннее убранство, созданное искусством плотника, резчика и живописца»³⁰.

Впечатление от возвращённых из Финляндии икон XV–XVIII веков было воспринято Н. Е. Мнёвой с необычайным интересом к новому, неведомому ранее, искусству крестьянской живописи Заонежья.

Автор отметила характерные особенности икон XVII века: суровость и экспрессивность,

²⁶ Там же. С. 128.

²⁷ Там же. С. 129.

²⁸ Добровольская Э. Д. Памятники народного деревянного зодчества России в творчестве Бориса Гнедовского. 40 лет в реставрации: 1947–1988. М., 2000. С. 64–65.

²⁹ ГТГ. Ф. 67. Д. 508. 1945 г., июль. Л. 5–6 (Доклад Мнёвой Н. Е. о результатах обследования памятников древнерусской живописи, скульптуры и резьбы в Петрозаводске в 1945 году в июле месяце).

³⁰ Там же. Л. 7.

²⁵ Там же. С. 126–127.

Ной и Нафанаил. Фрагмент иконы «неба» (Ларс Петтерссон, 1944)

упрощённость манеры написания, не снижающей выразительности и силы образа. Палитра, по её наблюдениям, включает три-четыре цвета с преобладанием рыжеватой охры, багора³¹ и тёмно-синего. Встречается более пёстрая палитра: красная кирпичного оттенка, лилово-розовая, густо-синяя, жёлтая, а также белые пробела, вносящие особое оживление. Особое внимание Н. Е. Мнёва уделяет отдельным иконописным комплексам «шатровых досок», примитивности их исполнения, неуклюжести поз, но при этом «...с богатым орнаментальным оформлением, подчёркивающим чувство прирождённого иконописца»³².

Автор отмечает: «В этих иконах очень много фольклорного, сказочно-фантастического. Много народной непосредственности восприятия... В красочной симфонии... чувствуется радостное восприятие мира»³³.

³¹ Багор-краска, соответствующая цвету византийского пурпура.

³² ГТГ. Ф. 67. Д. 508. 1945 г., июль. Л. 4–5. (Доклад Мнёвой Н. Е. о результатах обследования памятников древнерусской живописи...)

³³ Там же. Л. 5–6.

Подчёркивается: «Чутьё художника и монументалиста сказалось особенно в крупных фигурах... Святые написаны как бы одним взмахом кисти, очерчивающим всю фигуру сильным и твёрдым контуром. Складки одежд прочерчены широкими энергичными линиями»³⁴.

Таким же эмоциональным было восприятие В. Г. Светличной (Брюсовой) возвращённых из Финляндии икон. Осмотр икон оставил огромное впечатление: «Нашему взору впервые предстало замечательное явление в русской живописи 17–18 века – Заонежская школа», – вспоминала В. Г. Брюсова. Она также впервые встретилась с необычными, разноформатными иконами (круглыми, трапециевидными, треугольными), была незнакома с местом нахождения этих «расписных досок» в церковном интерьере, предчувствуя какую-то «определённую систему внутреннего оформления»³⁵.

Таким образом, Н. Е. Мнёва и В. Г. Светличная (Брюсова) впервые встретились с неизвестными им ранее разноформатными иконами и не были знакомы с обозначающим их термином – «небо», используя свою терминологию: «шатровые доски», «расписные доски».

В. Г. Брюсова отметила, что во время реставрации «...засияли краски удивительной интенсивности и красоты – бирюзовые, киноварные, золотистая охра... Живопись... не утратившая... яркости цвета, отличается своеобразием стиля. Широкое и свободное письмо сочетается с достаточно высоким профессионализмом и пониманием декоративно-го назначения живописи»³⁶.

Выражая своё восхищение и удивление, В. Г. Брюсова пишет: «...в стране дикой и пустынной, „краю непуганых птиц“, в стране дремучих лесов и бесчисленных озёр, в этом „крестьянском царстве“ отложился пласт культуры глубиной в тысячелетия, созданы художественные ценности, отвечая самому изысканному вкусу»³⁷.

Качество и объём работы, выполненной В. Г. Брюсовой совместно с её учеником Г. Жаренковым, «...только что окончившим художественное училище, способным

³⁴ Там же. Л. 6.

³⁵ НА МЗК. Б. н. (Брюсова В. Г. В Карелии. Рукопись. С. 2–3.)

³⁶ Там же. С. 4–5.

³⁷ Там же. С. 14.

реставратором, мастером своего дела», в дальнейшем позволило доверить ей ответственное дело – восстановление интерьера кижской Преображенской церкви³⁸.

Учитывая все достоинства, открывшиеся при знакомстве с местной иконописью, В. Г. Брюсова предложила следующее: «Я выяснила возможность в принципе восстановления „неба“ в Кижской церкви. Мне кажется, если мы поднимем этот вопрос в Методсовете, он может быть решён положительно. Работу эту мог бы выполнить Жаренков»³⁹.

Таким образом, идея воссоздания «неба» в интерьере церкви Преображения Господня рассматривалась ещё в 1956 г.

Кроме того, при первичном ознакомлении с иконостасом Преображенской церкви В. Г. Брюсова отметила его значимость, но «...не столько по художественной ценности самих икон (иконы ремесленного письма 18–19 веков), сколько потому, что они являются неотъемлемой частью интерьера этого уникального памятника северного деревянного зодчества»⁴⁰.

На примере сохранившихся комплексов икон «небес» В. Г. Брюсова считает: «Особняком от иконостаса стоят большие так называемые „местные иконы“ и треугольные шатровые расписные доски из Кижей. Эти памятники являются продуктом богатейшей творческой фантазии и высокого мастерства художников местной, самостоятельной школы.

Реставрация их раскроет невиданную по размаху картину самобытной художественной культуры...»⁴¹.

Проектом реставрации Преображенской церкви, проводимой с 1949 по 1959 год, под руководством московского архитектора А. В. Ополовникова предусматривалось восстановление подвесного потолка (без росписи)

³⁸ Там же. С. 5.

³⁹ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 17/163. Л. 12. (Письмо В. Брюсовой председателю Госкомитета по делам строительства и архитектуры при Совете Министров Карело – Финской ССР Р. Б. Соломонову от 27.01.1956 г.)

⁴⁰ НАРК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 3/32. Л. 63. (Светличная В. Г., ст. реставратор, научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи. План реставрационных работ по памятникам древней живописи, собранной из церквей Заонежья и хранящейся в Государственном Карело-Финском ССР музее г. Петрозаводска.)

⁴¹ Там же.

Иисус Навин и князь Владимир. Фрагмент иконы «неба» (Ларс Петтерссон, 1944)

с заполнением каркаса тёсом, уложенным «в ёлку», с целью закрытия зияющей пустоты чердаков. Потолку была придана форма тесового заполнения каркаса «неба».

По мнению архитектора А. В. Ополовникова, реставрация живописи потолка, «...её практическое осуществление представляется очень мало реальным, по крайней мере в ближайшие годы. Поэтому говорить здесь об исходных данных для её возможного восстановления ещё преждевременно»⁴².

А. В. Ополовников особо отмечает роспись тябл «неба» Преображенской церкви, представляющую значительный интерес: «...по белому фону балок вьются простые и жизнерадостные орнаменты растительных мотивов: красные, жёлтые, синие, зелёные. Не считая центрального кольца, здесь шестнадцать балок и нет среди них двух с одинаковым орнаментом, каждый отличен от других»⁴³.

⁴² НА МЗК. Ф. 1 Оп. 3. Д. 2732. Л. 40–41. (Ополовников А. В. Отчёт о реставрации памятников деревянного зодчества – Преображенской и Покровской церквей и колокольни на Кижском погосте. 1957.)

⁴³ Ополовников А. В. Русский Север. М., 1977. С. 218.

Грани восьмерика в местах их соединения с балками «неба» выделены широкими плоскостями досок, украшенных крупным растительным орнаментом. Такая же широкая расписная доска-фриз была скрыта рамой резного иконостаса (его центральной частью). Роспись этой доски-фриза отличается изображением серафимов.

На одной из таких досок, расположенной над входом в церковное помещение, как известно, сохранилась надпись о возобновлении икон «небес».

За исключением двух указанных досок-фризов, шесть остальных имели идентичный узор. В настоящее время из восьми полотен сохранилось шесть (два фриза утрачены).

В связи с заменой первоначального иконостаса новым, выполненным в стиле пышного барокко, с обильным золочением резной рамы, интерьер храма изменился в значительной степени.

Сложный резной орнамент, высокое мастерство его исполнения придавали иконостасу величавый, торжественный вид, но при этом внесли диссонирующее звучание в прежний интерьер. Исчезло гармоничное единение с оказавшимися вдруг такими неуместными расписными тяблами «неба» и красочными фризами потолочного свода. Крупная, словно клубящаяся, резьба иконостасной рамы и спокойная акварельная роспись тябл «неба» и обрамляющих потолок фризов, вошли в явное противоречие между собой.

Нарушенное стилистическое единство интерьера не вызывает эмоционального отклика, не пробуждает чувства, как было прежде. Но при этом сразу возникает впечатление от ослепительного сияния позолоты.

Тем не менее барочный иконостас вошёл в соответствие с экстерьером памятника, отразившим новые тенденции в развитии церковной архитектуры, связанные с влиянием европейского стиля барокко. Пышное многоглавие, динамичный взлёт куполов, вихревая пульсация объёмных форм церкви Преображения Господня отразили новое время и новые требования: восторжествовал стиль барокко, который был наиболее прогрессивным для того времени. Растущие международные

Пророки Лот и Мельхиседек. Фрагменты иконы «неба»
(Ларс Петтерссон, 1944)

связи всё более требовали приближения к европейским нормам жизни.

В связи с этим С. Агафонов отмечает, что кижская Преображенская церковь близка церкви в Филях (1693 г.) и по торжественно-праздничному

образу, и по системе построения объёмной композиции, а также её динамичности, смягчению переходов от одной объёмной формы к другой.

При этом автор поясняет: «Динамика устремлённой вверх многоглавой пирамидальной композиции Преображенской церкви представляется на первый взгляд причудливо сложной. Но это лишь то внешнее впечатление, которое требовал новый стиль времени и задуманный автором триумфальный образ. Сама же структура здания максимально проста и строго логична. Она основывается на традиционном плане древнейшего типа и на простейших приёмах, определяемых возможностями горизонтальных венцов. Эти простейшие элементы – выступы прямоугольных клеток, бочки и главы – многократно повторенные, дают небывалое пластическое богатство, показывая высокое мастерство и фантазию зодчего»⁴⁴.

Таким образом, подъём экономической и культурной жизни Карелии в начале XVIII века, связанный с бурными преобразованиями Петра I, вызвал оживление и в духовной жизни, потребовал смены стиля и поисков нового выражения образа в церковном и гражданском зодчестве. Возможно, именно поэтому вместо мемориального образа сгоревшей в 1694 году церкви Преображения Господня традиционного шатрового типа в Кижях появилось здание, созданное мастерами, воспринявшими новизну прогрессивного для того времени барочного архитектурного мышления.

Барочные формы распространялись и проявлялись повсеместно. Память о них сохранилась в «рваных» фронтонах оконных наличников деревенских крестьянских домов, что свидетельствует об органичной связи церковного и гражданского зодчества.

По мнению С. Агафонова, «в объёмно-пространственной структуре Преображенской церкви нашла законченное выражение система построения барочной формы, верно понятая и претворённая в классически прекрасный образ»⁴⁵. Далее автор утверждает: «...значение Преображенской церкви для истории всей нашей культуры особенно важно как материальное свидетельство того, что духовная культура народа... в начале 18 в. практически не отличалась от общеевропейской. И строители, и заказчики были вполне подготовлены к восприятию... принципов барокко, пришедших на смену средневековому строю искусства»⁴⁶.

Со временем экстерьер с явно выраженными особенностями стиля барокко был приведён в единое, хотя и противоречивое, целое с обновлённым интерьером, в котором строгий тябловый иконостас был заменён, как известно, на изысканно-пышный барочного типа.

Новизна экстерьера и художественного убранства интерьера требовала обновления и в стиле написания икон, к этому времени уже подготовленного в столичных регионах.

Торжество стиля барокко в данный период подтверждает правило: «Традиция не мёртвое копирование прошлого, а жизнь в развитии».

На примере Преображенской церкви тенденции новизны в форме своеобразного «деревенского» барокко проявились ярко, сохранив при этом дух крестьянской самобытности в главном – уважении к деревянной основе срубной конструкции.

Мир воспринял это безоговорочно, подтвердив уникальность культуры деревянного зодчества России.

⁴⁴ Агафонов С. Кижы – памятник барокко? // Архитектура и строительство России. 1989. № 12. С. 7.

⁴⁵ Там же. С. 8.

⁴⁶ Там же. С. 8

Сохранение и реставрация
Преображенской церкви

А. А. Чусов
В. А. Скопин
А. Ю. Любимцев

О реставрации церкви Преображения Господня на о. Кизи

История реставрации Преображенской церкви в Кизях начинается уже с конца XVIII века. Фундамент церкви изначально представлял собой систему угловых валунов и несвязанное каменное заполнение, которые довольно быстро просели под колоссальным весом конструкции в 600 тонн. Следы ремонтов рассказывают нам о попытке предков компенсировать все возрастающие деформации церкви из-за преобладающих юго-западных ветров и просадки основного восьмерика по отношению к пределам. Но основные проблемы проявились к середине XX века. Ремонтно-реставрационные работы на Кижском погосте начались в 1948 г. под руководством архитектора Б. В. Гнедовского, с 1949 г. руководителем работ становится архитектор А. В. Ополовников. Реставрация продолжалась в течение 7 лет, до 1955 г. В ходе работ были восстановлены тесовые кровли, исправлены повреждения железных кровель глав и бочек. Вероятно, эти работы носили временный противоаварийный характер с целью устранения протечек, так как в последующем металлическое покрытие глав и бочек было заменено на лемеховое, а полицы и кровля трапезной стали тесовыми. Также были заменены отдельные сгнившие бревна сруба, местами поставлены коронки, разобрана обшивка стен. Восстановлен интерьер церкви. В 1965 г., в связи с появлением деформаций, установлены сжимы на стенах основного восьмерика и стяжки в районе повалов восьмериков.

Однако ухудшение технического состояния памятника продолжалось, и в 1980 г. начался новый этап работ. Государственным предприятием НИИ «Спецпроектреставрация» и карельской специальной научно-реставрационно-производственной мастерской был выполнен демонтаж иконостаса и интерьера церкви. Затем, в 1982–1983 гг., Петрозаводским СМУ треста «Союзпромбуммонтаж» осуществлен монтаж внутреннего металлического каркаса, предназначенного для предотвращения увеличения деформаций памятника, а в последующем – для вывешивания сруба при проведении реставрации.

В процессе монтажа металлического каркаса были разобраны пол и потолок-небо церкви. В связи с этим внутри памятника организован интенсивный естественный воздухообмен, в результате которого приостановилось развитие дереворазрушающего гриба на деревянных конструкциях. Кроме того, деформации сруба остановились, поэтому необходимость в экстренных мероприятиях по спасению памятника отпала.

В последующие годы выполнены работы по установке сжимов по стенам верхнего восьмерика и другим стенам сруба (1984–1988 гг.), заменены кровельные покрытия, восстановлены крыльцо с заменой сгнивших элементов и полы в трапезной, отдельные участки стен и нижние венцы антисептированы (1985–1988 гг.)

С 1983 г. организован постоянный мониторинг деформаций памятников кижского архитектурного ансамбля. Московским институтом «Спецпроектреставрация» разработана схема мониторинга и разбита сеть стационарных штативов для геодезического наблюдения.

С 1995 г. осуществляется мониторинг био-разрушений древесины памятников погоста.

В 1997 г. в музее организован Плотницкий центр под руководством Н. Л. Попова, который с первых дней работы начал заниматься проблемами Преображенской церкви. В 2000 г. по инициативе Н. Л. Попова был разработан эскизный проект реставрации памятника, с которого началась нынешняя реставрация Преображенской церкви.

Реставрация Преображенской церкви на острове Киж ставила перед архитектором, инженерами, реставраторами и заказчиком ряд сложных задач. Перечислим главные:

- Заготовка реставрационного спецлеса, не уступающего по качеству историческому материалу.
- Восстановление конструктивной прочности срубовых конструкций с последующим их усилением.

- Реставрация деструктурированных бревен протезированием, установкой вставок, обеспечивающих дальнейшую продолжительную службу их в срубе.

- Использование при восстановлении элементов церкви исторических технологий. Качество исполнения не должно быть ниже оригинала.

- Устройство надежных фундаментов, исключающих возможность просадок.

- Максимально возможное устранение деформаций памятника.

- Восстановление интерьера церкви с установкой отреставрированного иконостаса на свое историческое место.

- Восстановление жесткой системы балок подклета с последующим ее усилением.

- Укрепление и усиление диагональных стен 1-го восьмерика.

- Укрепление с частичной заменой четвериковых балок 1-го и 2-го четверика.

- Усиление опор балок 1-го четверика на диагональные стены.

- Восстановление пространственной совместной жесткости существующих конструкций потолка «небо» и дубль-кровли с их усилением.

Часть отреставрированного и обжатога в уровне балок 7-го пояса в цеху

Часть отреставрированного и обжатога в уровне балок 7-го пояса в цеху (вид сверху)

Реставрационный комплекс

Вывешенный храм Преображения с собранным 7-м и частью 6-го пояса

- Обеспечение совместной работы срубов восьмериков с четвериком и прирубов с устройством дополнительных соединений и связей.

Причем решение всех вышеперечисленных задач должно было осуществляться с учетом утвержденных международных реставрационных норм и согласовываться с экспертами ЮНЕСКО.

На сегодняшний день можно уверенно сказать, что проект реставрации Преображенской церкви в Кижях доказал свою состоятельность, так как уже на октябрь 2013 г. большая часть поставленных на этом объекте задач была решена. Вспомним, как начиналась реализация этого проекта.

С начала 2000-х гг. музей-заповедник «Кижь» начинает ряд подготовительных работ, предшествующих реставрации храма. Одно из важнейших – строительство реставрационного комплекса на острове Кижь. Удивительно, но у этой идеи были противники, которые считали, что реставрировать лучший из деревянных храмов России можно на улице под открытым небом. Тем не менее завод появился прежде всего благодаря настойчивости руководителя работ Н. Л. Попова. Были построены два цеха: в одном из них предполагалось хранение разобранных элементов церкви на специальных балках с ячейками, в которых бревна наилучшим образом могли проветриваться, в другом должны были осуществляться собственно переборка и реставрация сруба. Второй цех состоял из огромного неотапливаемого помещения для переборки самой церкви, теплого цеха для «ювелирных» работ по спасению (протезированию) бревен, а также комплекса помещений, обеспечивающих комфортные условия работы реставраторов.

Важные подготовительные мероприятия были осуществлены в 2007 г. Был сдан в эксплуатацию реставрационный комплекс. Вокруг Преображенской церкви организуется рабочая площадка – усиленная снизу ряжевой конструкцией деревянная мостовая. По этой площадке вот уже 4 года максимально удобно перемещаются бревна церкви. В деревне Ямка реставрируется и приспособляется для проживания реставраторов Преображенской церкви дом Вичурина.

Кроме указанных подготовительных работ, музей заповедник организует заготовку специального реставрационного леса.

Параллельно с подготовительными мероприятиями организация из Петербурга СКФ «Алекон» решает задачу по вывешиванию и фиксации сруба церкви с передачей нагрузки на внутренний силовой металлический каркас. Это тот самый каркас инженера Н. И. Смирнова, который с момента его возведения в 1982 г. вызывал шквал критики. При этом стоит напомнить, что его установка была одобрена архитектором А. В. Ополовниковым. Действительно, появление каркаса исключило возможность посещения интерьера памятника туристами, но сегодня специалисты понимают, что его значение сложно переоценить. Тогда начинать комплексную реставрацию памятника было преждевременно и крайне опасно. В начале 1980-х гг. на территории СССР не было ни одного коллектива, который смог бы справиться с поставленными на этом памятнике задачами. Представление о реставрационных технологиях еще только формировалось. Большинство деревянных памятников перебирались тогда с большими ошибками, с использованием современных инструментов и некачественного материала. А деформации церкви становились критическими. Введение металлического каркаса тогда предотвратило обрушение церкви и стало основой для будущего вывешивания памятника. И вот уже в XXI веке этот каркас становится замечательной основой всего реставрационного процесса.

Кроме вывешивания сруба, специалисты СКФ «Алекон» по периметру церкви на глубину промерзания до уровня земли заложили ленточный железобетонный фундамент. Создание такого надежного основания стало первым и одним из главных способов укрепления памятника. Исторический фундамент не выдерживал никакой критики и уже в первые десятилетия после постройки церкви стал причиной ее мощнейших деформаций. В последующем, после того как появится абрис нижнего восстановленного каскадного венца, на железобетонном фундаменте будет сложена каменная кладка.

Как впоследствии заметят эксперты ЮНЕСКО, такого тщательного подготовительного этапа

при реставрации деревянных памятников мир еще не знал. Прошли годы, прежде чем музей и министерство культуры поняли, что пора начинать собственно реставрацию. В то же время в профессиональном сообществе возник невиданный до этого момента страх и сомнения относительно правильности выбранного метода реставрации. Действительно, ничего подобного в практике мировой реставрации еще не происходило.

Тогда многие называли «лифтингом» утвержденный на этом памятнике метод. Это не совсем так. Со стороны, действительно, может показаться, что мы используем классический «норвежский лифтинг». В основе его лежит принцип вывешивания, разжатия, подъема и опускания отдельных элементов с целью замены изношенных бревен. Такой способ позволял частично реставрировать сруб без его полной переборки. Критики будущей реставрации Преображенской церкви справедливо сомневались, что памятник с таким весом не выдержит разжатия венцов при столь грандиозной массе и объеме сруба. Кроме того, не получится компенсировать масштабные деформации, появившиеся за последние 300 лет. Бревна при лифтинге должны просто лопаться и рваться в местах крепления сруба с металлом. Наверное, это и произошло, если бы мы применили «норвежский лифтинг» в чистом виде. Однако российские инженеры во главе с руководителем проекта Н. Л. Поповым пошли совершенно нестандартным путем и, не будучи преувеличением сказать, изобрели свой способ работы с внутренней металлической системой. Назовем ее «вывешивание». Памятник поделили на 7 ярусов. Каждый ярус после разборки должен быть помещен в складской цех, чтобы потом уже реставрироваться в основном цеху. При этом на одном из верхних уровней церкви, действительно, произвели пробный подъем на 10 см, но впоследствии и до сегодняшнего дня никакого подъема больше не происходило. Сруб просто надежно висит на металле, не испытывая перенагрузок от разжатия.

И здесь мы подходим к самому главному. Архитектором проекта В. С. Рахмановым и Н. Л. Поповым было намечено начинать реставрацию памятника снизу вверх.

Нижние каскадные венцы церкви и железобетонный фундамент

Собственно так всегда и поступали при переборке памятников, но принципиальное отличие этого метода состояло в том, что и разборка памятника тоже начиналась снизу. В 2009 г. разобрали трапезную и крыльцо. В следующем году объемы склада позволили разобрать нижнюю часть основного сруба церкви. Это уровень от штрабы пола до сохранившихся нижних венцов церкви.

Разборка происходила снизу вверх путем «отстегивания» каждого отдельного бревна от сруба. Для этого высвободили необходимое пространство для демонтажа нижнего венца и, используя специальные металлические упоры-«солдатики», одно за другим стали изымать бревна. Первым и весьма приятным для нас сюрпризом стало то, что разборка деревянного сруба снизу вверх оказалась не такой «травматичной» для бревен, как обычная разборка. При разборке сверху вниз прежде, чем высвобождается бревно, его приходится поддевать ломом и монтажными крюками, чтобы вытащить из соединений. При этом бревно иногда перекашивается до такой степени, что некоторые его части надламываются или даже просто отлетают. В нашем случае бревна буквально сами ложились на наши руки после расслабления монтажных ремней. Транспортировка на лесовоз происходила с использованием специальных деревянных приспособлений – «варежек». В результате на завод элементы доставлялись без каких-либо повреждений. Более бережного отношения к историческим элементам нам не доводилось наблюдать прежде. На территории завода бревна промывались от вековой пыли и затем сушились в цеху, ожидая контрольной сборки. Дальше нам

предстояло произвести сборку разобранного уровня церкви «на сухую». То есть просто собрать неотреставрированный сруб. На этом этапе реставраторы могли бы столкнуться с первой и непоправимой ошибкой, если бы не ряд мероприятий и обстоятельств.

Прежде чем разбирать нижний уровень церкви, была произведена серия специфических обмеров. Мы называем их специфическими, потому что архитекторы с ними не сталкиваются в силу непонимания их крайней необходимости. Нам нужно было максимально точно зафиксировать состояние сруба до разборки, чтобы повторить его в комплексе. Для этого мы создали свою реперную систему, завязанную на стойках металлического каркаса Смирнова. На каждом бревне появилось по 2 самореза, координаты которых с помощью тахеометра заносились в базу данных. Так мы зафиксировали положение всех разобранных бревен в пространстве. При этом была создана компьютерная модель, отображающая геометрию сруба со всеми деформациями.

Сруб церкви в нижних венцах разъехался, балки частично выпали из своих гнезд. Надо сказать, что балки церкви не имеют жестких соединений со стенами сруба, врубок типа «ласточкин хвост». Врубки балок прямые, не стягивающие стены сруба друг с другом и не создающие диска жесткости балочного пояса. На момент разборки некоторые из них лежали на металлических конструкциях, вывалившись из гнезд. Собрать в комплексе разобранный объем церкви в уровне балок, мы вернули этому объему первоначальную геометрию. Для этого поместили балки в свои гнезда так, как они там были с момента строительства храма.

Таким образом, мы как бы сжимали план церкви, достигая положения сруба XVIII века. После этого зафиксировали уже новое состояние сруба, соответствующее историческому.

Отметки нового плана балочного пояса церкви переносились на бетонный пол цеха. Это стало основой для всего сруба церкви.

Таким образом, начиная реставрацию церкви с балочного пояса, опираясь на «геометрический первоисточник», мы исключили при дальнейшей переборке базовую ошибку

большинства реставраторов. В прошлом реставраторы начинали восстанавливать нижние венцы, подходя же к балкам, обнаруживали, что те или не влезают, или «пролетают», не зацепляясь за сруб. На сегодняшний день можно сказать, что опыт переборки Преображенской церкви принес нам новый, наиболее правильный подход в реставрации деревянных памятников. Его использование возможно и без использования вывешивающего оборудования. Итак, зная первоначальную геометрию сруба, за осень 2010 г. нами были отреставрированы восемь венцов, в пяти из которых располагались балки подклета. Все они идеально легли на свои места!

Параллельно отработывались технологии крепления вставок в исторические бревна. Этим вопросом плотно занимался Плотницкий центр музея под руководством А. Л. Ковальчука. Для вставок использовалась ядровая часть исторических бревен, которые в силу их ветхости не могли вернуться в сруб. Если такого материала не хватало, использовали выдержанные не менее 3 лет бревна спецлеса. Вставки крепились с помощью деревянных нагелей, длинных саморезов, специальных внутренних деревянных соединений. Как вспомогательный материал использовался клей. Никто не знает на сегодняшний день, как долго в наших северных условиях сможет нести свои функции даже самый лучший из имеющихся на мировом рынке клеев. Поэтому на него никто не делал ставку. Главное для нас были внутренние соединения. Клей же наносился не сплошным слоем, а в виде сетки, чтобы не мешать миграции внутренней влаги и не способствовать загниванию. Таким образом, мы исключили все слабые стороны использования клея, используя лишь его преимущество – весьма удобный предварительный монтаж.

К концу осени 2010 г. нашу работу приехали оценить специалисты ЮНЕСКО и специальная комиссия министерства культуры. Их комментарии вселили в нас уверенность, что мы идем правильным путем.

Разобраный 7-й реставрационный пояс состоял в среднем из 12 венцов. Мы говорим в среднем, так как нижний венец церкви представляет из себя каскад. Самая высокая точка

Вставка из выдержанной древесины в оригинальном бревне

Сильно деформированная часть 6-го пояса, собранного до реставрации в цеху

Каменная кладка фундамента на известковом растворе

нижнего венца – южное бревно, а самые низкие две точки – северо-западный угол трапезной и северо-восточный угол алтаря. Таким образом, фундамент был залит с учетом разности высот ландшафта, со ступенями от стены к стене высотой 30 см.

На этом этапе наша задача заключалась в том, чтобы нарубить сложный каскад из новых бревен и попасть в отметки нижнего венца балочного пояса, отреставрированного прежде. Два нижних венца добавил архитектор В. С. Рахманов. Ему удалось определить их наличие на момент постройки храма. Верхний венец балочного пояса – это венец со штрабой пола, которую мы выставили в горизонт. Нам нужно было нарубить каскад снизу, чтобы штраба пола осталась горизонтальной. Проверкой точности выполненных работ стала установка пояса № 7 на новый фундамент церкви на погосте. Перед перевозкой каскада он был тщательно обмерян в плане и по высоте. В результате вновь срубленный каскад хорошо сел на новый фундамент, план новых добавленных венцов каскада точно повторял план старых венцов балочного пояса и штраба пола была выведена в горизонт.

При окончательной сборке отреставрированного пояса на погосте мы ориентировались, конечно, не только на положение штрабы пола, но и на вертикальность стен. При этом речь не шла о том, что все стены должны собираться строго по отвесу. Отклонения могли быть уже на момент строительства церкви. Поэтому сборка стен по отношению к вертикали происходила с учетом предыдущих деформаций и максимально возможного их устранения. При этом каскад собирался на выставленных заранее домкратах по периметру

Вид на одну из бочек со следами от «невлезающей» главки

стен. Мы не исключали, что после сборки пояса возникнет необходимость дополнительного выравнивания стен. Впрочем, результат этой работы оказался лучше, чем мы могли предполагать.

Параллельно сборке сруба велись работы по переустановке семи стоек «лифтинга» и части горизонтальных элементов пояса Смирнова.

Дело в том, что после реставрации 7-го пояса его геометрия существенно изменилась. Сруб храма вырос по высоте благодаря двум новым венцам и поднятию первого венца на большую высоту по отношению к земле. Соответственно, балочный пояс подклета вставал вровень с первым горизонтальным металлическим поясом 1982 г. Мы не могли жертвовать или даже подрубать какие-то балки, тем более выравнивать стены под металлические стойки. Все, что нам мешало, было демонтировано и продублировано коллегами из Санкт-Петербурга в тех местах, которые уже не мешали сборке памятника.

К этому моменту специалисты СКФ «Алекон» понимали, как будет выглядеть верхняя часть фундамента – каменная кладка, так как нижний венец встал на свое место.

С этого времени начинается кропотливая ручная работа по восстановлению каменной кладки на известковом растворе. По проекту В. С. Рахманова камень должен был собираться на соседних островах и подбираться по размерам. Большая часть этих камней обрабатывалась в нужный размер. Под углы ставились 52 цельковых фундамента. Фактически такая реконструкция фундамента отражала существовавший прежде ленточный фундамент на известковом растворе, местами сооруженный в XIX веке.

Параллельно этой работе шла разборка следующего 6-го пояса. Это 12 интерьерных венцов, та часть храма, которую видит посетитель, зайдя внутрь. Все бревна с внутренней протеской. Прежде чем собирать эти венцы «в сухую» в комплексе, мы тщательно обмерили верхний венец пояса № 7 (он же – венец со штрабой пола) в плане и по высотам и перенесли его в реставрационный комплекс. На выставленный по обмерам верхний венец со штрабой пола собирались 8 неотреставрированных венцов пояса № 6. Собранный небольшой по высоте участок сруба в восемь венцов показывал нам колоссальные деформации, которые мы должны были исправить, предварительно разобравшись в причинах этих деформаций. Нам потребовался целый месяц, чтобы понять, что возможно сделать со срубом, и убрать хотя бы часть деформаций, которые на этом уровне церкви были самыми большими. Северная стена церкви и трапезной, как и северная стена алтаря, в 1956 г. подверглась серьезной переборке в процессе реставрации, проводимой А. В. Ополонниковым. Реставрация велась на месте в деформированном памятнике, что сказалось на качестве выполненных работ. Материал, использованный в 1956 г., сильно отличался от материала церкви XVIII века по диаметрам бревен. Поэтому архитектором было принято решение материал 1956 года, который не вставал на место, заменить новым необходимого диаметра. Именно с этим связано количество замен бревен в северных частях церкви и алтаря. Заменяя материал 1956 года на новый нужного диаметра, мы выправляли деформации по стенам, которые достигали 20 см по от-
весу.

В процессе работ были выявлены и такие деформации, как расхождение стен восьмерика, искривление дверных проемов. Деформацию усиливали и результаты ремонтных периодов нескольких предшествующих реставраций. Но одной из главных проблем была мощнейшая просадка восьмерика по отношению к прирубам. Это произошло по причине разного давления на грунт. Восьмерик получился значительно более нагруженным, чем прилегающие к нему объемы. В результате одна из стен наклонилась внутрь на

Следы от первоначальной протески углов

40 см. Дверные проемы по мере отклонения стены многократно растесывались с целью их выправления. В результате дверная колода, представляющая из себя вершник и два косяка разной ширины, имеет левый косяк на 8 см шире правого. Таким образом, когда основание церкви было деформировано, проемы, в результате проходивших ремонтов, оставались вертикальными. Как только нами было выровнено основание церкви, проемы стали наклонными. Похожая ситуация сложилась с окнами алтаря. Здесь мы были вынуждены доформовывать по ширине косяки XIX века. Ремонт 1956 г. в одном из проемов привел к тому, что количество венцов слева и справа от него оказалось разным. Плотники просто заполняли высоту проема северной деформированной стены. После контрольной сборки в цеху нижней части пояса № 6 стало ясно, что вернуть в сруб церкви материал ремонтных периодов не представляется возможным, несмотря на то, что он хорошо сохранился. Размер и качество обработки бревен, поставленных в результате ремонта в XX веке, сильно отличались от бревен XVIII века.

По нашему мнению, пояс № 6 является самым сложным для реставрации в связи с предыдущими многочисленными ремонтами и количеством имеющихся проемов. Как уже говорилось, последний ремонт с заменой бревен на памятнике производился в 1956 г. в уже деформированном срубе церкви. Когда мы выровняли основание церкви, северная и северо-восточная стены алтаря, а также северная и северо-восточная стены молельного помещения стали заваливаться наружу. Завалы стен во время контрольной сборки составляли 15–20 см на три метра высоты сруба.

Собранный 7-й пояс

Разборка нижних венцов 7-го пояса

Окна в этих стенах также имели значительный наклон. Тем не менее к моменту, когда в апреле 2013 г. остров посещает очередная комиссия ЮНЕСКО и министерства культуры, нам удалось решить основные проблемы. Материал 1956 года мы заменили. Долго и мучительно исправляли деформации. Собрать и разобрать сруб приходилось многократно. Полученный результат произвел на комиссию положительное впечатление, причем даже самым активным оппонентам этого проекта наконец-то представилась возможность признать правильность производимой реставрации церкви.

Осенью этого года была успешно осуществлена сборка отреставрированного 6-го пояса на погосте.

Конечно, проработав три года на Преображенской церкви, реставраторы сделали множество интересных наблюдений и открытий. Это и специфические соединения, врубки, каких ранее мы не встречали, всевозможные следы работы инструментом. Анализ и систематизация этого ценного материала впереди. В настоящей статье мы готовы познакомить читателей с двумя интереснейшими моментами, которые открылись нам в процессе работы с храмом.

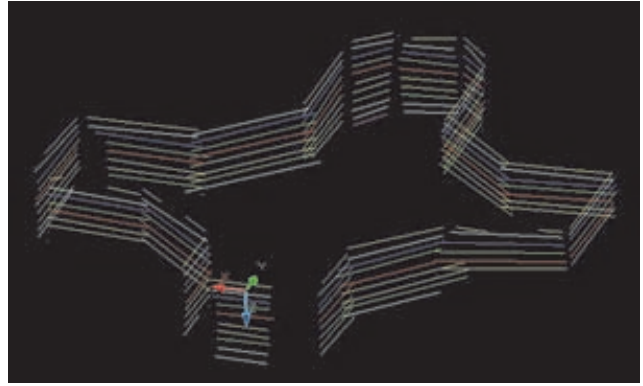
При разборке глав и бочек мы столкнулись с удивительным фактом: следы на опорной балке бочки показали, что осевой столб главы был поставлен не посередине бочки, что было бы логично, а смещен вплотную к наружному фронтону. Таким образом, барабан главы выходил за пределы фронтона. Главе явно не хватало места на бочке. Об этом говорили и подтесанные слепи вышестоящей бочки, которые мешали постановке главы. При этом не вмещалась и обшивка, прилегающая к главке сверху. Очевидно, эти слепи подрубались в момент строительства для того, чтобы большая глава поместилась на короткую для нее бочку. Помимо подтесанных под главу слепей, мы наблюдали в последних венцах срубов под бочками повалы, которые также были предназначены для увеличения длины бочки. Если посмотреть на церковь с северного фасада, создается впечатление, что алтарная апсида с бочкой и главкой как бы «задавлена» верхним объемом церкви. Прежде эти

Погрузка разобранных бревен на лесовоз с применением различных приспособлений для «бережной транспортировки»

повалы воспринимались исследователями и просто зрителями как результат смятия стен и деформаций. Теперь мы знаем, что это не так. Строители, запроектировав такую сложную каскадность глав, ошиблись с размером плана церкви. Четыре прируба должны быть длиннее существующих хотя бы на 0,5 метра. Впрочем, можно ли в этом случае говорить об ошибке? Вспомним предшественницу Преображенской – многоглавую церковь в Анхимово. Там с местом для главок все в порядке. Главки прекрасно помещаются на бочках. Однако по композиции она явно проигрывает кижскому шедевр. Возможно, мастера намеренно шли к «ошибке» с точки зрения плотницких азоров, чтобы произвести потрясающий эффект стройности пропорций при всей монументальности 22-главия.

Еще один интересный факт касается вопроса протески стен церкви. В углах стен интерьера существуют характерные следы разновременной обработки соединений чаш, лап и поверхности стен. В одном месте это разный цвет древесины, в другом – различный характер протески угла и поверхности стены. Три года суть появления этих следов никто не мог разгадать. Идея их появления была разгадана практиком А. А. Чусовым, который протесав за свою жизнь километры стен, пришел к выводу, что при строительстве бревна в церковь ставились круглыми. «В лапу» и в соединение

Модель неразобранного 7-го пояса со всеми деформациями, полученная в результате дополнительных обмеров

«чистый угол» были рублены только углы церкви. То есть протесывались изначально лишь углы стен изнутри. И до тех пор пока не появлялась кровля, стены в целом не тесались, несмотря на то, что тесать сразу намного проще и удобнее. Церковь строилась не за один сезон, и строители с заказчиком опасались, что сразу протесанные стены под осадками быстро потеряют вид.

Впереди еще несколько лет реставрационных работ на Преображенской церкви в Кижях. Работающие на памятнике реставраторы уверены в том, что последующие задачи технического плана ими будут решены. Главная же задача ближайшего (2014 г.) будет решаться консилиумом инженеров и архитекторов: какую из предложенных ранее схем усиления храма следует принять. Усиление неизбежно. Несмотря на качественную и тщательную работу реставраторов, сруб ослаблен имеющимися в нем трехсотлетними бревнами и не только ими. Вспомним и о ряде ошибок, допущенных при строительстве церкви в начале XVIII века. Без усиления конструкций памятника через некоторое время, возможно, мы снова увидим возвращающиеся или даже новые деформации. Вместе с тем системы усиления должны максимально тяготеть к традиционным для деревянной архитектуры приемам и не вступать в противоречие с подлинной конструкцией ни с точки зрения визуального восприятия, ни с точки зрения работы деревянных элементов храма.

Сохранение Преображенской церкви

Преображенская церковь – всемирно известный памятник деревянной архитектуры. В составе Кижского архитектурного ансамбля она включена в Список объектов Всемирного наследия. Сложная и ответственная задача сохранения памятников ансамбля возложена государством на музей-заповедник «Кижь».

Состояние Преображенской церкви на конец 1990-х годов было сложным. Несмотря на то что внешне сохранность большинства основных элементов и конструкций памятника была в удовлетворительном состоянии, имелись дефекты, значительно влияющие на их прочность. Например, так называемые четвериковые балки, несущие нагрузку от двух верхних восьмериков с верхним ярусом бочек и центральной главой, имели значительный прогиб и несли нагрузку, близкую к предельной. Благодаря тому что внутри церкви был возведен несущий металлический каркас, обрушение церкви не угрожало. В плохом состоянии находились кровли церкви. Они имеют сложную конфигурацию, в связи с чем на стыках поверхностей имелись множественные протечки. Устранить их удалось лишь в 2004 году, организовав обучение реставраторов профессии «промышленный альпинист». Это своевременно выполненное консервационное мероприятие предотвратило возможность развития в церкви очагов дереворазрушающего гриба и, соответственно, снизило объем необходимого реставрационного вмешательства.

Реставрация – это всегда чрезвычайно важный и требующий особых знаний и технологий процесс, необходимый для спасения памятника, пострадавшего от разрушительного влияния времени. Реставратор должен обладать знаниями в области истории, искусствоведения, инженерной подготовкой и ремесленными навыками. Реставрация Преображенской церкви – уникальный и сложный процесс, который станет значительным событием в истории деревянного зодчества.

Венецианская хартия по вопросам сохранения и реставрации памятников и достопримечательных мест утверждает, что «реставрация должна быть исключительной мерой». Для сохранения Преображенской церкви, а также Покровской, реставрация которой должна начаться после окончания реставрации Преображенской, к сожалению, эта исключительная мера является абсолютной необходимостью.

Завершение реставрации Преображенской церкви не за горами, и дальнейшая задача будет состоять в том, чтобы поддерживать объект в стабильном, неухудшающемся состоянии. А это значит, что далее речь пойдет о процессе не менее важном и не менее сложном – о консервации.

Сложилось так, что, в то время когда темы архитектурных и конструктивных особенностей деревянных памятников, древесиноведения, исторических плотницких технологий

Рис. 1. Мониторинг биоразрушений

довольно широко изучаются и вызывают интерес, вопросы текущего содержания и, главное, практической превентивной защиты нечасто интересуют исследователей и реставраторов. И тем более почти никогда не используется системный подход к защите деревянного памятника.

Консервация – понятие более широкое, чем реставрация. В «Нарском документе о подлинности» дается её понятие: «Консервация охватывает все действия, направленные на понимание культурного наследия, изучение его истории и значения, обеспечение материальной сохранности и, в случае необходимости, его реставрацию и усиление». То есть реставрация является составной частью консервации, а не наоборот, как принято считать.

Во-первых, консервация продолжительнее по времени: она может и должна продолжаться постоянно, защищая объект от разрушающих воздействий. Во-вторых, для консервации должен быть использован как можно более широкий спектр технологий и приемов, цель которых – сохранить подлинность памятника во всех ее проявлениях.

Венецианская хартия гласит, что консервация и реставрация памятников должны взаимодействовать со всеми отраслями науки и техники, способствующими изучению и сохранению монументального наследия. Это означает, что там, где подлинность объекта невозможно обеспечить традиционными технологиями, необходимо широко, но при этом деликатно по отношению к памятнику, использовать современные методы.

Рис. 2. Мониторинг деформаций

Преображенская церковь построена из древесины – материала сравнительно недолговечного, подверженного биологическому разрушению, старению и деструкции под воздействием факторов окружающей среды. Кроме того, памятник имеет сложную конструкцию и конфигурацию, а значит, обеспечить и поддерживать в исправном состоянии конструктивную защиту от внешних воздействий достаточно сложно. Поэтому для сохранения памятника на первое по значимости место выходит проблема предотвращения дальнейшего разрушения исторического материала.

В 2008 году в музее «Киж» вышла книга «Комплексное профилактическое обслуживание памятников», которая представляет разработанную в музее систему мероприятий, направленных на защиту деревянных построек от всех видов разрушений. Прошедшие после публикации пять лет дают возможность оценить ее эффективность.

Система комплексного профилактического обслуживания ориентирована на выполнение регулярных практических защитных мероприятий, которые направлены на предотвращение на начальной стадии разрушений памятников, а также устранение причин, их вызывающих. Кроме того, большое значение имеет ведение необходимой учетной документации.

Система делится на две части: комплексный мониторинг и консервация.

Комплексный мониторинг состоит из трех направлений: древесиноведческий, деформационный и мониторинг технического состояния. Основными разрушителями древесины являются дереворазрушающие грибы и

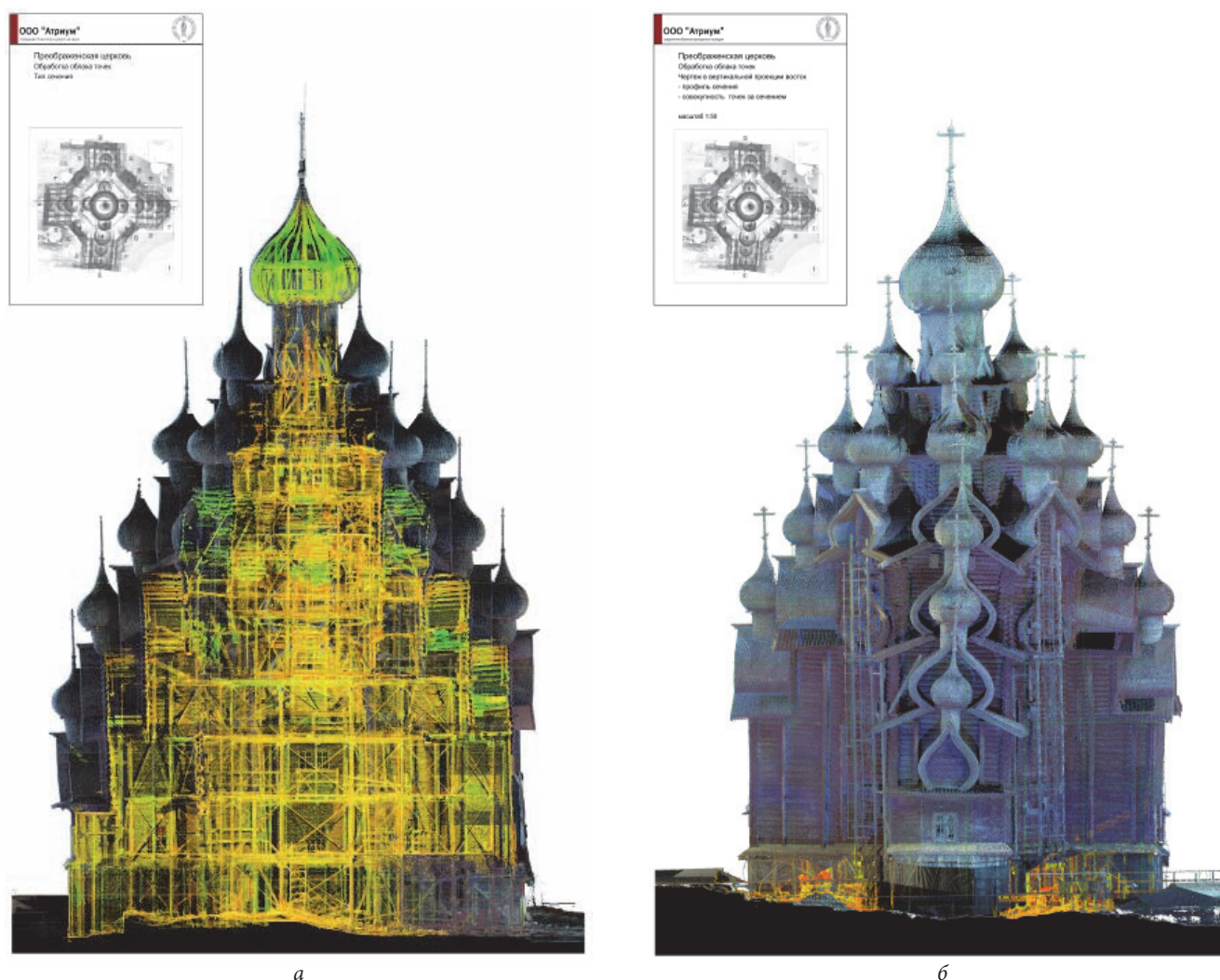

Рис. 3а, б. Высокоточная трехмерная модель церкви, полученная методом лазерного сканирования

насекомые. Мониторинг биоразрушений направлен на прогнозирование возможности возникновения, своевременное обнаружение и наблюдение за динамикой развития очагов биоповреждений, а также на разработку рекомендаций по их ликвидации (рис. 1).

Задача мониторинга деформаций (рис. 2) состоит в своевременном обнаружении и оценке необратимых изменений конструкций высотных сооружений, что позволит не допустить опасных деформаций. Выполняется с применением лазерного безотражательного тахеометра (рис. 3а, б). Для повышения точности и оптимизации процесса мониторинга вокруг Кижского погоста организована сеть стационарных геодезических штативов.

И наконец, мониторинг технического состояния оценивает изменение сохранности памятников, их конструкций и элементов. В его рамках выполняются постоянные осмотры, составляются акты, осуществляется фотографическая фиксация пораженных участков.

Состояние Преображенской церкви, как любого другого деревянного памятника, со временем неизбежно ухудшается. Реставрация позволяет устранить накопившиеся разрушения, но не останавливает процесс деградации. Поэтому на памятнике организовано проведение регулярных систематических профилактических мероприятий. Церковь имеет свои особенности и слабые места. Незаметный дефект, например, такой как начинающееся протекание кроли, способен со временем спровоцировать возникновение очага жизнедеятельности дереворазрушающего гриба, развитие которого будет остановлено лишь устранением причины его появления.

И как показывает опыт, своевременное и систематическое применение профилактических мер дает заметный эффект. Заболевание легче предупредить, чем вылечить. Нельзя также ограничиваться проведением профилактики время от времени или по необходимости. Это подтверждается

Рис. 4. Протечка в зоне осевого столба центральной главы, обнаруженная в процессе мониторинга

и положением Венецианской хартии, которое гласит, что консервация памятников предполагает прежде всего постоянство ухода за ними.

Так как основными разрушителями древесины являются дереворазрушающие грибы, древооточцы и огонь, наша цель – защитить объект, в первую очередь, от воздействия на него именно этих факторов, то есть создать такие условия, при которых их возникновение и развитие будет исключено.

Неисправности кровель являются самой распространенной и масштабной причиной начала разрушения деревянных построек. Кровли Преображенской церкви имеют сложную конфигурацию, поэтому даже при самом качественном исполнении со временем неизбежно появляются протечки и, как следствие, – увлажнение внутренних конструкций (рис. 4). Одной из главных вех в создании системы комплексного профилактического обслуживания явилось обучение нескольких сотрудников музея специальности «Промышленный альпинист». Это позволило оперативно выполнять различные работы на высотных сооружениях, такие как ремонт, герметизация, очистка, обработка антисептиками, обследование кровель, монтаж молниезащиты (рис. 5–7). В первый же год работы реставраторов на Преображенской церкви с использованием метода промышленного альпинизма было устранено около 50 протечек. В последующие годы все неисправности устранялись оперативно, сразу же после их обнаружения (рис. 8а, б, в). Практика привлечения альпинистов «со стороны» оказалась неэффективной, так как выполнить весь спектр требуемых

Рис. 5. Обследование состояния креста центральной главы после обнаружения протечки

Рис. 6. Консервация кровель с использованием метода промышленного альпинизма

Рис. 7. Очистка лемехового покрытия от мха

Рис. 8а. Разрушение яблока центрального креста

Рис. 8б. Укрепление креста центральной главы

Рис. 8в. Восстановленное яблоко креста центральной главы

задач на памятнике профессионально и качественно могут только реставраторы, имеющие соответствующий опыт работы.

Вторым главным событием в формировании системы профилактического обслуживания стала возможность борьбы с точильщиками. С 1999 года в трапезной Преображенской церкви, где имелись очаги поражения точильщиком, устанавливались специальные так называемые «оконные ловушки» для отлова вредителя. Принцип действия ловушки прост. В период вылета, длящийся в среднем с середины мая до конца июня, жук, повинаясь инстинкту, летит на свет, единственным источником которого является окно. Он сталкивается с поверхностью листа органического стекла и падает в лоток с мыльной водой. В течение нескольких сезонов подряд отмечено значительное снижение численности точильщика.

Традиционные методы уничтожения вредителя, такие как фумигация, спринцевание выходных отверстий, обмазка фтористыми соединениями, в наших условиях неэффективны или неприменимы. Личинку, живущую в толще бревна, оказалось возможным уничтожить, лишь нагревая древесину до определенной температуры. Совместно со специалистами КарНЦ РАН нами отработаны методики выявления очагов поражения древесины точильщиком на ранних стадиях при помощи специального акустического прибора и уничтожения личинок точильщика температурным воздействием, не причиняя при этом вреда памятнику. Наиболее эффективной оказалась технология глубинной тепловой обработки бревен сруба при помощи сверхвысокочастотной установки, позволяющей уничтожать личинки точильщика в толще бревна.

Показала свою эффективность система регулирования температурно-влажностных параметров микроклимата в трапезной и подклете Преображенской церкви, проводимая с 2004 года. Ежедневно выполняются замеры наружных и внутренних значений температуры и влажности (рис. 9), затем по специально разработанной таблице определяется необходимость проветривания помещения. Специально для проветривания в подклете

Рис. 9. Переносной прибор измерения влажности древесины

и трапезной были изготовлены вторые, решетчатые, двери (рис. 10), которые использовались попеременно с глухими в зависимости от температуры и влажности наружного воздуха. Есть показательный пример: когда в 1998 году в цоколе фундамента Покровской церкви были прорублены вентиляционные продухи, в подклете памятника зафиксирована остановка развития дереворазрушающего гриба.

Для предупреждения развития локальных очагов биоповреждений древесины участки конструкций памятника, а также элементы, изготовленные из новой древесины, обрабатывались антисептическими препаратами. Прежде чем применить на практике тот или иной антисептик, информация о нем изучается. Анализируются данные о его влиянии на древесину, о химическом составе, устойчивости к воздействию внешних факторов, безопасности для человека и окружающей среды, долговечность и другие параметры. Проведенная в восьмидесятые годы тотальная химконсервация памятников, к счастью, коснулась Преображенской церкви в малой степени – были обработаны участки стен и отдельные элементы. Древесина же Покровской церкви, подвергшаяся глубокой пропитке, серьезно пострадала от химических веществ.

Обязательным условием сохранения памятников является проведение широкого спектра очень простых, но тем не менее эффективных профилактических работ, таких как выкос травы, уборка снега и мусора, открывание и закрывание вентиляционных продухов, конопачение щелей, герметизация и консервация

Рис. 10. Вентиляционная решетка на входе в трапезную церкви

конструкций, предупреждение увлажнения древесины, ремонт. Здесь очень важны регулярность и своевременность.

Затрачиваются огромные усилия и средства на обеспечение пожарной безопасности памятника. Создаются и модернизируются системы сигнализации и пожаротушения. Но в этом направлении, как нигде, важны профилактические мероприятия. Кроме оборудования памятников, первичными средствами пожаротушения, системами молниезащиты выполняется постоянное выкашивание травы, обработка настилов лесов антипиренами, установлен специальный противопожарный режим.

Внедрение в практику широкого спектра профилактических мероприятий, основанных на применении как традиционных, так и современных технологий, материалов и оборудования, значительно снижает разрушающее воздействие окружающей среды на памятник, а значит, продлевает ему жизнь. Обязательные требования: непричинение вреда памятнику, системный подход и непрерывность цикла.

Проектом реставрации Преображенской церкви предусмотрено создание системы приборного контроля параметров температурно-влажностного режима и деформаций нагруженных конструкций.

Несмотря на то что системный подход к профилактике повреждений недвижимых памятников сформировался относительно недавно и продолжает формироваться, применение его на практике дает заметные положительные результаты.

Качество древесины Преображенской церкви

Древесина Преображенской церкви на протяжении многих десятилетий привлекает внимание широкого круга исследователей – инженеров, химиков, биологов, древесиноведов. Основной вопрос, на который пытаются ответить ученые, – это долговечность деревянных конструкций, их способность выдерживать значительные нагрузки после почти 300-летней эксплуатации. Именно поэтому объектом исследования становятся изменения, произошедшие в структуре древесины, – уникального природного полимера¹, ее прочность², основные разрушители конструкций³.

В деревянной архитектуре Русского Севера едины конструктивно-техническое назначение и архитектурно-художественная красота

дерева⁴. Правильно выбранный строительный материал обеспечивает долговечность постройки. Для возводимых всем крестьянским миром храмов древесину отбирали с особой тщательностью. Во внимание принимались порода, условия произрастания дерева, немаловажным было и время рубки.

Основным материалом сруба Преображенской церкви является местная сосна (*Pinus sylvestris* L.), достаточно часто использовавшаяся для строительства в европейской части России. Ее древесина характеризуется средней плотностью, высокой прочностью и умеренной стойкостью⁵.

Главки церкви покрыты осиновым (*Populus tremula* L.) лемехом. Древесина осины относится к нестойким породам, именно поэтому каждые 30–40 лет лемех приходилось заменять. В XIX в. купола были покрыты железом, а восстановлено лемеховое покрытие было в 1958–1959 гг. во время реставрации церкви под руководством А. В. Ополовникова. Его частичная замена была проведена в 1981–1982 гг.

Как показывают дендрохронологические исследования, бревна для строительства были заготовлены в спелых насаждениях, растущих на песчаных почвах на материковой части Заонежского полуострова не позднее зимы

¹ Кистерная М. В., Козлов В. А. Древесиноведческие аспекты сохранения исторических построек. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007.

² НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 163. (Детальное обследование памятника архитектуры Преображенской церкви в Кижях и разработка проекта ее восстановления. Отчет о НИР. Этап 3. Детальное обследование конструкций и элементов Преображенской церкви / Ленинградский инженерно-строительный институт, рук. С. А. Душечкин, исполн.: В. И. Кувелин [и др.]. Л., 1970); Никитин М. К., Ошкаев А. Х. Модификация древесины памятников деревянного зодчества. Петрозаводск, 1992; НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 653. (Прочностные и упругие характеристики древесины конструкций Преображенской церкви на острове «Кижы»: отчет о НИР / Государственный институт по проектированию театрално-зрелищных предприятий. Санкт-Петербургский филиал; рук. Е. И. Туров; исполн. Ю. А. Лобанов. СПб., 1992.)

³ Горшин С. Н., Максименко Н. А., Горшина Е. С. Защита памятников деревянного зодчества. М., 1992; Кистерная М. В., Козлов В. А. Указ. соч.

⁴ Ополовников А. В. Русский Север. М., 1977.

⁵ Уголев Б. Н. Древесиноведение с основами лесного товароведения. М., 2002. С. 256, 260; Боровиков А. М., Уголев Б. Н. Справочник по древесине. М., 1989. С. 87.

1712–1713 гг.⁶ Возраст деревьев на момент рубки составлял 150–300 лет.

Зимние месяцы – январь и февраль – считались наилучшими для заготовки леса⁷. Объяснялось это не только графиком полевых работ, лучшими условиями для транспортировки леса, но и тем, что заготовленный зимой лес из-за низких температур менее поражен древесоразрушающими грибами и насекомыми.

Для сруба использованы бревна со средним диаметром 30 см, средняя длина которых составляет 3–5 м (табл. 1). Самое длинное, 12-метровое бревно, располагается над входом в трапезную. Для основного сруба отбирались части стволов на высоте 3 м от комля; в верхней части сруба использовались преимущественно вершинные части стволов. Всего в срубе насчитывается 2120 бревен, общим объемом около 600 м³ (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика бревен Преображенской церкви⁸

Наименование конструкции		Общее количество бревен	Средний диаметр бревен, см
Трапезная		115	30–40
Прируб	Южный	157	
	Северный	169	
	Восточный	227	
	Западный	145	
Восьмерик	Нижний	434	30–40
	Средний	192	23–32
	Верхний	120	22–27
Элементы бочек		525	20
Четверики	Нижний	22	30
	Средний	8	28
	Верхний	6	20
	Всего	2120	

⁶ Zetterberg P. Applications of tree-ring dating in architectural history and archaeology in Karelia // Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum. Debrecen/ 27.VIII-2.IX 1990. Debrecen, 1990. P. 328; Kozlov V., Kisternaya M. Architectural wooden monuments as a source of information for past environmental changes in Northern Russia // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 2004. Vol. 209, 1–4. P. 107.

⁷ Kaila P. Talotohtori: rakentajan pikkujättiläinen. Porvoo, 1997. P. 399–400.

⁸ НАМЗК. Ф.1. Оп. 3. Д. 163. Л. 16 (Детальное обследование...).

Несмотря на то, что церковь ремонтировалась несколько раз, подлинность материала сруба достаточно высока. Дендрохронологический анализ выявил лишь отдельные элементы конструкции (балки, столбы), замененные при реставрации 1860 г.⁹

Существует мнение, что для строительства всегда отбиралась только высококачественная (кондовая) сосна с узким (не более 0,1 см) годичным кольцом¹⁰. Детальный анализ качества древесины Преображенской церкви показал, что при строительстве храма отбор материала был целенаправленным: для каждого элемента конструкции подбирались древесина с необходимыми характеристиками (табл. 2).

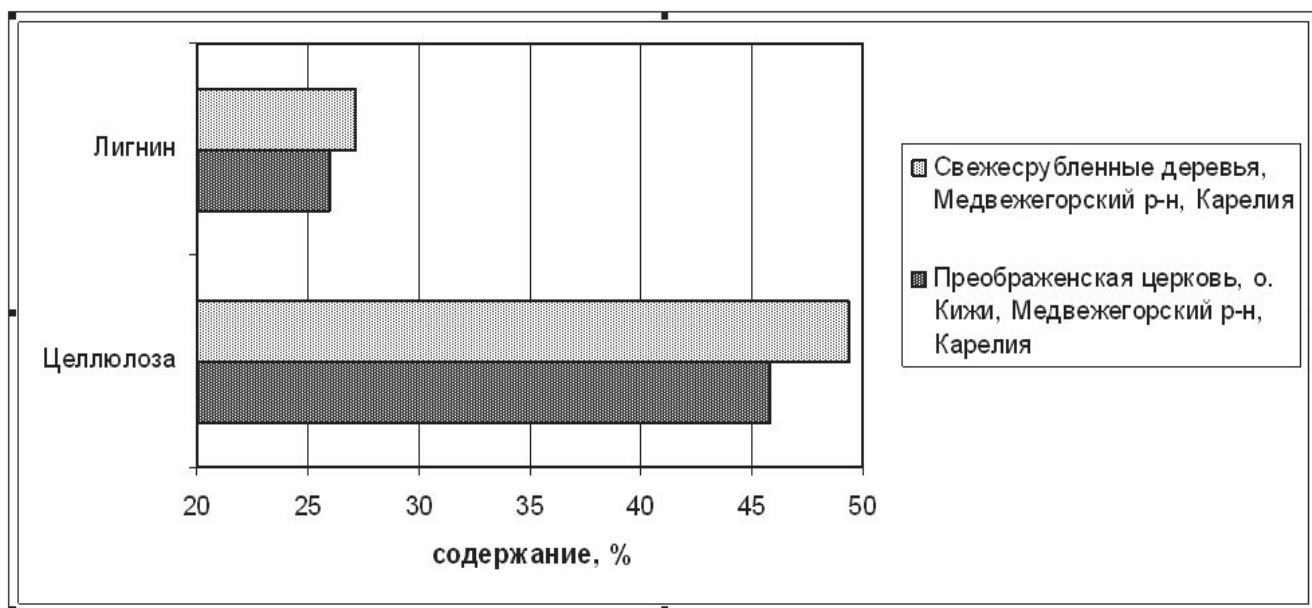
Для нижних, наиболее нагруженных венцов храма была отобрана узкослойная древесина (0,06 см) с высокой плотностью (525 кг/м³). Основной объем храма построен из древесины со средней плотностью (440 кг/м³), причем разброс значений плотности древесины, начиная с отметки 3,10 и до отметки 22,4 м, практически отсутствует. Для верхних восьмериков использовались вершинные части стволов с пониженной плотностью (396 кг/м³) и широким годичным кольцом (0,20 см) (табл. 2).

Выявленные закономерности указывают на экономное использование строительного материала. При этом достигалось уменьшение нагрузки на нижние венцы от собственного веса конструкции, более прочная древесина использовалась в наиболее нагруженных зонах, упрощался процесс строительства.

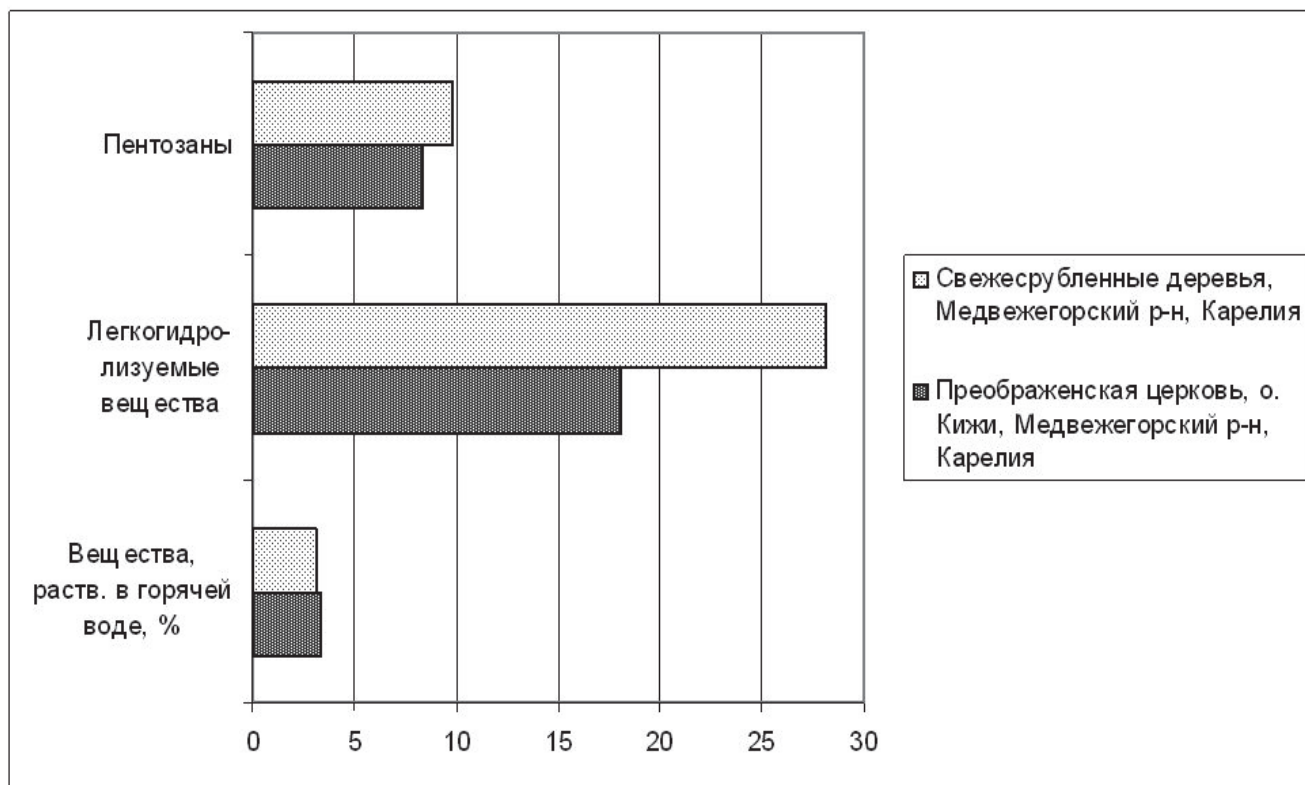
Прочность древесины конструкций Преображенской церкви является ключевым вопросом при разработке стратегий реставрации и

⁹ Zetterberg P. Applications of tree-ring dating... P. 328

¹⁰ Горшин С. Н., Максименко Н. А., Горшина Е. С. Указ. соч. С. 10; Alsvik E. Preservation of buildings in the daily work at a Norwegian Regional Museum // Karelia and Norway – the main trends and prospects of scientific cooperation: proc. of the scientific conf. Petrozavodsk. 28–31.05.97. / Karelian Research Centre RAS. Petrozavodsk, 1998. P. 101–104; Шаповалова Л. Г., Вешняков А. А. [и др.]. Физико-механические свойства древесины лиственницы при длительной эксплуатации // Строение, свойства и качество древесины – 96: тез. 2-го международного симпозиума. МГУЛ. М., 1997. С. 246–249; Гусев Б. П. Преображенская церковь в Кижях: учет свойств и состояния древесины сруба в ходе реставрации // Актуальные проблемы исследования и спасения уникальных памятников деревянного зодчества России. Ненокса – Петрозаводск – Кижы: Тр. Междунар. симпоз. СПб., 1999. С. 106–112.

А

Б

Химический состав древесины конструкций Преображенской церкви и свежесрубленных деревьев. А – структурные компоненты, Б – низкомолекулярные вещества (Кистерная, Козлов, 2007)

консервации этого уникального памятника деревянной архитектуры.

Таблица 2

Физические свойства древесины Преображенской церкви¹¹

Уровень над фундаментом, м	Плотность, кг/куб.м.	Средняя ширина годичного кольца, см
1	2	3
0,20	525	0,06
3,10	425	0,10
6,10	428	0,09
8,80	439	0,08
11,60	440	0,08
14,90	432	0,08
18,60	461	0,08
19,80	447	0,07
22,40	396	0,20

Изменения, происходящие в процессе старения, затрагивают компоненты клеточной стенки древесины, что не может не сказаться на механических свойствах древесины¹². В большей степени процесс старения затрагивает макромолекулы целлюлозы, которые гидролизуются с образованием веществ, растворимых в воде – сахаров, кислот и др. Молекулы лигнина затрагиваются в меньшей степени (рис. 1а).

На первой стадии разрушаются также легкорастворимые полиозы¹³. Разложением пентозанов и обогащением древесины фурфуролом объясняется снижение содержания легкогидролизуемых полисахаридов (рис. 1б).

Изменения, произошедшие в структурных компонентах древесины, особенно

в макромолекулах целлюлозы, негативно сказываются на механической прочности древесины сруба Преображенской церкви.

На памятниках архитектуры невозможно отобрать образцы для проведения стандартных испытаний на прочность без нанесения существенного ущерба памятнику. Поэтому в 90-е годы XX в. при изучении древесины сруба церкви были опробованы оригинальные методы неразрушающего контроля: гвоздевой метод¹⁴, огнестрельный метод Кашкарова¹⁵ и метод гамма-дефектоскопии¹⁶. Практически все вышеупомянутые методы основаны на взаимосвязи исследуемых параметров с плотностью материала.

Расчет механических характеристик древесины показал, что наблюдается значительный разброс всех исследованных показателей физико-механических свойств древесины (табл. 3), который обусловлен различным состоянием тех или иных элементов конструкции. Наибольшее влияние на качество древесины оказывают условия эксплуатации того или иного элемента.

Прочность защищенных от воздействия факторов окружающей среды и менее нагруженных конструктивных элементов оказывается выше (табл. 3). Так, для древесины, эксплуатирующейся под открытым небом, прочность при сжатии волокон в среднем на 17 % ниже значения, полученного для образцов древесины, отобранных внутри здания. Влияние условий эксплуатации более существенно для нижних, наиболее нагруженных венцов церкви: здесь разница между показателями в среднем равна 17,5 %, тогда как для верхних венцов она составляет 10 %.

¹¹ Кистерная М. В. Оценка состояния древесины архитектурных памятников : автореф. дис. ... канд. техн. наук. М., 2000. С. 13.

¹² Фенгел Д., Вегенер Г. Древесина (химия, ультраструктура, реакции). М., 1988. С. 324; Варфоломеев Ю. А. Обеспечение долговечности изделий из древесины. М., 1992. С. 202–204; Шаповалова Л. Г. Долговечность деревянных конструкций и сооружений без применения химических средств защиты : автореф. дис. ... канд. техн. наук. Архангельск, 1994. С. 16.

¹³ Фенгел Д., Вегенер Г. Указ. соч. С. 325; Варфоломеев Ю. А. Указ. соч. С. 205–206; Пищик И. И. Неразрушающие методы решения древесиноведческих задач в сфере культуры // Строение, свойства и качество древесины – 96: тез. 2-го Международного симпозиума. МГУЛ. М., 1997. С. 200–203. Пищик И. И. Датирование древесины длительной выдержки неразрушающими методами : автореф. дис. ... д-ра техн. наук. М., 2005. С. 6.

¹⁴ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 653. Л. 13 (Прочностные и упругие характеристики...).

¹⁵ Отрешко А. И. Деревянные конструкции. Справочник проектировщика. М., 1957. С. 7.

¹⁶ Никитин М. К., Ошкаев А. Х. Модификация древесины памятников деревянного зодчества. Петрозаводск, 1992. С. 32–38.

Показатели прочности древесины Преображенской церкви

Кратковременная прочность, МПа	Зона			СП 64.13330.2011
	1-й восьмерик	2-й восьмерик	3-й восьмерик	
При сжатии вдоль волокон	55,0*	53,5*	51,0*	44,0
	54,2/43,2**	44,2/38,5**	/38,5**	
При изгибе	68,0*	65,5*	62,5*	80
	93,8**	76,6**	66,3**	
При растяжении вдоль волокон	68,7*	68,5*	68,0*	100
При сжатии поперек волокон	4,15**	3,39**	2,93**	
При скалывании вдоль волокон	6,2*	5,8*	5,3*	7
При смятии поперек волокон	2,5*	2,1*	1,4*	

* Показатели определены методом гвоздевого забоя¹⁷.

** Показатели определены по регрессионным уравнениям пересчета¹⁸.

Рис. 2. Бревно в интерьере Преображенской церкви, которое после многолетней эксплуатации сохранило свои прочностные свойства

Рис. 3 Поражение внешней поверхности бревен умеренной гнилью

Наиболее важной характеристикой для срубовых конструкций является предел прочности при сжатии поперек волокон, который составил 3,5 МПа. Предел прочности при сжатии вдоль волокон, являющийся наиболее представительной характеристикой древесины, ненамного ниже значения, приведенного в СП 64.13330.2011.

Полученные результаты относятся ко всей выборке внешне неповрежденной древесины Преображенской церкви, которая сохранила свои прочностные характеристики после многолетней эксплуатации (рис. 2).

В то же время значительное снижение прочности сруба произошло в зонах, где имело место развитие биоповреждений.

Основные дефекты биологического происхождения сформировались в период аварийного состояния кровли и обшивки здания. До 90 % выявленных дефектов приходится на заболонные слои бревен по внешним поверхностям здания и вызваны умеренной (ковровой) гнилью, вызываемой несовершенными и сумчатыми грибами родов *Phlebiopsis*, *Stereum*, *Corticium* и др. (рис. 3).

Развитию микромицетов способствует характер конструкции и наличие в дополнение к капельному увлажнению отражательно-орошения, насыщенного большим количеством кислорода¹⁹.

¹⁷ НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 653. Л. 90–91 (Прочностные и упругие характеристики...)

¹⁸ Кистерная М. В., Козлов В. А. Указ. соч. С. 36. В числителе – значения для экстерьера, в знаменателе – для интерьера.

¹⁹ Горшин С. Н., Максименко Н. А., Горшина Е. С. Указ. соч. С. 143.

В срубе церкви присутствуют элементы со значительной степенью повреждения, вызванной базидомицетами *Coniophora puteana* (Schum.: Fr.) P. Karsten, *Antrodia xanta* (Fr.) Ryvardeen, *Serpula lacrimans* (L.) (рис. 4), аскомицетами *Sordaria* sp., дейтеромицетами *Alternaria* sp., *Sporodesmium* sp., *Aureobasidium* sp., *Aposphaeria* sp. Кроме этого, было установлено развитие плесневых грибов из родов *Penicilium* и *Trichoderma*, которые, не являясь прямыми разрушителями древесины, при благоприятных условиях подготавливают среду для поселения и дальнейшего развития дереворазрушающих грибов²⁰.

Типичным является развитие повреждений в пазах, врубках, трещинах, а также значительное разрушение конструкций северной ориентации и нижних, соприкасающихся с грунтом, бревен (рис. 5). Глубина разрушений в среднем составляет 1–3 см, однако в ряде случаев достигает 10–15 см и затрагивает ядровую часть бревен (табл. 4).

Таблица 4

Степень разрушения образцов-кернов древесины, отобранных на Преображенской церкви²¹

Зона	Кол-во образцов	Из них разрушено, %	Глубина разрушения, мм	
			Среднее значение	Диапазон изменения
Первый восьмерик	74	31	1,6	0,5–5,0
Второй восьмерик	19	25	1,0	0,5–1,5
Третий восьмерик	9	43	4,0	1,0–10,0
Восточный прируб	31	19	1,6	0,5–4,0
Западный прируб	17	35	4,0	1,0–13,0
Южный прируб	29	13	1,8	1,0–2,5
Северный прируб	32	24	1,9	1,5–2,4
Всего	191	34	2,3	0,9–5,6

Рис. 4. Разрушение верхней четверти бревна, вызванное грибом *Coniophora puteana* (Fr.)

Рис. 5. Разрушение мест врубок бревен третьего восьмерика

С. Н. Горшиным и сотрудниками отмечалась активизация грибов-ксилотрофов в период с 1969 по 1986 г.²², особенно в угловых врубках, на нижних венцах и некоторых деталях подклета (рис. 6).

В 1987 г., в целях подавления активности дереворазрушающих грибов, стены основного восьмерика церкви были локально обработаны препаратом ППБ-211 (пентахлорфенолят натрия + бура + борная кислота). Антисептик наносился кистью в 7-кратной повторности с просушкой после каждого нанесения.

Древесиноведческий мониторинг памятника, выполняемый с 1995 г. учеными Института леса КарНЦ РАН, выявил, что наряду с грибами-ксилотрофами активное участие в разрушении конструкций Преображенской церкви играют домовый и северный точильщики (*Hadrobregmus*

²⁰ Там же. С. 144; Кистерная М. В., Козлов В. А. Указ. соч. С. 44.

²¹ Кистерная М. В., Козлов В. А. Указ. соч. С. 31.

²² Горшин С. Н., Максименко Н. А., Горшина Е. С. Указ. соч. С. 145.

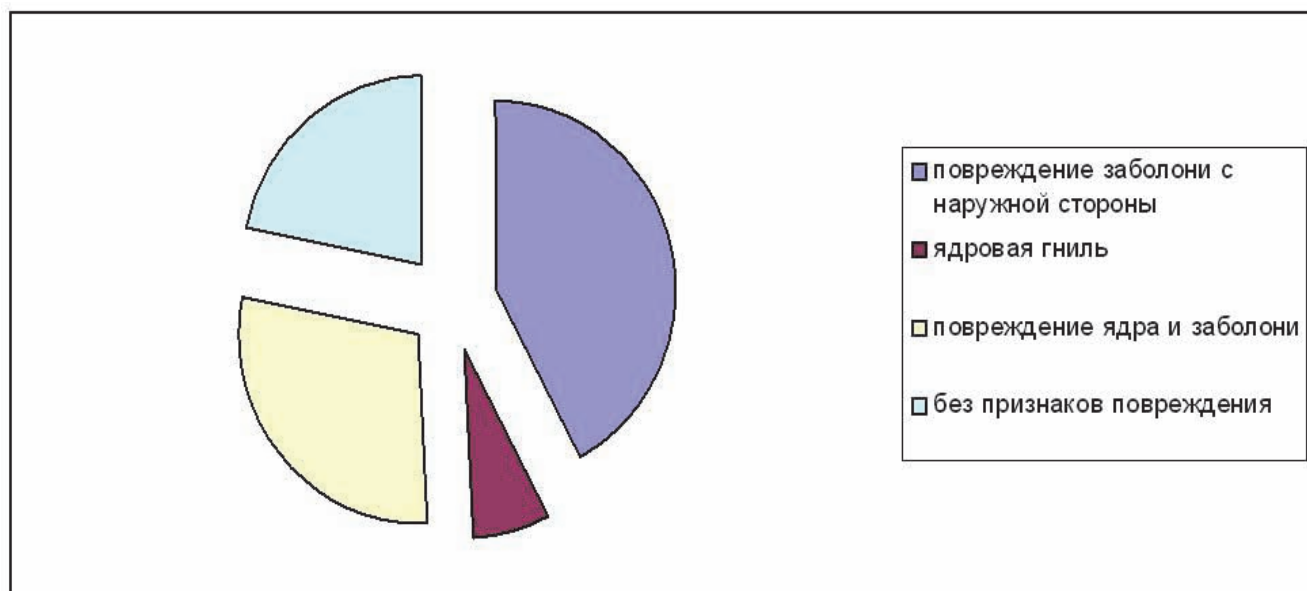

Рис. 6. Характеристика состояния бревен церкви (цит. по: Горшин и др., 1992)

Рис. 7. Следы жизнедеятельности домового точильщика на поверхности бревен Преображенской церкви

pertinax (L.); *H. confusus* (Kr.)), развивающиеся в пораженных бурой деструктивной гнилью элементах конструкций²³ (рис. 7).

В то же время результаты мониторинга свидетельствуют о том, что зон активного развития деструктивных грибов относительно немного.

Осуществляемый с 1995 г. мониторинг влажности древесины выявил постоянно увлажняемые зоны памятника, что позволило

решить достаточно сложную для многоглавых храмов задачу – обнаружить протечки и своевременно их ликвидировать.

Проведенный комплекс ремонтно-профилактических работ позволил снизить активность основных разрушителей древесины, создать благоприятные условия для эксплуатации памятника и продлить срок его службы.

Древесина Преображенской церкви является не только уникальным памятником природы, но и уникальным объектом исследования, позволившим ученым изучить процессы, происходящие в процессе старения этого природного полимера, выявить основных вредителей исторической древесины и разработать систему комплексного профилактического обслуживания памятников деревянного зодчества, рекомендованную в настоящее время к внедрению во всех российских музеях деревянного зодчества.

Сохранение исторической древесины является приоритетной задачей проекта реставрации Преображенской церкви, осуществляемого с 2005 г.

²³ Кистерная М. В., Козлов В. А. Указ. соч. С. 94.

Чертежи А. В. Ополовникова в фондах музея-заповедника «Кижь»

В фондовом собрании музея-заповедника «Кижь» хранится уникальная коллекция графических материалов, содержащая результаты обследования памятников деревянного зодчества Карелии, организованного в послевоенные годы Управлением по делам строительства и архитектуры при Совете Министров Карело-Финской ССР. Для проведения обмеров и проектных работ в Карелию были приглашены московские архитекторы А. Н. Буйнов, Б. В. Гнедовский, Л. М. Лисенко, А. В. Ополовников. К работе привлекались и карельские специалисты (В. П. Орфинский, В. А. Крохин, Э. В. Ильин, А. Я. Кривонкин, Д. Г. Сафонова и др.).

С 1946 по 1965 г. все работы, связанные с охраной памятников архитектуры Карелии, выполнялись Управлением по делам строительства и архитектуры при Совете Министров КАССР. В 1965 году полномочия по охране памятников были переданы Министерству культуры КАССР. В связи с этим чертежи обмеров и реставрации памятников деревянного зодчества, находившиеся на балансе Архитектурно-строительного управления, поступили в фонды Карельского государственного краеведческого музея (ныне – Национальный музей Республики Карелия). В 1976 году КГКМ передал музею-заповеднику «Кижь» 50 коллекций чертежей (1512 единиц хранения). С тех пор фондное собрание музея-заповедника «Кижь» целенаправленно комплектовалось произведениями архитектурной графики с изображениями

памятников деревянного зодчества Карелии. На сегодняшний день оно включает около двух с половиной тысяч музейных предметов. Почти треть коллекции чертежей составляют авторские работы А. В. Ополовникова и графические материалы, созданные при его участии или под его руководством¹. На них зафиксированы 38 памятников деревянного зодчества Карелии, включая комплексы сооружений 3 погостов, 14 церквей, 9 часовен и 7 объектов гражданской архитектуры.

К данной статье прилагаются иллюстрации, дающие наглядное представление о составе коллекции архитектурной графики. Большая часть публикуемых работ принадлежит А. В. Ополовникову. Учитывая тематику сборника, для большей полноты картины также приводятся несколько чертежей обмеров и образцы росписи тьябл Преображенской церкви, выполненные Б. В. Гнедовским и Л. М. Лисенко.

Свидетельством начала деятельности А. В. Ополовникова в Карелии является документ, хранящийся в фондах нашего музея.

¹ В качестве приложения к данной статье публикуется путеводитель по фондам музея «Кижь», в котором представлены все имеющиеся в музейном собрании графические работы А. В. Ополовникова. На интернет-сайте музея можно ознакомиться с электронной версией двух разделов каталога «Чертежи А. В. Ополовникова в фондах музея-заповедника «Кижь», посвященных памятникам Кижского архитектурного ансамбля и культовой архитектуры Заонежья. Электронный каталог чертежей регулярно пополняется, в нем будут представлены все графические материалы, отражающие деятельность А. В. Ополовникова в Карелии (см.: <http://kizhi.karelia.ru/collection/catalogs/chertezhi-opolovnikov-3/>).

Южный фасад Преображенской церкви (обмерный чертеж). Авторы: Б. В. Гнедовский, Л. М. Лисенко. 1947 г. (КП-267/6)

Это сопроводительное письмо, выданное 5 августа 1947 года Советом Министров Карело-Финской ССР архитекторам А. В. Ополовникову и В. В. Толкушкину. Оно содержит указание районным и сельским органам власти оказывать всемерное содействие специалистам, направленным для «обследования, учета, обмеров, фотографирования памятников архитектуры и предметов народного творчества и принятия первоочередных мер по их сохранению»². Первыми результатами этой экспедиции явились сделанные в сентябре 1947 года обмеры памятников архитектуры Пудожья: Водлозерско-Ильинского и Колодозерского погостов, церквей и часовен в населенных пунктах Росляково, Нижний Падун, Корбозеро, Водла, Кузнецовская, Заозерье, Минино (Салмозеро), Вавдиполе, Канзанаволок, Колгостров, Куганаволок. Большинство зафиксированных архитектурных объектов, к сожалению, не сохранилось до сегодняшнего дня (кроме Ильинского погоста на Водлозере и ограды Колодозерского погоста). Именно поэтому обмерные материалы, сохранившие облик утраченного архитектурного наследия, становятся сегодня бесценным материалом для специалистов.

² Кижы КП-2670.

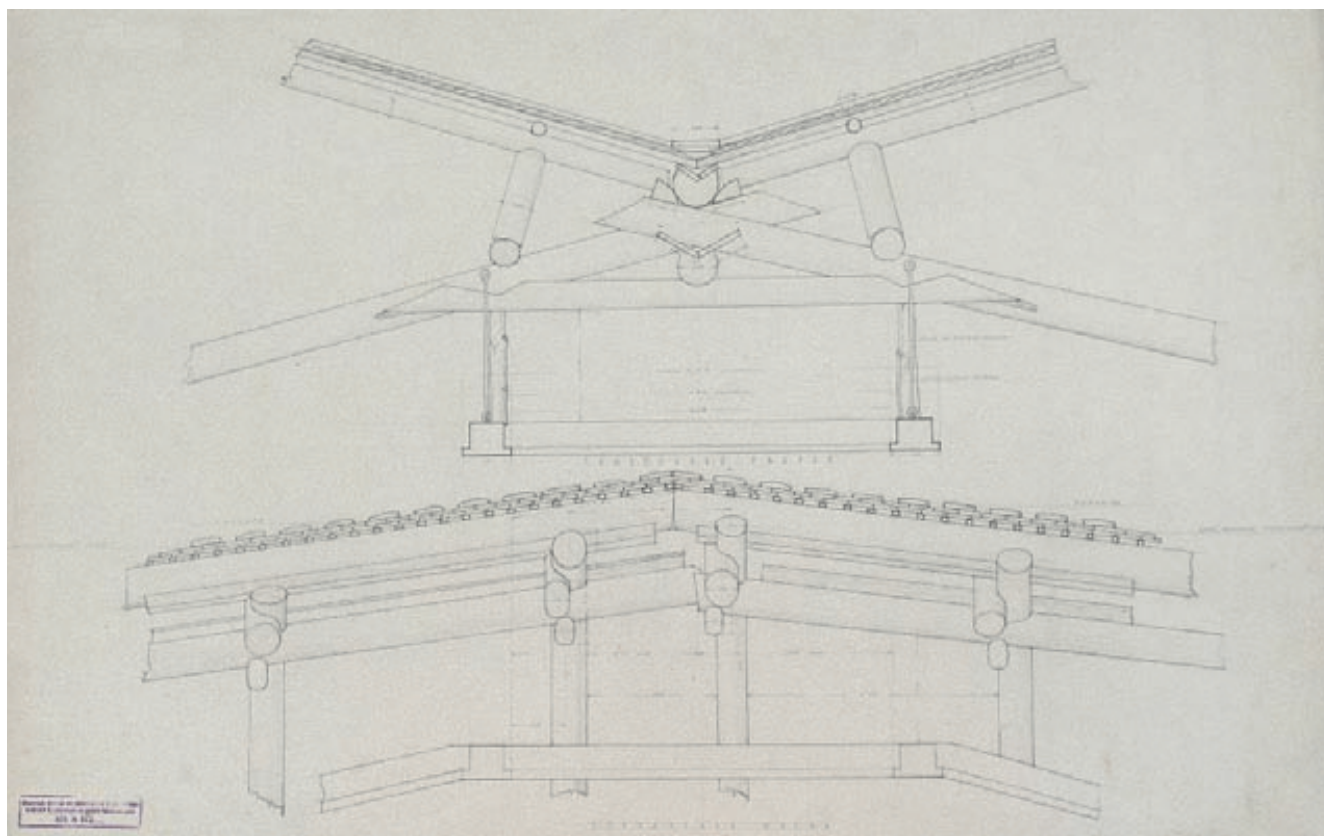

Западный фасад Преображенской церкви (обмерный чертеж). Авторы: Б. В. Гнедовский, Л. М. Лисенко. 1947 г. (КП-267/8)

Работы по реставрации памятников деревянного зодчества Карелии под руководством А. В. Ополовникова начались летом 1948 года с церкви Успения Пресвятой Богородицы в Кондопоге. Коллекция чертежей этого памятника в фондах музея «Кижы» содержит 128 работ, выполненных архитектором, в том числе детальные обмеры церкви (включая фрагменты интерьера и иконостаса), проект ее реставрации.

В 1949 году при Управлении по делам архитектуры Совета Министров КФСР создаются Республиканские научно-реставрационные мастерские, организованы два участка – кемский и заонежский. К этому времени в Карелии было принято на учет 120 памятников, десять из них имели статус памятников общесоюзного значения. На объектах проводились обмеры и обследования, начинались первоочередные ремонтные работы, которые в большинстве случаев носили противоаварийный характер, имели целью предохранение памятников от дальнейшего разрушения.

Под руководством А. В. Ополовникова начинали свою творческую деятельность впоследствии известные карельские архитекторы. В. А. Крохин занимался обследованием и разработкой проекта реставрации трех памятников:

Преображенская церковь. Разрезы по перекрытию над подвесным потолком (обмерный чертеж). Авторы: Б. В. Гнедовский, Л. М. Лисенко. 1947 г. (КП-267/28)

Петропавловской часовни в деревне Насоновщина (Волкостров) в 1950 году, Вознесенской церкви в деревне Типиницы (1951–1952 гг.)³ и церкви Александра Свирского в селе Космозеро (1952 г.). В 1954 году совместно с Н. А. Савиным проводились обмеры церкви Воскрешения Лазаря в бывшем Муромском монастыре и крестьянских домов Васькина и Мелькина в селе Шелтозеро. А. В. Ополовников руководил работами, связанными с обмером, перевозкой на остров Кижь и реставрацией дома Ошевнева из заонежской деревни Ошевнево. Фиксацией обмеров и разработкой проекта реставрации под его руководством занимался архитектор Э. В. Ильин. В коллекции чертежей этого памятника имеется только одна работа, выполненная непосредственно А. В. Ополовниковым, – проект реконструкции русской печи первого этажа⁴.

Высокохудожественными произведениями архитектурной графики являются чертежи А. В. Ополовникова, запечатлевшие не только облик уникальных культовых построек, но и листы с изображениями деталей крестьянских домов. В одной из его книг можно прочесть оду в честь таланта народного мастера, которую он

заключает словами: «Пытаться описать наличники дома Васькина – попусту тратить время. Лучше, чем они есть в действительности, их все равно не изобразить, уж тем более словами. Любителю прекрасного на них просто надо смотреть и запоминать их, чтобы впитать в себя животворную энергию вдохновенного творения»⁵.

Особую ценность для музея имеет коллекция чертежей памятников Кижского архитектурного ансамбля, включающая 260 единиц хранения. Она содержит обмерные кроки Преображенской и Покровской церквей, выполненные коллективом техников-архитекторов под руководством А. В. Ополовникова, и его авторские работы: чертежи обмера и реставрации трех памятников погоста, проект воссоздания ограды⁶.

Имя А. В. Ополовникова связано не только с исследованием и возрождением памятников народной архитектуры, но и формированием музея под открытым небом на острове Кижь. Сохранились его эскизные проекты, представляющие варианты экспозиции кижского

⁵ Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Дерево и гармония: Образы древнерусского деревянного зодчества. М., 1998. С. 37.

⁶ В коллекции также имеются обмерные материалы кижских церквей, выполненные архитекторами Б. В. Гнедовским и Л. М. Лисенко в 1945–1947 гг. (КП-267/1–38, 268/1–23).

³ Церковь сгорела в 1975 году.

⁴ КП-270/47.

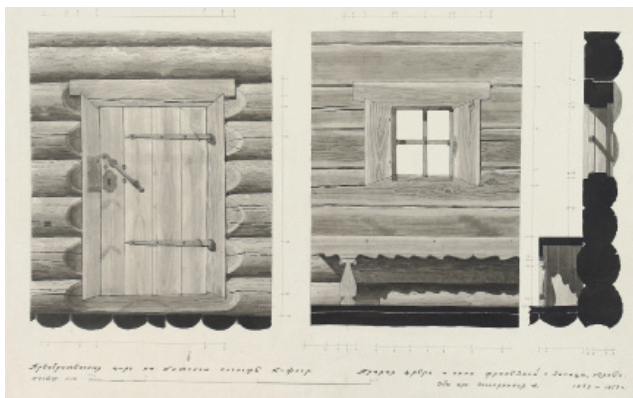
Роспись на тяблах «неба» Преображенской церкви. Авторы: Б. В. Гнедовский, Л. М. Лисенко. 1947 г. (КП-267/29-36)

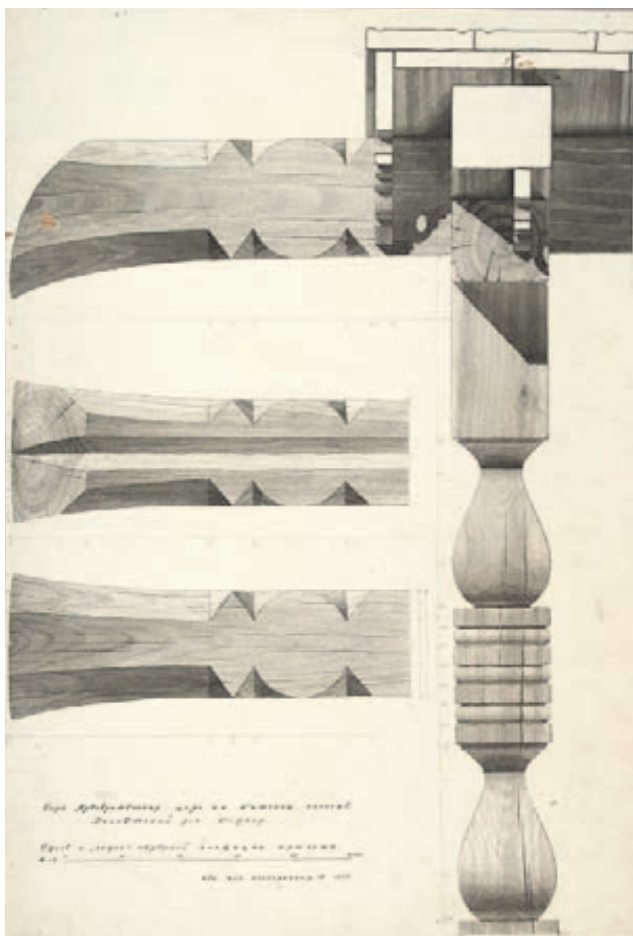
Роспись на тьяблах «неба» Преображенской церкви. Авторы: Б. В. Гнедовский, Л. М. Лисенко. 1947 г. (КП-267/29-36)

Фрагмент росписи на тьяблах «неба» Преображенской церкви. Авторы: Б. В. Гнедовский, Л. М. Лисенко. 1947 г. (КП-267/37)

Правая дверь и окно трапециевидной (западное левое) Преображенской церкви (обмерный чертеж). Автор А. В. Ополовников. 1949–1960 гг. (КП-267/39)

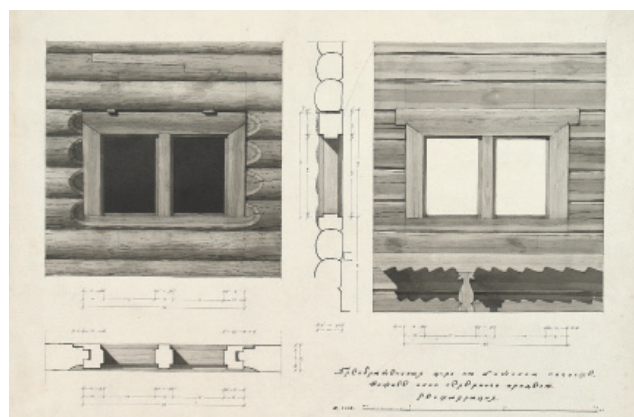
Столб и поток северной площадки крыльца Преображенской церкви (обмерный чертеж). Автор А. В. Ополовников. 1952 г. (КП-267/43)

музея⁷. По проекту 1955 года предполагалось разместить на территории юго-восточнее дома Ошевнева 19 памятников культового и гражданского зодчества. В проекте 1958 года перечислены 40 основных объектов музея под открытым небом, из них 16 – уже существующие, остальные – намечаемые к перевозке (среди последних, например, дом Мелькина из села Шелтозеро). В последующие годы

⁷ КП-5713/1, 2; КП-5714.

Южный фасад Преображенской церкви (реставрационный чертеж). Автор А. В. Ополовников. 1949 г. (КП-267/47)

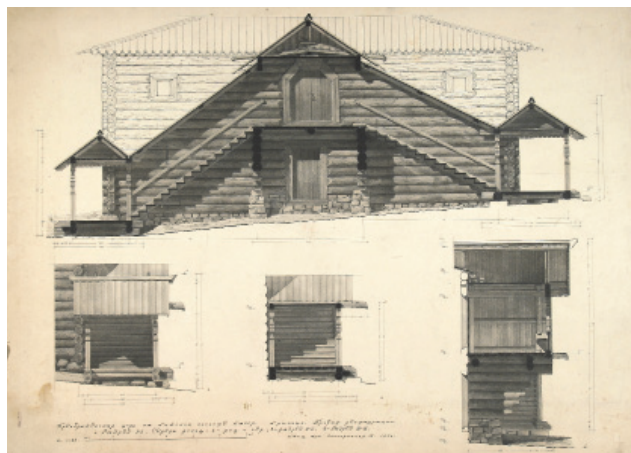

Нижнее окно северного придела Преображенской церкви (реставрационный чертеж). Автор А. В. Ополовников. 1960 г. (КП-267/53)

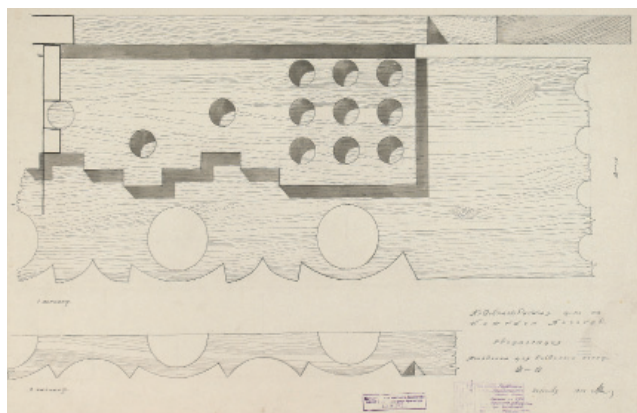
А. В. Ополовниковым была реализована перевозка и реставрация 24 памятников, составивших архитектурно-этнографическую экспозицию музея-заповедника «Кижь». Среди них крестьянские дома Ошевнева, Елизарова, Сергина, Пертякова, Пономарева, Вичурина, церковь Воскрешения Лазаря из Муромского монастыря, часовня Трех Святителей из деревни Кавгора Кондопожского района, часовня Архангела Михаила из заонежской

Продольный разрез Преображенской церкви (реставрационный чертеж). Автор А. В. Ополовников. 1949–1960 гг. (КП-267/48)

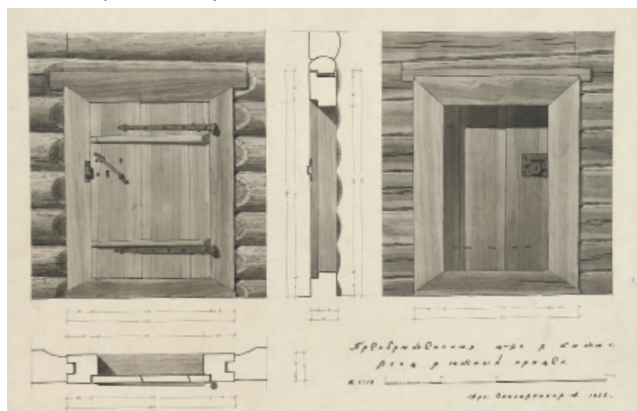
Крыльцо Преображенской церкви: разрез I–I. Северный вход: вид с севера, разрезы (реставрационный чертеж). Автор А. В. Ополовников. 1960 (?) г. (КП-267/49)

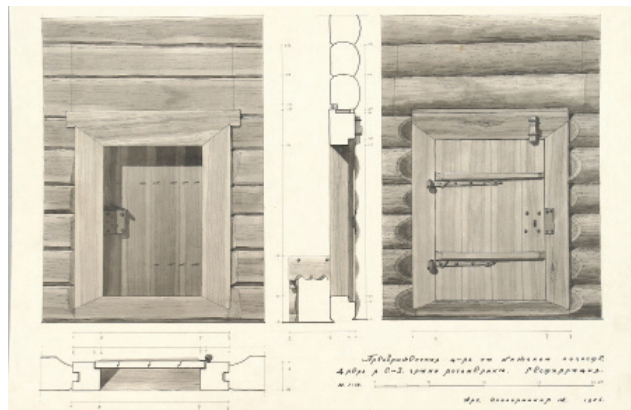
Причелина для бочечных полиц Преображенской церкви (реставрационный чертеж). Автор А. В. Ополовников. 1949 г. (КП-267/61)

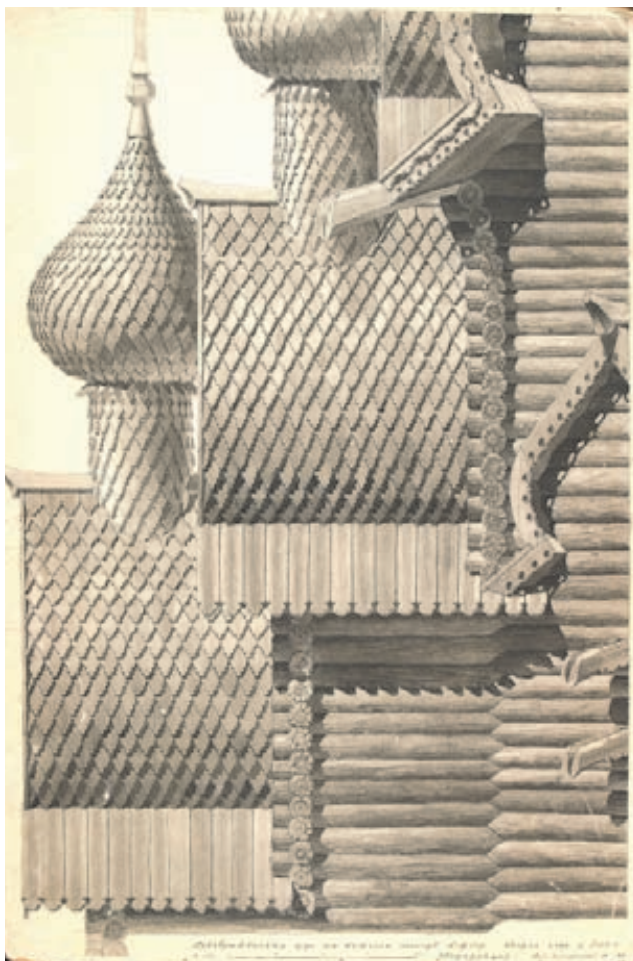
Купол и бочка 4-го яруса на западной стороне Преображенской церкви (реставрационный чертеж). Автор А. В. Ополовников. 1949 г. (КП-267/51)

Вход в южный придел Преображенской церкви (реставрационный чертеж). Автор А. В. Ополовников. 1956 г. (КП-267/71)

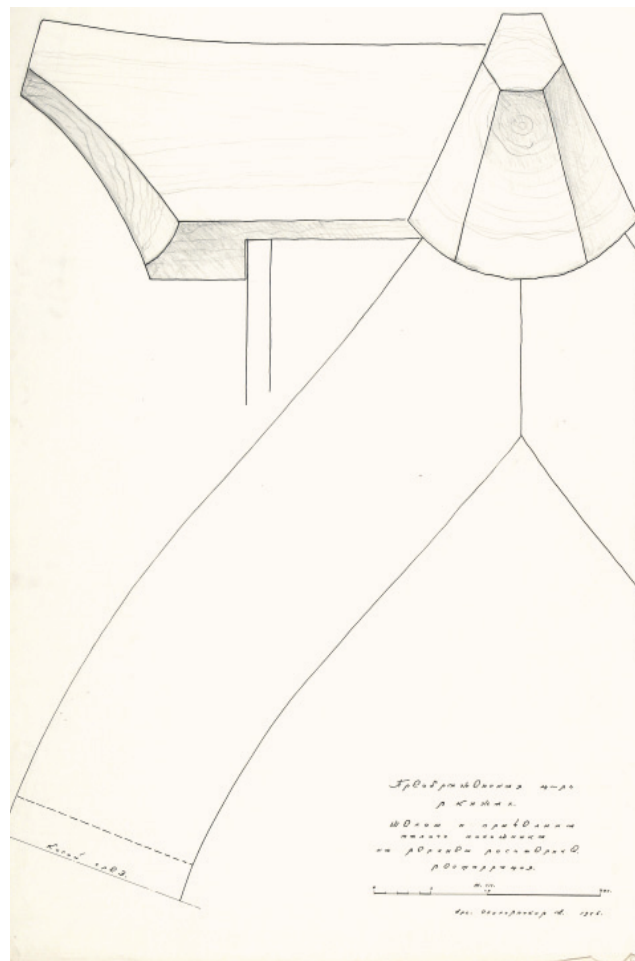
Дверь в северо-западной грани восьмерика Преображенской церкви (реставрационный чертеж). Автор А. В. Ополовников. 1956 г. (КП-267/70)

Кровли глав и бочек Преображенской церкви (реставрационный чертёж). Автор А. В. Ополовников. 1955 г. (КП-267/52)

деревни Леликозеро, большое количество хозяйственных построек. В фондах музея хранятся архитектурные обмеры и проекты реставрации некоторых из этих памятников: церкви Воскрешения Лазаря, часовни из деревни Кавгора, ветряной мельницы из деревни Волкостров.

В сентябре 1987 года в фонды музея «Кижь» поступили документы, переданные А. В. Ополовниковым через сотрудника музея М. А. Витухновскую во время их встречи в Москве в ходе подготовки выставки «Охрана кижских

Шелом и причелина малого кокошника на верхнем восьмерике Преображенской церкви (реставрационный чертёж). Автор А. В. Ополовников. 1956 г. (КП-267/64)

памятников». Эта небольшая мемориальная коллекция включает типовые документы, какие оформлялись в отделах кадров всех государственных учреждений. Анкета, заполненная в 1954 году, содержит автобиографию и список основных проектных работ и построек архитектора. В первой записи в документе «Личный листок по учету кадров» читаем: «1928–1931 гг., студент Московского лесного техникума», в последней записи: «1980 г., пенсионер». А между ними жизнь, достойная летописания.

ЧЕРТЕЖИ А. В. ОПОЛОВНИКОВА. Путеводитель по фондам музея-заповедника «КИЖИ»

№ п/п	Объекты	Время создания коллекций	Учетные обозначения	Содержание коллекций	Примечания
1	2	3	4	5	6
1.	Памятники Пудожского р-на Часовня в д. Нижний Падун Церковь в с. Росляково Ильинский погост на Водлозере	1947 1947 1947 1950–1953	КП-314 КП-5992/1–3 КП-5993/1–3 КП-274/1–30	Кроки обмеры обмеры обмеры, реставрация	выполнялись совместно с В. В. Толкушкиным
2.	Успенская церковь в г. Кондопога	1948–1949	КП-287/1–22 КП-287/23–28 КП-7016/1–100	Обмеры реставрация кроки	
3.	Церковь Петра и Павла в д. Лычный Остров (совр. Кондопожского р-на)	1948–1955	КП-277/1–23 КП-5718	обмеры, реставрация кроки	
4.	Колокольня Кижского погоста	1948–1954	КП-280/1–6 КП-5821 КП-5996/22	обмеры, реставрация обмеры кроки	
5.	Преображенская церковь Кижского погоста	1949–1960	КП-267/39–41, 43, 44 КП-267/45–71 КП-6505 КП-5820/1–52 КП-5996/12–16	Обмеры реставрация кроки обмеры	выполнялись коллективом техников-архитекторов под руководством А. В. Ополовникова
6.	Покровская церковь Кижского погоста	1949–1960	КП-268/24–61 КП-5819/1–41 КП-5996/17–21	обмеры, реставрация кроки обмеры	выполнялись коллективом техников-архитекторов под руководством А. В. Ополовникова
7.	Дом Грешникова в д. Обельщина (совр. Медвежьегорского р-на)	1949	КП-297/1–10 КП-5715	Обмеры кроки	
8.	Дом Лепсина в д. Кузнецы (совр. Медвежьегорского р-на)	1949–1950	КП-292/1–20 КП-5995/1–18	обмеры, реставрация кроки	
9.	Успенская церковь в г. Кемь	1950	КП-284/6–31 КП-5994/1–13	обмеры, реставрация	
10.	Церковь Петра и Павла в с. Вирма (совр. Беломорского р-на)	1950–1951	КП-286/1–14 КП-5998	Обмеры кроки	
11.	Часовня Петра и Павла в д. Волкостров (совр. Медвежьегорского р-на)	1950, 1952	КП-273/20–39	обмеры, реставрация	
12.	Церковь св. Варвары в д. Яндомозеро (совр. Медвежьегорского р-на)	1950–1952	КП-288/1–23 КП-5716/1–15	обмеры, реставрация кроки	

1	2	3	4	5	6
13.	Вознесенская церковь в с. Типиницы (совр. Медвежьегорского р-на)	1951–1952	КП-275/22–32	реставрация	выполнялись совместно с В. А. Крохиным
14.	Часовня Трех Святителей из д. Кавгора (совр. Кондопожского р-на)	1951–1952	КП-269/1–22 КП-5717/1–15	обмеры, реставрация кроки	
15.	Церковь Александра Свирского в с. Космозеро (совр. Медвежьегорского р-на)	1952	КП-281/1–16	обмеры, реставрация	выполнялись совместно с В. А. Крохиным
16.	Церковь Воскрешения Лазаря из Муромского монастыря	1954	КП-271/1–22 КП-271/23–30 КП-5720/1–15	Обмеры реставрация кроки	выполнялись совместно с Н. А. Савиным
17.	Дом Васькина в с. Шелтозеро (совр. Прионежского р-на)	1954	КП-315/1–12	обмеры	выполнялись совместно с Н. А. Савиным
18.	Дом Мелькина в с. Шелтозеро (совр. Прионежского р-на)	1954	КП-316/1–15	обмеры	выполнялись совместно с Н. А. Савиным
19.	Богоявленская церковь в с. Челмужи (совр. Медвежьегорского р-на)	1955	КП-279/46, 47 КП-279/26, 28, 31	Обмеры реставрация	
20.	Дом Ошевнева из д. Ошевнево (совр. Медвежьегорского р-на)	1955	КП-270/47	реконструкция печи	
21.	Ограда Кижского погоста	1956	КП-278/1–11	проект реконструкции	
22.	Ильинская церковь в с. Поля (совр. Медвежьегорского р-на)	1956	КП-289/1–13	обмеры	
23.	Мельница ветряная из д. Волкостров (совр. Медвежьегорского р-на)	1958–1959	КП-282/1–13	обмеры, реставрация	
24.	Эскизный проект экспозиции музея-заповедника «Кижь»	1955 1958	КП-5713/1, 2 КП-5714		

Кижы: археология, история, топонимика

Археологические древности первобытной эпохи окрестностей острова Киж

Ансамбль кижских церквей был построен на земле, издревле освоенной населением. Первобытных охотников и рыбаков привлекало выгодное географическое расположение района и имеющиеся здесь ресурсы жизнеобеспечения, прежде всего для занятия промысловой деятельностью. И хотя мы не можем говорить о существовании преемственности между древнейшим населением края и жителями кижской округи эпохи позднего Средневековья, когда были построены храмы, тем не менее мы можем констатировать, что культура первобытных насельников была развита и во многом самобытна. Свидетельством тому являются более 60 памятников археологии, обнаруженных в окрестностях острова Киж (рис. 1). Проведенные исследования свидетельствуют, что древнейшее население появилось здесь в эпоху мезолита – около 8 тысяч лет назад. В дальнейшем следы пребывания населения в районе фиксируются на протяжении последующих археологических эпох неолита и энеолита. Памятников бронзового и железного веков в южном Заонежье не найдено. Возможно, эта территория в силу каких-то обстоятельств была покинута древним населением. Вновь в кижской округе население появляется в эпоху раннего Средневековья (на позднее XI века) и в дальнейшем проживает здесь почти непрерывно.

Первые сведения о наличии в окрестностях острова Киж археологических древностей относятся к середине XIX века. В частности, со-

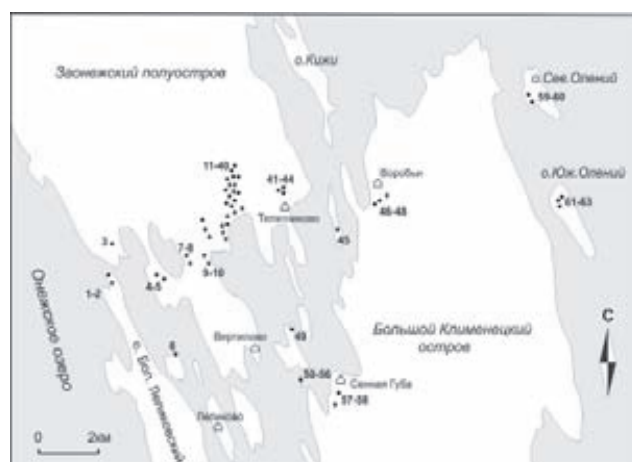

Рис. 1. Памятники археологии первобытной эпохи южного Заонежья

общается о нахождении в окрестных деревнях древних каменных орудий. Перечень находок приводится в списке памятников археологии Карелии, который опубликован в монографии А. Я. Брюсова¹. Так, например, обломок каменной кирки «карельского типа» происходит из села Великая Губа. Он входил в состав коллекции А. М. Раевской и хранился в Государственном Эрмитаже. Из деревни Телятниково происходит «крестовидный каменный топор». На Большом Клименецком острове близ села Сенная Губа найден сланцевый топор, из деревни Сельга происходит обломок сланцевой кирки «карельского типа», а из деревни Косельга – «два обломка от больших и массивных каменных топоров (длиной по 17 см каждый)»². По сообщению

¹ Брюсов А. Я. История древней Карелии. М., 1940. С. 213, 223, 236, 237.

² Там же. С. 236.

Рис.2. План возжмарихинского археологического комплекса

А. Я. Брюсова, указанные каменные орудия хранились в Карельском государственном музее.

Следует отметить, что в окрестностях всех указанных населенных пунктов (за исключением деревни Косельга) в ходе последующих изысканий были открыты древние поселения.

Первые археологические исследования в южном Заонежье связаны с открытием и раскопками в 1936–1938 гг. одного из крупнейших древних некрополей Северной Европы – могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера, который в настоящее время является эталонным памятником для изучения эпохи мезолита на севере Европы. Его 177 погребений содержат выдающиеся артефакты, давшие исследователям богатейший материал для изучения самых разных сторон древнейшей истории и культуры на территории Фенноскандии. Об истории открытия могильника подробно сообщается в статье В. И. Равдоникаса, который в 1936–1937 гг. являлся руководителем раскопок. Данная статья предваряет монографию Н. Н. Гуриной,

посвященную публикации материалов исследований оленеостровского могильника³. Отметим, что весьма любопытные, на наш взгляд, сведения по истории открытия данного памятника также содержатся в воспоминаниях Д. С. Богданова, который в 30-х годах XX века был директором Оленеостровских известковых разработок⁴. Именно он впервые сообщил археологам о находке в ходе разработок известняка древних костей. В дальнейшем материалы оленеостровского могильника неоднократно привлекались разными исследователями для изучения различных аспектов древнейшей истории. Одна из последних статей, специально посвященная данному памятнику, опубликована В. Ф. Филатовой. В статье автор рассматривает могильник в общем контексте мезолитических древностей Обонежья и делает вывод, что данный некрополь возник как следствие «консолидации нескольких территориальных групп населения, осознавших себя единым и отличным от других, в том числе от родственных по происхождению, сообществом»⁵.

В 1938 году, в ходе раскопок оленеостровского могильника, на том же Южном Оленьем острове в непосредственной близости от могильника было открыто мезолитическое поселение (так называемая Оленеостровская стоянка)⁶. В 1953 году Н. Н. Гуриной на поселении были проведены раскопки, результаты которых она в качестве приложения к своей монографии⁷. В последующее время стоянка исследовалась Г. А. Панкрушевым в 1956–1957 гг. и В. Ф. Филатовой в 1972 г. Наиболее подробно памятник был опубликован Г. А. Панкрушевым в монографии «Мезолит и неолит Карелии». По высотным данным и характеру каменного инвентаря исследователь отнес поселение к позднему мезолиту и датировал первой

³ Равдоникас В. И. Неолитический могильник на Южном Оленьем острове Онежского озера // Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. М.-Л., 1956. С. 11–13. (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 47.)

⁴ Богданов Д. С. Оленьи острова (из воспоминаний «Лазурное Заонежье») // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 27–28.

⁵ Филатова В. Ф. Оленеостровский могильник в системе мезолитических поселений Карелии // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 208.

⁶ Равдоникас В. И. Неолитический могильник... С. 13.

⁷ Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. М.-Л., 1956. С. 423–429. (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 47.)

половиной V тыс. до н. э.⁸ В дальнейшем об Оленеостровской стоянке неоднократно писала В. Ф. Филатова. В своей монографии «Мезолит бассейна Онежского озера» она отнесла данное поселение к финальному этапу Обонежской археологической культуры, который датировала отрезком времени от конца VI до начала – первой трети V тысячелетия до н. э.⁹ Последние раскопочные работы на стоянке проводились в 2007 г. комплексной экспедицией с участием специалистов музея-заповедника «Кижь», Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН¹⁰. Материалы исследования каменного инвентаря стоянки опубликованы А. Ю. Тарасовым¹¹.

В ходе работ упомянутой экспедиции на Южном Оленьем острове было открыто еще одно мезолитическое поселение – Южный Олений остров 2. Его раскопки были проведены в 2006 году. Материалы раскопок частично опубликованы¹².

Еще два памятника археологии были выявлены на соседнем с Южным Оленьем – Северном Оленьем острове. Поселение эпохи неолита Северный Олений остров 1 было открыто в 1972 г. В. Ф. Филатовой и исследовано в 1991 г. Н. В. Лобановой. Поселение Северный Олений остров 2 было открыто авторами в 2001 году. В ходе исследований получен бескерамический комплекс, что позволило предварительно определить памятник как мезолитический.

Отметим также еще два местонахождения древностей в районе южного Заонежья.

⁸ Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1: Мезолит. Л., 1978. С. 104.

⁹ Филатова В. Ф. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 2004. С. 118.

¹⁰ Работы проводились по гранту РФФИ № 06-06-88017-к «Происхождение и процессы формирования населения Севера Европы (антропологический состав, экология человека, историко-культурное развитие)». Научный отчет о раскопках хранится в архиве музея-заповедника «Кижь»: НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 3291. (Герман К. Э. Отчет об археологических работах на территории Республики Карелия в 2007 году.)

¹¹ Тарасов А. Ю. Каменная индустрия Оленеостровской мезолитической стоянки в окрестностях острова Кижь: технико-типологический анализ // Кижский вестник. Петрозаводск, 2011. Вып. 13. С. 211–272.

¹² Тарасов А. Ю., Мурашкин А. И., Герман К. Э. Новые исследования на Южном Оленьем острове Онежского озера // Кольский сборник. СПб., 2007. С. 41–81.

Рис. 3. Памятники археологии на острове Радколье

В 1953 году Н. Н. Гурина в окрестностях деревни Конда на южном берегу Большого Клименецкого острова провела сборы на распаханной стоянке. На острове Кижь местонахождение кремневых орудий у деревни Ямка было открыто в 1991 году А. П. Журавлевым¹³.

Дальнейшие археологические исследования на территории южного Заонежья связаны с деятельностью археологической экспедиции музея-заповедника «Кижь».

В 1995–1999 гг. сотрудником музея-заповедника «Кижь» И. В. Мельниковым в южной части Заонежского полуострова были открыты поселения Вожмариха 1–21, которые относятся к эпохам мезолита, неолита и энеолита. Памятники находятся в районе залива Вожмариха Онежского озера и располагаются компактной группой на протяжении 2 километров вдоль древней, ныне заболоченной береговой линии залива (рис. 2). Еще шесть поселений мезолита

¹³ Журавлев А. П. Заонежье в эпоху камня – раннего металла. Петрозаводск, 1994. С. 78, 83.

Рис. 4. Вид на радкольскую скалу

Рис. 7. Вид на остров Радколье

Рис. 5. Радкольский бог»

Рис. 6. Скальный останец антропоморфной формы на острове Радколье

и неолита (Вертилово 1–6) были выявлены западнее залива Вожмариха в районе лесного озера Копанец. Наконец еще одно поселение – Леликово 1, содержащее смешанный комплекс инвентаря, было открыто на северной оконечности Большого Леликовского острова¹⁴.

С 2000 года, после прихода в музей-заповедник «Киж» К. Э. Германа, исследования в южном Заонежье проводятся И. В. Мельниковым и К. Э. Германом совместно. В результате были открыты еще девять памятников мезолита и неолита в районе залива Вожмариха (поселения Вожмариха 22–30), неолитические поселения Вертилово 7 и Леликово 2. К. Э. Германом в южной части Заонежского полуострова были открыты четыре поселения мезолита в районе деревни Жарниково (Жарниково 1–4).

В 2007–2011 годах была проведена разведка на островах Кижских шхер. На Большом Клименецком острове открыты три неолитических поселения в районе деревни Воробьи. Поселение энеолита с асбестовой керамикой открыто на острове Керкостров. Неолитическое поселение с ямочно-гребенчатой керамикой зафиксировано на острове Калгов. Важным открытием стало выявление на острове Букольников поздненеолитического могильника, а также поселения, содержащего керамические комплексы эпохи неолита и энеолита.

Весьма интересные результаты дали исследования на острове Радколье. Этот небольшой скалистый остров, находящийся в центральной

¹⁴ Мельников И. В. Новые археологические памятники южного Заонежья // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 197–220; Он же. Новые открытия памятников археологии на юге Заонежского полуострова // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 212–219.

Рис. 8. Вид на центральную часть острова Радколье (расположение поселения Радколье 3)

Рис. 9. Каменная кладка подковообразной формы на острове Радколье

части архипелага Кижские шхеры, недалеко от деревни Сенная Губа на западном побережье Большого Клименецкого острова, неоднократно упоминался в этнографической литературе. Причиной тому была оригинальная фольклорная традиция (празднование «радкольского воскресенья», представления о «радкольском боге», о «хозяине острова» и т. д.), описание которой можно прочесть в специальных публикациях¹⁵. Археологам остров Радколье также был известен. В частности, в каталоге памятников археологии Карелии А. Я. Брюсова сообщается, что на вершине острова имеется «часть скалы, производящее впечатление высеченной человеческой головы огромных размеров. Определенных следов искусственной обработки этой скалы в настоящее время заметить нельзя. ...Обследование острова производил в 1933 г. А. Брюсов»¹⁶. В 2007–2010 гг. авторами на острове Радколье была проведена разведка, показавшая наличие там довольно насыщенного находками культурного слоя. Всего было открыто семь поселений (Радколье 1–7), содержащих смешанный комплекс инвентаря неолита и энеолита (рис. 3–11).

Параллельно с разведочными работами авторами проводились раскопки отдельных памятников, имевшие целью уточнение их культурно-хронологической атрибуции. По результатам раскопок подготавливались

Рис. 10. Каменная кладка подковообразной формы на острове Радколье

Рис. 11. Скальный останец антропоморфной формы на острове Радколье («хозяин острова»)

¹⁵ Агапитов В. А., Мельников И. В. О древнем культовом комплексе в Заонежье // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 151–159; Логинов К. К. Заонежский праздник Радкольское воскресенье // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследование, источники, историография. Петрозаводск, 2010. С. 37–46.

¹⁶ Брюсов А. Я. История древней Карелии. С. 234.

Рис. 12. Сланцевые топоры эпохи мезолита (Вожмариха 3, 11)

Рис. 13. Сланцевое тесло эпохи мезолита (поселение Вожмариха 24)

Рис. 14. Орудия из сланца эпохи мезолита (поселение Вожмариха 24)

Рис. 15. Орудия из сланца мезолита и неолита

предварительные публикации, которые в основном издавались в научных сборниках музея-заповедника «Киж», а также материалах конференций. В 1999–2002 годах были проведены раскопки мезолитических поселений Вожмариха 2, 3, 5, 10, 11. В 2001–2004 годах раскопками исследовались поселения неолита Вожмариха 1, 4, 15, 26, а также Вертилово 3 и 7. В 2004 и 2005 годах исследовались мезолитические поселения Вожмариха 8 и 22. В том же, 2005 году, были проведены раскопки поселения Леликово 1, в результате которых был получен смешанный комплекс инвентаря неолита и энеолита. В 2006 году исследовалось позднеолитическое поселение Вожмариха 21, а в 2007 году – поселение позднего энеолита с асбестовой керамикой Вожмариха 19. Наконец в 2008–2009 годах раскопки были проведены на поселениях мезолита Вожмариха 23 и 24. В 2013 году – результаты археологических исследований древних поселений южного Заонежья были опубликованы в виде отдельной монографии¹⁷.

К древнейшей в Карелии археологической эпохе мезолита в окрестностях острова Киж относится 27 поселений. Они принадлежат к трем функциональным типам памятников, которые были выделены В. Ф. Филатовой для Обонежской мезолитической культуры¹⁸.

К первому функциональному типу (долговременные поселения без заглубленных жилищ) относятся памятники Вожмариха 11, 22, 24. Эти поселения имеют достаточно мощный (около 20–30 см), насыщенный находками культурный слой, разнообразный состав инвентаря; площадь распространения культурного слоя порядка 1000–2000 м². На поселениях были зафиксированы следы очагов, каменной кладки (Вожмариха 22), а также, видимо, наземной конструкции (Вожмариха 11). Данные поселения, вероятно, функционировали продолжительное время, но только в теплое время года, на что указывает отсутствие следов от зимних жилищ-полуземлянок (рис. 12–15).

Еще два памятника (Вожмариха 5 и 8) на данном этапе исследований также могут быть отнесены к первому функциональному типу

¹⁷ Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения южного Заонежья (мезолит – энеолит). Петрозаводск, 2013.

¹⁸ Филатова В. Ф. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 2004. С. 120.

поселений. Они имеют большую площадь (соответственно 3500 и 5700 м²), насыщенный разнообразными находками культурный слой мощностью до 35–40 см. Все это свидетельствует о долговременном функционировании памятников. В то же время на поселениях имеются впадины, но они или не копались (Вожмариха 8) или принадлежность их к числу жилищных не была подтверждена раскопками (Вожмариха 5). Дальнейшие исследования могут прояснить ситуацию с интерпретацией данных поселений.

Ко второму типу (долговременные поселения с фундаментальными жилищами) относятся три памятника – Вожмариха 1, 2, 3. На этих памятниках зафиксированы впадины, предположительно определенные как остатки жилищ-полуземлянок. На каждом памятнике в ходе раскопок было вскрыто по одной впадине, причем раскопки подтвердили их интерпретацию как жилищных. Площадь поселений составляет 2000–4000 м². Культурный слой поселений весьма насыщен находками, среди которых представлены самые разные категории изделий: орудия деревообработки, шлифовальные плиты и абразивы, ножевидные пластины, скребки, резцы, проколки, заготовки орудий, а также большое количество отходов производства каменных орудий. Это свидетельствует о разнообразии видов хозяйственной деятельности, которая осуществлялась на поселениях, функционировавших круглогодично, в том числе и в холодное время года (рис. 16–18).

К третьему функциональному типу (сезонные (летние) поселения без жилищ) можно отнести одно поселение – Вожмариха 10. Оно имеет площадь более 1000 м². Культурный слой имеет мощность около 10–20 см, но при этом относительно слабо насыщен находками, среди которых представлены шлифовальные плиты и абразивы, заготовки орудий из сланца, немногочисленные отходы каменной индустрии. Зафиксированы остатки каменного очага.

В целом мезолитические памятники района острова Кижы являются частью Обонежской мезолитической культуры и датируются VI – серединой V тыс. до н. э.

Древнее население, проживавшее в эпоху мезолита на берегу залива Вожмариха,

Рис. 16. Фрагмент раскопа с очагом на поселении Вожмариха 3

Рис. 17. Кварцевая пила и сланцевое орудие со следами пиления

Рис. 18. Сланцевые пилы

хоронило умерших на одном из наиболее отдаленных островов архипелага Кижские шхеры – Южном Оленьем острове. Благодаря присутствию в почве Оленьего острова известняка, костные останки погребенных и помещенный в могилы костяной сопровождающий инвентарь хорошо сохранились. В ходе разработки известняка большое число могил было разрушено, тем не менее в оставшейся части выявлено 177 погребений. Оленеостровский могильник является одним из крупнейших мезолитических некрополей на

Рис. 19. Жезл в виде головы лося из оленеостровского могильника (по: Н. Н. Гуриной)

территории Северной Европы, он функционировал в начале VI тыс. до н. э. Благодаря хорошей сохранности скелетов погребенных, изделий из кости и рога, оленеостровский могильник является чрезвычайно ценным источником для реконструкции хозяйства, образа жизни, общественных отношений, искусства и религии древнего населения, а также воссоздания внешнего вида погребенных в нем людей¹⁹.

В абсолютном большинстве случаев умершие были погребены в неглубоких ямах, в среднем на глубине 0,6 м от современной поверхности. Длина могил достигала 1,8 м. При засыпке могил в ритуальных целях

использовалась охра – природная красная краска. Все погребенные были положены в могилы головой на восток, иногда с отклонениями к северу или югу. В абсолютном большинстве случаев умершие лежали на спине, редко на боку, в вытянутом или скорченном положении. Выделяются четыре захоронения, где покойные были помещены в могилу вертикально. Иногда в одной могиле находились два (16 случаев) и даже три погребенных (3 случая).

Вместе с умершими в могилы клался разнообразный инвентарь, 90 % которого составляют предметы из кости и рога. Этот факт очень примечателен, поскольку показывает, что кость в мезолите Обонежья широко применялась для изготовления орудий. Кроме того, найдены изделия из кремня и сланца. Количество инвентаря в разных могилах было различным, а 36 погребений его вообще не содержали. Всего было обнаружено 7132 предмета, большинство из которых составляли украшения – подвески из резцов лося, медвежьих клыков, а также пластинки из резцов бобра. Среди хозяйственно-бытовых предметов представлены орудия охоты и рыболовства (гарпуны, наконечники стрел и копий, кинжалы, рыболовные крючки и пр.), а также орудия обработки кожи и кости. В некоторых погребениях найдены особые сланцевые ножи, имевшие ритуальное значение. Особый интерес представляют предметы культа и скульптурные изделия: жезлы в виде головы лося, скульптурные изображения змей, антропоморфные изображения и др. (рис. 19). В ряде погребений были найдены кости животных: лося, медведя, оленя, бобра, волка, а также птиц.

Чрезвычайно важны палеоантропологические материалы, полученные в оленеостровском могильнике. По мнению большинства антропологов, умершие принадлежали к архаичной восточной ветви европеоидов. Некоторые исследователи отмечают присутствие у погребенных монголоидной примеси. Отмечается своеобразие антропологических особенностей, которые не находят прямых аналогий среди современного населения²⁰.

Найденные в окрестностях острова Киж поселения эпохи неолита – раннего энеолита

¹⁹ Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник...

²⁰ См. статью В. И. Хартановича и И. Г. Ширококова в настоящем сборнике.

относятся к четырем известным в Обонежье археологическим культурам: сперрингс, ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики.

К культуре сперрингс в южном Заонежье относится 11 поселений, причем на трех памятниках (Вожмариха 25, 26, 28) она представлена чистыми комплексами. Они делятся на два функциональных типа.

Первый тип – это круглогодичные поселения или места многократного использования, имеющие жилую площадь свыше 1000 м². с окрашенным в ярко-красный цвет культурным слоем, остатками хозяйственных сооружений в виде каменных кладок, очагов, кострищ и ям. Культурный слой поселений насыщен находками, среди которых представлены самые разные категории изделий: орудия деревообработки, шлифовальные плиты и абразивы, скребуще-режущие орудия, заготовки орудий, а также большое количество отходов производства каменных орудий. Среди памятников южного Заонежья к первому типу относятся поселения Вожмариха 26, Вертилово 3 и 7 (рис. 20–23).

Второй тип – кратковременные поселения площадью 100–150 м², представляющие собой сезонные рыболовные или охотничьи становища с небольшой мощности культурным слоем, слабо насыщенным находками. Ко второму типу, видимо, относится большинство поселений на островах. Поскольку в основном они только разведаны и раскопкам не подвергались, говорить о том, на какой площади локализуется распространение керамики сперрингс, не представляется возможным. Однако в целом меньшая по сравнению с материковыми поселениями площадь памятников и мощность их культурного слоя свидетельствуют об их менее продолжительном времени функционирования. Видимо, они использовались для кратковременного проживания в ходе занятия промыслом или водных поездок.

В целом поселения с керамикой сперрингс района острова Кижы являются частью культуры сперрингс и датируются V – серединой IV тыс. до н. э.

В южном Заонежье культура ямочно-гребенчатой керамики представлена на 17 поселениях, как правило в составе смешанных комплексов.

Площадь поселений, где представлена ямочно-гребенчатая керамика, варьирует

Рис. 20. Фрагмент сосуда сперрингс (поселение Вожмариха 26)

Рис. 21. Заготовка сланцевого орудия из поселения культуры сперрингс (поселение Вожмариха 26)

Рис. 22. Кварцитовый наконечник копья (поселение Вертилово 7)

Рис. 23. Сланцевые орудия эпохи неолита (поселение Вертилово 7)

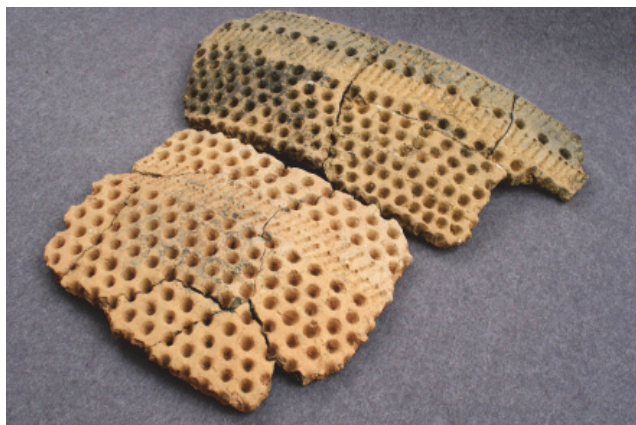

Рис. 24. Фрагмент сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом (поселение Вертилово 3)

Рис. 25. Рыболовное грузило эпохи неолита (поселение Вожмариха 15)

Рис. 26. Сланцевые кирки эпохи неолита (поселения Вожмариха 4 и 15)

Рис. 27. Сланцевые орудия эпохи неолита (поселения Вожмариха 1, Леликово 1)

Рис. 28. Сосуд с ямочно-гребенчатым орнаментом (поселение Вожмариха 4, раскоп 1)

в пределах 400–3000 м². Однако наиболее часто отмечена площадь 1500–2000 м². В частности, такую площадь имеют большинство поселений вожмарихинского археологического комплекса. На островах площадь поселений, как правило, меньше и составляет 400–800 м². Эти отличия в площади поселений, а также мощности их культурного слоя, вероятно, связаны с их функциональным назначением. Островные поселения, видимо, использовались для непродолжительных остановок. В ряде случаев они располагаются в местах, неудобных для постоянного проживания (например, Леликово 1, 2, Калгов 1, Радколье 2, 3 находятся на скалистых участках небольших островов). В то же время эти места до сих пор используются для кратковременных остановок рыбаков в силу того, что они удобны для промысла. На поселении Радколье 3 в разведочных шурфах были найдены два фрагмента рыболовных крючков, сделанных из сланца. Подобные изделия на поселениях южного Заонежья нами более нигде найдены не были.

Кроме того, указанные стоянки находятся вблизи проливов, имеющих важное значение для плавания как в районе южного Заонежья, так и всего Онежского озера. Например, поселения на Большом Леликовском острове находятся на берегу пролива Малая Солома, отделяющего остров от Заонежского полуострова. Через этот пролив ведет кратчайший путь, связывающий Уницкий и Лижемский заливы, западное побережье Онежского озера

с южным и восточным Заонежьем, а также восточным побережьем Онежского озера, в частности Пудожским берегом. Непосредственно на данном транспортном пути находятся острова Калгов и Радколье. Вполне возможно, что они использовались для остановок путешественников, совершавших водные поездки по Онежскому озеру.

Материковые поселения, судя по большей мощности культурного слоя, заселялись более длительное время. Хотя, в силу смешанного состава инвентарного комплекса, невозможно вычленишь и, соответственно, проанализировать состав каменного инвентаря, связанного с ямочно-гребенчатой керамикой.

Памятники с ямочно-гребенчатой керамикой южного Заонежья являются составной частью культуры ямочно-гребенчатой керамики и датируются IV тыс. до н. э. (рис. 24–28).

С гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой в окрестностях острова Кижы 15 поселений, а также могильник на острове Букольников. На четырех поселениях проводились раскопки: Вожмариха 1, 4 (раскоп 2), 21 и Леликово 1.

По величине площади, занимаемой поселениями, памятники с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой можно разделить на две группы. Первую из них составляют островные поселения, их площадь обычно не превышает 500 м². Вторую группу составляют поселения, преимущественно располагающиеся на материковой части, с площадью около 1000–3000 м² (чаще 1000–2000 м²). Так же, как и у поселений с ямочно-гребенчатой керамикой, различия в их размерах, видимо, связаны с функциональным назначением и особенностями топографии. Островные поселения функционировали менее длительное время, использовались древними для непродолжительных остановок в ходе занятия промыслом и водных путешествий. Кроме того, площадь островных поселений зависела от размеров занимаемых ими площадок с намывными песчано-гравийными отложениями, которые ограничивались выходами скал.

Материковые поселения функционировали более длительное время – круглогодично или сезонно. Помимо размеров, в пользу этого свидетельствует относительно большая, чем на островных поселениях, мощность культурного

слоя, а также факт обнаружения жилища на поселении Вожмариха 1 и наземной постройки на поселении Вожмариха 4 (раскоп 2). В постройке на поселении Вожмариха 4 имелось кострище, но характер залегания находок, в основном за пределами сооружения, свидетельствует, что хозяйственная деятельность велась за его пределами, а поселение функционировало в теплое время года. Видимо, это поселение является сезонным (летним). Также летним, возможно, является поселение Вожмариха 21, в ходе раскопок которого следов каких-либо сооружений обнаружено не было. Таким образом, среди поселений с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой южного Заонежья можно выделить три функциональных типа поселений: 1) круглогодичного проживания с жилищами-полуземлянками; 2) сезонные, с наземными постройками или без таковых, которые функционировали в течение теплого сезона; 3) кратковременного посещения, которые находились на островах.

В целом памятники с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой района острова Кижы являются составной частью одноименных культур и датируются IV–III тыс. до н. э. (рис. 29–33).

Большое значение для изучения памятников позднего неолита имеет открытие на острове Букольников, в 6 километрах от острова Кижы, грунтового могильника. При раскопках в шурфе были выявлены два погребения, одно из которых частично разрушено имеющимся в этой части острова старым песчаным карьером. В расчищенных ямах сохранились костные останки людей. Оба погребения были посыпаны красной охрой. Сохранившееся погребение (№ 1) имело вытянутую подовальную форму и размер около 2,4 x 0,6 м, глубину около 0,2 м. В обеих могилах, судя по сохранившимся фрагментам черепа, умершие были ориентированы головой на северо-запад. В погребении № 1 был прослежен слой бересты, которым был покрыт умерший. Также в погребениях найден сопровождающий инвентарь. Среди найденных предметов в погребении № 1 были представлены янтарная пуговица, сланцевая подвеска, обломок кремневого наконечника копья, лидитовый скребок; в погребении № 2 – янтарное кольцо, сланцевая подвеска, кремневый наконечник стрелы (рис. 34). По бересте, которой был покрыт умерший в погребении

Рис. 29. Фрагмент сосуда с гребенчато-ямочным орнаментом (поселение Вожмариха 4, раскоп 2)

Рис. 30. Фрагмент сосуда с гребенчато-ямочным орнаментом и кремневые орудия из поселения Вожмариха 4 (раскоп 2)

Рис. 31. Сланцевые орудия эпохи неолита из поселения Вожмариха 4

Рис. 32. Сланцевые подвески и обломок дисковидного орнамента из поселений Вожмариха 1 и Леликово 1

№ 1, была получена радиоуглеродная дата 4740 ± 60 лет назад (ЛЕ 9391), которая отражает время совершения захоронения. Открытие могильника Букольников 1 является первой находкой такого рода на территории Карелии, где поздненеолитические могильники до настоящего времени не были известны²¹.

На территории южного Заонежья керамика с примесью толченого асбеста в глиняном тесте найдена на 13 поселениях. Почти везде она содержится в составе смешанных комплексов, причем в шести случаях в виде незначительной примеси.

В функциональном отношении среди поселений с асбестовой керамикой на территории Карелии выделяют «зимние» поселения с жилищами-полуземлянками и «летние» – без таковых²². В южном Заонежье к первому типу, вероятно, относится поселение Вожмариха 18. Раскопки на нем не проводились, но на поселении имеется крупная жилищная впадина размером около 20 x 5 м и глубиной 1–1,3 м, которая располагается вдоль древнего берега. Из впадины с уровня пола происходят находки асбестовой керамики. Ко второму типу с определенностью можно отнести поселение Вожмариха 19, которое исследовалось раскопом 88 м². На этом поселении отсутствуют следы стационарных жилищ, но при этом имеется достаточно мощный, насыщенный находками культурный слой, который свидетельствует о длительном времени его функционирования. Как об отдельном типе также можно говорить об островных поселениях, которые по особенностям топографического расположения существенно отличались от материковых стоянок и, как отмечалось выше, использовались древним населением для кратковременных остановок.

Хронология стоянок лежит в пределах второй половины III – середины II тыс. до н. э.

Таким образом, южное Заонежье в эпоху камня – раннего металла представляло собой район, хорошо освоенный древним населением. Благоприятные условия, существовавшие в районе залива Вожмариха, способствовали тому, что древнее население селилось там на протяжении длительного периода времени, включающего эпохи мезолита, неолита и энеолита. Это привело

²¹ Антропологические определения выполнены в МАЭ РАН, определение бересты – в Институте биологии КарНЦ РАН.

²² Жульников А. М. Энеолит Карелии. Петрозаводск, 1999. С. 27–30.

к формированию здесь комплекса разновременных поселений, залегающих на песчаных береговых террасах, фиксирующих колебание уровня Онежского озера на протяжении эпохи голоцена. Памятники располагаются в непосредственной близости друг от друга и вычлняются на основе особенностей топографического расположения, удаленности от современного берега и высоты над урезом воды.

Со второй половины 2 тыс. до н. э. в расселении древних жителей Обонежья происходят существенные изменения. Памятники бронзового и железного веков на территории Заонежья неизвестны, что особенно удивительно на фоне большого числа позднеэнеолитических поселений с асбестовой керамикой. Видимо, древнее население – это были непосредственные предки исторических саамов – предпочитало селиться на территории к западу и востоку от Онежского озера, где памятники этого времени известны в значительном количестве. Возможно, это отражает переориентацию хозяйственной деятельности древнего населения на занятие пушным промыслом, который давал важную товарную продукцию. Население вело более подвижный образ жизни, эксплуатируя промысловые угодья в районе прохождения основных водных торговых путей, связанных с крупными речными системами (Свирь, Шуя, Суна, Водла). Посещение территории Заонежья было эпизодическим и археологически трудноуловимо. Например, на острове Радколье на семи поселениях найдены сотни фрагментов от десятков древних сосудов, и только один небольшой фрагмент венчиковой части может быть связан с кругом культур бронзового или железного веков.

Ситуация начинает меняться с эпохи раннего Средневековья, когда на Север устремляются новые переселенцы – прибалтийские финны и славяне из псковских и новгородских земель, основу хозяйственной деятельности которых составляло земледелие и животноводство. Их деревни возникли в новых ландшафтных условиях и сформировали ту систему расселения, которая известна нам по первым историческим свидетельствам²³. В XVIII веке потомками этих переселенцев будет возведен шедевр мировой

²³ Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Южное Заонежье в X–XVI веках (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск, 2012. См. также статью А. М. Спиридонова в настоящем сборнике.

Рис. 33. Сосуд с гребенчато-ямочным орнаментом из поселения Вожмариха 4 (раскоп 2)

Рис. 34. Находки из погребений могильника Букольников

архитектуры – архитектурный ансамбль Кижского погоста. И хотя, как мы отмечали выше, преемственности в развитии первобытной и средневековой культур в южном Заонежье не прослеживается, древнейшее прошлое этого края представляет собой яркую страницу в истории народов и культур Восточной Фенноскандии.

В заключение отметим, что проведенные нами исследования свидетельствуют о значительном источниковедческом потенциале памятников археологии южного Заонежья. Большинство открытых памятников только разведаны, раскопки пока не проводились. Их дальнейшее изучение будет способствовать формированию научного знания о древнейшем прошлом этого локального района как части обширного северноевропейского региона.

Кижские древности эпохи Средневековья

Спасо-Преображенский Кижский погост – один из 17 административно-фискальных и церковных округов Заонежской половины Обонежской пятины, учрежденной после присоединения новгородских владений к Москве в последней четверти XV в. Кижам «не повезло» с письменными источниками по средневековой истории: до нас не дошли документы, непосредственно освещающие их новгородское прошлое. Это так в сравнении даже с соседними заонежскими погостами-округами – Толвуей, Шуньгой, Челмужами, Шуйей, Пудожем, для которых сохранились в копиях хотя бы единичные межевые, рядные, купчие, вкладные акты последнего века независимости Новгорода, а в ходе широких археологических раскопок метрополии к настоящему времени найдены несколько берестяных грамот, упоминающих часть из них. Для Кижей древнейшим письменным источником в арсенале исследователей является кадастровое подворное описание деревень погоста, составленное в интервале 1563–1566 гг.¹

Книга 1560-х гг. учитывает данные первых московских «писем» и, следуя прежней традиции, перечисляет поселения по бывшим волосткам новгородских бояр, конфискованным в несколько этапов после 1478 г. Это дает возможность исследователям воссоздать

картину расселения и местного вотчинного землевладения накануне утраты независимости боярской республикой. Расселение (устойчивое в отличие, в известной мере, от землевладения) зафиксировано древнейшим дошедшим до нас письменным источником в уже сложившемся в базовых элементах, вполне узнаваемом виде. Это было блестяще продемонстрировано работами М. В. Витова по истории сельских поселений Заонежья XVI–XVIII вв. Анализ древнейших писцовых книг позволил ученому также высказать гипотезы о путях (исходных «гнездах» деревень) и времени (XIV–XV вв.) сложения традиционной структуры сельского расселения на этой территории Новгородской земли².

Система сельского крестьянского расселения формирует и отражает то, что называют емким словом «мир» – община, приход, администрация, локальное «мы» (не претендуем на еще одну дефиницию). Зримой для нас архитектурной манифестацией кижского «мира» стало воздвижение монументального Спасо-Преображенского собора на погосте-месте в 1714 г. Незримым в архитектуре остается период Средневековья, предшествующий финалу новгородского времени, истоки кижского «мира» в локальном плане – это не только «безархитектурная», но и бесписьменная

¹ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Подготовил к печати А. М. Андрияшев. Л., 1930. С. 124–137. (Далее – ПКОП.)

² Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья. К истории сельских поселений. М., 1962; Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974.

протоистория. Установить исторические факты этого периода, помимо ненароком отраженных кадастровыми книгами московских писцов XVI в., дают возможность лишь другие категории источников: языковые, в том числе топонимические, археологические, этнографические (включая историю архитектуры), фольклорные. Археологии (науке о вещественных древностях) в этом ряду присущи свои сильные и слабые стороны. Последние объективно обусловлены тем, что она оперирует сохранившимися остатками сооружений и вещей древней материальной культуры в ее связях и отношениях с нематериальным. Вещный мир (в отличие от письменных памятников и фольклора) создавался и жил по своим законам вовсе не для того, чтобы донести до современников и тем более далеких потомков какую-то информацию. «Прочитать» археологический памятник и включить его в утраченный контекст древней культуры по своему сложнее, чем обрывок текста на незнакомом языке. Сильные стороны археологии в сопоставлении с языковыми, фольклорными, этнографическими источниками (в других планах принципиально более информативными) связаны с непосредственной принадлежностью к прошлому, наличием собственных и физических (scientific) методов датирования артефактов и комплексов, а через них явлений и процессов в древности. Последнее в сравнении особенно важно, коль скоро речь идет об исторических фактах, в частности хронологии сложения традиционной структуры расселения.

Все эти посылки имелись в виду при реализации в 2000-х гг. инициированного музеем «Кижь» проекта археологического изучения средневековых памятников центра Кижского погоста. Результаты исполнения проекта, конечно, не исчерпавшие тему, подробно опубликованы тремя авторами³. Цель данной статьи не в кратком повторении сказанного, а в том, чтобы акцентировать внимание на некоторых, как нам представляется, исторически достоверных и значимых выводах, которых обычно и ждут от археологов (подчас преувеличивая возможности этой исторической дисциплины),

несколько отрешившись при этом от источниковедческой «кухни». Последняя, определяющая степень обоснованности, дающая базу для проверки выводов и опубликованная, весьма важна, но, скорее, для специалистов (например, построенная типо-хронологическая шкала керамической посуды Заонежья XIII–XVIII вв.). Есть возможность также предложить для обсуждения некоторые возникающие сопутствующие сопоставления и предположения, которые в книге опущены. Это своего рода послесловие к публикации и анализу археологических материалов.

В окрестностях центра Спасо-Преображенского Кижского погоста выявлены и обследованы двадцать поселений с комплексами находок и сооружений, суммарно датируемых X–XVIII вв. Раскопки площадями от 40 до 440 кв. м проведены на семи памятниках, остальные исследовались посредством шурфовки (4–20 кв. м) и только в четырех случаях сборов материала на пашне. Раскопами и шурфами в общей сложности вскрыто около 1 тыс. кв. м. Итогом работ стало составление каталога и археологической карты микрорегиона, на которую нанесены классифицированные и датированные средневековые поселения (рис. 1).

На шести памятниках наряду с поздне-средневековыми представлены комплексы рубежа I–II тыс. н. э. (рис. 1:2, 5, 8, 16, 17, 19), проливающие свет на раннесредневековый этап освоения территории. Определение раннесредневекового этапа как «начального» было бы, очевидно, не вполне корректно, но древности предшествующих археологических периодов раннего железного века и бронзы в Кижских шхерах, неплохо археологически обследованных, до настоящего времени не найдены, да и в масштабе всего Заонежского полуострова они практически неизвестны⁴.

Наиболее представительный раннесредневековый комплекс исследован на селище Васильево 2 (рис. 1:5) на западном берегу о. Кижь. Площадь поселения, как это определено двумя раскопами (440 кв. м), составляла около 1000 кв. м, примерно в центре заселенной в X–XI вв. площадки исследованы остатки

³ Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Южное Заонежье в X–XVI веках (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск, 2012.

⁴ О досредневековых археологических памятниках региона см.: Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения южного Заонежья (мезолит – энеолит). Петрозаводск, 2013.

печи со сводом, сооруженным из глины и камней, контуры жилища не прослеживались. Топография, размеры этого поселения, конструкция стационарного отопительного сооружения и состав находок (включающих примерно в равной пропорции грубую лепную посуду и изготовленную на гончарном круге, древнерусского облика) близко соответствуют селищам в Челмужах на северном берегу Онега и в Шуе (на западном), связанным с курганными могильниками. Как и памятники Челмужей и Шуи, раннесредневековое селище Васильево 2 представляет собой след южной, по облику материальной культуры — скорее, приладожской — колонии. Кладбище при поселении не обнаружено, единственный известный сегодня в Заонежье курганный могильник исследован в Уницкой губе на западе полуострова. Судя по погребальному обряду и инвентарю, могильник был оставлен небольшим коллективом, мигрировавшим с р. Оять на рубеже тысячелетий⁵. По составу керамического набора селищу Васильево 2 подобны раннесредневековые комплексы поселений Керкостров 2 и 4 у южной оконечности одноименного острова к югу от Кижей (рис. 1:16, 17), сильно потревоженные распашкой и исследованные раскопками на меньшей площади.

С южной колонией в Кижях определенно связываются древнейшие следы земледельческой практики в микрорегионе. Они были выявлены в ходе палинологических изысканий, предпринятых геологами КарНЦ РАН Н. Б. Лавровой и И. Н. Демидовым на о. Кижь и близлежащем Волкострове в 2002–2003 гг. В донных озерно-болотных отложениях пыльца культурных злаков (*Cerealia*), углистые частицы от пожара лесов и другие признаки земледелия впервые появляются в горизонтах, датированных радиоуглеродным методом концом I тыс. н. э.⁶

Выводы о начале колонизации территории, сделанные по материалам поселения Васильево 2, Керкостров 2 и 4, а также палинологическим данным, могут быть дополнены

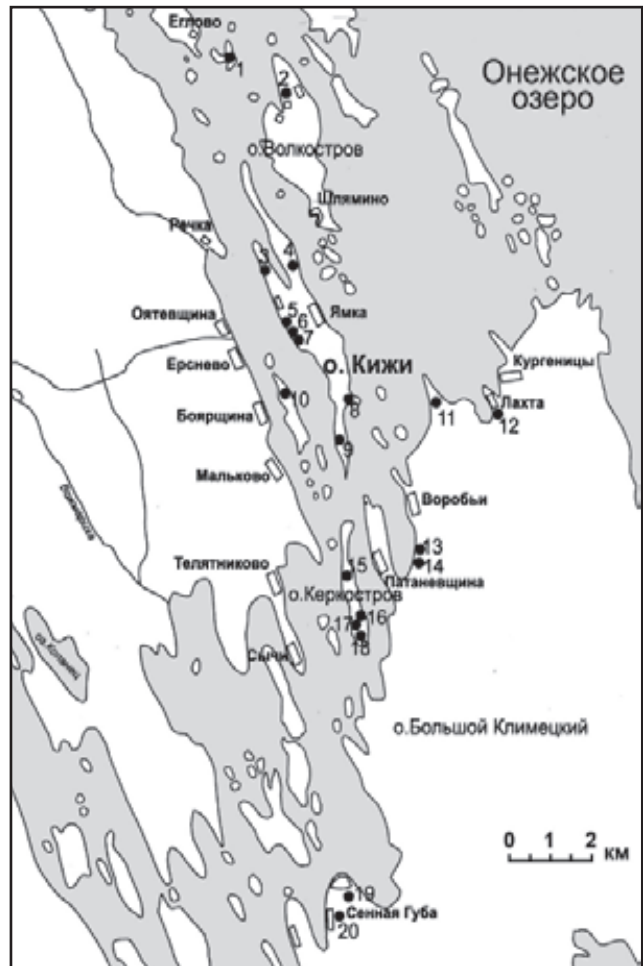

Рис. 1. Средневековые поселения центра Спасо-Преображенского Кижского погоста.

1 — Рогачево; 2 — Волкостров; 3 — Бачурин Наволок; 4 — Бишево; 5 — Васильево 2; 6 — Васильево 3; 7 — Васильево 1; 8 — Наволок; 9 — Кижский Погост; 10 — Мальково; 11 — Гивес Наволок; 12 — Лахта; 13, 14 — Воробьи 1, 3; 15–18 — Керкостров 1, 2, 4, 5; 19, 20 — Сенная Губа 1, 2

при обращении к раннесредневековому комплексу, исследованному на селище Наволок на юго-восточном берегу о. Кижь (рис. 1:8). На распахивавшейся поверхности поселения и в раскопе на площади всего 30–40 кв. м найдены обломок бронзовой застезки-фибулы, кресало для высекания огня, фрагменты 2–3 очень грубых лепных горшков и, возможно, связанные с ними в единый комплекс обломки медных котлов (рис. 2:1, 2). Комплекс, датируемый временем около 1000 г., аналогичен десяткам подобных, изученных к настоящему времени в бассейне Онежского озера на многослойных поселениях⁷. Намечается культурная оппозиция двух раннесредневековых поселений на противоположных берегах о. Кижь: Васильево 2 — стационарная южная земледельческая колония, Наволок — промысловое

⁵ Спиридонов А. М. Раннесредневековые памятники Кокорино // Заонежье (Заонежский сборник). Петрозаводск, 1992. С. 29–48.

⁶ Лаврова Н. Б. и др. К вопросу о начале земледелия на севере Онежского озера по палинологическим данным // Геология и полезные ископаемые Карелии. Петрозаводск, 2007. Вып. 10. С. 194–206.

⁷ Косменко М. Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 272–285.

Рис. 2. Находки со средневековых кижских селищ. 1—3, 6, 9, 13, 15 — Наволок; 4, 5, 8, 10—12, 14, 17—20 — Васильево 2; 7 — Кижский Погост; 16 — Васильево 3. 1, 2, 9—14, 17, 21 — бронза; 3 — свинец; 4, 18 — серебро; 5, 6 — янтарь; 7, 8, 15 — кость; 16, 19, 20 — стекло

кратковременное поселение. Это близко напоминает ситуацию в приустье р. Шуя под Петрозаводском, где археологически прослежено сосуществование южной торговой и земледельческой колонии X–XI вв. (из могильника происходят значительно более яркие, чем с кижских поселений, материалы), стабильно просуществовавшей не менее полутора столетий, и стоянок «саамского железного века», периодически заселявшихся на короткий срок в интервале IX–XIII столетий⁸. Намеченная оппозиция поселений Васильево 2 – Наволок на о. Кижы, таким образом, может быть логично вписана в более общую и сложную в деталях картину раннесредневекового этапа колонизации и торгово-промышленного освоения территорий в бассейне Онежского озера, когда их естественные богатства, прежде всего пушнина, и местное население были вовлечены в систему восточноевропейской и международной торговли.

Связь соответственно с пришлым и местным коллективами служит версией

объяснения оппозиции двух частью синхронных раннесредневековых поселений о. Кижы. При этом отнесение комплекса рубежа I–II тыс. селища Васильево 2 к приладожским по происхождению древностям, а селища Наволок – к кругу памятников «саамского железного века» не следует понимать как строгие этнические атрибуции («вепсы» – «саамы»), на которые археология не способна. С большей вероятностью есть основания говорить, что за оппозицией двух археологических памятников стоят различия хозяйственно-культурных типов и моделей жизнедеятельности оставивших их коллективов, причем коллективов близких (около 2 км) соседей и современников.

Примерно с 1100 г. повсюду на обширных территориях в бассейне Онежского озера по запустению южных колоний и резкому сокращению поступления импортов в инвентаре многослойных поселений (типа комплекса селища Наволок) констатируется лакуна в древностях – разрыв в заселении. Это явление в культуре вполне ощутимо и по кижским памятникам⁹, но здесь лакуна в материалах хронологически менее продолжительна, что позволяет ставить вопрос о преемственности со следующим этапом заселения территории. Археологически этот вопрос может обсуждаться по материалам единственного из исследованных на сегодня двадцати поселений – Васильево 2, где зафиксированные комплексы находок и сооружений X–XI и XIII–XV вв. локализируются на одной и той же площадке. При этом материалы XII – начала XIII в. столь же четко не выделяются, не получены и бесспорные палинологические указания на непрерывность начавшейся на рубеже тысячелетий земледельческой практики в микрорегионе. Хронологический разрыв средневековых комплексов в данном случае (подчеркнем — уникальном) составляет столетие-полтора. И все же на этом памятнике устанавливаемое по вещам и радиоуглеродным датировкам отсутствие непосредственной, физической преемственности в заселении (аргументацию см. в книге) при топографическом совпадении

⁸ Спиридонов А. М. Поселение Пичево под Петрозаводском и проблемы изучения «саамского железного века» в южной Карелии // Кижский вестник. Петрозаводск, 2013. Вып. 14.

⁹ Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В., Манюхин И. С. К истории заселения о. Кижы в Средневековье и Новое время (по материалам селища Наволок) // Кижский вестник. Вып. 8. Петрозаводск, 2003. С. 243–260.

разновременных комплексов не отрицает полностью возможность сохранения традиции в выборе места для поселения – не самого удобного на острове. Ведь можно перенести вопрос в плоскость обсуждения чувствительности археологической методики при фиксации преемственности/разрыва традиции, реализуемой не только, а может быть – не столько, в материальной сфере.

Если наличие комплекса XIII в., бесспорно, зафиксировано только на селище Васильево 2, то материалы последующих веков Средневековья присутствуют на всех двадцати исследованных поселениях. Большая часть археологически исследованных памятников при сопоставлении с данными, собранными и систематизированными М. В. Витовым и И. В. Власовой, исправленными и дополненными С. В. Воробьевой применительно к самому о. Кижь и его окрестностям¹⁰, уверенно соотносится с деревнями писцовых книг. Это позволяет пролонгировать в древность на археологически определенный срок зафиксированную ими по состоянию на финал новгородского времени картину расселения в ее динамике. При этом важно, что в отличие от раннесредневекового периода возникает также возможность объективно оценить (проверить по независимым источникам) степень репрезентативности имеющихся археологических материалов по отношению к «пику» средневековой заселенности территории рубежа XV–XVI вв., то есть выяснить, как количество выявленных селищ соотносится с числом существовавших на данной местности в данный период поселений. Сопоставление археологических данных с деревнями писцовых книг XVI в. на географически конкретных объектах убеждает в репрезентативности первых для исторически достоверных выводов относительно хронологии и динамики сложения ядра поселенческой структуры в центре погоста. На самом острове Кижь из двенадцати деревень, упоминаемых в письмах

1563–1566 и 1582/1583 гг., археологические соответствия имеют минимум семь (не менее 60 %), на близлежащем о. Керкостров — из четырех – четыре (100 %). Оценивая результаты и статистическую достоверность сравнения археологической карты селищ XIII–XVI вв. (см. рис. 1) и топографии локализованных историками поселений писцовых книг, уместно и даже необходимо ввести определенную поправку на бесспорно обратную пропорциональность древности и количества поселений.

Для двадцати селищ археологические определения времени функционирования поселений выстроились следующим образом: XIII в. – одно (5)¹¹, XIV в. – максимум четыре (5, 6, 8, 15), XIV–XV вв. – шесть (5, 6, 8, 9, 15, 19), XV–XVI вв.¹² – восемнадцать (кроме селищ Васильево 2, запустевшего к концу XV в., и Воробьи 1, существовавшего, скорее, в XVII в.). Итак, возвращаясь к мыслям, изложенным во вступительных замечаниях, начало сложения традиционной структуры сельского крестьянского расселения в центре Кижского погоста, зафиксированной писцовыми книгами, относится, по археологическим датировкам, к XIII–XIV вв. Массовое заселение территории происходит не ранее XIV, а в основном в XV в., причем процесс, видимо, уже преимущественно внутренней колонизации продолжался и в последующие столетия (не ранее XVI в. датированы материалы раскопанных селищ Бачурин Наволок, Мальковец, вероятно, также Бишево, Лахта, Воробьи 3).

Приведенные даты указывают на то, что система расселения в центре погоста сложилась в относительно короткий срок — на протяжении около полутора столетий. Нетрудно заметить, что указанные сжатые сроки заселения плохо соотносятся с представлениями лингвистов о целом ряде последовательных этапов этнокультурной истории Заонежья в Средневековье. Конечно, сопоставление археологических данных о хронологии заселения узколокального района южного Заонежья

¹⁰ Витов М. В., Власова И. Г. География сельского расселения Западного Поморья. Табл. 3, Карта 1А; Воробьева С. В. Опыт идентификации исторических поселений о. Кижь и его окрестностей по писцовым материалам и документам XVIII–XIX столетий // Вопросы изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников. Тез. докл. Петрозаводск, 1991. С. 86–91.

¹¹ Цифры в скобках соответствуют нумерации и перечню памятников на карте рис. 1.

¹² Даты в пределах двух столетий — осторожно широкие. Они в большинстве случаев опираются на керамику. Сравнительно небольшие серии гончарной посуды из шурфов и сборов на ряде поселений не позволяют уверенно сузить датировки до века. См.: Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Южное Заонежье в X–XVI вв. С. 57–78.

с этноисторическими выводами, полученными исторической лингвистикой в результате более широких ареальных исследований, само по себе методически было бы по меньшей мере спорно, но датировка определенной лакуны в древностях временем с примерно 1100 г. основывается на материалах десятков памятников всего бассейна Онега, а массовое крестьянское заселение территорий не ранее XIII–XIV, а в основном в XV в., археологически прослежено не только в Кижях, но также в центрах соседних Шуйского и Челмужского погостов (материалы по Толвуе не вполне репрезентативны)¹³. Это позволяет обозначить проблему в ее связях с этнокультурной историей.

Заонежане – локальная группа русских – не являются автохтонным населением Заонежского полуострова, в их языке и культуре присутствует мощный прибалтийско-финский компонент, обычно рассматриваемый как субстрат¹⁴. Язык заонежан, согласно диалектологической карте русского языка, относится к онежской группе говоров севернорусского наречия. Развернутая гипотеза о периодах лингвистической истории Заонежья была выдвинута А. С. Гердом на основе анализа южных лексических связей заонежского говора без учета лексики прибалтийско-финского происхождения: 1. В целом прибалтийско-финский языковой ландшафт, возможно, с доприбалтийско-финскими элементами. 2–3. Период миграции носителей единого псковско-новгородского диалекта, затем носителей собственно псковского, гдовского диалектов, одновременно возникновение билингвизма. 4–5. Формы нарастающего билингвизма. 6. Отмирание билингвизма, рост восточнославянских инноваций и переход на русскую диалектную речь. «...между периодами нет жестких границ,

¹³ Обзор см.: Спиридонов А. М. Средневековое расселение в Прионежье (X–XVI вв.) // Рябининские чтения – 2011. Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 173–176.

¹⁴ Агапитов В. А., Логинов К. К. Формирование этнической территории и этнического состава группы заонежан // Заонежье (Заонежский сборник). Петрозаводск, 1992. С. 61–76; Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX — начало XX в.). СПб., 1993

вряд ли возможно очертить их хронологически точно»¹⁵.

Наличие прибалтийско-финских черт в языке заонежан было замечено еще П. Н. Рыбниковым и привлекло специальное внимание А. А. Шахматова, а после трудов Д. В. Бубриха и В. В. Пименова прибалтийско-финское языковое наследие, в истоках вепсское, но, возможно, и карельское (распознаваемое как людиковское, не всеми лингвистами отделяемое от вепсского), в местном русском говоре общепризнано. Вепсский (или вепсско-людиковский) субстрат в топонимии Заонежья был продемонстрирован Н. Н. Мамонтовой, причем, как она полагает, писцовые книги конца XV–XVI в. свидетельствуют о завершении в это время языковой ассимиляции вепсов русскими в регионе¹⁶. Следующий шаг в дифференциации вепсского и карельского (в том числе собственно-карельского) наследия в топонимии Заонежья сделала И. И. Муллонен. На вопрос, поставленный ею первоначально в заглавии статьи «Старое Заонежье: вепсское или карельское?», в результате анализа топонимического материала по выделенным критериям был дан несколько неожиданный ответ: «...складывается впечатление, что на большей части этого региона не произошло непосредственного вепсско-карельского контакта. ...карелы, продвинувшиеся в Заонежье из Приладожья, соприкоснулись здесь с уже обрусевшими (или в значительной степени обрусевшими) вепсами. Это значит, что вепсская по происхождению топонимия воспринималась карелами через русское посредство»¹⁷.

Процитированный вывод, основанный на анализе топонимических материалов,

¹⁵ Гerd А. С. К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 206–213. См. также: Он же. Обонежье в свете данных русистики // Очерки исторической этнографии: Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 349–351.

¹⁶ Мамонтова Н. Н. О вепсском субстрате в топонимии Заонежья // Проблемы изучения музыкального фольклора русских и финно-угорских народов Карелии и земель Северо-Запада. Петрозаводск, 1977. С. 37–38.

¹⁷ Муллонен И. И. Старое Заонежье: вепсское или карельское? // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 211–217; Она же. Топонимия Заонежья. Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. С. 207–216; Она же. Этнолингвистическая история Обонежья // Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 332–348.

в какой-то мере соотносится с заключениями С. А. Мызникова, базирующимися на исследовании лексики прибалтийско-финского происхождения онежской группы русских говоров в целом. В ее широких географических рамках в Заонежье отмечен лексический субстрат людиковско-ливвиковского типа, а ряд лексем вепсского происхождения, известных повсюду в Обонежье (бассейне Онежского озера), именно на Заонежском полуострове не зафиксирован; выявлен ряд других, не лексических, особенностей заонежского ареала¹⁸. Реконструируя процесс прибалтийско-финско-русского языкового взаимодействия в Обонежье, С. А. Мызников опирается на схему, близкую к построенной А. С. Гердом, но упрощающую ее: 1. Автохтонное население. 2. Колонизация. 3. Билингвизм. 4. Остаточные субстратные явления. Он выделяет также адстратные прибалтийско-финские влияния на русские говоры, но считает их преимущественно современными или близкими к тому¹⁹.

Проблема состоит в том, как поместить кратко изложенные схемы лингвистов в археологически определенные временные рамки. Первую фазу («автохтонное население» С. А. Мызникова или «период в целом прибалтийско-финского лингвистического ландшафта» с субстратными элементами А. С. Герда) можно соотнести с раннесредневековым пластом памятников²⁰, имея все же в виду, что этот пласт в бассейне Онега тонок и прерывается лакуной в древностях на столетие-полтора. Тогда следующие фазы («колонизация», «билингвизм» и его отмирание), вмещающие дополнительное вепсское переселение, два

разновременных притока русских колонистов, постепенный переход через билингвизм субстратного вепсского (вепсско-людиковского) населения на русский язык и завершающиеся адстратной карельской волной/волнами переселенцев, следует поместить во вторую половину XIII–XIV в. и неполный XV век. Приток собственно-карельского населения в Заонежье можно было бы связать с «корельскими выходцами» конца XVI – XVII в., однако детальное исследование этой темы И. А. Черняковой с привлечением обнаруженных ею специально составленных в 1667 г. переписных книг показало, что приток беженцев-переселенцев из Северо-Западного Приладожья именно в Заонежье, по крайней мере во второй половине XVII в., был незначительным (в Кижском погосте по наказу олонцкого воеводы были сысканы всего девять семейных и одиноких корелян)²¹.

Еще раз отметим, что в рамках статьи можно лишь обозначить проблему. При поиске ее решения могут возникнуть новые вопросы к археологии и не только²². С позиций же археологически установленных датировок непонятно, почему, согласно изложенным выводам лингвистов, фазы «колонизации» и «билингвизма» (частичного обрусения) нужно обязательно разводить хронологически, предполагая к тому же языковую (resp. этническую) чистоту состава прибывающих колонистов и локализуя субстратно-суперстратные процессы прибалтийско-финско-русского языкового взаимодействия исключительно в «месте дестинации» (в данном случае – Заонежье).

¹⁸ Мызников С. А. Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003. С. 433; Он же. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004. С. 279.

¹⁹ Мызников С. А. Русские говоры Обонежья... С. 413–414.

²⁰ Но не столь прямолинейно, как это делает М. Г. Косменко для памятников с керамикой «приладожского типа» (Проблемы изучения этнической истории бронзового века — раннего Средневековья в Карелии // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит — Средневековье). Петрозаводск, 2006. С. 220–223). См.: Спиридонов А. М. Раннесредневековые памятники в приустье р. Илексы // Национальный парк «Водлозерский»: Природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2001. С. 251–253; Он же. Поселение Пичево...

²¹ Чернякова И. А. Карелия на переломе веков. Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 245–256. В связи с «корельскими выходцами» в Кижях заманчиво было бы найти более подробные письменные свидетельства о деревнях «в Пахиничах», соответствующих селениям Воробы 1 и 3 (рис. 1:13, 14). Эти поздние поселения выделяются своей топографией (на скалах, поистине в «неудобьях»), небольшими размерами, конструкцией вскрытой печи и отчасти даже составом собранной в шурфах керамики. См. также: Агапитов В. А. Путешествие в древние Кижы. Петрозаводск, 2000. С. 17–18.

²² Нужно хотя бы упомянуть весьма интересные результаты анализа краниологической серии, полученной в ходе работ по реставрации Спасо-Преображенского собора на Кижском погосте: Хартанович В. И., Ширококов И. Г. Некоторые итоги изучения краниологической серии из могильника на острове Кижы // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 311–325. См. также статью В. И. Хартановича и И. Г. Широкова в настоящем сборнике.

Нам представляется более системной и перспективной для междисциплинарного синтеза иная этнокультурная парадигма, намеченная А. С. Гердом (правда, лишь на очень ограниченном прибалтийско-финском по происхождению лексическом материале): «либо исторически ко времени прихода новгородцев в Заонежье здесь был распространен карельско-олонецкий диалект, либо, что более вероятно, эти слова были усвоены восточными славянами южнее в Приладожье и принесены уже в Заонежье как заимствованные ранее»²³. Обратная с этнолингвистической точки зрения сторона «более вероятного» предположения: насколько полностью перешли на русскую речь, в какой фазе билингвизма находились средневековые переселенцы с р. Оять (пользуясь примененным в цитате, скорее, литературным определением – новгородцы вепсского происхождения), языковые следы которых прослежены в Заонежье А. С. Гердом уже по русским лексическим данным²⁴?

К комплексному подходу при решении вопросов истории заселения побуждает еще одна тема, возникающая из анализа археологических материалов. Конкретная этнокультурная атрибуция обитателей позднесредневековых селищ центра Кижского погоста лежит за пределами возможностей археологии – во всяком случае, археологии позднесредневековых поселений, не содержащих «этноопределяющих» вещей. При этом социокультурные определения отдельных памятников в сопоставлении с данными писцовых книг становятся возможны. Речь идет о древнейшем из исследованных на о. Кижии поселении Васильево 2. Это селище с опорой на исследования С. В. Воробьевой отождествлено с пустошью, «что была деревня на Кижском ж острове Большой Двор

у часовне» писцовой книги 1582/83 г.²⁵, а последняя – с центром кижской вотчины боярина Луки Федоровича, деятельность которого приходится на самый финал новгородской независимости. Позднесредневековый комплекс поселения (о разрыве с раннесредневековым сказано выше) формируется примерно с 1250 г. Строго говоря, опираясь на археологические данные, нельзя утверждать, что деревня с момента основания имела владельческий статус. Однако обращает на себя внимание необычный, скорее «городской», характер целого ряда находок XIII – первой половины XIV в. в раскопах. Это обломки двух стеклянных браслетов – украшений, которые редко встречаются на севере вне городских центров, крайне редкий для северных памятников боевой наконечник стрелы типа, принесенного в Восточную Европу монголами, височное кольцо, перстни, бронзовая поясная пряжка (рис. 2:10, 12, 14, 17, 18, 19, 20). Состав вещевого комплекса указывает на необычный (владельческий) статус поселения с XIII в.

Здесь мы сталкиваемся с еще одной проблемной ситуацией, наиболее четко обрисованной и, насколько позволяют источники, разрешенной В. Л. Яниным. Нельзя обойтись без довольно длинной цитаты: «...мы наблюдаем в материалах писцовых книг старого письма конечный результат длительного процесса семейных разделов, адекватного физическому развитию самих семей. Генеалогия семейного владения, следовательно, до известных пределов тождественна родословию, а исследователь должен обнаружить способ реконструкции родословия через анализ истории вотчины». Отсутствие или крайняя фрагментарность сведений о родословных новгородского боярства в летописях и актах при этом «создает труднейший барьер для попыток проследить внутри родословные землевладельцев 70-х годов XV в.»²⁶.

²³ Герд А. С. Прибалтийско-финские названия рыб в свете вопросов этнолингвистики // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. С. 8–9.

²⁴ Герд А. С. К истории образования говоров Заонежья. С. 207–210, 212, примечание 8. См. также: Спиридонов А. М. К истории Посвирья: опыт комплексного привлечения данных // Вопросы истории Европейского Севера (Историография и источниковедение). Петрозаводск, 1989. С. 156–159. Ср. невятную попытку обобщения: Герд А. С. Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 409–416.

²⁵ Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. III. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. С. 151. В древнейшем из дошедших до нас описании Кижского погоста 1563–1566 гг. эта деревня не упомянута. Конвой населенных пунктов пустоши «Большой Двор у часовни», названных в 1582/83 г., в предыдущей книге соответствует описанию волости «Васюковской Шалелеева» (ПКОП, 1930. С. 128; ср.: С. 131–132).

²⁶ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 5.

Применительно к Кижам обрисованная в изложении В. Л. Янина проблема преломляется следующим образом. Лука Федорович, сын посадника Федора Яковлевича, — личность достаточно известная в новгородской истории. Его земельные владения (не только в Обонежье) попали под первые московские конфискации, а сам он — и под великокняжеские репрессии (в 1481 г. был увезен в Москву). Лука, владевший вотчиной в Кижях, принадлежал к одному из древнейших родов новгородских бояр Михалкиничей²⁷, генеалогия которого прослеживается, по сведениям письменных памятников, с XII в. Процесс возникновения (помимо имеющейся теперь археологической даты около 1250 г.), наследования, дробления в пределах рода (а возможно, и смены собственника через куплю-продажу) вотчины в Кижях в письменных источниках не отражен: известий о Заонежье в летописях вообще нет, в новгородских берестяных грамотах — пока нет, а акты до нас не дошли (см. рис. 2:3 — свинцовая вислая печать новгородского владычного наместника, около середины XV в. скрепившая безвозвратно утраченную грамоту, а в 1980-х гг. найденная на огороде Б. А. и В. А. Гушиных, на селище Наволок). Иными словами, в данном случае родословие восстанавливается, а история конкретной вотчины («генеалогия семейного владения») по наличным источникам нет.

В заключение — историко-археологический сюжет, связанный как с предыдущим, так и с предысторией юбилея — Преображенского храма. В Кижях до недавнего времени бытовало (и бытует в музее до сих пор) предание, по которому первоначально местные церкви стояли на Нарьиной горе — в центральной и самой возвышенной части острова и, согласно контаминированному в сюжет преданию о нападении «панов», якобы были осквернены или сожжены последними²⁸. Это предание с XIX в. неоднократно публиковалось²⁹, а сравнительно недавно его, вероятно, первая пись-

менная фиксация была обнаружена в фонде Е. В. Барсова в отделе письменных источников ГИМ — запись была сделана просвещенным кижским священником Стефаном Ржановским в начале 1850-х гг.³⁰ Нас интересует та часть предания, которая повествует, что заготовленный для возобновления сожженной церкви лес был складирован на берегу под Нарьиной горой, у ближайшей дер. Лукинщина (вариант предания уточняет, что лес рубили на материке против о. Кижы, за дер. Боярщина). Ночью его отогнало штормовым ветром к месту у нынешнего погоста. Прихожане сплывали бревна обратно к подножью Нарьиной горы, но ночью перенесение заготовленного леса повторилось, что, естественно, было сочтено Божьим изволением на постройку церкви в новом, чудесно указанном месте. Историческая дер. Лукинщина, очевидно, запечатлевшая в своем названии имя последнего новгородского владельца боярина Луки Федоровича, — предшественница современной дер. Васильево. На окраине деревни исследовано селище Васильево 2³¹. Полагаем, что материалы этого археологического памятника подводят датированный и атрибутированный «культурный слой» (в данном случае — это не фигуральное выражение) под предание, сохранившее память о древнейшем в рамках традиции этапе заселения острова и сопутствовавшем ему сакральном освоении нового пространства — строительстве церкви.

²⁷ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). Генеалогическая схема 28. М., 1981. С. 5.

²⁸ Агапитов В. А. Путешествие в древние Кижы... С. 43–44.

²⁹ Криничная Н. А. Северные предания (Беломорско-Обонежский регион). Л., 1978. С. 81–82, 180; Она же. Предания Русского Севера. СПб., 1991. С. 45–46.

³⁰ Пашков А. М. «Историческое сведение о приходе кижском» — малоизвестный источник по истории православной культуры Кижского прихода конца XVIII — первой половины XIX века // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения — 2003»). Петрозаводск, 2003. С. 219–222.

³¹ Воробьева С. В. Опыт идентификации исторических поселений о. Кижы... С. 89 (таблица).

Первые материалы по палеоантропологии населения Кижского архипелага (по результатам охранных раскопок у церкви Преображения Господня в 2006—2009 гг.)

Как свидетельствуют данные исторических источников (позднесредневековые переписные и писцовые книги, лингвистические, археологические, этнографические материалы), Северо-Западное Обонежье¹ на протяжении длительного исторического периода являлось зоной активных контактов между группами населения разного этнического происхождения.

По мнению ряда исследователей, данный регион в древности был заселен предками саамов и вепсов. Длительное время Северо-Западное Обонежье находилось под влиянием ливвиковско-людиковской карельской колонизации, а затем и переселенцев из псковско-новгородских земель. Пик переселения русских пришелся на XIV в., и уже к XV—XVI вв. местное население было практически полностью ассимилировано, по крайней мере в языковом и культурном отношении². Вместе с тем и позже не прекращался приток новых переселенцев в регион. Сохранились письменные источники, свидетельствующие о спорадических переселениях карельских групп в эти районы. Так, старостам и целовальникам Кижского погоста в 1599 г. предписывалось

выселять «нетяглых корелян»-переселенцев обратно в Северо-Западное Приладожье — в Корельский уезд, откуда те бежали в результате шведской агрессии в конце XVI в.³ Небольшие группы карел переселялись сюда из Северо-Западного Приладожья и Восточной Приботнии и после Столбовского мирного договора 1617 г. С другой стороны, по свидетельству этнографов, кижские рыбаки, промышлявшие вдоль западного берега Онежского озера, еще в XX в. старались выбирать себе невест-карелок⁴.

Вероятно, культурное влияние русских переселенцев должно было повлечь за собой и воздействие на антропологические особенности местных жителей. Однако степень такого влияния, как и сами антропологические характеристики жителей региона долгое время оставались не изученными.

Вопрос об антропологических характеристиках дорусского субстрата, его роли в формировании облика современного населения Обонежья и Русского Севера в целом остается актуальным и сегодня. В середине XX в. для решения этой проблемы были впервые привлечены данные антропологии, в первую очередь соматологии. Северное Обонежье входит в область распространения беломорского (по Н. Н. Чебоксарову) или ильменско-бело-

¹ В настоящей статье под Северо-Западным Обонежьем понимается территория бассейна северной части Онежского озера, включающая в себя Клименецкие острова, Кижский архипелаг, Заонежский полуостров. Исторически это территория Кижского, Толвуйского и Шунгского погостов Обонежской пятины XV—XVI вв.

² Логинов К. К. Этническая история Восточного Обонежья и «этнографического» Заонежья // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001.

³ Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1957. Т. 1. С. 109.

⁴ Агапитов В. А., Логинов К. К. Формирование этнической территории и этнического состава группы заонежан // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 71.

морского типа (по М. В. Витову). Его происхождение Н. Н. Чебоксаров связывал с дорусским чудским компонентом⁵. М. В. Витов полагал, что появление ильменско-беломорского типа на Русском Севере непосредственно связано с новгородской колонизацией, тогда как у карел, вепсов, коми этот тип почти не проявляется. В своем предположении исследователь опирается на более широкую базу данных по соматологии русских Северо-Западного региона, а также находит ему подтверждения в данных этнографии и лингвистики⁶.

Однако загадкой оставался антропологический облик населения Заонежья более раннего времени: нового, эпох Средневековья, металла, частично — камня. Причина — почти полное отсутствие костных останков древних людей. Это единственный источник, по которому мы можем изучить антропологические характеристики древних жителей той или иной территории. В распоряжении исследователей имелись только костные материалы из известнейшего могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера, датирующегося эпохой камня⁷. Могильник расположен на острове в северной части Онежского озера недалеко от Кижей, восточнее острова Клименецкий. По поводу происхождения населения, оставившего этот могильник, до сих пор ведутся научные дискуссии. Последние данные, полученные на основании изучения ДНК, экстрагированных из обнаруженных в погребениях могильника скелетных останков, скорее, свидетельствуют о крайне специфическом антропологическом составе древнейших жителей этой территории. Антропологические и генетические особенности «древних оленеостровцев» не находят прямых аналогий среди современных

жителей Евразии⁸. Следует подчеркнуть, что эти материалы, несмотря на их высокую научную значимость и всемирную известность, конечно, не могут осветить всю длительную историю формирования антропологического состава современного населения региона, хотя бы в силу их отдаленности от современности несколькими тысячелетиями.

Иные же палеоантропологические материалы из Обонежья и восточной Карелии в целом, как уже отмечалось, отсутствовали до недавнего времени полностью.

В 2006 г. по инициативе музея-заповедника «Кижь» при проведении охранно-строительных раскопок на территории Кижского погоста к научным работам были привлечены антропологи ФБУН «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН»⁹. Цель совместных работ, в части антропологических исследований, состояла в выявлении и квалифицированной зачистке костяков, полевой разборке и индивидуальных идентификациях, первичной консервации кранио-остеологических материалов, половозрастных определений, измерении кранио-остеологических материалов по полной измерительной программе на месте проведения работ. В дальнейшем в камеральных условиях выполнялся научный анализ и публикация полученных данных.

Кижский погост располагается в южной части острова Кижь, на территории архитектурно-музейного комплекса, в непосредственной близости от стен Преображенской и Покровской церквей.

Южная часть самого погоста, по визуальным наблюдениям, была определена как наиболее поздняя, имеющая статус действующего

⁵ Чебоксаров Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии // Советская этнография. 1946. № 2.

⁶ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. М., 1962; Он же. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. М., 1997.

⁷ Якимов В. П. Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове // Сборник музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1960. Т. XIX; Хартанович В. И. О «лапоноидности» на Севере Европы (по антропологическим материалам могильников Большого Оленьего о-ва в Кольском заливе Баренцева моря и Южного Оленьего о-ва Онежского озера) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006.

⁸ Clio Der Sarkissian, Oleg Balanovsky, Guido Brandt, Valery Khartanovich, Alexandra Buzhilova, Sergey Koshel, Valery Zaporozhchenko, Detlef Gronenborn, Vyacheslav Moiseyev, Eugen Kolpakov, Vladimir Shumkin, Kurt W. Alt, Elena Balanovska, Alan Cooper, Wolfgang Haak, the Genographic Consortium. Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow from Siberia in the Complex Human Population History of North East Europe // PLOS Genetics, February 2013, Volume 9, Issue 2, e1003296. URL: <http://www.plosgenetics.org/article/info:doi/10.1371/journal.pgen.1003296>

⁹ В исследованиях принимали участие специалисты МАЭ: руководитель работ — зав. отделом антропологии канд. истор. наук В. И. Хартанович, главный специалист отдела антропологии канд. истор. наук В. И. Селезнева, канд. истор. наук Е. Н. Рябцева, лаборант И. Г. Ширококов, лаборант Д. В. Малышенок; от музея-заповедника «Кижь» — зам. директора канд. истор. наук И. В. Мельников, зав. отделом археологии канд. истор. наук К. Э. Герман.

Рис. 1. Снятие дерна на раскопе III. Вид с северо-запада

погребального объекта, с сохранившимися надмогильными сооружениями. Отчетливо читаются контуры погребений, над ними деревянные кресты и грунтовые насыпи.

В отличие от южной, в северной части погоста не сохранились внешние признаки погребений: надмогильные деревянные сооружения, провалы почвы или насыпные холмики. Раскопки производились на территории северной части погоста — у северной и северо-восточной стен Преображенской церкви. Раскопки закладывались внешней стенкой на расстоянии около 2—2,5 м от стен с тем, чтобы в площадь раскопов не попадали явно видимые недавние траншеи прокладки противомолниевой защиты (рис. 1).

Раскопки проводились методом сплошного раскопа, слоями-горизонтами примерно по 20 см, с фиксацией и общим описанием и археологических, и костных находок на всех уровнях залегания грунта.

По завершении работ все антропологические останки были перезахоронены на территории Кижского погоста с участием представителей Русской православной церкви и дирекции музея «Кижь» на месте расположения раскопа III.

Рис. 2. Фрагменты черепных коробок непосредственно под дерном в переотложенном состоянии. Вид с востока

В двух метрах от восточной стены Преображенского собора, несколько севернее его алтарной части, был заложен раскоп размерами 2 × 2 м, зафиксированный как раскоп II (при нумерации учитывалось, что в 2005 г. сотрудниками музея «Кижь» закладывался разведочный раскоп — раскоп I).

В раскопе II на уровне дневной поверхности и глубже обнаружено большое количество камней крупных размеров, расположенных беспорядочно как на территории раскопа, так и за его пределами. Непосредственно под слоем дерна найдены остатки кожаной обуви, железные кованые гвозди и два фрагмента белоглиняной керамики (глина тонкостенная, хорошо отмученная). Кроме того, практически под слоем дерна обнаружены разрушенные фрагменты трёх черепных коробок в переотложенном состоянии (рис. 2).

Горизонт 2 (20 см от дневной поверхности). Под дерном — черный суглинок с гравием и галькой, в нем множество железных кованых и фабричного производства гвоздей, остатков кожаной обуви и небольшие фрагменты костной ткани очень плохой сохранности. Обнаружена также монета царской чеканки.

Горизонт 3 (глубина 40 см). На этом уровне в заполнении повсеместно встречаются мелкие фрагменты бересты, иногда вперемешку с остатками деревянных погребальных конструкций. Здесь же в переотложенном состоянии обнаружен кожаный сапог без голенища, в нем кости стопы плохой сохранности. Вскрыты проявившиеся при снятии дерна три черепа и отдельно лежащие костные фрагменты в переотложенном

Рис. 3. Раскоп II. Головная часть гробовища с берестяным покрытием, после изъятия костяка. Вид с запада

состоянии: фрагмент затылочной кости и неполная мозговая коробка мужского черепа, фрагмент черепа, фрагмент лобной кости со следом от удара рубящим предметом. Также встречено большое количество костных фрагментов посткраниальных скелетов в переотложенном состоянии: фрагменты костей конечностей, ребер, позвонков.

Горизонт 4 (глубина 60 см). Вскрыты:

- скопление фрагментов длинных костей и теменной части одной черепной коробки в переотложенном состоянии;
- скопление несколько костных фрагментов детского скелета (молочные зубы, позвонки); рядом с детскими костями находилась монета;
- скопление длинных костей плохой сохранности и фрагментов двух черепов в переотложенном состоянии: кость полностью декальцинирована, от одного черепа сохранилась только правая сторона височной кости с пирамидой, от другого — верхняя чешуя затылочной кости.

Горизонт 5 (глубина 80 см). На этом уровне вскрыто и полностью расчищено два погребения: одно в деревянном гробу (остатки досок прослеживались в грунте), другое в деревянном ящике, перекрытом берестой. Береста (рис. 3) перекрывала ящик, видимо, полностью, с нахлестом за боковые стенки гробовища. Непосредственно под берестой, вдоль центральной продольной оси гробовища, зафиксированы остатки 1–2-продольных досок. Костяк находился под берестяным слоем. Заполнение внутри погребения более темное на фоне коричневатого межмогильного, под берестой — заполнение интенсивного черного цвета. Костные материалы, деревянные конструкции, береста очень плохой сохранности.

В гробу находились останки двух субъектов: взрослого и ребенка 2–3 лет. Являлись ли они одновременными или разновременными и какое захоронение относится к более раннему времени, сказать невозможно из-за крайне плохой сохранности костных материалов.

В погребении в гробу с берестяным перекрытием находились останки двух субъектов: взрослого и младенца. На этом горизонте вне описанных погребений обнаружено нарушенное захоронение женщины с почти полным скелетом, а также несколько фрагментов черепных коробок от разных костяков, две тазовые и две бедренные кости плохой сохранности.

Ниже горизонта 5 (от глубины 100–20 см) залегал материковый слой.

В двух метрах от северной стены Преображенской церкви, северо-восточнее центральной ее части, был заложен раскоп III площадью 2 × 2 м (с прирезкой).

Непосредственно под слоем дерна на всей площади раскопа найдены осколки стекла, гвозди (кованые и фабричного производства), мелкие кости животных и птиц, железные скобы. В грунте, также как и в раскопе II, встречалось большое количество камней разных форм и размеров.

Горизонт 2 (глубина 20 см). В центре южной стенки раскопа непосредственно под слоем дерна зафиксировано скопление из трех черепов в переотложенном состоянии. Все три черепа мужские. Немного западнее обнаружена мужская нижняя челюсть и фрагмент лобной кости, фрагмент верхней челюсти, фрагмент лопатки, фрагменты ребер, лучевая кость, неопределимые фрагменты трубчатых костей, фрагмент крестца, локтевая кость, фрагмент бедренной кости, небольшой фрагмент нижней челюсти с зубами, фрагмент скуловой кости. Севернее находилась монета периода царствования Николая I. Здесь же, но несколько глубже, — мужская плечевая кость с фрагментом лопатки. Чуть восточнее и глубже — скопление из трех черепов и медный крестик. Все костные находки в переотложенном состоянии.

Горизонт 3 (глубина от 40 см). В центральной части раскопа находились плечевая и лучевая кости в анатомическом сочленении в переотложенном состоянии. На глубине 50–60 см от дневной поверхности прослежены остатки двух гробовищ на уровне верхней

Рис. 4. Контуры гробовища с женским захоронением (III-5). Вид с севера

крышки, ориентированных по линии восток — запад. Гробовища подпрямоугольной формы. Следы бересты отсутствовали.

В гробовище, расположенном южнее (рис. 4), по углам зафиксированы небольшие кованые гвозди. При этом восточная часть гробовища сохранилась плохо, возможно, нарушена переотложенным слоем. Под черепом погребенного — небольшая деревянная подушечка. В стенках гробовища по углам вбиты по три гвоздя, скрепляющие боковые доски с головной. Костяки в погребениях расположены вытянуто, на спине, головой на запад, со скрещенными в области таза руками.

Вдоль правой стенки гробовища в области берцовых костей женского скелета находились 2 бедренные кости (мужские, от одного скелета), расположенные параллельно, но верхними и нижними эпифизами направлены в разные стороны. За ними, западнее, — две большие берцовые кости, ребра и фрагмент теменной кости черепа. Череп сильно разрушен крупными каменными булыжниками. Здесь же фрагмент таза ребенка. Все эти кости размещались на тонкой прослойке древесного тлена. Между ними и стенкой гроба с женским костяком — монета 1897 года. Под остатками нижних досок гробовища — фрагмент челюсти плохой сохранности без зубов. В районе берцовых костей женского скелета — небольшой фрагмент тазовой кости (пол определить невозможно). На левой бедренной кости — ключица и нижняя челюсть без зубов. В юго-западном углу раскопа, под слоем древесного тлена, — 5 фрагментов двух разных черепов (от трех теменных и двух затылочных костей).

Выше, в южной и западной стенках раскопа, находились еще два черепа в переотложенном состоянии: череп в южной стенке женский; второй череп мужской, с сохранившейся левой частью и нижней челюстью в двух фрагментах. Выше и южнее черепа прослежен деревянный тлен. Восточнее располагались позвонки, фрагмент лопатки, плечевая и фрагмент лучевой кости (все правые), фрагменты ребер. Эти останки, по всей видимости, относятся к костяку, нижние конечности которого были обнаружены ранее вдоль южной стенки гроба женского захоронения. Древесный тлен широкой полосой прослежен вдоль средней части всего погребения.

В юго-восточной части раскопа материк (серая глина с большим количеством включений небольших плитчатых камней) выступил на глубине порядка 60 см от дневной поверхности, в юго-западной части — на глубине 70 см. В южной стенке обнаружены также фрагменты правой берцовой и левой плечевой костей и фрагмент верхней челюсти с зубами.

В северной части раскопа располагалось второе погребение в гробовище, аналогичное первому типу. Мужской костяк анатомически почти полный, но кости плохой сохранности (тазовые кости отсутствуют — вероятно, полностью разрушены). Из предметов обнаружен только медный крестик.

Непосредственно под этим погребением находилось еще одно, крайне плохой сохранности. Череп без лицевого отдела был расположен под мужским черепом вышеописанного захоронения, затылочным отверстием кверху, обращен на запад, при нем обнаружены два фрагмента нижней челюсти. Кости посткраниального скелета представляют собой тлен, расположенный по линии восток — запад (анатомически идентифицируются только мелкие разрушенные фрагменты трубчатых костей верхних и нижних конечностей). Под этим тленом материк — серая глина с мелким камнем.

В межмогильном пространстве (южнее мужского костяка) обнаружен небольшой фрагмент теменной кости, а также фрагмент женского таза, мелкие фрагменты неопределимых трубчатых костей, фрагмент позвонка, фрагмент крестца.

Севернее и выше мужского захоронения, примерно в 20 см от северной стенки раскопа, пролегает железная полоса молниеотвода (при

закладке раскопа предполагалось, что она проходит ближе к стене церкви, но, вероятно, таких линий было проложено несколько). Под ней фрагменты двух бедренных костей и позвонков. У северной стенки обнаружен фрагмент большой берцовой кости и фрагмент бедренной кости с верхним эпифизом, фрагменты ребер. В северной стенке раскопа, ближе к его северо-западному углу, прослежен тлен гробовой доски с гвоздями — предположительно головная часть погребения, расположенного севернее раскопа. Была сделана небольшая прирезка в этой части раскопа. При выемке грунта обнаружен фрагмент теменной кости плохой сохранности.

В южной стенке, ближе к юго-западному углу, выполнена еще одна небольшая прирезка 30 × 80 см, так как и в этой стенке просматривались следы погребения примерно на глубине 30–40 см от дневной поверхности. В результате было вскрыто еще одно захоронение мужчины (исключая кости нижних конечностей). Скелет полный, череп удовлетворительной сохранности с нижней челюстью. Под ним прослежены следы древесного тлена с гвоздями. Над костяком древесный тлен не обнаружен, встречены большие булыжники и отдельные небольшие кованые гвозди.

В целом следует отметить очень незначительное количество фрагментов кожаной обуви, обнаруженной при работах на раскопе I по сравнению с раскопом II.

У северных стенок первых двух гробовищ, считая от церкви, обнаружены монеты 1899 и 1904 гг. выпуска соответственно. Возможно, что скопление из трех черепов, зафиксированное ранее западнее прирезанной площади, относится именно к этим трем погребениям, потребованным строителями при прокладке линии молниеотвода или проведении других работ.

Таким образом, в 2006 г. охранно-строительные исследования выполнены на площади 14 кв. м. в двух раскопах (№ II, III) с прирезками. Все найденные археологические предметы сдааны на хранение и изучение в Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь». Раскопы рекультивированы под уровень «дневной» поверхности.

В результате проведенных работ удалось впервые на этой территории установить особенности погребального обряда. Умершие

были захоронены в деревянных гробах, с ориентировкой запад — восток. Положение костяков в ненарушенных погребениях везде вытянутое, на спине, со скрещенными в области тазовых костей руками, головой на запад.

В раскопе II зафиксированы случаи перекрытия верхней крышки гроба (возможно, крышка была нецельной, а состояла из 2–3 продольных плах) берестой поперечными кусками по всей площади крышки с загибами по бокам. В заполнении раскопа II также постоянно встречались отдельные мелкие, переотложенные фрагменты бересты, скорее всего, являющиеся остатками берестяных перекрытий. Подобную особенность погребального обряда мы встречали только в карельских памятниках на территории северной Карелии¹⁰.

В раскопе III гробовищ с берестяным перекрытием не обнаружено, как и следов бересты в заполнении.

Во всех случаях в погребальных конструкциях использовались небольшие кованые гвозди. При этом гвозди (кованые и круглого поперечного сечения) в большом количестве находились в заполнении грунта. Очевидно, большая часть из них связана с регулярно проводившимися на церкви ремонтными работами. Гвозди круглого поперечного сечения ни разу не были зафиксированы в составе погребальной конструкции.

В ряде случаев «в головах» у погребенных фиксировались небольшие поперечные деревянные дощечки-подушечки.

Зафиксированные непосредственно над рядом погребений раскопа II скопления крупных камней позволяют предположить, что погребения были заложены ими специально. Вместе с тем, так как погребения часто нарушены поздними перекопами, нельзя сказать с уверенностью, что могилы закладывались камнями изначально при погребении усопшего. Возможно, скопления являются следствием более поздних закладок камнями ранних могил, обнаруженных при сооружении новых могильных ям, или при проведении строительных работ.

Найденные при раскопках монеты хронологически не выходят за рамки середины

¹⁰ Хартанович В. И. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской Части СССР. Л., 1986.

XIX — начала XX в. Вероятно, это может свидетельствовать об относительно поздней традиции бросания монет в могилу усопшего в случае, если данный погребальный памятник имеет более длительную историю функционирования. Степень сохранности археологических находок в целом хорошая. Массовые находки представлены в основном железными гвоздями разной формы и времени изготовления и фрагментами кожаной обуви. К числу единичных находок следует отнести монеты XIX — начала XX в., медные нательные кресты различных форм, пуговицы, ледоходные шипы и образец с изображением святого.

Существенно, что были выявлены следы неоднократных перекопов на площади всех раскопов. Четко фиксируются разрозненное, переотложенное, положение отдельных костей скелетов на всей площади раскопов и на всю глубину слоя, следы перемещений костей в грунте после захоронения. Кроме костного материала, остатки погребальных конструкций и инвентаря: части гробовищ из досок, гробовищ из досок с берестой, отдельные фрагменты бересты, железные гвозди, остатки обуви — также фиксировались в переотложенном состоянии по всей площади на разных уровнях и перекрывали друг друга.

Обращает на себя внимание значительное количество разрозненных фрагментов костей различных скелетов, найденных на относительно небольшой площади раскопов 2006 г. Идентифицированы костные фрагменты и костяки, принадлежавшие по меньшей мере 40—50 индивидуумам.

Так, в раскопе II (без прирезки) выявлены разрозненные останки 26 взрослых субъектов разного возраста на площади 2 × 2 м и глубине слоя 80—120 см. Аналогичная ситуация зафиксирована и в раскопе III (без прирезки), где на площади 2 × 2 м и глубине слоя 80—100 см выявлены останки костяков 21 взрослого индивида разного возраста.

Как представляется, в «нормальной» ситуации — при непо потревоженном положении — на одном уровне на таких площадях (4 кв. м.) может размещаться не более 2—4 погребений взрослых.

Полученные данные позволяют предполагать длительный хронологический период функционирования погребального памятника (в случае если останки переотложенных костяков не были

перемещены в массовом порядке в слои изученных раскопов с других территорий погоста при строительных работах). Достоверно определить конкретные хронологические рамки такого периода, его нижнюю границу на основании имеющихся данных не представляется возможным. Но, несомненно, такой период должен быть достаточным для того, чтобы историческая традиция, этические и санитарные нормы местного населения позволяли проводить на участках погоста, уже занятых под более ранними погребениями, неоднократные новые захоронения.

На наш взгляд, вполне вероятно, что ранние погребения (костные останки из них и должны находиться в переотложенном и фрагментированном состоянии) могут в хронологическом отношении достаточно далеко опускаться за рамки середины XIX — начала XX в., времени бытования обнаруженных явных датирующих предметов (монеты). Для точного определения хронологических рамок существования этого погребального памятника необходимо серийное определение радиоуглеродных абсолютных дат костных материалов.

Иное возможное объяснение присутствия на небольших площадях раскопов 2006 г. останков большого числа умерших — совершение в этих местах массовых «форс-мажорных» (в результате эпидемий, военных действий и т. п.) захоронений в какие-то исторические периоды, относящиеся ко времени ранее XIX в.

Как уже отмечалось, на месте проведения работ осуществлялись антропологические исследования. Впервые получена краниологическая серия эпох позднего Средневековья — Нового времени по населению не только Кижского погоста, но и с территории восточной Карелии в целом. Материалы проанализированы и введены в научный оборот в нескольких изданиях¹¹.

Исследование показало, что краниологическая серия имеет несомненную научную

¹¹ Хартанович В. И., Ширококов И. Г. К антропологии населения Северо-Западного Обонежья (по краниологическим материалам XVIII — начала XX в. из могильника о. Кижь) // Актуальные направления антропологии. М., 2008. С. 212—221; Они же. Некоторые итоги изучения краниологической серии из могильника на острове Кижь // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12; Они же. К проблеме формирования антропологического состава населения Обонежья // Адаптация как фактор формирования антропологического своеобразия древнего и современного населения Евразии. Сборник итоговых научных трудов по программе Президиума РАН. М., 2010.

ценность для решения спорных проблем формирования антропологического состава и этнической истории населения всего региона. Однако она была невелика по численности: всего изучено 17 мужских и 5 женских черепов (костные материалы вообще очень плохо сохраняются в северных почвах). Любое увеличение выборки повышало бы как надёжность данных, так и, возможно, внесло бы новую информацию о характере этногенеза и формировании антропологического состава населения Обонежья.

В 2012 г. научным сотрудником МАЭ РАН канд. истор. наук И. Г. Широбоковым выполнены исследования новых костных материалов из погребений Кижского погоста, полученных археологами музея «Кижь» в ходе охранно-строительных работ в 2009 г.

На основании анализа морфологии костных останков (черепов разной степени сохранности) были даны половозрастные определения индивидуумам, проведены измерения краниологических материалов по полной краниометрической программе, принятой в современной практике российской физической антропологии, дана оценка антропологического состава местного населения в близкий к современности исторический период.

Краниологическая серия 2009 г. включает в себя 10 черепов разной степени сохранности (4 мужских и 6 женских). Общая численность всех материалов увеличилась до 32 черепов (21 мужской и 11 женских).

В таблице 1 впервые приводятся характеристики суммарной серии черепов из раскопок 2006 и 2009 гг. (см.: приложение, таблица 1).

Сопоставление новых суммарных данных с материалами, полученными ранее в 2006 г., показывает, что краниологическая характеристика мужской серии не изменилась при увеличении ее численности.

Мужские черепа отличаются средней длиной и шириной, брахикранной по указателю черепной коробкой со средневысоким сводом. Лицевой скелет средневысокий и среднеширокий, несколько уплощенный на обоих уровнях горизонтальной профилировки. Орбиты узкие и низкие, мезоконхные по указателю. Грушевидное отверстие имеет средние размеры, нос мезоринный по указателю. Среди типов края грушевидного отверстия преобладают предносовые ямки и

антропинная форма. Носовые кости средней высоты и ширины, низкие по указателю. Угол выступления носа к линии профиля относится к средним величинам. Рельеф в затылочной области и в области надбровья хорошо выражен.

Вместе с тем анализ квадратических отклонений признаков мужских черепов показал статистически значимую повышенную вариабельность ряда показателей. Среди них высотный диаметр, высота носа, орбитный указатель, глубина клыковой ямки. Вероятно, такое обстоятельство свидетельствует о неоднородности группы.

При проведении сравнительного антропологического анализа материалов 2006 г. методами многомерной статистики такая неоднородность полученных материалов подтвердилась: в них выделились две морфологически явственно различающиеся между собой группы¹².

Первая кижская группа («высокоголовые» черепа) заняла место среди карельских серий (рис. 5). Наиболее близкими к ней оказываются серии из Суйстамо I, а также Пеккавуары и Боконвуары, географически достаточно близко расположенных к Северо-Западному Обонежью.

Сходство первой группы с карельскими сериями, по всей видимости, не случайно антропологически и подтверждается историческими источниками. По мнению М. В. Витова, территория расселения карел в XVI—XVII вв. была существенно шире современной и присутствие карел как компонента местного населения в Северном и Северо-Западном Заонежье играло ранее более значительную роль¹³. Морфологическая близость подтверждается данными различных исторических дисциплин о присутствии в ныне полностью русскоязычном Заонежье групп карельского населения еще в недавнем прошлом¹⁴. Писцовые и переписные

¹² Хартанович В. И., Широбоков И. Г. Некоторые итоги изучения...; Они же. К проблеме формирования антропологического состава населения Обонежья...

¹³ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья...

¹⁴ Агапитов В. А. Прибалтийско-финская земледельческая колонизация в южном Заонежье (опыт топонимической реконструкции) // Кижский вестник. Петрозаводск, 1994. Вып. 4; Герд А. С. Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001; Логинов К. К. Этническая история Восточного Обонежья...; Муллонен И. Этнолингвистическая история Обонежья // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001.

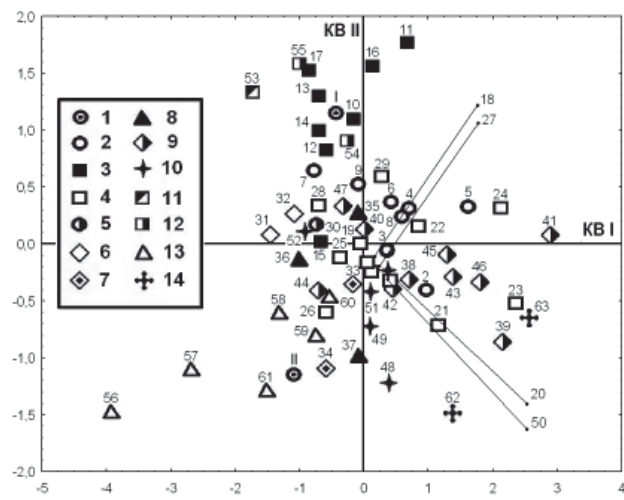

Рис. 5. Положение близких к современности краниологических серий с территории Восточной Европы в пространстве I и II канонических векторов:

I – «высокоголовая» серия с о-ва Кижы; II – «низкоголовая» серия с о-ва Кижы; 2 – русские; 3 – карели; 4 – финны; 5 – коми-пермяки; 6 – удмурты; 7 – марийцы; 8 – мордва; 9 – латыши; 10 – эстонцы; 11 – ижора; 12 – коми-зыряне; 13 – саамы; 14 – шведы.

Нумерация групп соответствует принятой в таблице 2

книги XV—XVI вв. по Шуйскому и Кижскому погостам содержат некоторое количество нерусских имен. Кроме того, известен документ XV в. по Шунгскому погосту, который содержит имена «всех шунжан», большинство из которых имеют нерусские имена.

Существенным представляется то обстоятельство, что в могильнике на острове Кижы проявляется наиболее специфичный для карельских серий черепов морфологический комплекс признаков, распространенный в более северных и западных районах, в отличие от присутствующего в близком к расселению русскоязычного населения Беломорском районе — могильник Компаково¹⁵. Неслучайны, очевидно, и находки фрагментов бересты в засыпке могильника. Скорее всего, они являются остатками достаточно большого количества погребений с берестяными перекрытиями, зафиксированными в явном виде нашими работами. А ведь именно эта особенность погребального обряда, при работах на территории Северо-Запада России, нами постоянно фиксировалась только на памятниках собственно карельского надления (рис. 6)¹⁶

и представляется отличительной особенностью его погребальной традиции¹⁷. В целом же, по-видимому, антропологический комплекс, преобладающий среди карел и выявленный как один из элементов антропологического состава населения Кижского архипелага, в своем генезисе связан с древнейшим мезолитическим населением восточно-балтийского ареала¹⁸.

Вторая группа («низкоголовые черепа») занимает, на первый взгляд, несколько неожиданное положение: они близки к некоторым поволжским финноязычным народам (луговым марийцам, мордве мокше) (рис. 5), а также к саамам Финляндии и саамам Кольского полуострова из прибрежных районов Иоканга и Варзино. В этой группе особенности черепов из Компаково (Беломорский р-н), отличавшие их от остальных карельских, выражены ещё заметнее. Следует отметить, что подобный комплекс признаков на краниологических материалах встречен впервые не только на территории Обонежья, но и Карелии в целом. Саамы Финляндии и Кольского полуострова из прибрежных районов, поволжские финноязычные народы хотя и расположены друг от друга на значительном географическом удалении, но вместе с тем характеризуются общими основными элементами комплекса краниологических признаков.

Весьма вероятно, что «низкоголовая» группа кижской серии черепов отражает реально существовавший в древности антропологический пласт населения Карелии (возможно, и гораздо более обширной территории), имеющий общее происхождение с предками современных саамов, а также волжских финноязычных народов. И в какой-то степени «закрывает», таким образом, территориальный разрыв между ареалами современного распространения грацильных, «низкоголовых», с несколько ослабленной горизонтальной профилировкой лица на обоих уровнях антропологических вариантов: Фенноскандии, с одной стороны, и Поволжья — с другой.

¹⁵ Хартанович В. И. Краниология карел...

¹⁶ Хартанович В. И., Ширококов И. Г. К проблеме формирования антропологического состава населения «лопских погостов» (по краниологическим материалам из могильника XVII — начала XIX века Алозеро) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2012. № 2 (50).

¹⁷ Хартанович В. И. Краниология карел...

¹⁸ Хартанович В. И. Новые краниологические материалы по саамам Кольского полуострова // Палеоантропология, этническая история, этногенез. Сборник к 75-летию И. И. Гохмана. СПб., 2004; Хартанович В. И. О «лапоноидности» на Севере Европы...

Не исключено, что в «низкоголовой» группе кижских черепов проявляются и антропологические черты вепсского населения, присутствие которого в Обонежье, как уже отмечалось, фиксируется данными лингвистики и этнографии и которое может быть и являлось своего рода мостом между западным и восточным ареалами. Краниологические материалы по вепсам отсутствуют. Но есть иные источники смежных дисциплин, которые, скорее всего, подтверждают такую гипотезу. Так, некоторые исследователи выделяют специфические особенности вепсского языка, позволяющие видеть в вепсах «звено той цепи народов, которая соединяла прибалто-финнов с волжскими языковыми родственниками»¹⁹. Языковые особенности вепсов могли также являться следствием длительных волжско-финских (юго-восточных) импульсов в Обонежье²⁰ или быть результатом древних контактов с вымершими субстратными языками Поволжья²¹.

Следует подчеркнуть, что такое антропологическое сходство, скорее всего, является следствием присутствия на территории Карелии ещё одного древнего субстрата, вошедшего в результате длительного исторического развития лишь одним из компонентов в антропологический состав как собственно саамов, так некоторых других финноязычных народов.

Но его не следует напрямую интерпретировать как доказательство распространения на обширных территориях Восточной Европы населения, тождественного в языковом, этнокультурном, антропологическом отношении современным саамам севера Фенноскандии и Кольского полуострова. Современные саамы крайнего севера Европы имели свою собственную историю развития. И особенно отдельные серии черепов саамов, происходящих из центральных районов Кольского полуострова²², древние находки на Кольском

Рис. 6. Погребение с берестяным перекрытием, могильник XVII – нач. XIX в. Алозеро, Калевальский район Республики Карелия. Автор раскопок М. М. Шахнович

полуострове²³ свидетельствуют, что в основе формирования их антропологического облика, скорее всего, лежал иной, нежели представленный в материалах с острова Киж, антропологический пласт.

Таким образом, в 2006 и 2009 гг. в результате совместных научных работ ФГБУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник „Киж“» и ФБУН «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)» впервые были получены и исследованы палеоантропологические материалы по населению Кижского архипелага и северо-западного Обонежья, давшие новые и научно значимые результаты.

А в человеческом плане сотрудники экспедиции МАЭ РАН со всё возрастающей ностальгией, признательностью дирекции музея «Киж» вспоминают лето 2006 г., когда нам выпала удивительная возможность целый месяц провести на чудесном острове-заповеднике.

¹⁹ Häkkinen K. Suomalaiset esihistoria kielitieteen valossa. Helsinki, 1996 (цит. по: Муллонен И. Этнолингвистическая история Обонежья... С. 343).

²⁰ Муллонен И. Этнолингвистическая история Обонежья...

²¹ Кожеватова О. А. Пути образования общего регионального лексического фонда на Европейском Севере России // Ономастика и диалектная лексика: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 1996.

²² Хартанович В. И. Новые краниологические материалы...

²³ Хартанович В. И. О «лапоидности» на Севере Европы...

Приложение

Таблица 1. Средние размеры и указатели краниологической серии из Кижского погоста (раскопки 2006, 2009 гг.)

№ по Мартину и др.	Признаки	Мужские		Женские	
		n	X	n	X
1	Продольный диаметр	20	178.9	11	171.7
8	Поперечный диаметр	20	142.8	11	137.5
8:1	Черепной указатель	19	80.2	11	80.2
17	Высотный диаметр	17	133.3	10	130.6
5	Длина основания черепа	13	101.0	9	97.2
9	Наименьшая ширина лба	20	95.6	9	93.4
11	Ширина основания черепа	18	127.0	11	120.5
12	Ширина затылка	16	114.1	10	107.6
45	Скуловой диаметр	8	132.9	5	123.4
48	Верхняя высота лица	8	71.0	9	65.9
43	Верхняя ширина лица	10	103.0	10	101.1
46	Средняя ширина лица	8	94.6	9	91.4
55	Высота носа	10	50.6	10	48.1
54	Ширина носа	9	25.3	9	24.4
54:55	Носовой указатель	9	50.6	9	51.6
51	Ширина орбиты от mf	9	40.2	10	40.1
52	Высота орбиты	9	32.6	10	33.5
52:51	Орбитный указатель от mfg	9	81.2	10	83.7
77	Назональный угол	10	142.9	9	140.0
Hzm'	Зигмаксиллярный угол	6	131.4	8	126.2
SC	Симотическая ширина	11	8.9	10	8.5
SS	Симотическая высота	11	3.8	10	3.5
SS:SC	Симотический указатель	10	44.1	10	42.7
DC	Дакриальная ширина	7	24.2	7	22.4
DS	Дакриальная высота	7	12.6	7	11.7
DS:DC	Дакриальный указатель	7	52.0	7	53.0
	Глубина клыковой ямки	9	5.3	10	3.6
32	Угол профиля лба от n	9	81.0	10	88.9
Pg-m	Угол профиля лба от g	9	74.1	10	83.5
72	Общий лицевой угол	7	83.0	10	83.1
73	Средний лицевой угол	8	85.0	10	85.8
75	Угол наклона носовых костей	7	55.1	8	61.1
75(1)	Угол выступания носа	6	27.5	8	22.0
	Надпереносье	12	2.4	10	1.5
	Надбровные дуги	12	1.6	10	1.1
	Наружный затылочный бугор	12	2.6	10	0.3
	Сосцевидный отросток	11	2.4	10	1.2

Таблица 2. Список близких к современности краниологических серий с территории Восточной и Северной Европы, привлеченных для сравнительного анализа методом канонических корреляций

№	Серия	Источник
1	Киж	Настоящее издание
РУССКИЕ		
2	Архангельская губ.	Алексеев, 1969 ²⁴
3	Олонецкая губ.	там же
4	Петербургская губ.	««»»
5	Новгородская губ.	««»»
6	Псковская губ.	««»»
7	Себеж	««»»
8	Вологодская губ.	««»»
9	Старая Ладога	««»»
КАРЕЛЫ		
10	Суйстамо I	Хартанович, 1986
11	Турха	там же
12	Кондиевуара	««»»
13	Пеккавуара	««»»
14	Боконвуара	««»»
15	Компаково	««»»
16	Чикша	««»»
17	Регярви	««»»
ФИННЫ		
18	Саво	Хартанович, 1995
19	Хяме	там же
20	Уусима	««»»
21	Хельсинки	««»»
22	Варсинайс-Суоми	««»»
23	Педерсере	««»»
24	Южная Похъянмаа	««»»
25	Северная Похъянмаа	««»»
26	Сатакунта	««»»
27	Ингерманландия	Алексеев, 1969
28	Суйстамо II	Хартанович, 1986
29	Куркиёки	Хартанович, 1990
КОМИ-ПЕРМЯКИ		
30	Коми-пермяки	Алексеев, 1969
УДМУРТЫ		
31	Северные	Алексеев, 1969
32	Южные	там же
МАРИЙЦЫ		
33	Горные	Алексеев, 1969
34	Луговые	там же
МОРДВА		
35	Эрзя	Алексеев, 1969
36	Терюхане	там же
37	Мокша	««»»
ЭСТОНЦЫ		
38	Кабина	Марк, 1956
39	Кохтла-Ярве	там же
40	Варбола	««»»
41	Аймла	
42	Ряпина	
ИЖОРА		
43	Липпово	Хартанович, 2004а

№	Серия	Источник
ЛАТЫШИ		
44	Дурбе	Алексеев, 1969
45	Западные	там же
46	Восточные	««»»
47	Ратуланы	Зариня, 1990
48	Орманькалнс	там же
49	Дудиняс	Денисова, 1977
50	Яункандава	там же
51	Lts	««»»
52	Леймани	««»»
53	Пургайли	««»»
КОМИ-ЗЫРЯНЕ		
54	Подъяльск	Хартанович, 1991
55	Грива	там же
СААМЫ		
56	Северная Салма	Хартанович, 2004б
57	Чальмны-Варрэ	Хартанович, 1980
58	Пулозеро	««»»
59	Варзино	««»»
60	Иоканга	««»»
61	Финляндия	Алексеев, 1974
ШВЕДЫ		
62	Остров Рухну	Алексеев, 1974
63	Финляндия	там же

²⁴ Сокращения в таблице:

Алексеев, 1969: Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы (Краниологическое исследование). М., 1969.

Алексеев, 1974: Алексеев В. П. Краниологическая характеристика населения Восточной Фенноскандии (по материалам Г. Ф. Дебеца и автора) // Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974.

Зариня, 1990: Зариня Г. В. Антропологический состав населения Аутшземе // Балты, славяне, финны. Этногенетические процессы. Рига, 1990.

Денисова, 1977: Денисова Р. Я. Этногенез латышей (по данным краниологии). Рига, 1977.

Марк, 1956: Марк К. Ю. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн, 1956.

Хартанович, 1980: Хартанович В. И. Новые материалы к краниологии саамов Кольского п-ова // Сборник музея антропологии и этнографии. 1980. Т. 36.

Хартанович, 1986: Хартанович В. И. Краниология карел...

Хартанович, 1991: Хартанович В. И. Новые материалы к краниологии коми-зырян // Сборник музея антропологии и этнографии. 1991. Т. XLIV.

Хартанович, 1995: Хартанович В. И. Материалы к краниологии финнов // Антропология сегодня. СПб., 1995. Вып. 1.

Хартанович, 2004а: Хартанович В. И. Краниология ижор // Расы и народы. Вып. 30. М., 2004.

Хартанович, 2004б: Хартанович В. И. Новые краниологические материалы...

Хартанович, 1990: Хартанович В. И. Краниологии населения северо-западного Приладожья XIX — начала XX // Балты, славяне, финны. Этногенетические процессы. Рига, 1990.

Кресты-тельники с Кижского погоста

До недавнего времени были известны единичные находки нательных крестов с территории острова Кижь, происходившие из археологических раскопов, а также случайные находки с территории Кижского погоста.

В 2006 году, в связи с проведением реставрационных работ, на территории бывшего кладбища Кижского погоста сотрудниками Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН были исследованы несколько захоронений. Целью являлось получение первых кранио-osteологических материалов, характеризующих антропологический состав местного населения XVI—XIX вв. В ходе работ были найдены 11 крестов-тельников, а также несколько медных монет, позволяющих установить примерную дату захоронений¹.

Все кресты относятся к типу старинной или поморской меднолитой пластики, которая выпускалась старообрядческими литейными мастерами². В качестве основных признаков старообрядческих крестов-тельников специалисты определяют:

1) форму креста. В большинстве староверы придерживались восьмиконечной формы,

Рис. 1

однако если очертания креста были четырехконечные, то в центре его обязательно гравировался семи- или восьмиконечный голгофский крест;

2) надпись на титле. Вместо нового написания «**ИИЦИ**» («Иисус Назарейский Царь Иудей»), появившегося на Руси в начале XVII века, старообрядцы использовали старую надпись «**ЦРЬ СЛВЫ ІС ХС**» («Царь Славы Иисус Христос»);

3) изображение фигуры Христа. На старообрядческих крестах-тельниках фигура Христа всегда строго вписана в крест, не провисает на нем, не выходит за его пределы, что часто встречается в русском литье начиная с XVIII века³.

¹ Хартанович В. И., Широбоков И. Г. Некоторые итоги изучения краниологической серии из могильника на острове Кижь // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 311—325. См. также статью авторов в настоящем сборнике.

² Зотова Е. Я. Поморская меднолитая пластика: к истории становления и развития в московском регионе // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения — 2003»). Петрозаводск, 2003. С. 391.

³ Захарова С. О. Становление и развитие старообрядческих центров медного литья. Часть 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/194-1-0-665>

Рис. 2

При описании крестов-тельников была использована классификация Э. П. Винокуровой, а также материалы из статьи В. Коршун⁴.

Тип I. Подтип 1. Представляет собой четырехконечный крест, на лицевой стороне которого изображен рельефный восьмиконечный крест на Голгофе над могилой Адама с тростью и копием с типовым комплексом надписей-аббревиатур. На оборотной стороне — сплошь по всей поверхности креста надпись⁵. К данному подтипу относятся пять крестов-тельников.

1. Размеры 5,1 × 2,6 × 0,7 см. Оглавие в виде уплощенной бусины с двумя венцами. На лицевой стороне изображен рельефный восьмиконечный Голгофский крест. Над крестом — рельефные монограммы «**ЦРЬ СЛВЫ**» («Царь Славы») в две строки под титлами. По сторонам креста монограммы: над средней перекладиной — «**ИС ХС**» («Иисус Христос») под титлами, под ней — «**СНЪ БЖИИ**» («Сын Божий») под титлами. На оборотной стороне все поле внутри прямоконечного креста занимает текст начала псалма 67-го «**ДА ВОСКРЕСНЕТЪ БОГ...**» («Да воскреснет Бог...») (рис. 1).

2. Размеры 4,1 × 1,9 × 0,7 см. Оглавие в виде уплощенной бусины с двумя венцами. На лицевой стороне изображен рельефный восьмиконечный Голгофский крест. Над крестом — рельефные монограммы в три ряда под титлами: «**Ц С**» («Царь Славы»), «**ИС ХС**» («Иисус Христос»), «**С Б**» («Сын Божий»). Над средней перекладиной креста — «**РАСПЯТ БЫСТЬ**»

⁴ Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. М., 1999. С. 326—360. Коршун В. Нательные кресты поморских типов XVIII — начала XX в. в Рязанской губернии. История, хронология, классификация // Родная старина. 2009. № 2. С. 36—41.

⁵ Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-тельники... С. 333.

Рис. 3

(«Распят бысть»), под ней — «**КД ЛЕТО // МАРТА Л**» (начальные две буквы КД перед словом ЛЕТО и конечная буква Л в конце слова МАРТА под титлами — это алфавитная запись чисел с помощью букв кириллицы. Чтобы отличать буквы от цифр, над последними ставился специальный знак «титло». В нашем случае КД под титлом дает цифру 24, а Л под титлом — 30. В итоге получаем надпись: 24 ЛЕТО МАРТА 30).

На оборотной стороне все поле внутри прямоконечного креста заполнено сокращенным текстом молитвы Святому и Животворящему Кресту Господню: «**ГДПСЕ СЫНЕ БЖИИ БЛАГОСЛОВИ НОСТИ И СОХРАНИМ СИЛО НКРС ТАЖ ИВОН ОСНА ГОТ**» («Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, благослови, и освяти, и сохрани мя силою Живоносного Креста Твоего») (рис. 2).

3. Размеры 3,9 × 1,8 × 0,7 см. Оглавие в виде уплощенной бусины с двумя венцами. Оформление лицевой и оборотной сторон аналогично кресту 2 (рис. 3).

4. Размеры 4 × 1,9 × 0,6 см. Оглавие в виде уплощенной бусины с двумя венцами. Оформление лицевой и оборотной сторон аналогично кресту 2 (рис. 4).

5. Размеры 3,3 × 1,8 × 0,4 см. Оглавие сохранилось частично. На лицевой стороне изображен рельефный восьмиконечный Голгофский крест. Над крестом — рельефная монограмма «**Ц С**» («Царь Славы») под титлами. По сторонам креста монограммы: над средней перекладиной — «**Р Б**» («Распят бысть») под титлами, справа и слева — «**ИС ХС**» («Иисус Христос») под титлами, под ней — «**К Т**» («копие трость») под титлами. На нижнем

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

конце Голгофского креста — неясная монограмма (возможно, «**НКА**» («Ника»))⁶.

На оборотной стороне все поле внутри прямоконечного креста занимает текст начала 67-го псалма «**ДА ВОСКРЕСНЕТЪ БОГ...**» («Да воскреснет Бог...») (рис. 5).

Тип I. Подтип 4. Представляет собой четырехконечный крест, на лицевой стороне которого изображен рельефный восьмиконечный крест на Голгофе над могилой Адама с тростью и копием с типовым комплексом надписей-аббревиатур. Углы окрестия перекрыты декоративными волютами, образующими ромб вокруг пересечения ветвей креста. Обратная сторона гладкая. К данному подтипу относятся два креста-тельника⁷.

6. Размеры 4,6 × 2,5 × 0,6 см. Оглавие в виде уплощенной бусины с двумя венцами. На лицевой стороне изображен рельефный восьмиконечный Голгофский крест. Над крестом — неясная монограмма (возможно, «**ЦРЬ СЛВЫ**» («Царь Славы») под титлами). По сторонам креста — неясные монограммы: справа и слева от средней перекладины, возможно, «**ИС ХС**» («Иисус Христос») под титлами. На нижнем конце Голгофского креста — неясная монограмма (возможно, «**МЛ РБ**» («Место лобно распят бысть»))⁸ (рис. 6).

7. Размеры 4,7 × 2,1 × 0,5 см. Оглавие в виде уплощенной бусины с двумя венцами. На волютах — шарики. На лицевой стороне изображен рельефный восьмиконечный Голгофский крест. Над крестом — неясная монограмма (возможно, «**ЦРЬ СЛВЫ**» («Царь Славы») под титлами. По сторонам креста — неясные монограммы: справа и слева от средней перекладины — возможно, «**ИС ХС**» («Иисус Христос») под титлами, под ней — «**НИ К Т КА**» («Ника, копие//трость») под титлами⁹ (рис. 7).

Тип IV. Представляет собой четырехконечный крест, на лицевой стороне которого изображен рельефный восьмиконечный крест на Голгофе над могилой Адама с типовым

⁶ Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-тельники... С. 334, 358.

⁷ Там же. С. 336.

⁸ Там же. С. 337, рис. 11:2; Коршун В. Нательные кресты поморских типов... С. 37, рис. 2:4.

⁹ Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-тельники... С. 338, рис. 12:1.

комплексом надписей-аббревиатур в клеймах. Верхний конец слегка расширяется, нижний конец в виде лопаточки. Обратная сторона гладкая. К данному подтипу относится один крест-тельник¹⁰.

8. Размеры 3,7 × 2,1 × 0,3 см. Оглавие не сохранилось. На лицевой стороне изображен рельефный восьмиконечный Голгофский крест. Над крестом — неясная монограмма (возможно, «ЦР СЛ» («Царь Славы»)) под титлами. По сторонам креста — неясные монограммы: справа и слева от средней перекладины — возможно, «ІС ХС» («Иисус Христос») под титлами. На нижнем конце Голгофского креста — неясная монограмма (возможно, «НКА» («Ника»))¹¹ (рис. 8).

Тип V. Представляет собой четырехконечный крест, на лицевой стороне которого изображен рельефный восьмиконечный крест на Голгофе над могилой Адама с тростью и копием с типовым комплексом надписей-аббревиатур. Концы и углы средокрестия, ствол креста заполнены орнаментальными завитками, что и придает ему форму листа (или копья). На оборотной стороне — сплошь по всей поверхности креста надпись. К данному подтипу относятся три креста-тельника¹².

9. Размеры 5,4 × 3,1 × 0,5 см. Оглавие в виде уплощенной бусины с тремя венцами. Над крестом — рельефные монограммы «ЦР СЛВЫ» («Царь Славы») в две строки под титлами. На поперечном древе вокруг креста — монограмма «ВѢЛИЧАИ ДШЕ МОА ПРѢУТНЫИ КРЪТЪ ГНЪ» («Величай, душе моя, Пречестный Крест Господень»).

На оборотной стороне все поле внутри прямоконечного креста занимает текст: «НІПОВЪДИМАА И БЖЕСТВІНАА СИЛА ЧТНАГО И ЖИВАТВОРАЩАГО КРЪТА ГНА НЕОСТАВИ МА ГРЪНАГО УПОВАЮЩАГО НА ТЯ. КРЪТУ ТВОЕМУ ПОКЛАНАЕМСА ВЛДКО ІСТОЕ ВОСКРНІЕ ТВОЕ СЛАВИМ» («Непобедимая и божественная сила Честнаго и Животворящаго Креста Господня, не оставим я, грешнаго, уповающаго на Тя. Кресту Твоему

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

¹⁰ Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-тельники... С. 340.

¹¹ Там же. С. 341, рис. 16:2.

¹² Там же. С. 340—341.

поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим») (рис. 9).

10. Размеры 3,9 × 2,1 × 0,6 см. Оглавие в виде уплощенной бусины с двумя венцами. Оформление лицевой и оборотной сторон аналогично кресту 2 (рис. 10).

11. Размеры 3,6 × 1,8 × 0,6 см. Оглавие в виде уплощенной бусины с двумя венцами. На лицевой стороне изображен рельефный восьмиконечный Голгофский крест. Над крестом — рельефные монограммы «**ЦРЬ СЛВЫ**» («Царь Славы») в две строки под титлами. По сторонам креста — монограммы: над средней перекладиной — «**ИС ХС**» («Иисус Христос») под титлами, под ней — «**СНЪ БЖИИ**» («Сын Божий») под титлами.

На оборотной стороне все поле внутри прямоконечного креста — сокращенный текст молитвы Святому и Животворящему Кресту Господню: «**ГДПСЕ СЫНЕ БЖИИ БЛАГОСЛОВИ ИОСТИ И СОХРАНИМ СИЛО И КРС ТАЖ ИВОН ОСНА ГОТ**» («Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, благослови, и освяти, и сохрани мя силою Живоносного Креста Твоего») (рис. 11).

Важными вопросами изучения крестов являются их соотношение по половозрастному признаку, стоимость, а также время и место изготовления.

По воспоминаниям красносельского литейного мастера А. П. Серова (1899—1974), кресты-тельники имели несколько «сортов» в зависимости от размеров и делились на мужские и женские. Продавались оптовым торговцам по следующим ценам:

— младенческие, или 1-й сорт, 2,5 × 0,7—0,8 см по 1 копейке за штуку;

— детские, или 2-й сорт, 3,6 × 1,7—1,8 см по 1,5 копейки;

— средние, или 3-й сорт, 4,1—4,3 × 1,9—2,5 см по 2,5 копейки;

— крупные, или 4-й сорт, 4,7—4,8 × 2,4—2,6 см по 3,5 копейки;

— самые крупные, или 5-й сорт, более 5,2—5,3 × 4,8—5,0 см по 5 копеек¹³.

По мнению исследователей, традиционно к мужским крестам относят прямоконечные

¹³ «Об истории литейного дела икон и крестов медно-литейного заведения Серова Петра Яковлевича, с. Красное Костромской области» // Русское литье. М., 1993. Вып. 2. С. 157—158.

кресты I и IV типов, а к женским — листовидные кресты V типа. Таким образом, в группе описанных крестов-тельников восемь относятся к мужским, а три к женским. По размерам отсутствуют младенческие (1-й сорт) и самые крупные (5-й сорт). Два (№ 5, 11) относятся к детским (2-й сорт), остальные — к средним и крупным (3-й и 4-й сорт).

Сложность установления времени и места изготовления крестов-тельников заключается в том, что все они относятся к типам, возникшим во второй половине XVII в. и без существенных изменений просуществовавших до конца XIX — начала XX в.¹⁴ Некоторую ясность в этот вопрос вносят несколько медных монет, найденных в погребениях, время чекана которых относится к интервалу от начала XIX до начала XX в. Таким образом, вышеописанные кресты-тельники можно отнести к данному хронологическому отрезку.

Местом изготовления крестов-тельников на территории Карелии на протяжении XVIII — первой половины XIX в. был Выговский монастырь. После его закрытия в 1854 г. производство меднолитых крестов продолжалось на территории Новгородской, Петербургской губерний, в Москве и других регионах¹⁵. Однако говорить о полном прекращении производства медного литья на территории Выгореции нет оснований. В течение второй половины XIX — начале XX в. здесь функционировали многочисленные кустарные мастерские, которые сбывали свою продукцию на Шунгской и Каргопольской ярмарках самостоятельно или через перекупщиков¹⁶. Поэтому наиболее вероятно предположить, что кресты-тельники с Кижского погоста были местного выговского производства, на что указывает и их схожесть в размерах и оформлении.

¹⁴ Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-тельники... С. 327.

¹⁵ Савина Л. Н. К истории производства и бытования медного художественного литья в XIX — начале XX века // Русское литье. М., 1993. Вып. 1. С. 48—49.

¹⁶ Фролова Г. И. К вопросу о технологии выговского (по-морского) медного литья // Русское литье. М., 1993. Вып. 2. С. 52—54.

Заонежье на топонимической карте российского Северо-Запада¹

В ряду богатого и разнообразного историко-культурного наследия Заонежья, помимо археологических комплексов, шедевров деревянной архитектуры, русской былинной поэзии, заслуживает упоминания и уникальный заонежский диалект, а также богатейшая топонимия. По мере накопления и научного осмысления топонимического наследия происходит осознание ценности, знаковости, «брендовости» исторической топонимии для территории. Многие топонимы Заонежского полуострова возникли не одну сотню лет назад, а есть и такие, возраст которых насчитывает не менее тысячи лет. Приходится признать, что среди фактов культурного наследия нашего региона не столь уж много дошедших из такой древности исторических свидетельств. При этом речь идет об истории, облеченной в слово, которое через века доносит не только отголоски звучания языка создателей топонима, но и наполнено содержанием. В Заонежском заливе, в самом узком месте между его Толвуйским и Челмужским берегом, расположилась группа из трех небольших островков: Кайнос, Ваблок (или Вавлокостров) и Мегостров, первые два получили свои названия еще в то далекое время, когда эти места населяли саамы. Именно они проложили водный маршрут от одного берега до другого, который используется и сейчас, закрепив память о нем в названиях островов:

Кайнос содержит в основе древнее саамское слово *kejno (дорога), а Ваблок восходит к саамскому термину vavl (фарватер, путь). Топонимия, таким образом, реконструирует дорогу длиной в тысячелетие. По сути, не меньшей историко-культурной ценностью обладают и более молодые по возрасту топонимы, ибо каждый из них создан определенным человеческим сообществом и отражает многие аспекты его жизнедеятельности, особенности его социально-экономического состояния, культуры, его приоритеты в выборе местожительства и т. д. Целый ряд заонежских топонимов с основой корел-/карел- (ср. Карельский остров и Карельская салма в окрестностях Сенной Губы, угодье Корела на Волкоострове, остров Корела у дер. Кривоноговская в Толвуде или угодье Корелкино в Хашезере и Корулово в Мунозере и др.), видимо, связан с переселением карелов из северо-западного Приладожья в XVII веке. Неоднократно встречающиеся в окрестностях Кижей Перевозы, Перевозники, Перевозницы напоминают о лодочных перевозах между островами и деревнями². В старых письменных источниках деревня Посад, что в основании Святого наволока, называется Перевесье. Этим словом в севернорусских говорах обозначали место, где течение воды меняет направление. Видимо, в прошлом Святой наволок был островом, отделявшимся узким проливом от

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ 12-04-12009 «Создание ГИС „Электронная картотека топонимов Восточного Обонежья“».

² Агапитов В. А. Путешествие в древние Кижы. Топонимический очерк. Петрозаводск, 2000. С. 37—38.

материка. Пролив со временем зарос, образовался узкий перешеек. Однако в половодье или при сильной волне он мог оказаться под водой. При этом в зависимости от направления ветра менялось и направление течения воды.

В перечисленных названиях информация этнокультурного содержания лежит, что называется, на поверхности, для ее извлечения не требуется особых изысканий. Однако есть большой пласт топонимов, для выявления культурного контекста которых необходимо понимание глубинных механизмов рождения и функционирования географических названий. Например, все семь зафиксированных на Заонежском полуострове топонимов Синий Камень оказались так или иначе привязаны к границам разного уровня — исторических погостов, волостей или земельных угодий отдельных поселений³. Почему Синий Камень маркирует границу? Видимо, здесь соединились и традиционные для народной культуры представления о синем камне как образе мифологического пространства, и то, что во многих северных культурах синий цвет является цветом иного мира, и, конечно же, реальная пограничная функция камней. Фольклорный образ синего камня использован для маркировки территории, отражая тем самым традиционное для народной культуры осмысление пространства.

Топонимы рождаются не произвольно, а по определенным моделям, определенной моде, которая привязана ко времени и территории. Мода на модель обусловлена целым рядом обстоятельств, среди которых социально-экономические, культурные, языковые, ландшафтно-географические. В ходе освоения новых территорий традиционные модели названия переносились с материнской территории на новые места. В результате даже для уникальных, казалось бы, топонимов удается нередко обнаружить при условии качественного сбора топонимии свой ареал. Это обстоятельство оказывается принципиально важным для выявления путей освоения территорий, формирования границ историко-культурных зон, этнических и языковых контактов.

В статье анализируется несколько топонимных моделей, известных в Заонежье, и устанавливается их этнокультурное содержание. Материалом послужила картотека топонимов Заонежья, собранных научными экспедициями Института ЯЛИ КарНЦ РАН, работавшими в Заонежье в 1970—1990-е годы. Она содержит около 12 тысяч географических названий, что дает широкие возможности для исследования. Отбор моделей производился с учетом того, что целый ряд их уже привлекал внимание в прежних работах. Кроме того, выбраны модели, реконструирующие разные по времени, путям проникновения и языку потоки освоения Заонежского полуострова.

Кижы

При всей оригинальности названия острова для него обнаруживается свой топонимический ряд — не слишком широкий, но вполне убедительный, включающий десяток названий небольших озер, озерных заливов и болот. Среди них есть даже один остров в среднем течении реки Ояты, южного притока Свири. Далее приведен полный список топонимов, обнаруженных в Научной картотеке топонимов Института ЯЛИ КарНЦ РАН. При каждом названии указана привязка в соответствии с административным членением территории Олонецкой губернии в начале XX века:

1. Kiidžillahti, залив [приход Суоярви, сев. Приладожье]⁴.
2. Kiidžilahti, залив [Олон, Повен, Мяндусел, Линдозеро].
3. Kiidžinlahti, залив [Олон, Петроз, Сямозер, Вешкельск, Павшойла].
4. Kiidžari, озеро, Kiidžarensuo, болото [Олон, Олон, Ведлоз, Щеккильск, Каскозеро].
5. Kiižimensuo, болото [Олон, Олон, Коткоз, Вагвоз, Утозеро].
6. Kiidžuguba, залив, Kiidžuniemi, мыс, Kiidžuniemensuo, болото [Олон, Петроз, Спасопреобр, Мунозеро].
7. Кижечный мох, болото [Олон, Петроз, Кондоп, Лижемск, Лукин Остров].
8. Кижы, остров [Олон, Петроз, Великогуб, Кижск].

³ Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. С. 102—105.

⁴ Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975. S. 59. Нумерація в списку відповідає номерам (цифрам) на карті (рис. 1).

9. Кижим, река, Кижимлахта, залив, Кижим-мох, болото [Олон., Пудож, Водлоз, Пильмасозер, Пильмасозеро].

10. Кижевато, озеро [Олон, Пудож, Почезер, Ундозер, Скар-Лакта].

11. Kižidärv, озеро (рус. Кижозеро), Kižiso, болото [Олон, Лодейн, Шимоз, Кривозеро].

12. Кижов, остров [Олон., Лодейн, Шапшин, Мустиничи].

Названия восходят к карельскому слову *kiidžin* < **kiidžime-*, наименованию мха, бытовавшему во всех диалектах карельского языка и обозначавшему разные виды мхов — от лишайников до ягеля и кукушкина льна⁵. Вообще в этом контексте стоит отметить, что топонимия весьма избирательна в выборе тех растений, которые закрепляются в названиях мест. Выбор определяется, в первую очередь, использованием их в хозяйственной деятельности местных жителей. Судя по материалам традиционной культуры, к таким широко востребованным в традиционном быту растениям относился прежде всего водный мох *kiidžin*. Известно, что карелы-людики использовали его для мшения построек⁶. Такая же информация есть из ливвиковского Сямозерья: «*lammiz nostetah kiidžimet haravoil kuivah, pertti sammaldetah*»⁷ («мох граблями поднимают из ламбы на сушу, мшат избу»). В Линдозере Кондопожского района наши информанты вспоминали, как мох поднимали из залива *Kiidžilahti* с помощью специальной вертушки и затем, высушив на берегу, использовали при строительстве изб. Подобная практика была известна и в Кижях, где водный мох, поднятый специальными граблями со дна Мошгубы, использовался для мшения стен, полов, лодок-кижанок⁸.

Показательно здесь, конечно, и само название залива Мошгуба, т. е. «моховая губа», в котором как раз и отложилась память о мхе *kiidžin*, название которого переведено на русский словом «мох». Сам структурный облик названия явно указывает на возможность перевода. Иначе говоря, карельский оригинал

Мошгубы мог выглядеть как **Kiidžilahti* (< **Kiidžillahti* < **Kiidžinlahti*) и входить в один ряд с соответствующими названиями заливов в Суоярви, Линдозере, сямозерской Павшойле, кондопожском Мунозере, упомянутыми в вышеприведенном списке. Карельский топоним **Kiidžilahti* превращается в русскую Мошгубу на том не столь уж отдаленном этапе истории, когда в южном Заонежье еще бытовало двуязычие и название озерного мха *kiidžin*, растущего на дне неглубоких, хорошо прогреваемых озерных заливов, еще не было здесь забыто.

Столь необходимый для строительства мох оказался «брендом» острова, его основной маркирующей особенностью, которая и отразилась в названии острова — в полном соответствии с законами номинации. Будучи переведенной в названии залива, карельская топооснова сохранилась в названии острова Кижы.

Впервые «растительная» этимология названия острова Кижы была предложена В. Агапитовым⁹. У нее, несомненно, больше оснований для существования, чем у получившей в свое время широкую известность, нередко еще и сегодня всплывающей «игрищной» интерпретации, связывавшей топоним с карельским словом «*kižad*» (игры, игрища). В качестве мотива названия предлагался сакральный характер острова, на котором проводились некогда ритуальные праздники. Однако эта интерпретация не находит подтверждения в виде аналогов, т. е. топонимов-тезок, образующих внятный ареал. Наоборот, как было ранее показано, название водного мха востребовано в топонимии. Выявленный ряд топонимов формируется в довольно компактный ареал (рис. 1) на территории южной Карелии. Остров Кижы находится в центре этого ареала, протянувшегося от Северного Приладожья до Северного Кенозерья. Он наиболее насыщен на Онежско-Ладожском перешейке — в карельском ливвиковско-людиковском языковом ареале, где известен и соответствующий апеллятив. При этом истоки самого слова не вполне ясны. Оно не фиксируется в родственных языках и выглядит карельской инновацией в прибалтийско-финском мире. Два топонима (11 и 12 на рис. 1), обнаруживающиеся в вепском языковом ареале, могут

⁵ Karjalan kielen sanakirja II. LSFU XVI, 2. Helsinki, 1974. S. 189—190.

⁶ Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria 1. Konsonantit. Helsinki, 1946. S. 201.

⁷ Karjalan kielen sanakirja... S. 190.

⁸ Агапитов В. А. Кижы: что в имени твоём? (О происхождении названия Кижы и не только...) // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993. С. 20—21.

⁹ Агапитов В. А. Кижы: что в имени твоём? С. 20.

Рис. 1. Ареал топонимов с основой *Kiidži(n)-/Киж(м)-*

отражать карельское проникновение на смежную вепскую территорию. Такое выявлено нашими экспедициями, например, на водоразделе Онежского и Белого озер, в Шимозерье, где располагалось вепское село Кривозеро. Особого комментария требует название озера Кижевато (10 на рис. 1) на Ундозере в Северном Кенозерье. В здешнем русском говоре бытует слово «кижа» (озерный ил)¹⁰, которое, видимо, является субстратным карельским включением, оставленным в наследие карелами, переселенцами из Корельского уезда. В результате фонетического и семантического освоения карел «*kiidžin*» преобразовалось в рус. «кижа» (с ударением на первом слове). В озерном наименовании основа могла закрепиться как в карельском, так и позднее в русском виде. При этом в ундозерском термине проявляется тот же алгоритм фонетической адаптации в ходе русского языкового освоения, который работал и в заонежском топониме Киж.

Очертания топонимного ареала обусловлены, помимо языковой составляющей — бытования термина в карельских диалектах, также, видимо, и климатической. Северная граница ареала повторяет очертания северной границы зоны среднетаежных сосновых лесов, а также южной климатической зоны.

¹⁰ Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2011. Т. 5. С. 129.

Саранжа

Если название острова Киж входит в довольно многочисленный ряд дифференцирующих карельских географических имен и отражает карельский этап в освоении Заонежья, то топоним Саранжа следует, видимо, квалифицировать как вепское наследие на этой компактной, но исключительно важной, узловой для Обонежья, территории. Он встречается тут дважды: ручей Саранжа и одноименное урочище при впадении ручья в реку Царевку (Толвуя) и река Саранжа, или Саража, приток реки Тамбицы (Типиницы). В основе топонимов — древний, утраченный уже вепский ландшафтный термин **sarand* (с фонетическим вариантом **saranž*)¹¹, с реконструированной семантикой — «рассоха, место соединения двух рек». Значение термина восстановлено на основе двух обстоятельств.

Во-первых, с точки зрения словообразования *sarand/saranž* — это производное слово, образованное с помощью суффикса *-nd/-nž-*, характерного для прибалтийско-финских географических терминов, от основы *saga-* — развилина, разветвление (например, дороги, реки, ручья). Последняя приобрела вторичное значение «река, приток», которое неоднократно реализовано в топонимии современной и исторической вепской территории как в функции основного элемента сложных топонимов (речки с названиями Куйсара, Кондисара, Лепсара и др. на Свири или Анусара и Габсара в Пудожье), так и в роли самостоятельного названия (многочисленные Сары и Сарки в Обонежье). На рис. 2 очерчен ареал бытования топоосновы *saga-*, который привязан к Обонежью. На Заонежском полуострове она реализована в названии поляны Сарусье, из **Сарустье* — поляна в устье ручья, название которого уже утрачено (Кузаранда), и ручья Сароручей, который образуется в результате слияния двух ручьев (Кажма).

Второе обстоятельство, которое должно быть принято во внимание при реконструкции истоков основы *sarand-/saranž-*, — ее многократное использование в топонимии современной и особенно исторической вепской

¹¹ Об истоках термина и причинах формирования варианта с концовкой *-нжа* см. подробнее: Муллонен И. И. Топонимия Присвирия: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 198—208.

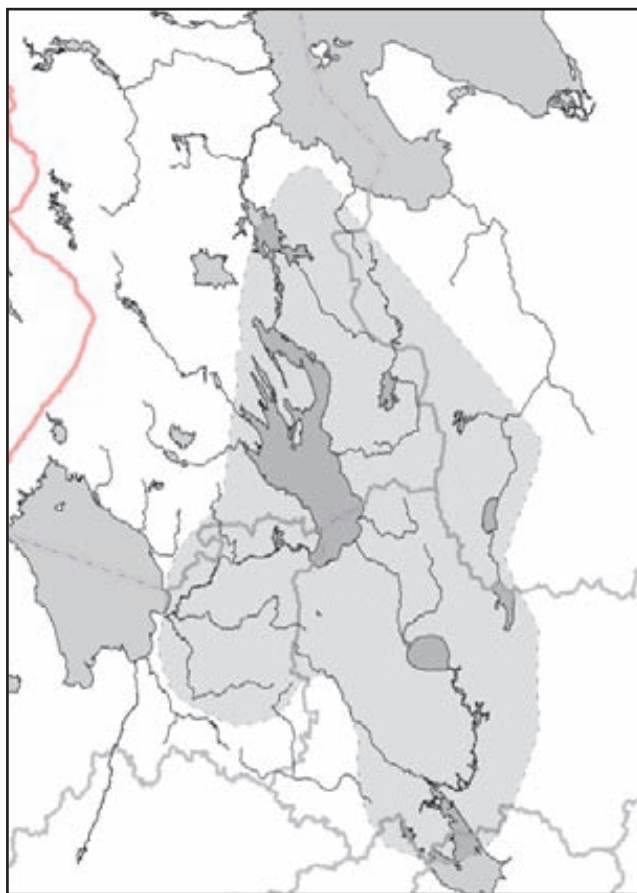

Рис. 2. Ареал топонимов с элементом «sara/cara»

территории, при этом в самостоятельном употреблении, что указывает на ее терминологические истоки: ручей Саренда в Прионежье, болото Саранда в Северном Присвирье, ручей и болото Саранжа в Северо-Западном Присвирье, озеро Sarenž/järv в вепском Шимозерье, река Саранжа в бассейне реки Паши, Саранчозеро на западе Архангельской области и др. К тому же топоним последовательно используется применительно к объектам с идентичной ландшафтной характеристикой: развилина, рассоха, боковое ответвление реки или озера, что позволяет реконструировать значение термина. Обе заонежские Саранжи в этом смысле показательны. Место впадения реки Саранжи в Тамбицу маркировано названием Шары. Судя по фонетическому облику, это карельский вариант вепской топоосновы sara- (рассоха). В свою очередь, при впадении ручья Саранжа в Царевку располагается обширное сенокосное угодье Саранжа, которое, видимо, послужило основанием для названия ручья.

В одном ряду с вепской Сарандой и Саранжей заманчиво рассматривать известный севернорусский топоним Чаронда — название

старинного города на берегу озера Воже, на знаменитом водно-волоковом пути из Белозерья в Поморье. Свою интерпретацию топонима, связанную с русским словом «царь» и основанную на том, что Чаронда входила в число царских волостей и дворцовое ведомство, предложил известный исследователь топонимии Русского Севера А. К. Матвеев¹². Однако нельзя не заметить сходства и в материальном облике топонима, и в географической характеристике мест с названиями Саранда и Чаронда: Чаронда расположена во внутреннем углу развилки, образуемой озером Воже и его заливом, или — в контексте обонежских топонимов — боковым ответвлением, озером Еломским. В принципе и кубенская Царенда, рассмотренная А. К. Матвеевым в одной связке с Чарондой, и привязанная к поселению, расположенному при колене реки Кубены, в месте, где река начинает члениться на множество рукавов-ответвлений, вписывается в этот же ряд. Так что у заонежских топонимов есть известные родственники за пределами Заонежья, которые вводят их в широкий дорусский контекст территории Белозерско-Онежского региона, возможно, выходящий за пределы собственно вепской истории. И озеро Воже, и тем более Кубенское озеро расположены за юго-восточными рубежами традиционной вепской территории, в зоне бытования рано утраченных летописных финно-угорских языков, родственных вепскому.

-ина/-ица

Активное русское (псковско-новгородское) освоение территории Карелии начинается, видимо, уже с середины XIII в. Топонимия позволяет уточнить и развить известные современной науке представления о формировании русской Карелии, включая и Заонежье. Она не только подтверждает основные направления колонизации территории в ходе древнерусского освоения, но и устанавливает некоторые ее особенности.

На Обонежье приходится граница двух речных суффиксальных моделей: названия рек с формантом -ина (Ивина, Важина, Неглинка,

¹² Матвеев А. К. Топонимические поиски I // Финно-угорское наследие в русском языке. Выпуск I. Екатеринбург, 2000. С. 12—15.

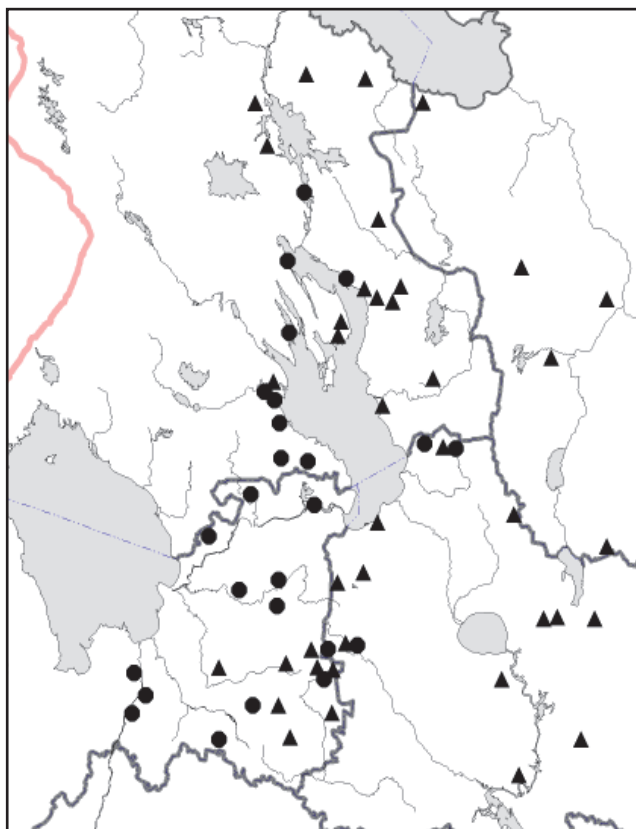

Рис. 3. Речные наименования с формантами -ина и -ица в Обонежье

Марина, Остречина, Чебина и др.) преобладают вдоль западного побережья Онежского озера, а с формантом -ица (Шалица, Тамбица, Возрица, Падрица, Рагбица, Ухтица, Ялмица) вдоль восточного (рис. 3).

При этом противостояние не ограничивается Обонежьем, граница носит в рамках севера глобальный характер, поскольку к востоку от Онежского озера, в бассейнах рек Онеги и Северной Двины, господствует модель -ица. Обе гидронимные модели сформировались за юго-западными пределами Обонежья, в ходе продвижения на север оба речных форманта приобрели функцию «адаптера» иноязычного топонима к русской системе называния. Видимо, за названными моделями стоят несколько разные потоки русского освоения Карелии: -ина, судя по ареалу, маркирует продвижение из Поволховья через Присвирье и, возможно, связана с Ладогой как центром освоения¹³.

¹³ Исходящий из Ладogi маршрут русского освоения Карелии маркируется, по-видимому, и ойконимами с формантом -ицы/-ичи (Печеницы, Пижевичи, Койкиницы, Тайгиницы), служившим для языковой адаптации прибалтийско-финских оригинальных топонимов. Наиболее ранние фиксации модели в топонимии Карелии относятся к XIII—XV вв. Она известна по ранним письменным свидетельствам и в Заонежье. Ареал модели не выходит на восток за пределы Обонежья

Между прочим, именно в ареале потамонимов типа -ина бытует этноним людика, имеющий русские истоки и используемый применительно к прибалтийско-финскому населению Присвирья и Обонежья — карелам-ливвикам, карелам-людикам, вепсам. Модель -ица связана, скорее, с тем маршрутом, который исходил из Новгорода в направлении Белозерья и достигал восточного Обонежья в обход с юга и юго-востока. На этом маршруте господствует этноним чудь, маркировавший прибалтийско-финское (в том числе вепское) население. Модель -ица представлена несколькими названиями на южной границе бассейна Свири, куда проникла, видимо, из Тихвина, и составляет с окрестностями последнего единый локальный ареал. В свою очередь, несколько речных наименований с формантом -ина в Юго-Западном Обонежье, на Андоме (напр., Самина) — это результат определенного воздействия из Присвирья. На карте видно, что позиции модели -ица сильны, помимо восточного Обонежья, и в Поморье, в то время как модель -ина сходит на нет, не достигнув Беломорского побережья. На фоне относительно локального ареала речных наименований на -ина модель названий с формантом -ица носит в масштабах российского Северо-Запада более глобальный характер. При этом ни та, ни другая модель не освоили Онежско-Белозерский водораздел. Эта территория, вплоть до недавнего времени бывшая вепской, видимо, оставалась в стороне от относительно раннего русского освоения.

В данном ареальном контексте Заонежью отведена роль переходной, буферной зоны. Об этом свидетельствует название реки Немина (с формантом -ина) на восточном побережье Онежского озера, в ареале -ица (см. рис. 3). В устье реки стоял известный по письменным свидетельствам Челмужский погост, возникший на пути из Заонежья в Поморье, в конце того транзитного водно-волокового пути,

и связан с традицией именования, пришедшей из южного и Юго-Восточного Приладожья в первые века второго тысячелетия. Характерная особенность ареала заключается в том, что его северная граница накладывается на границу северного земледелия (Выгозерье на Онежско-Беломорском водоразделе), маркируя тем самым хозяйственный тип культуры носителей топонимной модели -ичи/-ицы. См. подробнее об этой модели в Заонежье: Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. С. 183—185.

который пересекал Заонежский полуостров с запада на восток и назывался еще на памяти заонежан старшего поколения Онежским зимником. Он начинался на западном побережье Онежского озера, маркированном речными наименованиями с формантом -ина, и именно в Челмужах выходил на восточный берег озера. Иначе говоря, топонимия реконструирует своеобразный коридор из Западного Обонежья в Восточное через Заонежский полуостров. В свою очередь, появление на юго-восточной окраине Заонежского полуострова трех речных наименований с концовкой -ица (Тамбица, Нулица, Рудица) отражает обратный путь: проникновение восточной для Обонежья речной модели через Заонежский залив Онежского озера на запад. Показательно то обстоятельство, что это происходит на самом узком участке Заонежского залива, где, видимо, действительно существовал водный маршрут через залив.

Ареальная дистрибуция двух речных моделей названия поясняет генезис деления русских говоров Заонежья на две группы: западную и восточную, кижско-шунгскую и толвуйскую, установленную еще акад. А. А. Шахматовым. Они формировались в притяжении двух традиционных путей освоения территории полуострова, использовавшихся несколько разными потоками древнерусского освоения.

Залазь

Топонимы Заонежья свидетельствуют о том, что восточно-обонежская составляющая в языке и культуре этой территории получила развитие в последующие века в ходе проникновения сюда переселенцев с восточного побережья Онежского озера. В говорах на востоке Архангельской области есть примечательный термин «залазь», связанный с традицией обрубать сучья на дереве для приметы, в память о каком-то примечательном событии. На Мезени залазью называют «участок ствола ели у вершины с вырубленными ветвями — примета места», в лешуконских говорах выражение «делать залазь» используют в так называемом обряде «обновления» территории: приехав на новое место, впервые придя на покос и т. п., новичок должен подать сопровождающему выпивку, а тот, кому он подаст, в ответ «делает

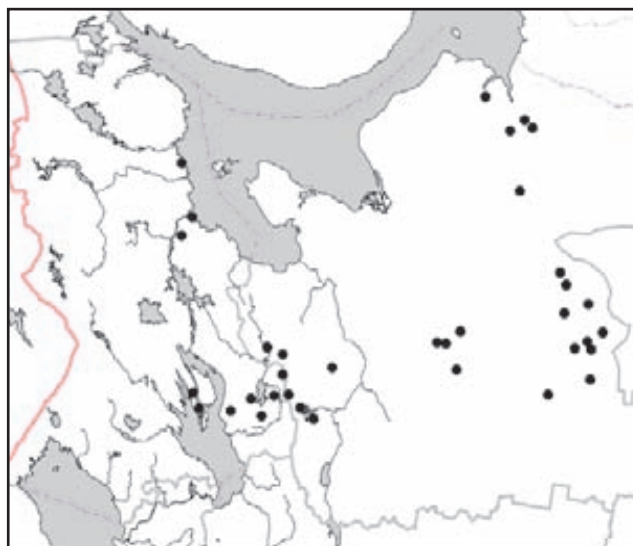

Рис. 4. Залазь в топонимии Русского Севера

ему залазь»: залезает на вершину высокой ели и обрубает сучья¹⁴. Севернорусский термин «залазь (залозь)» — архангельская инновация, производное от глагола *залазить* — является эквивалентом карельского термина *karsikko*, называющего приметные деревья с обрубленными особым образом ветвями или вершиной, которые имели в народной культуре широкую функциональную парадигму, помечая границы лесных угодий, места рыбных топей, кладбища и путь к ним, выступая знаками «обновления территории» и т. д.¹⁵ Очевидно, эти функции были свойственны и архангельской залази. Судя по данным Топонимической картотеки Уральского федерального университета (ТК ТЭ УрФУ), термин хорошо представлен в топонимии северных и центральных районов Архангельской области, причем на значительно более обширной территории, чем в собственно лексическом употреблении, которое отмечено только на востоке области (рис. 4).

Русские говоры Карелии этой лексемы не знают. Тем более примечательно, что топонимы с основой залаз-/залоз- фиксируются в восточной Карелии — в Поморье и Пудожье: Залазное озеро, Залазной мох, Залазная корга, Залазной мыс, Залазной остров, Залозное поле и др. Самым западным районом проникновения архангельского термина следует, видимо, считать Заонежский полуостров, где обнаружено,

¹⁴ Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2009. Т. IV. С. 111. См. там же *Залозь* (С. 119).

¹⁵ Конкка А. П. «Карсикко» в обрядах и представлениях финно-угорского населения Северной Европы // Традиционная культура. 2009. № 3. С. 32—38.

по крайней мере, два топонима с этой основой, оба на территории бывшей Кижской волости: лес Залазный бор (дер. Воробыи) и небольшой островок Залазник (или Залазный остров), последний в ряду островов, составляющих так называемый Хвост Волкострова, т. е. примыкающих к Волкострову с юга. Народная память не сохранила объяснения истоков названия, однако в контексте функциональной парадигмы приметных деревьев можно полагать, что таким деревом могли помечать выход за пределы своей, домашней, территории в открытое озеро.

Ареал топонимной основы свидетельствует о проникновении ее в Заонежье, в Кижскую округу с Востока, из архангельских земель, через Пудожский берег Онежского озера. Признаки этнокультурного и языкового влияния, идущего из Восточного Обонежья, просматриваются и в небольшом количестве других топонимных моделей Заонежья, например, в названии лесного урочища Пендукса у болота Великий Мох (Палтега Великонивского сельсовета) (ср. в архангельских говорах *пенус*, *пендус* — болото, поросшее травой и кустарником и выкашиваемое в засушливые годы) или присутствии во внутренних областях полуострова, осваивавшихся позднее, чем прибрежные, топонимов Кулига, Кулежи, Кулида, Кулижье поле с топоосновой *кулига* — часть сенокосной земли, вдающейся клином в лес¹⁶. Оба термина считаются архангельскими¹⁷, распространение их в Заонежье, видимо, относительно позднее.

Одновременно на Заонежском полуострове нашими экспедициями зафиксирован, по крайней мере, один топоним, воспроизводящий и соответствующую карельскую традицию приметных деревьев: угодь с названием Карзасосна, или Карзаная Сосна, по дороге из дер. Кондобережская в Великую Губу. Иначе говоря, Заонежье — территория притяжения разных по времени и этноязыковым истокам этнокультурных воздействий.

Четыре заонежских топонимных модели демонстрируют значительный историко-культурный потенциал и подтверждают большие возможности топонимии для решения многоплановых вопросов языка, культуры, истории, географии прошлых эпох. Они несут информацию об образовании культурного ландшафта и одновременно сами являются его неотъемлемой частью. В силу этого географические названия представляют безусловную историческую и культурную ценность. В Институте ЯЛИИ КарНЦ РАН разработана концепция образования историко-топонимических заказников, представляющих вид особо охраняемой историко-культурной территории, имеющей в географической номенклатуре наименования, связанные с природными и историческими достопримечательностями и подлежащие государственной охране, сохранению, воссозданию и использованию в качестве нематериального культурного наследия. В первую очередь такие заказники должны быть организованы на территориях, где активно развивается туризм, и потому, что топонимы — безусловный туристический актив, и в силу того, что туризм привлекает на территорию людей, не знающих местной традиции, в том числе и в топонимии. Это влечет за собой попытки переместить ударение в названии острова Кижы с первого слога на второй или появление топонимических новоделов, попирающих местные традиции названия. Сохранение культурного наследия предполагает и сохранение исторической топонимии.

¹⁶ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Под ред. А. С. Герда. СПб., 1994. Вып. 1.

¹⁷ Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-типологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003. С. 238—243, 269—272.

Деревни Кижской волости в XVI — начале XX в. (по архивным источникам)

Земли острова Киж и его ближайших окрестностей в XVI веке входили в состав Обонежской пятины и являлись центром Спасо-Кижского погоста-округа. Его территория занимала южную часть Заонежского полуострова и Уницкую Губу, а в районе нынешнего г. Петрозаводска соседствовала с землями Шуйского погоста. На острове Киж, в центре погоста, стояли главные храмы.

Первое сохранившееся описание погоста относится к 1563 году, когда Новгород уже потерял свою самостоятельность, а его земли были присоединены к Москве. В итоговых записях писцов отмечено, что в Кижском погосте в это время было 180 деревень и 26 починков с 377 крестьянскими дворами¹.

В начале XVIII века Кижский погост делился на три части (трети): Кижская треть (Киж, Сенная Губа), Великогубская треть (Великая Губа, Космозеро, Яндомозеро и др.) и Корельская треть (часть нынешнего Кондопожского района — Лижма, Чеболакша, Уницкая Губа).

После упразднения погостов как территориальных единиц деревни центральной части погоста, т. е. расположенные в непосредственной близости от о. Киж, вошли в образованную Кижскую волость

Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, в составе Сенногубской, Великогубской и Кижской третей. Волость просуществовала в данных границах до первой половины XIX века.

Во второй половине XIX века кижские деревни вошли в состав Великогубской волости в качестве Кижской трети.

В начале XX века Кижская треть Великогубской волости была преобразована в Кижскую волость. В это время она состояла из 47 деревень, в которых крестьянствовали, занимались ремеслом, ловили рыбу 2 555 человек (см. рис. 1 к статье Л. В. Трифоновой).

Еще со времени писцовых описаний территория волости условно делилась на четыре части: материковую часть (Западный берег) — от дер. Подбельники на севере до дер. Сычи на юге, Клименецкий остров (Пахинский берег) — от дер. Кургеницы до дер. Корба, о-в Волкостров с островами Еглов и Рогачев и о. Киж.

Материалы архивов позволяют восстановить время существования поселений, число жителей, а в отдельные периоды воссоздать не только число домов и хозяйственных построек, но и количество имевшегося у крестьян скота.

По документам XVI — начала XVIII в., в которых численный состав населения

¹ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 131.

представлен не полностью², можно определить только число домов. Самые полные сведения о деревнях относятся ко второй половине XIX — началу XX в.³ Архивные

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554, 1616—1619 гг. (Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины П. Воейкова и дьяка И. Льговского («дворцовые земли»). Кижский погост); Д. 308. 1628—1631 гг. (Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины Н. Ф. Панина и подъячего С. Копылова. Кижский погост); Д. 980. 1646 г. (Переписная книга Заонежских погостов И. П. Писемского, Л. Г. Сумлина и подъячего Я. Еуфимова. Кижский погост); Д. 8579. 1707 г. (Переписная книга Оштинской половины Олонецкого уезда М. Л. Мордвинова); Ф. 350. Оп. 2. Д. 2371. 1726 г. (Книга переписная дворцовых крестьян приписных к Олонецким заводам Сенногубской, Кижской, Великогубской третьей Олонецкой губернии); Д. 2378. 1748 г. (Книга переписная государственных, черносошных крестьян, приписанных к Петровским заводам... Кижской, Великогубской, Корельской третей); История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсу, 1993. Т. III; Карелия в XVII веке. Сборник документов / Сост. Р. Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948; Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

³ НАРК. Ф. 4. Оп. 19. Д. 25/210. 1850 г. (Ревизские сказки Кижской волости, Кижского мирского общества); Ф. 4. Оп. 18. Д. 77/761. 1858 г. (Ревизские сказки Кижской волости, Кижского мирского общества); Ф. 14. Оп. 1. Д. 4/2. 1967 г. (Ведомость о числе кузниц и мельниц, находящихся в Петрозаводском уезде); Д. 18/19. 1874—1876 гг. (Страховая опись Олонецкой губернии Петрозаводского уезда Кижской волости, Яндомозерского и Кижского обществ); Оп. 2. Д. 1/14. 1866 г. (Ведомость о владельцах судами и лодками в г. Петрозаводске и его уезде); Д. 1/20. 1867 г. (Ведомость о торговых и промышленных заведениях, находящихся в Кижской волости); Оп. 2. Д. 9/143. 1877 г. (Список о числе скота по Кижскому сельскому обществу, находящихся к 1 января 1877 года); Ф. 27. Оп. 2. Д. 9/119. 1875 г. (Кустарные промыслы и списки жителей Петрозаводского уезда); Д. 23/215. 1911 г. (Список домохозяев Петрозаводского уезда, Великогубской волости); Д. 53/479. 1916 г. (Сведения о водяных и ветряных мельницах в Петрозаводском уезде); Д. 59/524. 1916 г. (Сведения о торгово-промышленных и промысловых заведениях по Олонецкой губернии); Д. 60/535. 1916 г. (Сведения о водяных и ветряных мельницах в волостях Петрозаводского уезда (Кижское мирское общество)); Ф. 37. Оп. 58. Д. 3/15. 1824 г. (Посемейный список Кижской приписной к Олонецким заводам вотчины Кижской трети о состоянии крестьян с показанием оплачиваемых ими казенных податей и исправляемых ими заводских работ); Д. 10/53. 1840 г. (Посемейный список Кижской приписной к Олонецким заводам Кижской трети о состоянии крестьян с показанием оплачиваемых ими казенных податей и исправляемых ими заводских работ); Ф. 2. Оп. 50. Д. 21/21. 1891 г. (По отношению Петрозаводской Уездной Земской Управы об изменении плана на дер. Феньковскую); Д. 44/24 (По отношению Петрозаводской Уездной Земской Управы об утверждении плана на дер. Корба); Д. 53/34. 1901—1903 гг. (По отношению Петрозаводской Уездной Земской Управы об утверждении плана на дер. Боярщина); Д. 64/45. 1905 г. (По отношению Петрозаводской Уездной Земской Управы об утверждении плана на дер. Нинисельга и проекта плана на устройство дер. Боярщина с новою нарезкою 2-х плановых мест); Д. 70/52. 1908 г. (По отношению Петрозаводской Уездной Земской Управы об утверждении проектов плана на деревни Владимирскую и Янки (Ямки)); Д. 72/7. 1903 г. (По отношению Петрозаводской Уездной Земской Управы об утверждении плана на устройство дер. Телятниково); Д. 73/83. 1909 г. (По отношению Петрозаводской Уездной Земской Управы об утверждении проектов на деревни «Маньшину» и «Клиново»); Д. 86/70,

материалы, представленные в виде таблиц, позволяют проследить судьбу деревень о. Киж и его окрестностей на протяжении четырех веков (приложения 1, 2).

Первоначально земли окрестностей о. Киж принадлежали 10 новгородским боярам. Федор Остафьев Глухов владел деревнями Окуловская (Наволоки), Ольхино (Ямка). В Шуньгском погосте, где его волость была крупнейшей, в 1496 г. он владел 91 деревней и 93 дворами⁴. В Кижском погосте ему также принадлежали кусты деревень Вегоруксы, Мелой Губы в Уницкой Губе Онежского озера.

Другой землевладелец, боярин Лука Федоров, был очень влиятельным человеком в Новгороде. Сын посадника Федора Яковлевича, сам новгородский посадник, он участвовал в переговорах с Иваном III в 1477 году. Во время поездки великого князя в Новгород в 1475—1476 гг. подобно другим боярам принимал у себя Ивана III и преподнес ему великолепные дары⁵. В состав его владений входили деревни Большой двор на Низу у часовни (Лукинщина, Васильево), Марковская (Жарниково), Кузнецы, Анисимовская (Корба), Пельнаволоки.

Ещё один представитель новгородской знати, Александр Тимофеев, был одним из самых крупных землевладельцев в Обонежье⁶. В Кижях ему принадлежали деревни Большой Двор Александровская (Нестерово) и Вавуловская. Большая часть кижских деревень входила во владения Васюка Шалелева: Удоев наволоки (Кяжево), на Кирк острове, все деревни Волкострова, кроме Трофимовской (Шлямино), Вик остров (Мальково), на Долгом наволоке.

Лаврентию Панфильеву, новгородско-му «житьему» человеку⁷, принадлежали

1912 г. (По отношению Петрозаводской Уездной Земской Управы об утверждении проектов на дер. «Комлеву» и на дополнительную нарезку на дер. Корба); Д. 89/87. 1093—1915 гг. (По прошению крестьян Великогубской Волости Кижского общества дер. Гивес-наволоки о не утверждении плана, составленного Уездною Управой на эту деревню).

⁴ Бернадский В. Н. Новгород и новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 54.

⁵ Там же. С. 151—152, 155—156.

⁶ Там же. С. 53.

⁷ Для Новгорода XIV—XV вв. категория «житьи люди» была социальным новообразованием. Этот термин появляется в договорных, вечевых грамотах, в Новгородской судной грамоте. «Житьи люди» в новгородской иерархии занимали место выше купцов, но более низкое положение по отношению к боярам. По размерам своих владений эта категория новгородцев уступала только самым крупным земельным магнатам. Тем не менее

деревни Федки Бачурина, Хорошовская (Морозово), Большой двор Леоновская (Оятевщина), Березовец (Подъельники), Вехनावолок (Пустой Берег), в Речках (Речка), на Гиловщине. Лаврентий Панфильев владел в Кижском погосте 43 дворами, а его брат Марк — 37 дворами⁸.

Дед братьев Панфильевых Селифонт Твердиславич в 40-е годы XV века вместе с другими землевладельцами отдал часть своих земель в собственность палеостровских старцев, что положило начало созданию Палеостровского монастыря, а их отец Панфил Селифонтович, возглавляя оппозицию новгородских «житых людей», активно противостоял притязаниям Москвы⁹.

Одному из крупнейших новгородских феодалов — боярину Миките Офонасьеву (Грузову)¹⁰ в Кижском погосте принадлежало самое большое число деревень — 31 поселение. В кижской округе он владел деревнями Карповская (Бишево), Трофимовская (Шлямино). Во владении боярина Якова Тютюхина находились деревни: На Киркострове на Грозлове (Грузиловская, Телятниково), Еглово, Рогачево, Мечаковская (Воробьи), Патракеевская, Кашниково, Гагаровщина, Потаневская, Яковлевская (Середка). Андрей Пасахнов владел деревнями: на Кирде острову, Севняки (Кургеницы), Лахта, Хамшеева (Маньшино), Глебово, Гивес наволоок. У новгородского тысяцкого Михайлы Берденева было всего две деревни: Прохновская (Сычи) и Корба. За знаменитой посадницей Марфой Исаковой значилась деревня Лопинская (Дудниково).

Анализ архивных материалов позволяет сделать вывод, что к 1563 году формирование структуры расселения в районе о. Кижы было практически закончено. В конце XVI — первой половине XVII века новых поселений не возникало, более того, часть деревень

перестала существовать в связи с последствиями Ливонской войны, неурожайных лет и Смутного времени. В конце XVII века в Кижской волости появилось два новых поселения — Воев Наволок и Косельга, последнее основано вдали от берега, что свидетельствует о полном хозяйственном освоении прибрежных территорий. Этот процесс продолжился и в XVIII веке, когда между двумя ревизиями 1763 и 1782 годов на материковой части возникла еще одна деревня — Липовицы, основанная пятью крестьянскими семьями, две из которых пришли из Кижской волости, а три из Великогубской¹¹.

В это же время на материке появилась однодворная деревня Хорихоры, которая просуществовала немногим более 50 лет¹². К 1811 году «по умертвию крестьянина» деревня прекратила существование. В настоящий момент местоположение ее неизвестно.

Последняя деревня возникла на о. Кижы в начале XX века, когда крестьянин Босарев выселился из деревни Лукинщина (Васильево) и основал поселение Босарево.

Рядом с погостом издревле жили священники, их деревня описывалась в писцовых книгах по церковным землям. В начале XX века в ней насчитывалось 5 дворов.

Часть деревень Кижской волости, видимо в конце XVII — первой половине XVIII в., переселилась с ближайших островов на материковую часть. Так, к началу XIX века на материке оказались дер. Леоновская, которая в 1850 году получила название Оятевщина, и дер. Вавуловская — поселение, располагавшееся на новом месте настолько близко к Оятевщине, что составители ревизии 1850 года записали: «Деревня Оятевщина, которая составляет в натуре одно сплошное селение, а по 8 ревизии раздроблена была на две деревни, писавшиеся Леоновская и Вавуловская»¹³.

На материк с острова Кижы переместилась дер. Марковская (с 1850 года Жарниково), с острова Мальковец — деревни Вик

«войдя в состав класса феодалов, новгородские житы не сравнялись с боярами в правах... Они не занимали высших должностей посадника и тысяцкого». (См.: Бернадский В. Н. Новгород и новгородская земля... С. 166, 168—169, 175.)

⁸ Бернадский В. Н. Новгород и новгородская земля... С. 174.

⁹ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 10—11.

¹⁰ Там же. С. 124, 125, 135; Бернадский В. Н. Новгород и новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 54, 55, 57, 67.

¹¹ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/8, 1782 г. Л. 53—54 об. (Ревизская сказка Великогубской волости.)

¹² НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7, 1782 г. Л. 28 об. — 29. (Ревизская сказка Кижской волости.)

¹³ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 61/574, 1850 г. Л. 10.

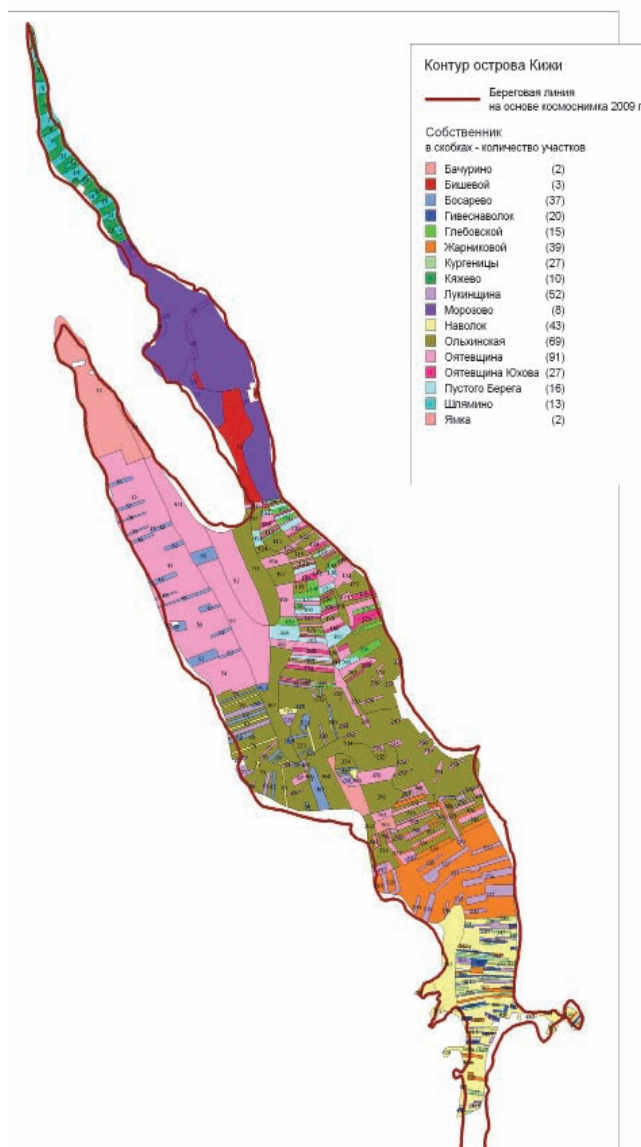

Рис. 1. План земельных угодий на о. Кижки 1882 г.

остров и Виж остров (Мальково и Клиново), с Керкострова — дер. Грузиловская (Телятниково). О причинах перемещения последней сохранилось местное предание. Крестьяне дер. Грузиловская, подобно крестьянам всех деревень маленьких островов, перевозили на лето скот с о. Керкостров на материк, на то место, где стояли временные хлева. Потом на это место перенесли саму деревню, получившую новое, «говорящее», название. Причины таких переселений установить достаточно трудно. Можно предположить, что одной из них были богатые шунгитом земли островов. Построив дома на новом месте, освободив земли под ними для пашни, крестьяне получали дополнительный доход. Подтверждением этой гипотезы служит межевая карта о. Кижки 1882 года, на которой видно, что

даже в XIX веке большие угодья на острове принадлежали крестьянам из переехавших деревень (рис. 1).

До середины XIX века в документах названия поселений Кижской волости совпадают с наименованиями их в писцовом делопроизводстве, но в середине века их названия меняются. Причина этого кроется, вероятно, в том, что со временем у поселений возникало несколько названий, в определенной степени отражающих историю деревень. Старые еще продолжали существовать в государственных реестрах, а новые бытовали в крестьянской среде. Так, деревня Воробьи первоначально именовалась Мечаковская. В 1563 году в ней жили крестьяне Мечаковы¹⁴. В 1616 году потомок одного из них получил прозвище «сын Воробьев»¹⁵, откуда и произошло второе название поселения, дошедшее до настоящего времени.

Подобным образом возникли названия деревень Мальково, Сычи, Клиново, Ольхино (приложение 1, 2).

Существование двойных названий отражено и в списке населенных мест Олонецкой губернии 1873 года¹⁶.

Основными занятиями крестьян деревень Кижской волости были земледелие, животноводство и рыболовство. В начале XVII века кижане ловили рыбу по всему Онежскому озеру. Только около Кижского погоста находилось более 16 тоней, от Кижского острова до Волкострова, Великой Губы, Типиниц и до Тамбиц — 12 тоней, у Клименецкого острова — 2 тони. «Неводы ловят рыбу репушку малую, а сетями гарвами ловят красную рыбу лосося, и таймень, и палью, а сеговыми сетями ловят сига, а частыми сетями ловят плотицы»¹⁷.

Помимо основных занятий, жители Кижей занимались различными промыслами и ремеслами (табл. 1).

¹⁴ Писцовые книги... С. 129.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554, 1616—1619 гг. Л. 176 об.

¹⁶ Олонецкая Губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 года. СПб., 1879. С. 25.

¹⁷ Писцовые книги... С. 132.

Таблица 1¹⁸

Ремесленники Кижской волости по данным
1867 года

№	Название селений	Какие в селении приготавливаются изделия	Число лиц, занимающихся определенным производством	Цифра годов. заработка, руб.
	Кижское общество			
1	Кижского острова Южного Конца	Выделка овчин	1	40
2	Д. Шляминская	Выделка овчин	1	35
3	Д. Егловская	Валяная обувь, шерстобитье	1 1	50 10
4	Д. Пахинский Берег	Выковка кос и сошников	1	125
5	Д. Телятниково	Выковка кос и сошников	1	35
6	Д. Кургеницы	Выжиг извести	11	15

Сбыт: изделия сбываются по обществу.

На 1905 год в деревнях волости столярным ремеслом владело 27 человек. Все трудились в Петербурге, лишь два мастера — из дер. Шуйно и дер. Наволок — оставались в деревне; 10 паркетчиков, половина из 15 сапожников, 5 слесарей и 7 башмачников работали в столице. Среди других специальностей отмечены 6 кирпичников, 15 портных и швей; 34 крестьянина из дер. Кургеницы занимались выжигом извести¹⁹. Близость известковых разработок, возможно, повлияла на занятие кургеницких крестьян выделкой кож в достаточно большом количестве²⁰ (приложение 3).

Окраской холстов занимались в деревнях Ошевнево, Оятевщина, Телятниково. Красильней в Телятниково владели Степан Романович и Григорий Романович Теленковы²¹, в деревне Ошевнево — Егор Васильевич Ошевнев²².

¹⁸ НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 9/119, 1875 г. Л. 20—30.

¹⁹ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1905. С. 25—118.

²⁰ НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 50/548, 1916 г. Л. 59.

²¹ НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 16/162. Л. 66.

²² НАРК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1/20, 1867 г. Л. 21.

В 1867 году в кижских деревнях было три кузницы (табл. 2).

Таблица 2

Кузницы

№	Кому принадлежит	Стоимость кузницы	Сумма выработки в год, руб.
1	Кижского общества деревни Егловской. Ивану Васильеву Рогачеву	30	12
2	Дер. Кургеницы. Петру Маркову Баранову	20	12
3	Дер. Пахтинского берега, дер. Воробы (С. В.)	30	15

К 1916 году их число увеличилось до 9²³. Кузницы имели:

1. Титов Тимофей Федоров (дер. Шуйно).
2. Рисанов Андрей Гаврилович (дер. Кургеницы).
3. Медведев Михаил Евсеевич (дер. Гивес Наволок).
4. Вавилины Петр, Григорий и Васильев Иван (дер. Телятниково).
5. Трофимов Федор Федоров (дер. Воробы).
6. Паслов Григорий Иванов (дер. Сычи).
7. Беканин Яков Кузьмич (дер. Феньково).
8. Дегтярев Василий Григорьевич (дер. Кургеницы).
9. Мальков Федор Яковлевич (дер. Мальково).

Последнему принадлежала еще и смолокурня²⁴.

Наибольшим спросом среди местных жителей пользовалась продукция лодочников. Волкостров был центром судостроения Кижской волости. Все крестьяне имели лодки, на которых выходили на рыбную ловлю, ездили в Петрозаводск, перевозили скот на летние пастбища, но только некоторые из них владели промысловыми судами (табл. 3).

²³ НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 59/524, 1916 г. Л. 1.

²⁴ НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 16/163. Д. 4, 1911 г. Л. 5.

Таблица 3

Владельцы лодок

№	Деревня / ФИО владельца	Величина	Поднимает тяжести	Какой ценности	Сколько приносит каждую навигацию
Деревни Кижского острова Южного конца					
1	Василий Ефимов Круглов (дер. Наволок. — С. В.) (лодка для перевозки разного груза)	3 саж. 1 арш.	100 пуд.	7 руб.	12 руб. 50 коп.
2	Захар Иванов (лодка для перевозки груза)	4 саж. 2 арш.	200 пуд.	20 руб.	15 руб.
Дер. Волкострова					
1	Иван Степанов (для торговли рыбою и перевозки разного груза)	4 саж.	150 пуд.	10 руб.	15 руб.
Дер. Гивеснаволок					
1	Егор Васильев Ошевнев (для перевозки разного груза)	4 саж. 2 арш.	250 пуд.	10 руб.	30 руб.
Дер. Пахинского берега					
1	Иван Васильев Ольхин (дер. Глебово. — С. В.) (лодка для перевоза муки и разного груза)	3 саж. 1 арш.	150 пуд.	10 руб.	3 руб.
2	Акакий Стафеевич Воронцов (сойма для перевозки разного груза)	5 саж.	400 пуд.	40 руб.	30 руб.
Дер. Сычевская					
1	Кузьма Антонов (лодка для перевозки скота в г. Петрозаводск и груза)	4 саж. 2 арш.	200 пуд.	30 руб.	20 руб.

В 1867 году в деревнях Кижской волости было только три ветряные мельницы: в дер. Еглово мельница принадлежала Михайле

Яковлеву Вересову (жерновов 1, толчая 1), в дер. Рогачево — Ивану Васильеву Рогачеву (жерновов 1, толчая 1), а в дер. Пустой Берег мельницей владел Обивков Егор Михеевич. Она имела только один жернов, без толчей²⁵.

К 1916 году в кижских деревнях стояло уже 12 ветряных и 2 водяные мельницы (приложение 4).

О степени зажиточности крестьян волости можно судить по количеству скота, которое имелось в хозяйствах. По сведениям на 1877 год²⁶, 285 семей в разной степени были обеспечены как тягловым, так и крупным рогатым скотом (табл. 4—7).

Таблица 4

Обеспеченность крестьянских хозяйств скотом

Виды скота	Количество голов	Число дворов-хозяев
Лошади	1	121
	2	90
	3	24
	4	12
	5	3
	безл.	35, из них 7 чел. живут с родственниками
Крупный рогатый скот	1	60
	2	59
	3	45
	4	52
	5	24
	6	7
	7	18
	8 и 9	11
Овцы	1	63
	2	77
	3	25
	4	13
	5	26
	6	3
	7	3
	9 и 10	4

Безлошадных самостоятельных хозяйств — 28; Хозяйств, не имеющих скота, — 9.

²⁵ НА РК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4/2, 1867 г. Л. 17.

²⁶ НА РК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2/143, 1877 г. Л. 109—120.

Таблица 5

Безлошадные хозяйства с одной коровой

№	Фамилии домохозяев	Деревни
1	Кузьма Лукин Трусов	Корба
2	Степан Лукин Шубин	Оятевщина
3	Ларион Петров Мотов	Кургеницы
4	Иван Михеев Орехов	Кургеницы
5	Иван Герасим Серов	Лахта
6	Тимофей Игнатий Решатников	Бачурино
7	Михайла Петров	Щепино
8	Трофим Иванов Вересов	Насоновщина
9	Алексей Григорьев Бабушкин	Насоновщина
10	Федор Иванов Титов	Шуйна
11	Илья Кондратьев Титов	Шуйна
12	Ефим Васильев Крысин	Боярщина
13	Иван Дмитриев Ярицын	Пустой берег
14	Константин Евсеев Чиворов	Пустой берег
15	Симеон Григорьев Трифонов	Пустой берег
16	Макар Андриянов Русинов	Жарниково
17	Капитон Тимофеев Быков	Посад (Середка)
18	Михей Иванов Минин (печник)	Подъельники
19	Нефед Тимофей Савельев	Подъельники
20	Григорий Иванов	Еглово

Примечание. 6 человек из перечисленных крестьян живут с родственниками, имеющими лошадь.

Таблица 6

Хозяйства без скота

№	Фамилии домохозяев	Деревни
1	Тихон Конон Бабушкин	Рогачево
2	Федор Тимофей Кулганов	Середка
3	Симеон Корнилов Потемкин	Середка
4	Дмитрий Григорьев Губанов	Ольхино
5	Василий Федоров Бачурин	Бачурино
6	Василий Иванов Шувалов	Бишево
7	Семен Павлов Андреев	Мальково

Возможно, что среди этих хозяйств есть крестьяне, которые жили ремеслом.

Таблица 7

Хозяйства с наибольшим количеством скота

№	Фамилии домохозяев	Деревни	Лошадь	Коровы	Овцы
1	Серов Тит Степанович	Дудниково	5	7	6
2	Ошевнев Нестор Максимович	Ошевнево	4	10	10
3	Елизаров Михаил Яковлевич	Потаневщина	4	7	10
4	Рогачев Егор Васильевич, владеет кузницей, мельницей	Рогачево	3	7	5
5	Теленков Роман Гаврилович	Телятниково	4	9	2
6	Ермолины Андрей Антонов и Антон Антонов	Жарниково	3	7	2
7	Ольхин Петр Антонов	Глебово	4	8	5
8	Тестенников Андрей Алексеев	Боярщина	5	6	10
9	Семенов Исаак Антонов	Боярщина	3	8	3
10	Исаков Иван Михеев	Зубово	3	7	5
11	Никонов Павел Антонов	Феньково	4	7	5
12	Конюков Илья Кирилов	Феньково	4	7	4
13	Судьин Иван Ильин	Феньково	3	7	5
14	Баранов Петр Марков	Кургеницы	4	7	2
15	Корнилов Симеон	Кургеницы	3	7	4
16	Титов Василий Савельев	Кургеницы	4	6	5
17	Ефремов Алексей Иванов	Лахта	3	7	2
18	Юхов Митрофан Федоров	Оятевщина	5	12	6
19	Гагарин Петр Васильев	Корба	3	8	5

20	Ляпсин Евтифей Иванов	Кузнецы	4	9	5
21	Иван Федотов	Кузнецы	3	7	7
22	Полев Иван Мосеев	Кузнецы	3	8	4
23	Антон Богданов	Сычи	4	5	5
24	Балагурин Савелий Михеев	Сычи	2	8	2
25	Симеонов Петр Петров	Шлямино	3	7	5
26	Трухавой Петр Михайлов	Липовицы	4	7	5
27	Тимофей Федотов	Липовицы	4	9	7

К сожалению, далеко не все материалы по истории деревень Кижской волости дошли до нас. Многие из них были уничтожены в разное время и по различным причинам, другие еще не найдены. Несмотря на разрозненность и фрагментарность сведений, они дают достаточно репрезентативный материал для воссоздания некоторых особенностей жизни крестьянской мира, для которого Преображенская церковь Спасо-Кижского погоста была родным храмом, связанным с жизнью многих поколений кижских жителей.

Деревни Кижской волости XVI — первой половины XVIII в.

1	1563	4 дв. На Кижском о-ве Окуловская у погоста	1582	2 дв., 2 пуст. дв. На Кижском острове Окуловская погоста	1616	4 дв. Кр., 2 дв. Боб, На Кижском острове Окуловская у погоста	1631	7 дв. Кр., 1 дв. Боб. На Кижском острове Окуловская у погоста... (в) бобыл Ивашко Кривда серебряной мастер да в той же деревни двор а на нем сидят из Нова рода верные целовальники	1646	5 дв. На Кижском острове Окуловская у погоста	1678	5 дв. Кр., дв. боб. На Кижском острове у погоста Окуловская	1696	7 дв. На Кижском острове Окуловская	1707	4 дв., 3 дв. пуст. дер. Окуловская	1726	7 дв. дер. Окуловская
2	2 дв. На Кижском острове Трофимовская	Трофимовская на острове (в) Истомко Васильев	1 дв. же острове Карчевская Трофимовская тож а в ней после разорения немецких людей ставит дворичко крестьянин Истомка Васильев сын Ольхин да сын его Юшко	1 дв. На Кижском острове Карчевская Трофимовская тож а в ней после разорения немецких людей ставит дворичко крестьянин Истомка Васильев сын Ольхин да сын его Юшко	1 дв. же острове Карчевская Трофимовская тож а в ней после разорения немецких людей ставит дворичко крестьянин Истомка Васильев сын Ольхин да сын его Юшко	1 дв. на Кижском острове Карчевская Трофимовская тож	1 дв. на Кижском острове Карчевская Трофимовская тож	2 дв. на Кижском острове Карчевская Трофимовская тож	4 дв. на Кижском острове Трофимовская тож Карчевская	3 дв. дер. Карчевская	3 дв. дер. Харчевская	3 дв. дер. Харчевская	3 дв. дер. Карчевская	3 дв. дер. Харчевская	3 дв. дер. Харчевская	3 дв. дер. Харчевская	3 дв. дер. Харчевская	
3		Пустошь, что была деревня на Кижском острове Большой Двор у часовне	пустошь на Кижском острове Большой Двор у часовни	пустошь на Кижском острове Большой Двор у часовни	пустошь на Кижском острове Большой Двор у часовни	пустошь в Кижском острове Большой Двор у часовни	пустошь в Кижском острове Большой Двор у часовни	пустошь в Кижском острове Большой Двор у часовни	деревня что была пустошь на Кижском острове Большой Двор у часовни	1 дв. Большой Двор у часовни	3 дв. Большой Двор у часовни	1 дв. дер. Харчевская	1 дв. Большой Двор у часовни	1 дв. дер. Харчевская	1 дв. дер. Харчевская	1 дв. дер. Харчевская	1 дв. дер. Харчевская	

4	1563	дер у погоста Большой Двор на Кижском острове	1 дв	1582	пустышь у погоста, что была деревня Большой Двор	2 дв	1631	Большой Двор у погоста Олександровская	2 дв.	1646	дер. Большой Двор у погоста Александровская	2 дв.	1678	Большой Двор у погоста Александровская	4 дв.	1696	-	1707	Александровская (в) Нестер Савин	1 дв.	1726	Александровская.	1 дв.
5	Кижском же острове Вауловская	1 дв.	Вауловская на том же острове	1 дв. пуст	Вауловская на том же острове	-	пустышь Вауловская	2 дв.	2 дв.	На Кижском острове в слове другое Вауловское	2 дв	2 дв.	На Кижском острове в слове другое Вауловское	3 дв	Вауловская	-	Вауловская	Александровская (в) Нестер Савин	1 дв.	1726	Александровская.	1 дв.	
6	На Кижском же острове (в) Иевко Фомин Телепнев	1 дв	Вауловская другая (в) Иевко Фомин...	2 дв	На Кижском же острове в слове другое Вауловское	2 дв	На Кижском острове в слове другое Вауловское	2 дв	2 дв	На Кижском острове в слове другое Вауловское	2 дв	2 дв	На Кижском острове в слове другое Вауловское	3 дв	Вауловская	2 дв	Вауловская	Александровская (в) Нестер Савин	1 дв.	1726	Александровская.	1 дв.	
7			Словет Вауловская (в) Гришка Иевлев, да два двора пусты	1 дв	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1726	Александровская.	1 дв.	
8	На Кижском острове в слове на Удоеве наволоке	2 дв	на Кижском острове Удоевская	2 дв	На Кижском же острове Оудевская Хотеевская тож	1 дв	На Кижском острове Оудевская Хотеевская тож	1 дв	2 дв	На Кижском острове Оудевская Хотеевская тож	2 дв	2 дв	На Кижском острове Оудевская Хотеевская тож	1 дв	Одоев Наволок	1 дв	Одоев Наволок	На Удоев Наволоке	1 дв	Удоева наволока	1 дв		
9	дер. На Кижском же острове в Наволоке (в) Федко Бачурин	1 дв	пустышь на Кижском острове в наволоке а жил в ней Федко Бачурин	1 дв	На Кижском острове в наволоке Федки Бачурина	1 дв	На Кижском острове в наволоке Федки Бачурина	2 дв	2 дв.	На Кижском острове в наволоке Федки Бачурина	2 дв	2 дв.	На Кижском острове в наволоке Федки Бачурина	2 дв	Батурина	2 дв	Батурина	Федки Бачурина	2 дв.	Федки Бачурина	3 дв		
10	На Кижском острове в слове Хорошевская	1 дв	На Кижском же острове Хорошевская а в ней Ивашка Никифоров	1 дв.	На Кижском же острове Хорошевская а в ней Ивашка Никифоров	2 дв.	На Кижском острове Хорошевская	2 дв	3 дв	На Кижском острове Хорошевская	2 дв	3 дв	На Кижском острове Хорошевская	4 дв	Хорошевская	2 дв	Хорошевская	Хорошевская	3 дв	Хорошевская.	3 дв		

Деревни Кижской волости в XVI – начале XX в. (по архивным источникам)

11				Хорошевская на том же острове (в) Вахруш Никифоров	1 дв	-	На Кижском острове Каргуневская Трофимовская тож	1 дв	на Кижском острове Каргуневская Трофимовская тож	1 дв	Карповская	1 дв	Карповской на Кижском острове	-
12	На Кислом словет Трофимовская	1 дв	На Кижском острове Каргуневская Трофимовская тож	1 дв, 4 м.д.	1 дв	На Кижском острове Каргуневская Трофимовская тож	1 дв	пустошь что была деревня на Кижском острове а в ней (м) место дворовое двор сожгли и жилища убили немцы в разоренье	на Кижском острове Каргуневская Трофимовская тож	3 дв	Карповская	3 дв	Карповской на Кижском острове	-
13			На Кижском острове	1 дв	1 дв	На Кижском острове	1 дв	пустошь что была деревня на Кижском острове	пустошь что была деревня на Кижском острове	2 дв	Карповская	2 дв	Карповской на Кижском острове	-
14	На Кижском острове да на том же острове была дер. Марковская и та деревня в поле в ту ж деревню	3 дв	На Кижском острове да на том же острове Каргуневская Трофимовская тож	1 дв, 4 дв пуст	2 дв	На Кижском острове да на том же острове Каргуневская Трофимовская тож	2 дв	На Кижском острове да на том же острове Каргуневская Трофимовская тож	на Кижском острове да на том же острове Каргуневская Трофимовская тож	2 дв	Марковская на Кижском острове	3 дв	Марковской на Кижском острове	6 дв
15	На Кижском острове да на том же острове Большая Деревня Левонтьевской	2 дв	На Кижском острове да на том же острове Большая Деревня Левонтьевской	1 дв, 5 пуст	2 дв	На Кижском острове да на том же острове Большая Деревня Левонтьевской	2 дв	На Кижском острове да на том же острове Большая Деревня Левонтьевской	на Кижском острове да на том же острове Большая Деревня Левонтьевской	3 дв	Марковская на Кижском острове	5 дв	Марковской на Кижском острове	7 дв Кр. 2 дв боб.
Керк-остров														
16	дер. На Кирко-острове на Грузлове	1	на Кирко-острове на Грузлове	2 дв, 2 пуст	2 дв	на Кирко-острове на Грузлове	2 дв	на Кирко-острове на Грузлове	на Кирко-острове на Грузлове	3 дв	на Кирдо острове на Грузлове	4 дв	на Кирдо острове на Грузлове	5 дв, 1 пуст
											на Кирде острове на Грузлове	4 дв	на Кирде острове на Грузлове	2 дв, 3 пуст
											Грузлово на Кирде острове.	4 дв	Грузловской	1 дв

17	1563	На Кирк-острове	2 дв	1582	На Кирже-острове	2 дв	1616		1631		1646		1678		1696		1707		1726			
18	На Кирко-острове	1	На Кирко-острове	1 дв	пустошь что была деревня Керде (?) острове	пустошь что была деревня Керде острове	1616		1631	пустошь что была деревня Керде острове	1646		1678		1696	Деревня Кирде Остров	3 дв	на Кирде острове	2 дв	Кирды острове	1 дв	
19					Деревня Грозилово, Большой Двор на Кирко-острове, а в ней пашни лесом по-росло...	пустошь Грозилово Большой Двор на Кирко-острове	1616		1631		1646		1678		1696		1707		1726			
Волкоостров																						
20	На Волко-острове (в) Трофимко Фомин	1	на Волко-острове Трофимовская	1 дв 1 пуст	на Волке острове Трофимовская	1 дв	на Волке острове Трофимовская	1 дв	на Волке острове Трофимовская	1 дв	на Волко-острову Трофимовская	1 дв	на Волке острове Трофимовская	1 дв	Трофимовская	2 дв	на Волке острове Трофимовская	3 дв	Трофимовская	3 дв	Трофимовской	3 дв
21	На Волко-острове Ивашковская Хромцова	4	на Волко-острове Ивашковская Хромцова	4 дв, 3 пуст	на Волке острове Ивановская Хромцова	4 дв, 1 боб.	на Волке острове Ивановская Хромцова	4 дв, 1 боб.	на Волке острове Ивановская Хромцова	6 дв	на Волке острове Ивановская Хромцова	6 дв	на Волке острове Ивановская Хромцова	6 дв	Волк острове Ивановская Хромцова	4 дв 2 пуст	Хромцово	6 дв	Хромцовой	3 дв	Хромцовой	3 дв
22	На Волко-острове Иванковская Безносова	2	на Волко-острове Иванковская Безносова	1 дв, 1 пуст	на Волке острове Ивановская Безносова тож	4 дв	на Волке острове Ивановская Безносова тож	4 дв	на Волке острове Ивановская Безносова тож	3 дв	на Волку острове Ивановская Безносова тож	3 дв	на Волке острове Ивановская Безносова тож	3 дв	Иванцовская Пилтюкова	4 дв	Иванцовская	4 дв	Иванцовская	3 дв	Иванцовской	3 дв
23	На Волко-острове Бословет Боздюрская	1	На Волко-острове Боздюрская	2 дв	на Волке острове Боздюрская	3 дв.	на Волке острове Боздюрская	3 дв.	на Волке острове Боздюрская	3 дв	на Волке острове Боздюрская	3 дв	на Волке острове Боздюрская	3 дв	Бендюрская	1 дв, 1 пуст	Бендюрская	3 дв	Бендюрская	2 дв	Бендюрской	2 дв
24	На Волко-острове Ларионовской след	2																				
25	Волко-острове Ерофеевская	2	Якова Тутыхина на Волко-острове Ерофеевская	1 дв, 1 пуст	Ерофеевская Якова Тутыхина на Волке острове	2 дв	Ерофеевская Якова Тутыхина на Волке острове	2 дв	Ерофеевская Якова Тутыхина на Волке острове	2 дв	Ерофеевская Якова Тутыхина на Волке острове	2 дв	Ерофеевская Якова Тутыхина на Волке острове	2 дв	на Волке острове Ерофеевская	4 дв	Ерофеевская	4 дв	Ерофеевская	2 дв 2 пуст	Ерофеевской на Волке острове	4 дв

26	Волок же острове Ефимовская (в) Гаврилко Насонов да его братья Власко да Федко	1	на Волк на острове Трофимовская	1 дв 3 пуст	что была пустошь Насонова	2 дв 1 боб	Насонова	3 дв	Насонова	3 дв	Насонова	2 дв 1 боб	Насонова	3 дв	Насоновская	3 дв	Насоновская	2 дв 1 пуст	Насоновская	2 дв
27	Волко ж острове словет на Хвосте	1	Вок же острове словет на бвосте	1 дв 3 пуст	на Волк острове на Бвосте а на Хвосте тож (в) Васка Андреев Щеба	1 дв	на Волк острове на Бвосте на Хвосте тож	1 дв	на Волк острове на Бвосте на Хвосте тож	2 дв	На Волке острове на бвосте на Фосте тож	1 дв	на Волк острове на Хвосте	1 дв	на Хвосте	1 дв	на Хвосте	1 дв	на Хвосте	1 дв
Мандера																				
28	Березовец на Мандере	1	Березовец	1 дв.	Березовец	2 дв 1 боб.	Березовец	3 дв.	Березовец	2 дв.	Березовец	3 дв.	Березовец	3 дв	Березовец	5 дв	Березовец	3 дв 3 пуст.	Березовец на Онежской губе	4 дв.
29	На Мандере словет на Вех-наволоке	2	на Вех-наволоке	3 дв.	на Вех-наволоке	5 дв.	на Вех-наволоке	6 дв. 1 боб	на Вех-наволоке	6 дв.	на Вех-наволоке	6 дв. 1 боб	на Вех-наволоке	9 дв. 1 боб 1 пус.	на Вех-наволоке	10 дв	на Вех-наволоке	3 дв. 8 пуст	Вехнаволока на реке Вех ручье	5 дв 1 боб
30	На Мандере словет в речках	1	пустошь на Мандере ж, словет в Речках		пустошь на Мандере, словет в Речках		пустошь на Мандере ж, словет в Речках		пустошь на Мандере ж, словет в Речках				на Ман-дере ж в Речках...а та деревня построилась вновь после писцов	1 дв.	в Речках	2 дв	Речка	2 пуст.		
31	На Мандере словет на Пилощине	1	пустошь на Мандере ж на Пилощине		Пустошь на Мандере на Человщине		Пустошь на Мандере на Человщине		Пустошь на Мандере на Человщине				на Мандере на Человщине...а та деревня построилась вновь после писцов	1 дв.						
32	На Виц-острове	2	на Виц-острове	2 дв.	на Виц-острове	2 дв.	на Виц-острове	3 дв.	на Виц-острове	6 дв.	на Виц-острове	3 дв.	на Виц-острове	2 дв 1 боб	на Виц-острове	2 дв 1 пуст	Виц-остров	1 дв. 2 пуст	Виц-остров	1 дв.

Деревни Кижской волости в XVI – начале XX в. (по архивным источникам)

37	На Мандере в Вех-наволоке словеса Долгом берегу	1	пустошь, что была деревня на Мандере в Вех-наволоке на Долгом берегу.	2 дв 1 пуст	Богаевская а в ней после литовских людей разорена поставили крестьяне на старых своих местех ново	3 дв.	Богаевская	2 дв.	Богаевская	1 дв 1 боб	Богаевская	5 дв.	Богаевская	1 дв	Богаевская	1 дв 1 пуст	-		
38	На Мандери же на Виж-наволоке	1	пустошь на Мандере ж на Вирнаволоке.	2 дв 1 пуст	Богаевская а в ней после литовских людей разорена поставили крестьяне на старых своих местех ново	3 дв.	Богаевская	2 дв.	Богаевская	1 дв 1 боб	Богаевская	5 дв.	Богаевская	1 дв	Богаевская	1 дв 1 пуст	-		
39				2 дв 1 пуст	Богаевская а в ней после литовских людей разорена поставили крестьяне на старых своих местех ново	3 дв.	Богаевская	2 дв.	Богаевская	1 дв 1 боб	Богаевская	5 дв.	Богаевская	1 дв	Богаевская	1 дв 1 пуст	-		
40			пустошь, что была деревня Рохина Менехова,	1 дв.	что пустошь Рохина Менехова	1 дв.	Рохина Менехово тож	2 дв.	Рохина Менехово тож	1 дв	Рохина Менехово тож	5 дв.	Рохина Менехово тож	5 дв.	Рохино Менехово тож	1 дв. 4 пуст	Рохиново	2 дв	
41			Гирцова	1	Гирцово	2 дв	Гирцово	3 дв.	Гирцово	3 дв	Гирцово	6 дв.	Гирцова	6 дв 1 пуст	Гирцово	3 дв 2 пуст	Гирцово	3 дв	
42			Козаревщина	3 дв	Козаревщина	2 дв	Козаревщина	5 дв 2 боб	Козаревщина	5 дв	Козаревщина	7 дв	Козаревщина	9 дв	Козаревщина	6 дв 1 пуст	Козаревщина	8 дв	
О. Еглов, о. Рогачев																			
43	На Великой же Губе на Еглове острове	2	На Великой же Губе на Еглове острове	2	На Великой Губе на Еглове острове	2 дв	На Великой же Губе на Еглове острове	4 дв	На Великой же Губе на Еглове острове	6 дв	На Великой же Губе на Еглове острове	7 дв 1 пуст	На Великой же Губе на Еглове острове	7 дв 1 пуст	Ягловская	4 дв 3 пуст	Егловская	4 дв	

44	1563	На Рогачеве острове	2	1582	На Рогачеве острове	2 дв	1631	на Рогачеве острове	5 дв	1646	на Рогачеве острове	2 дв 2 боб	1678	на Рогачеве острове	3 дв	1696	на Рогачеве острове	1 дв 1 пуст	1707	Рогачева	1 дв 2 пуст	1726	-
					на Рогачеве острове а в ней после разорения немецких людей поставились крестьяне на старях своих местах ново																		
Пахинский берег																							
45	в Пахани-чах Мечак-ковская (в) Васюк Иванов Мечаков	2	в Пахани-чах Мечак-ковская	3 дв 3 пуст	в Пахови-чах Мечак-ковская (в) Васко Ва-сильев сын Воробьев	3 дв	в Паховичех Мечасов-ская	3 дв	2 дв 1 боб	в Пахови-чах Мечак-ковская	3 дв	1 дв	в Паховичех Мечаковская	7 дв 1 пуст	Мечаков-ская в Паховичах	8 дв	Мечаков-ская	3 дв 4 пуст	Мечаков-ская	4 дв			
46	В Пахти-ничах же словет на Прикосов-щине	2	В Паха-ничах же, словет на Прикосов-щине, а ныне Ману-хина	1 дв 1 пуст	в Паховичех же словет на Прико-совщине Манухина	1 боб 2 пуст дворы со-жгли жил-цов по-били нем-цы в разо-ренье	в Пахони-чах словет на Прико-совщине Манухина	2 дв 1 боб	в Пахони-чах славет на Па-расковщине Манухина	1 дв	деревня в Паховичах словет на Прикосовщи-не Манухина и ныне в тех деревнях дво-ров и жилищ никаких нет, а которые жил-цы в тех де-ревнях жили преж сего... и те крестьяне перешли жить в деревню... да деревни Пахович Мечаковскую, а в тех деревнях в Паховичах.. прежнее отцов своих и свои кре-стьянские участки оне пашут наез-дом....												

Деревни Кижской волости в XVI – начале XX в. (по архивным источникам)

47	На Святом наволоке	2	на Святом же наволоке Пагракеевская	1 пуст	на Святом наволоке Пагракеевская	3 дв	на Святом наволоке Пагракеевская	2 дв	на Святом наволоке Пагракеевская	2 дв	Пагракеевская	1 дв 1 пуст	-				
48	На Святом наволоке на Горке Потаннинская	2	на Святом же наволоке на горке Потаннинская	1	а том же на Тепозере на Горке Ломаннинская	1 дв 1 боб	-	1 дв 1 боб	2 дв	на Святом наволоке Пагракеевская	1 дв 1 боб	3 дв 3 пуст	Поганевская	6 дв			
49	На Святом же наволоке словет на Перевесье	2	на Святом наволоке на Перевесье	2 дв	Перевесье	2 дв	Перевесье	5 дв 1 боб	Перевесье	Перевесье	1 дв 1 боб	1 дв 4 пуст	Перевесье	1 дв 1 боб			
50	На Святом же наволоке словет Шулятинковская	2	Яковлевская тетюхина на Святом наволоке, Шулятинковская	2 пуст	Яковлевская тетюхина на Святом наволоке, Шулятинковская	2	Яковлевская Тетюхина Шулятинковская	5 дв 3 боб	Яковлевская Тетюхина Шулятинковская (в) бобиль Янка Еремеев. Сапожник	Яковлевская Тетюхина Шулятинковская	7 дв 3 боб	Деревня Яковлевская Тетюхина Шулятинковская	Яковлевская Тетюхина Шулятинковская тож	5 дв 2 боб	4 дв 4 пуст	Яковлевская	3 дв 1 боб
51	В Пахичах словет в Кашниковой губе (в) Минка Ильин Кашников	2	В Пахичах в Кашникове губе	3 дв 1 пуст	Пустошь что была деревня в Пахичах в Кашникове	3 дв 1 пуст	Пустошь что была деревня в Пахичах в Кашникове	3 дв 1 пуст	Пустошь что была деревня в Пахичах в Кашникове ... а деревня построилась вновь после писцов	в Пахичах в Кашникове	1 дв	1 дв	в Кашникове Новая Оживка	1			
52	В Пахичах словет Мандере словет Гагаровщина	2	В Пахичах словет Мандере словет Гагаровщина	2 дв 5 пуст	пустошь что была деревня в Пахичах словет Гончеровщина а в ней два места дворовых дворов сожгли жителей литовские люди в разоренье	2 дв 5 пуст	пустошь что была деревня в Пахичах словет Гончеровщина	пустошь что была деревня в Пахичах словет Гончеровщина	пустошь что была деревня в Пахичах словет Гончеровщина	пустошь что была деревня в Пахичах словет Гончеровщина							

53	1563 На Пахта- човской Мандери Кузнецов- ская	1582 На Пяхте- чевской Мандеры Кузнецов- ская	7 дв	1616 на Пахте- ченской Мандере Кузнецов- ская	6 дв	1631 на Пагачен- ской Манде- ре Кузне- цовская (в) Шестачко Ушпаков кузнец	11 дв 2 боб	1646 на Пате- ченской Мандере Кузнецов- ская	7 дв	1678 на Пагачен- ской Манде- ре Кузнецов- ская	13 дв	1696 Иванцов- ская Кузне- цова тож	11 дв 1 боб	1707 Кузнецов- ская	7 дв 6 пуст	1726 Кузнецов- ская	11 дв 1 боб
54	Ониси- мовское на Пахинском ветреу	Ониси- мовская на Пахинском берегу	1 дв 3 пуст	на Паха- ницком берегу Онис- имовская	4 дв 1 боб	Пахово- ском берегу Онисимов- ская	7 дв 1 боб	Пахониц- ком берегу Онисимов- ская	5 дв	Пахиницком берегу Анис- имовская	9 дв 1 боб	Анисимов- ская Корба	12 дв 3 боб	Анисимов- мовская в Корбе	5 дв 7 пуст	Анисимов- ской Корбы	7 дв 1 боб
55				на Пельна- волке	2 дв					на Пель наволоке	2 дв	на Пель наволоке	1 дв пуст	Пельнаво- лок	1 дв 1 пуст	Пельнаво- лок	1 дв
56	На Корбе	деревня на Корбе	1 дв 2 пуст														
57	В Кижках в лахте на Курвине наволоке	в Кижках в лахте на Курвине наволоке	4 дв 3 пуст	Кижках в лахте на Курвине наволоке а в ней после немецкого разоренья поставили кресты на старых своих местах но(- вые) до(ма)	4 дв 1 боб 3 пуст а жил- цов по- били дворы со- жгли нем- цы ж в разо- ренее	В лахте на Курвине наволоке	10 дв 2 боб	в Лахтине на Курвине наволоке	8 дв	в Кижках в лахте на Курвине наволоке	14 дв	в Курги- ничах же лахта	10 дв	лахта	6 дв 8 пуст	Влахте	18 дв
58	В Курвине наволоке на Сявнете (в) Филип- ко Федоров Курлов	на Курвине наволоке на Сявнете	6 дв.	на Курвине наволоке на Сявнете	7 дв 2 боб 1 пуст	на Курвине наволоке на Сявнете	11 дв 1 боб	на Курвине наволоке на Сявнете	10 дв	в Курвине наволоке на Сявнете	19 дв	в Кургицах на Сявнете	17 дв	Сявнете	12 дв 7 пуст	Совнете	18 дв
59	В Погачени- цах словет Гамшева	в Паханичех словет Гом- шаева Па- ховницкая Гажмиева	2 дв 2 пуст	в Паховичах Хамшева Паховниц- кая и Неме- ева тож	3 дв	Деревня в Паховичах Хамшева Паховницкая ...нем..	3 дв	в Паховичах Лащеево Паховицкая и Немцово тож Пахо- вицкая	1 дв 3 боб	в Паховичах Хамшева Паховицкая и Немеево тож	4 дв	в Паховичах Хамшева	5 дв	Хамшева	3 дв 2 пуст	Хамшеене	4 дв

Деревни Кижской волости в XVI – начале XX в. (по архивным источникам)

60	В Пахи- ничих же словет на Глеbove	1 дв	в Паханичех на Глеbove	2 дв 1 пуст	в Паховичах на Глеbove острове	1 дв	в Пахов- ничих на Глеbove острове	2 дв	в Паховичех на Углеbove острову	2 дв	в Пахов Паховничех на Глеbove острове	1 дв	на Глеbove острову в Паховичах	2 дв	Глебова	1 дв	Глебовой	1 дв	
61	в Пога- чиничих же словет на Гивечь наволоке	3	в Пахи- ничих на Гивечнаво- локе	3 дв	Гивец наво- лок	2 дв	Гивец наво- лок	2 дв	Гивец наво- лок	2 дв	Гивес наво- лок	4 дв	Гивес наво- лок	4 дв	Гивес наво- лок	4 дв 1 пуст	Гивес наво- лок	4 дв	
62			что был починок на Атришня- волоке	1 дв	что был починок на Огриш наволоке	1 дв 1 боб	что был починок на Огриш наволоке	1 дв	что был починок Огриш наволоке	2 дв	что был починок на Огриш наволоке	2 дв	на Согриш наволоке	3 дв	Угриш Наволоке	1 дв 1 пуст	Угриш Наволоке	2 дв	
63												На лесу Ново починка на Воев наволоке... а та деревня построй- лась после писцов.	6 дв 1 пуст	Воев Наво- лок	5 дв	Воев Наво- лок	3 дв 3 пуст	Воев Наво- лок	7 дв
64												Нового починка на Коселги поселилась на лесу	5 дв	Койселги	4 дв 1 пуст	Косельги	1 дв 4 пуст	Косельги	3 дв

	1824						1840						1854					
	деревни	дворы	насел.		скот		дворы	насел.	скот	дворы	насел.	дворы	насел.					
			м.п.	ж.п.	лошади	коровы							овцы	м.п.	ж.п.			
о. Кизи																		
1	Окуловская	6	22	20	9	17	12	Окуловская	10	24	27	10	26	16	Дудкин Наволок	8	24	31
2	Харчевская	9	29	30	18	37	18	Харчевская	7	27	29	13	34	18	Ольхинская	5	40	33
3	На низу у часовни.	1	4	2	3	3	2	На низу у часовни.	1	3	5	2	3	2	Лукинщина	1	7	6
4	Александровская.	2	7	6	3	5	2	Александровская.	4	12	9	3	5	4	Александровская (живет Нестеров)	2	5	7
5	Удоев наволок	1	3	7	2	5	2	Удоев наволок	1	7	4	2	4	4	Салдатовская, Кяжево	3	8	6
6	Федки Бачюрина	3	7	10	3	5	3	Федки Бачюрина	3	7	7	3	5	5	Бачуриных	2	10	10
7	Хорошевской Горки	2	8	8	5	11	4	Хорошевская	3	12	12	4	8	5	Бишево	3	11	9
8	Карповская	2	3	3	1	4	2	Карповская	2	7	5	2	3	2	Морозовской	2	7	9
9																		
10																		
о. Керк-остров																		
11	Кердей острова	3	8	12	6	17	8	Керди острова	4	12	5	6	14	8	нет			
о. Волкостров																		
12	Трофимовская	4	11	11	6	16	8	Трофимовская	4	12	14	4	12	6	Шляминных	4	14	11
13	Хромцовской	6	20	30	9	22	11	Хромцовской	8	32	26	10	27	4	Посад	8	34	25
14	Иванцовской	6	17	20	13	29	8	Иванцовской	5	21	19	7	16	13	Феньковской	4	17	16
15	Бездюревской	4	16	12	9	17	6	Бездюревской	4	13	12	7	14	11	Сергачевской	3	12	13
16	Ерофеевской	5	15	18	7	26	7	Ерофеевской	5	23	17	8	16	11	Шуйна	5	23	27
17	Насоновская	5	16	11	15	10	10	Насоновская	5	16	15	8	18	13	Насоновская	6	23	19
18	на Хвосте	2	9	5	3	4	3	на Хвосте	1	4	5	2	3	2	Щепино	2	8	4
Мандера																		
19	Березовец	7	14	18	11	30	8	Березовца	6	19	21	8	23	12	Подъельник	6	23	29
20	Вех-наволок	12	41	40	22	51	18	Вех-наволок	10	39	47	15	39	25	Пустого берега	9	38	48
21	нет							нет							нет			
22	Вик-остров	4	17	17	7	17	7	Вик-острова	3	15	16	10	3	6	Мальковой	6	17	26
23	Виж остров	1	6	10	6	12	8	Виж острова	2	6	4	10	5	5	Клиновой	1	6	10
24	Прохновская	7	20	19	12	23	15	Прохновская	5	27	17	9	22	20	Сычевской	11	34	41
25	Лопинской	1	4	4	1	3	9	Лопинской	1	2	3	2	4	2	Дудниковых	1	2	1
26	Ботаевской	3	10	9	4	12	7	Ботаевская	2	10	10	4	11	8	в 1850 году деревня перестала существовать, крестьяне перешли жить в д. Сычевскую, Телятниковскую и Клиновой			
27	Рохиново	3	6	9	5	10	3	Рохиновой	3	15	12	5	11	5	Зубово	3	15	13
28	Гирцово	2	7	6	4	10	5	Гирцовой	3	14	7	4	11	6	Ерневской	2	12	12

в XIX – начале XX в.

1876				1907-1916														
по списку населенных мест 1873 года	дворы	хоз.пост.	нас.		скот			часовни	пост.			нас.		скот				
			м.п.	ж.п.	лошади	коровы	овцы		дома	амбары, кузницы	риги, мельницы	м.п.	ж.п.	лошади	коровы	овцы		
Наволоч	Кижского острова (пос.: Южного конца, Дудкиных- Наволоч, Ольхинская, Харлачевская, Лукинщина, Александрово)	4	1А	76	71	6	11	12	Наволоч		4		16	18	4	7	1	
Ольхино		9	2А			16	30	16	Ямка и Ольхино	Ч	9	1А	2Р	41	38	18	23	6
Лукинщина (живут Васильевы)		2				3	9	4	Лукинская	Ч	3			9	10	4	8	
Нестерово		1				1	1	1	нет									
Кяжево (живут Кяжевы)	Кижского острова (пос.: Северного конца, Салдаговская, Бишева, Морозова, Коловская, Бачурина, Средне-Бачурино, Удав-Наволоч и Кижев)	1		28	34	1	2	1	Кяжево		2		10	3	2	3		
Бачурино		3				1	2		Бачурино		3			16	8		2	
Бишево		3				4	7	4	Бишево		2			6	5	4	3	
Морозово		1				2	5	1	Морозова		1			3	4	3	5	1
							Босарево		1			3	8	2	4			
							Погост		6			10	11					
нет							нет											
Шлямино		3	2а	14	16	5	12	8	Шлямино		4		17	11	9	13	2	
Посад (Волкострова)	Волкостров (Нивоновская)	8	2А	113	112	10	21	11	Посад		6		34	38	8	16	2	
Феньково		3	2А			10	17	11	Феньково		4	К	М	24	23	13	13	5
Сергачево		3	1А			4	13	8	Сергачево		3			9	9	5	9	4
Шуйно		4	1А			6	14	9	Шуйно		6	К	М	20	19	7	11	4
Насоновская		3				5	10	9	Насоновская	Ч	4			20	17	6	9	1
Щепино		3				3	4	1	Щепино		3			5	7	3	4	
Подъельники	Пустого берега (пос.: Зубовская, Подъельник и Березовщина)	6	2А	75	80	9	24	14	Подъельники	Ч	9		37	34	12	17	6	
Пустой берег		8	2А			11	23	18	Пустой берег	Ч	13			24	40	15	23	3
нет									Речка		4							
Мальково	Западного берега (пос.: Жареникова, Марковская, Мальшево, Вик-остров, Клинова и Виш-остров)	10	2А	70	67	16	34	11	Мальково		7	К А	22	24	10	13	2	
Клиново		3				5	8	5	Клиново		3	3А	3Р	21	12	5	15	4
Сычи	Сычевская (Прохновская)	10	4А	39	40	20	33	17	Сычи		13	К	М	56	55	20	34	7
Дудниково	см. выше	2	1А			6	9	6	Дудниково		1	1А	Р М	7	9	4	9	1
Зубово	см. выше	5	2А М			7	15	10	Зубово		5		18	14	4	15	1	
Ерснево	см. Оятевщина	све-де-ний нет							Ерснево		3		Р	14	12	7	8	

29	Козаревщина	16	46	50	25	49	21	Козыревской	17	59	52	21	54	31	Боярщина	17	64	64	
30	Вавуловской	4	9	6	7	13	6	Вавуловской	4	10	12	5	11	7	объединена "по смежности угодий" с Оятевской				
31	Леоновской	8	17	26	9	22	10	Леоновской	8	18	28	10	19	13	Оятевская	9	35	32	
32	Марковской	9	26	29	16	40	19	Марковская	8	32	27	16	40	24	Жарениковой	9	37	32	
33	Грузиловской	6	16	19	7	22	11	Грузиловская	6	8	19	6	17	16	Телятниковых	7	22	26	
34	Липовицы	5	9	8	6	12	7	Липовицы	4	12	13	5	16	10	Липовицы	14	36	51	
35																			
36	Хорихоры	существовала с 1763 по 1795 год, когда в связи со смертью хозяев запустела.																	
о. Еглов, о. Рогачев																			
37	Егловской	9	32	28	12	33	14	Егловской	11	26	33	10	25	11	Еглова	8	23	31	
38	Рогачева	3	9	12	2	10	3	Рогачевской	4	13	12	4	8	6	Рогачев	4	10	10	
Пахинский берег																			
39	Мечаковской	10	29	33	14	32	16	Мечаковской	9	41	44	14	34	19	Воробьевской	10	32	41	
40	Потаневской	7	21	23	13	26	13	Потаневская	5	26	23	13	30	22	Потаневская	7	20	25	
41	Перевесье	2	6	11	3	8	4	Перевесья	3	7	10	3	7	5	Посад	3	10	8	
42	Яковлевская	12	25	36	15	29	14	Яковлевская	13	40	31	16	34	28	Середка	12	38	34	
43	Кашинской	1	2	1				нет							нет				
44	Кузнецовской	19	33	37	16	35	15	Кузнецкой	9	24	34	15	36	22	Кузнецкой	11	35	40	
45	Анисимовской	9	25	36	15	28	9	Анисимовской	11	31	37	13	18	15	Корбы	9	28	32	
46	Пель - наволока	2	8	10	3	13	5	Пель-наволока	2	6	12	8	11	13	С 1850 г. По смежности угодий объединена с д. Корба				
47	Лахты	11	35	40	21	49	19	Лахты	9	36	39	16	43	25	Лахта	9	33	42	
48	Севняги	20	58	58	39	93	39	Севняги	22	54	69	27	79	50	Кургеницы	20	67	76	
49	Хамшеевой	3	9	6	8	14	7	Хамшеевой	3	14	15	5	16	10	Маньшиных	3	17	12	
50	Глебова	2	8	6	6	8	4	Глебова	2	6	5	5	18	8	Глебовой	2	8	9	
51	Гивеч наволока	3	17	18	7	21	8	Гивеч наволока	6	17	20	19	8	6	Гивес-наволока	5	11	16	
52	Угриш наволока	3	17	18	7	21	8	Угриш наволока	2	17	9	5	13	8	Ошевневой	1	13	5	
53	Воев наволока	10	42	42	24	47	19	Воев наволока	11	51	52	17	44	29	Воев наволока	с 1850 г. Переведены в селенногубское сельское общество			
54	Косельги	11	45	38	25	55	24	Косельги	12	44	50	22	56	18	Косельга				

Деревни Кижской волости в XVI – начале XX в. (по архивным источникам)

Боярщина	Боярщина (Козаревская)	16	2А	56	70	34	59	33	Боярщина		18	1А	2Р	75	81	34	50	5
Оятевщина	Оятевщина (пос.: Леоновская, Ереневская и Гарцова)	12	4А	52	49	18	43	29	Оятевщина		14		Р	60	65	22	25	4
Жарниково	см. выше	10				16	34	11	Жарниково		11	3А	5Р	34	26	14	25	4
Телятниково	Телятниково (Грузиловская)	10	3А К М	56	55	16	37	13		Ч	14	3А К	4Р	53	55	20	39	6
Липовицы	Липовицы (Новая Заживка)	11	5А 2М	41	47	27	46	28	Липовицы	Ц	11	2 кол. 14А	2Р 2М	75	70	30	55	10
									Березовая Сельга		1				1	3		

Еглова	Егловская (Рогачевская)	8	3А К М	41	45	20	18		Еглово	Ч	10			38	35	14	27	5
Рогачев		4	М			7	16	7	Рогачево		5		М	16	16	7	15	3

Воробьи	Пахинский берег (пос.: Глебовская, Монтины, Халшеева, Воробьи и Мячиковская)	10	2А К	67	81	16	34	19	Воробьи	Ч	13	К		43	45	17	34	5
Потаневская	Середская (пос.: Потаневская, Посад, Перевесье)	6	1А			11	21	17	Потаневщина		8	1А		22	24	10	20	7
Посад Середка		5	1А	77	79	3	10	4	Посад		3			9	11	5	14	
Середка									Середка		14		ЛМ	33	35	15	10	8
нет									нет									
Кузнецы	Корба (пос.: Антимовская, Кузнецкая, Павел-Наволок)	12	2А			23	54	36	Кузнецы		14	4А	3М 4Р	74	83	24	56	8
Корба		9	1а	55	68	14	40	33	Корба	Ч	12			33	45	15	10	8
Лахта	Кургицы (пос.: Севняки и Лахта)	13		128	132	18	35	20	Лахта		11			73	59	25	46	10
Кургеницы		19				34	67	51	Кургеницы	Ч	26	2К	М	104	112	52	98	85
Маньшино	см. выше	5				8	16	6	Маньшино		5	2А	Р М	24	28	7	17	5
Глебово	см. выше	2	1А М			5	9	6	Глебово		3		М	10	12	4	9	3
Гивес-наволок	Гивес-Наволок (пос.: Ошевнева и Чуровская)	6	2А	31	35	10	18	16	Гивес-наволок		8	0	Р Л.	23	21	14	25	4
Ошевнево		3	1А			9	20	15	Ошевнево		4			12	17	6	9	1

с 1850 г. Переведены в селенгубское сельское общество

Условные обозначения:

А – амбар	Ц – церковь
Л – лавка	Ч – часовня
К – кузница	М – мельница
Р – рига	кол. – колодец

Приложение 3

Кожевенный завод¹

1. Название деревни: Кургеницы, общество Кижское.
2. Владелец: Горин Стефан Иванович.
3. Местополучение главного сырья производства коры, дегтю: покупали у Каргополов деготь 6 пудов — по 2 рубля пуд.
4. Сведения по истории завода: год основания 1910.
5. Завод работает: от себя.
6. Число гонов — 5.
7. Число кож — ?
8. Местополучение сырых кож: из разных мест.
9. Место покупки сырых кож: не покупают.
10. Замочка начальная: 1 ½ недели.
11. Золение (первое) — 7 дней.
12. Распрявление одной кожи: 50—60 мин.
13. Золение (вторичное) — 7 дней.
14. Очистка одной кожи (в черне) от шерсти — 12 мин.
15. Вторичная и окончательная очистка кожи от шерсти и мздры — 12 мин.
16. Промывка очищенных кож — ½ дня.
17. Квасят: 7—10 дней.
18. Дубление — 2 месяца.
19. Сушка выдубленных и смазанных шкур: при хорошей погоде 1 неделя, при плохой 2—3 недели.
20. Мятье кож и протираание гладилкой — 7 дней.
21. Обычное начало и конец производства: от 3—4 месяцев.
22. Сколько завалов кож делают за период производства: 5 раз.
23. Состав завала:
 - лошадиных больших: 20—25.
 - коровьих средних: 200—250.
 - опойковых: 300 шт.
 - выростковых: 150 шт.
24. Место сбыта изделий: на продажу не отправляют. Делают из кож разной местности крестьян.

¹ НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 50/548, 1916 г. Л. 59.

Приложение 4

Мельницы Кижской волости

Ветряная мельница²

1. Деревня: Сычи.
2. ФИО хозяина: Вавилин Василий Харитонович.
3. Тип мельницы: козловая.
4. Назначение: амбар.
5. Основание корпуса мельницы: яма, забутованная камнем.
6. Число крыльев: 8.
7. Число толкачей: 12.
8. Сколько лет существует: мельница построена в 1908 году (работали все, за исключением цевочного колеса и крыльев силами своего семейства. Работа мастера: крылья, толчая (оплата мастера и его содержание — 75 руб.); колесо, шестерня (оплата работы 12 руб.). Работали из своего материала. Амбар и прочее делали сами.
9. Ремонт: в 1910 году амбар перестраивали, вал новый, крылья новые.
10. Число наемных рабочих: нет.
11. Число рабочих дней в году: 100.
12. Сколько раз в году мельница работает круглые сутки: не работает.
13. Производительность по поставке на рабочий день (10—12 час.): при сильном ветре — 25 пуд., при среднем — 12 пуд.
14. Сколько переработано зерна на год для себя: ржи — 80 мер.
15. Сколько переработано на заказчика в год: заработано: в 1916 году — 20 руб., в 1915 году и раньше — 50 руб.
16. Плата за помол с меры: 1916 г. — 5 коп., 1915 г. — 3 коп., 1910—1912 гг. — 2 коп.
17. Сколько дней в году работает толчая: 70—80 дн.
18. На сколько обычно толкачей: работают обычно 4 гнезда.
19. Сколько переработано овса для себя: 25 пудов.
20. Какая взимается плата за толчение: за 3 меры: 1916 г. — 25 коп., 1915 г. — 15 коп., 1910—1912 гг. — 10—12 коп.

Ветряная мельница³

1. Название деревни: Кургеницы.
2. ФИО владельца: Детярев Василий Григорьевич.
3. Тип мельницы: козловая.

² НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 60/535, 1916 г. Л. 120—121.

³ Там же. Л. 150.

4. Назначение: амбар.
5. Основание мельницы: ряжевая клетка 1,00—1,00 саж., забутованная камнем.
6. Число крыльев: 8.
7. Число толкачей: 12.
8. Сколько лет существует: 20 лет.
9. Сколько израсходовано на ремонт: 50 руб. с материалом и работой.
10. Характер и стоимость текущего ремонта: смена крыльев, лобовое колесо.
11. Сумма ежегодной страховки: нет.
12. Число рабочих дней в году: 70 дней.
13. Круглые сутки работает: 25 дней.
14. Производительность поставка: нет сведений.
15. Сколько переработано в год на себя: ржи — 100 мер, овса — 60 мер.
16. Сколько переработано на заказчика: работают мало.
17. Сколько дней в году работает толчая: 20 дней.
18. На сколько толчей: при хорошем ветре — на все, при плохом — на 2 толчей.
19. Сколько переработано овса: 60 мер.

Ветряная мельница⁴

1. Название деревни: Кузнецы.
2. ФИО владельца: Савин Алексей Васильевич.
3. Тип мельницы: козловая.
4. Назначение: амбар.
5. Число крыльев: 6.
6. Сколько лет существует: 12 лет.
7. Ремонт: перекрывали крышу, перемена основания мельницы (70 руб.).
8. Основание мельницы: ряжевая клетка 1,00—1,00 саж., забутованная камнем.
9. Ежегодная сумма страховки: общая 30 коп.
10. Число рабочих дней в году: 100 дней.
11. Сколько работает круглые сутки: 50 дней.
12. Производительность поставка (10—12 час.): 15 мер.
13. Сколько переработано зерна в год на себя: ржи — 25-30 мер, овса — 30 мер.
14. Сколько переработано зерна в год на заказчика: 200 мер.
15. Плата за помол: 2—4 коп.
16. Сколько дней в году работает толчая: ?
17. Сколько переработано овса: ?
18. Плата за толчение: 5—10 коп. с меры.
19. Число толкачей: 8.
20. Стоимость всей мельницы: 26 руб. по случаю.

⁴ Там же. Л. 146.

Ветряная мельница⁵

1. Местонахождение: дер. Кузнецы.
2. ФИО владельца: Полев Тимофей Стефанович.
3. Тип мельницы: козловая.
4. Назначение: амбар.
5. Основание корпуса: ряжевая клетка 1,00—1,00 саж., забутованная камнем.
6. Число крыльев: 8.
7. Сколько лет существует: 10 лет.
8. Ремонты: ?
9. Сумма, израсходованная на ремонт: ?
10. Указать характер ежегодного ремонта: перемена крыльев.
11. Ежегодная сумма страховки: общая.
12. Число наемных рабочих: нет.
13. Число рабочих дней в году: ?
14. Сколько раз мельница работает круглые сутки: ?
15. Производительность поставка за раб. день (10—12 час.): ?
16. Сколько переработано зерна за год для себя: ржи — 52 меры, овса — 50 мер.
17. Сколько переработано на заказчика в год: ?
18. Плата за помол с меры: ?
19. Сколько дней работает толчая: ?
20. Сколько переработано овса за год: ?
21. Какая плата за толчение: ?

Ветряная мельница — владелец: Петров Алексей Иванович⁶.

Хозяина мельницы не оказалось, сведений получить не мог.

Ветряная мельница⁷

1. Местонахождение: дер. Дудниково.
2. ФИО владельца: Серов Тит Степанович.
3. Тип мельницы: козловая.
4. Назначение: амбар.
5. Основание корпуса мельницы: яма, забутованная диким камнем.
6. Число крыльев: 8.
7. Сколько лет существует: построена в 1893 году.
8. Ремонты: в 1911 году перенесена на другое место, вставлен новый опорный столб, вал, крылья и основание (корпус стоит прежний). Мастер работал 3,5 недели на хозяйском содержании. Платили по 3 руб. в неделю.

⁵ Там же. Л. 148.

⁶ НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 16/162, 1911 г. Л. 30.

⁷ НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 60/535, 1916 г. Л. 124.

9. Сумма, израсходованная на ремонт: ?
10. Ежегодная сумма страховки: ?
11. Число наемных рабочих: сами работают.
12. Число рабочих дней в году: три месяца.
13. Сколько раз мельница работает круглые сутки: иногда работает.
14. Производительность поставка за рабочий день (10—12 час.): при хорошем ветре мельница сможет смолоть мер 20.
15. Сколько переработано зерна за год для себя: ржи — 60—65 мер, овса — 45 мер.
16. Сколько мер переработано на заказчиков в год: 100—150 мер.
17. Плата за помол с меры: 2—3 коп. с меры.
18. Сколько дней работает толчея: ?
19. Сколько переработано овса за год: ?
20. Какая плата за толчение: 10 коп. с меры (прежде), теперь 20—25 коп.

Ветряная мельница⁸

1. Местонахождение: дер. Феньково.
2. ФИО владельца: Беканин Яков Кузьмич (мельница построена самим владельцем).
3. Тип мельницы: козловая.
4. Назначение: амбар.
5. Основание корпуса: ряжевая клетка 1,00—1,00 саж., забутованная камнем.
6. Число крыльев: 8.
7. Сколько лет существует: с 1915 г.
8. Ремонты: ?
9. Сумма, израсходованная на ремонт: ?
10. Ежегодная сумма страховки: общая.
11. Число наемных рабочих: ?
12. Число рабочих дней в году: 70 дней.
13. Сколько раз мельница работает круглые сутки: 10 дней.
14. Производительность поставка за раб. день (10—12 час.): 20 мер.
15. Сколько переработано зерна за год для себя: 200 мер.
16. Сколько переработано на заказчика в год: 200 мер.
17. Плата за помол с меры: 3—5 коп. с меры.
18. Сколько дней работает толчея: ?
19. Сколько переработано овса за год: 900 мер (овса).
20. Какая плата за толчение: 3—5 коп.

Ветряная мельница⁹

⁸ Там же. Л. 126.

⁹ Там же. Л. 17.

1. Местонахождение: дер. Шуйно.
2. ФИО владельца: Титов Тимофей Федорович.
3. Тип мельницы: козловая.
4. Назначение: амбар.
5. Основание корпуса: ряжевая клетка 1,00—1,00 саж., забутованная камнем.
6. Число крыльев: 8.
7. Сколько лет существует: около 30 лет.
8. Ремонты: ?
9. Сумма, израсходованная на ремонт: делали сами хозяева.
10. Ежегодная сумма страховки: общая.
11. Число наемных рабочих: ?
12. Число рабочих дней в году: 30 дней.
13. Сколько раз мельница работает круглые сутки: ?
14. Производительность поставка за раб. день (10—12 час.): 2—20 мер.
15. Сколько переработано зерна за год для себя: 40 мер.
16. Сколько переработано на заказчика в год: 50 мер.
17. Плата за помол с меры: 3—5 коп. с меры.
18. Сколько дней работает толчея: 15 дн. (на все толкачи).
19. Сколько переработано овса за год: 50 мер.
20. Какая плата за толчение: 3—5 коп.
21. Число толкачей: 12.

Ветряная мельница¹⁰

1. Название деревни: Рогачево.
2. ФИО хозяина: Рогачев Яков Егорович.
3. Тип мельницы: козловая.
4. Назначение: амбар.
5. Основание корпуса мельницы: яма, забутованная камнем.
6. Число крыльев: 6.
7. Число толкачей: 14.
8. Сколько лет существует: 20.
9. Ремонт: в 1914 г. капитальный ремонт (вставлен новый опорный столб).
10. Сумма, израсходованная на ремонт: мастера работали 20 дней, за работу заплачено 60 рублей плюс хозяйское содержание.
11. Ежегодная сумма страховки: 1 р. 25 коп.
12. Число наемных рабочих: сами работают.
13. Сколько раз в году мельница работает круглые сутки: 30 раз.
14. Производительность поставка за 10—12 часов: 5—10 мер.

¹⁰ Там же. Л. 122.

15. Сколько перерабатывает зерна за год для себя: 200—250 мер.
16. Сколько перерабатывает зерна в год на заказчиков: 100—120 мер.
17. Плата за помол с меры: 2—5 коп.
18. Сколько дней работает толчая: 150 дней.
19. Сколько переработано овса за год: 100—150 мер.
20. Какая плата за толчение: с 3-х мер — 20—30 коп.

Ветряная мельница¹¹

1. Местонахождение: дер. Глебово.
2. ФИО владельца: Ольхин Иван Иванович.
3. Тип мельницы: козловая.
4. Назначение: амбар.
5. Основание корпуса: яма, забутованная камнем.
6. Число крыльев: 6.
7. Сколько лет существует: 50 лет.
8. Ремонты: в 1900 г. строили амбар.
9. Сумма, израсходованная на ремонт: 50 руб.
10. Ежегодная сумма страховки: общая.
11. Число наемных рабочих: ?
12. Число рабочих дней в году: 50 дней.
13. Сколько раз мельница работает круглые сутки: ?
14. Производительность поставка за раб. день (10—12 час.): ?
15. Сколько переработано зерна за год для себя: 150 мер ржи, 45 овса.
16. Сколько переработано на заказчика в год: 50 мер ржи, 60 овса.
17. Плата за помол с меры: 2—5 коп. с меры.
18. Сколько дней работает толчая: при хорошем ветре — 40 дней, при плохом — 10 дн. (на все толкачи).
19. Сколько переработано овса за год: 60 мер.
20. Какая плата за толчение: 2—5 коп.
21. Число толкачей: 10.
22. Стоимость мельницы по показанию владельцев — 150 руб.

Ветряная мельница¹²

1. Местонахождение: дер. Середка.
2. ФИО владельца: братья Горбачевы.
3. Тип мельницы: козловая.
4. Назначение: амбар.

¹¹ Там же. Л. 144.

¹² Там же. Л. 130.

5. Основание корпуса: ряжевая клетка 1,00—1,00 саж., забутованная камнем.
6. Число крыльев: 8.
7. Сколько лет существует: с 1911 г.
8. Ремонты: ?
9. Сумма, израсходованная на ремонт: ?
10. Ежегодная сумма страховки: 2 р.
11. Число наемных рабочих: ?
12. Число рабочих дней в году: 150 дней.
13. Сколько раз мельница работает круглые сутки: ?
14. Производительность поставка за раб. день (10—12 час.): 50 мер.
15. Сколько переработано зерна за год для себя: ржи — 120 мер, овса — 50 мер.
16. Сколько переработано на заказчика в год: 600 мер.
17. Плата за помол с меры: 3—5 коп. с меры.
18. Сколько дней работает толчая: 10 дней на все толкачи.
19. Сколько переработано овса за год: 900 мер (овса).
20. Какая плата за толчение: 3—5 коп.
21. Сколько переработано овса за год: 180 мер.
22. Мельница обошлась в 180 руб. с материалами и работой.

Ветряная мельница¹³

1. Местонахождение: дер. Маньшина.
2. ФИО владельца: Маньшин Петр Нестерович.
3. Тип мельницы: козловая.
4. Назначение: амбар.
5. Основание корпуса: ряжевая клетка 1,00—1,00 саж., забутованная камнем.
6. Число крыльев: 8.
7. Число толкачей: 14.
8. Сколько лет существует: с 1913 г.
9. Ремонты: ?
10. Сумма, израсходованная на ремонт: ?
11. Указать характер ежегодного ремонта: правка пестов.
12. Ежегодная сумма страховки: нет.
13. Число наемных рабочих: ?
14. Число рабочих дней в году: 150 дн.
15. Сколько раз мельница работает круглые сутки: 90 дн.
16. Производительность поставка за раб. день (10—12 час.):
17. Сколько переработано зерна за год для себя: ржи — 90 м., овса — 90 м., жита — 4 м.

¹³ Там же. Л. 151.

18. Сколько переработано на заказчика в год: 600 м.
19. Плата за помол с меры: 3—5 коп.
20. Сколько дней работает толчея: ?
21. На сколько толкачей: при хорошем ветре — на все.
22. Сколько переработано овса за год: 500 мер.
23. Какая плата за толчение: 5—10 коп.
24. Мельница стала 200 руб. с материалом и работой.

Водяная мельница¹⁴

1. Местонахождение: Корежей ручей.
2. Название деревни: дер. Липовицы.
3. Владелец: Макаров (Кошелев) Макар Титович и Злоказов Мирон Федоров.
4. Сведения по истории мельницы: существует лет 50, производился кап. ремонт.
5. Мельница работает на заказчиков и на себя.
6. Обычная продолжительность рабочего дня: ?
7. Работает в году: когда много воды.
8. Толчея работает: ?
9. Сколько засыпают в одно гнездо овса: 3 меры.
10. За помол взимают плату: за 1 меру — 4 коп.
11. За толчение овса взимают плату: за 3 меры — 20 коп.
12. Сколько можно натолочь овса в одном гнезде за рабочий день: (10—12 час.) — 3 меры.
13. Характер помола: простой, крестьянский.
14. Работают сами.

Водяная мельница¹⁵

1. Местонахождение: Корежей ручей.
2. Название деревни: дер. Липовицы.
3. Владелец: Аксенов Иван Михайлов.
4. Сведения по истории мельницы: существует около 25 лет, производился кап. ремонт в 1913 г. (Подводили новые бревна. Сделали все своими усилиями, из своего материала).
5. Мельница работает на заказчиков и на себя.
6. Обычная продолжительность рабочего дня: 4 часа в сутки.
7. Работает в году: около 130 дней.
8. Круглые сутки: 60 дней.
9. Толчея работает в году: смотря по количеству воды.

¹⁴ Там же. Л. 138.

¹⁵ Там же. Л. 141.

10. Сколько засыпают в одно гнездо овса, жита: 3 меры.
11. За помол взимают плату: за 1 пуд — 4 коп.
12. За толчение овса, жита взимают плату: за 3 меры — 20 коп.
13. Характер помола: простой, крестьянский.
14. Переработано на заказчиков — 300—350 мер в год.
15. Вблизи мельницы — жилое помещение, Н = 3,00, В = 3,00, А стан. = 1,20, сруб — еловые бревна, 4 в. Потолки еловые на 4 балки. Печь — каменка без дымового отхода.

Водосливная мельница (мукомольная) принадлежит Стафееву Федору Моисеевичу. В 1905 году выселился (из дер. Боярщина. — С. В.) и построил один дом на новом месте к своей мукомольной мельнице в урочище Березовая Сельга¹⁶.

¹⁶ НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 16/163, 1911 г. Л. 28.

Материалы к изучению истории крестьянских семей Заонежья (синодики-помянники XVII—XIX веков)

Помянники — разновидность синодика, куда вносились имена усопших для церковного поминовения их душ за упокой. В древнерусский период синодики-помянники имели повсеместное распространение: они составлялись в крестьянской и городской среде, в царских и княжеских семьях, в церквях и монастырях¹. Помянники представляют большую ценность как исторические источники². Они позволяют установить имена участников различных исторических событий, определить круг вкладчиков и благотворителей того или иного монастыря, церкви. Особенно незаменимы синодики в генеалогических и просопографических исследованиях — в изучении «коллективных биографий», семейных связей между лицами, проживавшими на одной территории.

Настоящая статья посвящена рукописным помянникам XVII—XIX вв., принадлежавшим преимущественно крестьянам Кижского и Сенногубского приходов. Сегодня известно 35 таких рукописей, хранящихся в фондах НМ РК (32 рукописи) и в ГПНТБ СО РАН в рукописном собрании академика М. Н. Тихомирова (3 рукописи). О времени и источниках

поступления помянников в НМ РК сведений нет. В музейных актах эти памятники отмечены как «старое поступление». Под этим обозначением в музее «числится все, что поступило в музей с 1873 по 1941 год и не имеет сведений о датчиках»³. Обстоятельства появления помянников у М. Н. Тихомирова также неизвестны. Значительную часть своей коллекции М. Н. Тихомиров приобрел у ленинградского собирателя В. Ф. Груздева, однако в составленной Е. И. Дергачевой-Скоп «таблице соответствий шифров Тихомировского собрания номерам описи Груздева» эти номера не значатся⁴.

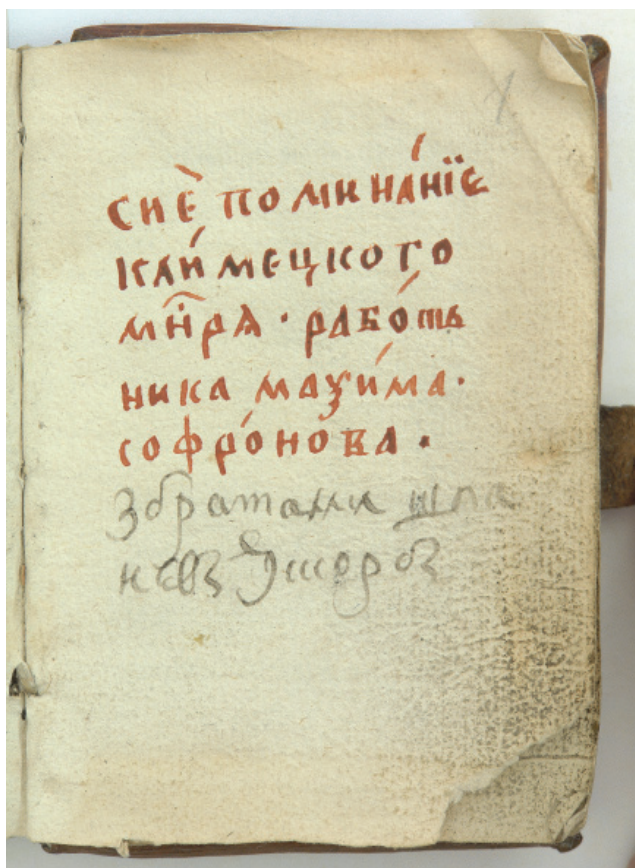
Заонежские помянники — небольшие по объему (от 8 до 46 листов) и формату (в 8, 16 и 32-ю долю листа) рукописи, очень простые по оформлению; в качестве переплета в некоторых рукописях использована кожа, свернутая «в сумку». На первом листе помянников после слов «сие поминание» обычно указываются название деревни и владелец (владелец), далее следует перечень имен, изредка отмечаются даты смерти того или иного лица. Название или начальные слова поминаний иногда написаны киншварью с элементами

¹ См.: Поньрко Н. В. Синодик // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 342.

² О видах синодиков-помянников и об истории их изучения см.: Сазонов С. В. О видах синодика-помянника // История и культура Ростовской земли — 1992. Ростов, 1993. С. 110—112; Левицкая Н. В. Синодики-помянники в русской историографии XIX—XX вв. (источниковедческие аспекты) // Там же. С. 112—118.

³ Коллекция рукописных и печатных книг кирилловского шрифта. Каталог / Сост. Н. М. Панова. Петрозаводск, 1997. С. 5.

⁴ Дергачева-Скоп Е. И. Некоторые вопросы локализации рукописей коллекции В. Ф. Груздева в собрании М. Н. Тихомирова // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1981 (таблица I).

НМ РК. КГМ-1359/1. Помянник Максима Софронова, работника Клименецкого монастыря

вязи и помещены в круг или рамку. Различия в почерках на разных листах одной рукописи свидетельствуют о том, что записи вносились порой на протяжении достаточно длительного времени — не только самим составителем, но и его потомками. Синодики служили, таким образом, для крестьян книгами семейной памяти. Общие палеографические и композиционные особенности этих рукописей указывают на единую местную традицию в их составлении.

Помянники принадлежали крестьянам, проживавшим в деревнях на о. Кижь, Большом Клименецком острове, Еглове, Большом Леликовском острове, Волкострове, Рогаचेво, а также материковой части Заонежья. В заглавиях помянников и во владельческих записях указываются названия следующих деревень: Егловская, Оятевщина, Боярщина, Корба, Кузнецкая, Конда, Потаневщина, Кургеницы, Шлямино, Насоновская, Зубово, Косельга, Иванцовская, Леликовская и другие. Встречается также упоминание Клименецкого монастыря, находившегося в южной части Большого Клименецкого острова. Один

помянник принадлежал жителям Петрозаводска (КГМ-20828).

Данные источники, таким образом, представляют большой интерес для изучения топонимии Заонежья, истории крестьянских родов, духовной и родственной памяти крестьянских семей. Важно напомнить в этой связи, что именно в Заонежье в XIX в. были записаны от местных крестьян русские былины и многие другие фольклорные тексты. Эпические певцы, которых «открыли» П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг, являлись потомками и наследниками тех заонежских крестьян, чьи имена сохранили до нас синодики-помянники. Так, в одном из синодиков упоминается Елустафий Федоров, отец Ильи Елустафьева, известного сказителя Кижской волости (КГМ-1359/28). Помянники из коллекции НМ РК КГМ-1359/17 и из собрания М. Н. Тихомирова № 227 могут послужить ценными источниками в будущих исследованиях по истории клира Преображенской церкви на о. Кижь.

При условии «расшифровки» списка имен в помянниках можно попытаться определить границы родственной памяти крестьян в каждом конкретном случае, обозначить число поколений, которое она охватывает. Отправной точкой для этой работы являются заглавия помянников с указанием имени, патронима, фамилии их владельцев. Заглавия и владельческие записи в начале и на некоторых внутренних страницах объединяют зачастую несколько имен, местами дописаны вторые фамилии. Большую помощь для анализа семейной истории, родственных связей владельцев помянников могут оказать материалы податного делопроизводства XVII—XVIII вв. (писцовые и переписные книги, а также ревизские сказки)⁵. Сложность работы с подобными документами заключается в том, что они, по большей части, не фиксируют полный состав семьи. Все материалы налогообложения представляют собой списки жителей по деревням, но до середины XVIII в. в них не заносили женщин, а до второй половины XVII в. записывали далеко не всех мужчин, а только глав семейств. Тем не менее, несмотря на

⁵ Опыт использования этих источников для реконструкции родословия заонежских сказителей см.: Воробьева С. В. Родословия сказителей Заонежья XVIII—XIX веков. Петрозаводск, 2006.

неполноту и отрывочность этих источников, нами была предпринята попытка исследования некоторых помянников с целью определения их семейной принадлежности и идентификации упомянутых в них имен.

Особый интерес представляют внесенные в некоторые из помянников имена крестьянских родов — Исаковы, Ощерины, Распутины и др., их происхождение и социальный статус, деревенские прозвища, которые были присвоены только отдельным поколениям, или те прозвища, которые стали фамилиями и сохранились до начала XX в.

Публикуемое ниже описание помянников было составлено А. В. Пигиным, комментарии к истории семей (после описания конкретных помянников) написаны С. В. Воробьевой. Комментарии удалось составить к 27 помянникам из 35⁶.

НМ РК

КГМ–20828. Помянник

Вторая половина XVIII в. (водяной знак: «ВФ» и «СТ» в волнистых прямоугольниках. — Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XVIII вв. М., 1959. № 151. 1765—1776 гг.). Полуустав и скоропись. 21 л. 8° (18,5 × 11). Без переплета. Оранжевая краска в заглавных буквах. Л. 3 об., 6, 8, 9 об., 11 об., 13 об., 15, 15 об., 19 об., 20 об. — без текста.

Содержит перечень имен усопших:

Л. 1. Начало утрачено, сохранился текст со слов: «...Господи, души преставшихся раб Своих и рабынь...»; далее перечень имен. Поздние записи относятся к 1782—1798 гг.

Л. 4. «Род Ивана Филатова».

Л. 5. «Род Потафьевых».

Л. 6 об. «Род Никулы Исаева Кошкиных».

Л. 8 об. «Род Федора Евсеева Федоровых» (последнее слово дописано позднее).

Л. 10. «Род Захарья Панкратьева Угловых».

Л. 11. «Род Василья Степанова Лебедевых».

Л. 12. «Род Кудрова Афонася Мартынова».

Л. 14. «Род Ивана Яковлева, Ивана Ерасимова Гостевых и Куриковых».

Л. 16. «Род Исаака Некитина Василевых».

Л. 17. «Род Якова Яковлева, Арефа Козмина Трубачевых».

Л. 20. «Поминание сие города Петрозавоцка роду Андрея Романова Крапивина».

Л. 21. «Род Егора Ефремова».

КГМ–17105. Помянник деревни Егловской

Третья четверть XVIII в. (водяной знак: лигатура «МК». — Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XVIII вв. М., 1959. № 338—351. 1740—1750-е гг.). Скоропись. 14 л. 8° (14,2 × 9,2). Обложка из плотной бумаги. На внутренней стороне обложки заглавная буква «С» с растительным орнаментом. Красная краска в заглавных буквах и орнаменте.

Заглавие: «Сие поминание деревни Егловской Алексея Дорофеева с Ведотом (так!) Вачеевым и Ефътефея Васильева с Рогачева» (внутренняя сторона обложки). Далее на л. 1—3 об. и 13 перечень имен усопших (остальные листы без текста).

Комментарии. Этот синодик принадлежал крестьянам двух деревень, расположенных на соседних островах в северной части Кижского прихода — о. Еглов и о. Рогачев. Поселения занесены в первое из сохранившихся описаний территории 1563 г.⁷ К началу XVIII в. деревня «На Рогачеве острове», «Рогачева» запустела и возродилась только к 1782 г.⁸

Алексей Ерофеев (Дорофеев) включен в деревенские списки второй ревизии 1748 г. с пометой «нпп» — «написанный в прежнюю перепись». В первой ревизской сказке 1720—1726 гг. отсутствует начало описания деревни Егловской, а в сохранившемся тексте Алексея нет. Особенность составления ревизии заключалась в том, что последовательность

⁶ Настоящая статья представляет собой переработанный и существенно дополненный вариант более ранней нашей публикации: Воробьева С. В., Пигин А. В. Заонежские помянники XVII—XIX вв. как источники по истории крестьянских семей // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 127—147. О коллекции помянников в НМ РК см. также: Коллекция рукописных и печатных книг... С. 21—25; Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV—XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост., ответственный редактор и автор предисловия А. В. Пигин. СПб., 2010. С. 280—290.

⁷ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 129.

⁸ Ее описания нет в документах первой и второй ревизий, а в списке четвертой ревизии 1782 г. она внесена с новыми жителями, пришедшими из разных деревень, как «дер. Рогачева, которая издревле выморочная», т. е. запустевшая по смерти жителей. См.: НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 76. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

перечисления крестьянских семей в них оставалась неизменной на протяжении десятилетий. Последними в ревизские списки, как правило, вносили людей, пришедших в поселение из других деревень, волостей, уездов. Поскольку Алексей Ерофеев попал в начало описания, можно утверждать, что он принадлежал к древнейшим семействам поселения, а не перешел из другой деревни.

В переписной книге 1707 г. в одном из крестьянских дворов значатся «Иван да Дорофей Петровы дети»⁹. Вероятно, с течением времени произошла замена отчества, и Андрей Дорофеев, владелец помянника, стал Андреем Ерофеевым. Подобные казусы очень часто встречаются в материалах крестьянского делопроизводства. Для доказательства принадлежности той или иной записи интересующей исследователя личности необходимо привлечение комплекса доказательств. В данном случае ни в ближайших деревнях Волкострова, ни в других поселениях кижской округи не найдено крестьян с похожим сочетанием имени и отчества. Потомки Андрея Дорофеева жили в деревне и в конце XIX в., получив фамилию Быковы¹⁰.

Второй владелец синодика — Федот Вачеев; скорее всего, именно он в деревенских списках конца XVII — начала XVIII в. значится как Федот Романов. Это единственный крестьянин с таким именем в деревне Еглово. Впервые он упомянут в 1678 г.¹¹, последний раз — в ревизии 1720—1726 гг.¹² Прозвище Вачеев, возможно, происходит от деревни Вачеев наволоок, которая до начала XVIII в. располагалась на Большом Клименецком острове в Сенногубском приходе. В 1646 г. в ней жила «вдова бобылка Марица Остафьевская жена с сыном с Сенкою»¹³. Вполне вероятно, что потомки Сенки Остафьева переселились в деревню

Еглово, сохранив название родового поселения в виде прозвища Вачеев¹⁴. Федот Романов был бездетен и умер до 1748 года — в списках ревизии этого времени его уже нет.

Евтифей Васильев упомянут в 1720—1726 гг. в дер. Ерофеевской Волкострова «при осмотре» (т. е. после проверки государственными органами правильности деревенских списков, поданных крестьянскими старостами)¹⁵. Евтифей умер в 1779 г., а к 1782 г. его сын Иван перешел на жительство в дер. Рогачевскую¹⁶, возродив ее после долгих лет запустения. Из текста помянника видно, что на новое место жительства перешел именно Евтифей Васильев, но после ревизии 1763 г. и в кадастре 1782 г. жителем деревни Рогачево записан только его сын. Умер Иван Евтифеев в 1827 г.¹⁷ Семья его продолжала жить на новом месте, получив в 1858 г. официальную фамилию Рогачевы¹⁸.

КГМ–1359/1. Помянник Максима Софронова, работника Клименецкого монастыря

Первая половина — середина XVIII в. (водяной знак: на л. 5 небольшой фрагмент — часть короны — знака «Герб города Амстердама»). Полуустав и скоропись. 12 л. 16° (9,2 × 7). Переплет: доски, обтянутые кожей с тиснением, одна застежка. Киноварь в заглавии. Л. 4 об. — 11 об. без текста.

Заглавие: «Сие поминание Климецкого монастыря работника Максима Софронова» (позднее дописано: «з братами Шпаневых ис Корбы») (л. 1). После поминания «прежде почивших века сего», «начальника святых обители сия Ионы¹⁹ схимника и сродников его»

⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 8579. Л. 63 об. (Переписная книга Оштинской половины Олонецкого уезда М. Л. Мордвинова, 1707 г. (далее — Книга переписная, 1707 г.))

¹⁰ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 61/574. Л. 40. (Ревизская сказка Кижского сельского общества, 1850 г.)

¹¹ «(в) Якушко, Ромашко, Ларка Семеновы. У Якушка сын Еуфимко двенадцати лет. У Ромашка сын Федко году». См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 1137. Л. 334. (Переписная книга Заонежских погостов Олонецкого уезда И. А. Аничкова, И. Н. Аничкова и подьячего И. Венякова, 1678 г. (далее — Книга переписная, 1678 г.))

¹² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2371. Л. 268. (Книга переписная дворцовых крестьян приписных к Олонецким заводам, 1720—1726 гг. (далее — Книга переписная, 1720—1726 гг.))

¹³ Там же. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 980. Л. 128 об. (Переписная книга Заонежских погостов И. П. Писемского, Л. Г. Сумина и подьячего Я. Еуфимьева, 1646 г. (далее — Книга переписная, 1646 г.))

¹⁴ Ср.: Вачуй, Вачуев. Как полагает И. А. Кюршунова, это календарные имена Василий или Иван, претерпевшие изменения под влиянием карельского языка. (См.: Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв. СПб., 2010. С. 85; см. также: Веселовский С. Б. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 64 («Вачуй Василий, крестьянин, 1495 г., Заонежье».)

¹⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2371. Л. 270. (Книга переписная, 1720—1726 гг.)

¹⁶ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 91. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

¹⁷ Там же. Д. 59/554. Л. 29 об. — 30. (Ревизская сказка Кижской трети, 1834 г.)

¹⁸ Там же. Д. 77/761. Л. 43 об. — 44. (Ревизская сказка Кижской волости Кижского мирского общества, 1858 г.)

¹⁹ Святой преподобный Иона Клименецкий (1466—1534) — уроженец Великого Новгорода, основатель Троицкого Клименецкого монастыря на Большом Клименецком острове Онежского озера. (См. о нем: Кожевникова Ю. Н., Пигин А. В. Иона Клименецкий // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 25. С. 424—426.)

следует перечень имен усопших. На л. 3 об. запись о преставлении Максима (вероятно, Максима Софронова): «...Максима, преставися апреля 11 дня 1753 году», далее еще несколько имен.

КГМ–1359/2. Помянник деревни Кузнецкой Петра Федотьева Шестакова

Конец XVII — XVIII в. (водяной знак: «Герб города Амстердама» 3-й разновидности. — *Дианова Т. В.* Филиграния XVII—XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998. С. 6. 1680—1723 гг.). Полуустав и скоропись. 45 л. 16° (9,7 × 7,6). Переплет: доски, обтянутые кожей с тиснением, одна застежка (сохранились только ее фрагменты). Киноварь в заглавии и инициалах. Заглавие заключено в круг желтого цвета. Л. 1 об., 2, 2 об., 3 об., 5 об., 16—45 без текста.

Заглавие: «Сие поминание деревни Кузнецкой Петра Федотьева сына прозвеще Шестакова» (л. 3). После общих поминаний («вселенских патриарх, православных царей и цариц и благодородных чад их...»; «прежде почивших» от Адама и Евы) следует перечень имен. Поздние записи относятся к 1773—1787 гг.

Запись: «Роды Ивана. Сие поминание с (?) Кузнецов Ивана Кирилова. Сие поминание (так!) древ (так!)» (л. 1); «Сие поминание деревни Кузцкой (так!) Петра Федотьева сына прозвеще Шестакова» (л. 45 об.).

Комментарии. Синодик принадлежал представителям одного из древнейших родов деревни Кузнецкой (Кузнецовской, Кузнецы; в настоящее время не существует), известного с 1582 г.: «дер. На Пяхтечевской Мандеры Кузнецовская: (в) Молчанко Степанов, (в) Ушачко Степанов»²⁰. В 1631 г. в одном из дворов деревни жил «Шестачко Ушаков, кузнец»²¹, шестой сын, судя по имени, Ушачки Степанова. Его дети Баженко Шестаков и Петрушка Шестаков фигурируют в деле о пашенных солдатах Олонецкой воеводской избы²², а в 1678 г. они впервые

упоминаются среди жителей деревни, но уже как Федоровы, по молитвенному имени отца²³.

Второй владелец помянника — внук Петра Федорова Иван Кирилов. Он родился около 1717 г.²⁴, а умер в 1769 г., не оставив потомков. Его жена умерла в 1776 г.²⁵ Последние записи помянника могут относиться к семье племянника Ивана Кирилова — Анисима Наумова; этот род прервался в 1843 г. со смертью его сына Матфея Анисимова²⁶.

КГМ–1359/3. Помянник крестьян Кижского погоста Кондянской волости

XVIII в. (водяной знак не поддается идентификации). Полуустав и скоропись. 16 л. 16° (7,8 × 6). Переплет: доски, обтянутые кожей с тиснением, одна застежка (сохранились только ее фрагменты). Л. 6 об.—16 об. без текста.

Заглавие: «Сие поминание Киско погоста Кондянской волости Ивана з братьею Яковлевых Стешовых», ниже дописано другим почерком: «Анкудина и Митрофана Тифантьевых и брата Козмы Арефьева» (л. 1 об.—2); далее перечень имен.

Запись: «71—30а» (красная краска, л. 1) (старый музейный шифр).

Комментарии. Владелец помянника Иван Яковлев имел четырех братьев, прозвище Стешовы (может быть, от имени Стеша — уменьшительная форма от имени Степан, Степанида²⁷) в настоящий момент не объясняется. Семья известна с 1563 г. Как самостоятельные дворохозяева братья Иван, Степан, Нифантей, Иван записаны в переписную книгу 1696 г. уже после смерти их отца Якова Федорова²⁸. Упомянутые в заглавии Анкудин и Митрофан Тифантьевы —

²⁰ История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. С. 148.

²¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 308. Л. 418. (Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины Н. Ф. Панина и подьячего С. Копылова, 1628—1631 гг. (далее — Книга писцовая, 1628—1631 гг.))

²² НА СПб ИИ РАН. Ф. 98 (Олонецкая воеводская изба). К. 3. Д. 8 б. Ст. 18. Документ предоставлен электронным архивом Исследовательской лаборатории локальной микроистории Карелии при историческом факультете ПетрГУ (руководитель И. А. Чернякова).

²³ «(в) Баженко, Петрушка Федоровы. У Баженка сын Васка. У Баженка ж внучата Евсюшко Дмитриев шти лет, Лучка Васильев шти ж лет. У Петрушки дети Ивашко, Пашко осми лет, Кирилка пяти лет». (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 1137. Л. 347. (Книга переписная, 1678 г.))

²⁴ «нпп Иван Кирилин 31 [год]». См.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2378. Л. 485 об. (Книга переписная государственных, чернососных крестьян, приписанных к Петровским заводам, Кижской, Великогубской, Корельской третей, 1748 г. (далее — Книга переписная, 1748 г.))

²⁵ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 172. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

²⁶ Там же. Д. 77/761. Л. 99. (Ревизская сказка Кижской волости Кижского мирского общества, 1858 г.)

²⁷ Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1980. С. 361.

²⁸ Коновалов И. Писцовые и переписные книги Заонежья XVII века. Материалы к истории Заонежья. Кондопога, 2004. С. 129.

племянники Ивана Яковлева, сыновья его брата Нифантия Яковлева. Козьма Арефьев — их двоюродный брат, внук Ивана Яковлева. Имена Федор и Яков (Иаков) — дед и отец первого владельца книжки — стоят одними из первых в списке помянника. Последние записи относятся к 1784—1787 гг. В ревизии 1795 г.²⁹ отмечены даты смерти членов этой семьи, занесенные в помянник последними. Всего в помяннике записано четыре поколения крестьян.

КГМ-1359/4. Помянник деревни Кузнецкой Григория и Кириллы Сидоровых

Конец XVII — XVIII в. (водяной знак: «Герб города Амстердама» 3-й разновидности. — *Дианова Т. В.* Филлиграния XVII—XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998. С. 6. 1680—1723 гг.). Полуустав и скоропись. 22 л. 16° (9,8 × 7,8). Переплет: бумага, обклеенная кожей, кожаный ремешок. Кинварь в заглавии. Л. I, 10 об.—21 об. без текста.

Заглавие: «Сие поминание деревни Кузнецкой Григорья Сидорова сына и брата его Кириллы Сидорова» (ниже приписано другим почерком: «и Никиты Кирилова») (л. 1); далее перечень имен.

Комментарии. Первое упоминание владельцев синодика в источниках относится к 1678 г.: «(в) Гришка Сидоров, у него сын Варфоломейко; (в) Кирилка Сидоров, у него сын Никитко осми лет»³⁰. Спустя тридцать лет оба брата умерли: «дворовое пустое место крестьянина Григория Сидорова, а он Григорий умре, и участком ево владеет крестьянин Егор Иванов; дворовое пустое место крестьянина Кирила Сидорова, а он Кирила умре, и участок ево впусе»³¹. Несмотря на запустение крестьянского хозяйства после смерти Кириллы Сидорова, в деревне остались его сын Никита и внук Андрей³². Единственный сын последнего Иван в 1771 г. был отдан в рекруты³³. После смерти в 1788 г. Андрея Никитина род прервался³⁴.

²⁹ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 10/69. Л. 69. (Ревизская сказка Кижской вотчины Сенногубской трети 5-й ревизии, 1795 г.)

³⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 1137. Л. 346 об. (Книга переписная, 1678 г.)

³¹ Там же. Д. 8579. Л. 71 об. (Книга переписная, 1707 г.)

³² Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2378. Л. 487. (Книга переписная, 1748 г.)

³³ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 177. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

³⁴ Там же. Д. 10/69. Л. 200. (Ревизская сказка Кижской вотчины Сенногубской трети 5-й ревизии, 1795 г.)

КГМ-1359/5. Помянник деревни Шляминных Василия Микитина

Вторая половина XVIII в. (водяные знаки не просматриваются). Скоропись. 14 л. 16° (8,4 × 6,5). Переплет: доски, обтянутые кожей, следы от двух застежек. Л. I, 9 об.—13 об. без текста.

Заглавие: «Сие поминание деревни Шляминных Василия Микитина» (л. 1); далее перечень имен.

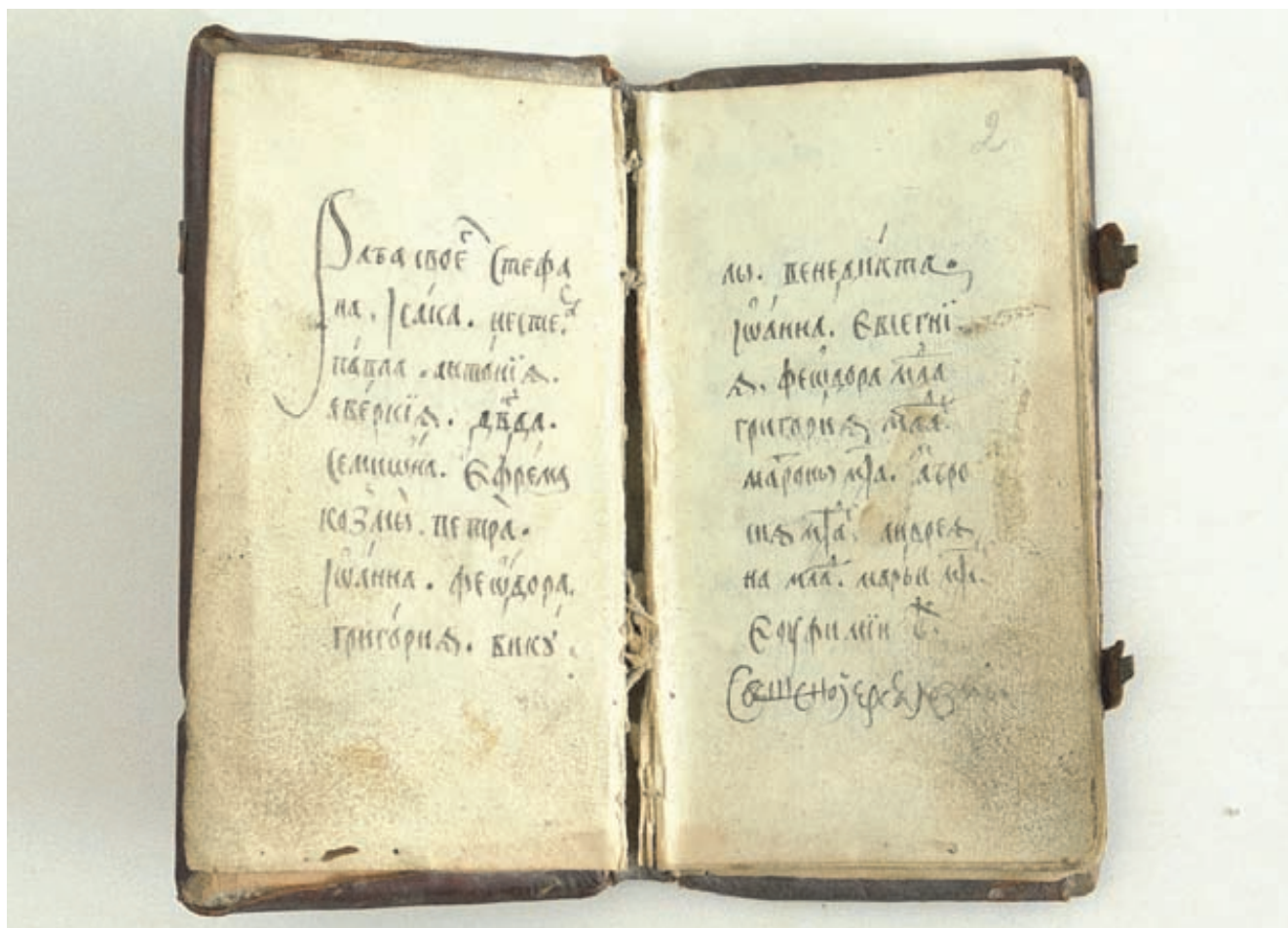
Комментарии. Василий Никитин, владелец этого помянника, родился около 1706 г., его род прослеживается с 1563 г. В начале списка имен стоят последовательно имена прапрадеда, прадеда, его брата, деда и других родственников по боковой линии, живших в конце XVII в. Завершают список имена сыновей владельца помянника Бориса и Карпа. Последние записи, скорее всего, относятся ко второй половине XVIII в. Предположительно в помяннике перечислены семь поколений одного рода.

КГМ-1359/6. Помянник деревни Егловской Константина и Герасима Васильевых

Середина XVIII в. (водяной знак: «Герб города Ярославля», тип № 3, литеры «ЯФЗ». — *Клепиков С. А.* Филлиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XVIII вв. М., 1959. С. 20. 1748—1751 гг.). Скоропись. 15 л. 16° (11 × 9). Переплет: кожа из двух кусков, скреплена с листами крупными стежками пеньковой веревочки. Л. 1, 4—15 об. без текста.

Заглавие: «Сие поминание деревни Егловской Константина Васильева з братом» (л. 1 об.); после общего поминания почивших «от Адама и до сего дня» следует перечень имен.

Комментарии. Помянник принадлежал Константину и Герасиму Васильевым, крестьянам деревни Егловской (Еглово). Исследование списков жителей всех деревень кижской округи XVII—XVIII вв. позволило воссоздать историю этой крестьянской семьи. Первые упоминания Константина и Герасима Васильевых относятся к 1696 г. В это время они жили в деревне «на Кижском острову Большой Двор Леоновская», которая впоследствии переселилась на материковую часть кижской округи и с середины XIX в. получила название Оятевщина (поселение существует и

НМ РК. КГМ-1359/7. Помянник крестьян Кижского погоста

сейчас). После смерти их отца Васки Сергеева малолетние дети остались жить с дедом: «(в) Сергушка Федоров, у него внучата Гараска да Костка Васильевы»³⁵. Судя по более поздним документам, Константин родился около 1694 г., а его брат Герасим около 1678 г. В 1707 г. двор их деда, умершего к этому времени, стоял «впусте»³⁶. Несмотря на это, Константин и Герасим продолжали жить в родовой деревне вплоть до 1748 года³⁷. По-видимому, после второй ревизии они и перебрались на новое место жительства в деревню Еглово — именно тогда и был составлен помянник.

Константин Васильев и его брат Герасим умерли в 1768 г., а их жены — в 1766 г. Из детей обоих братьев в документах упомянута только дочь Герасима Васильева, которая вернулась к родителям после смерти своего мужа³⁸.

В документах после 1795 г. никаких сведений о семье найти не удалось.

КГМ-1359/7. Помянник крестьян Кижского погоста

Конец XVII — XVIII в. (водяной знак: «Герб города Амстердама» 2-й разновидности. — Дианова Т. В. Филигранные XVII—XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998, наиболее близки № 122, 133. 1697—1712 гг.). Полуустав и скоропись. 31 л. 8° (12,8 × 7,5). Переплет: доски в коже с тиснением, две застёжки (кожа, металл). Заглавие на л. 1 об. и слова «Помяни, Господи, души раб Своих и рабынь» на л. 1 заключены в рамки, выполненные чернилами. Л. 11—31 без текста.

Содержит:

Л. 1 об. Заглавие: «Сие поминание Кижского погоста Леонтия Давыдова» (ниже приписано другим почерком: «Куроптева Семена»); после слов «Помяни, Господи, души раб Своих и рабынь» (л. 1) перечень имен.

Л. 5. «Род с Косельги Прохора Ермолина».

Л. 6. «Род с Косельги Матьфия Изотикова Палги».

³⁵ Коновалов И. Писцовые и переписные книги... С. 109.

³⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 8579. Л. 61. (Книга переписная, 1707 г.)

³⁷ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2378. Л. 453. (Книга переписная, 1748 г.)

³⁸ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 75 об. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

Л. 7. «Род с Косельги Артемия Кондратиева».

Л. 10. «Род деревни Кузнецкой Матфия Иванова Бубнева».

Записи: «Сие поминание Кижской трети деревни Корбы Семена Иванова Куроптева с детми» (л. I); «Сие поминание Кижского погоста деревни Корбовской Давыда Иванова с соседы общее» (л. 31 об.).

КГМ-1359/8. Помянник деревни Конды Артемия Кирилова с братом и дяди его Михея Бухрова

XVIII в. (водяной знак: «Герб города Амстердама». — *Дианова Т. В.* Филлиграния XVII—XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998. № 346, 347. 1730 г.). Полуустав и скоропись. 14 л. 16° (9,4 × 7,6). Переплет: доски в коже с тиснением, на верхней крышке переплета на металлическую шишечку закрепляется кожаная застежка. Киноварь в заглавных буквах. Л. 1 об., 6—14 об. без текста.

Заглавие: «Сие поминание деревни Конды жителя Артемья Кирилова з братом и дяди ево Михея Бухрова» (л. 1); далее перечень имен.

Комментарии. Владелец этого помянника Артемий Кирилов родился около 1697 г.³⁹, а умер в 1764 г. (ревизия 1782 г.)⁴⁰. Его брат Петр, который упоминается как совладелец помянника, родился около 1707 г. и умер до ревизии 1763 г., так как в более поздних документах он не упоминается. Имя Артемия Кирилова стоит последним в списке помянника, а перед ним записан Петр.

В настоящий момент удалось идентифицировать большую часть мужских имен последней части поминальных записей. Они принадлежат членам семейства, жившим в 1730-е гг., так как эти крестьяне упоминаются последний раз в ревизии 1721—1726 гг.

Первая часть документа по почерку отличается от второй. Имена крестьян, которые значатся в этом фрагменте, в настоящий момент несопоставимы ни с прямой, ни с боковыми ветвями семьи владельцев помянника. Следует отметить, что род Артемия и Петра Кириловых объединял в начале XVIII в. пять семейств, происхождение которых восходит

к общему предку Демешке Мокееву, упомянутому в писцовой книге 1582 г.

Можно предположить, что первая часть документа представляет собой перечисление имен семьи Михея Бухрова, совладельца помянника. Этого крестьянина среди ближайших родственников братьев Кириловых найти не удалось, возможно, он был дядей по материнской линии.

КГМ-1359/9. Помянник крестьян деревни Кузнецкой

Конец XVII — XVIII в. (водяные знаки не просматриваются). Полуустав и скоропись. 14 л. 16° (9,7 × 7,5). Переплет: кожа с тиснением, свернутая «в сумку», с ремешком на конце. Киноварь в заглавии. Л. 8 об. — 14 об. без текста.

Заглавие: «Сие поминание деревни Кузнецкой Ивана да Афонасья Дмитриевых детей» (ниже приписано другим почерком: «Ивана Афонасьева и Савы Иванова Ощириных») (л. 1), далее перечень имен. Перечень начинается с Ионы Клименецкого («начальника Ионы схимника») и имен монахов, вероятно, того же Клименецкого монастыря; упоминается «игумен Киприян»⁴¹.

Комментарии. Крестьяне из рода владельцев помянника впервые появляются в описании деревни в 1631 г. (Игнашко Стахийев, Завьялко Стахийев и Томилко Стахийев)⁴². В 1646 г. из деревенского списка они исчезают, но уже в следующем описании 1678 г. два двора в деревне принадлежат все тем же братьям Стахийевым — Ивашке Стахийеву сыну Корове и Дмитрию Стахийеву⁴³. Сыновья Дмитрия — Иван и Афонасий и являются первыми владельцами помянника. В поминание первым после имен священнослужителей занесен их дед — Стахий, за ним отец, имя которого исчезает из описаний семьи в 1696 г.⁴⁴ Четвертым идет имя их умершего брата Ивана (его сын Данила Иванов в 1696 г. жил вместе с дядями).

⁴¹ У П. М. Строева упоминается только один игумен Клименецкого монастыря с именем Киприан, управлявший монастырем в 1600—1609 гг., 1611 г. (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 999—1000.)

⁴² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 308. Л. 423. (Книга писцовая, 1628—1631 гг.)

⁴³ Там же. Д. 1137. Л. 346 об.—347. (Книга переписная, 1678 г.)

⁴⁴ Коновалов И. Писцовые и переписные книги... С. 110.

³⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2371. Л. 298 об. (Книга переписная, 1720—1726 гг.)

⁴⁰ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 260. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

Иван и Афонасий Дмитриевы умерли на рубеже XVII и XVIII вв., а помянник перешел во владение сыну одного из братьев — Ивану Афонасьеву с племянником Савой Ивановым. Имена в середине текста помянника идентифицировать не удалось. Последние записи датируются, видимо, концом XVIII в. Среди них имена владельцев — Иоанна и Савы. В списках дворохозяев деревни Кузнецы в середине XIX в. нет фамилии Ощирины, которая происходит от слова «ощера» — зубоскал, насмешник, брюзга, сердитый, задорный⁴⁵. Вполне вероятно, что семья либо перестала существовать, либо прозвище не закрепилось в качестве фамилии. Всего в помянник занесено пять поколений крестьян.

КГМ-1359/10. Помянник Клименецкого монастыря старца Еремея Сенникова

Вторая половина XVII — XVIII в. (водяной знак: голова шута с 5 бубенцами — Филиграни XVII века по рукописным источникам ГИМ. Каталог / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1988. № 351—407. 1660—1690-е гг.). Полуустав и скоропись. 12 л. 16° (9,8 × 8). Переплет: кожа, свернутая «в сумку», с ремешком на конце. Л. I, I об., 4 об. — 11 об. без текста.

Заглавие: «Сие поминание Климецкого монастыря старца Еремея Сенникова ис Кижь» (ниже приписано другим почерком: «и Ефима Кежевых») (л. 1), далее перечень имен. Перечень начинается с «началника святых обители сия схимонаха Ионы».

Запись: «71—43^б» (старый музейный шифр).

Комментарии. Последний владелец этого помянника Ефим Кежов родом из однодворной деревни на острове Кижь, которая в XVI — середине XIX в. называлась Одуевская, а позже получила название Кяжево. Его род прослеживается только с 1678 г., когда в деревне жил его дед Созонко Зуев⁴⁶. Именно с него начинается помянник. Вторая часть документа, которая отмечена сменой почерка, начинается с имени Елизара — отца последнего владельца помянника. Далее в записях перечисляются его дети и племянники. По-

НМ РК. КГМ-1359/10. Помянник Еремея Сенникова, старца Клименецкого монастыря

следними в списке помянника стоят имена владельца — Ефима и его сына Пимина, родившегося в 1748 г.⁴⁷ Среди записей не удалось найти имени Еремея Сенникова, но, несомненно, он принадлежал к этой же семье, поскольку в приписке к заглавию помянника стоит множественное число — «Кежевых».

КГМ-1359/11. Помянник деревни Усть-Яндомы Егора Никитина с детьми Сидоровых

XVIII в. (мелкие фрагменты водяного знака, не поддающиеся идентификации). Скоропись XVIII в. 8 л. 16° (9,5 × 7,5). Переплет: кожа, свернутая «в сумку», ремешок утрачен. Л. 1, 3—8 об. без текста.

Заглавие: «Сие поминание деревни Усть-Яндомы жителя Егора Никитина з детми Сидоровых»; далее перечень имен.

КГМ-1359/12. Помянник крестьян Кижского погоста

XVIII в. (водяной знак: литеры «IV» и часть короны, являющиеся, вероятно, фрагментами водяного знака «Герб города Амстердама»).

⁴⁵ См.: Веселовский С. Б. Ономастикон... С. 237; Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен... С. 405.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 1137. Л. 331 об. (Книга переписная, 1678 г.); Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен... С. 210.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2378. Л. 460. (Книга переписная, 1748 г.)

Полуустав и скоропись. 32 л. 16° (10 × 7,4). Переплет: доски в коже с тиснением, фрагменты двух застежек. Киноварь в заглавиях. На л. 1 об. выполненный чернилами рисунок: изображение в полный рост человека, держащего в руках какой-то предмет. Л. 3—6, 22 об.—25 об., 30 об.—31 об. без текста.

Содержит:

Л. 2. «Сие поминание Андрея и Аверкия детей (*так!*) Ивановых», далее перечень имен.

Л. 6 об. «Сие поминание деревни Козаревщине Трифона Никитина, Дмитрия Семенова с соседы всей деревни», на л. 7 это заглавие повторено, далее перечень имен. Имеются записи, относящиеся к 1729 и 1731 гг. (л. 20 об.).

Л. 26. «Сие поминание Никиты Борисова з Боярщины з детми, бывшего священника», далее перечень имен. Имеются записи, относящиеся к 1727 г. (л. 27), 1733 г. (л. 27 об.), 1762 г. (л. 29). Самые поздние записи, судя по почерку, относятся к началу XIX в. (л. 29 об.—30).

Л. 32. Поминание без заглавия, только перечень имен. Те же имена в той же последовательности приведены на л. 28.

КГМ–1359/13. Помянник крестьян деревни Конды

XVIII в. (мелкие фрагменты водяного знака, не поддающиеся идентификации). Полуустав и скоропись. 36 л. 16° (9 × 6,7). Переплет: доски, обтянутые кожей, фрагменты двух застежек. Слово «Помянити» (л. 2) написано киноварью с элементами вязи. Л. 1, 8 об.—36 об. без текста.

Заглавие: «Сие поминание деревни Конды Ермолы Агафанова з братаном Михайлою Реховым, Григория Лукина Ермолиных» (л. 1 об.); далее перечень имен.

Комментарии. Владелец помянника Ермола Агафонов родился около 1674 г.⁴⁸, умер до 1763 г., так как в ревизии 1782 г. о нем упоминания нет. Его семья прослеживается только с 1678 г.⁴⁹ В 1678 г. одним домом с его отцом жил брат матери Дмитриейко Никулин. У его сына Никулки Дмитриева в 1726 г. бездетный Ермола Агафонов обосновался «подворником»⁵⁰.

⁴⁸ Коновалов И. Писцовые и переписные книги... С. 128.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 1137. Л. 350. (Книга переписная, 1678 г.)

⁵⁰ Подворники, наряду с захребетниками и подсоседниками, — экономически зависимая от дворохозяина категория крестьянства. (См.: Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 73—76.)

Михайлу Рехова, «братана», т. е. двоюродного брата, совладельца помянника, определить не удалось. Упомянуты в документе и потомки Никулки Дмитриева — его братья и сын.

Последние записи относятся к семье Григория Лукина Ермолина (родился около 1771 г.⁵¹, умер в 1812 г.⁵²). Этот крестьянин происходил из многочисленного и древнего рода, история которого прослеживается с 1582 г. В его семье помянник, возможно, попал через жену одного из двоюродных братьев Григория, которая была внучкой Никулы Дмитриева. В записях, касающихся семьи Григория Лукина, перечислены его отец, двоюродные братья и дядя. Прозвище Ермолины, не получившее в дальнейшем статуса фамилии, происходит от имени его деда Ермолы Окатова. Последние записи помянника датируются самым концом XVIII в., так как даты смерти крестьян ограничены 1788—1795 гг.⁵³

КГМ–1359/14. Помянник крестьян деревни Леликовской

XVIII — начало XIX в. (мелкие фрагменты водяного знака (литер), не поддающиеся идентификации). Скоропись. 46 л. 16° (11,8 × 8,4). Переплет: кожа из двух кусков, сшитых нитками. Л. I, I об., 1 об., 5 об.—27 об., 29—45 об. без текста.

Содержит:

Л. 1. *Заглавие:* «Сие поминание деревни Леликовской крестьянина Петра Антонова з братом, да Понкрата Демидова з братом, да Ивана Тимофеева з братом общее», далее перечень имен. Некоторые записи датируются 1745 г. (л. 3 об.), 1759 г., 1774 г. (л. 4). Поздние записи, судя по почерку, относятся к началу XIX в.

Л. 28. «Роду Ивана Истомина», далее перечень имен.

КГМ–1359/15. Помянник крестьян деревни Конды

XVIII в. (водяной знак: лигатура «МК». — Клепиков С. А. Филиграния и штампы на бумаге

⁵¹ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 265. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

⁵² Там же. Оп. 19. Д. 10/94. Л. 50. (Ревизская сказка Сенногубской волости, 1816 г.)

⁵³ Там же. Оп. 18. Д. 10/69. Л. 47. (Ревизская сказка Кижской вотчины Сенногубской трети 5-й ревизии, 1795 г.)

русского и иностранного производства XVII—XVIII вв. М., 1959. № 338—351. 1740—1750-е гг.). Скоропись. 20 л. 16° (10,7 × 8). Переплет: кожа, свернутая «в сумку», с веревочкой на конце. Л. 1, 1 об., 10 об.—17, 18 об.—20 об. без текста.

Содержит:

Л. 2. «Сие поминание деревни Конды жителя Петра Зеновьева с племянником (*так!*)», далее перечень имен. Поздние записи датированы 1767 г. (л. 9 об.) и 1781 г. (л. 10).

Л. 17 об. «Род с Конды Трофима Сергиева», далее перечень имен.

Комментарии. Первый из владельцев помянника — Петр Зеновьев родился около 1696 г. и умер в 1768 г. (по ревизии 1782 г.)⁵⁴ или годом раньше, как отмечено в помяннике. В 1748 г.⁵⁵ он жил с племянником Анхимом (Анисимом) Алексеевым, который умер в 1781 г.⁵⁶ Последние записи поминания Петра Зеновьева относятся к 1780-м гг. Сын Анхима Елизар, согласно ревизии 1795 г., умер в 1788 г.⁵⁷

Владелец второй части помянника Трофим Сергеев родился около 1718 г.⁵⁸, а умер в 1778 г.⁵⁹

К 1770—1790 гг. относятся последние записи поминания Трофима Сергеева, последним упомянут его сын Александр, который умер перед ревизией 1811 г., поскольку в ревизской сказке 1816 г. сведений о нем нет.

Эти два семейства находились в довольно отдаленном родстве, но какая-то связь между ними существовала, поскольку обе части помянника, относящиеся к разным родам, заполнялись почти одновременно.

КГМ-1359/16. Помянник деревни Конды Данилы Иванова с детьми Петровых

XVIII в. (водяные знаки не просматриваются). Скоропись. 8 л. 16° (10,5 × 8,5). Переплет: кожа из трех кусков, свернутая «в сумку», с кожаным ремешком на конце. Л. 4—8 об. без текста.

⁵⁴ Там же. Д. 2/7. Л. 299. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

⁵⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2378. Л. 516. (Книга переписная, 1748 г.)

⁵⁶ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 299 об. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

⁵⁷ Там же. Д. 10/69. Л. 52. (Ревизская сказка Кижской вотчины Сенногубской трети 5-й ревизии, 1795 г.)

⁵⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2371. Л. 297 об. (Книга переписная, 1720—1726 гг.)

⁵⁹ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 301. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

Заглавие: «Сие поминание деревни Конды жителя Данилы Иванова з детьми Петровых», далее перечень имен. Поздние записи датированы 1760 г. (л. 3) и 1775 г. (л. 3 об.).

Комментарии. Данила Иванов родился около 1694 г. и умер, согласно помяннику, в 1760 г. Прозвище Петровы произошло от имени его деда Петра Григорьева. Его род ведет свое начало от Назарки Парфеева, занесенного в писцовую книгу 1582 г.⁶⁰ Вполне вероятно, что с его сына Максима, который значится в документах 1616 г.⁶¹, начинается поминание после перечисления лиц духовного звания. Помимо этого, записаны прадед Данилы Иванова, его дед Петр, а также, видимо, дед по материнской линии. Датированная 1760 годом запись относится к самому Даниле Иванову. В поминании отмечена дата смерти его сына Ивана — 1775 г., что подтверждается материалами ревизий. Одним из последних в помянник занесено имя внука Данилы Иванова — Андрона, который скончался, согласно ревизии 1782 г., в 1779 г.⁶² Вслед за ним поименован, видимо, тесть Ивана Данилова — Никита.

Примечательно, что имени отца, которое по логике составления документа должно стоять после имени деда, не обнаружено.

КГМ-1359/17. Помянник деревни Виждострова Егора Яковлева

Составная рукопись конца XVII—XVIII в. Полуустав и скоропись. 23 л. 8° (16 × 9,7). Без переплета. Л. 14 об.—23 без текста.

Первая рукопись: л. 1—11 об., конец XVII в. с более поздними приписками (водяной знак: голова шута с 7 бубенцами (небольшой фрагмент)). Полуустав и скоропись. Без заглавия, нач.: «Помяни, Господи, душа преставльших раб Своих...». Некоторые записи относятся к 7190 г. (1682 г.) и 7191 г. (1683 г.) (л. 11), 1735 г. (л. 9 об.). На л. 8—8 об. упоминается «архимандрит Ларион». Текст на л. 11 об. не читается.

Вторая рукопись: л. 12—23 об., первая половина — середина XVIII в. (водяной знак:

⁶⁰ История Карелии XVI—XVII вв. в документах. С. 158.

⁶¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 8554. Л. 190 об. (Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины П. Воейкова и дьяка И. Львовского, 1616—1619 гг. (далее — Книга писцовая, 1616—1619 гг.).)

⁶² НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 304. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

Pro Patria (небольшой фрагмент)). Скоропись. Начинается сразу с перечня имен (возможно, является продолжением предыдущего перечня или утрачено начало). Поздние записи относятся к 1747 г. (л. 13) и 1756 г. (л. 13 об.).

Перечни в обеих рукописях содержат большое число имен священноиереев и иноков.

Запись: «Сие поминание Козаренского десятка жителя деревни Вижострова Егора Яковлева, лета 1744 году, генъваря 10 дня» (л. 23 об.; тем же почерком, что и текст на л. 12—13).

Комментарии. Этот синодик представляет интерес в связи с историей духовенства Кижского погоста XVII — первой половины XVIII в.

Последним владельцем помянника был крестьянин деревни Вижостров (Клиново) Егор Яковлев (род. около 1707 г.⁶³ — ум. до 1763 г.⁶⁴). Его сын Степан Егоров в 1765 г. бежал из деревни⁶⁵, а по возвращении в 1795 г. был занесен в ревизскую сказку как Стефан Егорьев Клинов⁶⁶. Это прозвище — Клинов — позволяет связать владельца помянника с историей одного из священнических родов Кижского прихода. Прозвище Клинов носил в конце XVII в. дьячок кижских церквей, который жил вместе с другими представителями клира на погосте: «(в) дьячек Ивашко Семенов сын прозвище Клинов, у него сын Петрушка»⁶⁷. У кижских церквей в 1646 и 1678 гг. стоял и дом прадеда владельца синодика — Федки Андреева, один из сыновей которого состоял дьячком при церкви⁶⁸. В первой половине XVII в. в кижских церквях служил священником Никита Ондреев, вероятно, родной брат Федки Андреева.

⁶³ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2371. Л. 261 об. (Книга переписная, 1720—1726 гг.)

⁶⁴ Дата вычислена на основании того, что он был записан в ревизию 1748 г., но в материалах ревизии 1782 г. о нем нет никаких упоминаний.

⁶⁵ В ревизских списках одновременно с побегом Степана отмечен уход некоторых членов этого семейства в старообрядческое Выго-Лексинское общежительство. (См.: НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 26—27. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.).)

⁶⁶ Там же. Д. 10/69. Л. 32 об.—33. (Ревизская сказка Кижской вотчины Сенногубской трети 5-й ревизии, 1795 г.)

⁶⁷ Коновалов И. Писцовые и переписные книги... С. 108.

⁶⁸ «...да на погосте келья просвирни вдовы Матренки Никулиной дочери, да две кельи, в них живут нищие; (в) крестьянин Федка Андреев, у него дети Тимошка у церкви дьячком, Павелко. У Тимошки дети Юшко четырнадцати лет, Сенка шти лет. У Павелка сын Якушка семи лет» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 1137. Л. 330. (Книга переписная, 1678 г.)). В этой записи Павелко — дед, а Якушко — отец владельца помянника.

Родственные связи владельца синодика Егора Яковлева

Павел Федоров, дед владельца синодика, вместе с детьми и племянником Петром Ивановым перешел в деревню Вижостров с о. Кижки к 1707 г.⁶⁹ Петр Иванов был, скорее всего, сыном дьячка Ивана Семенова Клинова. Подтверждением этому служит бытование прозвища в семье владельца помянника в конце XVIII в. Возможно, переход Павла Федорова в деревню Вижостров был вызван пожаром, уничтожившим в конце XVII в. храмы на о. Кижки и, судя по всему, часть домов у погоста.

Новое место жительства было выбрано случайно. Деревня Вижостров «построилась вновь после писцов» только к 1678 г.⁷⁰ В первой половине XVII в. это была пустошь, земли которой пахали «наездом» (не владея ею) крестьяне «с погоста» Кирилко Игнатов сын Попов⁷¹ и прадед владельца помянника Федка Ондреев⁷². Близким родством священнослужителей кижских храмов и владельцев синодика можно объяснить особенности этого источника: в его тексте встречается много имен священноиереев и иноков.

В 1720-е гг. Иван Иванов, второй сын Ивана Семенова Клинова, с племянником Семеном Петровым были причислены из «церковного сословия» в крестьянство и поселились в деревне Окуловская (Наволоч)⁷³.

⁶⁹ РГАДА. Д. 8579. Л. 61 об. (Книга переписная, 1707 г.)

⁷⁰ Там же. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 1137. Л. 354 об. (Книга переписная, 1678 г.)

⁷¹ Там же. Д. 8554. Л. 170. (Книга писцовая, 1616—1619 гг.) Это брат еще одного священника Кижского погоста — Александра Игнатъева, который упоминается в писцовых книгах 1616 и 1631 гг.

⁷² Там же. Д. 308. Л. 489. (Книга писцовая, 1628—1631 гг.)

⁷³ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2371. Л. 258 об. (Книга переписная, 1720—1726 гг.)

Через двадцать лет Иван Иванов перешел на жительство в деревню Потаневскую, его род получил в XIX в. фамилию Дьяковы⁷⁴, а Семен Петров стал крестьянином деревни Вижостров. Его потомки сохранили древнее родовое прозвище, ставшее фамилией, Клиновы⁷⁵.

Потомки Егора Яковлева продолжали жить в деревне Клиново (Вижостров) до 30-х гг. XX в., получив фамилию Марковы от имени сына владельца синодика Маркела Егорьева⁷⁶. Последний представитель этого рода был репрессирован в 1937 г.

КГМ–1359/18. Помянник деревни Потаневской

XVIII в. (водяные знаки не просматриваются). Скоропись. 16 л. 16° (9,5 × 7,3). Переплет: доски, обтянутые кожей с тиснением, следы от двух застежек. Л. 12 об.—16 без текста.

Заглавие: «Сие поми[нание деревни] Потан[евской] [...] Макреев[...] Бутов[...] всей деревни. Клоповы» (л. 1; половина листа оторвана), далее перечень имен. Одна из поздних записей относится к 1782 г. (л. 11 об.).

Запись: «Поминание деревни Потаневской...» (далее неразборчиво).

Комментарии. В заглавии помянника, частично утраченном, заключены очень важные сведения. Последовательно упомянуты «Макреев», «Бутов», далее отметка «всей деревни». В 1563 г. в одном из двух дворов этого поселения жили вместе Ефимко Семенов Бут и Казаринко Петров⁷⁷. Начинается помянник с имени Семион, через одно стоит имя Еуфимий, вслед за ним Макарий. В 1646 г. в деревне только два двора, в которых живут, видимо, братья — Данилка Макарьев и Исачко Макарьев⁷⁸.

Предыдущие описания писцовых книг не позволяют установить родство между братьями Макарьевыми и первопоселенцами XVI в., но прозвище Бутов, занесенное в помянник в XVIII в., дает основание для предположения,

что крестьяне XVII в. являются их прямыми потомками. Родословная схема, составленная на это поселение, показывает, что все ее жители (шесть крестьянских дворов) в середине XVIII в. являлись потомками братьев Макарьевых. Перечисление имен в помяннике соответствует последовательности выбывания из налоговых документов представителей всех крестьянских семей этой деревни.

Особый интерес в этом документе представляет упоминание прозвища Клопов, которое впоследствии станет официальной фамилией одной из ветвей деревенского рода. В семью Петра Панкратова Клопова пришел в качестве зятя-примака знаменитый русский сказитель Трофим Григорьевич Рябинин. Панкрат Ильин, согласно помяннику, умер в 1782 г., а в ревизию занесен другой год смерти — 1781 г.⁷⁹ Последние записи помянника относятся к рубежу XVIII—XIX вв., поскольку в них упомянуты мать Петра Панкратовича Клопова, которая умерла после 1795 г., и его брат Калинник, скончавшийся между 1801 и 1809 гг.⁸⁰

КГМ–1359/19. Помянник деревни Насоновской

Вторая половина XVII — XIX в. (водяной знак: одноручный кувшин — типа: Филиграни XVII века по рукописным источникам ГИМ. Каталог / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1988. № 730—733. 1668—1691 гг.). Скоропись. 16 л. 16° (9,8 × 7,5). Переплет: кожа, свернутая «в сумку», с длинным ремешком. Л. 4—15 без текста.

Заглавие утрачено (оборван лист; сохранилось только первое слово — «Сие»), содержит перечень имен. Записи умерших, судя по почерку, относятся ко второй половине XVII в. (л. 1—3), XVIII в. (л. 3—3 об.), XIX в. (л. 3 об.).

Запись: «Сие поминание деревни Насоновской государственного крестьянина Никиты Михиева Воронина» (л. 13, скорописью XIX в.; тем же почерком одна из поздних записей на л. 3 об.).

⁷⁴ Там же. Д. 2378. Л. 479 об. (Книга переписная, 1748 г.)

⁷⁵ Там же. Л. 449 об. (Книга переписная, 1748 г.)

⁷⁶ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 26—27. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

⁷⁷ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 130; Кюршунуова И. А. Словарь некалендарных личных имен... С. 75.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 980. Л. 138. (Книга переписная, 1646 г.)

⁷⁹ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 10/69. Л. 43. (Ревизская сказка Кижской вотчины Сенногубской трети 5-й ревизии, 1795 г.)

⁸⁰ Там же. Ф. 25. Оп. 21. Д. 29/80. Л. 244; Д. 31/89, 6/л. (Исповедальные ведомости Кижского и Сенногубского приходов за 1801 и 1809 гг.)

Комментарии. Этот помянник представляет особый интерес для истории крестьянской семьи, ее внутреннего устройства и взаимоотношений ее членов. Род Никиты Михеева Воронина (род. около 1729 г.)⁸¹ берет свое начало от Ивашки Дмитриева, который в 1616 г. был одним из трех дворохозяев деревни⁸². Первым в помянник записан его сын Еустафей (Иванов)⁸³. Последний раз он отмечен в документах переписей в 1631 г.⁸⁴ Следом в поминание внесен Матфей, его сын, который указан только в переписи 1646 г.⁸⁵ По переписной книге 1678 г. в деревне жили семьи двух его братьев — Якушки Ефстафьева и Сенки Ефстафьева⁸⁶. Первый из них взял к себе племянников — детей умершего брата Матфейки и двух захребетников — малолетних Дмитрейку и Лучку Ивановых. В семье второго крестьянина жил «подсоседник» Никифорко Ферафонов с детьми. Как уже отмечалось выше, захребетники и подсоседники XVII в. — зависимые категории крестьянства, жившие на разных условиях во дворах крестьян. Хотя родство между этими людьми и их дворохозяевами в нашем случае не установлено, в поминание Никиты Воронина занесены имена как их самих, так и их потомков.

Завершают помянник имена крестьян, живших в конце XVIII в. Среди них представители все тех же семей. Имя владельца книжки Никиты Михеева Воронина предпоследнее в этом перечне. Фамилия Воронины в официальных документах не упоминается вплоть до середины XIX в. Таким образом, перед нами еще один пример деревенского прозвища, ставшего в дальнейшем фамилией.

КГМ-1359/20. Помянник деревни Иванцовской Никона Архипова Петуновых

Середина — вторая половина XVIII в. (водяной знак: «РФМ» в гербовом картуше под короной. — *Клепиков С. А.* Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XVIII вв. М., 1959. № 511,

⁸¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2378. Л. 463. (Книга переписная, 1748 г.)

⁸² Там же. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 8554. Л. 172. (Книга писцовая, 1616—1619 гг.)

⁸³ Остафей, Ефстафей, Евстафей, Еустафей — разные написания одного имени. См.: Петровский Н. А. Словарь... С. 105.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 308. Л. 397. (Книга писцовая, 1628—1631 гг.)

⁸⁵ Там же. Д. 980. Л. 129. (Книга переписная, 1646 г.)

⁸⁶ Там же. Д. 1137. Л. 334 об. (Книга переписная, 1678 г.)

512. 1750—1754 гг.). Скоропись. 16 л. 16° (9,8 × 8). Переплет: кожа, свернутая «в сумку» (ремешок утрачен). Л. 1 об., 4 об. — 16 без текста.

Заглавие: «Сие поминание деревни Волкострова Иванцовской Никона Архипова Петуновых з братом Тихоном» (л. 1), далее перечень имен. Последние записи датированы 1781 и 1782 гг. (л. 4).

Запись: «71—43а» (старый музейный шифр).

Комментарии. Владелец помянника Никон Архипов Петунов родился около 1679 г.⁸⁷ Семья прослеживается с 1678 г.⁸⁸ В это время она объединяла трех женатых братьев: Юшко (Юрий, Георгий), Федку и Анашку Ермолиных. Помянник начинается именем их отца — Ермолая. Перечисление имен в поминальной книжке соответствует последовательности исчезновения крестьян из описаний в переписных книгах и ревизских сказках. Последним записан Никита (умер в 1782 г.) — сын владельца помянника⁸⁹. Всего в помянник занесены представители четырех поколений крестьянской семьи.

КГМ-1359/21. Помянник деревни Оятевской

XVIII в. (водяной знак: «Герб города Амстердама». — *Дианова Т. В.* Филиграния XVII—XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998. 8-я разновидность. С. 8. 1698—1745 гг.). Полуустав и скоропись. 18 л. 16° (9,8 × 7,6). Переплет: доски, обтянутые кожей с тиснением; застежка в виде кожаного ремешка с петлей, на верхней крышке переплета штырек. Киноварь во фрагментах текста. Л. 1 об., 9—13 об., 17—18 без текста.

Содержит:

Л. 1. *Заглавие:* «Сие поминание деревни Оятевской Игнатя Юрьева з братией, Егорьева з братьей Гутковых» (ниже приписано другим почерком: «Гуткова») (л. 1). После общего поминания («вселенских патриархов», «православных царей» и др.) следует перечень имен. Отдельные записи датированы 1736—1787 гг.

Л. 14. *Заглавие:* «Сие поминание деревни Оятевщины Елуфима Яковлева», далее перечень имен. Отдельные записи датированы 1763—1783 гг.

Записи: л. 18 об. «Церковного старосты Ефима Як...», «Аще кто хочет много знати»;

⁸⁷ Коновалов И. Писцовые и переписные книги... С. 113.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 1137. Л. 334 об. (Книга переписная, 1678 г.)

⁸⁹ Там же. Д. 2378. Л. 466. (Книга переписная, 1748 г.)

внутренняя сторона нижней крышки переплета: «Церковного старосты Ефима Яковлева» (скорописью XVIII в.).

Комментарии. Первый владелец помянника Игнатий Юрьев родился около 1675 г. Его братья Иван и Павел были младше. Одним из первых в список поминания занесен их дед — Васка Микитин, который значится дворохо-зьяном в 1646 г.⁹⁰ Одним из последних, после имен братьев Егорьевых, записан сын одного из них — Тимофей Павлов, умерший, судя по помяннику, в 1779 г. В этой части упомянуто четыре поколения крестьянской семьи.

Второй владелец — Елуфим (Ефим) Яковлев. Никаких родственных связей между двумя владельцами помянника найти пока не удалось — обе эти семьи жили в деревне с 1678 г. Часть, которая посвящена родственникам Ефима Яковлева, начинается с имени его отца и практически заканчивается его именем с датой смерти 1783 г.

КГМ–1359/22. Помянник деревни Конды Исака Гаврилова с детьми Савельевых

XVIII в. (водяные знаки не просматриваются). Скоропись. 8 л. 16° (10,5 × 8,3). Переплет: кожа, свернутая «в сумку» с длинным ремешком. Л. 4—8 об. без текста.

Заглавие: «Сие поминание деревни Конды жителя Исака Гаврилова з детми Савельевых» (ниже приписано другим почерком: «Исаковых») (л. 1), далее перечень имен.

Комментарии. Исаак Гаврилов родился около 1718 г.⁹¹ В 1748 г. у него два сына (8 и 10 лет)⁹². В ревизии 1782 г.⁹³ упоминаний о нем нет. Это означает, что он умер перед ревизией 1763 г. (материалы этой ревизии не сохранились). Этот крестьянин был связан родственными узами с семьей Андриановых той же деревни Конда: у них был общий предок «Томилко он же Ортюшко (Артемий. — С. В.) Ондранов», занесенный в переписную книгу 1616 г.⁹⁴ В 1678 г. он уже не упоминается⁹⁵.

⁹⁰ Там же. Д. 980. Л. 127. (Книга переписная, 1646 г.)

⁹¹ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2371. Л. 298. (Книга переписная, 1720—1726 гг.)

⁹² Там же. Д. 2378. Л. 514 об. (Книга переписная, 1748 г.)

⁹³ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 310. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

⁹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 8554. Л. 190. (Книга писцовая, 1616—1619 гг.)

⁹⁵ Там же. Д. 1137. Л. 350. (Книга переписная, 1678 г.)

Данный помянник представляет собой список умерших из семей двух сыновей Артемия Андропова — Савелия Артемьева и Никифора Артемьева. Владелец помянника, Исаак Гаврилов, правнук младшего брата — Никифора Артемьева, а прозвище Савельевы произошло от имени старшего. Второе прозвище — Исаковы — происходит от самого Исака Гаврилова. В поминании его имя записано одним из последних. Его жена Евдокия Иванова, согласно сведениям ревизии 1782 г., умерла в 1775 г.⁹⁶ Ее имя и имена еще нескольких человек занесены в помянник другим почерком уже после записи о смерти Исака. Таким образом, помянник составлялся в течение 1730—1780 гг. Последовательность идентифицированных имен полностью соответствует последовательности их выбывания из описаний семей в документах конца XVII — начала XVIII в. Одним из первых, видимо, упомянут общий предок для двух семей — Артемей Андронов, живший в XVII в. Всего в помянник занесено четыре поколения крестьян. Прозвища Савельевы и Исаковы в дальнейшем не были закреплены как фамилии. Род Савелия Артемьева в XIX в. имел фамилию Андриановы, а род Исака Гаврилова к 1850 г. прекратил существование.

КГМ–1359/23. Помянник деревни Савинской Никифора Игнатьева и Александра Сидорова с братом Красных

XVIII в. (небольшой фрагмент водяного знака, не поддающийся идентификации). Полуустав и скоропись. 16 л. 16° (8,7 × 6,5). Переплет: кожа, свернутая «в сумку» (ремешок утрачен). Л. 1, 8—13 об., 15—16 об. без текста.

Заглавие: «[Сие по]минание [...]омъской [...] деревни Савинской. Род Никифора Игнатиева» (ниже приписано другим почерком: «и Александры Сидорова з братаном Красных») (л. 1 об.; оторван угол листа), далее перечень имен. На л. 14—14 об. продолжение помянника, но название местности написано неразборчиво.

КГМ–1359/24. Помянник Кижской трети деревни Леликово крестьянина Терентия Алексеева с братьями Распутиными

Конец XVII — XIX в. (водяной знак: «Герб города Амстердама» — Дианова Т. В. Филиграницы)

⁹⁶ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 311. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

XVII—XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998. 8-я или 9-я разновидность. С. 8 — конец XVII — первая половина XVIII в.). Скоропись. 30 л. 16° (9,5 × 7,5). Переплет: картон, обклеенный бумагой, верхняя крышка утрачена. Л. 1 об., 5 об.—30 об. без текста.

Заглавие: «Сие поминание Кижской трети деревни Леликова крестьянина Терентья Алексева з братьей Распутиных» (ниже приписано другим почерком: «Коржавиных») (л. 1), далее перечень имен. Одна из поздних записей датирована 1781 г. (л. 5). Последние записи (л. 5) по почерку датируются XIX в.

Комментарии. Терентий Алексеев (род. около 1731 г.) и его братья Моисей и Федот впервые занесены в ревизскую сказку 1748 г.⁹⁷ Прозвище Распутины впервые встречается в переписной книге 1696 г.⁹⁸ и принадлежит троюродному брату их прадеда, в семье которого какое-то время жил их дед. Впервые этот род упоминается в 1616 г.⁹⁹, когда в двух дворах деревни жили братья Первушка Иванов и бобыль Степанко Иванов. От имени сына Первушки — Роспутка¹⁰⁰, по всей видимости, и произошло прозвище этой ветви рода, которое на какое-то время стало общим для всех остальных. Перечисленные в помяннике имена принадлежат к обеим родственным семьям. Первая группа имен принадлежит крестьянам, скончавшимся в 80—90-е гг. XVII в. Второе прозвище — Коржавины — происходит от слова «коржава» — ржавчина, ржавое болото¹⁰¹ и определяет низкорослого, худощавого человека¹⁰². В помяннике перечислены пять поколений крестьян.

КГМ-1359/25. Помянник Кижского погоста деревни Кузнецовской крестьянина

⁹⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2378. Л. 531 об. (Книга переписная, 1748 г.)

⁹⁸ Коновалов И. Писцовые и переписные книги... С. 122.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 8554. Л. 177. (Книга писцовая, 1616—1619 гг.)

¹⁰⁰ Прозвище Роспутка (Распута) зафиксировано на многих территориях, от Обонежья до Сибири. Мотив именованья отражал морально-этические качества (развратный, своевольный, глупый и т. п.). Возможна также связь с апеллятивом «распута» (весенне-осенняя распутица, время дождей, грязи). Имя могло передавать время рождения ребенка и являться оберегом. (См.: Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен... С. 464.)

¹⁰¹ Веселовский С. Б. Ономастикон... С. 155.

¹⁰² См.: Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен... С. 248—249.

Федора Трифонова и Поликарпа Артемьева Логинова

Конец XVII—XVIII в. (водяной знак: «Герб города Амстердама», разновидность не определяется). Скоропись. 10 л. 16° (10,5 × 8). Переплет: картон. Л. 4 об. — 5 об., 9—10 об. без текста.

Содержит:

Л. 1. *Заглавие:* «Сие поминание Кижского погоста деревни Кузнецовской крестьянина Феодора Трифанова и Поликарпа Артемьева Логинова» (л. 1), далее перечень имен. Одна из записей датирована 1711 г. (л. 3 об.).

Л. 6. «Род Поликарпа Артемьева», далее перечень имен. Поздние записи по почерку датируются концом XVIII в. (л. 8 об.).

Запись: «Сие поминание...» (далее неразборчиво) (внешняя сторона верхней крышки переплета).

Комментарии. Первый владелец помянника, Федор Трифонов, впервые упомянут среди жителей деревни Кузнецовской в 1696 г.¹⁰³, а в последний раз — в списках 1707 г.¹⁰⁴ Его сын Петр записан в первой ревизии 1720—1726 гг.¹⁰⁵, но в более поздних документах сведений об этой семье не найдено.

Второй владелец, Поликарп Артемьев, родился в деревне Ерофеевская (Шуйно) на о. Волкостров (деревня сохранилась до наших дней) около 1676 г. в семье Артемия (Ортюшки) Логинова¹⁰⁶. В кадастровых документах деревень Кижской волости 1696 г. имя Поликарпа Артемьева не обнаружено, но в списке пустых дворов 1707 г. деревни Кузнецовской имеется запись: «двор и участок впусе крестьянина Поликарпа Артемьева, а он Поликарп скитаецца меж двор»¹⁰⁷. Судя по всему, в конце XVII в. Поликарп Артемьев перешел на жительство в новую деревню, возможно, в качестве зятя-примака, не внесенного в деревенские списки. Несмотря на полное запустение его хозяйства в самом начале XVIII в., к 1720—1726 гг. Поликарп Артемьев вновь стал полноправным хозяином. Вместе с ним в ревизию был записан

¹⁰³ Коновалов И. Писцовые и переписные книги... С. 119.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 8579. Л. 71 об. (Книга переписная, 1707 г.)

¹⁰⁵ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2371. Л. 282 об. (Книга переписная, 1720—1726 гг.)

¹⁰⁶ Там же. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 1137. Л. 335. (Книга переписная, 1678 г.)

¹⁰⁷ Там же. Оп. 2. Д. 8579. Л. 71 об. (Книга переписная, 1707 г.)

его сын Леонтий¹⁰⁸. Потомки Поликарпа Артемьева жили в деревне Кузнецовской (Кузнецы) до начала XX в., получив фамилию Полевы¹⁰⁹. В 1916 г. они владели мельницей¹¹⁰.

КГМ–1359/26. Помянник деревни Зубовых крестьян Ивана Родионова с зятем Аксеном Петровым

Вторая половина XVIII в. (между 1763 и 1770 гг.; водяные знаки не просматриваются). Скоропись. 10 л. 16° (10,8 × 8,2). Для «обложки» использованы листы (л. 1, 2, 9, 10) с письмом «иерею Мефодию Васильевичу» (письмо датировано 3.07.1762 г.; водяной знак на этих листах: Герб Сиверса. — *Клепиков С. А.* Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XVIII вв. М., 1959. № 85—87. 1754—1760 гг.). Л. 5 об.—9 без текста.

Заглавие: «Сие поминание деревни Зубовых крестьян Ивана Родионова с зятем Аксеном Петровым от Липовицы» (л. 3), далее перечень имен.

Запись: «От Зубовых Ивана Родионова с зятем Аксеном с гор» (л. 1).

Комментарии. Владельцы этого помянника жили в двух деревнях материковой части Кижской волости. Деревня Зубово (первое название — Рохино Менохово) — одно из самых древних поселений округи, включенное в писцовую книгу 1582 г.: «пустошь, что была деревня Рохина Менохова, а в ней пашни лесом поросло...»¹¹¹.

В 1616 г. деревню возродил Сенка Логинов, крестьянин соседней деревни Вехнаволок (Пустой берег)¹¹². До конца XVII в. в поселении жили только потомки основателя. Его сын в середине XVII в. в одной из челобитных крестьян Кижского погоста поименован с прозвищем Зубов — Федка Семенов Зубов¹¹³. Так образовалось второе название деревни — Зубово.

Владелец помянника Иван Родионов приходился правнуком Сенке Логинову. Первые

сведения об Иване Родионове относятся к 1696 г.: «(в) Ивашко Федоров, у него зять Родка Калинин, у Родки дети Ганка, *Ивашко*, Васка»¹¹⁴. Из записи видно, что отец Ивана Родионова Родка Калинин пришел в семью зятем-приемышем. Иван Родионов родился около 1684 г.¹¹⁵, а умер в 1770 г.¹¹⁶, следовательно, и помянник был составлен не позднее этой даты. Его сын Нифантий за участие в Кижском восстании приписных к Олонецким Петровским заводам крестьян был сослан в 1771 г. на поселение в Тобольскую губернию¹¹⁷.

Потомки Ивана Родионова жили в деревне еще в начале XX в.¹¹⁸, а во второй половине XIX в. владели единственной в то время на всю Кижскую волость мельницей¹¹⁹.

Второй владелец синодика, Аксен Петров, жил в деревне Липовицы, которую после ревизии 1763 г. основали «поселившиеся вновь перешедшие... из разных деревень государственные крестьяне»¹²⁰. Поскольку деревня Липовицы упоминается в заглавии помянника на л. 3, нижняя граница датировки источника может быть определена как 1763 г. Деревня была расположена в 12 км от берега Онежского озера, на возвышенности. Этим объясняется указание в записи на л. 1 помянника, что зять¹²¹ Ивана Родионова «с гор». Аксен Петров (род. около 1718 г. — ум. в 1787 г.) был родом из Яндомозерской деревни Есино¹²². После его смерти в деревне осталась только его вторая жена: дочери к этому времени уже все вышли замуж.

Иерей Мефодий Васильевич, письмо которому от 3 июля 1762 г. использовано в качестве обложки для этой рукописи, являлся одним из двух священников Кижского прихода,

¹¹⁴ Коновалов И. Писцовые и переписные книги... С. 111.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2378. Л. 458. (Книга переписная, 1748 г.)

¹¹⁶ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 64. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 22/208. Л. 99. — Сведения о крестьянских хозяйствах, характеристика урожайности земли Петрозаводского уезда, Великогубской волости (д. Ошевнево, Оятевщина), 1911 г.

¹¹⁹ НА РК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 18/19. Л. 62. (Страховая опись Олонецкой губернии Петрозаводского уезда Кижской волости, Яндомозерского Кижского общества, 1876 г.)

¹²⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 53. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

¹²¹ Аксен Петров был, по-видимому, женат на племяннице Ивана Родионова — Феоне Васильевой, умершей в 1768 г.

¹²² НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 53. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

¹⁰⁸ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2371. Л. 282. (Книга переписная, 1720—1726 гг.)

¹⁰⁹ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 77/761. Л. 101. (Ревизская сказка Кижской волости Кижского мирского общества, 1858 г.)

¹¹⁰ Там же. Ф. 27. Оп. 3. Д. 60/535. Л. 148. (Сведения о водяных и ветряных мельницах в Петрозаводском уезде, 1916 г. (далее — Сведения о мельницах, 1916 г.).)

¹¹¹ История Карелии XVI—XVII вв. в документах. С. 151.

¹¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 8554. Л. 171. (Книга писцовая, 1616—1619 гг.) В настоящее время в деревне стоит только один заброшенный дом.

¹¹³ Карелия в XVII веке. Сборник документов / Сост. Р. Б. Мюллер. Петрозаводск, 1946. С. 53.

которые были высланы за «неувещевание бунтующего народа» во время Кижского восстания 1769—1771 гг. в дальние погосты. Мефодий Васильев был сослан в Песчанский погост Пудожского уезда¹²³.

КГМ–1359/27. Помянник крестьян деревни Ерофеевский на Волкострове и деревни Морозовых

XVIII в. (1730—1740-е гг.; водяной знак: петух (небольшой фрагмент) — по альбомам не определен). Скоропись. 18 л. 16° (10,5 × 8,5). Без переплета. Л. 8—15, 17 об.—18 об. без текста.

Содержит:

Л. 3. *Заглавие*: «Сие поминание деревни Ерофеевской с Волкострова Исаия Григорьева Буркова з братьей и Панфила Петрова Логиновых и Ефрема Иванова Титовых з братьей», далее перечень имен. Одна из записей датирована 1731 г. (л. 6 об.).

Л. 15 об. *Заглавие*: «Сие поминание деревни Морозовых Семена Ефимова [с] соседом», далее перечень имен.

Запись: «Сие поминание деревни Ерофеевской на Волкострови жителя крестьянина Исаия Григорьева з братьей Буркова» (л. 1). На л. 1 об. и 2 — перечень имен и деревень, но не относящихся к помяннику.

Комментарии. Синодик принадлежал нескольким крестьянским семьям из деревни Ерофеевская (Шуйно) на о. Волкостров. Первые два владельца — Исаия (по некоторым документам Исак) Григорьев Бурков (около 1730 г. р.) и Панфил Петров Логинов (около 1704 г. р.) были троюродными братьями¹²⁴. Их общим предком являлся Федосейко Логинов. К этому роду принадлежал и один из владельцев помянника КГМ–1359/25 — Поликарп Артемьев Логинов. Его отец Артемий Логинов и Федосейко Логинов были родными братьями¹²⁵.

¹²³ См.: Пашков А. М. «Историческое сведение о приходе Кижском» — малоизвестный источник по истории православной культуры Кижского прихода конца XVIII — первой половины XIX века // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения — 2003»). Петрозаводск, 2003. С. 222.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2371. Л. 269, 270. (Книга переписная, 1720—1726 гг.; Д. 2378. Л. 464, 465. — Книга переписная, 1748 г.)

¹²⁵ Там же. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 1137. Л. 335. (Книга переписная, 1678 г.)

Третий владелец помянника, Ефрем Иванов Титов (около 1732 г. р.)¹²⁶, судя по отчеству жены (Парасковья Панфилова), приходился зятем Панфилу Петрову Логинову¹²⁷. Исаия Гаврилов Бурков умер в 1780 г., Ефрем Иванов Титов — в 1795 г.¹²⁸. Панфил Петров Логинов умер в 1803 г. в преклонном возрасте¹²⁹.

Потомки Панфила Петрова получили в середине XIX в. фамилию Судьины¹³⁰. Представители всех трех крестьянских родов (Судьинных, Титовых, Бурковых) до сих пор живут на Волкострове.

На о. Волкостров в дер. Бездюревская (Сергачева) в 1696 г. впервые упомянуты «Сенка да Ивашко Ефимовы дети Морозовы, у Сенки сын Ларка»¹³¹. Прозвище Морозовы происходит от некрестильного древнерусского имени Мороско. Бобыль¹³² Мороско Федосеев жил в дер. Михайловская Сенногубской волости в 1678 г.¹³³ Сын Мороски Федосеева Ефим Морозов в 1707 г. продолжал крестьянствовать на Сенной Губе¹³⁴. Судя по отчеству Ефимовы и прозвищу Морозовы, крестьяне, которые появились в 1696 г. на Волкострове, — это дети Ефима Морозова. Семен Ефимов Морозов, упомянутый в заглавии помянника на л. 15 об., родился около 1665 г., а умер до 1748 г. Последний раз он был занесен в ревизию 1720—1726 гг.¹³⁵ Иван Ефимов Морозов исчез из кадастровых списков после 1696 г.

Деревня Морозова находилась на острове Киж и первоначально называлась Карповская. В 1834 г. один из потомков Семена

¹²⁶ Фамилия произошла от имени предка — Тита Ильина. (См.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2371. Л. 270. (Книга переписная, 1720—1726 гг.).)

¹²⁷ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 88. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

¹²⁸ Там же. Л. 99—100.

¹²⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 18. Д. 23/227. Л. 59. (Ревизская сказка Кижской вотчины, 1811 г.)

¹³⁰ Там же. Д. 77/761. Л. 51 об. (Ревизская сказка Кижской волости Кижского мирского общества, 1858 г.)

¹³¹ Коновалов И. Писцовые и переписные книги... С. 113.

¹³² Бобыли были категорией крестьян, которые облагались пониженными податями. Существовали пашенные и непашенные бобыли. Последние занимались ремеслами, промыслами, торговлей или нанимались на различные работы. См.: Карелия в XVII веке. С. 390.

¹³³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 1137. Л. 346. (Книга переписная, 1678 г.)

¹³⁴ Там же. Д. 8579. Л. 74. (Книга переписная, 1707 г.)

¹³⁵ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2371. Л. 271. (Книга переписная, 1720—1726 гг.)

Ефимова переехал в это поселение¹³⁶ — с этого времени оно получило официальное название — Морозова.

Какая из деревень упоминается в синодике, сказать трудно. Может быть, в обычной крестьянской практике деревня Бездюревская прежде, чем получить в XIX в. название Сергачева, какое-то время называлась Морозова. Потомки Семена Ефимова Морозова жили на о. Кижы еще в начале XX в. В XIX в. эта семья делала крупные вклады в казну Преображенской церкви.

КГМ-1359/28. Помянник крестьян деревни Петуновых

XVIII в. (водяные знаки не просматриваются). Скоропись. 15 л. 32° (8 × 5). Переплет: доски, обтянутые кожей с тиснением, следы от застежки. Л. 1, 6—15 об. без текста.

Заглавие: «Сие поминание деревни Петуновых Алексея Кириллина», ниже дописано другим почерком: «...Шляминых, зятя его Елустафья Федорова» (л. 1 об.; часть листа оторвана), далее перечень имен. Одна из записей датирована 1742 г. (л. 3).

Комментарии. Помянник представляет особый интерес, поскольку связан с историей семьи Ильи Елустафьева (около 1753—1828 гг.), одного из самых известных сказителей Кижской волости¹³⁷. Его отец Ефстафей Федоров был женат на Фионе (Фекле) Алексеевой. Согласно заглавию, помянник первоначально принадлежал крестьянину деревни Иванцовской (Феньково) на о. Волкостров Алексею Кириллину (отцу Фионы), а позже перешел к его зятю Елустафию Федорову. Род Алексея Кириллина прослеживается с 1563 г., т. е. с момента первых описаний деревень округи. Несмотря на древность происхождения семьи, поминание начато только с деда владельца, затем записан отец, а далее следуют имена, которые идентифицировать пока не удалось.

Вторая часть помянника написана другим почерком и представляет родственные

связи Елустафея Федорова. Первыми занесены в список имена Козьма и Максим. Эти крестьяне происходят из деревенского рода, внесенного в первую писцовую книгу 1563 г., в то время как семья Елустафея Федорова прослеживается только с 1678 г. Сын Максима Козьмина в конце XVIII в. был записан в подсоседники к Илье Елустафьеву.

Несмотря на то что Ефстафей Федоров после смерти отца какое-то время жил в семье своего дяди, в помянник не занесено ни одного имени его предков по прямой линии. После имен Козьмы и Максима следуют записи, касающиеся только самого Ефстафея (умер в 1784 г.), его умерших детей и жены (умерла в 1786 г.)¹³⁸.

КГМ-1359/29. Помянник деревни Кургиницы Кижского погоста Ивана Васильева Дектерева

Конец XVII — XVIII в. (водяной знак: «Герб города Амстердама». — Дианова Т. В. Филиграния XVII—XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998. 3-я разновидность. С. 6. — 1680—1723 гг.). Полуустав и скоропись. 26 л. 32° (7,5 × 4,8). Без переплета. Киноварь в заглавных буквах. Л. 12—24, 25 об. без текста.

Заглавие: «Сие поминание Кижского погоста деревни Кургиницы Ивана Васильева Дектерева» (л. 1 об.), далее перечень имен. Отдельные записи датированы 1698 г. (л. 6), 1760 г. (л. 10), 1773 г. (л. 10 об.).

Записи: «Сие поминание деревни Кургиницкой жителя Ивана Васильева Дектерева» (ниже приписано другим почерком: «Дектер[ев]») (л. 1), «Марта. Марта 2 дня Кижской трети деревни» (л. 24 об.), «...Дектерева» (л. 25), «Сенногубской волости» (л. 26), «71—30 г» (л. 26 об.) (старый музейный шифр).

Комментарии. Род владельца этого помянника берет свое начало от Филипки Федорова Курлова, единственного жителя деревни в 1563 г. Согласно описанию 1582 г., в четырех из шести деревенских дворов живут его дети. В XVII в. уже пять семей деревни составляли этот род, находясь между собой в пятой степени родства. Судя по порядку перечисления имен и обширности списка, в этот помянник занесены не только предки по прямой

¹³⁶ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 59/554. Л. 38. (Ревизская сказка Кижской трети, 1834 г.)

¹³⁷ Об истории рода Ильи Елустафьева см.: Набокова И. И. История рода былинного сказителя Ильи Елустафьева // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. № 5. С. 35—41; Воробьева С. В. Родословия... С. 45—50.

¹³⁸ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 10/69. Л. 40. (Ревизская сказка Кижской вотчины Сенногубской трети 5-й ревизии, 1795 г.)

линии, но и другие родственники. Установить, от какого конкретно человека начинается запись в книжку, не удалось. Владельческая подпись определяет принадлежность помянника крестьянам Дегтяревым. Эта фамилия как официальная существует только в XIX в., а в 1696 г. братья Никоновы — предки владельца помянника, имели прозвище «дети Шелепины»¹³⁹. В XVIII в. в ревизских сказках, в метрических книгах и в других документах ни одно из этих прозвищ не встречается. В последних записях помянника упоминается, скорее всего, сам Иван Васильев (умер в 1772 г.)¹⁴⁰, а также его сыновья Прокопий и Прохор, умершие во второй половине XVIII в.

КГМ-1359/30. Помянник деревни Горки Гаврилы Алексеева и деревни Глуховой Горы Алексея Никифорова Губина

XVIII в. (водяные знаки не просматриваются). Полуустав и скоропись. 10 л. 32° (7 × 4,5). Переплет: доски, обтянутые кожей с тиснением, фрагмент одной застежки. Л. 2 об., 5 об., 6 об. — 10 об. без текста.

Заглавие: «Сие помин[ание] з Горки Гаврилы Алексеева и Глуховой Горы Алексея Никифорова Губина, оставшей от жены ево Евдокии Алексеевой <нрзб.> и сродников» (л. 2), на л. 1, 1 об., 3—5, 6 перечень имен.

ГПНТЬ СО РАН

Собрание Тихомирова, № 227. Помянник кижского священника Ивана Романова и посадского Василия Григорьева Горбачева

XVIII в. (водяной знак: «Pro Patria»). Скоропись. 16 л. 16°. Переплет: доски в коже. Первый и два последних листа без текста. На передней корке ярлык с надписью: «Горбачевых».

Заглавие: «Сие поминание Кижского погоста Кижской трети Северного коньца приходу попа Ивана Романова, посацъкого человека Василя Григорьева прозванием Горбачева» (1—1 об.)¹⁴¹.

¹³⁹ Шелеп — кнут, плетъ, нагайка (см.: Веселовский С. Б. Ономастикон... С. 364). Ср. также с «шелепень» — что-нибудь большое, значительно больше обычного по размеру (см.: Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен... С. 609). Возможно, так называли высокого, худого человека.

¹⁴⁰ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 110. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

¹⁴¹ К сожалению, с этой рукописью de visu ознакомиться не удалось; информация о ней ограничивается сведениями в каталоге М. Н. Тихомирова. (Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. С. 73.)

Комментарии. Этот помянник принадлежал двум жителям Кижской волости деревни Перевесья (Посад)¹⁴², расположенной на Большом Клименецком острове в непосредственной близости от о. Кижы, — священнику Кижского прихода Ивану Романову и посадскому Василию Григорьеву.

В переписных книгах 1696 и 1707 гг. среди членов церковного клира кижских храмов упомянут «поп Роман Иванов»¹⁴³, отец владельца помянника. В XVII — начале XVIII в. в церковной практике еще существовал обычай наследования должности от отца к сыну при условии согласия крестьян-прихожан. Так, например, священника Никиту Андреева, служившего в Кижском приходе с 1616 по 1646 г.¹⁴⁴, сменили его дети¹⁴⁵; после попа Александра Иванова¹⁴⁶ продолжили службу его сын Козьма Александров¹⁴⁷, а затем и внук Матфей Козмин¹⁴⁸. Иван Романов тоже стал служить в Кижском приходе после своего отца.

Оба владельца помянника, поп Иван Романов и посадский Василий Григорьев, упомянуты в документах первой ревизии 1721—1724 гг. В переписную книгу посадских людей и бобылей г. Олонца, Кижской трети, Великогубской трети 1720—1726 гг. в 1721 г. в деревне Перевесья записан «по доношению», т. е. после дополнительного опроса, посадский Василий Григорьев 27 лет, а в 1724 г. также «по доношению» внесен «из церковных причетников которой по желанию подписались в посад... попа Ивана Романова брат Иван Романов 26 лет»¹⁴⁹. Несмотря на недоступность материалов первой ревизии по церковному словословию, из документа следует, что Иван Романов и его брат Иван вместе служили в Кижском приходе в первой четверти XVIII в., пока одному из

¹⁴² На протяжении XVIII—XX вв. поселение было небольшим (2—3 дома).

¹⁴³ См.: Коновалов И. Писцовые и переписные книги... С. 108; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 8579. Л. 58. (Книга переписная, 1707 г.)

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 8554. Л. 164. (Книга писцовая, 1616—1619 гг.); Там же. Д. 980. Л. 125. (Книга переписная, 1646 г.) В 1646 г. вместе с Никитой Андреевым служил его брат Александр Андреев.

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 1137. Л. 330. (Книга переписная, 1678 г.)

¹⁴⁶ Там же. Д. 980. Л. 125. (Книга переписная, 1646 г.)

¹⁴⁷ Там же. Д. 1137. Л. 330. (Книга переписная, 1678 г.)

¹⁴⁸ Там же. Д. 8579. Л. 58. (Книга переписная, 1707 г.)

¹⁴⁹ Там же. Ф. 350. Оп. 2, ч. 2. Д. 2368. Л. 140—140 об. (Книга переписная посадских людей и бобылей г. Олонца... Кижской трети, Великогубской трети, 1726 г.)

них не пришлось записаться в посадские¹⁵⁰. Время их службы, таким образом, приходится на период возведения на о. Кижь Преображенского храма.

Судьба священника Кижского прихода Ивана Романова после 1726 г. неизвестна. В ревизских сказках священнослужителей конца XVIII в. он не упоминается. Больше сведений удалось найти о семье его брата. Посадский Иван Романов умер в 1761 г. Один из его сыновей — Тимофей к 1763 г. переписался в Великогубскую волость. Второй сын — Иван был отдан в рекруты, а дочь Матрена выдана за солдата лейбгвардии Семеновского полка¹⁵¹.

К этому времени Василий Григорьев перешел из посадской деревни Перевесье в посадскую деревню Яковлевская (Середка)¹⁵², расположенную на Большом Клименецком острове, в километре от деревни Перевесье (в настоящее время не существует).

Одним из сыновей Василия Григорьева Горбачева был Семен. Этот человек упоминается в 1778 г. в протоколе выборов бургомистра для петрозаводского магистрата как «Семен Васильев сын Горбачев»¹⁵³. Надо отметить, что в материалах ревизий прозвище Горбачев, занесенное в помянник, не встречается. Фамилия Горбачев появилась только в середине XIX в. у правнука Василия Григорьева от сына Семена¹⁵⁴.

В ревизии 1795 г. при описании семьи Василия Григорьева содержится помета: «умершего мещанина Василия Григорьева жена вдова...». Такая формулировка говорит, что его смерть была отмечена в ревизии 1782 г. Следовательно, Василий Григорьев умер до этой даты. Ревизские сказки жителей города Петрозаводска 1795 г. отметили значительные изменения в семье владельца синодика. В 1789 г. умерла его жена, в 1791 г. скончался уже упомянутый

Семен Васильев. В 1787 г. его братья Иван и Никифор вместе с семьями были возвращены «во крестьянство» деревни Яковлевская. И только третий сын — Нефед в 1795 г. был «переведен в Санкт-Петербургский портной цех»¹⁵⁵.

Потомки Василия Григорьева Горбачева жили в деревне Середка (Яковлевская) Кижской волости до начала XX в. Они владели мелочной лавкой и мельницей и принадлежали к числу богатых крестьян¹⁵⁶.

Собрание Тихомирова, № 229. Помянник крестьян деревень Корбы и Прохновской (Сычи)

Конец XVII — XVIII в. (водяные знаки не просматриваются). Скоропись. 27 л. 16°. Переплет: доски в коже с тиснением; две застёжки. На л. 2 слова «Помяни, Господи, души» написаны кинноварью с элементами вязи. Л. 6 об. — 10 об., 12—12 об., 17—26 об. без текста. На л. 1 фрагмент экслибриса М. Н. Тихомирова.

Содержит:

Л. 1 об. «Сие поминание Григория Михайлова ис Корбы з братьей Романомъ», ниже «и Дмитрия Петрова особно»; после слов «Помяни, Господи, души усопшихъ рабъ Своихъ и рабынь» (л. 2) перечень имен.

Л. 11—11 об. «Род Дмитрея Петрова от Сычевъ»; после слов «Помяни, Господи, раба Своево...» перечень имен.

Л. 13—16 об. «Род Ивана Стахиева Колызка з братомъ»; после слов «Помяни, Господи, души рабов Своихъ» перечень имен; заканчивается датой «1784» (л. 16 об.).

Л. 27. «Сие поминание деревни Прохновской (так!) Петра Федорова <нрзб.>лызаева»;

Записи: «Помяни, Господи, души. Сия поминание от Агия Михайлова деревни Корбы. Сие поминание Кижского погоста Кижской трети деревни Прохновской» (задняя сторона верхней крышки переплета); «И в сем поминании род Ивана Стахиева з братом Колызка особой род» (л. 1); только начало записи «Сие помина...» (л. 27 об.); «Сие поминание Кижского

¹⁵⁰ Переход лиц духовного звания в податное сословие связан с церковной реформой Петра I. Законом 1718 г. были определены новые штаты для причта, размер которых зависел от количества дворов в приходе. Весь избыточный состав духовенства переписывался в податные сословия «во крестьянство» или в городские жители на посад.

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2, ч. 2. Д. 2388. Л. 501. (Сказки о посадских людях (купцах) г. Олонца, Кижского погоста, 1763 г.)

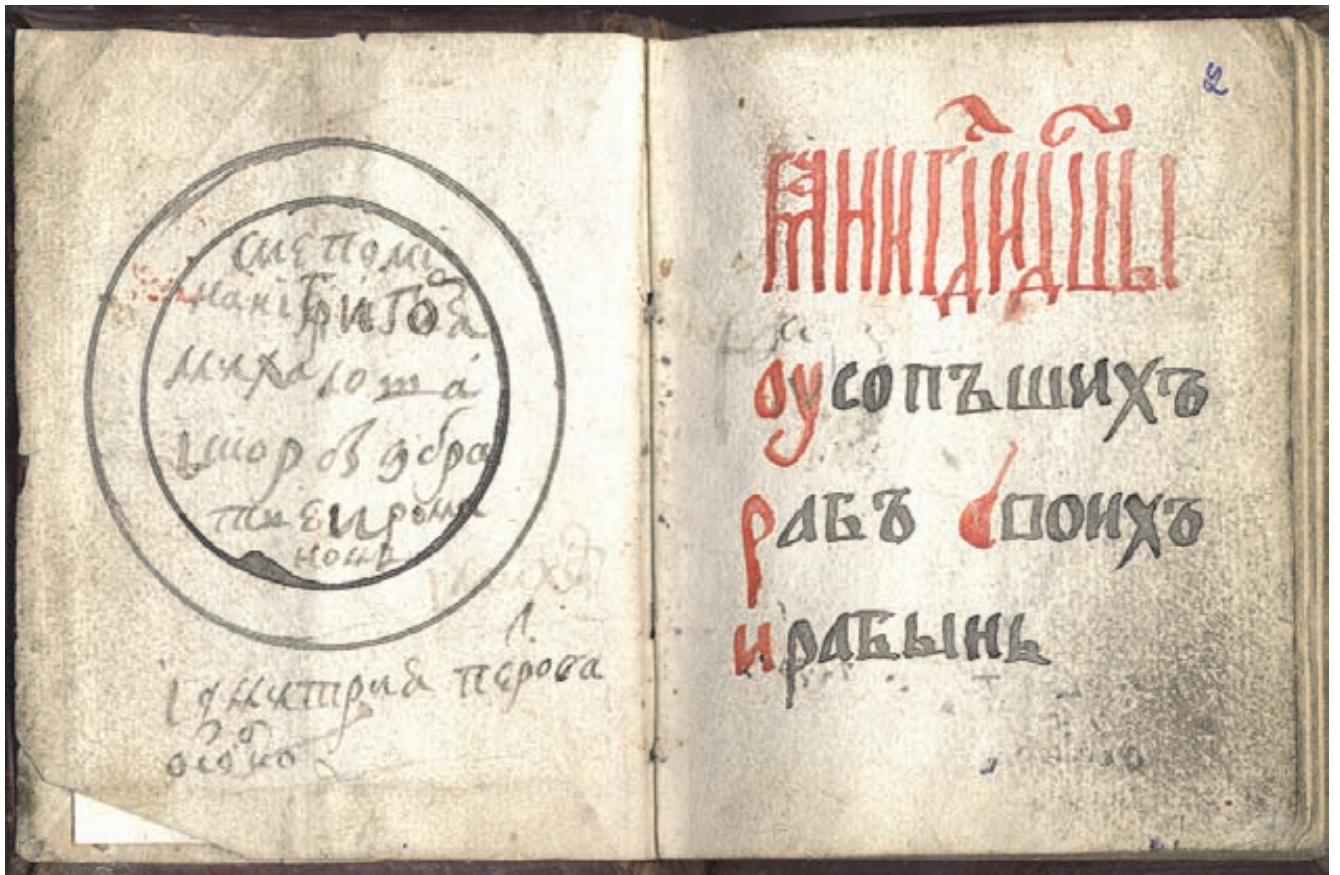
¹⁵² Там же. Л. 499 об.

¹⁵³ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. В трех книгах / Сост. Д. З. Генделев. Петрозаводск, 2001. Кн. 1: 1703—1802. С. 69.

¹⁵⁴ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 76/763. Л. 160. (Ревизская сказка Кижской волости, 1858 г.)

¹⁵⁵ Там же. Д. 10/64. Л. 145—145 об. (Ревизские сказки г. Петрозаводска, 1795 г.)

¹⁵⁶ Там же. Ф. 27. Оп. 3. Д. 16/160. Л. 173. (Сведения о крестьянских хозяйствах, характеристика урожайности земли Петрозаводского уезда, Великогубской волости (дер. Волкострова, дер. Середка, Бишево, Морозово), 1911 г.); Там же. Д. 60/535. Л. 130. (Сведения о мельницах, 1916 г.)

ГПНТБ СО РАН. Собрание М. Н. Тихомирова, № 229. Помянник крестьян деревень Корба и Прохновская (Сычи)

погоста Кижской трети деревни Прохновской жителя Дмитрея Петрова прозванием Тетыншина (?)» (оборот нижней крышки переплета).

Комментарии. В заглавиях и записях помянника встречаются имена нескольких крестьян: Агий (Агей) Михайлов и Григорий Михайлов из деревни Корба, Иван Стахив Колызка с братом, Петр Федоров, Дмитрий Петров (прозванием Тетыншина) из деревни Прохновская (Сычи). Название Сычи произошло от прозвища крестьянина Васюка Ефимова Сычева, жившего здесь во второй половине XVI в.¹⁵⁷

Имена Агея и Григория Михайловых удалось обнаружить в переписной книге 1678 г. по деревне Анисимовская (Корба): «...во дворе (в) Васка, Оска Ивановы, у них же захребетники Агафонка, *Агейка*, Филка, *Гришка* десяти лет Михайловы»¹⁵⁸. Позднее, в конце XVII в., братья Михайловы стали самостоятельными хозяевами, но всего лишь бобылями¹⁵⁹. Видимо, Агей Михайлов к началу XVIII в. умер,

так как в документах этого времени он не упомянут. Следовательно, начало составление помянника относится к концу XVII в. или рубежу XVII—XVIII вв. Слово «Григория» на л. 1 об. написано поверх другого слова, которое предположительно прочитывается как «Агея» (или «Агия»): от одного брата синодик перешел к другому.

Братья Агея — Филипп и Григорий Михайловы в первое ревизское описание были записаны не в 1721 г., а позднее, в 1726 г. — «при осмотре», т. е. после проверки государственными органами правильности деревенских списков, поданных крестьянскими старостами. Согласно материалам переписи, у Григория Михайлова к этому времени родился сын Роман¹⁶⁰. В помяннике на л. 1 об. этим именем назван брат владельца. В текстах переписных книг и ревизских сказок деревни Анисимовская (Корба) нет других крестьян с этим именем. Однако предполагать ошибку в собственноручной записи крестьян об их родственниках вряд ли правомерно. По-видимому, у Агея и Григория был еще один брат,

¹⁵⁷ См.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 132.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 1137. Л. 349. (Книга переписная, 1678 г.)

¹⁵⁹ См.: Коновалов И. Писцовые и переписные книги... С. 118.

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2371. Л. 302. (Книга переписная, 1720—1726 гг.)

который по неизвестным причинам не попал в деревенские описания конца XVII в.¹⁶¹

В помянник занесены крестьянские роды разных деревень. Можно предположить, что их связывали семейно-родственные узы: кровное, крестное родство или родство по свойству. Последнее охватывало круг семей, породнившихся после заключения брака. До 1763 г. в налоговые документы женщины не вносились, исключая случаи, когда во главе семьи стояла вдова. К сожалению, в архивах до сих пор не найдены материалы ревизии 1763 г. В связи с особенностью документальной базы можно только гипотетически восстановить причины объединения в одном помяннике нескольких, внешне не связанных между собой, крестьянских семей.

Дмитрий Петров из деревни Прохновская (Сычи), род которого выделен в помяннике «особно», занесен только в дополнительные списки первой ревизии. Восстановление родословной показало, что он принадлежал к древнейшему деревенскому роду, ведущему свое начало от Васюка Сычева. От первопоселенца произошел и род Абрамовых, с которым в родстве по свойству состояли Роман Григорьев и Дмитрий Петров: в эту семью они выдали своих дочерей. Оба рода (братьев Григорьевых и Дмитрия Петрова) прекратили свое существование по мужской линии в конце XVIII в. Роман Григорьев умер в 1771 г.¹⁶², Дмитрий Петров — в 1764 г.¹⁶³, а его бездетный сын Ларион — в 1796 г.¹⁶⁴ Занесенное в помянник прозвище «Тетыншин» (если правильно прочтение этого слова) в документах не найдено.

Сложнее объяснить включение в поминание рода Ивана Стахиева Колызка¹⁶⁵. В 1723 г.

в деревню Прохновская (Сычи) «по доношению», т. е. после дополнительного сыска старост, был вписан Иван Семенов 11 лет и его зять Федор Остафьев 25 лет¹⁶⁶, а в соседнюю деревню Лопинская (Дудниково) на том же основании приписан Иван Остафьев 35 лет. В XVIII в. отчество «Остафьев» нечасто встречается среди крестьян кижских деревень, поэтому можно предположить, что перед нами братья, старший из которых и фигурирует в поминании. В более поздних документах Иван Остафьев не упомянут, а отчество Федора несколько раз менялось — «Стафеев» в 1748 г.¹⁶⁷, «Стахийев» в 1782 г.¹⁶⁸ Эти варианты отчества происходят от созвучных, но разных имен «Евстафий» и «Стахий»¹⁶⁹. Подобные замены постоянно встречаются в крестьянских документах. Федор Стахийев умер в 1764 г.¹⁷⁰, а главой семьи стал его сын Петр Федоров. По всей видимости, именно его роду принадлежит запись на л. 27 помянника. По мужской линии этот род прервался в 1812 г. со смертью Петра¹⁷¹.

Собрание М. Н. Тихомирова, № 231. Помянник крестьян деревни Конды Семена Иванова с племянником Антоновых

XVIII в. (водяные знаки не просматриваются). Скоропись. 19 л. 16°. Переплет: доски в коже с ромбовидным тиснением на лицевой стороне, следы от одной застёжки посередине. Л. 1—1 об., 2 об., 10 об.—19 об. без текста. На задней стороне верхней крышки переплета наклеен экслибрис «Из собрания М. Н. Тихомирова, № 231».

Заглавие: «Сие поминание деревни Конды жителя Семена Иванова с племянником Антоновых» (л. 2); после слов «Помяни, Господи, души рабъ Твоихъ и рабынь» (л. 3) следует перечень имен (л. 3 об.—10; записи на л. 9 об.—10 сделаны позднее, чем основной текст, другим почерком; дат нет).

¹⁶¹ Писцовые и переписные книги XVII в., как известно, представляют далеко не полные списки жителей деревень.

¹⁶² НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 156. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же. Д. 23/27. Л. 74. (Ревизская сказка Кижской вотчины, 1811 г.)

¹⁶⁵ Слово прочитывается с трудом, М. Н. Тихомиров его прочитал ошибочно как «показан» (Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания... С. 74). Возможный вариант прочтения имени — «Колышка». Такое прозвище или некалендарное имя отмечено у С. Б. Веселовского: «Колышка» (от него фамилия Колышкин) — «колыбель», от глагола «колыхать»; в документах XVII в. зафиксировано имя костромского крестьянина «Колышка Дементьев». (Веселовский С. Б. Ономастикон... С. 151.)

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2371. Л. 310 об. (Книга переписная, 1720—1726 гг.)

¹⁶⁷ Там же. Д. 2378. Л. 484. (Книга переписная, 1748 г.)

¹⁶⁸ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 156. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

¹⁶⁹ См.: Петровский Н. А. Словарь... 105, 204—205.

¹⁷⁰ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 156. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

¹⁷¹ Там же. Д. 34/345. Л. 73. (Ревизская сказка Кижской волости, 1816 г.)

Комментарии. Помянник принадлежал семье Семена Иванова, жителя деревни Конда. Этот крестьянин впервые упомянут в ревизской сказке 1720—1726 гг.: «...Иван Антонов 65 [лет], у него братья родные Мелентий 53 [года], Иван 45 [лет], у Ивана дети Андрей 40 [лет], Семен 25 [лет]»¹⁷². Из документа следует, что он родился на рубеже XVII и XVIII вв. В ревизию 1748 г. внесен Яков Андреев, племянник Семена Иванова¹⁷³. Дальнейшая судьба Якова Андреева неясна, поскольку материалы ревизии 1763 г. не сохранились, а в переписи 1782 г. он уже не числился. Семен Иванов умер в 1773 г.¹⁷⁴, что позволяет определить верхнюю границу датировки помянника.

Прозвище этих крестьян — Антоновы произошло от имени их общего предка Антона Зотова¹⁷⁵, прадеда Семена Иванова.

Родословие этой семьи восходит к 1563 г. к одному из двух крестьян, живших в это время «на Конде наволоке».

После смерти Семена Иванова (Антонова) род продолжил его сын Кондратий (умер в 1842 г.)¹⁷⁶. В последний ревизский список 1858 г. внесен правнук Семена Иванова — Андрей Иванов Соколов¹⁷⁷. В 1863 г. в г. Петрозаводске от А. И. Соколова делал записи былин П. Н. Рыбников¹⁷⁸.

Так, благодаря архивным источникам — писцовым и переписным книгам и ревизским сказкам, проступают, пусть в малой степени, живые черты людей, оставивших свои имена в старинных рукописях для поминовения.

¹⁷² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2371. Л. 395 об. (Книга переписная, 1720—1726 гг.)

¹⁷³ «...написанного в прежнюю перепись умершего крестьянина Андрея Иванова рожденный после переписи сын Яков — 20 лет». (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2378. Л. 515. (Книга переписная, 1748 г.)

¹⁷⁴ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/7. Л. 287. (Ревизская сказка Кижской трети, 1782 г.)

¹⁷⁵ См.: Коновалов И. Писцовые и переписные книги... С. 128.

¹⁷⁶ НА РК. Ф. 4. Оп. 16. Д. 61/576. Л. 87. (Ревизская сказка Сенногубской трети, 1850 г.)

¹⁷⁷ Там же. Оп. 18. Д. 76/763. Л. 64. (Ревизская сказка Сенногубского общества, 1858 г.)

¹⁷⁸ См.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. В 3 т. Петрозаводск, 1989. Т. 1: Былины. С. 522.

Сельская поземельная община Заонежья в 80-е гг. XIX в. (по документам из Карельского собрания ИРЛИ РАН)¹

Общинная традиция крестьянства – одна из важнейших в истории пореформенной России. Сельская поземельная община («мир») играла огромную роль во всех сферах жизни крестьян Северо-Запада России. Как отмечают исследователи, ее функции были многообразны: хозяйственная, фискально-полицейская, социальная, воспитательная и пр. Сущность крестьянской общины состояла в совместном землепользовании на основе уравнительного принципа, включавшего регулярные земельные переделы между ее членами, и саморегулировании мирских повинностей. Именно община выступала в качестве объекта подати, обязательные для нее налоговые суммы раскладывались по дворам с учетом состава семьи, умственных и физических способностей, а также возраста работников. «Мир» как охранитель традиционных ценностей крестьянского общества всегда стремился избавиться от «порочных» людей, нарушавших сложившиеся в деревне традиции и оказывавших «дурное» влияние на молодежь. Таким образом обеспечивались целостность и дальнейшее существование основного социального организма России.

Крестьянское самоуправление представляло собой совокупность выборных местных органов – волостных, сельских и селенных сходов – «мирских» собраний, где обсуждались все

без исключения общественные дела. В сходах, деятельность которых законодательно была основана на «Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (1861 г.), принимали участие и имели право голоса только члены общины (главы дворов).

Сельская поземельная община, существовавшая после реформ Александра II, неизменно привлекает внимание отечественных исследователей². В конце XX – начале XXI в. она рассматривается как сложный объект с различными внутренними и внешними связями. Особенно подчеркивается многофункциональность этого традиционного народного института, полностью определявшего жизнь крестьян. Историки активно изучают не только общинное устройство крестьянского самоуправления и землепользования, но и патриархальный быт крестьян-общинников, общинную психологию крестьянства, семейные отношения, положение отставных солдат и статус женщин в крестьянском обществе³. В региональной историографии

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-14-10001. («Изучение и описание Карельского собрания рукописей Древлехранилища им. В. И. Малышева ИРЛИ РАН».)

² Например, см.: Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. М., 1982; Громыко М. М. Традиционные формы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России. 1907–1914. М., 1992; Кучумова Л. И. Сельская община в России (вторая половина XIX в.). М., 1992 и др.

³ Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX в.). М.; Тамбов, 2004; Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991; История северного крестьянства: Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. Архангельск, 1985. Т. 2; Миненко Н. А. Право и обычай в крестьянской семье (Урал и Сибирь в XVIII–XIX вв.). Челябинск, 1998; Миронов Б. Н. Социальная история России в период

до недавнего времени рассматривались преимущественно социально-экономические процессы, проходившие в деревнях Олонецкой губернии во второй половине XIX в.⁴ В последние годы появляются работы, рассказывающие о повседневной жизни местного крестьянства⁵.

При изучении крестьянского мира используются различные по характеру и содержанию источники: законодательные акты, материалы губернского и уездного делопроизводства, периодическая печать. Раскрыть механизм взаимоотношений сельских обществ с государственными институтами, земскими учреждениями региона помогают приговоры сельских и волостных сходов. Богатейший материал о развитии деревни, внутреннего уклада жизни ее обитателей во второй половине XIX – начале XX в. дают крестьянские прошения, жалобы и судебные иски, миролюбные раздельные акты. Для более полного раскрытия темы привлекаются сохранившиеся крестьянские семейные архивы и библиотеки, крестьянские мемуары.

В Древлехранилище имени В. И. Малышева ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) в составе Карельского собрания рукописей с 1994 г. находится небольшая часть архива крестьян Корниловых, проживавших в деревне Кургеницы Кижского общества Олонецкой губернии (ныне Медвежьегорский р-н Республики Карелия, остров Большой Клименецкий). Разрозненные бумаги были обнаружены в 1949 г. преподавателем Петрозаводского государственного университета Т. В. Старостиной в заброшенном родовом доме. Их краткий обзор и описание опубликованы сотрудником института Г. В. Маркеловым⁶. «Кижская»

империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000–2003. Т. 1, 2 и др.

⁴ Гушин Б. А. О крестьянской общине Заонежья в пореформенный период // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 171–187; Кораблев Н. А. Социально-экономическая история Карельского Поморья во второй половине XIX века. Петрозаводск, 1980; Филиппов Р. В. Поземельное устройство государственных крестьян Карелии по реформе 1866 г. // Ученые записки Петрозаводского ун-та за 1956 г. Исторические и филологические науки. Петрозаводск, 1957. Вып. 1. Т. 6. С. 96–114 и др.

⁵ Например, см.: Попова Ю. И. Повседневная жизнь крестьянства в Олонецкой губернии в XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2004.

⁶ Маркелов Г. В. Кижские документы в Древлехранилище Пушкинского Дома // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1999. Т. 51. С. 446–462.

коллекция из Пушкинского Дома насчитывает 120 разнородных документов, датированных 1802–1913 гг. Они были собраны Иваном Ивановичем Корниловым (1852–1905), который в течение многих лет бесценно служил писарем Кижского сельского общества, т. е. вел всю крестьянскую документацию. Документы касаются самых разных сфер жизни сельской общины Заонежья. Среди них – распоряжения Великогубского волостного правления, решения Петрозаводского уездного суда, приговоры сельских сходов, списки домохозяев Кижского сельского общества, жалобы и прошения местных жителей, миролюбные раздельные акты. Г. В. Маркелов высоко оценил стиль бумаг, составленных Иваном Корниловым, отметив «продуманность аргументаций» и «ясность формулировок»⁷. Многие из этих документов плохо сохранились (имеют повреждения бумаги, иногда текст читается с трудом из-за выцветших чернил).

Вторая и основная часть семейного архива, а также библиотека Корниловых в настоящее время хранятся в Петрозаводске в фондах Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Киж» (переданы в 1993–1997 гг.). Сдатчик Надежда Григорьевна Горбунова (урожденная Корнилова) вспоминала, что бумаги и книги располагались в просторной комнате «на чердаке» корниловского дома, разрушенного после Великой Отечественной войны. Уникальная для Карелии коллекция предметов, включающая карты, газеты, фотографии XIX–XX вв., украшения из бисера и жемчуга и пр., была описана Н. И. Шиловым⁸. Пятьдесят рукописей относятся к периоду 1880–1910 гг. и касаются общественно-хозяйственной жизни крестьян Кижского общества (копии приговоров сельских сходов, чертежи, описи имущества)⁹.

Научным сотрудникам музея-заповедника «Киж» на основе писцовых книг, архивных материалов (ревизских сказок и метрических книг из Национального архива Республики Карелия), а также сведений,

⁷ Там же. С. 447.

⁸ Шилов Н. И. Архив и библиотека заонежских крестьян Корниловых в собрании музея-заповедника «Киж» // Рябининские чтения – 95: Сб. докладов. Петрозаводск, 1997. С. 310–317.

⁹ Там же. С. 314.

полученных от информантов, удалось составить родословную крестьян Корниловых. Как выяснилось, они были потомками основателя деревни Кургеницы и принадлежали к известному коренному роду Заонежья¹⁰. По данным С. В. Воробьевой, родные братья Андрей Иванович и Иван Иванович Корниловы были владельцами небольшого фарфорового завода в Санкт-Петербурге¹¹. С помощью документов из Пушкинского Дома Г. В. Маркелову удалось уточнить некоторые факты биографии кижского писаря: рано осиротел, воспитывался в семье брата матери, работал конторщиком у петербургского купца Разуваева¹².

Часть архива и библиотека Корниловых, хранящиеся в музее-заповеднике «Кижы», изучаются петрозаводскими историками и филологами. Некоторые рукописные памятники этого собрания уже опубликованы (молитвы, апокрифические тексты, списки заговоров, памятная книжка, травники)¹³. Между тем до сих пор не введенные в научный оборот кижские материалы из Древлехранилища имени В. И. Малышева заслуживают более пристального внимания исследователей и с успехом могут быть привлечены к рассмотрению самых разных вопросов из жизни крестьянского мира Олонецкой губернии.

В исследуемый период Кижское общество входило в состав Великогубской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии

и, по данным за 1892 г., включало 42 деревни¹⁴, которые были разбросаны на Заонежском полуострове и нескольких островах в северной части Онежского озера (Кижы, Большой Клименецкий, Волкостров, Еглов и Рогачев). Низшим звеном административного управления здесь были Великогубское волостное и Кижское сельское правления, которые подчинялись Петрозаводскому уездному и Олонецкому губернскому по крестьянским делам присутствиям.

Документы из Карельского собрания дают интересные сведения для изучения вопроса о положении отставных солдат в заонежской деревне. Напомним, что еще в 1705 г. Петр I создал необычайно устойчивую систему комплектования вооруженных сил, просуществовавшую практически без изменений до 1874 г. Государство во время острой нехватки людей в армии перешло к набору в так называемые рекруты непосредственно с крестьянского населения. Рекрутская повинность, в отличие от всеобщей воинской повинности, не была индивидуальной, а носила общинный характер, включая круговую поруку и очередность. Тяжелейшие испытания сопровождали рекрута весь срок службы, поэтому «рекрутчина» – так называли повинность в народе – вызывала постоянное сопротивление крестьян.

Согласно утвержденным в 1867 г. «Правилам об устройстве отставных и бессрочноотпускных нижних чинов», уволенные из войск солдаты не составляли особого сословия, как ранее, они не исключались из ревизских сказок и зачислялись в состав прежних сельских обществ. Современные исследователи отмечают сложность адаптации отставных солдат в гражданском обществе¹⁵. Не все

¹⁰ Воробьева С. В. Родословия русских сказителей Заонежья XVIII–XIX веков (Кижы – Сенная Губа): по материалам архивных документов. Петрозаводск, 2006. С. 73–77.

¹¹ Там же.

¹² Маркелов Г. В. Кижские документы в Древлехранилище Пушкинского Дома... С. 447.

¹³ Бабалык М. Г., Пигин А. В. Древнерусский апокриф «Беседа трех святителей» в Кижской рукописи из коллекции крестьян Корниловых // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 148–165; Воробьева С. В., Пигин А. В., Шилов Н. И. Рукописные заговоры-молитвы из библиотеки заонежских крестьян Корниловых // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 233–240; Харебова Л. С. «Сокровенные» знания в рукописях из коллекции крестьян Корниловых // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10. С. 149–156; Пигин А. В. Потаенное знание заонежских крестьян Корниловых // Живая старина. 2006. № 1. С. 42–46; Шилов П. Н. Памятные книжки семьи Корниловых // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 169–171. Описание рукописей из корниловской коллекции см. в: Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост. А. В. Пигин. СПб., 2010. С. 342–368.

¹⁴ Деревни Кургеницы, Лахта, Гивес-Наволоок, Ошевнева, Глебова, Маньшина, Воробьи, Потаневщина, Середка, Корба, Кузнецы, Сычева, Телятниковая, Дудникова, Жарникова, Молькова, Клинова, Боярщина, Еренева, Оятевщина, Пустой Берег, Зубово, Подъельники, Липовицы, Еглова, Рогачева, Щепина, Насоновщина, Посад, Шуина, Ренькова, Сергачева, Шлямина, Бишева, Морозова, Кяжева, Бачурина, Басарева, Лукинщина, Ямка, Наволок, Кижский погост. См.: Список селений в Олонецкой губернии, с обозначением наличного числа домов и жителей // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 427–428.

¹⁵ Например, см.: Щербинина Ю. В. Социальная адаптация и правовое положение отставных и бессрочноотпускных солдат русской армии в XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007. С. 22.

возвратившиеся в деревню могли полноценно работать на земле и вести хозяйство.

В августе 1888 г. на очередном сельском сходе в Кургеницах – одном из самых многочисленных и богатых поселений Кижского общества (в 1892 г. – 26 домов, 196 жителей)¹⁶ – обсуждался вопрос об «изгнании в отдаленные губернии» отставного солдата Луки Степановича Мухина, 54-летнего жителя деревни Пустой берег (на Заонежском полуострове)¹⁷. Приговор, принятый крестьянами, начинается стандартной фразой: «Мы, нижеподписавшиеся Петрозаводского уезда Великогубской волости Кижского общества разных деревень государственные крестьяне, имеющие право голоса на сельском сходе имели суждение об общественных делах...». Далее в документе сообщается суть претензий, предъявляемых обществом к бывшему солдату: «За лишением по суду всех прав состояния отставным деревни Пустого берега Лукой Степановым Мухиным за прежние годы состоит в недоимке казенных податей 56 р. 16 к. Недоимок этот запустил Мухин единственно по своему нерадению и распутной жизни, хотя он имеет и средства, и возможность уплатить, потому что имеет двух взрослых сыновей (Григория и Корнила. – Ю. К.), которые также есть нерадивые и живут не в порядке»¹⁸. Как видно из текста приговора, Лука Мухин к тому времени уже привлекался к суду. Напомним, что по «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» (1845 г., редакция 1866 г.) лишение всех прав состояния сопровождало исключительно уголовные наказания, такие как ссылка на поселения в Сибирь и на Кавказ, каторга, смертная казнь. Осужденный, чья жизнь далее не охранялась никакими законами, терял «доброе имя» и все сословные, служебные, семейственные, имущественные права (на жену и детей это не распространялось)¹⁹. По-видимому, здесь в документ вкралась ошибка и крестьяне использовали неверную формулировку. В случае с Мухиным речь шла не об уголовном, а исправительном наказании, т. е. о лишении «всех особенных

прав и преимуществ, как лично, так и по состоянию осужденному присвоенных»²⁰. Такое наказание могло означать временное пребывание в тюрьме²¹. После освобождения человек не мог поступать на государственную или общественную службу, получать разрешение на торговлю, быть свидетелем, опекуном, попечителем, избираться в третейские судьи²².

Воспользуемся документами Национального архива Республики Карелия, чтобы дополнить краткие сведения о Мухине, приведенные в тексте приговора сельского схода. По ревизской сказке за 1858 г.²³, двадцатилетний Лука был отдан в рекруты в самый разгар Крымской войны (1853–1856), в один из трех наборов 1854 г. К тому времени он – средний из трех братьев – успел жениться и завести детей. Рекрутчина полностью разрушила все его жизненные планы и обрекла на двадцатилетнюю разлуку с молодой женой, ставшей «соломенной вдовой». В фонде Олонецкого губернского по крестьянским делам присутствия (Ф. 24) хранится общее прошение крестьян деревни Пустой Берег, написанное ими 20 августа 1888 г. о недоимках семьи Мухиных. Из него узнаем недостающие подробности. «Лука Мухин из арестантских рот в наше Кижское общество в 1876 г. принят был не одним нашим селением, а приговором крестьян всего Кижского общества. Участка земли Мухин не имеет и по прибытии из арестантских рот принять сам никакой части не согласился... Имеет двух взрослых сыновей Корнила и Григория, сам же занимается сапожным мастерством и зарабатывает значительные деньги, а в летнее время все трое занимаются в разных деревнях пастьбою скота и приобретают в каждое лето наличными деньгами до 100 руб. и легко бы могли сами собою уплачивать своевременно подати»²⁴. Из текста прошения становится ясно, что Лука Мухин временно пребывал в арестантских ротах гражданского ведомства, что считалось высшим исправительным наказанием «для людей не изъятых

¹⁶ Список селений... С. 427.

¹⁷ Карельское собр. № 601/33.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 10–11.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 16.

²³ НА РК. Ф. 4 (Олонецкая губернская казенная палата). Оп. 18. Д. 77/761. Л. 36.

²⁴ НА РК. Ф. 24 (Олонецкое губернное по крестьянским делам присутствие). Оп. 1. Д. 89/4423. Л. 4 об.

от наказаний телесных», поэтому включало «от пятидесяти до ста ударов розгами чрез полицейских служителей»²⁵. Четыре года после освобождения он должен был провести под строгим контролем полиции и общества, а также в течение этого периода не мог менять место жительства.

Возвратившись домой после тюремного заключения, Лука Мухин не захотел или не смог вернуться к привычному для любого крестьянина укладу жизни. Его однодеревенцы возмущались: «Недоимок этот волостной старшина Омелин на сельском сходе, состоявшемся 20 марта сего года, приказал и настоял разложить сходу единственно на одну нашу деревню, не составляющую отдельного 40-душевого общества. И хотя вопреки наших оправданий по настоянию волостного старшины, не привлекая самих Мухиных, к уплате сельский сход недоимок этот разложил на одну нашу деревню и наложил налог именно: на Василия Захарова Чиворова 10 руб., Алексея Маркелова Трифонова 10 руб., Ивана Иванова Ярицына 5 руб., Петра Евсеева 3 руб., Козьму Евдокимова 5 руб., Егора Николаева 5 руб., Василия Евдокимова 7 руб., Семена Григорьева 3 руб., Алексея Константинова 3 руб., Фоку Степанова 5 руб. Всего 56 руб., а остальные 66 коп. на крестьянина нашей же деревни Родиона Иванова Прохорова... Одним селением принять такого огромного налога не можем, потому как люди все есть бедные и несостоятельные... Расклад этот мы со своей стороны признаем неправильным и подлежащим отмене»²⁶. Следует отметить, что накопление столь внушительной суммы задолженности объясняется общим несовершенством налоговой системы России, чему способствовали запутанность волостного счетоводства и несвоевременность требования платежей. С просьбой распределить недоимку на все деревни Кижского общества жители Пустого Берега безуспешно обращались сначала к волостному старшине, затем в Петрозаводское уездное по крестьянским делам присутствие. Между тем сельские власти, следившие за сбором взносов, приступили к решительным действиям. Об этом читаем далее в прошении:

«К крайнему нашему разорению 21 июня наш сельский староста М. Семенов, прибыв в нашу деревню, составил опись и у каждого из нас за этот недоимок описал скот и всю нашу движимость и намеревается подвергнуть распродаже»²⁷. Наконец из Олонецкого губернского по крестьянским делам присутствия пришел ответ, звучавший для земляков Мухина безрадостно и строго: «Жалобы оставить без последствий»²⁸.

Как мы уже знаем, Кижская община без сожаления рассталась с Мухиным: «Сельский сход постановил такого нерадивого плательщика и ведущего распутную жизнь удалить из общества навсегда в другие отдаленные губернии»²⁹. В конце приговора читаем красноречивое дополнение: «Недоимку за Мухина и все путевые до места следования издержки общество принимает на себя»³⁰. В какую из отдаленных губерний (они находились в Сибири – Иркутская, Енисейская, Томская и Тобольская) он был отправлен, неизвестно. Сведений о его дальнейшей судьбе нет. Следует добавить, что девиантное поведение, по мнению историков, не было характерно для отставных солдат, поэтому случай с Лукой Мухиным можно назвать редким.

В бумагах из архива кижского писаря Ивана Корнилова кратко описывается другой эпизод, связанный с устройством отставного солдата, вернувшегося домой. Сохранился черновик подписки, составленный 21 июня 1894 г. для крестьянской вдовы Марфы Чиворовой из той же деревни Пустой Берег. Она подтверждала своей подписью прошение, отправленное в Олонецкую казенную палату от имени Герасима Ивановича Иевлева, отставного солдата из крестьян деревни Боярщина (на Заонежском полуострове). Ранее на февральском сельском сходе Иевлеву было разрешено поселиться в деревне Пустой Берег. Чиворова, ссылаясь на солидный возраст, отдавала ему свой дом и поземельный участок: «Будучи в настоящее время в преклонных летах и единственной в семье, сама собою впредь буду не в силах вести домохозяйство и обработку поземельного участка, а также пропитывать себя

²⁵ Уложение о наказаниях... С. 11.

²⁶ НА РК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 89/4423. Л. 4 об.

²⁷ Там же. Л. 6.

²⁸ Там же. Л. 3 об.

²⁹ Карельское собр. № 601/33.

³⁰ Там же.

и уплачивать казенных податей, а также сборов, то посему... для безбедного содержания себя желаю приписать в семью к себе в дом... отставного Герасима Иванова Иевлева с его женою и сыновьями их»³¹. Сельскую общину более всего волновало, чтобы казенные подати выплачивались каждым дворохозяином вовремя и в полном объеме, по этой причине она дала согласие на переезд бывшего солдата.

В Карельском собрании также представлены документы, рассказывающие, каким образом поземельная община могла вмешиваться в семейные дела своих членов. Согласно «Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», вопросы, связанные с опекой, наследованием и разделами имущества находились в ведении сельского общества. С развитием товарно-денежных отношений в пореформенной деревне патриархальная крестьянская семья, представлявшая собой уменьшенную копию общины, постепенно уходила в прошлое. Нарушался принцип строго безоговорочного подчинения младших членов старшему («большаку»). С начала 80-х гг. XIX в. широко распространенной практикой в России становились семейные разделы³². Их причины были самые разные. К распаду большой семьи часто вели споры между близкими родственниками и бытовые неурядицы. Совместное ведение хозяйства давало поводы для ссор братьев. Семейные конфликты порой обостряли возвращение сыновей с военной службы. Особых правил раздела не существовало, он производился по уговору, а спорные вопросы решались на основе жребия. Непременным его условием было согласие «большака».

Для примера возьмем миролюбный разделный акт, датированный 21 октября 1886 г.³³ В тот день в деревне Корба (остров Большой Клименецкий) в присутствии кижского сельского старосты делилось имущество между рядовым в запасе Алексеем Ивановым и его племянниками крестьянами Михаилом и

Василием Яковлевыми. Накануне на сельском сходе выяснилось, что они «могут вести отдельные хозяйства и уплачивать исправно казенные подати»³⁴. Просителю Алексею Иванову определили пустой участок для постройки нового дома, который он обязывался поставить за три года. В миролюбном акте перечисляются земля, скот и вещи, доставшиеся каждой из сторон: «Яковлеву (Михаилу. – Ю. К.) остается старый дом с прислугами, а из Божиего милосердия выдать Алексею Иванову одну икону во имя Спасителя, из медных распятие взять одно, в общем семействе строевой лес, находящийся в деревне, остается в распоряжении Алексея Иванова. В старом доме проживать из нас Алексею Иванову в нижней избе, а Яковлеву занимать верхнюю избу и горницу и светлый чулан, Алексею Иванову темный и проживать Иванову в старом доме не более трех лет, не стесняя друг друга и не делая один одному никаких оскорблений, не нарушать тишины и спокойствия. Из поземельного участка получить Алексею Иванову третью часть, из скота вороной конь, еще к нему же конь трех лет, из коров три, из них одну белохребту, вторую чернопестру, третью красную и быка красного, еще троих овец и годовую телочку, а поземельный участок и покос разделить между собою безобидно, а выжатый и убранный хлеб разделить тоже на три части миролюбно, не привлекая с просьбами до начальства, амбар Алексею Иванову, а ригачу иметь в общем владении»³⁵.

Среди кижских документов находим сведения о несостоявшемся семейном разделе из-за противостояния близких родственников. В 1883 г. в Великогубское волостное правление с прошением образумить брата и не допустить самовольного дележа наследного имения обратился 51-летний крестьянин деревни Пахинский Берег (остров Большой Клименецкий) Иван Дмитриевич Маншин. Он писал: «Младший (младше на шесть лет³⁶. – Ю. К.) родной брат мой Леонтий Дмитриев тринадцать годов тому времени как сделался болен и совершенно одной ногой не владеет, так что с трудом о костыле может только выходить

³¹ Карельское собр. № 601/59.

³² Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России... С. 31; Безгин В. Б., Ерин П. В. Крестьянская семья и сельская община конца XIX – начала XX в. (по материалам Тамбовской губернии) // Вестник Тамбовского государственного технического университета. Тамбов, 2012. Т. 18. № 2. С. 501–505.

³³ Карельское собр. № 601/26.

³⁴ Там же. № 601/34.

³⁵ Там же. № 601/26.

³⁶ НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 77/761. Л. 71 об.

до ветра, но к работам совершенно ни к какому не способен. Я пропитываю его с женою и двумя малолетними дочерьми безропотно, не делая ему и его семейству никаких обид и оскорблений. Видя его болезненное и скорбное положение по крови братской всегда был ему единственным покровителем»³⁷. Иван Маншин жаловался на брата: «Вопреки моему доброжеланию начал чинить напротив меня грубость, оскорбления, дозволив жене своей и дочерям быть в семейном быту вовсе противницами... Я по своему добродушию до настоящего времени все это переносил с терпением и полагал, что он очувствуется и будет жить мирно и спокойно, но он и жена его с дочерьми, не взирая на мое терпение, настоятельно ныне требуют раздела семейства»³⁸. Старший брат твердо заявлял: «Разделяться не желаю, желаю проживать совокупно и в общем семействе»; «казенные подати за 4 $\frac{3}{4}$ души оплачивал и впредь платить и пропитывать брата и содержать семейство по-прежнему на своем попечении обязываюсь. А потому волостное правление всепокорнейшее прошу принять мое прошение и брата моего и как младшего члена семьи... от самовольного раздела удерживать и в спокойной жизни в семействе его жену обязать подпискою, так как я есть старший брат и со своей стороны раздела не желаю и допустить не хочу»³⁹.

На обороте того же документа читаем подписку того же Ивана Маншина, сделанную им месяцем позднее: «Просьбу сию, поданную на брата Леонтия прекращаю и содержать его с женою и детьми по-прежнему обязываюсь и никаких обид и оскорблений делать не буду с тем, чтоб он по силе и возможности своей сам он и его семейство в крестьянских работах всегда помогали безропотно и в случае смерти брата содержать его семейство в общем семействе по-прежнему, в чем и подписуюсь»⁴⁰. Становится ясно, что сельский сход, собравшийся по указанию Великогубского волостного правления для того, чтобы обсудить вопрос о спорах в семействе Маншиных, пресек все попытки младшего брата отделиться от старшего.

В Карельском собрании хранится еще один любопытный документ, иллюстрирующий социальные функции сельской общины – прошение, отправленное в Петрозаводское уездное по крестьянским делам присутствие Петром Евсеевичем Чиворовым в начале января 1890 г.⁴¹ Он жил в деревне Пустой Берег и страдал параличом рук (прошение за него писал крестьянин Алексей Маркелович Трифонов), жаловался на свое «несчастное и горестное положение» и просил «единственной защиты и успокоения». Петр Чиворов описывает злоключения, что постигли его в старости: «По худонравственности моей невестки Агрипины Прокопьевой изгнан я из собственного своего дома, который устроен единственно мною. По изгнании лишен собственных своих принадлежностей и скота, которые все захвачены моей невесткой. Хотя имею сына, сказанной невестки моей мужа, который от рождения есть глух и нем и не имеет понятия, чтобы сократить жены своей худонравственность и не чувствует, чтобы приютить и успокоить в своем доме престарелого шестидесяти трех лет родителя»⁴². Также он жаловался на сельского старосту, который оставался глух к просьбам оказать помощь старику-инвалиду: «Хотя в бедственном таком положении об вводе меня в дом или о выделе мне достойной части поземельного участка, который я мог бы передать благонадежному соседу и получить пропитание и успокоение, просил многократно словесными просьбами бывшего старосту Гудкова и, наконец, ему же подавал прошение, который явно к крайней моей обиде давал повод моей невестке и делал надо мною несчастным разные насмешки чрез его послабления. Я лишился много собственных моих (вещей. – Ю. К.), захваченных невесткою, что могу показать при спросе меня»⁴³. Кроме того, несчастный крестьянин потерял надежду получить ответ на прошение, поданное им в местное волостное правление: «По сему предмету подавал я прошение в Великогубское волостное правление, но также по настоящее время не получаю никакого удовлетворения и скитаюсь странству

³⁷ Карельское собр. № 601/13.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Карельское собр. № 601/47.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

(так в документе. – Ю. К.) в таком несчастном и горестном положении и по неспособности своей из одной деревни в другую для прошения милостыни при зимних морозах должен погибнуть на дороге и лишиться жизни»⁴⁴. Из приведенных цитат хорошо видно, что проситель по очереди обращался во все доступные ему инстанции: к сельскому старосте, в волостное правление и, наконец, был вынужден жаловаться в Петрозаводское уездное по крестьянским делам присутствие. «Всепокорнейшее прошу уездное присутствие принять прошение мое и сряду же учинить распоряжение предписать волостному правлению ввести меня как отца семейства в дом или же выделить мне из участка для моего пропитания достойную часть земли, а за упущение старостой Гудковым просьб моих и в виду его не распоряжения за похищенное и захваченное мое имущество невесткою, что я могу показать при спросе, взыскать мои убытки или подвергнуть его законной ответственности,

на что буду с нетерпением ожидать милостивой защиты и скорейшего распоряжения»⁴⁵. К сожалению, неизвестно, каков был ответ из губернского присутствия, так как документальных свидетельств об этом в архиве кижского писаря не сохранилось.

Итак, кижские документы из Карельского собрания рукописей являются ценным историческим источником, наглядно показывающим неограниченные полномочия сельской общины в решении непростых вопросов из частной и общественной жизни деревенских обывателей Заонежья. Как мы убедились, они прекрасно дополняют сведения из фондов Олонецкого губернского и Петрозаводского уездного по крестьянским делам присутствий из Национального архива Республики Карелия. Несомненно, эти материалы помогут будущим исследователям в изучении традиций сельской поземельной общины, которая для российского крестьянина всегда была емким и многозначным понятием.

⁴⁴ Карельское собр. № 601/47.

⁴⁵ Там же.

Фольклорное наследие Кижей

Фольклорное наследие Кижской волости

В истории отечественной культуры Кижской волости принадлежит особое место. Этот край ассоциируется не только с известным Кижским архитектурным ансамблем, но и с былинами, или, как их называли в народе, старинами, – эпическими песнями, в которых отразились основные черты русского национального характера, его нравственно-этические идеалы. Эта маленькая территория, включавшая Кижское и Сенногубское сельские общества, оказалась крупнейшим очагом, в котором было сконцентрировано огромное количество былин. Здесь зафиксирован богатейший эпический репертуар, здесь жили самые лучшие мастера исполнения, имена которых вошли в историю. Кижская волость является родиной сказителей Рябининых. В дер. Гарницы, а потом в дер. Середка жил родоначальник династии певцов былин Трофим Григорьевич Рябинин. В Кижской волости сформировались знаменитые школы сказителей: елустафьевско-рябининская и школа Конона с Зяблых Нив. Примечательно, что Кижские отличаются в отношении былинной традиции тем, что здесь она передавалась в семье из поколения в поколение, поэтому и сохранилась до середины XX века. Именно в Кижках отмечается широкое распространение русского эпоса, здесь практически каждый крестьянин знал хотя бы одну-две былины. Всего в нескольких кижских деревнях в XIX–XX вв. было записано 56 сюжетов былин – непревзойденное количество,

если рассматривать традиционный эпический репертуар¹. Совсем иная картина в других местах Заонежского полуострова – Великой Губе, Яндомозере, Шуньге, где не было обнаружено такого крупного репертуара. Эпические песни, записанные в Кижской волости, стали основой для крупнейших былинных собраний П. Н. Рыбникова² и А. Ф. Гильфердинга³. Они привлекли внимание не только исследователей, но и всей культурной общественности России к русскому эпосу и к личности певца-сказителя. Эти издания в значительной степени превзошли более ранние сборники Кириши Данилова и П. В. Киреевского по богатству былинного репертуара и показали новые подходы в изучении эпоса. Кроме былин, здесь был зафиксирован разнообразный репертуар других жанров фольклора: духовных стихов, баллад, сказок, причитаний, приговоров дружки, песен, детского фольклора и т. д.

Кижская волость привлекала энтузиастов-собираателей и профессиональных исследователей, среди которых А. П. Баласогло, Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш, В. Н. Харузина,

¹ Астахова А. М. Иван Герасимович Рябинин-Андреев и прионежская былинная традиция // Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева / Подгот. текстов и прим. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948. С. 11.

² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Изд. подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. 3-е изд. Петрозаводск, 1989–1991. Т. 1–3.

³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года / Подгот. текста и коммент. А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова. М.:Л., 1949–1950. Т. 1–3.

А. Ф. Гильфердинг

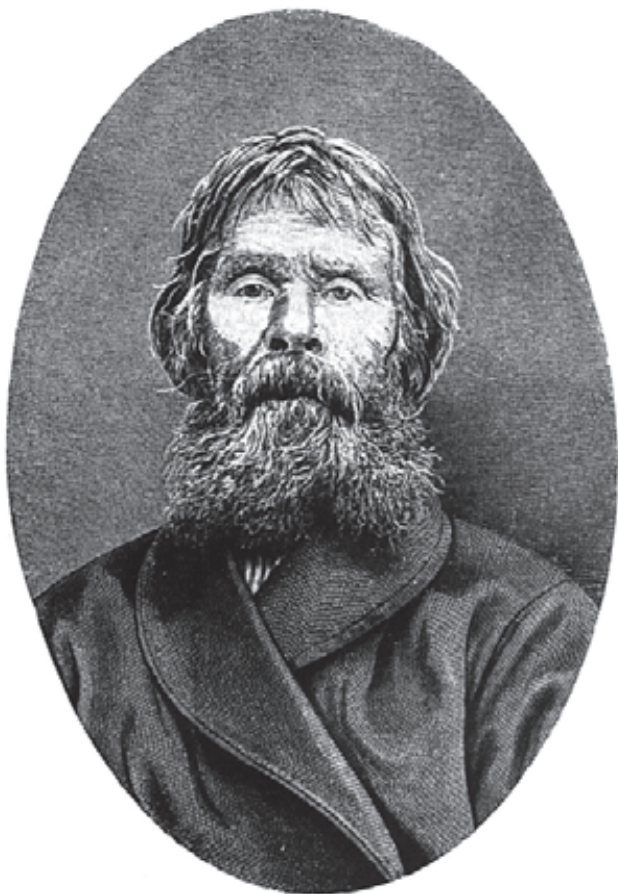
И. В. Карнаухова, А. М. Астахова и др. Здесь работали экспедиции, вошедшие в историю отечественной науки: экспедиция Государственной академии художественных наук 1926–1928 гг. под руководством Б. М. и Ю. М. Соколовых «По следам Рыбникова и Гильфердинга», экспедиция Государственного института истории искусств 1926 г. под руководством К. К. Романова, экспедиция 1931 г. студентов этнографического отделения Ленинградского историко-литературного института под руководством Д. А. Золотарева, экспедиция 1956 г. студентов Московского государственного университета под руководством Э. В. Померанцевой. Деревни Кижской волости неоднократно обследовались сотрудниками Карельского научно-исследовательского института (ныне Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН).

Причиной такого интереса исследователей к Кижской волости было открытие, опровергшее все старые представления о том, что русский эпос ушел в прошлое. В 1861 г. появилось издание, вызвавшее бурную реакцию в российском образованном обществе. Это был первый том собрания, озаглавленного «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». В нем были опубликованы 165 былин, записанных в Олонецкой губернии.

П. Н. Рыбников

Это собрание содержало как новые варианты сюжетов, уже знакомых читателю по сборнику Кирши Данилова, так и неизвестные: «Волх Всеславьевич», «Вольга и Микула», «Сухман», «Королевичи из Крякова» и др. Такое количество записей былин, произведенных на сравнительно небольшой территории, расположенной не в каком-нибудь отдаленном районе России, а совсем близко от столицы, казалось невероятным и вызывало недоверие и скептическое отношение. Когда была опубликована в третьем томе «Заметка собирателя», пояснявшая историю появления этого собрания, подлинность опубликованных записей перестала вызывать сомнения. Олонецкая губерния, в которой былинное творчество оказалось в цветущем состоянии, была названа «Исландией русского эпоса». Автором заметки и составителем сборника был Павел Николаевич Рыбников, политический ссыльный, направленный в Петрозаводск в марте 1859 г. Здесь его определили в штат губернской канцелярии. В своих поездках по Олонецкой губернии, помимо выполнения служебных поручений, П. Н. Рыбников, преодолевая все трудности, сопряженные с его положением ссыльного, собирал диалектологический, фольклорный и этнографический материал.

Т. Г. Рябинин

Весной 1860 г. во время служебной поездки он познакомился с заонежскими крестьянами из Кижской волости и впервые услышал исполнение былины Леонтием Богдановым, крестьянином из дер. Середка. Павел Николаевич вспоминал о сильном впечатлении, которое произвело на него пение былины. Он изменил маршрут своего путешествия и отправился вместе со своими новыми попутчиками в эту деревню, расположенную рядом с Кижским погостом. Молодой исследователь был на пороге открытия, оказавшего большое влияние на развитие отечественной культуры. В дер. Середка состоялось знакомство П. Н. Рыбникова с Трофимом Григорьевичем Рябининым – сказителем, обладавшим крупнейшим эпическим репертуаром, и непревзойденным мастером исполнения старин. Собиратель записал в первый же день в его исполнении былины «О Хотене Блудовиче», «Иван Гоудинович», «Ставр», «Садко», «Михайло Потык». В эту же поездку были записаны другие старины, в том числе «О Вольге Святославгиче», признанной впоследствии исследователями как художественно совершенный текст.

Т. Г. Рябинин родился 15 апреля 1801 г. в дер. Гарницы. Еще в детстве он остался сиротой и вместе с сестрой воспитывался у родственников⁴. После женитьбы он перешел в дом жены в дер. Потаневщина и, несмотря на то что был примаком, вскоре возглавил многочисленную семью, став «большаком». Т. Г. Рябинин был известен не только в своем родном Заонежье, но и на Ладого, куда ходил на рыбный промысел. В свободные от работы дни рыболовы с разных судов собирались вместе, чтобы послушать Трофима Григорьевича и даже предлагали работать за него, только бы он пел былины. Среди учителей Т. Г. Рябинина замечательный сказитель Игнатий Андреев, приходившийся ему дядей, и Илья Елустафьев – легендарный певец, которого П. Н. Рыбников уже не застал. По словам заонежан, знавших этого мастера, его репертуар казался неисчерпаемым. Его называли первым сказителем во всем Заонежье и во всей Олонецкой губернии. Т. Г. Рябинин свято хранил классическую традицию, он не признавал произвольной трактовки сюжетов, перестановки эпизодов, нарушения основной композиции и поэтики былины. Поэтому его тексты считаются хрестоматийными образцами. Об исполнительском мастерстве сказителя П. Н. Рыбников писал следующее: «Удивительное умение сказывать придавало особенное значение каждому стиху. Не раз приводилось бросить перо, и я жадно вслушивался в течение рассказа, затем просил Рябинина повторить пропетое и нехотя принимался пополнять свои пропуски. И где Рябинин научился такой мастерской дикции: каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово получало свое значение!»⁵. Большую часть репертуара сказителя составляли былины героического характера, повествующие о подвигах русских богатырей-воинов Ильи Муромца и Добрыни Никитича, сражавшихся с врагами за Святую Русь и православную веру. Это сюжеты «Илья и Соловей разбойник», «Илья и Идолище», «Добрыня и змей», «Добрыня и Маринка» и т. д.

Репертуар Трофима Рябинина был пополнен записями профессора Петербургского

⁴ Воробьева С. В. Родословия русских сказителей Заонежья XVIII–XIX веков. Петрозаводск, 2006. С. 31–32.

⁵ Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Изд. подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 58.

университета А. Ф. Гильфердинга, который приехал в Олонецкую губернию в 1871 г. с единственной целью – послушать живое исполнение былин. Результаты его двухмесячной поездки превзошли все ожидания. Ему удалось сделать записи не только от тех же исполнителей, от которых записывал Рыбников, но и найти новых сказителей в Кижской волости, Пудожском уезде, на Выгозере и в Каргопольском уезде. Сборник «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.»⁶, изданный по результатам поездки, стал одним из самых лучших собраний русской былевой поэзии.

От Трофима Григорьевича был записан значительный репертуар: всего 23 сюжета былин. После возвращения из поездки Гильфердинг доложил на заседании Русского географического общества о результатах экспедиции. Он предложил пригласить Трофима Рябинина в Петербург для выступлений. В конце ноября 1871 года Т. Г. Рябинин прибыл в Петербург. Сказитель выступал в частных домах, в Русском географическом обществе, в Славянском благотворительном обществе. Его слушали академики, великий князь Константин Николаевич, профессоры, литераторы, композиторы М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков. В 1872 г. Т. Г. Рябинину была вручена серебряная медаль «За полезное». Это был первый случай награждения сказителя за мастерство исполнения былин. Трофим Рябинин прожил долгую жизнь и умер в 1885 году, когда ему было 84 года.

Вторым по значимости сказителем Кижской волости явился Козьма Романов, с которым П. Н. Рыбников познакомился в свою первую поездку. Романов был слепым стариком, по словам собирателя, совершенно седым и дряхлым. Он жил в дер. Лонгасы в старом, небольшом домике, доставшемся от родителей. «...Он говорил дрожащим от старости голосом и приветливым тоном, употребляя самые ласковые выражения...»⁷. Сказитель ослеп в малолетнем возрасте и, поскольку не мог заниматься крестьянским трудом, сдавал в аренду участок земли, доставлявший ему средства на пропитание. Козьма охотно пел былины, и собиратель записал от него «Вольгу», «Хотена Блудовича», «О Добрыне Никитиче», «О царе Калине

и Ермаке», «Михайло Потык» и другие произведения. Сказитель усвоил былины, по его словам, от Ильи Елустафьева, репертуар которого перенял и Трофим Рябинин; вторым учителем был рыболов Федор Яковлевич. Как происходило исполнение, записал П. Н. Рыбников: «В старину... соберутся, бывало, старики и бабы вязать сети, и тут сказители, а особенно Илья Елустафьевич, станут петь былины. Начнут они перед сумерками, а пропоют до глубокой ночи. Тут и Романов повыучился старицам»⁸.

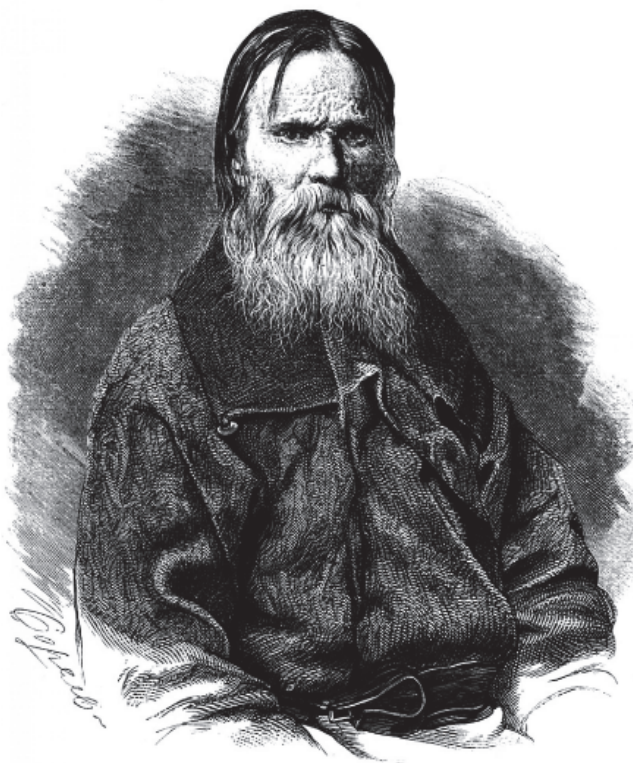
После сравнения с записями П. Н. Рыбникова А. Ф. Гильфердинг обнаружил, что на протяжении многих лет репертуар К. Романова и сами тексты не претерпели изменений⁹. Встречи этой поездкой не закончились: впоследствии Павел Николаевич неоднократно бывал в Заонежье и не упускал случая увидеться со старыми знакомыми. В январе 1861 г. им было записано от К. Романова пять былин. Он выхлопотал в Петрозаводской думе пособие для сказителя. Т. Г. Рябинин и К. И. Романов приезжали в Петрозаводск – Рябинин за хлебом, Романов за пособием не менее двух раз в год. Каждый раз оба бывали у Павла Николаевича, и он приглашал к себе друзей послушать былины. Собиратель использовал эти встречи для того, чтобы проверить прежние записи и заполнить допущенные пропуски. После многих лет общения с этими сказителями П. Н. Рыбников мог с уверенностью сказать, что им записано все, что они помнят. Павел Николаевич записал даже фрагменты былин, которые Козьма слышал от Ильи Елустафьевича («Добрыня и Маринка», а также о борьбе Ильи Муромца и Идолища). Всего от К. Романова в 1860-е – 1871 г. было записано 13 былинных сюжетов. А. Ф. Гильфердинг отмечал, что записывать от этого сказителя с напева трудно, поскольку он, «взяв былинку на́ голос», не может уже остановиться, поэтому за ним невозможно успеть. Как заметил собиратель, К. Романов считает пение былин чем-то вроде профессии, которая дает определенную прибыль и благодаря которой он стал известен. Особенно он укрепился в своем мнении после того, как его пригласили петь былины перед царевичем Николаем Александровичем во время его путешествия на Север.

⁶ Онежские былины. 1–3.

⁷ П. Н. Рыбников. Заметка собирателя... С. 60.

⁸ Там же. С. 61.

⁹ Онежские былины... Т. 2. С. 167.

В. П. Щеголенок

Одним из наиболее известных сказителей является Василий Петрович Щеголенок (Шевелев). Он жил в дер. Боярщина напротив Кижского погоста. В 1860 г. П. Н. Рыбников впервые записал от него несколько былин, впоследствии вошедших в издание «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». Вслед за П. Н. Рыбниковым со сказителем познакомился преподаватель Петрозаводской духовной семинарии Е. В. Барсов. Он открыл в В. П. Щеголенке талант замечательного мастера не только эпических песен, но и устных рассказов. Некоторые Е. В. Барсов напечатал в «Олонецких губернских ведомостях»¹⁰. Впоследствии он опубликовал 8 былин, 1 историческую песню и 4 духовных стиха сказителя в записях М. Гурьева в «Памятниках народного творчества Олонецкой губернии»¹¹. Три повествования о рекрутском наборе в Кижской волости Е. В. Барсов поместил в свое собрание «Причитанья Северного края»¹². Былинный репертуар В. П. Щеголенка наиболее полно раскрыл А. Ф. Гильфердинг.

¹⁰ Барсов Е. В. Из беседы со сказителем Щ-Г-Л // Олонецкие губернские ведомости. 1868. № 51.

¹¹ Памятники народного творчества в Олонецкой губернии Е. В. Барсова // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии. СПб., 1873. Т. 3. С. 515—609.

¹² Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым / Изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб., 1997. Т. 2.

В своем собрании «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года» он опубликовал 13 текстов сказителя. Собира- тель пригласил Василия Петровича в Петер- бург для выступлений с пением былин. В 1873 г. Щеголенок выступал в Москве, здесь его запи- сывал П. А. Бессонов. Весной 1879 г. в Москве через Е. В. Барсова со сказителем познакомился Л. Н. Толстой и пригласил его в Ясную Поляну. Записи рассказов заонежского крестьянина по- служили источником для создания шести про- изведений Л. Н. Толстого: «Чем люди живы», «Два странника», «Три старца», «Корней Васи- льев», «Молитва» и «Старик в церкви». Летом 1879 г. в Абрамцеве И. Е. Репин написал портрет сказителя. В Петербурге также состоялись его выступления, имевшие большой успех. Напевы с его голоса записали Н. А. Римский-Корсаков, М. А. Балакирев, А. П. Бородин и другие компо- зиторы. В опере «Садко» Н. А. Римский-Корса- ков использовал напевы былин, услышанные от Щеголенка, Т. Г. и И. Т. Рябининых.

К плеяде сказителей Кижской волости вре- мен П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга при- надлежат Леонтий Богданов из дер. Середка, Н. Ф. Дутиков и Домна Васильевна Сурикова из дер. Конда, Терентий Иевлев из дер. Волкостров, Семен Корнилов из дер. Кургеницы, А. В. Сара- фанов из дер. Гарницы и др. Леонтий Богданов был первым певцом, которого П. Н. Рыбников услышал и записал, – это была былина о Садко. Именно исполнение Л. Богданова, не обладав- шего выдающимся голосом, поразило собира- теля. С его слов были записаны былины об Илье Муромце, Михаиле Потыке, Хотене Блудовиче, а также исторические песни.

У Т. Г. Рябинина было 14 детей, из четырех сыновей в живых осталось двое – Гаврил и Иван. Второй сын, Иван, перенял умение сво- его отца и был первоклассным исполнителем былин. Сказительское мастерство усвоил и его пасынок Иван Герасимович Рябинин-Андре- ев. Последним представителем династии был Петр Иванович Рябинин-Андреев.

Иван Трофимович Рябинин хорошо выучил репертуар отца. К былинам он от- носился бережно, стараясь не вносить в них элементов, нарушающих эпический канон. В 1886 г. его записывали Ф. М. Истомина и Г. О. Дютш, совершавшие путешествие по

Северу по заданию Песенной комиссии Географического общества. Несколько записей И. Т. Рябинина вошли в сборник «Песни русского народа», изданный в 1894 г.¹³ В 1893 г. он был приглашен в Петербург, в 1894 г. побывал в Москве, а в 1902 г. – в городах России и в европейских странах. Его поездки с выступлениями способствовали поддержанию общественного интереса к эпическому наследию. Поездки были организованы учителем петрозаводской гимназии Павлом Тимофеевичем Виноградовым. И. Т. Рябинин много выступал в Петербурге. Особенно яркий след оставило выступление сказителя в Русском географическом обществе в январе 1892 г. На этом вечере его услышал композитор А. С. Аренский, впоследствии написавший симфоническое произведение «Фантазии на темы Рябинина для фортепиано с оркестром». В этом произведении использован знаменитый рябининский былинный напев. Выступление И. Т. Рябинина слышал представитель компании фонографов Эдисона Нильсен, предложивший записать Ивана Трофимовича на фонограф, чтобы отправить запись на Всемирную выставку в Чикаго. Эта запись оставила след в истории отечественной культуры как первая механическая запись фольклора. Певец был записан на фонограф также и Ю. И. Блоком.

В 1902 году И. Т. Рябинин выезжал вместе с П. Т. Виноградовым в города России и за границу, в славянские страны. Поездка началась с выступления в Петербурге в Мраморном зале Зимнего дворца перед царской семьей. На следующий день он получил награду – «Золотую медаль для ношения на шее» и золотые часы с гербом. Далее путь лежал за границу: через Киев, Одессу, Константинополь в Болгарию. Сказитель пел в Пловдиве. Серия выступлений, сопровождавшаяся большим успехом, состоялась в Софии. Дальше была Сербия, концерты в Белграде в зале Королевского театра. Сказитель выступал в одном концерте с сербским певцом Жуньичем, одетым в национальный костюм. И. Т. Рябинину была вручена золотая медаль «За услуге кральевом дому»¹⁴.

¹³ Песни русского народа собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894. С. XX.

¹⁴ Виноградов П. Т. Сказитель И. Т. Рябинин и моя с ним поездка. Томск, 1906. С. 10.

И. Т. Рябинин

Публичные выступления состоялись также в Вене, Праге, Варшаве. Е. Ляцкий так описывает его выступления: «Его задушевный, несколько сдавленный, но мягкий и высокий тенорок раздавался в зале, сразу очаровывая слушателей оригинальностью и красотой напева»¹⁵. П. Т. Виноградов также писал об успехе, сопутствовавшем выступлениям И. Т. Рябинина: «Пел речитативом сказитель былины, известные всем образованным русским: „Илья Муромец и Соловей Разбойник“, „Микула и Вольга“, „Добрыня и Змей“, а также духовный стих „Вознесение Христа“. Восторгам и аплодисментам после пения не было конца»¹⁶. К сожалению, И. Т. Рябинина очень мало записывали и в публикациях сохранилось всего лишь несколько текстов.

Иван Герасимович Рябинин-Андреев был пасынком Ивана Трофимовича Рябинина, сыном его второй жены. Его родной отец Герасим Андреев утонул во время рыбной ловли. И. Т. Рябинин, женившись на матери Ивана Герасимовича, перешел жить в дом этой семьи в дер. Гарницы. И. Т. Рябинин проявлял большую заботу о пасынке, они были очень дружны. Е. Ляцкий писал о нем: «Он растил его и поженит в прошлом году и ждет от него

¹⁵ Ляцкий Е. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. Кн. XXIII. М., 1894. № 4. С. 117.

¹⁶ Виноградов П. Т. Сказитель И. Т. Рябинин и моя с ним поездка. С. 5.

П. И. Рябинин-Андреев

в будущем хорошего семьянина и работника: он парень степенный, не пьет, не курит и к тому же по привычке старинки (так Рябинин называет былины) и божественные (духовные) стихи тянуть, хоть голос-то у него тоненький: молод еще»¹⁷. Иван Герасимович прожил в семье с отчимом до 23 лет и хорошо усвоил рябининский репертуар.

Иван Герасимович десять лет работал на Ижорском заводе в Колпино под Петербургом. Впоследствии он вернулся обратно в дер. Гарницы. Сказитель, как и его предшественники, выступал с пением былин в Петрограде, но уже не в Русском географическом обществе, а в Институте слова, организованном по инициативе А. В. Луначарского. В 1921 г. фрагменты былин в его исполнении были записаны на фонограф С. И. Бернштейном. В. Н. Всеволодский-Гернгросс записал почти весь репертуар Ивана Герасимовича, составлявший 15–16 сюжетов. Иван Герасимович воспринял практически весь репертуар отчима и напевы, восходящие к напевам Трофима Рябинина. По словам А. М. Астаховой, он относится к представителям «классического стиля былинного сказа-

И. Г. Рябинин-Андреев

тельства», предпочитавшего пение, а не словесное сказывание. Он унаследовал «стройность и ясность композиции», стремление к сохранению художественной ткани произведений и всех высоких качеств редакций Трофима Рябинина. Он был хранителем семейной эпической традиции. «Третий Рябинин – несомненно, один из крупнейших мастеров былины кижской школы сказителей»¹⁸. Записи его былин были изданы в специальном сборнике «Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева»¹⁹.

У Ивана Герасимовича было 14 детей: 9 сыновей и 5 дочерей. Многие из них умерли в детстве. Былины выучился петь только сын Петр. Он был отличным мастером исполнения и по праву унаследовал славу знаменитой династии сказителей. Он много ездил с выступлениями, проходившими с большим успехом. К нему проявляли интерес как любители народной поэзии, так и исследователи. Записи, сделанные от него, вошли в известные сборники «Былины П. И. Рябинина-Андреева»²⁰ и «Былины Севера»²¹. К. В. Чистов, слышавший

¹⁷ Астахова А. М. Иван Герасимович Рябинин-Андреев... С. 26–27, 32, 35.

¹⁸ Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева / Подгот. текстов и прим. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.

²⁰ Былины П. И. Рябинина-Андреева / Подг. текстов, статья и прим. В. Базанова. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1940.

²¹ Былины Севера / Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. Т. II.

¹⁷ Ляцкий Е. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины... С. 113.

его исполнение и знавший сказителя лично, отмечал, что «к былинам и к пению былин у него было благоговейное отношение. Он горячо и преданно любил каждого, кто интересовался ими, знал или хотя бы слушал. <...> Я не могу забыть его манеры пения. Перед началом он должен был помолчать, взор его просветлялся, он как бы переставал видеть присутствующих, и минуты три-четыре покачивался в такт строкам, которые еще не были произнесены, но уже возникали в памяти... Он становился предельно серьезным, отрешенным и словно жил в ином измерении, голос его, в иных случаях с хрипотцой, становился чистым и сильным. Он уверенно выводил строку за строкой, артистически, виртуозно сочетая мелодический ход и естественную разговорную „декламационную“ интонацию. В такие минуты все, кто его слушал, поражались мастерству певца»²². Изменившаяся действительность сказалась на творчестве П. И. Рябина-Андреева. Он, как и многие другие сказители, пытался сочинять произведения былинного склада с новым содержанием – на темы современной ему жизни. Этот жанр просуществовал очень недолго, сам сказитель чувствовал несоответствие формы и содержания новых произведений. В 1939 году П. И. Рябинин-Андреев был награжден орденом «Знак почета», а затем принят в Союз писателей. После Великой Отечественной войны он переселился из дер. Гарницы в Петрозаводск и жил здесь постоянно. Петр Иванович Рябинин-Андреев навсегда вошел в историю русской культуры как достойный представитель замечательной династии сказителей.

Правнук Т. Г. Рябина Михаил Кирикович Рябинин не был сказителем, но известен как человек талантливый, склонный к сочинительству. Он написал сценарий заонежской свадьбы, используя традиционные жанры свадебной поэзии – приговоры дружки, причитания, свадебные песни. Хотя его пьеса обнаруживает знакомство автора с книгой В. Д. Лысанова²³, из которой он позаимствовал некоторые тексты, в ней много собственного

творчества М. К. Рябина²⁴. Он славился в своей волости как непременный участник свадеб, исполнявший очень важную роль дружки – обязательного чина традиционной заонежской свадьбы.

Творчество М. К. Рябина, так же как и других исполнителей Кижской волости, стало известным благодаря экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга». Ее участники обследовали деревни Кижского и Сенногубского сельских обществ с целью записи эпических песен, фиксации изменений в бытовании былинного эпоса. Участники экспедиции встречались с потомками сказителей, от которых записывали знаменитые предшественники. Всего в экспедиции было записано 376 текстов былин и исторических песен, отдельные эпические тексты были зафиксированы впервые. Собранные материалы вышли в сборнике «Онежские былины»²⁵, название которого подчеркивало его связь со сборниками П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга. Материалы, не вошедшие в это издание, были опубликованы в 2007–2011 гг. под названием «Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых»²⁶, куда вошли, помимо былин, записи духовных стихов, баллад, исторических песен и других жанров фольклора.

Былины сказителей, принадлежавших к елустафьевско-рябининской школе, образуют единое гнездо эпической традиции. Они в своей основе сохраняют елустафьевский извод. Для этой школы характерно преобладание героических сюжетов. Представители школы Конона с Зяблых Нив или Конона Саввиновича Неклюдина исполняли преимущественно былины-новеллы с бытовой тематикой за исключением былин об Илье Муромце. К этой школе исследователи относят молодницу из Кижской Губы, Григория Васильева, Николая Филипповича Дутикова, Степаниду Кононовну Неклюдину (дочь Конона). Наиболее одаренной была Домна Васильевна Сурикова, от которой восприняли былины ее сыновья

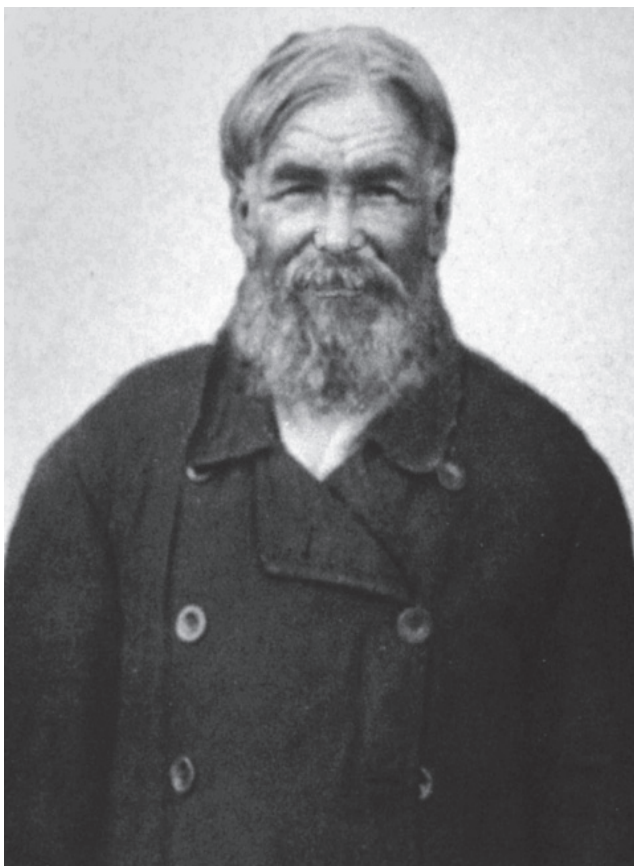
²² Чистов К. В. Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980. С. 104, 106–107.

²³ Лысанов В. Д. Досюльная свадьба, песни, игры и танцы в Заонежье Олонецкой губернии. Собрано и изложено в драматической форме В. Д. Лысановым. Напевы записал и гармонизировал А. П. Максимов. Петрозаводск, 1916.

²⁴ Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга. В 2 т./ Вступ. статья, подгот. текстов, науч. коммент., приложений, справочного аппарата В. А. Бахтиной. М., 2011. С. 97–119.

²⁵ Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. Ю. М. Соколова; подгот. текстов, примеч. и словарь В. Чичерова. М., 1948.

²⁶ Неизданные материалы... М., 2007–2011. Т. 1–2.

А. Б. Суриков

Антон и Егор. К последнему поколению принадлежат Михаил Степанович и Анна Николаевна Зиновьевы, Маланья Нефедовна Северикова и др. Яркой представительницей этой школы явилась Настасья Степановна Богданова из дер. Зиновьево.

Н. С. Богданова была выдающейся исполнительницей с прекрасным голосом и большим репертуаром былин, сказок, песен, причитаний. На своем первом выступлении в Петрозаводске перед инспекторами народных училищ в 1902 г. она исполнила былины «Добрыня Никитич и Алеша Попович», «Чурила Шапленкович» и «Дунай», духовные стихи «Мучения Егория» и «Вознесение», а также песни²⁷. Впоследствии сказительницу неоднократно записывали собиратели, в разных изданиях были опубликованы записи, произведенные от нее: в книге Н. С. Шайжина «Олонецкий фольклор»²⁸, в «Памятной книжке Олонецкой губернии»²⁹ и др.; в 1926 г. ее были-

²⁷ Лосев С. А. Заметка в разделе «Местная хроника» // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 81.

²⁸ Шайжин Н. С. Олонецкий фольклор. Петрозаводск, 1906. С. 118–163.

²⁹ Шайжин Н. С. Похоронные причитанья Олонецкого края (новая запись) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г. Петрозаводск, 1910. С. 194–212; Памятная книжка Оло-

ны были записаны участниками экспедиций «По следам Рыбникова и Гильфердинга» и Государственного института истории искусств, с ней работали сотрудники Карельского научно-исследовательского института и Института русской литературы. Записи от этой замечательной сказительницы вошли в крупные собрания русского фольклора³⁰.

Вместе с былинами собиратели записывали и произведения другого эпического жанра – духовные стихи. П. Н. Рыбников еще до своего открытия былин собрал немало стихов религиозного содержания, из которых можно было составить отдельный сборник, но, сосредоточившись на поиске былин, он не стал заниматься изданием и передал свои записи П. А. Бессонову, который и опубликовал его материалы в «Калеках переходящих». Так, в этом издании есть стих «Плач Адама», записанный от кижского писаря А. Трифонова³¹. Е. В. Барсов опубликовал записи, произведенные Гурьевым от известного сказителя В. П. Щеголенка³². Это четыре духовных стиха: «Иоанн золотые уста» (Вознесение), «Убогий Лазарь» (Два Лазаря), «О младенце Кирикке», «Красная Алисафия Агапиевна» (Егорий и змей). Известно, что духовные стихи исполнял во время своих выступлений И. Т. Рябинин. Участниками экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга» были записаны стихи со слов А. Б. Сурикова, М. Н. Сивериковой, К. В. Разбивной, М. С. и А. И. Зиновьевых и других сказителей. Сказители предпочитали духовные стихи эпического склада: «Голубиная книга», «Мучения Егория» и «Егорий и змей», «Алексей человек Божий», «Два Лазаря», «Об Иосифе Прекрасном» и т. д.

В Кижской волости были распространены исторические песни и баллады, сказители знали песни об Иване Грозном, о Скопине, о князе Голицыне, о Гришке Отрепьеве и др., сюжеты о горе-злосчастии и Упаве-молодце, о добром молодце и жене неудачливой

нецкой губернии на 1911 г. Петрозаводск, 1911. С. 195–208. См. также: Олонецкие водопады Кивач, Гирвас и Пор-Порог в описаниях туристов. Петрозаводск, 1907.

³⁰ Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. Ю. М. Соколова... С. 590–627; Былины Севера... С. 45–120.

³¹ Калеки переходящие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861–1864. № 651. С. 272–273. Вып. 6.

³² Памятники народного творчества в Олонецкой губернии... С. 85–86.

и т. д. В исследуемой местности зафиксированы классические балладные сюжеты «Василий и Софья», «Братья разбойники и сестра» и др.

Собиратели XIX–XX вв. встретились в Заонежье со стихией народной песни. П. Н. Рыбников во время своего первого путешествия с кижанами в Заонежье слушал, как пели гребцы во время долгого пути по Онежскому озеру. Он записал проникновенные слова песни, исполнявшейся Леонтием Богдановым вместе с попутчиками:

*Не кукушечка в сыром бору скуковала,
Ай не соловьюшко в зеленом садочку жалко свищет,
Ох, добрый молодец, в неволюшке слезно плачет.
Растоскуйся-ко, моя сударушка, да разгорюйся,
Уж я сам, ах, пошел, моя сударушка, да сгоревался...*³³

В 1886 г. в Кижской волости работала экспедиция Песенной комиссии Русского географического общества. Ф. М. Истоминым и Г. О. Дютшем фиксировались тексты и напевы песен, вошедшие впоследствии в известный сборник «Песни русского народа»³⁴. В 1916 г. увидела свет книга уроженца Сенной Губы, мецената и городского головы В. Д. Лысанова «Досюльная свадьба, песни, игры и танцы в Заонежье, Олонецкой губернии»³⁵, в которой были опубликованы напевы, записанные с голоса автора книги.

Участница экспедиции Института истории искусств 1926 г. З. В. Эвальд писала: «Очувтившись лицом к лицу с песенной культурой Заонежья, мы были буквально ошеломлены неисчерпаемым количеством материала и его разнообразием»³⁶. Особенно поразила собирателей протяжная песня, которую из-за сложного мелодического и ритмического рисунка почти невозможно зафиксировать на слух, без помощи звуковой записи. Отмечалось, что музыкальная культура края, выросшая на местной почве, отличается преемственностью. В Заонежье существуют целые семьи талантливых певцов. Это наблюдение было подтверждено многочисленными

Н. С. Богданова

экспедициями, собравшими в общей сложности большой песенный материал в Кижской волости.

Детский фольклор собирала в этом крае учительница Е. В. Ржановская. Она была родом из Сенной Губы, как и В. Д. Лысанов. В 1926 г. ей довелось познакомиться с участниками экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга». В дер. Комлево Е. В. Ржановская записывала сказительницу П. Н. Филиппову, эти записи вошли в уже упоминавшееся издание «Онежские былины». Детский фольклор, собранный Ржановской, вышел в сборнике, подготовленном С. М. Лойтер³⁷. Это большое количество закличек, приговорок, считалок, дразнилок и других произведений, записанных от детей в деревнях Сенная Губа, Середка, Воробьи.

Сказки в Заонежье начали собирать еще в XIX в. Первые записи сказок Кижской волости принадлежат ссыльному А. П. Баласогло, поэту и этнографу-энтузиасту. Его сохранившиеся немногочисленные материалы были опубликованы С. В. Максимовым в «Живой старине» в 1897 г. Записи были сделаны

³³ Рыбников П. Н. Заметка собирателя... С. 56.

³⁴ Песни русского народа...

³⁵ Лысанов В. Д. Досюльная свадьба, песни, игры и танцы...

³⁶ Эвальд З. В. Протяжные песни Заонежья // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927. С. 165.

³⁷ Русский детский фольклор Карелии / Сост., автор вступит. ст. и коммент. С. М. Лойтер. Петрозаводск, 1991.

собирателем в Сенногубском погосте. Дважды был записан сюжет «Царь-девица» («Молодильные яблоки»), а также сказка «О царе и портном».

П. Н. Рыбников записал в Кижях сказку «Свадьба Святогора» о былинном богатыре, который не смог обойти свою судьбу и женился на прекрасной девице из Поморского царства. Леонтий Богданов рассказал Рыбникову сказки «Пропавший муж», «Два промышленника». В Сенной Губе записывал С. Лосев в начале XX в. и опубликовал сказку «Суд святых» в своем очерке «По пути»³⁸. Сказку «Какой голос слышен дальше» записала в Кижской волости В. Н. Харузина. Материалы этих собирателей были опубликованы в сборнике, составленном М. К. Азадовским «Русские сказки в Карелии»³⁹. Самой яркой чертой заонежской сказки исследователи называют ее близость былинам. Нередко встречаются пересказы былин, изложенные в форме сказки, и наоборот, сказочные сюжеты воплощены в былинной форме. Еще исследователи говорят о влиянии городской культуры, сказавшейся на репертуаре заонежской сказки. Отсюда обилие новеллистических и анекдотических сюжетов, отмечается распространение лубочной сказки. И. В. Карнаухова, участвовавшая в экспедиции Государственного института истории искусств в Заонежье в 1926 г., писала о том, что в отличие от былин сказки широко распространены и продолжают свою жизнь: «...И сейчас на русском севере сказка живет и бытует повсюду. Это не воспоминание, хранящееся в памяти стариков и извлекающееся оттуда для редких любителей или собирателей, как былина, – сказка живет, и нет данных говорить об ее исчезновении»⁴⁰. По ее наблюдениям, сказка особенно хорошо сохраняется там, где существует семейная традиция, когда сказку рассказывают старшие детям. Не меньшее значение имели и деревенские беседы, особенно в такое время, когда нельзя было играть и веселиться, тогда на сцену выступает

сказочник, как правило, хозяин избы. Мастера-сказочники пользовались успехом и на лесных работах, когда длительное время мужчины находились вдали от своих деревень.

В Заонежье, как и в других районах Русского Севера, были распространены рассказы-бывальщины, в основе которых лежат эпизоды из крестьянской жизни, сопряженные со встречами с чем-то необычным, чудесным. Так, известны сюжеты о проклятых сыновьях и дочерях, о детях, попавших во власть лешего вследствие неосторожно сказанного слова, о мертвецах и т. д. Популярностью пользовались и легендарные сказки, повествующие о святых. Л. Н. Толстой был очарован рассказами сказителя В. П. Щеголенка, открывшими для писателя живой народный источник. Перефразируя М. К. Азадовского, можно сказать, что Кижская волость не только страна былин, но и страна сказок. Этот жанр не был чужд известным сказителям. Например, Петр Иванович Рябинин-Андреев обладал талантом сказочника и обширным репертуаром: в 1930–1940-х годах от него было записано 16 сказок на разные сюжеты. Кирик Гаврилович Рябинин-Андреев сам сочинил длинную сказку в стихах на манер сказки Ершова «Конек-Горбунок», о которой он говорил: «Вот славная повесть, сложена-то как славно!». Он говорил, что и сам не заметил, как сложил свою сказку в стиле Ершова:

*Начинается рассказ,
Люди добрые, для вас.
Я не вру и не сужу,
Всю вам правду расскажу.
Расскажу вам быль и сказку:
Дело было в саму Пасху...⁴¹*

Михаил Кирикович Рябинин записал свои сказки на сюжеты «Как мужик в рай ходил», «Как старик старуху обманул», «Как солдат попа обманул».

Сказочный репертуар был и у сказителя Е. Б. Сурикова, который рассказывал анекдотические сюжеты о глупцах: «Глупцы стреляют из ружья», «Глупцы варят кашу в проруби», «Глупцы делают колокол из лык»

³⁸ Лосев С. По пути // Олонецкие губернские ведомости. 1905. № 51.

³⁹ Русские сказки в Карелии / Подгот. текстов, статья и комментарии М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947.

⁴⁰ Карнаухова И. В. Сказочники и сказка в Заонежье // Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927. С. 104–120.

⁴¹ Карнаухова И. В. Сказочники и сказка в Заонежье... С. 122.

и т. д. Сказочным репертуаром обладала и К. А. Сурикова. Волшебные сказки были записаны И. В. Карнауховой от известной сказительницы Н. С. Богдановой-Зиновьевой. Она знала сказки «Чудесное бегство», «Финист ясный сокол», «Братец и сестрица» и др.

Сказочницей с выдающимся репертуаром была Е. А. Васильева из дер. Леликово, от нее в 1938–1939 годах собиратели записали 36 сюжетов, среди которых много волшебных сказок, «Сивка-Бурка», «Царевна лягушка», «Волшебное зеркальце (Мертвая царевна)», «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» и др. В Кижской волости значительный репертуар произведений этого жанра был собран в 1930–1940-е годы сотрудниками Карельского научно-исследовательского института культуры и студентами МГУ в 1956 г. под руководством Э. В. Померанцевой. Часть записей была издана в сборнике «Сказки Заонежья»⁴². Материалы, хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН, вошли в сборник «Неизданные материалы экспедиций на Русский Север»⁴³.

Первые записи обрядового фольклора, входившего в состав традиционной свадьбы Кижской волости, были сделаны П. Н. Рыбниковым в начале 1860-х годов. Материал опубликован в третьем томе последнего издания «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». Это шесть причитаний, относящиеся к просватовству и к дню свадьбы (утренние обряды, застолье – угощение жениха чаркой и расплетение косы). Из свадебных песен П. Н. Рыбников записал в Кижской волости «Как ездил млад отецкой сын» – редкий текст, не имеющий вариантов, и известную по многим записям песню «Сборы, сборы широкие».

В 1916 г. вышла книга В. Д. Лысанова, в которой представлен в виде сценария свадебный обряд в Сенной Губе и Кижях⁴⁴. В книге опубликованы свадебные причитания и песни, исполнявшиеся в период от сватовства до дня свадьбы включительно. В 1926 году участники экспедиции «По следам Рыбникова и Гиль-

фердинга» нашли в Кижской волости замечательных исполнителей приговоров дружки: уже упоминавшегося правнука Трофима Рябинина М. К. Рябинина из дер. Потаневщина (Середка), Н. И. Панова из дер. Войнаволоок, И. В. Егорова из дер. Речка и М. С. Зиновьева из дер. Зиновьево⁴⁵. В 1938 г. М. К. Рябинин написал пьесу «Заонежская свадьба». В записке, приложенной к пьесе, он привел некоторые сведения о старинных заонежских обычаях. Разнообразный материал был собран студенческой экспедицией Ленинградского университета, проходившей в исследуемой местности в 1931 г.⁴⁶ Записывались фрагменты свадебного обряда, свадебные причитания, песни, сведения о брачных обычаях и живые рассказы на тему свадьбы. В 1956 г. студенты МГУ под руководством Э. В. Померанцевой обследовали южное Заонежье и записали свадебные причитания, песни, приговоры дружки. Участниками экспедиции был записан цикл свадебных причитаний от талантливой исполнительницы М. П. Рогозиной⁴⁷. В разные годы рассказы о традиционной свадьбе и произведения свадебной поэзии записывали в Кижской волости сотрудники Института ЯЛИ КарНЦ РАН. Значительная часть собранных разными экспедициями материалов была опубликована в книге «Русская свадьба Заонежья»⁴⁸. В этом издании приводится полный сценарий обрядового действия заонежской свадьбы с причитаниями, песнями, приговорами дружки.

Как и повсюду в Заонежье, в кижско-сенногубской традиции предполагалось участие в свадьбе подголосницы. Ее роль не ограничивалась только исполнением причитаний от лица невесты. Она выступала как представитель рода девушки, имеющий полномочия вести переговоры с партией жениха. Подголосница решала, когда следует пропустить поезжан в дом, когда необходимо вывести невесту к столу, она руководила церемонией вручения подарков, сбора денежной помощи и т. д. Роль

⁴² Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986.

⁴³ Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг. / Вступ. статья, сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2011.

⁴⁴ Лысанов В. Д. Досюльная свадьба...

⁴⁵ Там же. С. 97–150.

⁴⁶ АКНЦ. Разряд VI. Оп. 1. Дд. 61, 64, 65, 72, 76, 78, 89, 90, 91, 94 и др.

⁴⁷ АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Коллекция 79. Ед. хр. 34–49.

⁴⁸ Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.) / Науч. ред. К. В. Чистов. Петрозаводск, 2001.

Свадебный дружка (вершник)

подголосницы как «правительницы свадьбы» в Кижской волости очень заметна, как, впрочем, и в Шуньге⁴⁹ (по наблюдению П. Н. Рыбникова), и в Кузаранде (по материалам, записанным от И. А. Федосовой⁵⁰).

Значительную роль играли в кижско-сенногубской свадьбе дружки. Традиция участия этого персонажа в заонежской свадьбе была хорошо развита. Кижская волость особенно выделяется приговорами дружки на фоне всего Заонежья. Вплоть до начала XX века в публикациях можно было найти не так много сведений об этих обрядовых произведениях. В значительной степени пробел был восполнен экспедицией 1926–1928 гг. «По следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга» под руководством Б. М. и Ю. М. Соколовых. Участниками были найдены великолепные исполнители приговоров дружки в самом центре былинной традиции – в Кижской волости. Самым знаменитым дружкой здесь был представитель рода Рябининых – Михаил Кирикович Рябинин, которого знала вся волость. Его чаще других приглашали на свадьбы, поскольку в знании

традиционных формул, в умении сочинять на ходу, складно пошутить и вставить меткое слово ему не было равных. Экспедицией Соколовых от него было записано 1009 стихов⁵¹.

В Кижской волости наряду с термином «дружка» употреблялся термин «вершник», как и на всей территории Заонежья. Существовал также и термин «шафер», проникший сюда, по-видимому, позднее. Сначала вершник выполнял роль распорядителя в доме жениха перед отправлением поезжан в дом невесты: руководил сбором денежной «подмоги», отдавал команду родственникам отправляться в путь. Он первым прибывал к дому невесты и вел переговоры с представителем партии невесты «поставным старостой», чтобы организовать встречу свадебного поезда⁵². В Кижской волости сохранилось традиционное правило твоекратного приезда вершников к дому невесты. Первый приезд здесь назывался «первое крыльцо», соответственно следующие – «второе

⁴⁹ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым... Т. 1. С. 49.

⁵⁰ Причитанья Северного края... Т. 2.

⁵¹ Бахтина В. А. М. К. Рябинин – свадебный дружка (из архивных материалов) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск, 2003. С. 3.

⁵² Кузнецова В. П. Дружка и его роль в русской свадьбе Заонежья // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 95–104.

крыльцо» и «третье крыльцо». В Заонежье дружки могли выполнять магические функции, о чем упоминает П. Н. Рыбников: их выбирали из «вежливых» людей. Обычно так называли тех, кто обладал особыми знаниями, был сведущ в колдовских делах. Действительно, заонежские дружки подчас «отпускали» свадьбы или избавляли свадебный поезд от колдовских чар, например от внезапной остановки в пути. Материалы по Кижской волости рисуют нам дружку-вершника, скорее, не как колдуна, а как мастера поэтического слова, балагура, умеющего развлечь публику своими приговорками. Магические функции в кижской свадьбе выполнял специально приглашенный человек, он производил «отпуск» свадебного поезда, отправлявшегося за невестой, зорко наблюдал во время свадьбы, чтобы кто-нибудь, обладавший более могущественной силой, не навредил молодым.

Репертуар свадебных песен в Кижской волости составляли те же самые песни, что и в других местах Заонежья, среди них «С терема на терем», «Пивна ягода по сахару плыла», «Кто у нас хороший», «Сборы» и др., в том числе и более редко встречающаяся песня «Жарко, жарко свеча горит», под которую в Кижках и Сенной Губе расплетали невестину косу.

Свадебному обряду Кижской волости были присущи все характерные черты заонежской свадьбы. В то же время в нем сохранились интересные местные детали, он был наполнен богатым обрядовым фольклором: классическими по форме и содержанию причитаниями, развитыми приговорами дружки, большим репертуаром свадебных песен.

Кижская волость сохранила богатейшее фольклорное наследие, проявившееся в разнообразных жанрах. Самой яркой чертой устного народного творчества этой местности является былинная традиция, которую талантливые сказители развили и донесли до нас в ее классической форме. Другие жанры народной поэзии: духовные стихи, баллады и исторические песни – испытали влияние былинного эпоса как в отношении репертуара, так и в отношении стиля произведений. Былинная традиция оказала влияние и на другие жанры, в частности сказку. От других районов Русского Севера Кижскую волость отличает особенно развитый жанр приговоров свадебного дружки, в чем также сказалось влияние эпической поэзии, процветавшей в этом крае. В Кижской волости особенную роль играли семьи в преемственности фольклорных традиций – как в отношении эпоса, так и в отношении других жанров фольклора.

Благодаря крупнейшим изданиям эпоса, публичным выступлениям мастеров-сказителей в городах России, былины смогли услышать композиторы, художники, писатели, ученые. Знакомство с живым народным словом оказало влияние на их творчество, появились многочисленные произведения по мотивам былин и рассказам исполнителей. В изданиях и самой собирательской работе были заложены основные научные принципы изучения русского эпоса, которые впоследствии получили развитие в трудах российских ученых.

Предания острова Кижь: святые люди на святой земле

У жителей каждого края, города или деревни есть своя опозитизированная история. В основе преданий обязательно лежит исторический факт, своеобразно и фантастично преломленный народным сознанием. В совокупности предания являются особым явлением традиционной культуры, основанным на народной исторической памяти и придающим местности, где они сохраняются, черты уникальности. Предания, связанные с историей острова Кижь, не являются исключением.

В середине XIX века Кижская волость Заонежья предстала перед просвещенной Россией в необычном качестве. Здесь, как писали собиратели, «самый воздух был наполнен поэзией», а драгоценные сказания «до сего времени усердно сохранялись народом». Вместе с былинами, песнями, причитаниями сохранились и предания о событиях местной истории.

Предания — жанр несказочной прозы с установкой на историческую достоверность, это своеобразная «устная летопись» края. В их основе лежат исторические факты, осмысленные и интерпретированные традиционным сознанием. Предания отражают народный взгляд на значимые для общества факты истории. С другой стороны, в них проявляется и традиционное мировосприятие, и самоосознание этноса в историческом пространстве. В преданиях выработались особые приемы изображения исторического прошлого. В ткань преданий органично вплетены

разнообразные и конкретные исторические реалии: образы исторических героев, географические объекты и пр., призванные подтвердить достоверность описываемых событий. Тексты преданий не раз становились предметом научного анализа. Благодаря исследованиям В. Я. Проппа, Н. И. Кравцова, С. Н. Азбелева, В. К. Соколовой, К. В. Чистова, В. П. Аникина, Н. А. Криничной, В. Е. Гусева и других фольклористов, в значительной мере раскрыта природа этого жанра устного народного творчества.

Первой в Карелии начала целенаправленно собирать, изучать, систематизировать образцы народной исторической прозы Н. А. Криничная. Ей принадлежат монографические исследования и сборники фольклорных текстов, посвященные преданиям Русского Севера¹.

В большей степени исследования акцентировали внимание на выявлении общих, жанрообразующих элементов преданий, их типологических особенностей. Нам представляется полезным рассмотреть локальную традицию и обратиться к преданиям, тем или иным образом связанным с островом Кижь. Остров Кижь с его величественными деревянными храмами являлся местом почитания, образцом воплощения творческой мысли,

¹ Криничная Н. А. Предания русского Севера. СПб., 1991; Северные предания. Беломорско-Обонежский регион / Изд. подгот. Н. А. Криничная. Л., 1978; Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.

предметом гордости для местного крестьянства и был центром культурной и общественной жизни Кижской волости и Заонежья. В связи с этим уместен вопрос, каким образом пространственные объекты и исторические реалии острова соотносятся с текстами преданий, бытовавших в этом локусе, и в чем заключена природа их своеобразия.

Исследование основывается на текстовой базе, включающей материалы, почерпнутые из разнообразных источников: периодической печати, путевых заметок собирателей, краеведческой литературы, рукописных материалов, хранящихся в архивах и личных собраниях.

Из совокупности литературных и архивных источников удалось выделить 22 предания, соотносимые с интересующей нас местностью. Для систематизации и первичного анализа полученных материалов мы воспользовались опытом исследователей, работавших со сводами текстов Карелии, Каргополья, Архангельской и Вологодской областей. Чрезвычайно полезным стал Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий, составленный Н. А. Криничной на основе многолетних исследований². К работе был привлечен Указатель сюжетов и мотивов, составленный Н. В. Петровым для фольклорного путеводителя по Каргополю³. Его методика пересказа, предложенная для работы с каргопольским пластом фольклорных текстов, позволила выделить уникальные детали сюжетобразующих мотивов.

Систематизация текстов по основным разновидностям сюжета позволила выделить четыре типологические группы преданий.

1. Предание о пребывании святого, творящего чудеса, наделяющего чудесными дарами. Выявлены два текста, зафиксированные в 1869 и 1926 годах. Текст поздней фиксации демонстрирует хорошую сохранность и содержит дополнительные смысловые детали. Мотивы этой группы имеют распространение на территории Заонежья, Каргопольского и Беломорского районов.

2. Предание о происхождении названий географических объектов от имен первопоселенца и святого. Текст зафиксирован единожды

в 1869 г. Вариации мотивов этой группы многочисленны, зафиксированы помимо Заонежья на территории Вологодской области.

3. Предание о провалившемся доме. Зафиксированы четыре текста, восходящие, по-видимому, к общему источнику и различающиеся лишь семантическим наполнением компонентов (1913, 1931, 1950, 2013). Мотивы группы представлены в устной традиции Заонежья, Каргопольского и Пудожского районов.

4. Предание о судьбе кижских церквей: а) о выборе места для строительства церкви, б) о нападении «панов» и наказании за разрушение святыни, в) о возведении новой церкви. Эта группа преданий представляет самое значительное собрание и включает 15 текстов. Самая ранняя запись относится к 1832 году. Мотивы и их вариации имели распространение в Заонежье, Беломорском, Медвежьегорском, Пудожском, Вытегорском и Каргопольском районах.

Необходимо заметить, что количество текстов в каждой тематико-сюжетной группе не является признаком распространенности тех или иных сюжетов и может быть связано с иными обстоятельствами. Так, предания о святых людях в течение многих лет могли оставаться вне сферы интересов исследователей по идеологическим соображениям. Ясно лишь, что требуются дополнительные архивные и полевые исследования для пополнения исследуемой базы.

Обратим внимание на два предания, повествующие о пребывании святых людей на кижской земле. Интерес представляет выявление связей предания с народными представлениями и соотнесение его содержания с исторической действительностью.

Предание о митрополите Филиппе

Первое предание, рассказывающее о пребывании святого на кижской земле, связано с именем одного из настоятелей Соловецкого монастыря митрополита Филиппа, в миру Федора Степановича Колычева (1507—1569). Он почитался повсеместно на Русском Севере. В основе народного уважения лежало подлинно христианское отношение святителя к государственной власти: «не соперничал с Иваном Грозным митрополит Филипп, но властным словом обличил

² Северные предания... С. 221—225.

³ Петров Н. В. Указатель мотивов легенд и преданий // Каргополь: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья). М., 2009. С. 498.

его и мученичеством своим показал истинное превосходство духовного начала»⁴. Особо его имя почиталось старообрядцами Олонецкой губернии. Лик опального митрополита часто изображался на иконах и медных складнях, произведенных на Выге, рядом со Святыми Зосимой и Савватием, основателями Соловецкой обители⁵.

Текст кижского предания о митрополите Филиппе впервые был опубликован неизвестным автором в 1902 г. в сборнике среди материалов «для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края» под названием «Заклятие змей (митрополит Филипп)»:

«В деревне Кижы существует предание, что св. митр. Филипп до своего пострижения жил будто бы в соседней Жаренской деревне у одного богатого крестьянина работником. Он оставил по себе память. Один раз он заклил на южном конце острова змей, которые развелись там в большом количестве и мешали пастись скотине. С тех пор по сей день на том месте змеи не живут, между тем как во всех окрестных местах их видимо невидимо. Другой раз он поймал чудесным образом осетра (рыба, кот. в этих местах не водится) на праздник 1-го октября⁶ крестьянину, у которого жил. После этого он скрылся, так как про него прошла молва»⁷.

Второй вариант предания был записан в 1926 году участниками экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга» Ю. А. Самариним, С. П. Бородиним и Ю. М. Соколовым от жителя дер. Войнаволок Кижской волости Николая Степановича Абрамова⁸ и опубликован в издании «Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых»:

«Филипп митр<ополит> жил у Клинова работником зиму-весну: ловил рыбу, змей

проклил. Есть предание, что Ф<илипп> митр<ополит> мужикам пок<азал> изгородь (волки)»⁹.

К сожалению, запись была сделана схематично с большим количеством сокращений. Впоследствии стараниями В. А. Бахтиной, готовившей материалы к публикации, текст предания был восполнен. Несмотря на единичные записи этого предания, есть повод предполагать, что оно имело широкое распространение в Заонежье. Предположение подтверждают слова Ю. А. Самарина. Делясь впечатлениями о результатах экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга», он говорил, что легенд и сказаний, связанных с именами исторических фигур, Петра великого, боярыни Марфы (Ксении) Романовой, матери царя Михаила Федоровича и митрополита Филиппа Колычева, «было записано порядочное количество»¹⁰.

Мысль о близости предания и жития святителя Филиппа находит подтверждение при сравнительном анализе текстов. Житие дошло до нас в значительном числе списков. Однако все его редакции возводятся к трем основным: «пространным» Колычевской, Тулуповской¹¹ и Краткой¹². Текст кижского предания наиболее близок к тулуповской редакции жития. Этот вариант имел самое большое распространение и зафиксирован более чем 130 списками:

«Не знал он /Федор Колычев-ИН/... точного пути и пришел в область Великого Новгорода. Есть там большое озеро, называемое Оного, а по краям его расположены деревни. И пришел он в одно село, называемое Кижы¹³, и остановился у одного из жителей, по прозвищу Суббота. Доблестный же Федор сердечную веру воплощая в делах, как и прежде, Божественным заповедям повиновался... господин

⁴ Соловьев В. С. О духовной власти в России // В. С. Соловьев. Собр. соч. В 15 т. Репринт. изд. М., 1992. Т. 3. С. 231.

⁵ Винокурова Э. П. Рукописное наследие В. Г. Дружинина. Поморское медное литье // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 258.

⁶ 1 октября по старому стилю отмечается праздник Покрова Пресвятой Богородицы — храмовый праздник на Кижском погосте, великий праздник для заонежан.

⁷ Из олонецких легенд // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1902. Вып. 4. С. 63.

⁸ Из тетради С. П. Бородина: «Николай Степанович Абрамов, крестьянин 52 лет, небольшого роста, с черной бородой, живой и веселый. Много работал на стороне, но в пределах Олонецкого края. Знает огромное количество прибауток, присказней, сказок, почти всегда сатирического или юмористического характера». (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 156—157. Зап. 1. VHI. 1926 г.)

⁹ Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых 1926—1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга. В 2 т. / Вступ. статья, подгот. текстов, науч. коммент., приложений, справочного аппарата В. А. Бахтиной. М., 2011. Т. 2. С. 248.

¹⁰ Письмо Ю. А. Самарина Б. М. Соколову. См.: Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых... Т. 2. С. 585.

¹¹ Колычевская редакция жития получила название по списку, принадлежавшему в свое время М. Д. Колычеву, известна в одном списке. Тулуповская названа по списку, содержавшемуся в сборнике Германа Тулупова.

¹² Яхонтов И. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 153.

¹³ В различных списках Жития селение называется по-разному: Кижя, Хижа, Хижи.

его, видя благонравие отрока, поручает ему пасти овец. С веселием же принимает юноша это: Господь Бог дал знак ему — пусть прежде бессловесных пасет. И так немало дней трудился он, желаемого не забывая»¹⁴.

Все редакции жития в рассказе о пути святителя в Соловецкий монастырь следуют одной сюжетной схеме. Они включают рассказ об уходе Филиппа в северную обитель через Онежскую землю и служении в качестве пастуха у кижского крестьянина. Эта сюжетная схема сохраняется и в предании. Фольклорная и письменная житийная традиции отражают приблизительно одни и те же исторические реалии, но рассказывают о них по-своему, присущими каждой из них изобразительными средствами.

В Кижском предании реальность тонко внедрена в ткань повествования: митрополит Филипп нанимается в работники в семейство Клиновых, проживавших в селении Киж или в деревне Жаренской. В настоящее время эта деревня располагается на материковой части Кижского архипелага среди деревень Западного берега. Но до конца XVII века деревня Жарниково (вар. Жаренская), она же Марковская, действительно находилась на острове Киж, откуда «переехала» на материк для освобождения плодородных, защищенных от лесного зверя земель.

Аналогичное кижское предание о проклятии змей, связанное с именем Писца Панина, разворачивает действие на острове Мальковец. Крестьяне, проживавшие на нем, носили фамилию Мальковы¹⁵. По данным архивных источников, о Мальковец именовался ранее Виж остров. Еще в XVIII веке в одноименной деревне, расположенной на нем, проживали крестьяне Клиновы (Антон Семенов Клинов с семейством)¹⁶. С течением времени это многочисленное семейство расселилось по соседним островам Викоостров и Кердиостров.

В начале XIX века эти островные деревни перешли на материковую часть. Во второй половине XIX века представители рода Клиновых проживали в нескольких деревнях Западного берега: дер. Мальково, дер. Клиново, дер. Жарниково¹⁷.

Житийное описание подсказывает нам имя поселенина, принявшего святого чело века, — Суббота. Есть повод предполагать, что именно о нем говорится в Писцовой книге Обонежской пятины Заонежской половины за 1563 год: «Дер. на Кижском же острову да на том же острову была деревня Марковская... /в ней проживает- ИН/:... Сидорко Степанов Суббота...»¹⁸.

Годы, в которые крестьянствовал Сидорка Суббота на кижской земле, совпадают по времени с описываемым путешествием Федора Колычева в Соловецкий монастырь. Упомянутое в предании семейство крестьян Клиновых имело родовые связи с дер. Марковской-Жарниковой, члены семьи продолжали пользоваться земельными наделами на острове Киж до начала XX века¹⁹. Возможно, дополнительные генеалогические изыскания позволят найти недостающие звенья в родословии и подтвердить наше предположение о связи Клиновых с Сидоркой Степановым Субботой.

Введение в ткань повествования имен местных жителей и географическая привязка к месту — традиционный способ ориентировать предание на достоверность и правдивость. С другой стороны, кижское предание имеет много общих мест — топосов, близких как фольклорным сказаниям, так и житийным текстам о северных святых: мотив о странничестве и найме в работники к местному жителю²⁰, мотив сотворения чудес: заклятие змей²¹,

¹⁴ Цит. по: Федотов Г. П. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 3: Святой Филипп, митрополит Московский. Приложение: Житие и подвиги Филиппа, митрополита Московского и всея России / Сост., примеч., перевод С. С. Бычков. М., 2000. С. 144—146.

¹⁵ Барсов Е. Рассказ о том, как писец Панин давал имена заонежским деревням, в 1628 году // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1868—1869 год. Петрозаводск, 1869. С. 189.

¹⁶ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Ед. хр. 2/7. Л. 150. (Ревизская сказка Кижского мирского общества на 1782 г.)

¹⁷ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Ед. хр. 77/761. Л. 12 об. — 17 об. (Ревизская сказка Кижского мирского общества на 1858 г.)

¹⁸ Писцовые книги Обонежской Пятины: 1496 и 1563 гг. / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. С. 131.

¹⁹ НАРК. Ф. 33. Оп. 50. Ед. хр. 12/107. Л. 52.

²⁰ См. Предание о пребывании Савватия в Свят-Наволоке. Источник: Епатко А. Досоловецкая жизнь преподобного Савватия: три предания о чудотворце // Альманах «Соловецкое море». 2009. № 8: Информационный портал СОЛОВКИ. INFO [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://solovki.info/?action=archive&id=491>.

²¹ См.: Адоньева С. Б. Особенности структуры и семантики змеборческого сюжета в фольклоре и письменной традиции // Русский фольклор. Л.: Наука, 1989. С. 100—111; Черепанова О. А. О змее и змеборчестве // Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996.

ловля особой рыбы²², защита от лесного зверя, мотив наказания за греховное поведение²³.

Предание о Свят-наволоке и Смолев-наволоке

Второе сказание, повествующее о пребывании святого на кижской земле, можно отнести к разряду топонимических преданий. Предание о Свят Наволоке и Смолев Наволоке связано с происхождением названий географических объектов от имен поселенца и святого странника. В отличие от преданий о кижских храмах, к XX веку этот сюжет не имел широкого распространения в кижской округе и представлен единичной записью.

«Пихнулся дале /писец Панин. — И. Н./, полверсты места, до Святаго Наволока; остановился... „Што же называют Святым этот наволок, ребята?“ спросил он. — Во времена древности шел святой в этот наволок, — отвечают ему эти люди, — а на другой стороне, за сто сажен от Спасителя²⁴ жил человек темный; вдруг святой приходит на берег и этот темный человек явился на другом берегу. „Смоль, речет ему святой, перевези меня“. — Ну, святой, я тебя перевезу: твой сан выше меня, — ответил этот темный человек. — И с тех пор один наволок — Свят-наволок, а другой — Смолев-наволок»²⁵.

Впервые предание было опубликовано в 1869 г. исследователем церковной истории Олонецкого края Е. В. Барсовым в Памятной книжке Олонецкой губернии²⁶. Оно было включено в текст топонимического предания с общим сюжетом о писце Панине, который давал имена заонежским деревням²⁷. Свод включал в себя более пятидесяти сюжетов о наречении географических объектов Заонежья и представлял собой примеры осмысления иноязычных топонимов посредством народной этимологии.

²² Православная традиция трактует эти мотивы как аллегорическое изображение победы православия над ересью и язычеством. См.: Пигин А. В. К изучению житийной топики: сцены рыбной ловли // Пигин А. В. Памятники рукописной книжности Олонецкого края. Петрозаводск, 2010. С. 110—124.

²³ См.: Северные предания... С. 165—197.

²⁴ Спасо-Кижский погост на о. Кижы местные жители вплоть до начала XX века именовали «Белый Спас», «Спасушко», «Спаситель».

²⁵ Барсов Е. Указ. соч. С. 190.

²⁶ Там же. С. 189—193.

²⁷ Общую характеристику предания о писце Панине см.: Криничная Н. А. Предания Русского Севера...

По объяснению Е. В. Барсова, «название каждого селения обуславливалось первым впечатлением, которое производило оно на писца»²⁸. В топонимических преданиях исторические лица нередко дают имена неизвестным поселениям. Но поистине огромное количество сюжетов, связанных уже не с локальной, а с региональной географией, наводит на мысль об искусственной природе этого свода и дает повод предполагать, что авторство опубликованного произведения принадлежит самому Е. В. Барсову. Молодой исследователь в ту пору был страстно увлечен собиранием образцов устной народной словесности. В дальнейшем текст предания «Как писец Панин давал имена заонежским деревням» был включен В. Майновым в книгу «Поездка в Обонежье и Корелу»²⁹. В конце XIX века некоторые из сюжетов свода фиксировались и публиковались как самостоятельные произведения в Олонецких губернских ведомостях³⁰, но «Предание о Свят-наволоке и Смолев-наволоке» больше в источниках не воспроизводилось.

Географические реалии, упомянутые в тексте, — это два мыса, смотрящие друг на друга, один из которых расположен на южном конце Кижского острова, другой — на северо-западе Большого Клименецкого острова³¹. Разделяет их пролив с незамерзающей даже в лютые морозы полыньей, называемой в народе Святой салмой.

Святой наволок впервые был упомянут в Писцовой книге Обонежской пятины в 1563 году³² и впоследствии фиксировался в письменных источниках XVI—XVII веков. В XIX веке Святой наволок упоминался в рассказах кижских крестьян. В повествованиях это место отмечалось как знаковая, сакральная, территория: «/на Святом наволоке/растут всякие полезные травы, в старое время их и в Питер брали»³³.

Е. Л. Березович в своем исследовании «Топонимия Русского Севера» отмечала, что «святые» названия широко представлены в топонимии Русского Севера и распределены

²⁸ Барсов Е. Указ. соч. С. 189.

²⁹ Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877. С. 113—114.

³⁰ Криничная Н. А. Предания Русского Севера... С. 51—52.

³¹ До начала XX века в этом месте располагался перевоз между о. Кижы и о. Клименецким.

³² Писцовые книги... С. 130.

³³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е. М., 1909—1910. Т. 1. С. LXXIII.

по территориям достаточно равномерно. Они являются одними из наиболее частотных обозначений локусов, связанных с религией и верованиями, как языческими, так и христианскими. По распространенности они могут уступать только «чертовым» топонимам³⁴.

По мнению И. И. Муллонен, на территории Заонежья многие «святые» топонимы могли маркировать древний водно-волоковой путь, пересекавший Заонежский полуостров с юга на север и использовавшийся на протяжении длительного времени различными этническими группами³⁵. Святой наволоок мог служить таким маркером. В этнографических рассказах и преданиях упоминается транспортная магистраль на Повенец, проходившая по Кижскому архипелагу вдоль западного побережья Большого Клименецкого острова. По рассказам старожилов, еще в начале XX века в дер. Середка (Потаневщина) на Святом наволоке находился постоялый двор, в котором останавливались путники из Петрозаводска. С XVI века Святой наволоок был одним из самых заселенных в Кижской округе и, как следствие, одним из первых был вовлечён в процесс христианизации кижской земли.

С другой стороны, можно предположить генетическую связь между Святым наволоком и Святой салмой, расположенной рядом с мысом. Этот водный объект, отмеченный особыми положительными внешними признаками (очень большой, никогда не замерзает, так как бьют теплые ключи), мог быть осмыслен народным сознанием как подлинно святой. В дальнейшем в результате перехода свойств на соседний объект наволоок «обрел святость».

В предании Святому наволоку противопоставлен Смолев наволоок. Нам представляется возможным родство названия Смолев наволоок с именем или прозвищем поселенца, обосновавшегося в этой местности. Личное неканоническое (нецерковное) имя³⁶ Смолка нередко встречается у жителей Обонежских погостов в документальных источниках XVI—XVII веков.

³⁴ Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998. С. 195—197.

³⁵ Муллонен И. И. Об одной диалектной границе в Заонежье // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10. С. 215.

³⁶ До XVIII века в крестьянской среде были в употреблении два типа личных имён: полученные при крещении (церковные) и неканонические. В дальнейшем они могли сохраняться в качестве родовых прозваний и фамилий.

В Писцовой книге Обонежской пятины Заонежской половины за 1563 г. мы находим запись о том, что в Спасском Кижском погосте в непосредственной близости от Святого наволока³⁷, в деревне На Кирко-острове на Грозлове³⁸, проживают потомки некоего Смолки — Сушко да Сенко Смолковы³⁹. Очень заманчивым представляется связать их имена с легендарным Смолью, жившим на Кижском острове.

Имя Смоль могло даваться тому, у кого волосы были черны, как смоль. Темный, почти черный цвет волос имели саамы⁴⁰. В предании образ Смоли дополняется описанием «человек темный». В житийных текстах о миссионерской деятельности карельских святых такой эпитет сопровождал саамов: «дикие люди» — в значении невежественные, темные⁴¹. При отсутствии саамского населения на территории Заонежья и Кижской волости подтверждают топонимические данные, письменные памятники, фольклорные тексты, археологические находки, этнографические источники⁴². Деревня Грозлово (XVI—XVII вв.), или Грузиловская (XIX в.), в которой проживали предполагаемые потомки Смоли, также была отмечена «саамским следом». В материалах девятой ревизии по Кижскому мирскому обществу за 1850 год, когда повсеместно по кижской округе фиксируются вторые, возможно, бытовавшие в народе, названия деревень, дер. Грузиловская записывается со вторым названием — Лопинская⁴³. Этническое имя

³⁷ Остров Керкостров (вар.: Кярдеостров — 1782 г., Кердей остров — 1834, Керди остров — 1850 г.) находится в 150 метрах от Святого наволока.

³⁸ Селение На Кирко-острове на Грозлове значит среди прибывших, т. е. появившихся после последней переписи. По наблюдению Р. Б. Мюллер, годы, предшествовавшие 1560-м гг., характеризуются заметным подъемом крестьянского хозяйства. Она полагала, что в это время в Заонежские погосты шел значительный приток населения, спасавшегося от экономического кризиса, охватившего уже южные районы Обонежской пятины. См.: Мюллер Р. Б. Обонежская пятина // Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974. С. 247.

³⁹ Писцовые книги... С. 130.

⁴⁰ См.: Аксянова Г. А. Финноязычные народы Северо-западной России по данным физической антропологии // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.

⁴¹ Агапитов В. А., Логинов К. К. Из исторического прошлого Заонежья // Кижский вестник. Петрозаводск, 1994. Вып. 2. С. 111.

⁴² Керт Г. М. Саамские элементы в топонимии Карелии // Рябининские чтения — 1995. Петрозаводск, 1997. С. 196—198.

⁴³ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Ед. хр. 63Б/627. Л. 179. (Ревизские сказки Петрозаводского уезда Кижской волости. 1850.)

лопари, лопь, лопляне употреблялось как скандинавами, так и русскими в отношении саамов.

Неисключено, что предание о Святом наволоке и Смолев наволоке сохранило народную память о соприкосновении двух этнических групп, двух культурных традиций на узком локусе кижской земли.

Предварительный анализ сюжетного разнообразия преданий, связанных с островом Кижь, дает повод сделать следующие выводы.

Сюжеты и мотивы преданий имеют аналогии на сопредельных территориях. Хотя механизмы географической миграции сюжетов преданий не определены, можно предположить, что их распространение шло теми же путями, что и распространение других культурных традиций. Возможно, предания были занесены на кижскую землю в период волн русской миграции, одна из которых шла, как можно думать, через Каргополье и земли Пудожского края, другая — через земли Вытегорского района и Прионежья. Допустимо предположить и проникновение некоторых

мотивов через систему волоков и водных артерий к Онежскому озеру с берегов Белого моря. На новом месте мотивы получали привязку к иным объектам и событиям, дополняя пласт семантических элементов заонежской фольклорной традиции.

Предания о пребывании святых людей на кижской земле относятся к различным типологическим группам. Пласт преданий, принадлежащих к более древним историческим событиям, менее всего представлен в устной традиции Кижской волости. Тем не менее запечатленные в них исторические реалии в виде имен поселенцев, возможно, могут иметь реальных прототипов, что показывают документальные источники. Посредством топонимических преданий сохраняется память о границах расселения этнических либо конфессиональных групп и местах соприкосновения и взаимодействия этносов.

Ещё раз подчеркнём, что наши наблюдения носят предваряющий характер и призваны наметить пути для дальнейшего исследования.

Христианская вера, монастыри и храмы в былинах

В советское время по вполне понятным причинам эпические мотивы, связанные с религиозным сознанием, редко становились объектом специального исследования ученых или же оценивались негативно — как тлетворное влияние чуждой народу идеологии. Одно из немногих исключений — блестящая статья П. Г. Богатырева «Функции лейтмотивов в русской былине»¹, но и она впервые была опубликована за границей. Анализируя старину «Илья Муромец и Калин-царь», пропетую сказителем из Кижей Т. Г. Рябининым А. Ф. Гильфердингу², автор выделил доминантный лейтмотив — *стоять за веру, за отечество*, который «проходит чрез всю былинку и повторяется в ней десять раз»³.

Развивая мысль П. Г. Богатырева, можно сказать, что в сюжетах, посвященных отражению вражеского нашествия на Киев, эта формула и ее аналоги являются общеэпическим лейтмотивом, зафиксированным в разных районах бытования русских былин.

*...Я стоял за веру православную,
Я за руськие церкви за соборные
И за все монастыри богомольные...*
[Свод, I, № 74 — Печора]⁴;

*...А и ради матушки поедем свято-Русь земли,
А ради той ли-то веры православныя,
А для ради церквей да мы соборных,
А для матушки да Богородицы...*
[Гильф., № 57 — Пудога].

Этот словесный стереотип стал настолько привычным, что один из архангельских певцов механически перенес его в мир животных, дополнив традиционный укор богатыря своему коню:

*Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!
Ты не хочешь служить за веру христианскую!..*
[Кир., IV, 38].

Функции опорных лейтмотивов выполняют и другие устойчивые формулы, содержащие христианские мотивы.

*...А надеюсь на Спаса, на Пречистую,
На матушку на Божию Богородицу,
Надеюсь на братца на названого,
На молода Добрыню Никитича*
[Кир., II, 83, стихи 58—62, 90—93, 133—136 — Шенкурский уезд Архангельской губ.];

*...Божьи церкви на дым спущу,
Чудны иконы на плавь реки...*
[Кир., IV, 38, стихи 93—94, 126—127 — ультиматум царя Батыя; Архангельский уезд].

¹ Богатырев П. Г. Функции лейтмотивов в русских былинах // Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

² П. Н. Рыбников, открывший для науки эпическую традицию Олонцкого края, записал от этого сказителя другую версию сюжета — не «Илья, Самсон и Калин», а «Илья, Ермак и Калин» [Рыбн., № 7].

³ Богатырев П. Г. Указ. соч. С. 433.

⁴ Список источников приводится в конце статьи.

В целом ряде эпических песен христианские мотивы играют ключевую роль, определяя развитие сюжетного действия и его развязку. В былинах «Сорок калик» и «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим» повествуется о паломничестве «ко святым местам», чтобы там

*...Господу Богу помолитисе,
К Господней гробницы приложитиси,
К Адамовым мощам приклонитиси*
[Свод, IV, № 188 — Мезень]

или замолить грехи буйной молодости:

*...Смолода бита, много граблена,
Под старость надо душа спасти*
[КД, № 19].

Чудесное оживление, исцеление или освобождение героев от пут часто приписывается странникам / старцам / каликам перехожим / ангелам («Михайло Потык»⁵, «Исцеление Ильи Муромца», «Сорок калик» [Кир., III, 84], «Иван Годинович», «Михайло Данилович»); иногда это делает сам Иисус Христос [Рыбн., № 140; С.-Ч., № 178 и др.]. Аналогичные функции выполняет глас с неба, дважды подсказывающий Добрыне, как победить Змея и спастись от потоков его крови (варианты П. Калинина и А. Чукова из Прионежья [Гильф., № 5 и 148]); адресованная Христу / Богородице / всем святителям / угоднику Божьему Николаю молитва богатыря, после которой у него силы вдвое-втрое прибыло или же опутинки шелковые / железа немецкие сами обвалилисе («Илья Муромец и Сокольник», «Илья Муромец и Калин-царь», «Михайло Данилович», «Потап Артамонович», некоторые варианты «Ивана Годиновича» [Григ., № 218], «Ильи и разбойников» [Свод, I, № 112], «Саула Леванидовича» [Кир., III, 113]). В былине «Садко в подводном царстве» герою мудрыми советами помогает Микола Можайский (иногда Богородица [Гильф., № 174]). В запеве о турах, которым открывается большинство записей старины

«Василий Игнатьевич и Батыга», Богородица предсказывает Киеву *погибель / невзгодушку великую*.

За исключением сюжета «Сорок калик со каликою» каликам перехожим (профессиональным певцам духовных стихов) в эпосе отводятся эпизодические роли. Они выполняют функции вестников, сообщая богатырям важные новости («Добрыня и Алеша», «Илья Муромец и Идолище»), порой избавляют их от тяжелых болезней («Исцеление Ильи Муромца») или даже оживляют («Михайло Потык», «Алеша Попович и Тугарин» [КД, № 20]). Чтобы остаться неузнанными, усыпить бдительность своего противника, эпические герои нередко переодеваются в платье паломников («Илья Муромец и Идолище», «Алеша и Тугарин», «Добрыня и Алеша», «Соломан и Василий Окулович» [Рыбн., № 95; Свод, II, № 272 и др.]). И лишь в двух случаях действия калик во многом определяют развитие сюжета, однако оба они связаны со сравнительно поздними новообразованиями. Это — вставной эпизод в ряде пудожских текстов «Ильи Муромца и Идолища» (*сильно могуче Иванищо* похищает татарского воина и допрашивает его о намерениях Идолища [Гильф., № 48 и др.]) и записанная всего в двух вариантах старина «Калика-богатырь» (безымянный калика таким же способом узнает о нашествии татар, предупреждает об этом киевских богатырей и активно участвует в разгроме вражеского войска [Гильф., № 101, 207])⁶.

В эпическом мире «своих» и «чужих» различают по двум основным признакам — национальному и религиозному, причем принадлежность к русскому этносу автоматически предполагает православное вероисповедание персонажей. Исключение составляют выросший среди неверных Сокольник, сын Ильи Муромца, и живущая в Киеве колдунья Маринка. Поэтому перед началом поединка с незнакомцем или перед тем, как прикончить поверженного врага, богатыри обязательно выясняют, с кем они имеют дело:

⁵ В одном из вариантов этого сюжета вмешательство Микола святителя, возвратившего богатырю человеческий облик, объясняется тем, что Богородица упростила его сходить на сыру землю и избавить Потыка от напрасною от смерти от волшебною [Гильф., № 6].

⁶ Подробнее см.: Новиков Ю. Динамика эпического канона: Из текстологических наблюдений над былинами. Вильнюс, 2009. С. 393—394.

*Ты скажи-ка, добрый молодец,
Ты с коей земли, ты с коей орды,
Как тя, молодца, именем зовут,
Ты какого отца, какой матери?*
[Рыбн., № 132 и др.]

В колымских пересказах былин об Илье Муромце богатырь не пускает в ход оружие до тех пор, пока не убеждается, что его противник *неправославный* [РЭПС, № 169, 170]. Издалека заметив сражающихся Добрыню и Дуная, Илья Муромец *прироздумалса*:

*Если неверной с неверным — да буду стаки-
вать;
Если руськой с неверным — да надо помоишь
дать;
Если руськой-от с руським — да буду розгова-
рывать*
[Григ., № 281 и др.]

Семантическая оппозиция «свой — чужой» = «русский — неверный» оказывается определяющей даже в отношении человеческих останков. Василий Буслаев попинывает найденную на Сорочинских горах голову костощёную, приговаривая при этом:

*Кака ты лежишь, голова, русска иль неверна?
Русска лежишь — так прихороним тебя,
А неверна лежишь — то хоть погалимса*
[Свод, IV, № 188 и др.]

В эпических песнях о нашествии врагов на Русь, как правило, используется ультиматум иноземного царя / *нахвальщика*. Набор угроз варьируется в разных регионах, но почти в каждом тексте говорится о намерении *поганых* осквернить христианские храмы и святыни:

*...А й с Божьих как церквей да чудны кресты
повыснимать,
Во церквах сделать стойлы лошадиные*
[Гильф., № 69 — Пудога];

...Православную веру облытынить всю...
[Свод, II, № 199; Печора; III, № 74, 78 — Мезень];

*...Я соборны больши церкви да вси на дым спу-
щу <...>*

*Я печатны больши книги во грезе стопчу,
Чудны образы иконы да на поплав воды...*
[Свод, II, № 196 и др. — Печора].

*Иногда неверные пытаются принудить к
этим бесчинствам князя Владимира и его под-
данных*
[Гильф., № 69 — Пудога].

За исключением этнической и религиозной принадлежности для изображения эпических соседей в былинах в основном используются те же детали и подробности, которые формируют облик «своих»⁷. Все иноземцы (за исключением жителей Царьграда) в русском эпосе считаются *иноверцами*, чаще всего *погаными* (то есть язычниками), *неверными*, *некрещеными*, *бусурманами*. В их число попадают литовцы (*Литва поганая*); *Идолище* в разных сюжетах; жители *царства Турецкого*, вымышленного *Индийского царства* или просто *инишьшёго* (то есть «иного» — чужого, враждебного Руси) *царства*, которым правит *царь Собака* [Григ., № 121]; *чудь белоглазая* [С.-Ч., № 215]; *сорочина злолукавая* [Свод, IV, № 188]. Сказители называют *погаными* татар, сменивших язычество на ислам вскоре после нашествия на Русь; подданных *короля Ляховинского* (польского), приобщившихся к христианству намного раньше восточных славян; жителей *Немечины* [Свод, III, № 23] (эпитет *немецкий* в русском эпосе обычно ассоциируется с Западной Европой); *неверным* называют даже *Водяного царя* [Гильф., № 2]. Колдунья Маринка живет в Киеве, но слывет *безбожницей*, *злой еретицей халтурной* [КД, № 9; БЗП, № 50 и др.]. В одной из олонекских записей Добрыня велит своему слуге: «*Маринкиным богам поди не кланяйся*» [Гильф., № 288]. Здесь показательна форма множественного числа — *богам*, естественная, если речь идет о языческом многобожии. (Впрочем, *богами* часто называют иконы.) Маринка живет в *татарской слободушке* / на *татарской улице* [Гильф., № 78, 122]; в своем тереме принимает гостя — *татарина поганого* / *Одолище поганое* / *Тугарина Змеевича* / *Горюнице поганое* [Гильф., № 122 и др.]. В эпическом мире язычницей оказывается и *Маринка*

⁷ Подробнее см.: Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000. С. 30—32.

Кайдаловна, правительница города Корсуни, греческой колонии в Крыму (*зла еретица-безбожница* [Свод, IV, № 195 и др.]). А ведь именно с осадой Корсуни князем Владимиром Святославичем летописцы связывали принятие христианства восточными славянами. Порой даже черниговский купец *Митрий* характеризуется как чужеземец и, естественно, иноврец — его именуют князем / царем / королем, живет он за морем, в проклятой Литвы или в Золотой Орде [Гильф., № 83 — Т. Рябинин). В его тереме богатырь

*Богу не молитца и челом не бьёт —
Молицы у их, право, некому*
[Свод, II, № 181].

Подобные аномалии связаны с тенденцией уподоблять «чужим» (в том числе и в религиозном плане) тех персонажей, которые являются эпическими противниками русских богатырей. А вот те персонажи, которым отданы симпатии сказителей, нередко изображаются сочувственно и даже причисляются к христианскому миру. Это относится к *Саулу Леванидовичу*, правителю царства *Алыберского*:

*...Ево царице Бог сына даст,
Поп приходил со молитвою*
[КД, № 26];

Неверные манят его [сына Саула — Ю.Н.] *к себе:
«Славной руськой богатырь!»*
[Марк., № 271].

Согласно некоторым вариантам, библейский царь иудеев *Соломан* живет в земле *Светорусьской* [Свод, II, № 271]. О его принадлежности к православному миру в текстах прямо не говорится, но уговаривая похищенную жену *Соломана* выйти замуж за *Василия Окуловича*, его слуга подчеркивает:

*У нас жити-то добро, дак служить легко:
У нас среды-то, петнички не постуют,
И велики чатверги у нас нечем зовут*
[Свод, II № 270 и др.].

В былине «Лука, змея и Настасья» *Салтан Турецкий* приютит в своем царьстве неверное

попавшего в беду богатыря, женил его на своей дочери. В соответствии с русскими традициями, они *приняли законной брак во Божьей церкви* [Свод, II, № 277].

За исключением Волха Всеславьевича и князя Романа из былины «Наезд литовцев», главные герои русских эпических песен не обладают магическими знаниями и другими сверхъестественными способностями. Как уже отмечалось, чаще всего чудеса происходят благодаря вмешательству небесных сил. Однако *христианские святые не только помогают, но и наказывают своих единоверцев*, если те нарушают нормы религиозной морали. В старине «Камское побоище» описываются два боя киевских богатырей с вражеским войском. В первой битве они одерживают безоговорочную победу. Возгордившись содеянным, кто-нибудь из эпизодических персонажей былины (обычно *братья Суздальцы* или *братья Долгополые*) самонадеянно бросает вызов небесной силе:

*...А кабы была на небеса да лисьница,
А прибили бы силу небёсную.*

В одном из вариантов их святотатство вообще не знает границ:

...Самого бы Христа в полон взяли
[Т.-М., № 70].

Перебитые враги оживают, каждый из воинов, рассеченных мечом до седла, превращается в двух живых *татарин*ов [Свод, IV, № 98; Григ., № 303 и др.]. Богатыри либо окаменевают, либо по решению Ильи Муромца прекращают бесполезное сражение:

Нам живым, видно, с мёртвыми не наратицьсе!
[Свод, IV, № 95 и др.].

В былине «Вавило и скоморохи» *святими людьми* называют скоморохов, реагируя на сотворенные ими чудеса [Григ., № 121]. *Веселые люди, не простые* наказывают временным безумием тех, кто предрекает им поражение в состязании с *царем Собакой*, и награждают красную девицу, пожелавшую им удачи:

*А были у ей холсты-ти ведь холшовы,
Ииша стали шолковы да атласны.*

Отказ от своей веры трактуется создателями и исполнителями былин как тяжкий грех, фактическая потеря национального идентитета. Именно этого добиваются от русских людей их этнические противники. *Кудреванко-царь угрожает прожиточных христьян* (крестьян. — Ю. Н.) *да во свою веру ввести* [Григ., № 105 и др.]. Иван Гоудинович пытается удержать *Настасью Митриевичну* от брака с иноземцем:

За королем жить — потеряешь всю веру крещоную!
[Свод, IV, № 159].

Новгородский богатырь *Василий Хлебович*, череп которого Василий Буслаев нашел на *горе Сорочинской*, когда-то сражался с *сорочинной злолукавой* и попал в плен.

Тут она меня и обневолила <...>
Стали приводить во свою веру,
Во свою веру, сорочинскую
[Свод, IV, № 188].

Убегая из татарского плена, княгиня *Марья Юрьевна* обращается к проплывающей по Дунай-реке *колоде кипаристовой* с проникновенной мольбой:

Унеси меня, колода, в свою сторону,
В свою сторону да в землю руськую,
Тебя встретят же, колода, попы, дяконы,
Со крестом же тебя да со иконами.
А расколют же колодушку тонешенько,
А изрубят же колодушку мелькошенько,
Твои шшечки сожгут да вместо ладону
[Мил., № 79].

Возвратившись домой, героиня не позволяет своему мужу прикасаться с ней до посещения церкви:

Не бери меня да за белы руки,
Не целуй меня да в сахарны уста:
Я была во той земли да во проклятой <...>
Ище всякой-то я погани наеласе,
Я поганого-то духу нахваталасе
[Григ., № 421].

Длительные контакты с иноверцами не проходят бесследно и для героя печорского

былинного новообразования «Лука, змея и Настасья». Турецкий *Киселиков-зрад* стал для него второй родиной. Здесь он женился на царевне *Настасье / Марье*; у них родился сын *Олеши Полуверенин* («*Марьюшка была из неверных, потому и был у них “Полуверенин”*», — пояснил исполнитель [Свод, II, № 278; то же в № 279]). Следует отметить, что иногда иноземцы тоже противопоставляют свою религию православной, которую они считают *поганой*. *Король ляходимский* отказывается выдать дочь замуж за киевского князя Владимира: «*Не отдам я своей Опраксии да королевисьни // А за вашу-ту веру поганую*» [Марк., № 217 — Терский берег].

Среди эпических противников особое место занимает Сокольник. С одной стороны, он типичный *нахвальщик, наездничек*, угрожающий разрушить Киев и сжечь православные храмы. Но с другой стороны, перед поездкой на Русь он просит у матери благословения, часто носит нательный крест, по которому Илья Муромец и узнает его. Эта противоречивость изначально заложена в образе Сокольника несовместимостью признаков «своего» (сын русского богатыря Ильи Муромца) и «чужого» (вырос и воспитывался на чужбине).

Перечисленные выше сюжетобразующие элементы встречаются во многих текстах былин хорошей сохранности, их нет только в некоторых схематичных или дефектных вариантах. Другие мотивы и образы, связанные с христианскими обрядами и обычаями, являются факультативными, напрямую не влияют на развитие сюжетного действия, но частотность их употребления весьма высока. Среди них можно выделить общерусские и региональные детали и подробности, а также общеэпические и характерные для конкретных сюжетов.

Отправляясь в опасную поездку, богатыри обычно просят благословения у старших родственников; чаще всего — у матери («*Добрыня и Змей*», «*Добрыня и Алеша*», «*Дюк*», «*Поездка Василия Буслаева в Иерусалим*»), в отдельных сюжетах — у отца («*Михайло Данилович*», «*Добрыня и змей*» [Григ., № 87]; «*Лука, змея и Настасья*» [Свод, II, № 277]) или у обоих родителей («*Илья Муромец и Соловей-Разбойник*»). В некоторых вариантах, принимая сватовство Алешы Поповича, *Настасья Микулична* обращается за благословением к свекрови, *Добрыниной*

матери. Благословения у старших родственников или более знатных членов социума испрашивают и в «чужом мире»: Сокольник — у своей матери, *Златыгорки / Латынгорки*; литовские королевичи — у дяди, литовского короля («Наезд литовцев»); заменившие их в одном из вариантов *два брата Долгополые* — у киевского князя Владимира [Свод, II, № 264]. Второй способ избежать неприятностей в пути — *помолиться Богу дома, в церкви или в монастыре* (ср. аналогичные действия героев ряда древнерусских воинских повестей и сказаний). В одном из былинных вариантов это делают даже *туры златорогие*, пробегающие мимо православного храма [РЭПС, № 66]⁸.

Церкви соборные, монастыри почестные упоминаются не только при описании вражеского нашествия на Русь, но и в других сюжетных ситуациях. В православном храме *принимают золоты венцы богатырь* и его невеста («Добрыня и Настасья», «Михайло Потык», «Дунай»), в описании этого обряда нередко фигурируют *попы, отцы духовные; архерей соборный* [КД, № 11]; *чин церковный, причет соборный* и т. д. *Владыка черниговский* во время спора ручается за Ивана Гостиного сына [КД, № 8 и др.] или Дюка Степановича [Гильф., № 152 и др.]. Отсутствие хозяина дома порой мотивируется тем, что он отправился в церковь на праздничную, чаще всего *воскресенскую*, службу («Дюк», «Илья Муромец и Соловей-Разбойник», «Чурила и Катерина»). В былинах о вражеском нашествии нередко подчеркивается, что Киев некому защищать: *А что ни лучших богатырей не сгодилося*, причем Алеша Попович (а в ряде вариантов Самсон или Илья Муромец) находится в богомольной стороне [Гильф., № 18, 41 и др.]. По велению святого или по собственной инициативе Садко и Михайло Потык строят церкви в честь своего спасителя *Миколы Всеможайского/Можайского*. В одной из печорских записей Садко обязуется соорудить *церковь обидённую*, т. е. возвести ее по обету за один день [Свод, II, № 250]. Завладев кладом, Илья Муромец строит на эти средства *монастыри богомольные, церкви соборные* («Три

поездки Ильи Муромца»). В одном из олонечских вариантов он уточняет: «*Чье было именье, за того пускай идет!*» [Рыбн., № 129]. Добрыня наказывает матери в случае его гибели раздать золоту казну <...> *по всем скитам да по монастырям, и по церквям богомольным* [БС, № 178 и др.].

В эпическом мире православные храмы всегда изображаются как нарядные и красивые строения. Три дня подряд выкупая в Новгороде все товары, Садко сооружает храмы во имя Стефана-архидьякона, *во имя Сафеи Премудрия, во имя Николая Можайскова*.

*Кресты, маковицы золотом золотил,
Местны иконы вызукрашевал,
Изукрашевал иконы, чистым земчугом усадил,
Царские двери вызолачевал*

[КД, № 28].

Описывая богатые дворы Дюка Степановича и Чурилы Пленковича (сюжет «Чурила и князь»), лучшие кенозерские сказители использовали оригинальную гиперболу:

Над воротами икон до семидесят.

Это делается для того, чтобы еще выразительнее подчеркнуть превосходство города Галича над Киевом:

*...У Владимира того-де не случилось,
Да одна та икона была местная*
[Гильф., № 225 и др.].

А в былине каргопола Латышова галицкий боярин содержит собственных иконописцев: *Семьсот человек на красном золоте иконы пишут* [Рыбн., № 202]. Послы киевского князя принимают за пожар сверкающие на солнце золоченые крыши домов и *самоцветные маковки* на церквях родного города Дюка [Рыбн., № 30; Гильф., № 9 и др.]. Огромные размеры *Сокола-корабля* подчеркиваются тем, что на его палубе построены *три церкви соборные и три монастыря, три почестные* [Т.-М., № 16 — Вологодская губерния; ср. Мил., № 17 — Енисейский округ]; три храма украшают обширный двор Дюка Степановича [Григ., № 263; Т.-М., № 51, Рыбн., № 107 — Кулой, Мезень, Прионежье и др.].

⁸ Это типичный образец механического употребления эпических стереотипов. Используя привычные клишированные формулы, сказители иногда вопреки логике повествования называли змею — б...-безбожницей [Марк., № 152], Водяного царя — неверным [Гильф., № 2], крепостные башни в Киеве — корабельными [Свод, III, № 10] и т. п.

В былинах иногда упоминаются конкретные христианские храмы и монастыри, важнейшие религиозные праздники. *Калики переходящие* отправляются на богомолье ко святым местам из Юрьевского / Кирилловского монастыря, из Ефимьевой или Хвалынской пустыньки [КД, № 24 и др.]; Василий Буслаев собирается биться со всем Новгородом

*...Окроме трех монастырей —
Спаса Преображения,
Матушки пресвятой Богородицы
Да еще монастыря Смоленского*
[Рыбн., № 169 и др.].

Старчищо Андронищо, крестный батюшко Василия Буслаева, *надел на голову Софеин колокол* (с Софийского собора в Новгороде) [Гильф., № 141 и др.]. Перед тем как ударить его *червленым вязом*, богатырь с иронией приговаривает:

*«Не дал я ти яичка о Христовом дни, —
Дам тебе яичко о Петровом дни!»*
[Рыбн., № 151 и др.].

Эта формула используется и в финале одного из вариантов «Добрыни и Алеши» [Гильф., № 33]. Храм *Софии премудрые*, но не новгородский, а киевский, фигурирует в былине пудожанина Ф. Конашкова «Садко», в которой действие перенесено из Новгорода в Киев [С.-Ч., № 91]. Кенозерские варианты старины «Чурила и Катерина» открываются такой пейзажной зарисовкой:

*Накануне было праздника Христова дни,
Канун-де честнаго Благовещенья.
Выпадала порошища-де снег а молодой...*
[Гильф., № 224 и др.].

Монастыри характеризуются в эпических песнях как место, где можно обрести духовный покой, избавиться от мирских страстей. Желая замолить грехи молодости, принимают схиму Тимофей, отец Ермака [Гильф., № 121]; Данило Игнатъевич, отец Михайла Даниловича. Усмирненные Ильей Муромцем разбойники дали *заповедь великую записаться во пустыни во монастыри* [Гильф., № 197 — Пудога]. В ряде

пудожских былин даже Соловей-Разбойник обещает стать строителем *монастырей богомольных*, но Илья Муромец предупреждает князя Владимира: *«Не строитель он вековой, а разоритель»* [Рыбн., № 128 и др.]. В мезенских вариантах «Козарина» и «Ильи и разбойников» татары делят *казну монастырскую / Никольскую*; видимо, эта деталь навеяна исторической балладой «Добрый молодец и казна монастырская» [Свод, IV, №№ 105, 106, 201 и др.]. Обжора Тугарин Змеевич *По целой ковриге за щеку мечит, // Те ковриги монастырския* [КД, № 20].

Христианские элементы играют важную роль в пространственно-временных характеристиках эпического мира. В былинах «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» и «Иван Гостинный сын» продолжительность поездки богатырей измеряется временем между заутреней и обедней; к церковной службе, чаще всего праздничной, *воскресенской*, приурочены и многие другие события. В печорской версии сюжета «Иван Гостинный сын» богатырь требует у черниговских попов *ярлыки скорописчатые* — документальное подтверждение выполнения им условий состязания (проскакать от Киева до Чернигова между заутреней и обедней) [Свод, II, № 190 и др.]. Аналогичный мотив содержится в рукописном пересказе XVIII века былины о первой поездке Ильи Муромца. *Князь киберской и воевода черниговской <...> ему дали по яичку, и на них подписали подпись: в которой день поспел из Муромы в Чернигов град и сколко под Черниговым побил силы босурманския* [БЗП, № 26].

Колокольный звон, четъе-петъе церковное, как и белый свет / солнце красное, в эпосе приобретают символическое значение, становятся синонимами жизни. Вражеский царь / эпический противник, как правило, угрожает лишить русских людей этих благ [Свод, IV, № 111 и др.]. Выпущенный из темницы Дунай благодарит своего крестового брата Добрыню: если бы не его заступничество,

*А не бивати-то мне, брат, на святой Руси,
А не видать тут как мне было бела свету,
А не слышать-то четъя-петъя церковного,
А не слыхивать звону да колокольнѣго*
[Свод, IV, № 116].

В характеристике идеальной невесты подчеркивается, что она должна быть обучена *четью-петью церковному* [Кир., III, 32]. В ряде былинных вариантов из Поморья и с Печоры Дюк Степанович демонстрирует не только знание духовных песнопений, но и свой громоподобный голос:

*Бласлови ты, Солнышко, херуимську спеть
Во всю-то моготу-то богатырьскую <...>
И запел удалой доброй молодець —
С угла на угол церковь покачалосе,
И хрустальны околени приломалисе... и т. д.*
[Марк., № 198; см. также: Марк., № 15; Свод, I, № 145 и др.].

Оригинальный поэтический образ, связанный с церковным колокольным звоном, использовал пудожский сказитель Т. Романов: в осажденном татарами Киеве звонят в *плакун-колокол* [Рыбн., № 142]. Аналогичная деталь есть и в былине Н. Швецова с Мошенского озера (юго-восток бывшей Олонецкой губернии): не надеясь на спасение, киевляне *бьют в колоколы да в плакущие*; а когда Илья Муромец истребил татарскую силу, они *звонят в колоколы да в радущие* [Гильф., № 304]⁹. Видимо, здесь речь идет не о разных колоколах, а о колокольном звоне разного звучания — ср. *малиновый звон, набат*¹⁰, *сполох, полный, красный звон*¹¹.

Из атрибутов христианского культа в былинах чаще всего упоминаются кресты разных типов. Это и придорожные распятия, и кресты на православных храмах, на богатырском шатре (у Самсона *крест на шатре буд-то жар горит* [Рыбн., № 142]). Преодолевая многочисленные препятствия на прямоезжей дороге в Киев, Илья Муромец

*Сам леса срывал да стружки строгал,
По стружкам-то он да кресты клadal,
Кресты клadal богомольные,
На крестах да подписывал:
«Едет старой казак да Илья Муромец...»*
[Рыбн., № 128 и др. — Пудога].

А в одном из поволжских вариантов с той же целью богатырь ставит часовенку с соответствующей надписью [Кир., I, 34]. Легендарный *Леванидов крест*, как и *Латырь-камень, дуб Невид, мощи Борисовы, пески Макарьевски*, в эпосе является местом сбора богатырей перед совместной поездкой или общеизвестным пространственным ориентиром. Иногда название этого креста механически переносится на другие объекты: *книга Леванидова* [Гильф., № 60], *луга Леванидовы* [Кир., III, 32].

В записях из разных регионов по имени перстню или нательному кресту Илья Муромец узнает своего сына Сокольника, выросшего на чужбине (в некоторых вариантах — Добрыню [Григ., № 213 и др.]); таким же образом Данило Игнатьевич узнает своего сына [Марк., № 183], а Добрыня — Илью Муромца [Свод, III, № 25]. Нательный крест осознается сказителями как универсальный оберег. Он спасает Илью Муромца от вероломного удара Сокольника (к этому эпизоду мы еще вернемся), от брошенного Идолицем *цинжалишиша булатнѣго* [Гильф., № 245; Свод, III, № 74], а спящего во время битвы Самсона — от стрелы, выпущенной разгневанным Ильей Муромцем [Рыбн., № 204 и др.]. В былине об Илье Муромце и Калине драматизм ситуации иногда смягчается тем, что герой велит стреле не убить, а разбудить его старшего крестового брата [Гильф., № 75, 304]. В одном из мезенских вариантов у находящегося в отъезде Добрыни *шевелилсэ на вороту же крес[т]*; богатырь догадался, что в Киеве готовится свадьба его жены с Алешей Поповичем [Свод, III, № 11]. Уникальная деталь использована в нижегородской старине. Заключив временный союз с царем *Батыем Каймановичем*, Василий-пьяница *смахнул с се[б]я чуден крест* [Кир., II, 93]. Эта новация не выходит за рамки фольклорной традиции. Согласно народным представлениям, нательный крест

⁹ Плакун-колокол упоминается также в исторической песне «Гнев Ивана Грозного на сына», записанной на Кенозере [С.-Ч., № 228], и в одной из старин мезенского сказителя Е. Расолова [Свод, IV, № 107]. Во втором случае появление этой детали, скорее всего, обусловлено заимствованием из книги (подробнее см.: Новиков Ю. А. Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. СПб., 2001. Сюжет 14, № 38).

¹⁰ Байбури А., Беловинский Л., Конт Ф. Полузабытые слова и значения: Словарь русской культуры XVIII—XIX вв. СПб.; М., 2004. С. 270, 293.

¹¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I. С. 672.

удерживает человека от греховных поступков; а если он упорствует в своем намерении, то крест надо снять. Так поступают те, кто хочет с помощью черта приобщиться к колдовским знаниям или покончить с собой [ФСЛ, II, № 351, 523 и др.]. В одном из сибирских вариантов «Добрыни и Змея» трудная ситуация, в которой оказался богатырь, возможно, связана с тем, что перед купанием в Почай-реке он снял с себя оберегающий его от несчастий *золот чуден крест со цепочкою* [РЭПС, № 15]. Нательный крест иногда выполняет функции ценного залога. Не узнав после долгой разлуки Добрыню, мать отказывается дать ему гусли своего сына: «*Унесешь ты звончаты гусли, не принесешь*». Богатырь отвечает ей: «*Я оставлю тебе крес[т] животворящий*» [БПЗб, № 134].

Несмотря на подчеркнuto уважительное отношение эпических героев к атрибутам православия, в некоторых сюжетных ситуациях они воспринимают золотой или серебряный нательный крест просто как ценный предмет. Илья Муромец готов заложить или пропить в кружале государевом свой *пречудной крест из червонова красного золота* [Гильф., № 220 и др.], а Василий Игнатъевич, оправдывающий свое прозвище *пьяница*,

*Он пропился-проелся весь до ниточки,
Не креста у него, не поеса*¹²
[Свод, II, № 197, 201 и др.].

В обоих случаях нет никакого антирелигиозного подтекста, как нет его и в былине «Ссора Ильи Муромца с Владимиром». Обидевшись на князя, который не пригласил его на пир или посадил за нижний конец стола, богатырь сбивает стрелами золоченые маковки с церквей, чтобы устроить свой пир *с голями кабацкими*. Дорогие украшения нужны ему для расплаты с *чумаками-целовальниками*. Характерно, что в некоторых вариантах Илья *отстреливает маковки позолочены* или *шарики золоченые* не с церквей, а с княжеского терема [Рыбн., № 128; Гильф., № 210; Мил., № 1; С.-Ч., № 53, 55, 169 и др.].

¹² В народной мифологии пояс, как и крест, считается одним из самых надежных оберегов. «Человек без п[ояса], как и без креста, открывает доступ к себе нечистой силе» [СД, IV, 230 — Е. Е. Левкиевская].

Эпические герои строго соблюдают правила религиозного этикета. В печорских и кулойских записях былин Дюк Степанович решительно пресекает неуместные во время церковной службы расспросы Чурилы Пленковича или Алеши Поповича:

*Не то нынче поют, да не то слушают,
Поют и слушают обедню воскресенскую*
[Свод, I, № 138 и др.].

В мезенских вариантах «Чурилы и Катерины» *Перемет* аналогичным образом «отчитывает» свою служанку [Свод, IV, №№ 147, 148], а в текстах с Зимнего берега и из Архангельского уезда Дюк или Илья Муромец делают замечания даже князю Владимиру [Марк., № 113; Кир., IV, 1 и др.]. В печорском былинном новообразовании «Лука, змея и Настасья» богатырь не осмеливается войти в храм в конце богослужения: *ему совестно бы стало б, что проспал обедню да воскресенскую* [Свод, II, № 281 и др.].

В былинном мире важную роль играет институт побратимства. Обменявшись нательными крестами, богатыри принимают на себя обязательства слушать советы друг друга, выручать из беды *названного брата* и, конечно же, *не посягать на жизнь своего побратима*. Трагически безысходная ситуация возникает в одном из поволжских вариантов былины «Данило Ловчанин». Среди воинов, посланных против него князем Владимиром, богатырь видит своего родного брата *Никиту Денисьевича* и названного брата *Добрыню Никитовича*. Они не вправе ослушаться великого киевского князя, пославшего их против близкого им человека. С горечью восклицая:

*Ишио где это слыхано, где видано, —
Брат на брата со боём идёт?*

Данило Денисьевич предпочитает покончить жизнь самоубийством [Кир., III, 32]. Такая же нравственная норма утверждается в духовном стихе «Непрощаемый грех», входившем в репертуар ряда эпических певцов из Поморья. Добрый молодец кается в своих грехах *сырой земли*; она все ему прощает, кроме одного:

*...Во третьём греху да не могу просытить,
Не могу просытить да не могу покаети:
Ты ведь ездил, доброй молодець, да по цисту полю,
Ты не госьтя ты убил да не торгового,
Своего убил брата крестового,
Порушил своё да кресно знаменьё*

[Марк., № 159 и др.].

Заметное воздействие на устную эпическую традицию оказала **христианская книжность**, что стало предметом научных исследований классиков дореволюционной русской фольклористики Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, В. Ф. Миллера, И. Н. Жданова и других эпосоведов. Из Библии, Евангелия и апокрифических сказаний позаимствован целый ряд эпизодов и мотивов, имен собственных; христианские легенды положены в основу отдельных былинных сюжетов и ключевых мотивов («Самсон лишается силы», «Самсон и неверная жена», «Соломан и Василий Окулович», «Сорок калик», отбор дружинников в «Наезде литовцев» и в некоторых вариантах старины о царе Соломане). В былинах упоминаются хорошо знакомые сказителям по ветхозаветным и новозаветным сказаниям *Иудейская земля, Ерусалим-град, Ердан-река, Ефрат-река, Сионь / Сивань-гора, Фавор-гора, мощи Адамовы* [Свод, IV, № 188—189], отец былинного Соломана царь Давыд [Свод, IV, № 209], *Соломаньско царьство* [Григ., № 92] и его столица *Соломь-город* [Свод, IV, № 207]. Эпического противника иногда именуют *Жидовином* [Кир., I, 46; IV, 6; Свод, III, № 26 и др.], а традиционных татар заменяют жидовья [Свод, IV, № 202]. Можно предположить, что с рассказами евангелистов о распятии Христа связана жестокая казнь, которую задумала осуществить Марья Лебедь Белая, жена-изменница Михайла Потыка. Споев богатыря вином *забыдушим*,

Роспялила Михайлу она на стену

[Гильф., № 52];

*Била ему в руки в ноги еще гвоздица.
Не хватило тут гвозда да у ней пятаго,
Пятаго гвозда ему сердечнаго...*

[Гильф., № 6].

Не исключено, что в некоторых вариантах былины ответные действия Михайла Потыка, освобожденного дочерью соперника, спровоцированы намерениями жены: он ее *на воротах расстрелял / росковал* [Рыбн., № 196; ср. Григ., № 271 — сюжет «Добрыня и Маринка»; Григ., № 292 — «Данило Ловчанин»], иногда такой же казни подвергается и царь *Вахрамей Вахрамеевич* [Рыбн., № 166]. В пудожской старине Добрыня видит в змеиных пещерах аналогичную картину:

*А роскована там дочка княженецкая,
В ручки ножки биты гвоздя железныи*

[Гильф., № 59].

Популярное в сюжетах о татарском нашествии *имя* вражеского царя *Калин* певцы иногда *заменяли на Каина* [Рыбн., № 142; Гильф., № 34, 121; Марк., № 2, 246, 251; Григ., I, с. 578 — упоминание старины «Илья Муромец и Каин-Кудреванко»]. В. П. Аникин не совсем корректно прокомментировал причину появления этого антропонима в былинах. «Массе народных сказителей эпических песен имя Каин не было понятно, и они превратили его в “Калина”. <...> “Калин” — обычная народная этимология имени Каина. Навстречу этому толкованию имени идет соответствие смысла нарицательного имени Каина-убийцы и Калина-садиста в былинах»¹³. С такой трактовкой трудно согласиться. Во-первых, народная этимология предполагает замену непонятого слова понятным, а не наоборот. Тюркское имя *Калин* (от прозвища «толстяк») ничего не говорило русскому крестьянину, а *Каин* многим был знаком по Ветхому Завету и церковным проповедям. Первичным в этой паре антропонимов логичнее считать *Калина*. Во-вторых, семантическое сближение «Калина-садиста» и «Каина-убийцы» выглядит очень неубедительно. *Каин* — братоубийца, а не ставшее нарицательным наименование любого убийцы. Угрозы былинного Калина (обычно остающиеся нереализованными) разорить Киев и предать мучительной смерти князя Владимира — типовая эпическая формула, используемая в большинстве сюжетов о вражеском

¹³ Аникин В. П. Русский богатырский эпос: Пособие для учителя. М., 1964. С. 109.

нашествии или о борьбе богатырей с мифическими существами.

*...Я возьму тебя да стругом выстружу,
Я из рук, из ног жильё вытяну...*
[Марк., № 218 — угроза *Идолища* Ивану Годиновичу и др.].

Не менее жестоко расправляются с побежденными противниками или неверными женами/невестами и русские богатыри.

*Третьёго тотарина ножом сколол,
А ножом сколол да в котли сварил*
[Марк., № 233];

Кощею царю живу очи вынули
[БЗП, № 36 и др.];

*...Да отсек ей по колен тут резвы ноженьки,
А потом да отсек да белы рученьки:
«А этих мне-ка ноженёк не надобно,
Ахпляли как поганаго татарина,
А этих мне-ка рученек не надобно,
Обнимали как поганаго татарина».
Да отсек-то ей еще тут губушки:
«А этих мне-ка губушек не надобно,
А целовали что поганаго татарина»*
[Гильф., № 51 и др.].

В двух пудожских вариантах после такой расправы с женой Иван Годинович иронически советует ей:

*Теперь, Настасья Митриевна,
Хошь за царя иди, хошь за князя,
Хошь за князя, хошь за боярина,
Хошь за боярина, хошь за богатыря!*
[С.-Ч., № 41; Черн., № 41].

Традиционность этой формулы в данном сюжете подтверждается ее наличием в записи конца XVII — начала XVIII века: «*Вот тебе, Настасья, воля на все на четыре стороны, хотя вдовой седи, хотя замуж иди*» [БЗП, № 43]. В четырех старинах из сборника Кирши Данилова героини разбивают или угрожают разбить врагов в *крохи пирожные / говенные* [КД, № 6, 9, 25, 26]. В поволжском варианте былины о Даниле Ловчанине князь Владимир

жалует Илью Муромца *шубой соболиною, а Мишатке пожаловал смолы котёл* [Кир., III, 32]. Аналогичные мотивы встречаются в исторических песнях и духовных стихах [Свод, II, Приложение III, № 2; Марк., № 147 и др.].

Все это не проявления надуманного «сатанизма» персонажей (как героев произведений, так и их противников), а естественная для эпического мира бескомпромиссность в решении острых межэтнических или социальных конфликтов¹⁴. Неслучайно страшный суд калик переходящих над нарушителем принятой ими заповеди *тежолой* нередко противопоставляется суду царскому или королевскому:

*...Иише хто из нас, братцы, заворуицьсэ,
Иише хто из нас, братцы, заплутуицьсе,
Иише хто из нас, братцы, що соврёт ведь що,
Иише хто из нас, братцы, за блудом пойдёт, —
Не ходитъ до царей да до царицъ,
Не ходитъ до королей, до королевичей,
Нам судить таковаго ведь своим судом:
По локоть отсекають да руки белыя,
По колен отрубать да ноги резвыя,
Промежду плечей тенуть бы да ретиво серъ-
цё... и т. д.*

[Григ., № 239 и др.].

Византия, откуда на Русь пришло христианство, занимает в эпосе гораздо более скромное место, нежели библейский Иерусалим и его окрестности. В западных регионах Русского Севера бытовала так называемая «цареградская» версия сюжета «Илья Муромец и Идолище» с упоминанием *Царьграда* (Константинополя) и царя Константина Боголюбовича [Гильф., № 48 и др.]. Названия *Царьграда* и *Ерусалима* иногда встречаются в описаниях *камки белохрущатой* [КД, № 1], а также игры на гуслих Добрыни Никитича или Ставра Годиновича. В Иерусалим, *ко святой Христовой гробнице*, отправляется Василий Буслаев и его соратники. На Зимнем берегу и Мезени найдена редкая старина «Глеб Володьевич», действие которой происходит в Крыму, в греческой колонии *Корсуни* [Марк., № 80; Свод, IV, № 195 и др.]. Довольно часто в былинах фигу-

¹⁴ Милосердие по отношению к побежденным врагам и богатыри, и их соперники проявляют в исключительных случаях [Кир., I, 34; РЭПС, № 68; Марк., № 137].

рирует загадочная *шляпа / колпак земли греческой*, до сих пор вызывающая споры среди эпосоведов; иногда исполнители использовали и более редкие мини-формулы — *царьство Грецеско* [Свод, IV, № 133]; Великая Греция [Свод, V, № 325]; купцы гречески [Гильф., № 2]. В большинстве вариантов былины «Сорок калик» паломники по просьбе князя Владимира поют *Еленский* (видимо, «эллинский», т. е. «греческий») стих; порой его название трансформируется по законам народной этимологии — *ильинской стих* [Свод, V, № 335], *еврейской стих* [КД, № 15].

Следует отметить, что *удельный вес христианских элементов* намного выше среднестатистического в былинах сказителей, которые были хорошо знакомы с религиозной литературой, как правило, грамотных. К их числу относятся В. Щеголенок (Кизи), А. Крюкова (Зимний берег), П. Антонов (Пудога), В. Батов (Выгозеро). Гораздо чаще обычного христианские мотивы и образы встречаются в текстах, зафиксированных за полтора-два столетия до начала массовой собирательской работы на Русском Севере [БЗП; КД]. У некоторых исполнителей количество христианских элементов превышает норму лишь в отдельных текстах (В. Лазарев из Прионежья, П. Марков (Печора), Г. Крюков и Ф. Пономарев (Зимний берег)).

Прямая или косвенная *связь певцов с церковными институтами* особой роли не играет. Кирша Данилов был полупрофессиональным артистом при дворе уральских заводчиков Демидовых, скорее всего скоморохом, одним из веселых молодцев, о которых не раз говорится в его былинах; в его репертуаре немало балагурных, порой скабрзных по содержанию произведений. Но это не мешало сказителю в разных сюжетных ситуациях подчеркивать набожность своих героев, их истовую приверженность нормам религиозного этикета. В то же время в 21 эпической песне трех *калик переходящих* из Олонецкого края, с которыми встретились П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг (И. Фепонов, Калика из Красной Ляги, Латышов) почти нет более или менее очевидных следов воздействия народных религиозных песен. Напротив, в духовных стихах И. Фепонова былинные формулы явно преобладают

над церковно-книжными элементами¹⁵. Не выходили за рамки местной эпической традиции А. Георгиевская, «супруга кенозерского священника и дочь прежнего — Василья Кенозерского» [Гильф., III, 432]; многие архангельские сказители, которые были церковными старостами (В. Пупцев [Григ., II, 85]), близкими родственниками священников (А. Сивкова [Григ., I, 194]), подолгу жили в раскольничьих скитах (С. Емельянов [Григ., II, 121]; М. Точилова [Марк., 489]), обучались своему искусству у калик переходящих (А. Каменева [Григ., I, 64]) или сами ходили по монастырям — от Поморья до Сибири (Иов [Григ., I, 597]).

Существование разных конфессий христианства в эпосе практически не отразилось. В одной из старин кенозерского певца И. Сивцева-Поромского говорится, что Василий Окулович привел похищенную *Саламанду во кирку во соборную*; где они принимали по-своему *златые венцы* [Рыбн., № 183]. Название лютеранского храма, скорее всего, попало в былинку случайно и долго в ней не удержалось. Из трех преемников знаменитого сказителя, усвоивших от него былинку «Соломан и Василий Окулович», лишь А. Артемьева сохранила эту новацию [С.-Ч., № 218], а два других заменили немецкое слово более привычным словосочетанием *Божья церковь/церковь соборная*, хотя и отметили, что *жених и невеста брали <...> венец по-своему* [С.-Ч., № 208, 235]. В былинке Г. Крюкова (Зимний берег) русские богатыри *не поклоняются поганым идолам* в палатах прусского, австрийского и шведского королей, т. е. все эти западноевропейские страны осознаются исполнителем как языческие [Марк., № 74]. В текстах ряда архангельских певцов враги угрожают *православную веру облаынить всю* [Свод, II, № 199 — Печора; III; № 74, 78 — Мезень], но вряд ли это связано с католичеством. В обоих случаях формула вложена в уста персонажей, не имеющих отношения к Западной Европе (собака злодей Скурла-царь, обычно возглавляющий татарское нашествие на Русь, и выросший на чужбине, часто — *у моря студеного сын Ильи Муромца Сокольник*). Скорее всего, это — вариант типовой антонимической пары «своё —

¹⁵ Подробнее см.: Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция... С. 100—108.

чужое», а не конкретное противопоставление православия и католичества.

Не оставило в былинах заметного следа и событие более позднего времени — **раскол в русской церкви**, хотя среди сказителей было немало старообрядцев, особенно в Поморье. Собиратели и исследователи связывают с ним заповеи о турах златорогих из сюжета «Василий Игнатъевич и Батыга», который в Поморье превратился в самостоятельное произведение балладного типа, предвещающее «падение старой веры после церковной реформы XVII в. патриарха Никона» [Балашов, 34, 399, 400; Григ., I, 144 и др.]. В одном тексте говорится, что Дюк Степанович *молится по старой религии* [Свод, I, № 146], а в другом Садко украшает построенные им церкви *золочеными иконами старообрядческими* [Свод, II, № 255]. Оба варианта записаны на Печоре, где всегда были сильны позиции ревнителей древлеправославия. Видимо, с жесткими канонами старообрядческой морали связана негативная оценка *бесовских игор* Садко и *нечестивых плясок царя Водяника* в одной из олонецких старин [Рыбн., № 55]. Необычная версия сюжета «Садко и новгородцы» сформировалась в старообрядческой среде на Печоре [Свод, II, № 250—254 и др.]. В роли соперника Садко в ней выступает *поп, отец духовный* (кроме одного варианта, в котором действие перенесено в заморское царство). Герой скупает в Новгороде все товары благодаря помощи *Миколы-святителя*, Богородицы или безымянных святых, которые принимают сторону не священнослужителя, а его соперника.

В былинах сохранилось немало **отзвуков дохристианского восприятия мира**, архаичных образов и мотивов, связанных с язычеством (великаны Святогор и Идолище Поганое, великанша Настасья (сюжет «Добрыня и Настасья»); многоглавый огнедышащий змей; колдунья Маринка; вещий ворон; богатырский конь, предупреждающий своего хозяина об опасности, и т. д.). Они могут быть как изначальными (реликты мифологического эпоса), так и вторичными, позаимствованными из волшебных сказок, мифологических сказаний, поверий. Эпические песни — одна из составляющих сложного и меняющегося во времени комплекса традиционной народной культуры,

поэтому воздействие на них смежных ее областей естественно и неизбежно. И все же доминировала в последние столетия тенденция к демифологизации содержания былин.

Процесс этот протекал по-разному. В одних произведениях архаичные элементы постепенно выветривались, уступая место рационалистически-бытовым мотивировкам. Так, в Прионежье на рубеже XIX и XX веков Маринка почти полностью утратила атрибуты чародейки, превратившись в заурядную обманщицу [С.-Ч., № 11; Черн., № 36; БС, № 113 — Г. Якушов, И. Фофанов, Н. Богданова-Зиновьева и др.]. На Пудоге из «Наезда литовцев» (кроме вариантов Ф. Конашкова [С.-Ч., № 85; Конашков, № 10]) исчезла насыщенная мифологическими деталями сцена испытания воинов перед опасным походом. В кулойских записях жена Михайла Потыка, как и Маринка в Прионежье, лишена черт колдуньи [Григ., № 262, 272, 277], а в пинежских старинах в облике Тугарина, кроме гиперболизированного обжорства, не осталось ничего змеинового, он осознается как *зверищцо Тугарынище* [Григ., № 50, 212].

Довольно часто демифологизация былин сопровождалась христианизацией текстов; языческие мотивы и образы заменялись их христианскими аналогами. В старине об Иване Годиновиче сохранились реликты известного по памятникам древнерусской литературы одухотворения боевого оружия, которое выполняет волю своего хозяина. *Кощей Трипетович* стреляет из лука Ивана Годиновича в привязанного к дубу богатыря, но по приказу хозяина стрела *обвернулась в груди татарские* и насмерть поразила самого стрелка [Гильф., № 179, 188]. Отголоски этого мотива есть в одном из нижеколымских вариантов [РЭПС, № 49] и в самой ранней по времени записи этого сюжета [БЗП, 43]. В других текстах спасение героя объясняется вмешательством небесных сил: стрела убивает Кощея по *Божьему да и по веленью* [Гильф., № 83 — Заонежье; Мил., № 73 — Терек]; голуби, в которых он стреляет, оказываются ангелами [Гильф., № 256 — Кенозеро; Свод, IV, № 158 — Мезень]. В роли спасителей выступают также киевские богатыри, крестовые братья Ивана Годиновича, превратившиеся в голубей [РЭПС, № 48 — Алтай] (уникальный в русском эпосе мотив).

В ряде вариантов используются реально-бытовые мотивировки: богатырь сам рвет пути [Свод, IV, № 160 — Мезень] или его освобождает возвратившаяся с охоты дружина [КД, № 16 — Урал]. Видимо, архаичные мифологические мотивы, которые были, по крайней мере, в некоторых проторедакциях былины об Иване Годиновиче, со временем стали восприниматься сказителями как непонятные, неубедительные, и они начали искать им замену, в том числе и путем введения в повествование христианских персонажей. (Развернутый анализ этого эпизода¹⁶.)

Как уже отмечалось, от вероломного нападения Сокольника спящего Илью Муромца обычно спасает массивный *золот чуден крест*. Но в одном из архангельских вариантов этой былины удар копьем приходится в *оберег полтора пуда с четвертью* [Кир., IV, 12]. Языческая ладанка-оберег упоминается и в эпической песне прионежского сказителя А. Чукова. Отправляясь в Киев, Дюк Степанович подвязывает *под пелецко под правое и под левое* [подмышки?] щепотку родной земли *сыро-матерой* [Гильф., № 152]. В эпоху раннего Средневековья подобные предосторожности были явлением обыденным [СД, II, 319], но позднее функции универсального оберега были перенесены с «родительской земли» на христианский атрибут — *нательный крест*.

В этой связи позволительно предположить, что *и в других* отмеченных ранее *случаях чудесного спасения богатырей некоторые христианские мотивы могли быть вторичными, а не изначальными*. В ряде вариантов былины «Садко в подводном царстве» герою помогают советами не *Микола Можайский* [Гильф., № 70 и др.], а старчище [Рыбн., № 55], *жона да староматера* [Свод, II, № 250], *за зыбой бабушка* [Марк., № 95] и даже *царица поддонная* [Рыбн., № 108], *царица-матушка подводная* [Свод, II, № 258]. Парализованного Илью Муромца исцеляют от недуга не только *Иисус Христос с апостолами* или ангелы [Рыбн., № 140 и др.], но и *сиротинушка убогая* [Свод, I, № 50], *старец* [Свод, I, № 51], все те же *калики перехожие*. Превращенному в камень

Михайле Потыку жизнь возвращает *стар матёр цёловек* [Свод, IV, № 112], *матёрая калика да седатая* [Гильф., № 6], *Илья Муромец* [РНПКП, № 180], *крестовый брат* [Свод, IV, № 111]. В народной культуре старики, *бабушки-задворенки*, бродячие нищие с давних пор осознаются как хранители древних традиций, носители разнообразных знаний, в том числе и сакральных. В волшебных сказках, легендах, мифологических сказаниях Христос, *Илья-пророк*, *Микола угодник* обычно появляются среди людей в облике убогих старцев или нищих.

Влияние духовных стихов — народных религиозных песен, которые в XIX веке входили в репертуар большинства сказителей, **обнаруживается лишь в отдельных былинных текстах**. Это единичные случаи использования имени татарского царя *Кудреванко/Кудриянище/Демьянище* (перенос из духовного стиха «Муки Егория»), упоминания *царства Рахлинского* ([Свод, II, № 274 — заимствование из сюжета «Егорий и змей»]), *Римского города* вместо Киева ([Григ., № 218 — былина «Иван Годинович»; восходит к стиху «Алексей, человек Божий»]); *Осипа Прекрасного* в жалобе Добрыни на свою участь [Рыбн., №№ 130, 155 и др.]; замена имени *Святогора Святополком*¹⁷ [Гильф., № 60 — Пудога; Григ., № 166 и с. 483 — Пинега].

Необычная развязка сюжета «Добрыня и змей» зафиксирована собирателями в Прионежье. Изнемогая в поединке со змеем, богатырь уже готов прекратить сражение, но, услышав *глас с небес*, продолжает бой и убивает своего противника. Кровь чудовища заливает все вокруг, и вновь небесный глас подсказывает выход из положения. Добрыня бьет копьем *во сыру землю*, просит ее *раступиться и пожрать кровь да всю змеиную*. Исследователи былин еще в конце XIX века установили наиболее вероятный источник

¹⁷ А. Ф. Гильфердинг высказал предположение, что это отголосок народной исторической памяти о Святополке Великоморавском [Гильф., I, 83—84]. На наш взгляд, естественнее видеть в этом влияние духовного стиха о Борисе и Глебе, в котором роль убийцы отведена их старшему брату Святополку. Собиратель записал анализируемый текст от И. Фепопова — полупрофессионального исполнителя религиозных песен, слепого с 5-летнего возраста. Духовные стихи этого сказителя напечатаны в сборнике П. А. Бессонова «Калеки перехожие», там же опубликован вариант «Бориса и Глеба» по рукописи, доставленной П. Н. Рыбниковым (вероятнее всего, из Олонецкой губернии) [Бессонов, III, № 151].

¹⁶ См.: Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция... С. 33—36.

этого мотива — духовный стих о Федоре Тироне (иногда он встречается и в сюжете «Егорий и змей»)¹⁸. В былины этот эпизод проник сравнительно поздно; в устных по происхождению текстах он отмечен собирателями всего у двух певцов — П. Калинина и А. Чукова [Гильф., № 5, 148]. Они жили в соседних домах в деревне Пудожская Гора, возможно, из одного источника восприняли значительную часть своего репертуара. Кто бы ни был инициатором этой новации, она органично вписалась в художественную систему русского героического эпоса. Сказители, не раз использовавшие мотив чудесного вмешательства небесных сил в судьбы героев, не воспринимали ее как нечто инородное, чуждое былинам. Тот же П. Калинин в сюжете «Добрыня и Алеша» заменил гласом с небес традиционных для Прионежья птиц или коня-вестника, которые сообщают богатырю о готовящейся свадьбе его жены с Алешей Поповичем [Гильф., № 5; стихи 137—142]. В былине «Михайло Данилович» В. Лазарева, карела по национальности, глас с небес велит связанному татарами богатырю *порастянуть ручки белые, порасправить ножки резвые* и освободиться от пут, что он и делает [Рыбн., № 105]. Мотивы «кровавого потопа» и гласа с небес использованы в большинстве текстов «Добрыни и змея», зависящих от печатных источников¹⁹; следовательно, они привлекали повышенное внимание не только составителей популярных изданий былин, но и обращавшихся к книге исполнителей.

Некоторые исследователи склонны объяснять влиянием духовного стиха «Муки Егория» мотив трех застав в олонечких записях былины «Дюк Степанович» и портретное описание чудесных младенцев в старине «Дунай» (...*по коленочкам-то ножки в серебри, по локоточкам-то ручки в красном золоти* [Гильф.,

№ 81 и др.]). На наш взгляд, вполне «конкурентноспособными» выглядят другие объяснения этих схождений.

Три заставы на опасном пути героя правомерно рассматривать как общеэпический и даже общенародный мотив. Они фигурируют не только в целом ряде былин, но и в произведениях смежных с ними жанров, причем характеризуются по-разному. В «Дюке» обычно упоминаются *Горынь-змея лютая, стадушко лютых грачѣв, стадушко серых волков* [Гильф., № 230 и др.]; в старине «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» — *болота зыбучие, корбы дремучие; река матушка Смородина; Соловей-Разбойник, птица рохманная* [Рыбн., № 128 и др.]; в печорско-мезенских вариантах «Поездки Василия Буслаева в Иерусалим» — *воинственно настроенные мужички да новотокмяна; субой быстѣр, да вал густой; кресты евангельски на горах* [Свод, II, № 243 м др.]; в исторической балладе «Авдотья-Рязаночка» — *реки, озѣра глубокие; воры разбойники в чистых полях широких; зверьѣ лютое в темных лесах* [Гильф., № 260 и др.]. Лишь в одном варианте «Козарина», записанном на Зимнем берегу, упоминание среди трех застав *реки огнянной* предположительно можно считать заимствованием из духовного стиха о муках Егория [Марк., № 144]. В эпических песнях преодоление застав нередко предшествует основным событиям и выполняет функции предварительного испытания героя. В отличие от Егория Храброго, богатыри добиваются успеха самостоятельно, не прибегая к помощи святого слова или небесных сил.

Портрет чудесных младенцев мог попасть в былины не только из духовного стиха о Егории Храбром, где он факультативен, но и из волшебных сказок, где ему отводятся сюжетобразующие функции [А.-Т., № 707]. Частично эта формула использована в портретной характеристике матери Дюка Степановича:

*...По косичкам у ей часты звезды,
На затылке у ей млад ясен месяц,
А на лбу у ей красно солнышко*

[Т.-М., № 51 — Мезень].

¹⁸ Обзор мнений о влиянии духовных стихов на этот былинный сюжет см. в кн.: Аникин В. П. Былины: Метод выяснения исторической хронологии вариантов. М., 1984. С. 119—149. Принимая гипотезы А. Н. Веселовского, В. Ф. Миллера и других дореволюционных ученых о происхождении мотивов «кровавого потопа» и небесного гласа, автор монографии обоснованно отвергает ряд других, весьма сомнительных суждений о влиянии духовных стихов на старину о Добрыне-змееборце.

¹⁹ Новиков Ю. А. Былина и книга... Сюжет 6, № 3, 4, 6—9, 12, 13, 14, 17, 19—21.

Источники

А.-Т. — The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography / A. Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FF Communication Nr 3) translated and enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1964.

Балашов — Народные баллады / Вступительная статья, подготовка текста и примечания Д. М. Балашова. (Серия «Библиотека поэта»). М.; Л., 1963.

Бессонов — Калеки переходные: Сборник стихов и исследование П. Бессонова. Вып. 2. М., 1861; Вып. 3. М., 1861; Вып. 5. М., 1863.

БЗП — Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / Изд. подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960.

БПЗб — Былины Печоры и Зимнего берега: Новые записи / Изд. подготовили А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961.

БС — Былины Севера / Записи, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. Т. I—II. М.; Л., 1938—1951.

Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. I—III. М.; Л., 1949—1951.

Григ. — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. I—III. СПб., 2002—2003.

КД — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подготовили А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М., 1977.

Кир. — Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1—6. М., 1860—1864.

Конашков — Сказитель Ф. А. Конашков / Подгот. текстов, вводная статья и коммент. А. М. Линевского. Петрозаводск, 1948.

Марк. — Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / Изд. подготовили С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002.

Мил. — Русские былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. В. Ф. Миллера. М., 1908.

РНПКП — Русские народные песни Карельского Поморья. Л., 1971.

Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 3-е изд. Т. I—III. Петрозаводск, 1989—1991.

РЭПС — Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Изд. подготовили Ю. И. Смирнов, Т. С. Шенталинская. (Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»). Новосибирск, 1991.

Свод — Былины: В 25 томах (Свод русского фольклора). Т. I—II: Былины Печоры. СПб.; М., 2001; Т. III—V: Былины Мезени. СПб.; М., 2003—2006.

СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общей редакцией Н. И. Толстого. Т. I. М., 1995; Т. II. М., 1999; Т. III. М., 2004; Т. IV. М., 2009.

С.-Ч. — Онежские былины / Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова; Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. М., 1948.

Т.-М. — Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894. Отдел 2.

ФСЛ — Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследование / Издание подготовил Юрий Новиков. Т. II: Народная мифология. Поверья. Бытовая магия. Вильнюс, 2009; Т. III: Народные песни. Частушки. Детский фольклор. Вильнюс, 2010.

Черн. — Русские эпические песни Карелии / Изд. подготовила Н. Г. Черняева. Петрозаводск, 1981.

Былина «Дюк Степанович» в передаче Трофима Рябинина

Дюка Степановича, безусловно, можно назвать местным героем, но о его эпических подвигах на местной почве, как о таких же Алёши Поповича и Ильи Муромца, если и пелось в стародавние времена, ничто не сохранилось в памяти поколений последних двух-трёх веков, когда немногие просвещённые люди заметили бытование эпических песен и принялись их собирать. Певцы почти единодушно признают Дюка молодым боярином или боярским сыном, что совсем не мешает им любоваться Дюком и неизменно отличать его от киевских князей-бояр или просто бояр, зачастую награждённых вполне определёнными эпитетами: «кособрюхие», «толстобрюхие», «злые», «подмолчивые» и т. п. Как и многие другие персонажи, Дюк — чужак в Киеве и вместе с тем он свой по вере (и, очевидно, языку), что устойчиво подчёркивается соответствующими деталями и эпизодами.

Родина Дюка обозначена несколькими названиями, с перечисления которых нередко начинается былина. Названия несинонимичны. Можно допустить, что название Индеи/Индии проникло в былинку благодаря сближению или отождествлению далёкой чудесной страны с изначальной родиной Дюка: тем людям, кто вставил название Индеи, богатство и роскошь обоих краёв казались неотличимыми. Упоминание Корелы, характерное прежде всего для вариантов Обонежья, несомненно, было добавлено именно в западной части

Русского Севера, причём в самих текстах обоснования для этого, разумеется позднего, добавления не обнаруживается.

Названия же Волынь и Галич не могли быть вставлены в поздние времена, тем более на Русском Севере, где певцы явно неточно употребляли эти названия: у них часто Волынь считалась не только землёй, но и градом, притом подчас отождествлялась с Галичем, а последний воспринимался как топоним женского рода. Наряду с южнорусскими Киевом и Черниговом названия Волынь и Галич относятся к остаткам сравнительно ранней эпической топонимики. Но если Киев и Чернигов в качестве общепризнанных эпических центров встречаются во множестве разных произведений, то Волынь и Галич связаны исключительно с именем Дюка. В такой жёсткой связке скрывается историческая определённость возникновения самой былины об этом герое. О подвластности Киеву Волыни и Галича в былине ничего не говорится, и в этом тоже виден отблеск былых и действительных отношений между Киевом и Галицко-Волынской землёй.

Ни в одном из вариантов былины не упоминается какой-либо правитель Волыни или Галича, князь или король. Из представителей социальной верхушки былина знает только боярина Дюка и его мать, традиционную эпическую вдову. В их былинной обрисовке, правда, в довольно слабой степени, сохранилась память о той роли, которую играли галицкие

бояре в Галицко-Волынской земле на протяжении по меньшей мере XII в. и первых десятилетий XIII в. Впрочем, письменных сведений о галицких боярах сохранилось немного. Основным источником сведений служит так называемая Галицко-Волынская летопись, где описываются по преимуществу события XIII в., — летопись оказалась присоединенной в виде заключительной части Ипатьевской летописи, датируемой двадцатыми годами XV в. На страницах летописи, созданной приверженцами князей, галицкие бояре почти постоянно описываются как противники княжеской власти: они устраивали заговоры, ссорили между собою князей, не пускали в город, прогоняли, а однажды даже повесили двух неугодных князей — сыновей князя Игоря, известного по «Слову о полку Игореве». Галицкие бояре, по мнению летописцев, не только «льстивые» и «кромольные», но и, подобно татарам, «безбожные», «неверные», «нечестивые». Насколько можно понять из скупых, сбивчивых и нелицеприятных летописных сообщений, галицкие бояре добивались, по-видимому, примерно такого же рода отношений с приглашаемым князем, какое уже заполучили бояре Господина Великого Новгорода. Преуспеть в этом надолго галицким боярам не удалось.

Из числа галицких бояр дважды в летописи, под 6714/1206 и 6716/1208 годами, упоминается Илия Щепанович (Степанович), принадлежавший к их предводителям. Это даёт основание полагать, что Илия не был единственным Степановичем в Галиче, а множественность Степановичей, надо думать, повторяющаяся во времени (потомкам лестно и почётно носить имена дедов и прадедов), предопределяет возможность возникновения фольклорного персонажа с таким, ставшим типичным, отчеством.

Многие галицкие бояре, и в их числе Илия Щипанович, находились в дружеских связях с родовитыми венграми. Среди бояр едва ли не постоянно имелись приверженцы соседнего Венгерского королевства, которым порой удавалось добиться приглашения венгерского королевича на княжение в Галиче. Бояре не могли не слышать от венгров термина «дукс/дукас»: венгры позаимствовали его у визан-

тийцев и придали ему значение очень высокого титула. Общаясь с венграми, галичане, в свою очередь, переняли это слово и придали ему свои значения, включая явно значение прозвища для кичливого и богатого, быть может, и родовитого человека. Слово «дука» в значении «богач», кажется, и теперь сохранилось в украинском языке. Эпическая песня «Дука и голота», похожая на былинку «Илья Муромец и голи кабацкие», в своё время довольно широко бытовала на северной Украине: даже автору этих строк случилось записать её отрывок в 1979 г. Прозвище или имя Дюк бытовало среди русских служилых людей по меньшей мере до конца XVII в.

Отчество Степанович у родовитого и богатого галичанина вполне могло притягивать к себе прозвище Дюк, со временем превращавшееся в некалендарное имя, как это происходило и в Московском государстве, и на Балканах, особенно в сербско-хорватском ареале (он частью входил в Венгерское королевство на протяжении нескольких веков), где имя Дука, судя по фольклорным записям, стало довольно распространённым. На протяжении XII — первых десятилетий XIII в. в Галиче существовали условия, способствовавшие появлению в действительности человека, носившего прозвище или имя Дюк и отчество Степанович. Однажды закрепившееся за определённым человеком словосочетание Дюк Степанович могло затем переноситься на его потомков, хотя бы в силу присущей окружающей традиции превращать чьё-то изначальное прозвище в родовое для определённой семьи, или на похожих людей из той же среды. Из череды таких носителей естественным образом создавалась почва для формирования соответствующего фольклорного персонажа. Изначальный и именно галицкий персонаж Дюк Степанович теоретически мог фигурировать не в одном фольклорном произведении и совсем необязательно в какой-либо эпической песне. Важнее была его фольклорная известность, признанная достаточно широким кругом галичан, нежели жёсткая его привязка исключительно к какому-то одному произведению. Он, несомненно, должен был быть иным, отличным от того Дюка Степановича, какой предстаёт в русской эпической песне.

Галицкие бояре, разумеется, знали о частом, иногда очень жестоком разорении Киева из-за бесконечных княжеских междоусобиц, и уже только поэтому они, тем более простые горожане, не стали бы противопоставлять по богатству Галич Киеву и отображать это в некоем фольклорном произведении. Для них естественнее было противопоставлять свой город стольному городу Галицко-Волынской земли, а им в разное время становился, насколько известно, город победнее Галича, менее обустроенный и более зависимый от княжеской власти.

Исходя из сказанного, допустимо полагать, что уже в самом Галиче XII—XIII вв. возник фольклорный персонаж Дюк Степанович, описанный как боярин, кичащийся своим богатством, и постоянно продолжалось противопоставление родного города стольному. Соединение двух исходных фольклорных реалий, персонажа и противопоставления, затем вполне могло оформиться по меньшей мере в одно какое-то фольклорное произведение, притом отнюдь не обязательно в эпическую песню. Тут более вероятны, чем песня, устные рассказы или предания. В это время галицкий герой Дюк Степанович вместе с противопоставлением Галича столице окраинной земли никак не мог заинтересовать жителей других восточнославянских земель в такой степени, чтобы они восхотели усваивать какие-либо фольклорные тексты о нём и приниматься передавать их друг другу, да ещё из поколения в поколение. Как в Галиче, так и в других местах могли создавать свои тексты о персонажах, для которых богатство было весьма значимым мерилем. В русском эпосе тема богатства разрабатывалась неоднократно и по-разному: достаточно напомнить связанные с этой темой хотя бы имена Садка, Чурилы Плёнковича и Ставра Гоудиновича — героев текстов, всегда возникавших на определённой местной почве.

С XIV в. Галицко-Волынская земля была разорвана на части и поделена между соседями. Наверное, далеко не все её жители смирились с положением покорных подданных, к тому же обречённых менять свои религиозные представления. Какие-то люди, включая знать, стали переселяться туда, где, как им казалось, они обретут спокойную жизнь и благоденствие.

Письменными источниками отмечен уход с Волыни князя Дмитрия Михайловича Боброка, надо думать, в сопровождении немалого числа людей, среди которых могли быть и галичане. Переселившись, Боброк стал тысяцким в Нижегородском княжестве, а потом перешёл на службу к своему тёзке, московскому князю Дмитрию. Не отличись Боброк в Куликовской битве, его уход с Волыни не был бы замечен теми людьми, которые запечатлевали на бумаге важные события. Пример с переселением Боброка выглядит единичным, но в действительности XIV и, вероятно, последующих столетий он не был таким.

С течением времени действительные представления о южнорусских городах былых веков естественным образом стирались в памяти и забывались. При этом они постепенно подменялись нараставшей фольклорной идеализацией. Нужно было совсем забыть, как выглядел стародавний Киев, для того, чтобы превратить его в центр всех мыслимых эпических событий. И только после того как эпическая идеализация Киева стала широко признанной, могла возникнуть крамольная, по сути, мысль противопоставить эпическому Киеву иной город, превосходящий его в каком-то отношении. Воплощение этой мысли в виде определённой эпической песни, вероятнее всего, совершалось неоднократно и в разных местах. К числу этих воплощений относится и былина о Дюке Степановиче. Её могли создать потомки переселившихся и уже давно укоренившихся галичан либо люди, наслушавшиеся от этих потомков рассказов о баснословно богатом Галиче. Былина оказалась удачным опытом противопоставления эпическому Киеву. Её подхватили и охотно передавали. В последние три столетия былинку находили во всех основных местах бытования эпической традиции на Русском Севере. Её знали казаки-некрасовцы, казаки Дона, Терека и Яика, что указывает на былое её широкое распространение в средней полосе России. Её пронесли в своих головах русские люди до Индигирки, Колымы и Анадыря, что также подтверждает былую известность этой эпической песни именно в среднерусских местах. До сих пор под Суздалем ещё растёт лес, который местные жители уверенно называют Дюковым бором, что побуждает предполагать

вероятное распространение былины о Дюке в этой округе.

Самые пространные варианты былины о Дюке находили в южной части бассейна реки Онеги, на Пудогге и в Заонежье. К ним относятся и варианты Т. Г. Рябинина. Впервые на запись сказитель пропел эту былину, в числе прочих, в 1860 г. (*Рыбн.* 1, № 16). Как и в других случаях, он свободно распоряжался текстом: одни места передавал строго канонично, другие несколько уточнял или даже расширял, третьи опускал, четвёртые вставлял, легко пользуясь своим обширным эпическим репертуаром.

В первой записи сказитель постоянно называл Дюка «княженецким сыном», что нужно считать его собственным домыслом. Здесь он вернулся к традиционному определению: Дюк неизменно называется молодым боярином.

В первой записи Рябинин с самого начала и последовательно до конца называл родину Дюка славным богатым Волын-городом и Индеей/Индией богатой, а здесь (*Гильф.* 2, № 85, ст. 1—3, 93—95) певец воспроизвёл традиционное перечисление названий. В его передаче Галича проклятая, Индея и Волын-город славные и богатые.

Семья Дюка состоит из него самого и его матери, честной вдовы. По составу она не отличается от семьи Добрыни и Василия Буслаевича или героя множества баллад. Такой состав семьи очень часто встречается в южнославянских эпических песнях, а также в песнях других славян. Поэтому его можно считать древним и традиционным, возникшим много раньше самой былины о Дюке.

Только в этой записи певец прибегнул к выражению «матушка святая Русь/ святая Русь» (*Гильф.* 2, № 85, ст. 6, 14, 20, 34, 66, 247). Именно на святой Руси, по его представлению, находится стольный Киев-град. Святой Руси он противопоставил Индею богатую, а Киеву — Волын-город.

В обеих записях желание Дюка поехать на святую Русь описано традиционно. Дюку хочется всего лишь «посмотреть» Киев, князя Владимира, его жену, богатырей и поляниц. Из такого перечисления видно, что Киев, по представлению певца, достиг поры эпического расцвета: для князя Владимира уже добыли Опраксию-королевичну, он уже окружён сильными могучими богатырями и удалыми

поляницами, слава о нём и его столице достигла и Индеи богатой.

Традиционно изображены обстоятельства отъезда Дюка: он испрашивает благословения на поездку, мать, конечно же, отказывает ему в этом. Изначально, судя по многим другим русским и инославянским произведениям, сын не внимает матери и действует вопреки её запрету — на нарушении запрета матери часто и строится в дальнейшем повествование многих эпических песен. В былине Дюк всё же добивается благословения, но наряду с ним он слышит предупреждение не хвастать в Киеве. Согласно традиции, Дюк не внял предупреждению матери и таким образом вызвал все последующие ходы повествования.

В первой записи Рябинин ничего не сказал о другом предупреждении матери — о заставах на пути к Киеву. Насколько известно, в Обонежье бытовали варианты как содержащие мотив застав, так и не имеющие его. Обе записи от Рябинина в этом отношении, похоже, восходят к разным источникам.

У певца заставами названы змеи поклеучие, звери поедучие и горушки толкучие. Похожий набор застав неизменно содержится в духовном стихе «Муки Егория», причём в вариантах, бытовавших очень далеко от Обонежья и, следовательно, никак не зависящих от былины о Дюке. Напротив, мотив застав оказался перенесённым из духовного стиха в былинку, это было сделано, вероятнее всего, где-то в бассейне реки Онеги или в Обонежье, поскольку именно там находили эту былинку с мотивом застав.

Неизвестно, знал ли Рябинин духовный стих «Муки Егория». В принципе ничто не мешало ему знать популярный духовный стих, хорошо известный заонежанам в его пору и продолжавший бытовать там ещё по меньшей мере почти целый век. Даже допуская, что он знал этот духовный стих, нельзя утверждать, будто певец сам перенёс мотив застав из духовного стиха в былинку, ибо разработка этого мотива в его тексте почти тождественна описаниям застав именно в вариантах других заонежских и иных знатоков былины о Дюке.

У Рябинина, как и у других певцов, Дюк преодевает заставы благодаря коню и своей выучке верховой езде (*Гильф.* 2, № 85, ст. 41—63). Всад-

ник Илья Муромец уже в первой поездке, вопреки собственному обету, побивает вражескую силу под Черниговом, а потом осознанно едет по дороге, запертой Соловьём-разбойником, и после короткой стычки пленяет ужасного противника. Всадник Егорий именем высших христианских сил умиряет или умиряет заставы на пути к неверному царицу. Но Дюк не богатырь и не святой. Это знали люди, включившие в былину мотив застав. С помощью описания препятствий им было важно показать трудную дорогу на Киев, но они уже не могли или не решались допустить, чтобы молодой боярин выказал богатство наподобие Ильи Муромца или — тем паче — творил чудеса, как Егорий. Они могли позволить Дюку только ловко уклоняться от застав. Примечательно, что далее, когда конь один бежит в Индею и возвращается в Киев (*Гильф.* 2, № 85, ст. 210—270) или когда богатыри едут оценивать имущество Дюка (*Гильф.* 2, № 85, ст. 466—472), заставы не возникают на пути: те, кто вставлял в былинку мотив застав, не проявили последовательности. Поздний вставной характер мотива застав очевиден.

Между заставами Дюк у сказителя едет исключительно «по чистому полю» (*Гильф.* 2, № 85, ст. 49, 58, 65). В этой внешне нелепой детали сказалась приверженность Рябинина к традиционному описанию, содержащему старинное представление о том, что эпический город непременно окружён чистым полем. И в других текстах Рябинина иные персонажи, прежде чем попасть в город, обязательно едут чистым полем.

Проехав наконец по чистому полю, Дюк «повыехал на матушку святую Русь» (*Гильф.* 2, № 85, ст. 66). Так, пространством чистым полем певец отделил родину Дюка от святой Руси с её стольным городом.

Кратко, но выразительно показана сцена, увиденная Дюком в церкви: вместе с Владимиром там находятся все его «подколенные» князья, по правую руку Владимира стоял Добрынюшка, по левую — Щурилушко Плёнкович (в первой записи передано иное звучание: Чурило Оплёнкович). Так, были представлены персонажи, должные сыграть свою роль в ходе повествования.

Сам князь Владимир поначалу удостоил Дюка только вопросом о его происхождении. Слыша критические речи Дюка, князь отмалчивается: «ко тым речам Владимир-князь не

примется» (*Гильф.* 2, № 85, ст. 125; сходно ст. 139, 164, 190). Далее лишь с середины повествования певец позволил князю произнести всего три короткие реплики: ошибаясь, Владимир признаёт победу Шурилы (*Гильф.* 2, № 85, ст. 319—321); он велит Дюку не водить плёткой по пуговкам (*Гильф.* 2, № 85, ст. 347—349); с подсказки Шурилы он посылает в Индею богатырём оценивать богатство Дюка (*Гильф.* 2, № 85, ст. 449—451).

За князя Дюку отвечает Щурило. Ему же отведена роль княжеского советника, принимающего решения, видимо, с безмолвного согласия Владимира. Он по своей воле берёт на себя и роль соперника Дюка, предлагая тому испытательные состязания. Щурило не только щап (щеголь) и любимец киевских женщин, как это можно заметить и по былине «Чурило и Катерина», которую у Рябинина, как ни странно, не записывали, хотя он, наверное, часто слышал ее, в его время хорошо известную по всему Заонежью. В активной роли Шурилы слышится намёк на то, что создатели былины о Дюке знали ещё какую-то эпическую песню о Чуриле, в частности былинку «Молодость Чурилы», между прочим, ни разу не обнаруженную в Заонежье.

Свои речи Щурило постоянно сопровождает оскорбительными для Дюка словами (*Гильф.* 2, № 85, ст. 99—104 и др.). Дюк же, напротив, всегда сдержан и вежлив, однако в его речах звучат обидные для Киева сравнения.

Трудно сказать, превосходил ли в XII—XIII вв. Галич некий стольный город по качеству своих мостовых, выпечке калачей, приготовлению и выдержке хмельного напитка, — истории и археологи молчат, а подменять их суждения было бы безрассудностью. Совсем невозможно сопоставлять былинные реалии с неизвестными действительными реалиями Галичко-Волынской земли XII—XIII вв. Впрочем, в этих познаниях и сопоставлениях нет и необходимости. Ясно, что создатели былины о Дюке должны были идеализировать Галич и принижать стольный город, ибо на противопоставлении они и выстраивали всё повествование.

Рябинин твёрдо знал, в чём нужно сопоставлять Волын-город и Киев, знал ключевые слова и, руководствуясь ими, дал свои красочные описания. У него мостовые в Киеве выложены кирпичом, вдоль них протянуты

железные поручни, тогда как в Галиче мостовые железные, поручни серебряные, мостовые устланы кармазином (*Гильф.* 2, № 85, ст. 110—127). Эти описания можно оценить только как плод воображения.

За столом у князя Владимира Дюк пробует лишь калачик и сладку водочку и без промедления вслух делится своими впечатлениями, сопоставляя с тем, как это есть у него на родине (*Гильф.* 2, № 85, ст. 132—164, 165—190). В других вариантах былины Дюк также пробует на вкус только калач (часто просто хлеб) и напиток (часто водку). При всех различиях описания эти эпизоды достаточно устойчивы. Их повторяемость из текста в текст, независимо от места бытования, несомненно, указывает на то, что эпизоды с пробой хлеба и напитка относятся к изначальным частям былины.

Через речи Дюка певец создал картины идеального приготовления теста и хлебопечения, а также выдержки водки (о способе её приготовления, видимо, ничего не зная). Идеализируя, он не беспокоился о правдоподобности и оттого допустил ошибки. Приготовление теста и печи под хлеб так, как это делалось, по мнению Рябинина, в эпическом Киеве, не отличается от тех же действий, какие певец мог наблюдать в своём доме, у соседей, в других деревнях Русского Севера. В этом описании неправдоподобно лишь упоминание о дубовой бочке под тесто. Для певца дуб был идеальным материалом, поэтому ему представлялось идеальным замешивать тесто с помощью дубовой мешалки (*Гильф.* 2, № 85, ст. 157—158) и топить печь дубовыми дровами (*Гильф.* 2, № 85, ст. 160). К этим идеальным предметам Рябинин добавил «помялышко шелковое» (*Гильф.* 2, № 85, ст. 161) для очистки печи от золы и мелких угольков и «бумагу гербовую» (*Гильф.* 2, № 85, ст. 162), очевидно, лучшую, по его мнению, на подстилку под калачи — применение шёлка и бумаги в жаркой печи нужно отнести, разумеется, к разряду чудес.

Сказитель одинаково описал бочки под тесто и под водочку. В Киеве они дубовые (*Гильф.* 2, № 85, ст. 143—144, 173—174), у матушки Дюка — серебряные с золотыми ободами (*Гильф.* 2, № 85, ст. 154—155, 182—183), что опять же выглядит идеально, но неестественно.

Сопоставлений Дюка не выдерживает Шурило. Он предлагает тому состязаться

в щегольстве (*Гильф.* 2, № 85, ст. 193—201). Его предложение неожиданно. Ему не предшествует какая-либо мотивировка. Здесь, по-видимому, снято описание наряда Дюка. Может быть, снят и целый эпизод. Если это так, то исчезновение мотивировки произошло достаточно давно, поскольку и у других певцов предложение Чурилы не обусловлено какой-либо причиной.

Дюк принимает вызов Шурилы. Он не может уехать к себе на родину за нарядами. Его отъезд был бы воспринят как бегство и как признание поражения, правда, об этом прямо не говорится в былине, но иначе нельзя объяснить то, что Дюк вместо собственной поездки прибегает к помощи своего коня, который второй раз выручает хозяина, по-юношески дерзкого в поступках и речах. В большинстве вариантов былины конь Дюка обычно нем, но всегда прекрасно понимает хозяина и в пределах своей роли действует вполне разумно. По типу он почти чудесный помощник. Ему не придано буквально одного-двух атрибутов для того, чтобы всецело превратиться в чудесного помощника. Изначально конь, возможно, и был чудесным помощником, однако со временем его атрибуты чудесности стёрлись и исчезли. У Рябинина в эпизодах, связанных с отправкой коня на родину Дюка (*Гильф.* 2, № 85, ст. 210—270), конь исправно выполняет роль безмолвного слуги.

Трудно сказать, отчего певец привёл одно за другим одинаковые описания наряда Шурилы и Дюка (*Гильф.* 2, № 85, ст. 281—295, 296—308). Это нельзя считать ошибкой, ибо и в первой записи наблюдается та же картина (*Рыбн.* 1, № 16, ст. 261—268, 276—281).

Единственной частью наряда, которой сказитель отличил Дюка от Шурилы, стала шапочка (*Гильф.* 2, № 85, ст. 309—313) с изображением небесных светил и золотым верхом: в первой записи говорилось о шляпоньке с верховьицем (*Рыбн.* 1, № 16, ст. 283—285). Чуть позже сказитель повторил описание шапочки (*Гильф.* 2, № 85, ст. 332—335), придав впечатлению князя от её вида значение его безмолвного согласия на победу Дюка в состязании.

В первой записи нет реплики князя Владимира, приведенной во второй (*Гильф.* 2, № 85, ст. 315—321). Там вместо Пермина тихий Дунаюшка Иванович говорит о том, что Чурило

позакладал свою буйную головушку (*Рыбн.* 1, № 16, ст. 287—290).

По Рябинину, Дюк не удовлетворился приговором Пермина во второй записи или Дуная в первой. Он принялся водить плёточкой по петелькам и пуговкам у себя на груди, где у него вместо описанных ранее молодцев и девушек оказались уже птицы и звери: подобно Соловью-разбойнику, петельки свищут по-соловьиному, а пуговики кричат по-звериному, вызывая такой же страх у народа. Дюк водил плёточкой до тех пор, пока сам князь не велел ему перестать это делать. Весь эпизод с петельками и пуговками (*Гильф.* 2, № 85, ст. 336—349), совершенно отсутствующий в первой записи, нетрудно объяснить влиянием концовочной части былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник»: петелькам и пуговкам приданы свойства Соловья-разбойника, из-за чего они своим звучанием производят устрашающее воздействие на людей. Всё же одним перенесением из былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» сами петельки и пуговики как эпические реалии объяснить невозможно. Помимо Рябинина, о петельках и пуговках на одежде Дюка пели люди самых разных мест. Следовательно, эпизод со звучанием петелек и пуговок был придуман ещё до расселения русских людей в последние два-три столетия, а представление о петельках и пуговках в виде неких птиц и зверей могло возникнуть ещё раньше.

Никто из собирателей не расспрашивал певцов о чудесных петельках и пуговках, поэтому навсегда осталось неизвестным, как сами знатоки былины о Дюке представляли себе эти эпические реалии. Вместе с тем творческое воображение носителей былины, наверное, никогда не совпадало с тем, что задумывали создатели былины и какие действительные реалии привлекались ими для переработки в изобразительные средства. Чтобы выяснить, какие петельки и пуговики видели создатели былины и отобразили впечатления от них в тексте, нелишне обратиться к эпическим песням южных славян. Так, в боснийской песне «Филип Маджарин и дородный Халил», между прочим вторичной по отношению к сербским версиям, даётся достаточно подробное описание наряда Халила, пожалуй, главного героя эпической традиции боснийцев-мусульман:

- Какие у него червонные штаны!
Где швы, там гайтаны золотые;*
880 *По пуговицам плетёные змеи,
Все те змеи из чистого золота,
На колени головы положили:
Когда шагает Муй-агин Халил,
Разевают (пасти) на коленях змеи;*
885 *Я б тебе сказал и поклялся бы,
Что змеи на коленях живые —
Швец их такими сделал.
И одел червонный кафтан,
Из червоного венецианского бархата,*
890 *Где швы, там гайтаны золотые;
Я б тебе сказал и поклялся бы,
Что то не червонный кафтан,
И что он не просто из бархата,
Я сказал бы и поклялся бы,*
895 *Что из золота весь исплетённый,
На груди его плетёные змеи,
Златые змеи с обеих сторон,
Под горло ему головы направили:
Когда Халил шевельнёт плечами*
900 *Под горлом у него разевают (пасти) змеи:
Я тебе сказал бы и поклялся бы,
Что змеи (вот-вот) укусят Халила,
Чтобы пить из-под горла кровушку.
.....
И приоясал саблю дамасскую,
Все её ножны золотом залиты,
На ножнах плетёная змея,
На рукоять прислонила голову,*
935 *Разинула (пасть), словно бы живая.
И на голову шапку насунул,
На шапке две палочки золотые:
На одной было палочке,
Была птица перепёлка,*
940 *Из золота птица вылита;
На другой серо-сизый сокол,
Сокол поёт, птица подпевает.
.....
И какое же копьё костоломное!
До середины кровью покрыто,*
955 *С середины кожей обшито,
А кожа с лютого волка,
Посреди копьё обтянуто золотом,
На верху копьё медвежья голова:
Копьём качнёт, а голова разинет (пасть),*
960 *Я сказал бы, что голова живая¹.*

¹ Muslimanske junačke pjesme / Odabrao, priredio i predgovor napisao N. Frndić. Zagreb, 1969. S. 302—304.

В боснийской песне речь идёт, несомненно, об украшениях на одежде и на оружии героя. Еще в XIX в. боснийские певцы наяву могли видеть подобные украшения и потому легко отображали виденное в своих эпических описаниях, между тем севернорусские сказители определённо не видели ничего подобного, в частности плетёных из золочёных нитей зверей и птиц, и поневоле прибегали к собственному воображению, подкреплённому заимствованием отрывка из былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник». В отличие от севернорусских сказителей XIX—XX вв., создатели былин, наверное, видели плетёные или вышитые изображения зверей и птиц, что показалось им в диковинку и побудило откликнуться описанием, включённым в былину о Дюке.

Судя по описаниям, боснийский сказитель только сравнивал изображение с живым существом и притом уверял, сколь живо изображение. У Рябинына, как и у других севернорусских певцов, изображения оживают от прикосновения плёточки Дюка. Боснийскими и севернорусскими описаниями отмечены, следовательно, два разных этапа восприятия и отображения действительно существовавших предметов: сравнение изображения с живым существом и чудесное оживление изображения. Эволюционные перемены, естественно, начинались со сравнения. Создатели былины о Дюке должны были самое большее сравнивать изображения с живыми существами: звери и птицы на одежде, словно живые, прямо-таки живые, но не более того — знание реалий не требовало большего. Когда же действительные реалии исчезли перед глазами, в силу вступило воображение. Неведение предмета усиливало воображение и превращало воображаемый предмет в нечто чудесное или даже в чудо.

Возвращаясь к былине, записанной от Рябинына, нетрудно заметить, что победа Дюка в состязании нарядами не имела никаких последствий. В сущности, всеобщим признанием победы Дюка и могла бы закончиться эта былина, для обычного знатока эпических песен достаточно пространная и в этой своей части. Однако у былины есть традиционное продолжение в виде ещё двух сюжетов (состязание конями и оценка богатства Дюка). Вместе с некоторыми крупными вкраплениями, о которых

пойдёт речь ниже, былина о Дюке предстаёт как сложное по составу, поистине монументальное произведение. Это побуждает предполагать, что некогда Дюку было посвящено несколько отдельных песен, позже, естественно с потерями, сведённых в единый текст.

У Рябинына Шурило тотчас после поражения предлагает Дюку скакать через Пучай-реку (*Гильф*. 2, № 85, ст. 357—363). В предложении Шурилы, возможно, сохранился отзвук знания создателями былины иной эпической песни, например былины «Молодость Чурилы», где Чурила изображён превосходным всадником. Поскольку предложение дано без мотивировки, можно также допустить, что ему предшествовало нечто, побудившее Шурилу высказать своё предложение: похвальба Дюка конём или своим умением всадника, какой-то иной эпизод, в котором Шурило обратил внимание на выучку Дюка верховой езде. Отсутствие мотивировки обычно означает, что она почему-либо оказалась опущенной или забытой.

Дюк не спешит согласиться. Он знает, что в таком состязании победу приносит конь. И он бежит советоваться со своим конём. Лишь в этом месте повествования, когда коню предстояло совершить уже третий подвиг, сказитель слегка коснулся свойств необычного коня Дюка. Оказалось, что он говорящий и крылат. В первой записи о крыльях упоминается всего один раз, и они названы «подложными» (*Рыбн*. 1, № 16, ст. 333). Во второй записи крылья названы «подкожными» (*Гильф*. 2, № 85, ст. 386 и далее). Эпитет «подкожные», наверное, надо понимать в том смысле, что крылья до времени сложены и скрыты под кожу коня, а при необходимости они выходят из-под кожи и раскрываются. Эпитетом «подложные», внешне совсем синонимичном, учитывается только значение «складные». Уже в такой, почти неприметной, детали как определение крыльев у коня скрывается бесспорный факт, что Рябинин слышал две разные версии былины о Дюке и, исполняя текст на запись во второй раз спустя одиннадцать лет после первого случая, соединял своё знание обеих версий, при этом что-то отбрасывая или заменяя. Так был заменен эпитет «подложные» на определение «подкожные». Он, наверное, размышлял над значениями обоих определе-

ний. Его выбор для второй записи нельзя не признать более точным. Мало того, в эволюционном плане определение «подкожных», несомненно, относится к числу ранних славянских. У южнославянских эпических героев также порой имеются кони с «подкожными» крыльями. Таков, например, конь у Момчила, героя хорошо известной южным славянам и сильной по эпическому звучанию песне².

Неожиданно для героя и слушателей из разговора коня с Дюком узнаётся, что у коня есть братья. В первой записи певец назвал четырёх коней-братьев и перечислил их по возрасту и явному для самого певца ранжиру эпических персонажей: старший конь, конечно же, принадлежит Илье Муромцу, средним владеет Добрыня Микитинец, третий — это конь Дюка и только четвёртым, младшим, конём обладает Чурила (*Рыбн.* 1, № 16, ст. 334—339), при этом Рябинин упомянул лишь о крыльях одного коня Дюка. Во второй записи певец оставил трёх коней: Ильи, Дюка и Щурилы, причём различия между ними, помимо возраста коней и ранжира их хозяев, он умножил за счёт числа «подкожных» крыльев. Оказывается, у коня старого казака Ильи Муромца три пары крыльев, у коня Дюка — две пары, а у коня Щурилы — всего одна (*Гильф.* 2, № 85, ст. 386—390). Числом пар крыльев певец определил силу каждого коня. Эта деталь атрибута эпического коня, по-видимому, относится к числу очень редких и нуждается в подтверждении. Далее мотив «подкожных» крыльев коня певцом не используется, что, безусловно, говорит о его вставном характере.

За исключением мотива «подкожных» крыльев, обращение Дюка к коню и их разговор (*Гильф.* 2, № 85, ст. 373—396) представляет собой несколько изменённый эпизод, перенесённый из былины «Иван Гостиный сын». Этот эпизод, также слегка переделанный применительно к иному повествованию, Рябинин включил ещё в былинку «Илья Муромец и его дочь» (*Рыбн.* 1, № 5, ст. 115—122; повт. *Гильф.* 2, № 77, ст. 119—127). Певцу, несомненно, нравился этот эпизод. Его использование свидетельствует о том, что Рябинин слышал былинку «Иван Гостиный сын», быть может,

в разных версиях, если судить по неожиданно появившемуся мотиву «подкожных» крыльев в былинке о Дюке. Он, по-видимому, и сам мог бы спеть фрагмент былины «Иван Гостиный сын», однако записи этого не делалось.

Лишь заручившись обещанием коня «не уступить» коням Ильи и Щурилы, Дюк принимает вызов неуёмного Щурилы. Он ставит об заклад свою «бессчётну золоту казну» (*Гильф.* 2, № 85, ст. 402), тогда как Щурила ставит только свою буйну голову (*Гильф.* 2, № 85, ст. 404), в чём можно усмотреть забвение или даже незнание былины «Молодость Чурилы», где описывается роскошное поместье этого персонажа.

Рябинин довольно подробно и достаточно традиционно описал состязание на Пучай-реке (*Гильф.* 2, № 85, ст. 405—435) — тут он не вспомнил о мотиве «подкожных» крыльев. И у него конь в третий раз выручил Дюка, что, впрочем, осталось неподчёркнутым, но, напротив, оказалось затенённым описанием спасения Щурилы. Очередная победа Дюка у певца снова не имела последствий какой-либо эпизод или диалог, в котором другие персонажи открыто признали бы её.

Вместо этого опять выступает Щурила, ничуть не сломленный или огорчённый. На этот раз он предлагает князю Владимиру послать в Индею писарей-оценщиков описать богатство Дюка. Князь тотчас соглашается со Щурилой и отдаёт повеление.

Отсюда и далее обе записи былины от Рябинина сильно расходятся.

В первой записи князь посылает «оценщиками» тихого Дуная Ивановича, Василия Казимилова и «смелого богатыря» Алёшу Поповича (*Рыбн.* 1, № 16, ст. 376—382), а во второй записи — двенадцать святорусских богатырей, не названных по именам, при этом Дюк отводит кандидатуру Алёши Поповича, произнеся перед князем целую речь о завистливости Алёши (*Гильф.* 2, № 85, ст. 455—465). В речи Дюка, ранее ничем не обоснованной, содержится оценка Алёши по его поповскому происхождению, исходящая из убеждения, что люди этого происхождения непременно жадны и завистливы. В эволюционном плане такую оценку Алёши нужно отнести к числу поздних включений в былинку о Дюке.

² Песни южных славян / Вст. ст., сост. и прим. Ю. Смирнова. М., 1976. С. 135—137.

В первой записи Дюк оставлен в Киеве на положении заложника, что подтверждается вариантами, напетыми другими сказителями из разных мест. А во второй записи, вопреки традиционному изложению, Дюк едет на родину вместе с посланцами князя Владимира и, выражаясь по-современному, выступает в роли экскурсовода у любознательных свято-русских богатырей.

Только во второй записи имеется эпизод, в котором богатыри принимают сияние золочёных кровель Волын-города за пожар и решают, что Дюк «прозакладал» свою голову (*Гильф.* 2, № 85, ст. 468—482): здесь Рябинин забыл, что ранее у него Дюк, в отличие от Щурилы, закладывал не голову, а «бессчетну золоту казну» (*Гильф.* 2, № 85, ст. 402). Певец не сказал от себя или от имени Дюка, что богатыри ошиблись, видимо, посчитав, что их ошибка очевидна слушателям.

В отличие от первой записи, здесь Рябинин счёл нужным упомянуть о сукнах кармазинных, разостланных по двору Дюка (*Гильф.* 2, № 85, ст. 485—486), и о серебряных ступеньках (*Гильф.* 2, № 85, ст. 490) — так у него богатыри убедились в правдивости слов Дюка, произнесённых в Киеве.

В первой записи сами служанки одна за другой поправляют богатырей, принимающих очередную служанку за матушку Дюка. Тут сам Дюк учтиво поправляет богатырей (*Гильф.* 2, № 85, ст. 493—516) и затем представляет им свою матушку.

Мягко говоря, богатыри неточны в первой записи, объявляя матушке о том, что сам Дюк послал их «описать своё имение-богатство» (*Рыбн.* 1, № 16, ст. 425—426). Здесь же сам Дюк говорит матушке Наталье Васильевне о цели приезда богатырей (*Гильф.* 2, № 85, ст. 530—534), не раскрывая обстоятельств, предопределивших любознательность последних.

В первой записи Наталья Васильевна прежде всего, как подобает по обычаю, угощает богатырей и те убеждаются в правоте слов Дюка о качестве питья медвяных в его доме. После угощения она отвела богатырей к сбруе лошадиной, у которой те просидели три года (!) и даже ещё три дня, но так и не смогли оценить сбрую. Затем Наталья Васильевна показала богатырям бочки, наполненные серебром, золотом и жемчугом

(*Рыбн.* 1, № 16, ст. 427—442). Иначе сказитель не знал, как описать богатство.

Спустя одиннадцать лет Рябинин уклонился от какого-либо описания богатства Дюка. Во второй записи он лишь упомянул о том, что Наталья Васильевна, едва узнав о цели приезда богатырей, молча повела их по кладовым и погребам (*Гильф.* 2, № 85, ст. 535—538). Сдержанность певца в этом месте, возможно, объясняется его усталостью или какой-нибудь внешней причиной.

Первая запись завершается письмом богатырей князю Владимиру. Они — традиционно — предлагают князю продать стольный Киев-град и ещё Чернигов для закупки бумаги, перьев и чернил: «Тогда можешь Дюково имение описывать» (*Рыбн.* 1, № 16, ст. 446—452). Во второй записи, после никак не описанной и явно короткой экскурсии по кладовым и погребам, сходную мысль высказывает тихий Дунаюшка Иванович, призвав своих товарищей написать князю Владимиру, что в Киеве не хватит казны на закупку только перьев и чернил для того, чтобы описать богатство Дюка (*Гильф.* 2, № 85, ст. 541—549). О написании и отправке письма с таким содержанием певец, разумеется, умолчал: в подобных случаях под призывом к действию традиционно подразумевается и непрерывное осуществление этого действия.

Рябинин не остановился на призыве Дунаюшки. Благополучный для Дюка исход подкрепился пиром: Дюк, очевидно удовлетворённый, принял угощать богатырей. Вкусая, богатыри попивают и питьца медвяные, убеждаясь в правоте слов, сказанных Дюком ещё в Киеве. Довольные богатыри встают из-за стола и чинно раскланиваются с матушкой Дюка. Этой сценой сказитель резко завершил исполнение текста. О возвращении богатырей в Киев он, как и многие другие певцы, уже не считал нужным сказывать.

Сокращения

Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. / Отв. ред. А. М. Астахова. М.; Л., 1950. Т. II.

Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Изд. подготовили А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск, 1989. Т. I.

Вместо заключения

Преображенка

1. Все двенадцатые праздники имеют освящённые каноническими иконописными воплощениями. Мы любим и чтим эти образы. Хотя символизм присутствует в них всегда, сюжеты подаются предметно – с разной мерой условности или реалистичности. Изограф не знает особых затруднений – он изображает пусть чудесное, однако видимое, натурное.

Почему мы начинаем с этого трюизма? Для контраста с архитектурой – ситуация тут абсолютно иная.

Зодчеству не вменяется быть отражением действительности.

Посвящение храма вовсе не обязано как-то отражаться в его формах. Одинаковые по стилистике храмы называются Рождественскими, Покровскими, Успенскими и т. д. Внешнее индифферентно по отношению к внутреннему.

Тем не менее зададимся вопросом: какой из двенадцатых праздников может получить в зодчестве наглядную интерпретацию? Речь идёт о пластической – средствами архитектуры – передаче сакрального смысла.

Будет не лишним привести список двенадцатых праздников, следуя хронологии церковного года, который начинается 1(14) сентября:

Рождество Богородицы — 8 (21) сентября;
Воздвижение Креста Господня — 14 (27) сентября;
Введение во храм Пресвятой Богородицы — 21 ноября (4 декабря);

Рождество Христово — 25 декабря (7 января);
Крещение Господне — 6 (19) января;
Сретение Господне — 2 (15) февраля;
Благовещение Пресвятой Богородицы — 25 марта (7 апреля);
Вход Господень в Иерусалим — воскресенье перед Пасхой — переходящий;
Вознесение Господне — 40-й день после Пасхи, всегда в четверг — переходящий;
День Святой Троицы — 50-й день после Пасхи, всегда в воскресенье — переходящий;
Преображение Господне — 6 (19) августа;
Успение Пресвятой Богородицы — 15 (28) августа.

Всмотримся в каждый праздник, примеривая его к языку архитектуры, – когда он окажется способным схватить семантику события?

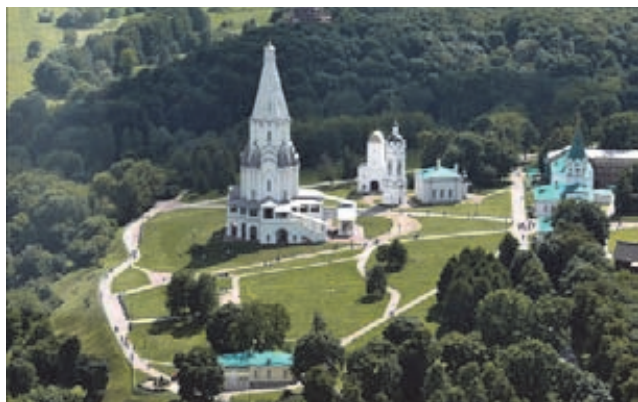
Думается, что имеется только два случая, открывающие перед зодчим такие возможности: это *Вознесение Господне* и *Преображение Господне*.

Коломенский столп!

Вырабатываемая им духоподъёмная тяга неизбежна. Созерцая его, ощущаешь некий захват и отрыв – будто впрямь восходишь, вздымаешься, возносишься.

Правда, здесь возможен иной душевный отклик и, соответственно, иное истолкование: храм осеняет тебя – нетварная энергия низводится долу.

Разные векторы!

Коломенское. Вознесенская церковь

Нельзя ли их привести в отношение дополнителности?

Сторонником второй – наиболее популярной – точки зрения был М. А. Ильин. Обсуждая вопрос о символике, которую несёт форма церкви Вознесения, он писал: «Наиболее верным путём решения данной проблемы представляется обращение к идее осенения шатром всего внутреннего пространства храма»¹.

Иную направленность в динамике столпа видел Н. Е. Роговин. Читаем у него: «Выявлению идеи „вознесения“, отвечавшей названию храма, служили, в частности, двадцать декоративных стрел на его стенах»². По мнению учёного, этот взлётный импульс каменный шатёр воспринял от своих деревянных предтеч – нам импонирует именно такой каузальный порядок вещей. Н. Е. Роговин пишет: «Все формы храма в Коломенском чрезвычайно органичны и конструктивны, как и формы деревянных храмов, из которых они возникли»³.

Вспомним деревянное Вознесение из Пиялы (1661).

Наложим его на коломенское Вознесение.

Какая полнота унисона!

Хронологически Пияла следует за Коломенским.

А если задуматься о генетической связи деревянного и каменного дела, взяв альтернативу шире и общей? Тогда последовательность может инверсироваться.

¹ Ильин М. А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVII века. М., 1980. С. 36.

² Роговин Н. Е. Церковь Вознесения в Коломенском / XVI век / Памятники русской архитектуры. Вып. 1. М., 1942. С. 7.

³ Там же. С. 9.

Пияла. Вознесенская церковь

М. А. Ильин полемизирует с Н. Е. Роговиным. Шатёр есть «осеняющая форма» – данный тезис хорошо обосновывается им⁴.

Однако летопись говорит: «храм строился вверх на деревянное дело».

Вверх, а не вниз!

Мы не хотим вести софистическую игру в наречия-антонимы.

Но вот очевидное: столп рос из надира в зенит – строился ввысь по вертикали как лествица.

Ведь для подъёма, а не для спуска! Богу для низведения своей благодати не нужно ничего подсобного. Тогда как нам ради установления контакта с Ним поначалу необходимы различные снасти, орудия.

Вот наше: ярус на ярус.

Эта сила возрастания – исходная, первичная – сохранилась навсегда.

Мы её чувствуем и в Острове, и в Варзуге.

Однако не будем односторонними.

Восхождение и нисхождение вполне могут сочетаться в шатре.

Альтернатива на деле отсутствует.

М. А. Ильин возражает Н. Е. Роговину: «Архитектура – образное, а не изобразительное

⁴ Ильин М. А. Указ. соч. С. 37.

Феофан Грек. Преображение

искусство»⁵. Но разве Н. Е. Роговин даёт повод для обвинения в натурализме? Грань между конкретным и символическим порой оказывается очень тонкой.

Коломенский столп не только метафора идеи Вознесения, но и непосредственное – визуальное, физическое – её выражение.

Это уровень изобразительности.

Хотя субстанция здесь другая: не живописная – архитектурная.

Тем не менее адекватность несомненна.

И это конкретная, чувственная адекватность.

Главное – эмоциональный заряд: он вложен в пропорции храма – он срабатывает мощно и прямо.

2. То же самое мы вправе сказать о кижском Преображении.

Все двенадцатые праздники происходят на черте *горнего* и *дольнего* – все обращены к трансцендентному, надмирному, вечному.

Эта интенция у праздников Вознесения и Преображения – сюда надо ещё и Пятидесятницу добавить – имеет как бы зрительное сопровождение: мы видим *нездешнее* – оно *проявляется*

для нашей сенсорики. Парение Христа в световом потоке – ослепительная Фаворская вспышка – духоносные огненные языки: изографу доступно изображение этих реалий – инобытие предстаёт со всей *очевидностью*.

Вспомним небывалое: «*И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них*» (Деян. 2:2–4).

Художник это может запечатлеть.

Потрясает фреска М. А. Врубеля в Кирилловской церкви на данную тему. Но что здесь может сказать зодчий? Возникает ассоциация с *пламенеющей готикой*. Она даёт хороший фон для сюжета. Но развить его не в состоянии.

Конечно, есть желание усмотреть в северных ансамблях-триадах *пространственную икону Святой Троицы*, однако этот *арифмологический изоморфизм* всё же очень абстрактен. Философское умозрение в нём доминирует над эстетическим чувством. А второе нам сейчас важнее первого.

Опять-таки эти рассуждения нам нужны для того, чтобы выделить Вознесение и Преображение из ряда двенадцатых праздников единственно по критерию их представимости в системе архитектурной образности.

Зодчество нашло свой эквивалент для визуализации идеи Вознесения.

Идея Преображения требует более сложных решений.

В Кижях они были найдены.

С темой *Μεταμόρφωσις* мы традиционно связываем две реалии:

– абрис горы Фавор;

– предивное воспламенение, о котором в стихире поётся так: «*Христа славословим, наше огнем Божества преобразивша естество, и якоже прежде нетлением облиставша*».

Гора и пламя имеют одинаковую симметрию.

Это симметрия конуса.

Она задаётся тяготением.

Прогрессия в умерении ширины – её последовательное убывание – ритмичная поступенность: этот признак является своего рода константой для многих земных структур, образующихся в полях тяготения. Отключите гравитацию – и формообразование на планете примет совсем другой характер: симметрия конуса будет замещена симметрией

⁵ Там же. С. 18.

цилиндра – исчезнут все лимитации для роста. Фантастическое вероятие!

В геометрию конуса вписываются многие формы, поднимающиеся вверх: пирамиды – колокольни – деревья – термитники – костры и т. д.

Наши ярусные храмы не являются исключением.

Преображенка гороподобна.

И пламеневидна!

Храм весь как есть – воспылание духа.

Для нас особое значение имеет семиотика главок. Приведём рассуждения Е. Н. Трубецкого: *«Византийский купол над храмом изображает собою свод небесный, покрывший землю. Напротив, готический шпиль выражает собою неудержимое стремление ввысь, поднимающее от земли к небу каменные громады. И наконец, наша отечественная «луковица» воплощает в себе идею глубокого молитвенного горения к небесам, через которое наш земной мир становится причастным потустороннему богатству. Это завершение русского храма – как бы огненный язык, увенчанный крестом и к кресту заостряющийся»⁶.*

Храм устроен фрактально – части вторят целому.

И главки – отдельно, и вся масса церкви моделируют пламя.

При определённом ракурсе двадцать два огненных языка сливаются в один богодухновенный сполох. Храм смотрится как огромная лампада, возжжённая во славу Бога, – дивно её подвесила над онежскими зеркалами белая ночь.

Прорись иконы Преображения – и обмер Преображенки: накладывая их друг на друга, мы выявляем интереснейшие и композиционные, и семантические соответствия. Они могут дать ключ к пониманию некоторых аспектов храма.

3. Возьмём для анализа образ, написанный Феофаном Греком (конец XIV в.; происходит из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском; ныне – ГТГ).

Симметрия конуса организует пространство иконы. Контуры Преображенки вписываются в схему с абсолютной органичностью.

Назвать это коллинеарностью?

Или конгруэнтностью?

Суть не в терминах.

И не в мере формальной точности.

Существен унисон как таковой – важна резонансная перекличка.

Прорыв в небо – в инобытие: иконописец и зодчий говорят на эту тему. Знаковые системы разные! Но их взаимосоотнесенность несомненна.

Мы видим в иконе четыре горизонта.

Они естественно сопрягаются с четырьмя ярусами храма.

Четыре луча исходят от Спасителя.

Развернём в плоскости голограмму Преображенки и охватим единым взглядом все её четыре каскада. Они предстают невероятным веером! И совпадают с Фаворским четырёхлучьем.

Архетип *лествицы* узнаётся и здесь, и там.

Подъём или спуск?

На этот вопрос, поставленный русскими шатрами, исчерпывающим образом отвечает иконография Преображения.

В средней части композиции дважды изображены Христос и три ученика: справа они *восходят* – слева *нисходят*. Композиция указывает на паритет этих двух направлений. Но симметрия однажды будет нарушена. В пользу восхождения! Ведь это наше призвание: *теозис* – полнота *обожения*. Человек необратимо поднимется к Богу. Ступенчатый храм предуготовляет путь для этого.

В чуде Преображения ярко и утвердительно явлена христианская модель мира. Главное в ней – двууровневость: это *тварное* – это *нетварное*. В Христе нераздельно и неслиянно соединились обе природы. На горе Фавор человеческим очам предстала Его прикровенная богосыновья суть. Евангелие свидетельствует: Он *«преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет»* (Мф. 17:2).

Это был свет, для которого русский язык нашёл изумительные поэтические определения: *несказанный* – *неглаголемый* – *нерекомый* – *неизрекомый* – *неизреченный*.

Преображенка является источником этого света.

Сие не риторика.

В том и заключается тайна подлинного искусства, что ему удаётся опрозрачить

⁶ Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках. М., 1916. С. 9.

преходящую материю – в ней начинает сквозить *вечность*.

На горе Фавор плоть Христа стала прозрачной – и апостолы узрели сияние премирного.

Красоту иногда так и определяют: *вечность* во времени.

Это формула Преображения.

В локальных масштабах оно совершается всюду, где творится подлинная красота, одолеваящая тлен и энтропию.

В Преображенке перманентно идёт *Μεταμόρφωσις*.

Можно сказать так: предстояние перед ней по сути родственно созерцанию той картины, которая открылась Петру, Якову и Иоанну, – источник света в обоих случаях один. Понятна различная интенсивность. Однако главное надо усматривать в общей природе явления.

Сейчас уместно повторить слова Александра Блока: «Здесь говорят о несказуемом». Ощущения, которые мы пытаемся передать, уходят от вербализации. Преображенка воздействует на нас суггестивно. Слова – относительны, Преображенка – абсолютна. Проговариваемое о ней неизбежно несёт на себе печать поэзии. Условное, метафоричное! Рациональный анализ тут пасует.

Как средствами архитектуры удаётся создать эффект прорыва в иномир?

Северное зодчество сказочно.

И мистериально!

В Преображенке эти качества достигают максимума. Будто из горних сфер её спроецировали на ландшафт Заонежья. Плотникам оставалось лишь овестивить предвечный эйдос, означившийся то ли в снах, то ли в творческих наитиях. Анхимово было первой попыткой. Тогда не удалось точь-в-точь материализовать первообраз.

Аберрации, отклонения: это естественно при контакте идеи и вещи. Пришлифовка достигается не сразу.

В Преображенке она несомненна – это полнота совершенства.

Прочитаем А. Ф. Лосева: «Чудо — диалектический синтез двух планов»⁷. Имеются в виду уровни идеального и вещного. Преображенка осуществляет такой синтез. Поэтому она есть *чудо*.

Это наши эмоции?

Не только они – ещё и диалектика. Причём в её неоплатоническом, самом надёжном, изводе.

Обыденное пространство разрывается – и мы видим: *земное* раздвинуто *неземным*. Это *откровение* в самом прямом значении данного слова: с недоступного снимается печать – и в наш мир изливаются эманации вечности.

В Кижях это широкий поток.

Преображенка воспринимается как откровение.

Чувствуете касание *запредельного*?

Остаётся загадкой, как архитектуре удаётся произвести впечатление, будто на её языке с нами заговорило высшее, неизъяснимое. В канале связи между горним и дольным начисто отсутствует шум. Сообщение из трансцендентных высей принято обонежскими плотниками без всяких потерь.

Μεταμόρφωσις имеет эстетическое измерение. Красота условная, преходящая замещается красотой безусловной, нетленной.

Вспомним Апокалипсис: «1 И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. 2 И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр. 21:1–2).

Это открылось на острове Патмос.

Но нечто подобное было явлено на острове Кижь.

В Преображенке предваряется небесный Иерусалим: она его предчувствие и предвосхищение, наглядно представленная мечта о нём, неуклонная воля к нему.

Преображенка может быть интерпретирована как своеобразное пророчество. Её профетическое значение первично – это её основная миссия: показать – в переливчатой призме символа – провозвещанное будущее, его красоту.

Пророчеству по определению присуща радикальная новизна. Ошеломительная и внезапная, она вырывает нас из обыденного ряда – и переносит в какую-то иную, воистину небывалую действительность.

Такова Преображенка.

Храм инициирует не только чувство *прекрасного*, но и чувство *возвышенного*, когда наше эстетическое сознание сталкивается

⁷ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 2001. С. 186.

с чем-то непомерным, выходящим за грань привычных перцепций.

Для восприятия Преображенки характерна сложная и тонкая интерференция этих чувств.

Исходно – *возвышенное*: это похоже на положительный стресс, когда имеет место не только восторг, но ещё и момент некоторой подавленности, как бы шоковости.

Поначалу мы не справляемся с мощным прессингом впечатления.

Однако постепенно адаптируемся – осваиваем эстетику Парадиза.

Возвышенное трансформируется в *прекрасное*. И вместе с тем сохраняется! Подчеркнём ещё раз: дополнительность двух этих чувств, – в психологической сути своей противоположных, играющих на контрасте, – многое предопределяет в нашем эстетическом отношении к Преображенке.

4. Описывая Преображенку, мы обычно используем четыре взаимосвязанных параметра – говорим, что это храм

- 1 – *крещатый*,
- 2 – *восьмериковый*,
- 3 – *ярусный*,
- 4 – *многоглавый*.

Рассмотрим последовательно каждую характеристику.

Архетип креста проявился в культуре задолго до христианства.

Это одна из самых онтологически значимых первосхем. Она читается как некое предначертание, в соответствии с которым должен быть построен космос.

Мироздание зиждется на крестовине.

Пройдёт много эпох, пока Рене Декарт откроет свои прямоугольные координаты, но, по сути, именно с их закладки начинается космогенез.

Это первичное, базисное.

Преображенская церковь – своеобразная модель мира – накладывается на них точь-в-точь, неукоснительно вторя геометрии бытия.

Архетипы – это предвечное.

Что предшествовало Преображенке в земном времени?

Ответить на этот вопрос нам поможет Алексей Иванович Некрасов (1885–1950). Жертва сталинщины, этот выдающийся учёный нёс

в себе изломы эпохи, вызывающие сегодня чувство досады. Порой в его суждениях о народном искусстве чувствуется нигилизм. Однако и в своих негативах он эвристичен.

Ставя вопрос о происхождении крещатого плана, столь популярного у зодчих Русского Севера, А. И. Некрасов указывает на два возможных первоисточника:

- ранние христианские храмы Херсонеса;
- Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря (XII в.).

Глубокие корни!

Выдвинув нетривиальную гипотезу, А. И. Некрасов тут же дезавуирует её⁸. Однако представляется интересным проследить ход его ассоциаций. Чем шире контекст, в котором воспринимается Преображенка, тем полезней для дела.

Самоочевидно, что крещатые церкви – в аспекте своей семантики – могут считаться посвящением как празднику Богоявления, так и тому моменту, когда равноапостольный князь Владимир погрузился в корсунскую купель. Они отсылают нас и к другим событиям, в которых был задействован крест. Однако эти линейные связи слишком абстрактны. И всё же их следует учесть.

Поэтому вспомним о том, что в 1825 г. вице-адмирал А. Грейг, главнокомандующий Черноморским флотом, предложил увековечить место, где Владимир принял Крещение. Были предприняты раскопки. Они привели к открытию остатков крестоподобной в плане базилики. Эта схема была усвоена Владимирским собором, возведённым здесь по проекту Д. И. Гримма. Строительство закончилось в 1891 г. Неовизантийский стиль органичен для замысла.

Преображенская церковь – и два херсонесских храма, древний и новый: у них общая архетипическая матрица. В свете этого сопоставления преемственность от ромеев делается для нас более живой и наглядной.

Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря уникален. С необычайной пластичностью – почти скульптурно – здесь воплощён сакральный символ – равноконечный православный крест.

⁸ Некрасов А. И. Очерки по истории древнерусского зодчества X–XVII века. М., 1936. С. 343.

Псков. Мирожский монастырь. Реконструкция

Выразительное экстерьерное решение было новым для Руси XII века.

Удивляют и некоторые другие приёмы формообразования.

Откуда веянья?

Конструктивно схожие храмы тогда возводились на Балканах. В связи с этим высказывалось предположение о привлечении к строительству иноземных мастеров. Впрочем, архетипы могут проявляться сами по себе – мастер заимствует напрямую у платонова мира идей. Так или иначе, но прямого аналога псковскому шедевру мы не найдём. Если искать параллели, то не лучше это делать на материале деревянного зодчества?

Впрочем, вот ещё один унисон – построенная в камне смоленская Свирская церковь (1180–1197). Северное посвящение у неё позднее, но оно ласкает наш слух. С Преображенкой храм перекликается по ряду признаков: наряду с крещатым планом, наличествуют ещё два существеннейших инварианта – подчеркнутый вертикализм и характерная уступчатость.

И многообломные пилястры, и каскадность объёмов поддерживают устремление храма ввысь.

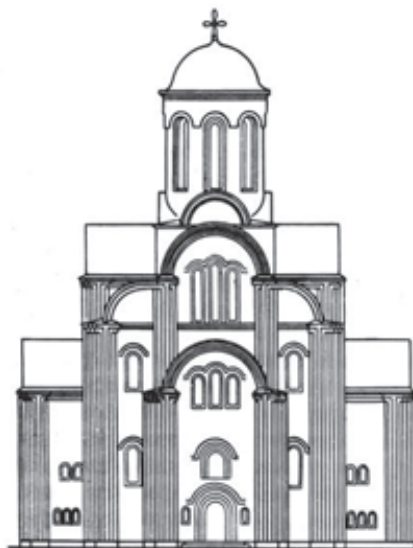
Ярусов – как и в Кижях – тоже четыре!

За игрой этих созвучий могут стоять нетривиальные, причём вполне объективные зависимости.

На интернет-сайте, посвященном истории Смоленска, мы находим такое допущение: «По композиции Свирская церковь явилась выражением архитектурных приемов русского деревянного строительства, переложенных на язык кирпичной кладки»⁹.

Притворы похожи на прирубы!

⁹ URL:www.smz.smolensk.ru/church01/page.htm

Смоленск. Свирская церковь. Реконструкция

А их лотковые покрытия? Добавь сюда пучину – и прорежутся бочки.

Анализируя фасады этих замечательных притворов, А. Зарбинтский нашёл в них элементы, которые «встречаются в деревянном зодчестве Русского Севера», его сближения интригуют¹⁰.

Наверно, не случайно композиция, выводящая вонне ветви креста, в сознании исследователей настойчиво увязывается именно с деревянной архитектурой. Пример этого даёт и цитата из П. Н. Максимова, знатока темы. Речь идёт о Спасо-Преображенском соборе Мирожского монастыря: «...не касаясь вопроса о происхождении этого храма – от византийских прототипов, связанных с заказчиком-греком (архиепископом Нифонтом), или деревянных церквей с крещатым срубом, нужно отметить, что структура таких храмов значительно проще, чем структура построек с внутренними столбами»¹¹.

Крупнейший исследователь не исключает первичности деревянного дела в генезисе псковского храма! Это следует принять во внимание.

Вернёмся к трудам А. И. Некрасова. Он склонен объяснять крещатый план северных церквей «весьма просто и естественно». Вот как их схема намечается сама собой в силу своей внутренней логики:

– на оси восток – запад располагаются клетки алтаря и входа;

¹⁰ URL:znb-by.org/.../МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКАЯ-TSERKOV

¹¹ Максимов П. Н. Творческие методы древнерусских зодчих. М., 1976. С. 93.

– перпендикуляр к ней – ось юг – север – составляют «ряды стоящих перед иконостасом»; – отсюда «вытекает обычная в XVII веке тенденция к образованию поперечно-организованного пространства, которое и образуется благодаря пристройке ещё по клетки с юга и севера. Получается крестовый план, который поддерживается также христианской идеологией и символикой. В результате мы имеем совпадение с поперечно-организованным пространством восточных храмов»;

– это совпадение – здесь вспоминаются и Херсонес, и Псков – А. И. Некрасов считает внешним и случайным¹².

Интересные мысли!

Наложение на крестатый план культовой семантики А. И. Некрасов называет явлением вторичным, поверхностным. Этот план предзадан функциональной целесообразностью. Архитектура необходимо, если не сказать – фатально, выходит на него.

Смысловые наложения могут быть самые разные.

Если взять для примера кельтский крест, то известна такая его интерпретация: идея христианства, принесённая в Ирландию св. Патриком, соединилась в нём с памятью языческого солярного культа – перед нами артефакт, отражающий феномен *двоверия*.

Этот феномен характерен и для Русского Севера.

Возможно, что Преображенка тоже осуществила гармонический синтез двух моделей мира, который усматривают в кельтском кресте, – любопытны попытки увести её корни в дохристианские пласты.

Собственно, это одна модель – вневременная, надконфессиональная.

Солнцеворот – круг праздников – лимб окоёма, размеченный странами света: не суть важно, когда и где архитектура будет отражать строй бытия – всегда и всюду она это будет делать схожим образом.

Конвергентное сходство глубже сходства филетического.

Ведь за ним стоит мир архетипов.

Два каменных храма XII века, о которых шла речь выше, – псковский и смоленский – стоят особняком в истории русской архитектуры. Это

явления исключительные. Тем замечательней, что именно они корреспондируют с Преображенкой, как бы рифмуются с ней. Конечно, типологическое сходство тут предельно общее – на резкость оно не наводится. И всё же его значимость бесспорна.

Переместимся из XII века в век XVI.

В поле нашего зрения оказываются деревянные шатровые храмы (Успенская церковь в Александро-Куштском монастыре, после 1519 г.; церковь Рождества в Передском монастыре, 1530-е гг.).

Вовлечение в сравнительный анализ храмов этого типа вполне законно. Вспомним сказанное А. В. Ополовниковым о кижском многоглавии: «Этим торжественным верхом зодчие сумели одновременно и передать дух своей эпохи и сохранить черты шатровых предшественников Преображенского храма»¹³.

Раньше схожую мысль высказали И. Э. Грабарь и Ф. Ф. Горностаев: «Кижский храм до половины своей высоты, вместе с центральным восьмериком, кажется подготовленным для принятия шатра»¹⁴.

В развитии архитектуры мы наблюдаем нечто подобное тому, что биологи-эволюционисты называют *независимой изменчивостью* – одни признаки варьируют в рамках целого, другие сохраняют константность.

Сколь устойчивы восьмерики! Однако их завершения претерпевают глубокие метаморфозы. Спектр модификаций широк: и шатёр, и граненая кровля-банька, и многоглавие.

А. В. Ополовников прав: Преображенка наследует храму шатрового типа – от него к ней переходит не только структура основания, но и важнейший признак высотности.

Перейдём в XVII век.

Мы видим, как обогащается облик шатровых храмов, – всё убедительней в них проступают новые черты, которым суждено получить полное раскрытие в Преображенке. Это своего рода предварения! Или пророчества.

Такова Климентовская церковь в Уне.

На основе церковных записей её датировали 1501 г. Однако В. В. Суловым она была отнесена к началу XVII в. Чудесная церковь кажется

¹³ Ополовников А. В. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М., 1955. С. 59.

¹⁴ Грабарь И. Э. История русского искусства. М., 1910. Т. 1. С. 440.

¹² Некрасов А. И. Указ. соч. С. 343.

Берёзовец. Никольская церковь

зачатком Преображенки. Роднит эти храмы не только крещатый план, но и тонкая игра форм, в которой задействована уступчатость, каскадность. И. Э. Грабарь и Ф. Ф. Горностаев так пишут о необычных изменениях, которые претерпели бочки: *«Последние получили здесь в высшей степени своеобразное развитие благодаря тому, что каждая из них раслоилась на две бочки, причём ближайшая к центру несколько приподнята, образуя как бы ступень»*¹⁵.

Впервые именно в Уне успешно используется эффект прогрессии, столь существенный для формообразования Преображенки: радиус ярусов или бочек последовательно убывает, благодаря чему возникает ощущение перспектив, увлекающей взгляд в высоту.

Вознесенская церковь в Пияле (1651) и Успенская церковь в Варзуге (1674) обогатили этот приём. Он будет усвоен и крещатой Преображенской церковью в Чекуево (1687). Однако её завершение – новация: четверик увенчан кубом, проросшим главами. Вкупе с главами на четырёх прирубках мы получаем многоглавие. Ещё одна аппроксимация Преображенки!

Среди предтеч заонежского шедевра И. Э. Грабарь и Ф. Ф. Горностаев называют Никольскую церковь из Шевдинского городка Тотемского уезда (1625) и церковь Рождества Богородицы из села Заостровье Шенкурского уезда (1726). Пусть не смущает дата строительства последней: учёные считали, что она точно воспроизводит более ранний – во времени предшествующий Преображенке – храм.

Структурно близка Преображенке и Никольская церковь из села Берёзовец-на-Ноле Галичского уезда (конец XVIII в.). Вот её

Елена Поленова. Берёзовец. Никольская церковь

уникальная особенность: свою крестовидную станину она будто дублирует – уже в уменьшенном виде – на высоком кряжистом восьмерике. Сходясь на нём под прямыми углами, небольшие четверики в свою очередь прорастают совсем маленькими восьмеричками, – и те на грановитых барабанах поднимают в небо изящные главки. Это же решение повторяется под центральной главой.

Крест – восьмерик – крест – восьмерик: необычное наложение форм!

Никольский храм на Ноле запечатлела с натуры Е. Д. Поленова.

Мы выстроили эволюционный ряд, который показывает: на крещатое основание накладываются все более сложные структуры – энтелехией этого захватывающего дух процесса станут анхимовский Покров и кижское Преображение.

5. Куда ни направишь взор – всюду круг: его линией очерчивается бытие.

Круг и космологичен, и онтологичен.

Давно осознана связь между симметрией и красотой.

Всего симметричнее вакуум. Греки его знали как хаос – буквально *зиянье*. Симметрия пустая, ничтожная! Она находится вне эстетики – вообще за рамками восприятия.

Другое дело, когда – парафраз А. Ф. Лосева – на фоне хаоса себя *вырезает* космос.

Сферический, кругообразный космос!

¹⁵ Там же. С. 250.

Именно он воспринимался эллинами как максимум красоты.

Точно сказано – вырезает: это волевая – креативная – акция. Она предполагает и выемку из пустоты, и её заполнение материей, и художническое структурирование аморфной *ύλη*.

Это активное *определение* – разумное *ограничение* – софийное *оформление*.

Рождается *форма*.

Она есть условие эстетики – её сущая *causa causarum*.

Эстетика круговых движений находится в фокусе античного мироощущения.

Платон пишет в «Эпиномисе»: «...всякая *геометрическая фигура*, любое сочетание чисел или *гармоническое единство* имеют сходство с *кругообращением звёзд*»¹⁶.

Сфера – самое симметричное тело.

Круг – самая симметричная фигура.

Небу – круглое, земле – квадратное.

Эта оппозиция прочно утвердилась в культуре.

Будучи привязаны к земной плоскости существования, мы тем не менее стремимся к небесному совершенству, стараемся подражать высшей красоте. Хотим воспроизвести её в дольных измерениях!

В этом дерзком *мимезисе* себя утвердила Эллада.

Византия и Русь унаследовали экстремальную установку.

Жажда абсолютной и безусловной красоты – а такая связана с небом – имманентна православному сознанию.

Культовая архитектура эволюционирует в этом направлении. *Прямоугольное* в ней или замещается, или дополняется *круговидным*.

Небесный идеал остаётся *асимптотой*. Она недостижима. Но бесконечное приближение к ней является стимулом для творчества.

У дерева есть естественная – весьма ограниченная – мера гнуптия.

Как плотнику построить круглый в плане храм?

Бревно кондовой сосны искривлению не поддаётся.

Решение – вот: рубленый *восьмерик*.

Древле устанавливаемый прямо на земле, он так и назывался: «*восьмерик от пошвы*».

Башня ветров в Афинах

Эта форма считается исходной.

Никольский храм в Лявле построен в 1589 г. Поначалу он был выше – учтём и осадку, и брентность нижних венцов: не всегда была возможность их заменить. Несмотря на потерю в высотности, мощный 8-гранный столп сохраняет весь свой антригравитационный потенциал – работает на преодоление земной тяжести.

Вздыхающая порывность! Мы воспримем её, глядя на храм снаружи. А внутри мы уже почти небожители: трансцендентная цель близка – касания нездешней благодати всё ощутимей.

Высокое – выпретенное – запредельное: душа народа испытывала в этом неотменимую потребность.

Восьмериковый храм тянется к небу и как бы отражает его: устанавливает геометрическое – пусть приблизительное, асимптотическое – отношение подобия между ним и собой.

Это миссия храмов: призывать небо на землю – поднимать землю к небу.

И спуск, и восхождение должны осуществляться уверенно. Никак не вслепую! Для этого необходима отлаженная система ориентации. Она изначально закладывается в структуру храма. Глядя на него, мы можем обойтись без компаса: углы и грани, оси и диагонали помогут нам выявить страны света не хуже магнитной стрелки.

Храм изоморфен миру.

Он даёт представление о мире – помогает определиться в мире.

Далёким предком восьмериковой Преображенки является афинская Башня ветров. Она была построена из того же мрамора, что

¹⁶ Платон. Послезаконие. Соч. Т. 3, ч. 2. М., 1972. С. 502.

и Парфенон, – снежно-белый камень добывался в славной горе Пентеликон. Вдохновил строительство астроном Андроник из Кирры. Оно закончилось в середине I века до н. э. Иногда встречаешься с более ранней датировкой.

О башне пишут: «древнейший метеорологический памятник». По сути, это была огромная буссоль. Высота – 12 м, диаметр – 8 м! По восьми граням башни определялись азимуты. Откуда дует? Аллегорические изображения на фризе выполняли функцию румбов.

Для воображения греков характерен антропоморфизм.

Они вочеловечивали ветра.

Приведём параллельно два списка ветров – древнегреческий и севернорусский.

<i>Северный</i>	<i>Борей</i>	<i>Сиверко</i>
<i>Северо-восточный</i>	<i>Кекий</i>	<i>Моряна</i>
<i>Восточный</i>	<i>Апелиот</i>	<i>Всточник</i>
<i>Юго-восточный</i>	<i>Эвр</i>	<i>Обедник</i>
<i>Южный</i>	<i>Нот</i>	<i>Летник</i>
<i>Юго-западный</i>	<i>Липс</i>	<i>Шелоник</i>
<i>Западный</i>	<i>Зефир</i>	<i>Западъ</i>
<i>Северо-западный</i>	<i>Скирон</i>	<i>Голомяник</i>

Вспомним, что творение Андроника стало образцом для двух примечательных сооружений, выполняющих схожие функции: обсерватории Радклиффа в Англии (1794) и Башни ветров в Севастополе (1849).

Почему мы так пристально всмотрелись в античный восьмерик?

Ведь и Преображенка – будто роза ветров. Звездоподобная, восьмилучевая!

Так она смотрится сверху – из точки зенита.

Деревянные храмы Русского Севера ещё и навигационные приборы: они проявляют структуру Универсума и с максимальной точностью вписывают в неё человека.

Если принять гипотезу Платона, согласно которой космос есть организм, и если наделить его Нусом Анаксагора или Логосом Гераклита, то можно сказать так: в храмах – через храмы – он познаёт себя. Это называется спонтанным моделированием: великое повторяет себя в малом – будто хочет посмотреть на своё подобие со стороны.

Вот Нус глядит на Преображенку – и она ему заменяет зеркало: отражает строй космического

мышления. Разве нельзя из неё эксплицировать ключевые симметрии и пропорции мироздания? Храм их высвечивает и закрепляет – по нему можно изучать *Harmonia Mundi*.

Преображенка обращает нас и к небу, и к земле.

Народное зодчество неотъемлемо от народной геодезии.

Храм ещё и репер, и отвес! Он работает с пространством – он организует его.

Восьмерики на этой стезе являются отличным инструментарием.

6. Воспроизведём схему строительства Преображенской церкви. Она проста:

восьмерик + восьмерик + восьмерик.

Говорят, что Николай Клюев, поэт Кижей, бывал в Китае, – у него много соответствующих аллюзий:

*Китай за чайником мурлычет,
Чикаго смотрит чугуном...
Не Ярославна рано кычет
На забороле городском.*

Вот и мы сейчас процитируем *Дао-Дэ-Цзин*:

*Дао порождает одно.
Одно порождает два.
Два порождает три.
Три порождает мириады существ¹⁷.*

Эта арифмология заложена в Преображенку. Она и проста, и фундаментальна. Единое – его раздвоение – выход на триаду: таков алгоритм диалектического становления, уже известный и Лао-цзы, и Пифагору.

Человека всегда влекла мистика чисел.

Мы и сегодня охотно играем в бисер (Г. Гессе). Культурное зодчество даёт для этого много поводов.

Одноглавие – трёхглавие – пятиглавие – девятиглавие: на эти структуры хорошо ложатся различные сакральные смыслы.

Но надо помнить: структуры – в их формальной схематике – первичны. Тогда как

¹⁷ Мистерия Дао. Перевод с древнекитайского и исследование А. А. Маслова. М., 1996. С. 258.

значения наслаиваются позже. Причём они могут варьировать, сменяя друг друга, – как в зависимости от конъюнктуры, так и по прихоти наших ассоциаций.

Неисчерпаем тезаурус триады! Диапазон широчайший: от Святой Троицы – до трёхмерности пространства. Преображенка вводит в этот ряд свои три яруса.

А тетрактида? Четыре евангелиста – четыре первоэлемента – четыре страны света – четыре времени года – четыре части симфонии и т. д. Эту последовательность Преображенка дополняет количеством своих прирубов.

Числа помогают выявлять единство в разнообразии. Обычно это весьма абстрактные изоморфизмы. Не зацикливаясь на них, обратим внимание на динамический аспект проблемы: формообразование – математично. Морфогенез Преображенки тут не является исключением.

Известен афоризм Пифагора: «*Числа правят миром через свойства геометрических фигур*». Они это делают эффективно! Главным их методом являются *преобразования*. Если строительство храма представить как органический рост, то мы увидим закономерную, изнутри упорядоченную серию трансформаций. Среди них пусть наше внимание остановит упомянутая выше *прогрессия*.

Как органично три восьмерика *вырастают друг из друга!*

Преображенка биологична.

О ней хочется говорить в терминах ботаники – системные аналогии напрашиваются сами собой.

Восточная трава *кунжут* (*Sesamum orientate L.*) интересна для нас своим восьмигранным стеблем. Междоузлия – как звенья: их радиус убывает с движением вверх. В самоорганизации Преображенки мы видим нечто подобное. Тут одна логика формы – один алгоритм прогрессии. Архитектоника задаётся условиями роста в полях тяготения.

Вертикаль для биосферы Земли – своего рода аттрактор: живое тянется ввысь.

Эту тенденцию раньше всех проявили растения.

Её поддержали наши предки, перейдя к прямохождению. И однажды начав строить зиккураты, пирамиды! В деревянном

зодчестве Русского Севера она получила необычайное усиление – категория высотности ёмко и точно схватывает основное устремление человека.

Фундаментальные архетипы действуют и в природе, и в культуре.

Среди них мы выделим сейчас архетип лестницы.

Позвоночное животное – или членистобельное растение: метамерная – лестницепоподобная – структура определяет их морфологию.

Архетип лестницы, будучи осознан человеком, быстро получает одухотворение.

Читаем в Библии про опыт Иакова: «*И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх её касается неба; и вот, Ангелы Божию восходят и нисходят по ней*» (Быт. 28 :12–16).

Культура норовит приставить лестницу к небесам – вывести её в трансцендентные измерения.

Порой эти попытки экстремальны!

Результат плачевен: обрушение Вавилонской башни.

Однако небо не теряет своей магнитной силы.

Преображенка притягивается к нему.

Пирамида восьмериков – и четыре бочечных каскада: архетип лестницы реализуется дважды, порождая изумительный по красоте контрапункт.

Будем исходить из того, что центральная глава в завершении православных храмов – символ Бога.

Бог есть любовь (1 Ин 4 : 8).

Удивительно, что у Платона по иерархической лестнице познания – ко всё более и более общим идеям – человека возводит любовь. Читаем в «Пире»: «*Вот каким путём нужно идти в любви – самому или под чьим-либо руководством: начав с отдельных проявлений прекрасного, надо всё время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх – от одного прекрасного тела к двум, от двух – ко всем, а затем от прекрасных тел к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь наконец, что же это – прекрасное*»¹⁸.

Преображенка содействует этому познанию.

¹⁸ Платон. Пир. Соч. Т. 2. М., 1970. С. 142.

В кульминации нашего подъёма чувство красоты получает полное удовлетворение.

Загадочно созвучье между Платоном и Иоанном Синайским – в конце «Лествицы» мы находим такое обращение к любви: «*Но желаю я узнать, как видел Тебя Иаков утверждённую на верху лествицы? Скажи мне, какой был вид онаго восхождения? Что означает самый образ лествицы, и расположение степеней ее, тех восхождений, которые полагал в сердце своём (Пс 83 : 6) некий любитель красоты Твоей? И сколько их числом, жажду узнать? И сколько времени требуется на восхождение оной?*»¹⁹.

Две лестницы – языческая платоновская и христианская иоанновская – вовсе не расходятся в стороны, а, скорее, конвергируют.

Дионисий Ареопагит – и Иоанн Лествичник: между ними много перекличек. Оба видят бытие как иерархию. Однако нельзя не заметить, что на архетип лестницы у того и другого накладывается печать их личностей – конструкции получают разные, как бы авторские.

У Дионисия Ареопагита лестница построена из трёхступенчатых маршей.

Это система триад.

Она структурирует горние сферы – высвечивает их упорядоченность.

Вот наилучший образец для подражания!

Главное ощущение, на котором ловишь себя при подъёме вслед за Дионисием Ареопагитом, – быстрое нарастание освещённости.

На определённом рубеже физический свет переходит в свет метафизический.

Внизу мерцание светляка – вверху сияние серафима.

Разные уровни!

Однако Дионисий убеждён: между ними нет принципиального разрыва – от красоты природной мы уверенно и успешно поднимаемся к божественной красоте. Первая является рефлексом второй.

Это называется *анагогическим* – ступенчатым – восхождением.

Именно этот момент Ареопагитик вдохновил аббата Сюжера на создание готики. Сколько мистериальных лестниц взметнула в небеса средневековая Европа! За кафедрами Шартра и Кёльна, Реймса и Милана,

Дарема и Вены стоит философия Дионисия Ареопагита.

На Руси тоже читали корифея апофатического богословия.

Во фресках церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода (60 – 80-е гг. XIV в.) специалисты усматривают влияние Ареопагитик.

Северный нестяжатель Нил Сорский впитал их идеи.

Духовной опорой стали они для протопopa Аввакума.

Тяготела к ним Выгореция – до Кижей совсем недалеко.

Дионисий Ареопагит находился под сильным впечатлением *эманационной лестницы неоплатонизма*: свет нисходит вниз, умаляясь и убывая с каждой градацией.

Он окончательно сходит на нет в мороке материи.

Дионисий Ареопагит перевернул – инверсировал – эту лестницу! У неоплатоников *minor* – в Ареопагитиках *major*.

Падение сменяется на подъём.

Путь в небо открыт.

Нужна подсобная лестница?

Преображенка – лучшая среди них: идея анагогического восхождения воплощена в ней адекватно.

7. Известны попытки редуцировать многоглавие Преображенки к языческим источникам. Это правомерно в плане системного подхода, но сомнительно с точки зрения филогенеза. У язычества и христианства немало общих архетипов. На этой основе возможны самые разнообразные конвергенции. Порой они интереснее, чем прямая преемственность.

Православный храм антропоморфен.

Два множества элементов – архитектурных и анатомических – могут быть поставлены во взаимоднозначное соответствие.

Если главке соответствует *κεφαλή*, то многоглавию – поликефалия.

Этот феномен культуры имеет вес архетипа.

Божества-поликефалы известны в разных регионах. Выстраивая их в нарастающую последовательность, мы получаем уже известный нам арифмологический ряд. Будучи индифферентным по отношению к своему предметному наполнению, он снова показы-

¹⁹ Иоанн Синайский. Лествица. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898. С. 250.

вает нам, что числовое становление универсально и однотипно.

Приведём славянские примеры:

2-главие – *Двуглав (Чернобог и Белобог)*,

3-главие – *Триглав*,

4-главие – *Святовит*,

5-главие – *Поревит*,

7-главие – *Ругиевит*.

Вот как Святовита описывает А. Ф. Гильфердинг, хорошо известный нам по Кижам: *«Здесь, среди великолепного храма, стоял идол Святовита, огромный, свыше человеческого роста, с четырьмя головами на четырёх отдельных шеях, смотревшими врознь, с обритыми бородами и остриженными волосами, по обычаю Ранского народа»*²⁰.

Святовит похож на Збручского идола, найденного незадолго до штудий А. Ф. Гильфердинга – в 1848 г. Ныне подлинность этого знаменитого артефакта поставлена под сомнение. Возможна подделка. Типа краледворской рукописи, но только теперь в области пластики.

Вокруг славянских богов – это модная тема – много псевдологии.

Однако вряд ли можно усомниться в свидетельстве Саксона Грамматика. В «Деяниях Даннов», описывая разрушение храмов в Коренице в 1168 году, он рисует такую картину: *«Отряд спутников [епископа] рьяно двинулся к изваянию Поревита, которое почиталось в ближайшем храме. Он был изображен с пятью головами, но безоружным. Срубив его, вошли в храм Поренута»*²¹.

Семантика поликефалии связана с идеей полноты, избыточности, всеохватности.

Бытие стремится умножить себя.

Авторедупликация – полимеризация – пролиферация: это витальное – это то, что выражает сущность жизни.

Покрова на Рву – и Преображенка: нам явлены ещё и храмы плодородия, славящие вегетацию как таковую – энергию роста, цветения. Жизнь антиэнтропийна. Печальным следствиям, вытекающим из второго закона термодинамики, она противопоставляет чудо самовоспроизведения – достигает бессмертия на родовом уровне.

Этот мотив неявно присутствует в многоглавии Преображенки.

Вероятно, может показаться рискованным предположение, что глубинно она связана с матриархатом – с культом живородящего женского начала. Подобные гипотетические связи нельзя провести однозначно. Если они и существуют, то залегают в коллективном бессознательном – действуют априорно, исподволь.

Интересно, что «Песнь о Великой Матери» Николая Клюева начинается с картины Онега, в которой доминируют Кижы:

*Эти притчи – в день Купалы
Звон на Кижях многоглавых,
Где в горящих покрывалах,
В заревых и рыбьих славах
Плещут ангелы крылами.*

В поэме много аллюзий матриархата.

Дух этой эпохи передаёт *полимастия* – *многогрудие*. Вспомним образ Артемиды Эфесской.

Северные многоглавия – возвращение по спирали к исходному: первые русские храмы имели сложные завершения.

В 989 г., сразу вслед за принятием христианства, новгородцы построили – аккуратно над рекой Волховом, в конце улицы Пискупли (Епископской) – деревянную Софию о *«тринадцати верхах»*. Срубленная из дуба, она сгорела в 1045 г.

Многоглавия Онега стали анамнесисом новгородской Софии?

Активная фаза этого своеобразного припоминания пришлась на XVII в. Девятиглавия мы встречаем в кубоватом зодчестве Поонежья. Здесь другая структурная основа, нежели в анхимовском и кижском храмах, но идея проявлена. И ведь как убедительно! В развитии многоглавия мы видим замечательный параллелизм: условия для него с одинаковым успехом создают и кубоватые, и восьмериковые храмы.

В становлении многоглавия есть глубокая логика. М. В. Красовский считал, что её можно высвечивать, не считаясь с хронологической последовательностью. Вот что он пишет о Никольской церкви Оштинского погоста (1791): *«Хотя церковь Оштинского погоста построена почти на целое столетие позднее тех,*

²⁰ Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. Собр. соч. Т. 4. М., 1874. С. 161.

²¹ Саксон Грамматик. Деяния даннов. [Эл. ресурс]. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Поревит

Чухчерьма. Архангельская губ. Ильинская церковь. Почтовая открытка (из коллекции Ю. В. Линника)

которые являются образцами окончательно сложившегося стиля многоверхих храмов и к обзору которых мы сейчас перейдём, тем не менее мы считаем себя вправе рассмотреть её предварительно, так как она повторяет, по-видимому, архитектурный приём более древних, не дошедших до нас церквей, строители которых, всё ещё сохраняя пятиглавие, нашли для себя новые формы, которые заставляют считать эти церкви, а вместе с ними и позднюю их копию, т.е. Церковь Оштинского погоста, последней ступенью к церквам многоверхим»²².

В эту линию, игнорирующую временной порядок, М. В. Красовский вводит ещё два храма – Покровский в Кижях (1764) и Богоявленский в Лядинах (1793). Получается обращённый перечень дат: 1793–1791–1764–1714. Кого-то может шокировать эта парадоксальная ретроспектива. Но подход М. В. Красовского воистину философичен. Ноуменальное он ставит выше феноменального.

Думается, что у зодчих, создававших многоглавия, не было программной установки:

заложить в них конкретные смыслы – увязать через число с теми или иными реалиями.

Симметрия тут превалировала над семантикой.

Пятиглавие хорошо вписывается в квадратный план, девятиглавие – в октогональный.

Содержательное – вторично.

Первенствует имманентное самостановление формы.

Легенды утверждают: и к анхимовскому, и к кижскому дивам причастен Пётр I – якобы это был его замысел. Его предназначение!

Это представление интересно в аспекте мифогенеза. Само по себе оно кажется крайне наивным. У императора были совсем другие вкусы. Об этом хорошо пишет Н. И. Исцеленнов в своей поэме «Кижь»:

*Собор Петра и Павла в крепости на устье
Как кирку протестантскую возводит.*

Всё, что у ней и будет для красы:

Игла.

Как мачта корабля

На небо вознесётся,

И мачта та на небе

Любимее царю

Исконных наших глав.

Возможность для подобного сравнения некогда давал и Петрозаводск. Основатель города самочинно выбрал стилистику местного Петропавловского собора (1703–1711). Это был новоманерный храм. Есть тут и крещатый план, и горка восьмериков. Но что может быть чужероднее Преображенки?

Летом 1877 г. на почтовом дилижансе в Петрозаводск прибыл Л. В. Даль. Первое, что он сделал, – обмерил четырёхъярусный Петропавловский собор. Потом сразу отправился в Кижь. Там его ждали совсем другие впечатления.

8. Николай Клюев на берегах Онего живо ощущал веянье Индии. Читаем в его стихах:

А в хлевушке, где дух вымян,

За удоем кривая Лукерья.

Вьявь прозрела Индийских стран.

Самоцветы, парчу и перья.

²² Красовский М. В. Курс истории русской архитектуры. Часть I. Деревянное зодчество. П., 1916. С. 288.

Или ещё:

*Певчим цветом алмазно заиндевел
Надо мной древосложный навес,
И страна моя, Белая Индия,
Преисполнена тайн и чудес.*

Лев Владимирович Даль воспринимал Кижы в схожем духе. Ему казалось: сквозь Преображенку проступают индийские пагоды – и своим далёким брезгом указуют на её праисторические корни.

С этого начиналось изучение русской архитектуры: настойчиво проводилась мысль, что источники у неё восточные, азиатские.

А. П. Брюллов писал: «...в стиле церковной Русской архитектуры ясно видны следы восточного вкуса и большое сближение с индейскою архитектурою; пришлецы каменщики могли внести этот вкус, не чуждый оригинальности, но вовсе лишённый отчётливости в частях»²³.

Где была потеряна эта отчётливость?

На долгом пути миграции стиля из Индии на Русь?

Так или иначе, но проводимые здесь аналогии отличаются размытостью, зыбкостью – искомое сходство не удаётся навести на резкость. И всё же ассоциативные сближения отнюдь не беспочвенны.

Как нам кажется, определённое сходство с Преображенкой имеют прежде всего *гопурамы* – надвратные башни святилища.

Обычно это четверики в плане.

Из них вырастают многоярусные конусы.

Наверху – цилиндрическое покрытие: оно похоже на нашу бочку.

Бросим взгляд на храм Вирупакши в Хампи – его история восходит к VII в.

Тетрагон здесь превращается в октагон? Выступы храма хочется сопоставить с прирубами.

На выразительный силуэт Вирупакши хорошо накладывается Преображенка. Как и Покров на Рву.

В связи с этим храмом И. Е. Забелин писал: «...тот же Василий Блаженный, отличается пирамидальным складом как в главной

Заостровье. Архангельская губ. Почтовая открытка (из коллекции Ю. В. Линника)

постройке, так и в целом, во всей группе сооружения, что ближе всего напоминает индейские пагоды»²⁴.

В среде компетентных историков и археологов созревает желание чётче проследить предполагающиеся связи и зависимости. В 1871 году Петербургская академия художеств принимает решение командировать в Индию академика Л. В. Даля. Цель формулируется так: «для изучения архитектурных памятников, могущих служить археологии разработкой материалов для основания русского архитектурного стиля»²⁵.

Л. В. Дали торопят с выбором маршрута.

Тот экстренно изучает английский язык, штудировать литературу за последнее десятилетие – это был период интенсивных исследований индийского зодчества.

Подход Л. В. Даля широк: он читает Веда, Махабхарату, Рамаюну – хочет ввести в общекультурный контекст свой будущий поиск.

Почему намерения академии изменились? Её конференц-секретарь Петр Федорович Исеев 21.03.1872 г. оповещает: «До настоящего времени предположение о посылке академика Даля в Индию ещё не получило окончательного разрешения»²⁶.

Экспедиция не состоялась.

Но спустя несколько лет Л. В. Далию предстоит увидеть *Белую Индию*.

²³ Энциклопедический лексикон Плюшара. СПб., 1835. Т. 3. С. 275.

²⁴ Забелин И. Е. Черты московской самобытности. М., 2007. С. 439–440.

²⁵ Медведев Ю. М. Вся красота поднебесная // Родина. 2003. № 11. С. 136–138.

²⁶ Цит. по: Филатов Н. В. Лев Владимирович Даль. Нижний Новгород, 1999. С. 82.

Индия. Храм Вирупакиши в Хампи

Ректор академии А. И. Резанов 13.02.1877 г. издаёт приказ о поездке Л. В. Даля на Север. В помощники ему придаются прежние сотрудники В. П. Леонов и Б. К. Веселовский.

Однако обстоятельства сложатся так, что путешествие он совершит один – и оно станет первооткрытием народного зодчества Русского Севера.

Приведём отрывок из записей Л. В. Даля – речь идёт о Муромском монастыре: *«Лес употреблён на постройку твёрдый, самая постройка отличается по отзывам посещавших храм археологов старинным, ныне оставленным способом: соединением брёвен в пазах и углах. Сомнения в том, что церковь смогла сохраниться свыше 500 лет в настоящем виде быть не может. Во времена преподобного Лазаря в девственных*

лесах Обонежья можно было выбрать хороший строительный материал, при этом грунт земли, на которой стоит церковь, состоит из песка, не промерзающего даже зимою. На древность постройки указывают и хранящиеся в сенях двери (теперь они приставлены к стене у входа), которые не привешены были на железных петлях и крюках, а врублены выдающимися концами в желобки. Наконец, самая миниатюрность церкви и недостаток железа указывают, что церковь строилась давно, при скудных средствах»²⁷.

Обратная дорога пройдёт через Ошту, Белозерск, Кириллов, Вологду.

Свои северные зарисовки Л. В. Даль покажет осенью на Санкт-Петербургской технической выставке в Соляном городке.

Оформит экспозицию И. Н. Петров-Ропет. Он многое почерпнёт из работ старшего коллеги.

27.03.1878 г. жизнь Л. В. Даля пресечётся.

Более полувека Кижи будут ждать нового внимания к себе.

В 1904 г. их посетит и запечатлеет И. Я. Библибин.

И. Э. Грабарь, М. В. Красовский, Ф. А. Калинин, Л. М. Лисенко, Б. В. Гнедовский, Л. Петтерссон, А. В. Ополовников, К. Н. Афанасьев, В. А. Крохин, В. П. Орфинский, М. И. Мильчик, А. В. Попов: низкий поклон всем исследователям и защитникам Преображенки.

²⁷ Цит. по: Филатов Н. В. Лев Владимирович Даль. Нижний Новгород, 1999. С. 101–103.

Сокращения

АКНЦ – Научный архив Карельского научно-го центра РАН (Петрозаводск)

ГАОО – Государственный архив Архангельской области (Архангельск)

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)

ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева (Москва)

ГПНТБ СО РАН – Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

ГРМ – Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея (Москва)

ГЭ – Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)

ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск)

КарНЦ РАН – Карельский научный центр РАН

КГКМ – Карельский государственный краеведческий музей (ныне – Национальный музей Республики Карелия, Петрозаводск)

МАЭ – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

МГУЛ – Московский государственный университет леса (Москва)

МИИРК – Музей изобразительных искусств Республики Карелия (Петрозаводск)

НА МЗК – Научный архив музея-заповедника «Кижы» (Петрозаводск)

НБ МЗК – Научная библиотека музея-заповедника «Кижы» (Петрозаводск)

НА РК – Национальный архив Республики Карелия (Петрозаводск)

НА СПб ИИ РАН – Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)

НМ РК – Национальный музей Республики Карелия (Петрозаводск)

ОГВ – Олонецкие губернские ведомости

ПетрГУ – Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск)

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы

ФМК – Фонды музея-заповедника «Кижы»

ЦМИАР – Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (Москва)

Сведения об авторах

Воробьёва Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, начальник отдела истории и этнографии музея-заповедника «Кижы»,

Герман Константин Энрикович – кандидат исторических наук, доцент, начальник отдела хранения фондов музея-заповедника «Кижы»,

Гущин Борис Александрович – старший научный сотрудник отдела истории и этнографии музея-заповедника «Кижы»,

Гущина Виола Анатольевна – старший научный сотрудник отдела истории и этнографии музея-заповедника «Кижы»,

Дудинова Тина Юрьевна – ведущий методист отдела организации экскурсий музея-заповедника «Кижы»,

Калашникова Регина Борисовна (1952–2005) – кандидат филологических наук, исследователь народной культуры Карелии, в 1972–2005 гг. – сотрудник музея-заповедника «Кижы»,

Кистерная Маргарита Васильевна – кандидат технических наук, старший научный сотрудник отдела учета и хранения недвижимых памятников музея-заповедника «Кижы»,

Кожевникова Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ПетрГУ,

Козлов Валерий Александрович – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института леса КарНЦ РАН,

Крохин Владимир Анатольевич (1924–2009) – архитектор-реставратор, исследователь деревянной архитектуры Русского Севера,

Кузнецова Валентина Павловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник фонотехнического архива ИЯЛИ КарНЦ РАН,

Линник Юрий Владимирович – доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник Национального парка «Водлозерский»,

Любимцев Александр Юрьевич – главный хранитель недвижимых памятников музея-заповедника «Кижы»,

Мельников Игорь Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе музея-заповедника «Кижы»,

Муллонен Ирма Ивановна – доктор филологических наук, профессор, директор ИЯЛИ КарНЦ РАН,

Набокова Ирина Игоревна – зав. сектором научно-экспозиционной работы отдела истории и этнографии музея-заповедника «Кижы»,

Новиков Юрий Александрович – доктор филологических наук, профессор Вильнюсского педагогического университета,

Пашков Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории дореволюционной России ПетрГУ,

Пермиловская Анна Борисовна – доктор культурологии, главный научный сотрудник

Института экологических проблем Севера УрО РАН (Архангельск),

Пигин Александр Валерьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики ПетрГУ,

Платонов Владимир Георгиевич – кандидат искусствоведения, хранитель коллекции древнерусского искусства МИИРК,

Пуцко Василий Григорьевич – научный сотрудник Калужского областного художественного музея,

Скопин Виталий Александрович – реставратор памятников деревянного зодчества, директор ООО «АРЦ „Заонежье“» (Петрозаводск),

Смирнов Юрий Иванович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва),

Спиридонов Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ПетрГУ,

Тарасова Татьяна Геннадьевна – хранитель фондов музея-заповедника «Кижи»,

Трифонова Людмила Викторовна – старший научный сотрудник отдела истории и этнографии музея-заповедника «Кижи»,

Фролова Галина Ивановна – хранитель фондов музея-заповедника «Кижи»,

Харебова Людмила Станиславовна – хранитель фондов музея-заповедника «Кижи»,

Хартанович Валерий Иванович – кандидат исторических наук, зав. отделом антропологии МАЭ РАН (Санкт-Петербург),

Чусов Алексей Александрович – реставратор памятников деревянного зодчества, зам. директора ООО «АРЦ „Заонежье“» (Петрозаводск),

Широбоков Иван Григорьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела антропологии МАЭ РАН (Санкт-Петербург).

Содержание

От составителя	3
Из истории Преображенской церкви	
<i>В. А. Гущина, Б. А. Гуцин</i> Очерк истории Преображенской церкви на острове Киж	6
<i>В. А. Крохин</i> О формообразовании Кижского ансамбля	23
<i>Л. В. Трифонова</i> Из истории Кижского прихода XVI–XX столетий	33
<i>Р. Б. Калашиникова</i> Заонежские священники (конец XVIII – первая треть XX в.)	42
<i>А. М. Пашиков</i> Описание Кижского прихода середины XIX века из фонда Е. В. Барсова в Государственном историческом музее	52
<i>Т. Г. Тарасова</i> Коллекция фотоматериалов «Кижский архитектурный ансамбль» в фондах музея-заповедника «Киж»	59
<i>Т. Ю. Дудинова</i> Деятельность финских исследователей по изучению и сохранению памятников архитектуры и искусства на территории Заонежья в годы оккупации (1942–1944 гг.)	74
<i>А. Б. Пермиловская</i> Культурный код в горизонте понимания народной архитектуры Русского Севера	79
Иконописное убранство	
<i>Г. И. Фролова</i> История внутреннего убранства Преображенской церкви (обзор архивных источников)	100
<i>В. Г. Платонов</i> Иконописное убранство храмов Кижского погоста в XVI–XVII веках	114
<i>В. Г. Пуцко</i> Иконостас Преображенской церкви Кижского погоста и интерьер северорусского храма XVII–XVIII вв.	124
<i>В. Г. Платонов</i> Отражение тенденций развития русской культуры XVIII века в эволюции художественного убранства Преображенской церкви Кижского погоста	132

<i>В. А. Гущина</i> Художественное убранство Преображенской церкви Кижского погоста (тябловый и резной иконостасы, живопись «неба»)	136
Сохранение и реставрация Преображенской церкви	
<i>А. А. Чусов, В. А. Скопин, А. Ю. Любимцев</i> О реставрации церкви Преображения Господня на о. Киж	148
<i>А. Ю. Любимцев</i> Сохранение Преображенской церкви	158
<i>М. В. Кистерная, В. А. Козлов</i> Качество древесины Преображенской церкви	164
<i>Л. С. Харебова</i> Чертежи А. В. Ополовникова в фондах музея-заповедника «Киж»	171
Киж: археология, история, топонимика	
<i>И. В. Мельников, К. Э. Герман</i> Археологические древности первобытной эпохи окрестностей острова Киж	182
<i>А. М. Спиридонов</i> Кижские древности эпохи Средневековья	195
<i>В. И. Хартанович, И. Г. Широбоков</i> Первые материалы по палеоантропологии населения Кижского архипелага (по результатам охранных раскопок у церкви Преображения Господня 2006–2009 гг.)	204
<i>К. Э. Герман</i> Кресты-гельмики с Кижского погоста	216
<i>И. И. Муллонен</i> Заонежье на топонимической карте российского Северо-Запада	221
<i>С. В. Воробьева</i> Деревни Кижской волости в XVI – начале XX в. (по архивным источникам)	229
<i>С. В. Воробьева, А. В. Пигин</i> Материалы к изучению истории крестьянских семей Заонежья (синодики-помянники XVII–XIX веков)	257
<i>Ю. Н. Кожевникова</i> Сельская поземельная община Заонежья в 80-е гг. XIX в. (по документам из карельского собрания ИРЛИ РАН)	281
Фольклорное наследие Кижей	
<i>В. П. Кузнецова</i> Фольклорное наследие Кижской волости	290
<i>И. И. Набокова</i> Предания острова Киж: святые люди на святой земле	304
<i>Ю. А. Новиков</i> Христианская вера, монастыри и храмы в былинах	311
<i>Ю. И. Смирнов</i> Былина «Дюк Степанович» в передаче Трофима Рябинина	327
Вместо заключения	
<i>Ю. В. Линник</i> Преображенка	338
Сокращения	355
Сведения об авторах	356

Научное издание

**Церковь Преображения Господня
на острове Киж:**
300 лет на заонежской земле

Сборник статей

Составление и подготовка
Мельников Игорь Валерьевич

Дизайнер Лобанов С. В.
Корректор Порывакина Е. Е.

Подписано в печать 05.12.2014. Формат 60x90/8.
Уч.-изд. л. 37,8. Тираж 500 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный
историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник „Киж“»

Россия, Республика Карелия,
185035, г. Петрозаводск, пл. Кирова, 10а
Тел./факс: (8142) 78-48-51, 78-35-91
<http://kizhi.karelia.ru>

Отпечатано в ООО «Кириллица»
603105, г. Н. Новгород, переулок Бойновский, д. 9